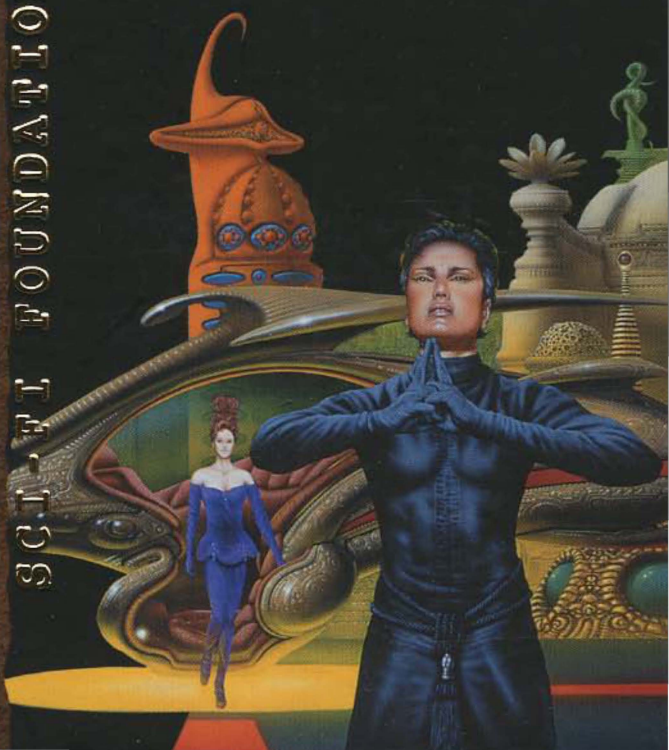
Весь

САЙМАК

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCIENCE FOUNDATION

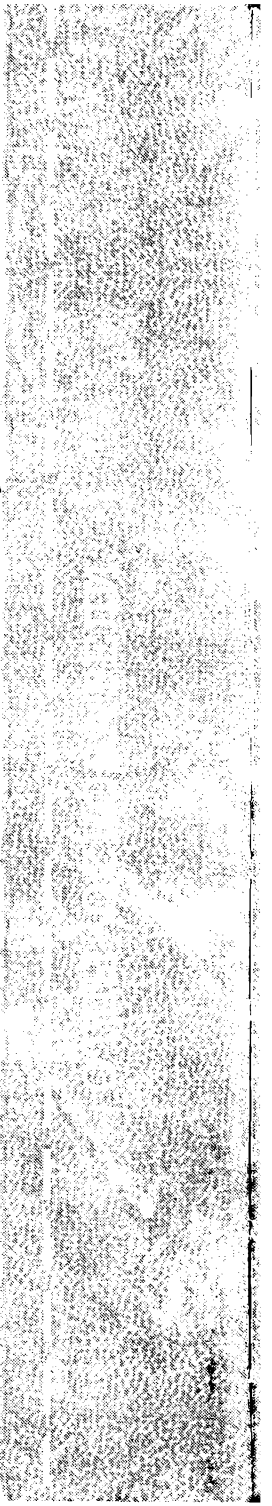
Весь

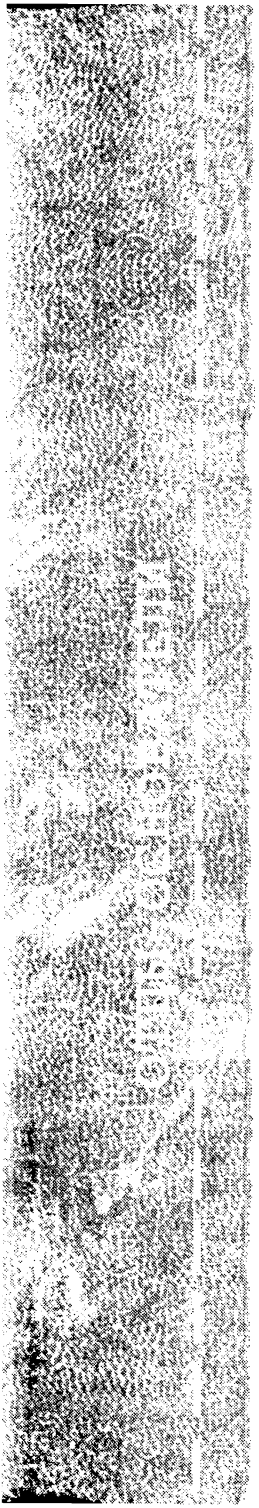
САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ
ПОЧТИ КАК ЛЮДИ
ИГРУШКА СУДЬБЫ
ЗАПОВЕДНИК ГОБЛИНОВ
ИСЧАДИЯ РАЗУМА
ЗВЕЗДНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Клиффорд

САЙМАК

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Москва
Эксмо
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2006

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
С 12

CLIFFORD D. SIMAK

Short Stories

© by Clifford D. Simak

Составитель А. Жикаренцев

Оформление художника А. Саукова

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Игра в цивилизацию: Фантастические рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Домино, 2006.— 816 с. — (Отцы-основатели. Весь Саймак).

ISBN 5-699-11248-0

Любое произведение непревзойденного мастера фантастики Клиффорда Саймака независимо от его объема — истинный шедевр. Каждое из них уникально по сюжету и воплощению замысла. И в то же время все они обладают одной особенностью: заставляют читателя задуматься о непреходящих ценностях цивилизации и последствиях их утраты, о восхитительной красоте окружающего мира и роли человека в ее сохранении и, наконец, о будущем Вселенной.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© ООО «Издательство «Домино», 2005
© Перевод. О. Битов, Е. Ванслова, И. Васильева, С. Васильева, Т. Гинзбург, В. Гольдич, И. Гурова, Н. Евдокимова, Л. Жданов, Д. Жуков, П. Кириллов, А. Корженевский, К. Кузнецов, И. Можейко, И. Оганесова, В. Романов, А. Ставиская, 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ISBN 5-699-11248-0

1

Она совсем не похожа на человека, которому требуется сновидение. Впрочем, чужая душа — потемки, решил про себя Норман Блейн.

Он записал ее имя в блокнот, а не на бланк; записывал медленно, аккуратно, чтобы дать себе время подумать. Что-то тут не вяжется.

Люсинда Сайлон.

Странное имя, вроде как ненастоящее. Больше похоже на сценический псевдоним, за которым скрывается обыкновенная Сьюзен Браун или Бетти Смит.

Писал он медленно, но мысли в голове все равно путались и сбивались. Слишком много их накопилось: не давали покоя слухи о должностных пертурбациях — они уже не первый день витают по Центру, причем в них фигурирует и его фамилия. Беспокоил совет, данный ему недавно,— странный, мягко говоря, совет: «Не доверяйте Фаррису (можно подумать, он когда-нибудь доверял Фаррису!) и не спешите соглашаться, если должность предложат вам». Совет был дан из дружеских побуждений, но что толку?

А еще из головы не выходил встреченный утром на автомобильной стоянке человечек. Вот липучка! Так вцепился в лацканы плаща, что Блейну еле удалось его стряхнуть. И еще он думал о том, что вечером у него свидание с Гарриет Марш.

И вдобавок ко всему — эта женщина, сидящая за столом напротив.

Хотя при чем тут она? Глупо смешивать ее с собственными проблемами, которые теснятся в голове, как бревна на лесо-

сплаве. Никакого отношения она к ним не имеет — просто не может иметь.

Люсинда Сайлон, значит. Что-то в самом имени и в интонации — певучей, намеренно подчеркивающей его необычность и изысканность,— насторожило Блейна. В мозгу еле слышно зазвенели тревожные колокольчики.

— Вы из Развлечений? — Он задал вопрос небрежно, как бы между прочим. Каверзные вопросы надо задавать умеючи.

— Нет. С чего вы взяли? — удивилась она.

Прислушиваясь к тону голоса, Блейн не уловил ни малейшей фальши. Она заметно польщена и обрадована его предположением, и это вполне естественно. Так реагируют почти все клиенты: приятно, когда тебя, пусть даже по ошибке, принимают за члена легендарной гильдии Развлечений. Что ж, польстим ей еще немножко, нас не убудет.

— Я готов был поклясться, что вы из Развлечений.— Он пристально следил за выражением ее лица, не оставляя, впрочем, без внимания и другие приятные глазу детали.— Мы тут наловчились разгадывать людей с первого взгляда. Мы редко ошибаемся.

Она даже глазом не моргнула. Никакой реакции — ни смущения, ни испуга. Медового цвета волосы, синие, как китайский фарфор, глаза, молочно-белая кожа — на нее хотелось посмотреть еще раз, чтобы убедиться в ее реальности.

Да, такие клиенты у нас бывают нечасто, подумалось Блейну. У нас в основном старые, больные, разочарованные. Те, кто отчаялся и потерял надежду.

— И все же на сей раз вы ошиблись, мистер Блейн,— сказала она.— Я из Просвещения.

Он записал в блокноте: «Просвещение»,— и сказал:

— Наверное, это из-за имени. Красивое у вас имя и запоминается легко. Мелодичное. Хорошо звучало бы на сцене.— Он оторвал взгляд от блокнота и добавил, улыбаясь (заставляя себя улыбаться, несмотря на растущее внутреннее напряжение): — Хотя, конечно, дело не только в имени.

Она не улыбнулась в ответ, и Блейн встревожился: неужели он ляпнул какую-то бестактность? Он быстро прокрутил в уме свои реплики и решил, что был вполне корректен. Бестактного человека не назначат начальником Фабрикации. На такой должности надо уметь обращаться с людьми — и он, Блейн,

умеет. И собой управлять тоже надо уметь: управлять выражением лица, когда говоришь одно, а думаешь совсем о другом.

Нет, его слова были комплиментом, и совсем даже неплохим. Она должна была улыбнуться! Но не улыбнулась. Что за этим кроется? Или не кроется ровным счетом ничего — просто его собеседница умна, вот и все. Норман Блейн не сомневался в том, что Люсинда Сайлон умна — и к тому же поразительно хладнокровна. Таких клиентов у него еще не бывало.

Хотя само по себе хладнокровие не такая уж и редкость. Некоторые приходят сюда по трезвом размышлении, прекрасно осознавая, на что идут. А другие просто сжигают за собой все мосты.

— Вы хотите заказать сон? — спросил он.

Она кивнула.

— И сновидение?

— И сновидение,— подтвердила она.

— Надеюсь, вы все тщательно взвесили. Вы, разумеется, не пришли бы к нам, если бы у вас оставались хоть какие-то сомнения.

— Я все взвесила,— сказала она.— И у меня нет никаких сомнений.

— Но время у вас тем не менее еще есть. Вы имеете право передумать даже в самый последний момент. Пожалуйста, не забывайте об этом.

— Я не передумаю.

— И все же мы предпочитаем исходить из того, что вы можете это сделать. Вас никто не отговаривает, просто мы хотим, чтобы вы как следует уяснили: вы вольны в своих решениях. У вас нет перед нами никаких обязательств. Как бы далеко ни зашел процесс, вы ничего нам не должны. Даже если сон будет сфабрикован и оплачен и вы уже войдете в хранилище, вы и тогда имеете право отказаться. Мы уничтожим ваш сон, вернем деньги и ликвидируем все записи. Словно вы к нам никогда и не обращались.

— Я все поняла.

— Ну, раз поняли, тогда продолжим.

Он взял карандаш, записал ее имя и классификацию на бланке-заявке.

— Возраст?

— Двадцать девять.

— Замужем?
— Нет.
— Дети?
— Нет.
— Ближайшие родственники?
— Тетя.
— Имя?
Он записал имя, а также адрес и классификацию тети.
— Другая родня есть?
— Нет.
— Ваши родители?
Родители давно умерли, сказала Люсинда Сайлон. Она единственный ребенок в семье. Она продиктовала имена родителей, их классификацию, возраст, последнее место жительства, место погребения.
— Вы все это проверяете? — спросила она.
— Мы проверяем абсолютно все.
Тут клиенты — даже те, кому нечего было скрывать,— обычно начинали нервничать и лихорадочно рыться в памяти, пытаясь выкопать из ее глубин какой-нибудь давно забытый проступок, который при проверке может заставить их устыдиться или даже помешает заключению договора.
Люсинда Сайлон была совершенно спокойна. Просто сидела и ждала следующих вопросов.
Норман Блейн их задал: номер ее гильдии, номер удостоверения, непосредственный начальник, дата последнего медицинского обследования, физические и психические заболевания или отклонения и прочая, и прочая, все житейские подробности.
Закончив, он положил карандаш.
— По-прежнему никаких сомнений?
Она помотала головой.
— Я так настойчиво возвращаюсь к этому вопросу,— пояснил он,— только потому, что хочу убедиться, что вы пришли к нам сознательно и добровольно. Иначе наша гильдия потеряет легальный статус. И, кроме того, это вопрос этики...
— Я понимаю,— сказала она.— Мораль у вас на высоте.
Это что — ирония? Если да, то весьма тонкая. А может, она и правда так считает? Ладно, замнем для ясности.

— Безусловно,— сказал он.— А как же иначе? Чтобы выжить, нашей гильдии необходимо придерживаться самых высоких моральных принципов. Вы на долгие годы отдаете нам на хранение свое тело. Больше того, в каком-то смысле вы отдаете нам и свое сознание. В процессе работы мы узнаем множество интимных подробностей вашей жизни. Чтобы продолжать заниматься своим делом, мы должны завоевать абсолютное доверие не только клиента, но и всего общества в целом. Малейший намек на скандал...

— А что, скандалов у вас никогда не бывает?

— Было несколько, но очень давно. Они уже забыты. По крайней мере, мы так надеемся. Те давние скандалы заставили нашу гильдию осознать, насколько важна для нас безупречная профессиональная репутация. Для любой другой гильдии скандал — всего лишь обычный юридический процесс. Суд решит, кто прав, кто виноват, а потом все будет прощено и забыто. Но нам ничего не простят и не забудут; мы такого просто не переживем.

Норман Блейн почувствовал внезапный прилив гордости за свою работу. Гордости и удовлетворения, какие обычно испытывает человек, мастерски делающий свое дело. Он знал, что его чувства разделяют все сотрудники Центра. Конечно, вслух об этом никто не говорит, но за внешне шутливыми разговорами и повседневными хлопотами каждый в глубине души гордится своей принадлежностью к гильдии Сновидений.

— Вы, похоже, очень преданный человек. У вас в гильдии все такие? — спросила она.

Опять издевка? Или просто ответная лесть? Он улыбнулся краешками губ.

— Преданные? Ну, не знаю. Мы просто не думаем об этом.

Он, конечно, немного покривил душой: все они порой об этом думали. Слов таких, естественно, никто не произносил, но мысль жила в душе у каждого.

И что самое странное, беззаветной преданности и профессиональной гордости ничуть не мешали ни свирепая конкуренция внутри Центра, ни безжалостный стиль руководства.

Взять, к примеру, того же Римера. Несмотря на солидный стаж работы, его не моргнув глазом отстраняют от должности. Это уже ни для кого не секрет, Центр просто гудит от слухов. Говорят, к увольнению Римера как-то причастен и Фаррис, и

сам Лью Гиси. Называли и другие имена. А Блейна многие считали одной из вероятных кандидатур на вакантную должность. Правда, сам он никогда не лез в закулисную политику Центра: больно уж хлопотное это занятие. Его вполне устраивает нынешняя работа.

Хотя, что ни говори, а приятно было бы занять место Римера. Как-никак, повышение по службе, да и зарплата будет побольше. И может быть, тогда удастся уговорить Гарриет бросить репортерскую работу и...

Он оборвал свои мечтания и вернулся мыслями к женщине, сидевшей напротив.

— Вы должны четко осознать все последствия своего поступка,— сказал он.— Вы отдаете себе отчет, что проснетесь в совершенно чужом для вас мире? Вы будете спать, но планеты-то не остановятся, и развитие цивилизации, даст бог, тоже. Изменится почти все: манеры поведения, мода, образ мышления, речь, представления о будущем. Мир обгонит вас, вы будете в нем старомодной чужестранкой.

В обществе возникнут проблемы, о которых мы не имеем ни малейшего представления. Изменятся система правления, обычаи, традиции. То, что для нас сейчас неприемлемо, может стать совершенно обычным, а то, что мы считаем естественным, сделается преступным и недозволенным. Все ваши друзья умрут...

— У меня нет друзей,— сказала Люсинда Сайлон.

Он пропустил ее реплику мимо ушей и продолжал:

— Я хочу, чтобы вы поняли: проснувшись, вы не сможете сразу окунуться в новую жизнь. Привычный для вас мир сгинет с лица земли задолго до вашего пробуждения. Вам придется пройти курс адаптации, а для этого понадобится время. Продолжительность курса будет зависеть в какой-то степени и от вас, но больше от того, насколько велики окажутся перемены в общественной жизни. Ведь мы не только обязаны ознакомить вас с самим фактом этих перемен, мы должны помочь вам их принять. И пока вы не привыкнете к новой информации, не впитаете ее, мы вас не выпустим. Чтобы жить полноценной жизнью в незнакомом мире, вы должны стать его неотъемлемой частью. А это процесс зачастую и длительный, и болезненный...

— Я все понимаю,— сказала она.— Я готова принять любые ваши условия.

Люсинда Сайлон не колебалась ни секунды, не обнаруживала ни малейших признаков нервозности или сожаления. Она была так же спокойна и невозмутима, как и в начале беседы.

— А теперь назовите мне причину,— сказал Блейн.

— Причину?

— Причину, побудившую вас заказать себе сон. Мы должны знать.

— Вы и ее будете проверять?

— Будем. Видите ли, мы должны быть абсолютно уверены. Вы даже не представляете, какие разные причины приводят к нам людей.

Он продолжал говорить, давая ей время собраться с мыслями и сформулировать причину. Чаще всего именно этот вопрос был самым трудным для клиентов.

— К нам приходят неизлечимые больные,— рассказывал он,— и мы заключаем с ними контракт не на какой-то определенный срок, а до тех пор, пока не будет найдено лекарство от их болезни. Другие клиенты хотят дождаться возвращения своих близких из сверхсветовых космических полетов. А есть и такие, кто, вложив капитал в какое-то дело, желает проснуться миллионером. Обычно мы стараемся их отговорить. Призываем на помощь экономистов, и те с цифрами в руках доказывают, что...

Она прервала его:

— Такой причины, как тоска, для вас достаточно?

Он записал «тоска» в графе «причина» и отодвинул бланк в сторону.

— Вы можете подписать его позднее.

— Я подпишу сейчас.

— Мы предпочли бы немного подождать.

Блейн крутил в руках карандаш, пытаясь разобраться: почему эта клиентка вызывает в нем такую настороженность? Что-то с Люсиндой Сайлон было не так, но что — хоть убей, непонятно. Он был уверен, что в конце концов докопается до истины, благо опыт работы с клиентами у него — дай бог каждому.

— Если желаете,— сказал он,— мы можем обсудить сновидение. Обычно мы не делаем этого сразу, но...

— Давайте обсудим,— согласилась она.

— Сновидение заказывать вовсе не обязательно. Некоторые клиенты предпочитают сон без сновидений. Только не подумайте, будто я что-то имею против сновидений: наоборот, часто они клиентам только на пользу. Но и в простом сне вы не будете ощущать течение времени. Час или век пролетят для вас как одна секунда. Вы заснете и тут же проснетесь — вот и все...

— Я хочу сновидение,— сказала она.

— В таком случае мы будем рады предложить вам свои услуги. Вы можете сказать, какое сновидение вам бы хотелось?

— Спокойное. Спокойное и приятное.

— Никаких приключений, потрясений?

— Совсем чуть-чуть, чтобы не завянуть от скуки. Но, пожалуйста, что-нибудь поизящнее.

— Может быть, светское общество? — предложил Блейн.— Такое, знаете, где придают огромное значение манерам.

— И, если можно, без всякой конкуренции. Чтобы никто никого не пихал локтями.

— Старинный особняк с раз и навсегда заведенным порядком,— продолжал Блейн.— Высокое положение в обществе, благородные семейные традиции. Неплохой доход, позволяющий не думать о деньгах.

— Звучит немного старомодно.

— Но вы сами этого хотели.

— Да, верно. Мне хотелось знаете чего? Чего-то такого... необычайно приятного. Такого, что может...— Она рассмеялась.— Что может присниться только во сне.

Он посмеялся вместе с ней.

— Значит, годится? Мы можем изменить детали, осовременить их.

— Нет-нет, меня устраивает ваш вариант.

— Полагаю, вы захотите стать немного моложе? Скажем, шестнадцать-семнадцать вместо двадцати девяти?

Она кивнула.

— Ну а красивой вы останетесь в любом случае, чего бы мы ни напридумали.

Она не отреагировала.

— Тьма поклонников,— продолжал он.

Она кивнула.

— Сексуальные приключения?

— Можно, только не переборщите.

— Все будет пристойно,— пообещал он.— Вы не пожалеете. Мы сделаем вам такое сновидение, за которое вам не придется краснеть. Вы всегда будете вспоминать о нем с удовольствием. Само собой, не обойдется без небольших разочарований и сердечных мук; счастье не может длиться вечно, иначе оно протухнет. Даже в сновидении должны быть какие-то ориентиры для сравнения.

— Я всецело полагаюсь на вас.

— Что ж, тогда мы немедленно приступим к работе. Вы сможете зайти денька через три? Мы подготовим набросок и вместе его проглядим. Может понадобиться не менее шести... как бы это сказать... примерок, что ли... прежде чем получится полностью удовлетворительный результат.

Люсинда Сайлон встала и протянула руку. Ее пожатие было крепким и дружеским.

— Я сейчас же зайду в кассу и заплачу,— сказала она.— Благодарю вас от всей души.

— Не стоит торопиться с оплатой.

— Нет, я буду себя чувствовать увереннее, если заплачу сейчас.

Норман Блейн проводил ее взглядом и сел в кресло. Зажужжало переговорное устройство.

— Я слушаю вас, Ирма.

— Заходила Гарриет,— доложила секретарша.— Но вы были заняты с клиенткой, и я не решилась вас беспокоить.

— Чего она хотела?

— Просто просила передать, что не сможет сегодня вечером поужинать с вами. У нее встреча с какой-то шишкой из Центавра.

— Ирма,— сказал Блейн,— позвольте мне дать вам один совет: никогда не крутите романов со Связью. Уж больно ненадежный там народ.

— Вы все время забываете, мистер Блейн, что я замужем за Транспортом.

— Действительно, забываю.

— Тут в приемной Джордж с Хербом. Они мутузят друг друга и катаются по полу. Заберите их от греха подальше, пока они меня не довели.

— Пускай заходят,— сказал Блейн.

— У них вообще-то все дома?

— Вы имеете в виду Джорджа и Херба?

— Кого же еще?

— Конечно, Ирма. Просто у них такой стиль.

— Вы меня утешили,— сказала секретарша.— Сейчас выпихну их к вам.

Двое фабрикаторов зашли в кабинет и вольготно расселись в креслах. Джордж швырнул Блейну папку

— Сновидение Дженкинса. Только что закончили.

— Этот тип хотел участвовать в большой охоте,— добавил Херб.— Мы ему состряпали целый сценарий.

— Все как в жизни,— с гордостью заявил Джордж.— Ничего не упустили. Сунули его в джунгли, добавили туда жары, грязи и насекомых и напичкали окрестности кровожадными хищниками. За каждым кустом его будет ждать какая-нибудь кошмарная тварь.

— Это не охота,— сказал Херб,— а вечное сражение. Когда он не трясется от страха, то улепетывает со всех ног. Черт меня побери, если я упомню еще одного такого клиента.

— У нас кого только не бывает,— заметил Блейн.

— Да уж. Но мы любого уделаем.

— В один прекрасный день,— сухо сказал Блейн,— вы, ребята, доиграетесь до того, что вас вышвырнут в Физкультуру.

— Черта с два! — сказал Херб.— В Физкультуру не берут без медицинского образования. А мы с Джорджем даже палец толком забинтовать не умеем.

Джордж пожал плечами:

— Вам не о чем беспокоиться. Мирт все уладит. Если мы перегнули палку, она смягчит сценарий.

Блейн отложил папку в сторону.

— Я введу его сегодня вечером перед уходом.— Он взял в руки блокнот.— А здесь у меня для вас совсем другое задание. Прежде чем приступать к нему, пригладьте свои вихры и станьте пай-мальчиками.

— Это для дамочки, которая только что отсюда вышла?

Блейн кивнул.

— Для нее я бы состряпал такое сновиденьице!..— заявил Херб.

— Ей нужен покой и достоинство,— предупредил Блейн.— Галантное общество. Что-то вроде современной версии плантаторской эры середины девятнадцатого века. Никакой грубо-

сти — сплошные магнолии, белые колонны и лошади на зеленой траве.

— И ликеры! — подхватил Херб.— Океан ликеров. Бурбон, листья мяты и...

— Коктейли,— поправил его Блейн.— И к тому же не слишком много.

— Жареные цыплята,— вступил в игру Джордж.— Арбузы. Лунный свет. Катание на лодках по реке. Дайте мне, я это сделаю!

— Не заводись. У тебя неверный подход: нужно медленнее и проще. Без спешки. Представь себе нежную мелодию — нечто вроде вечного вальса...

— Можно ввести туда войну,— предложил Херб.— В те времена воевали галантно. Кавалеристы в расшитых мундирах...

— Она не хочет войны.

— Но нужно же хоть какое-то действие!

— Никаких действий — или совсем чуть-чуть. Ни волнений, ни сражений. Сплошная элегантность.

— И мы,— скорбно добавил Джордж,— все в грязи и только что из джунглей.

Снова зажужжало переговорное устройство.

— Вас хочет видеть бизнес-агент,— сказала Ирма.

— О'кей, передайте ему...

— Он хочет видеть вас немедленно.

— Ах-ах! — сказал Джордж.

— Норм, вы всегда были мне симпатичны,— сказал Херб.

— Хорошо,— сказал Блейн.— Передайте: я сейчас приду.

— И это после стольких лет,— пожаловался Херб.— Стараешься, режешь ближним глотки, втыкаешь в спины кинжалы, чтобы пробиться наверх,— и вот результат!

Джордж провел указательным пальцем по горлу и издал шипящий звук, имитируя бритву, врезающуюся в плоть.

Шутники!

2

Лью Гиси был бизнес-агентом гильдии Сновидений. Много лет подряд он правил гильдией — правил железным кулаком и обезоруживающей улыбкой. Был предан своему делу и требо-

вал преданности от других. Был скор на расправу, решительно и строго наказывал провинившихся и не скупился на награды достойным.

Работал он в богато убранном кабинете, но за обшарпанным столом. Стол был для него символом — или напоминанием — той жестокой борьбы, которую ему пришлось выдержать, чтобы достичь своего нынешнего положения. За этим столом он начинал свою карьеру; стол кочевал за ним из кабинета в кабинет, пока Лью Гиси локтями пробивал себе путь наверх. Стол был потрепан и покрыт шрамами (в отличие от своего владельца), словно именно он принимал на себя удары, предназначенные его хозяину.

Но этот удар он не смог принять на себя — сидевший в кресле за столом Лью Гиси был мертв. Голова его упала на грудь, руки лежали на подлокотниках, а пальцы все еще цеплялись за дерево.

Он выглядел спокойным и умиротворенным, так же как и сама комната — будто кто-то наконец дал ей передышку после стольких лет бурных сражений. Теперь она отдыхала, наслаждаясь покоем, словно понимая, что передышка будет недолгой. Пройдет немного времени, и новый человек придет сюда, сядет за стол — очевидно, уже за другой стол, ибо кто же захочет сидеть за обшарпанным столом Лью Гиси? — и вновь начнется бой и закипят страсти.

Норман Блейн остановился на полпути между дверями и столом; тишина, царившая в комнате, и голова, склоненная на грудь, без слов рассказали ему о случившемся.

Блейн стоял, прислушиваясь к тихому тиканью настенных часов. Обычно их не было слышно — их заглушали другие звуки. В приемной через коридор стрекотала пишущая машинка, доносился даже отдаленный шелест машин, мчащихся по магистрали, идущей мимо Центра.

Он подумал, почти бессознательно: «Смерть, тишина и покой троицей неразлучной ходят, не разнимая рук». И тут осознание происшедшего сжало мозг кольцом леденящего страха.

Он осторожно шагнул вперед. Звуки шагов утонули в толстом ворсе ковра. Блейн все еще не понимал, что попал в очень двусмысленное положение: что несколько минут назад бизнес-агент вызвал его к себе; что именно он нашел мертвое

тело; что его присутствие в кабинете может показаться подозрительным.

Он подошел к столу, к тому краю, где стоял телефон, и, услыхав голос оператора, попросил:

— Охрану, пожалуйста.

В трубке раздался щелчок, чей-то голос произнес:

— Охрана слушает.

— Фарриса, пожалуйста.

Блейна начала бить дрожь; мускулы на руках непроизвольно сокращались, лицевые мышцы нервно подергивались. Он почувствовал, что задыхается; желудок сдавили спазмы, к горлу подступил тугой комок, во рту внезапно пересохло. Он крепко стиснул зубы и усилием воли укротил взбунтовавшиеся мышцы.

— Фаррис у телефона.

— Это Блейн из Фабрикации.

— Привет, Блейн. Чем могу помочь?

— Гиси вызвал меня к себе. Я пришел в кабинет, но патрон мертв.

— Вы в этом уверены?

— Я не дотрагивался до него. Он сидит в кресле. Но мне кажется, что он мертв.

— Кто-нибудь еще знает?

— Нет. В приемной сидит Даррелл, но...

— Вы не вскрикнули, увидев труп?

— Нет. Я позвонил вам.

— Молодец! Сразу видно, что у человека есть голова на плечах. Оставайтесь на месте. Никому ничего не говорите, никого не впускайте и ни к чему не прикасайтесь. Мы сейчас будем.

Раздался щелчок, и Норман Блейн опустил трубку на рычаг.

В комнате по-прежнему было тихо — она застыла в ожидании, наслаждаясь последними мгновениями покоя. Скоро сюда нагрянет Фаррис со своими головорезами, и начнется настоящее светопреставление.

Блейн тоже застыл в ожидании, нерешительно стоя у стола. Теперь, когда выдалась свободная минута для размышлений, когда прошел первоначальный шок, когда реальность происшедшего начала проникать в глубины сознания, оттуда выползли на свет новые страхи.

А поверят ли ему, что Гиси был уже мертв? Или потребуют доказательств?

«Зачем патрон хотел вас видеть? — спросят его.— Как часто он вызывал вас к себе раньше? Вы имеете хоть какое-то представление о том, зачем вы ему понадобились?

Он хотел объявить о поощрении? Или взыскании? Сделать предупреждение? Обсудить новую технику? А может, в вашем отделе что-то не ладилось? Какие-то упущения в работе? Или не в работе, а в личной жизни? Может, вы в ней запутались?»

Представив себе этот допрос, он покрылся холодным потом.

Фаррис — дотошный малый. Должность у него такая. Начальник Охраны не может не быть дотошным — а также неумолимым и беспощадным. Принимая этот пост, человек одновременно принимает на себя и всеобщую ненависть, защитой от которой может служить лишь столь же всеобщий страх.

Охрана, конечно, необходима. Несмотря на четкую и эффективную деятельность, гильдия сама по себе организация громоздкая и рыхлая. Кто-то должен присматривать в ней за порядком, разоблачать интриги, предотвращать предательства и пресекать утечку информации, чтобы у сотрудников не возникало соблазна поделиться ею с другими гильдиями. Преданность сотрудников должна быть вне подозрений, а значит, без железного кулака не обойтись.

Блейн чуть было не оперся рукой о стол, но вовремя вспомнил, что ему велели ни к чему не прикасаться.

Он отдернул руку, и она повисла вдоль тела каким-то ненужным придатком. Блейн сунул ее в карман, но лучше не стало. Тогда он завел обе руки за спину, сжал ладони и начал покачиваться взад-вперед в мучительном раздумье.

Потом резко обернулся и взглянул на Гиси. Блейну вдруг показалось, что патрон вовсе не умер. Что сейчас Гиси поднимет голову, разожмет вцепившиеся в подлокотники пальцы и посмотрит прямо на него. Как он тогда будет изворачиваться и чем объяснит свой звонок в Охрану — одному богу известно!

Да нет, изворачиваться не придется. Гиси мертв.

И тут впервые Блейн увидел не одного только покойника, а всю картину целиком. Труп перестал притягивать к себе взгляд единственным жутким магнитом, и Блейн увидел человека, сидящего в кресле, увидел, что кресло стоит на ковре, покрывающем пол...

На столе валялась ручка с отвинченным колпачком — видимо, скатилась с кипы бумаг. Рядом лежали очки Гиси, а возле них стоял стакан с остатками воды на донышке и пробка от графина, из которого Гиси недавно налил себе воды.

А на полу, под ногами у мертвеца белел одинокий листок бумаги.

Блейн уставился на него: похоже, какой-то бланк, причем заполненный. Движимый необъяснимым любопытством, Блейн обошел вокруг стола и наклонился к листочку, пытаясь разобрать почерк. В глаза бросились четко выведенные буквы: «Норман Блейн»!

Он быстро нагнулся и поднял с ковра листок. Это оказался официальный бланк, датированный позавчерашним днем и утверждавший Нормана Блейна в должности начальника Архива гильдии Сновидений начиная с завтрашнего дня. Тут же стояла подпись и печать: значит, бланк зарегистрирован.

То, о чем давно уже шептались в Центре, наконец свершилось! Преемник Джона Римера назначен.

Блейна захлестнуло победное чувство. Значит, они все-таки выбрали его! Его, а не кого-то другого! И это не просто победа. Он не только получил повышение, он получил еще и ответ на все возможные вопросы Охраны.

«Зачем он вас вызвал?» — спросят они. Теперь ответ у него в кармане.

Вернее, сейчас будет в кармане. Надо поторопиться, времени в обрез.

Блейн положил бланк на стол, загнул треть листочка и провел по сгибу пальцем, стараясь делать это аккуратно. Затем сложил пополам оставшиеся две трети, сунул бланк в карман и, повернувшись лицом к двери, приготовился ждать.

В ту же минуту в кабинет ворвались Фаррис и шестеро его головорезов.

3

Фаррис был настоящим профессионалом. Первоклассный полицейский с очень выигрышной для его работы внешностью преподавателя колледжа: небольшого росточка, волосы зализа-

ны назад, водянистые глаза рассеянно моргают за стеклами очков.

Удобно устроившись в кресле за своим столом, он сложил на животе руки.

— Мне нужно задать вам пару вопросов,— сказал он Блейну.— Пустая формальность, разумеется. Ясно как божий день, что это самоубийство. Отравление. Что за яд — покажет лабораторная экспертиза.

— Понятно,— отозвался Блейн.

И подумал: «Еще бы не понятно! Знаем мы ваши приемчики. Сначала усыпить в человеке бдительность, а потом неожиданно врезать под дых!»

— Мы с вами работаем вместе уже давно,— продолжал Фаррис.— Ну не совсем вместе, конечно, но под одной крышей и во имя общей цели. До сих пор у нас не возникало разногласий. Надеюсь, не возникнет и теперь.

— Я в этом уверен,— ответил Блейн.

— Вы сказали, что получили бланк с назначением в конверте по внутренней почте.

Блейн кивнул:

— Он, наверное, с самого утра уже был в ящике. Просто я не сразу добрался до почты.

Так оно и было: Блейн действительно проглядел почту лишь в десять утра. И, что важно, внутренняя почта не регистрировалась. А уборщики, что не менее важно, приходили к Блейну в кабинет и опустошали мусорные корзинки ровно в 11.30. Сейчас уже четверть первого; значит, все содержимое его корзинки давно сгорело.

— И вы просто сунули бланк в карман и забыли о нем?

— Я не забыл. Но в тот момент у меня была клиентка. Когда она ушла, пришли двое моих фабрикаторов. Мы обсуждали очередное задание, и тут Гиси вызвал меня к себе.

Фаррис кивнул:

— Вы полагаете, он хотел поговорить с вами о назначении?

— Так я решил, во всяком случае.

— А раньше он обсуждал с вами этот вопрос? Вы были в курсе, что патрон выбрал вас?

Норман Блейн покачал головой:

— Для меня это был полнейший сюрприз.

— Приятный сюрприз, разумеется?

— Естественно. Работа интереснее, зарплата больше. Кому же не нравится повышение по службе?

Фаррис задумался.

— А вам не показалось странным, что уведомление о назначении на должность — причем на такую ответственную должность! — было послано, как простая бумажка, по почте?

— Конечно показалось. Я очень удивился.

— Удивились — и только?

— Я уже говорил вам: я был занят. А потом — что, по-вашему, я должен был сделать?

— Ничего,— сказал Фаррис.

— Вот и я так решил,— сказал Блейн и подумал: «Попробуй докажи, что это неправда!»

Он почувствовал мимолетное облегчение, но тут же подавил его. Рано радоваться.

Хотя пока что у Фарриса нет против него ни единой улики. Бланк в полном порядке, подписан и заверен. Сегодня в полночь он, Норман Блейн, станет законным начальником Архива. Конечно, доставка такого документа с почтой — вещь необычная, но как бы Фаррис ни старался, ему ни в жизнь не доказать, что Блейн не мог получить бланк по почте.

Интересно, что было бы, если бы Гиси не умер? Объявил бы патрон о назначении или отменил его? Может, на него надавили бы и заставили поменять кандидатуру?

Блейн услышал голос Фарриса:

— Я знал о предстоящих переменах. С Римером в последнее время стало невозможно работать. Я говорил об этом с Гиси, и не я один. Патрон упомянул вас в числе людей, на которых можно положиться, но ничего более определенного я от него не слышал.

— Так вы не знали о его решении?

— Нет,— покачал головой Фаррис.— Но я рад, что он выбрал вас. Мне по душе люди вашего склада. Я и сам реалист, так что мы сработаемся. Думаю, нам с вами многое надо обсудить.

— Я к вашим услугам,— отозвался Блейн.

— Если сможете, загляните ко мне вечерком. Все равно когда, я весь вечер буду дома. Знаете, где я живу?

Блейн кивнул и встал.

— А по поводу самоубийства патрона не переживайте,— добавил Фаррис.— Лью Гиси был отличный мужик, но свет клином на нем не сошелся. Мы все его уважали. Представляю, какой это был для вас шок — наткнуться на мертвое тело.— Он помолчал немного, раздумывая, продолжать или не стоит, потом все-таки сказал: — И насчет своего назначения не волнуйтесь. Я поговорю с преемником Гиси.

— Вы имеете представление о том, кто это будет?

У Фарриса еле заметно дрогнули веки, глаза утратили обычную рассеянность, стали жесткими, пронзительными.

— Ни малейшего,— ответил он.— Преемника назначит Исполнительный совет, а кого именно — понятия не имею.

«Не имеешь ты, как же!» — подумал Блейн.

Вслух он сказал:

— Вы уверены, что это самоубийство?

— Абсолютно. У Гиси было больное сердце, и он об этом знал.— Фаррис встал, надел форменную фуражку.— Мне нравятся люди, у которых быстро варит котелок. Продолжайте в том же духе, Блейн, и мы с вами поладим.

— Не сомневаюсь.

— Так не забудьте: жду вас сегодня вечером.

— До встречи,— попрощался Блейн.

4

Липучка, приставший к нему нынче утром, появился на стоянке как раз в тот момент, когда Блейн припарковал машину. Как этот тип пробрался на стоянку — совершенно непонятно, но как-то он все-таки пробрался и затаился, поджидая свою жертву.

— Секундочку, сэр! — сказал липучка.

Блейн повернулся к нему. Человечек шагнул вперед и обеими руками крепко ухватился за лацканы плаща Блейна. Блейн отпрянул, но цепкие пальцы липучки не выпустили лацканы.

— Дайте пройти! — разозлился Блейн.

— Сначала выслушайте меня, сэр! — сказал человечек.— Вы работаете в Центре, и мне необходимо с вами поговорить. Если мне удастся убедить вас, значит, появится хоть какая-то надежда. Надежда! — Он говорил, обильно брызжа слюной.— На-

дежда на то, что и другие люди поймут: сновидения — это зло! Зло, которое развращает души! Сновидение дает возможность бежать от проблем и опасностей, закаляющих характер. Зачем бороться с трудностями, если можно просто удрать от них и погрузиться в сладкое забытье? Поверьте мне, сэр, сновидения — проклятие нашей цивилизации!

Услышав эти слова, Норман Блейн почувствовал прилив слепой холодной ярости.

— Отпустите меня! — сказал он таким тоном, что липучка разжал хватку и отступил назад.

Блейн, утирая лицо рукавом плаща, смотрел на человечка до тех пор, пока тот не дрогнул и не убежал.

До сих пор Блейну не приходилось сталкиваться с липучками, хотя он не раз о них слышал и посмеивался над рассказами коллег. Но то рассказы, а непосредственная встреча все-таки выбила его из колеи. Блейна ошеломил сам факт существования людей, которые осмеливались подвергнуть сомнению искренность и чистоту намерений гильдии Сновидений.

Он отогнал от себя неприятное воспоминание. Есть и другие вещи, поважнее, требующие осмысления. Смерть Гиси, подобранный с пола бланк, а главное — странное поведение Фаррис. Начальник Охраны вел себя так, будто между ним и Блейном существовало какое-то молчаливое соглашение. Словно его, Блейна, втягивали в какой-то гигантский и уже созревший заговор.

Он неподвижно сидел за столом, пытаясь понять, что происходит.

Будь у него тогда хоть немного времени, чтобы подумать, он ни за что не поднял бы с пола листок. А если бы и поднял, то непременно бросил бы его обратно. Но времени на размышления у него не оставалось. Фаррис со своими головорезами уже спешил в кабинет, где Блейн беспомощно стоял рядом с покойником — без всякого разумного объяснения, что он тут делает, без единого ответа на неизбежно возникающие вопросы.

Бланк стал для него и ответом, и оправданием. Более того — он предотвратил множество других вопросов, которые непременно возникли бы, если бы Блейн не сумел ответить на самые первые.

Самоубийство, сказал Фаррис.

Интересно, сказал бы он так, не будь у Блейна в кармане спасительного бланка? Может, самоубийство превратилось бы в убийство? Фаррис запросто мог воспользоваться невыгодными для Блейна обстоятельствами, чтобы сделать из него козла отпущения.

Начальник Охраны заявил, что ему нравятся люди, у которых быстро варит котелок. Тут он не врал, конечно. У него у самого котелок варит будь здоров: Фаррис настоящий мастер импровизации и любую ситуацию умеет обратить к собственной выгоде.

Да, верить ему нельзя ни на грош.

И вот что еще интересно: осталось бы назначение в силе, если бы Блейн не подобрал с ковра листок? Блейн отнюдь не тот человек, которого Фаррис выбрал бы в преемники Римера. Не исключено, что начальник Охраны просто уничтожил бы этот бланк и назначил бы кого-то из своих людей.

Но почему для Фарриса так важен этот пост? Какая ему разница, кто возглавляет Архив? Фаррис, конечно, ни словом не обмолвился, что это его волнует, но он был явно заинтересован, а Пол Фаррис никогда не интересуется пустяками.

Может, назначение как-то связано со смертью Гиси? Блейн встряхнулся. Что толку зря ломать голову? Все равно он не найдет сейчас ответа.

Самое главное — в должности он утвержден, несмотря на смерть патрона. Фаррис, похоже, не собирается ставить ему палки в колеса. По крайней мере, пока.

И все же надо быть начеку и не позволять простодушной внешности начальника Охраны ввести себя в заблуждение. У Пола Фарриса высокий полицейский чин, отряд преданных головорезов и широчайшие полномочия. Прирожденный политик, не слишком разборчивый в средствах, он всеми силами старается пробиться наверх, занять такое положение, которое удовлетворяло бы его амбициям.

Похоже, смерть патрона ему только на руку. Не исключено, что Фаррис в какой-то степени поспособствовал этой смерти, а то и просто организовал ее.

Самоубийство, сказал он. Отравление. Больное сердце. Сказать можно что угодно. Да, отныне надо быть начеку. Но вида не подавать. Не суетиться. И быть готовым к неожиданному удару. Главное — успеть отреагировать.

А теперь пора успокоиться и взять себя в руки. Сейчас об этом думать бесполезно. Вот когда — и если — появятся новые факты, тогда и будем думать.

Блейн взглянул на часы: четверть четвертого. Домой идти еще рано, да и работу надо закончить. Завтра он переберется в новый кабинет, но сегодня нужно сделать, что положено.

Он взял папку Дженкинса. Большая увлекательная охота, по словам двух весельчаков-фабрикаторов. Обещали, что клиент не соскучится.

Блейн открыл папку, пробежал глазами несколько страниц. Его передернуло.

Что ж, о вкусах не спорят.

Он вспомнил Дженкинса — массивный, зверского вида мужик. От его рыка в кабинете все стены тряслись.

Надо думать, сценарий ему понравится. Во всяком случае, что заказано, то и получено.

Блейн сунул папку под мышку и вышел в приемную.

— Мы только что узнали новость,— сказала Ирма.

— Про Гиси?

— Нет, о нем мы узнали чуть раньше. Ужасно жалко. Его, по-моему, все тут любили. Но я имела в виду другую новость. Почему вы нам сразу не сказали? Мы очень рады за вас.

— Спасибо, Ирма.

— Но мы будем по вам скучать.

— Очень мило с вашей стороны.

— Почему вы все держали в тайне? Почему не поделились с нами?

— Я сам узнал только сегодня утром. А потом был слишком занят. А потом Гиси позвонил.

— Охранники здесь все перевернули вверх дном, перетрясли все мусорные корзинки. Даже ваш стол, по-моему, обшарили. Какая муха их укусила?

— Обычная проверка.

Блейн вышел в коридор, чувствуя, как с каждым шагом вверх по позвоночнику ползет холодный страх.

Конечно, он и раньше догадывался, что Фаррис ему не верит. И про котелок, который быстро варит, сказано было неспроста. Но теперь не осталось никаких сомнений: Фаррис знает, что Блейн солгал ему.

Хотя — может, это даже к лучшему? Своей ложью Блейн поставил себя на одну доску с начальником Охраны. Фаррис теперь считает его чуть ли не своим человеком. Во всяком случае человеком, с которым можно иметь дело.

Но хватит ли у него духу продолжать игру? Сможет ли он выдержать?

«Спокойно, Блейн! — сказал он себе.— Не дергайся. Будь готов ко всему, но не показывай вида. Как в покере: никаких эмоций. Не зря же ты столько лет общался с клиентами!»

Он решительно зашагал вперед. Страх понемногу испарился.

Блейн спустился в машинный зал и, как всегда, почувствовал себя в плену у магии.

Вот она, Мирт — великая машина сновидений, непревзойденная мастерица, создающая «вторую реальность» из самых буйных фантазий клиентов.

Стоя в тишине зала, Блейн ощущал, как душу его наполняет покой, благоговение и нежность. Словно Мирт была богиней-матерью, заступницей, готовой в любой момент понять тебя и утешить.

Блейн покрепче прижал к себе папку и осторожно, стараясь не вспугнуть неловкими шагами тишину, пошел вперед. Поднялся по лесенке к огромной клавиатуре, сел в скользящее кресло. Кресло само передвигалось вдоль длиннющей контрольной панели, чутко реагируя на малейшее прикосновение оператора. Блейн прикрепил раскрытую папку к пюпитру и щелкнул тумблером. Индикатор замигал зеленым огоньком: машина свободна, можно вводить данные.

Блейн набрал на клавиатуре идентификационный код и задумался — он нередко сиживал так за машиной, погрузившись в размышления.

Вот чего ему будет не хватать на новой работе. Здесь он нечто вроде священнослужителя, он общается с загадочным, непостижимым божеством, перед которым благоговеет. Непостижимым потому, что ни один человек на свете не в состоянии полностью представить себе внутреннее устройство машины сновидений. Слишком она сложна и огромна, необъятна для человеческого мозга.

Компьютер со встроенным волшебством. В отличие от других, обыкновенных компьютеров, эта машина не подчиняется

формальной логике. Ее стихия — не факты, а воображение. Из введенных в нее символов и уравнений она сплетает удивительные истории и сюжеты. Проглатывает коды и формулы, а выдает сновидения и грезы.

Проворно передвигаясь вдоль контрольной панели, Блейн скармливал компьютеру новую информацию. Панель замерцала огоньками, где-то глубоко во чреве машины защелкали автоматические реле, приглушенно зажурчала побежавшая по цепям энергия, зажужжали контрольные счетчики, с еле слышным ворчанием пробудились к жизни бесчисленные файлы — и программа фабрикации сюжетов мурлыкнула, возвестив о своей готовности к работе.

Блейн сосредоточенно и усердно вводил страницу за страницей. Время остановилось, мир исчез; были лишь эта панель с бесконечными клавишами, кнопками и тумблерами да мерцание мириадов огоньков.

Наконец последний листок с тихим шелестом упал с голого пюпитра на пол. И тут же вернулось ощущение времени и пространства. Норман Блейн устало уронил руки на колени. Рубашка на спине взмокла от пота, влажные волосы прилипли ко лбу.

Машина загудела. Тысячи огней зажглись на панели — одни монотонно мигали, другие вспыхивали, словно молнии, и бежали искрящейся рябью. Зал наполнился гулом энергии, почти громоподобным, но даже сквозь этот гул Блейн различал деловитое потрескивание невообразимо быстро работающих механизмов.

Блейн через силу встал с кресла, подобрал упавшие листки, сложил их как попало, не глядя на нумерацию, и запихнул в папку. Потом прошел в конец машинного зала и остановился у застекленного стеллажа, где пленка наматывалась на катушку. Он завороженно глядел на крутящуюся пленку, привычно изумляясь тому, что на этой катушке помещается иллюзорная жизнь сновидения, которое может длиться сотню, а то и тысячу лет,— сновидения, сфабрикованного столь искусно, что оно никогда не потускнеет и до последней секунды будет живым и ярким.

Блейн начал уже подниматься по лестнице, но на полпути остановился и обернулся.

Сегодня он ввел в компьютер последнее в своей жизни сновидение; с завтрашнего дня у него будет другая работа. Он тихонько помахал рукой:

— До свидания, Мирт.

Мирт загудела в ответ.

5

Ирма взяла отгул, в кабинете не было ни души. Только письмо, адресованное Блейну, стояло на столе, прислоненное к пепельнице. Конверт был пухлый и зазвенел, когда Блейн взял его в руки.

Он надорвал конверт, и на стол с лязгом упало кольцо с множеством нанизанных ключей. За ними высунулся краешек сложенной записки. Блейн отодвинул ключи, вытащил записку и расправил листок.

Текст начинался без всякого вступления:

«Я заходил, чтобы отдать ключи, но не застал вас, а секретарша не знала, когда вы вернетесь. Я решил, что ждать не имеет смысла. Если захотите встретиться, я к вашим услугам.

Ример».

Блейн выпустил записку из рук, она плавно приземлилась на стол. Он взял ключи, несколько раз подбросил их в воздух и поймал, прислушиваясь к их звяканию.

Что, интересно, будет теперь с Римером? Придумают ему новую должность или переведут на какое-нибудь вакантное место? А может, Гиси собирался вообще выставить Римера за дверь? Да нет, вряд ли. Гильдия заботится о своих служащих и крайне редко вышвыривает их на улицу, разве что за очень уж серьезные прегрешения.

Да, кстати, а кто займет место начальника Фабрикации? Успел ли Лью Гиси перед смертью отдать распоряжение? На эту должность вполне годились и Джордж, и Херб, но ни один из них не обмолвился ни словечком. Если бы им сделали такое предложение, они бы наверняка проговорились, не утерпели бы.

Блейн прочел записку еще раз. Обычное деловое послание, никакого подтекста или завуалированных намеков.

Одному богу известно, какие чувства испытал Ример, узнав о своем внезапном отстранении от должности. По крайней мере из записки узнать об этом невозможно. А главное — почему его отстранили? В Центре давно уже сплетничали о грядущих должностных перемещениях, но об их причине никто ничего не знал.

Как-то странно выглядит эта церемония передачи ключей в конверте — передача ключей как символа власти. Ример словно швырнул их Блейну на стол со словами: «Теперь они твои, приятель!» — и вышел, не снисходя до объяснений.

Вышел немного рассерженный, наверное. И обиженный, конечно.

И все-таки он самолично явился к Блейну в кабинет и оставил ключи. Почему? По идее, Ример должен был дождаться своего преемника, провести его в Архив, передать дела... Обычная процедура.

Да, но нынешняя ситуация далеко не обычна. И чем больше о ней думаешь, тем более необычной она кажется.

Что-то тут нечисто, ей-богу. Если бы его назначение прошло все положенные инстанции, тогда другое дело: в служебных перемещениях как таковых нет ничего из ряда вон выходящего. Но привычный порядок был нарушен. И не найди Блейн умершего патрона первым, не подбери он с пола листок бумаги, трудно сказать, состоялось бы это назначение или нет.

Что ж, он рискнул своей шеей — и получил должность. Не сказать, чтобы он о ней только и мечтал, но отказываться тоже нет смысла. В конце концов, это повышение, шаг вперед. Теперь он третий человек в иерархии гильдии: венчает пирамиду бизнес-агент, ступенью ниже стоит Охрана, а сразу за ней — Архив.

Нужно сегодня же поставить в известность Гарриет. Ах нет, он все время забывает: она не сможет сегодня поужинать с ним.

Блейн сунул ключи в карман и снова пробежал глазами записку. «Если захотите встретиться, я к вашим услугам». Простая вежливость? Или Ример и впрямь должен сказать ему что-то важное?

Блейн скомкал записку и бросил ее на пол. Все, пора уходить из Центра. Пойти куда-нибудь, где можно спокойно все обдумать и составить план действий. Не мешало бы, конечно, привести в порядок стол, но неохота, да и рабочий день давно

закончился. К тому же надо успеть на свидание с Гарриет... Да что же с головой-то сегодня творится! Помутнение, не иначе. Не будет никакого свидания!

Ладно. Стол все равно подождет до завтра. Блейн взял плащ и шляпу и пошел на автомобильную стоянку.

У ворот вместо обычного вахтера стоял вооруженный охранник. Блейн предъявил удостоверение.

— Проходите, сэр,— сказал охранник.— Но будьте внимательны. Тут один «размороженный» сбежал.

— Сбежал?

— Ну да. Проснулся неделю-другую назад.

— Далеко ему не убежать,— сказал Блейн.— Он сам себя выдаст. Сколько он проспал?

— Да вроде лет пятьсот.

— За пятьсот лет многое изменилось. У него нет ни единого шанса.

Охранник покачал головой:

— Мне его жалко. Жуткое дело — проснуться через пятьсот лет.

— Да, жутковато. Мы их всех предупреждаем, но они не слушают.

— Скажите, а это не вы тот парень, что нашел мертвого Гиси? — спросил вдруг охранник.

Блейн кивнул.

— Он и правда был уже мертвый?

— Правда.

— Убит?

— Я не знаю.

— А все судьба-злодейка! Всю жизнь суетишься, карабкаешься вверх, а потом — хлоп!..

— Злодейка,— согласился Блейн.

— Да-а, против судьбы не попрешь.

— Не попрешь,— опять согласился Блейн и поспешил к автомобилю.

Выведя машину со стоянки, он свернул на магистраль. Сгущались сумерки, на шоссе было почти пусто.

За окошком неторопливо проплывал осенний сельский пейзаж. Загорались первые огоньки в окошках горных коттеджей; пахло палеными листьями и грустным увяданием уходящего года.

Мысли в голове мельтешили, будто птицы, летящие к себе в гнездо на ночлег. Чего добивался сегодня утром липучка, приставший на стоянке? Что подозревает — или знает — Фаррис и что он затевает? Почему Джон Ример пришел передать ключи, а потом передумал и не дождался? Почему убежал «размороженный»?

Нет, в самом деле, почему? Если вдуматься, это же полнейшее безумие. Чего он хочет достичь побегом в чужой для него мир, к которому совершенно не приспособлен? Все равно что удрать в одиночку на другую планету, ничего о ней не зная. Или взяться за работу, в которой ни черта не смыслишь, и строить из себя великого специалиста.

Зачем? Зачем ты сбежал, «размороженный»?

Блейн отогнал от себя назойливый вопрос. И без того есть о чем подумать. И вообще, думать надо последовательно и методично, а у него в голове сплошной сумбур.

Блейн включил радио и услышал голос комментатора:

«...тому, кто следит за историей политики, нетрудно увидеть ее кризисные точки, ныне обозначившиеся весьма четко. Более пятисот лет управление планетой фактически находится в руках Центрального Профсоюза. То есть во главе правительства стоит комитет, в который входят представители всех гильдий и союзов. Этой группировке удалось продержаться у власти целых пять столетий — из них последние шестьдесят лет совершенно открыто — не столько благодаря особой мудрости, терпению или умению предвидеть, сколько благодаря устойчивому равновесию сил внутри комитета. Взаимное недоверие и страх ни разу не позволили какой-либо гильдии занять главенствующее положение. Как только возникала подобная угроза, все прочие союзы тут же вспоминали о своих амбициях и подавляли потенциального узурпатора.

Но такое равновесие — и это понимают все — не может длиться бесконечно. Оно и так затянулось сверх всяких ожиданий. Опираясь на фанатичную преданность своих служащих, гильдии годами накапливают силы, но не пытаются их применить. Не приходится сомневаться, что ни одна из них не сделает попытки захвата власти, не будучи заранее уверена в успехе. Однако угадать, какая из гильдий накопила достаточно сил для решающей схватки, практически невозможно, ибо союзы хра-

нят подобные сведения в строжайшей тайне. И все-таки недалек тот день, когда кто-то из них выйдет на поле брани, чтобы помериться силами. Нынешнее равновесие может показаться невыносимым некоторым союзам, возглавляемым амбициозными лидерами...»

Блейн выключил радио — и поразился торжественной тишине осеннего вечера. Вся эта трепотня стара как мир. Сколько он себя помнит, всегда находился какой-нибудь комментатор, предупреждавший об угрозе захвата власти. Одна и та же песня, меняются только персонажи: то говорят, что верх возьмет Транспорт, то намекают на Связь, а одно время всячески склоняли Питание — дескать, за ним нужен глаз да глаз.

Сновидения, слава богу, в такие игры не играют. Гильдия Сновидений всецело отдала себя служению людям. Конечно, ее представители входят в Центральный — и по долгу, и по праву,— но в политику никогда не лезут.

Кто вечно раздувает шумиху из ничего, так это газетчики и досужие комментаторы. Связь — вот самый подозрительный из союзов. Все его члены спят и видят, как бы прибрать к рукам власть. Впрочем, Просвещение не лучше. Там же одни мошенники, всю жизнь только и делают, что подтасовывают факты!

Блейн покачал головой. Да, ему крупно повезло, что он принадлежит к гильдии Сновидений. Ему не надо стыдливо прятать глаза, слушая очередные сплетни, потому что даже самые беспардонные сплетники не посмеют назвать Сновидения потенциальным захватчиком. Из всех союзов только его гильдия всегда имела право держать голову высоко поднятой.

У Блейна с Гарриет то и дело возникали ожесточенные споры насчет Связи. Гарриет, похоже, упрямо верила в то, что именно Связь обладает безупречной репутацией и бескорыстно служит обществу. Хотя, с другой стороны, что может быть естественнее преданности своей гильдии — последней преданности, оставшейся у людей? Когда-то, в далеком прошлом, на Земле существовали государства, и любовь к своей стране называлась патриотизмом. Теперь место государств заняли профессиональные союзы.

Блейн въехал в извилистое ущелье, свернул с магистрали и направился по серпантину вверх, в горы.

Ужин наверняка уже готов, и Ансел опять будет дуться (робот у него, мягко говоря, с характером). Зато Фило встретит хозяина у ворот, и они вместе доедут до дома.

Он миновал коттедж Гарриет, бегло скользнув взглядом по деревьям, заслонявшим дом. В доме темно, Гарриет на задании. Срочное интервью, так она сказала.

Блейн свернул к своим воротам. Навстречу выбежал Фило, оглашая окрестности радостным заливистым лаем. Норман Блейн притормозил; пес, запрыгнув в машину, лизнул хозяина в щеку, а затем чинно улегся на сиденье. Автомобиль сделал круг по подъездной дороге и наконец остановился возле дома.

Фило выскочил из машины. Блейн неторопливо последовал за ним. Утомительный был денек. Только теперь, добравшись до дома, Блейн почувствовал, насколько он устал.

Он постоял немного, разглядывая свой дом. Хороший у него дом. В нем будет уютно жить настоящей семьей — если, конечно, когда-нибудь удастся уговорить Гарриет бросить журналистскую карьеру.

За спиной раздался голос:

— Так, хорошо. Можешь повернуться. Только спокойно и без фокусов.

Блейн медленно обернулся. Возле машины в сгустившихся сумерках стоял человек. В руке у него что-то блестело.

— Не бойся, я не причиню тебе вреда,— продолжал незнакомец.— Ты, главное, сам не лезь на рожон.

Одет в какую-то невиданную форму и говорит как-то странно. Непривычная интонация — жесткая, резкая, без того плавного перехода слов из одного в другое, который придает речи естественность. А что за выражения: «без фокусов», «не лезь на рожон»!

— У меня в руке пушка. Так что лучше не валяй дурака.

«Не валяй дурака».

— Вы сбежали из Центра,— догадался Блейн.

— Верно.

— Но как...

— Я всю дорогу ехал с вами, прицепился под машиной. Глупые копы не додумались там проверить.— Человек пожал плечами.— Вы ехали дольше, чем я предполагал. Я чуть было не соскочил на полпути.

— Но при чем тут я? Почему вы...

— Вы ни при чем, мистер. Мне было все равно, с кем ехать. Я просто хотел выбраться оттуда.

— Я вас не понимаю,— сказал Блейн.— Вы же вполне могли уйти незамеченным. У ворот, например. Я ведь притормозил. Что вам мешало тихонечко скрыться? Я бы вас и не заметил.

— Скрыться? Чтобы тут же попасть копам в лапы? Стоит мне только нос высунуть — и меня сразу вычислят. По одежде, по разговору. Я и за столом веду себя не так и даже хожу не так, наверное. Я буду бросаться в глаза, как забинтованный палец.

— Понимаю. Ну что ж, раз такое дело... Уберите вашу пушку. Вы, должно быть, проголодались. Пойдемте в дом, поужинаем.

«Размороженный» сунул пистолет в карман и похлопал по нему:

— Я могу вытащить его в любую минуту, не забудьте. Так что советую не рыпаться.

— О'кей, не буду рыпаться.

А что, очень даже выразительно — «не рыпаться». В жизни не слыхал такого словечка. Но о смысле догадаться нетрудно.

— Кстати, откуда у вас оружие?

— А это пусть останется моей маленькой тайной.

6

Его зовут Спенсер Коллинз, сказал беглец. Он проспал пятьсот лет, проснулся месяц назад. Физически для своих пятидесяти пяти он в прекрасной форме. Всю жизнь заботился о своем здоровье — правильно питался, соблюдал режим, упражнял и дух и тело, обладал кое-какими познаниями о психосоматике.

— Надо отдать вам должное,— сказал он Блейну.— Вы умеете заботиться о телах клиентов. Когда я проснулся, то чувствовал лишь небольшую вялость. Но никаких признаков старения.

— Мы постоянно следим за этим,— улыбнулся Блейн.— То есть не я лично, конечно, а команда биологов. Для них физическое состояние клиента — проблема вечная. За пять веков вы наверняка сменили дюжину хранилищ, и каждый раз они

усовершенствовались. Как только появлялось какое-нибудь новое изобретение, его тут же применяли и к вам.

Коллинз сообщил, что был профессором социологии и выдвинул оригинальную теорию.

— Вы извините меня, если я не буду углубляться в подробности?

— Ну разумеется.

— Они представляют интерес только для специалистов, а вы, как я понимаю, не ученый.

— Что верно, то верно.

— Моя теория касалась социального развития общества в отдаленном будущем. Я решил, что пятьсот лет — срок достаточный, чтобы стало ясно, прав я был или ошибался. Меня мучило любопытство. Согласитесь: обидно придумать теорию и отдать концы, так и не узнав, подтвердит ее жизнь или нет.

— Могу вас понять.

— Если мои слова вызывают у вас сомнения, можете справиться в Архиве.

— Я ничуть не сомневаюсь.

— Впрочем, вам к таким историям не привыкать. У вас наверняка все клиенты с заскоками.

— С заскоками?

— Ну, чокнутые. Ненормальные.

— Да, заскоками меня не удивишь,— заверил профессора Блейн.

Хотя большего заскока, чем сидеть под осенними звездами в собственном дворике, беседуя с пятисотлетним человеком, трудно себе и представить. Впрочем, работай Блейн в Адаптации, ему бы это не показалось странным. Для служащих Адаптации подобное времяпрепровождение — обычная рутина.

Но наблюдать за Коллинзом было интересно. Речь его ясно показывала, насколько изменился за пятьсот лет разговорный язык. К тому же он то и дело пользовался всякими жаргонными словечками — идиомами прошлого, которые потеряли смысл и исчезли из языка, несмотря на то что многие другие почему-то уцелели.

За ужином профессор недоверчиво тыкал вилкой в некоторые блюда, другие поглощал с явным отвращением, не решаясь, однако, их отвергнуть. Очевидно, старался по мере сил вписаться в новый для него мир.

В его манерах были какие-то нарочитость и претенциозность, лишенные всякого смысла, а в больших дозах даже и раздражающие. Задумываясь, он потирал рукой подбородок или начинал хрустеть суставами пальцев. Эта последняя привычка особенно действовала Блейну на нервы. Хотя, возможно, в прошлом не считалось неприличным во время беседы постоянно трогать себя руками. Надо будет выяснить в Архиве или спросить кого-нибудь, например ребят из Адаптации — они много чего знают.

— Если это не секрет, конечно, мне хотелось бы услышать: подтвердилась ваша теория или нет? — спросил Блейн.

— Не знаю. У меня не было возможности выяснить.

— Понимаю. Я просто подумал — может, вы спросили об этом в Адаптации?

— Я не спрашивал,— сказал Коллинз.

Они сидели в сумеречной тишине, глядя вдаль, за долину.

— Вы многого достигли за пять столетий,— проговорил наконец Коллинз.— В мое время человечество было очень озабочено проблемой межзвездных полетов. Считалось, что поскольку скорость света превзойти невозможно, то о полетах нечего и мечтать. Но теперь...

— Да, верно,— сказал Блейн.— То ли еще будет. Лет этак через пятьсот.

— Можно продолжать так до бесконечности: проспал тысячу лет, проснулся, посмотрел — и снова заснул на тысячу...

— Думаю, оно того не стоит.

— Кто бы спорил,— сказал Коллинз.

Козодой стрелой пронесся над деревьями, стремительными резкими движениями хватая зазевавшихся мошек.

— Что не меняется, так это природа,— заметил Коллинз.— Я помню козодоев...— Он помолчал немного, потом спросил: — Что вы намерены делать со мной?

— Вы мой гость.

— Пока не нагрянут копы.

— Поговорим об этом позже, сегодня вы здесь в безопасности.

— Я вижу, вам не дает покоя один вопрос. У вас просто на лице написано, как вам хочется его задать.

— Почему вы убежали?

— Вот именно,— сказал Коллинз.

— Ну и почему же?

— Я выбрал себе сновидение, соответствующее моим склонностям. Нечто вроде профессионального затворничества — такой, знаете, идеализированный монастырь, где можно было бы предаться любимым занятиям и пообщаться с родственными душами. Я хотел покоя: прогулки вдоль тихой речки, живописные закаты, простая еда, время для чтения и раздумий...

Блейн одобрительно кивнул:

— Прекрасный выбор, Коллинз. Жаль, маловато у нас таких заказов.

— Мне тоже казалось, что я сделал правильный выбор. Во всяком случае, мне хотелось чего-то в этом духе.

— Надеюсь, вам не пришлось раскаяться?

— Я не знаю.

— Не знаете?

— Я не видел этого сновидения.

— То есть как не видели?

— Я видел совсем другое.

— Какая-то накладка? Кто-то перепутал заказы?

— Ничего подобного. Никакой накладки не было, я уверен.

— Когда вы заказываете определенное сновидение...— начал Блейн, но Коллинз перебил его:

— Говорю вам, никакой ошибки не было! Сновидение подменили.

— Откуда вы знаете?

— Да оттуда, что такое сновидение не мог заказать ни один из ваших клиентов. Это исключено. Сновидение было изготовлено вполне сознательно, с какой-то целью, о которой мне остается только догадываться. Я попал в другой мир.

— На другую планету?

— Не планету. Я был на Земле, но в какой-то чужой цивилизации. И прожил в ней все пятьсот лет, каждую минуточку. Я-то считал, что сновидение будет укорочено — что тысячелетний сон сожмут до размеров нормальной человеческой жизни. Но я пробыл там все пятьсот, от звонка до звонка. И могу утверждать совершенно определенно: никто ничего не перепутал. Сновидение навязали мне сознательно и целенаправленно.

— Давайте не будем спешить с выводами,— запротестовал Блейн.— Поговорим без эмоций. В том мире была другая цивилизация?

— В том мире не существовало такого понятия, как выгода. Вообще не существовало, даже теоретически. В принципе цивилизация походила на нашу, только была лишена тех движущих сил, которые в нашем мире проистекают из понятия о выгоде. Мне, разумеется, это казалось фантастикой, но для коренных жителей — если их можно так назвать — такое положение вещей было совершенно естественным.— Коллинз наклонился к Блейну.— Думаю, вы согласитесь, что ни один человек не захотел бы жить в подобном мире. Никто не мог заказать себе это сновидение.

— Может, какой-нибудь экономист...

— Экономисты не такие идиоты. А кроме того, само развитие событий в сновидении было до жути последовательным. В него была заложена заранее продуманная схема.

— Наша машина.

— Вашей машине известно заранее не больше, чем вам. По крайней мере не больше, чем вашим лучшим экономистам. К тому же ваша машина алогична, и в этом ее прелесть. Логика ей ни к чему, логика только испортила бы сновидение. Сновидениям логика противопоказана.

— А ваше было логичным?

— И даже очень. Вы можете просчитать в уме все варианты, но все равно не в состоянии с уверенностью сказать, что произойдет в следующий момент, пока он не наступит. Вот что такое для вас логика.— Коллинз встал, прошелся по дворику и остановился прямо перед Блейном.— Поэтому я и сбежал. У вас в Сновидениях кто-то играет в грязные игры. Я не могу доверять вашей банде.

— Я об этом ничего не знаю,— сказал Блейн.— Просто не знаю.

— Могу просветить, если хотите. Впрочем, стоит ли вмешивать вас во все это? Вы приютили меня, накормили, одели, выслушали мой рассказ. Не знаю, как далеко мне удастся уйти, но...

— Нет,— сказал Блейн.— Вы останетесь здесь. Я должен узнать, в чем дело, и вы мне можете еще понадобиться. Глав-

ное — не высовывайтесь. А роботов не бойтесь, они не проболтаются. На них можно положиться.

— Если меня выследят, я постараюсь не даться им в руки в вашем доме. А если поймают, буду нем как рыба.

Норман Блейн медленно встал и протянул руку. Коллинз ответил быстрым и решительным рукопожатием.

— Значит, договорились.

— Договорились,— эхом повторил Блейн.

7

Ночной Центр походил на замок с привидениями. Пустые коридоры звенели тишиной. Блейн знал, что где-то в здании должны работать люди — служащие Адаптации, вентиляторщики, уборщики,— но никого не было видно.

Робот-сторож сделал шаг вперед из своей амбразуры.

— Кто идет?

— Блейн. Норман Блейн.

Робот замер на секунду, тихонечко жужжа, просматривая банки данных и выискивая в них фамилию Блейна.

— Удостоверение! — потребовал он.

Блейн поднял свой идентификационный диск.

— Проходите, Блейн,— разрешил робот и, стараясь быть подружелюбнее, добавил: — Что, приходится работать по ночам?

— Да нет, просто забыл кое-что,— ответил Блейн.

Он зашагал по коридору, поднялся на лифте на шестой этаж. Там его остановил еще один робот. Блейн вновь предъявил удостоверение.

— Вы ошиблись этажом, Блейн.

— У меня новая должность.— Блейн показал роботу бланк.

— Все в порядке, Блейн,— сказал робот.

Блейн приблизился к дверям Архива. Перепробовал пять ключей, шестой наконец подошел. Блейн запер за собой дверь и постоял на месте, давая глазам привыкнуть к темноте.

Он находился в кабинете. Другая дверь вела отсюда в хранилище записей. То, что он ищет, должно быть где-то здесь. Мирт наверняка уже закончила работу над сновидением Джен-

кинса. Большая веселая охота в парилке джунглей. Сновидение вряд ли успели сдать в архив, а может, и вовсе не собирались туда сдавать — ведь Дженкинс не сегодня-завтра придет погружаться в сон. Наверное, где-то здесь есть полка для заказов, за которыми вскоре должны прийти.

Блейн обошел вокруг стола, оглядел комнату. Стеллажи, еще несколько столов, проверочная кабинка, автомат с напитками и едой — и полка, а на ней штук шесть катушек.

Он устремился к полке, схватил первую катушку. Шестая оказалась сновидением Дженкинса. Блейн стоял, держа ее в руках и удивляясь, до какого безумия может дойти человек.

Коллинз просто ошибся или кто-то из служащих перепутал сновидения... А может, профессор вообще все выдумал? Может, у него есть на то свои причины, неизвестные Блейну? Это же бред какой-то — ну зачем кому-то могло понадобиться подменять сновидения?

Но раз уж он здесь... Раз он позволил заморочить себе голову...

Блейн пожал плечами. Надо проверить, чего уж теперь.

Он зашел в кабинку и закрыл дверь. Вставил в аппарат катушку, указал продолжительность сеанса — полтора часа. Затем надел на голову шлем, растянулся на кушетке и включил воспроизведение.

Аппарат еле слышно загудел; потом что-то дохнуло Блейну в лицо, гудение прекратилось. Кабинка исчезла. Блейн стоял посреди пустыни.

Пейзаж вокруг был желтым и красным. Солнце жарило вовсю, лицо обдавало волнами зноя, подымавшимися от раскаленного песка и камней. Куда ни глянь — сплошная равнина, до самого горизонта. Ящерица, пискнув, перебежала из тени одного камня в тень другого. В расплавленной голубизне неба кружила птица.

Блейн заметил, что стоит на чем-то вроде дороги. Она петляла по пустыне и скрывалась вдали в жарком мареве, клубившемся над измученной землей. А по дороге медленно передвигалось черное пятнышко.

Он оглянулся в поисках тени — но тень здесь было отбрасывать нечему, кроме камней, за которыми могли укрыться разве что шустрые маленькие ящерки.

Блейн поглядел на свои руки. Они были такие загорелые, что показались ему руками негра. На нем были ветхие штаны, свисавшие лохмотьями чуть ниже колен, к мокрой от пота спине прилипла рваная рубаха. Босые ступни — он поднял ногу и увидел ороговевшие мозоли, делавшие кожу нечувствительной к острым камням и жаре.

Он стоял и тупо смотрел на пустыню, пытаясь сообразить, что он тут делает, что делал минуту назад и что должен делать теперь. Смотреть особенно было не на что — красные пятна, желтые пятна, песок и зной.

Блейн ковырнул песок ногой, вырыл пальцами ямку, потом разгладил ее задубелой ступней. Постепенно к нему стала возвращаться память, возвращаться понемногу, урывками. Но воспоминания все равно ничего не объясняли.

Сегодня утром он ушел из своей деревни. Ушел не просто так: у него была какая-то важная причина, хотя какая — он не вспомнил бы даже под пыткой. Пришел он оттуда, а идти надо было вон туда. Черт, вспомнить бы хоть, как называется его деревня! Глупо будет, если кто-то спросит, откуда он держит путь, а ему и сказать-то нечего. Неплохо бы припомнить и название города, куда он направляется, но это уже не так важно. Это можно будет выяснить на месте.

Блейн побрел по дороге вон туда — и вдруг подумал, что путь впереди еще не близкий. Как-то он умудрился заплутать в дороге и потерял кучу времени. Нужно поторопиться, чтобы успеть в город засветло.

Черная точка на дороге стала гораздо ближе.

Но он ее не боялся, и это открытие его подбодрило, хотя он так и не смог понять почему.

Блейн припустил рысцой: надо наверстывать упущенное время. Он бежал изо всех сил, несмотря на пекло и острые камешки под ногами. На бегу он похлопал себя по карманам и обнаружил в одном из них какие-то предметы. Он сразу понял, что предметы эти необычайно ценные, а через некоторое время даже сообразил, что они собой представляют.

Черное пятнышко все приближалось, пока не выросло в большую повозку на деревянных колесах. Ее тащил весь облепленный мухами верблюд. В повозке под рваным зонтом, когда-то, наверное, разноцветным и ярким, а теперь выцветшим в грязно-серую тряпку, сидел человек.

Блейн подбежал к повозке, остановился. Человек что-то крикнул верблюду, и тот тоже остановился.

— Тебя только за смертью посылать! — проворчал человек.— Садись, хватай поводья.

— Меня задержали,— сказал Блейн.

— Задержали его! — ухмыльнулся человек и, спрыгнув с повозки, бросил Блейну вожжи.

Блейн прикрикнул на верблюда, шлепнул его ремнями. «Что за чертовщина, что все это значит?» — с такой мыслью он открыл глаза в кабинке. Рубашка прилипла к взмокшей спине, на лице постепенно остывал палящий жар пустыни.

Он лежал неподвижно, пытаясь собраться с мыслями. Сбоку медленно крутилась катушка, загоняя пленку в прорезь шлема. Блейн остановил ее и крутанул в обратную сторону.

Его охватил такой ужас, что он чуть не заорал; крик, не родившись, замер у него в груди. Блейн оцепенел, не в силах поверить в реальность происходящего.

Потом решительно сбросил с кушетки ноги, выдернул из гнезда катушку с остатками несмотанной пленки, перевернул ее, прочел на этикетке номер и имя. С именем все в порядке — «Дженкинс», с номером тоже — именно этот код он сам ввел в машину не далее как сегодня вечером. Ошибки быть не может. На катушке записано сновидение Дженкинса. Завтра-послезавтра клиент явится сюда, и катушку отправят вниз, в хранилище спящих.

И Дженкинс, предвкушающий веселые приключения, Дженкинс, решивший провести два столетия на увлекательном бесшабашном сафари, очутится в красно-желтой пустыне на тропе, которую лишь из вежливости можно назвать дорогой, увидит вдали черную движущуюся точку, точка превратится в повозку с верблюдом...

Дженкинс окажется в пустыне, одетый в ветхие штаны и рваную рубаху, а в кармане у него будет нечто необычайно ценное — но не будет никаких джунглей или вельдов, никаких ружей и ни намека на сафари. Охотой тут и не пахнет.

Боже, сколько же их, обманутых? Сколько человек не попали в заказанные сновидения? А главное — почему они туда не попали?!

Зачем подменяют сновидения?

И подменяют ли их вообще? Может, Мирт.

Да нет, ерунда какая-то. Машина делает лишь то, что ей приказывают. В нее вводят уравнения и символы, она их заглатывает, переваривает, деловито пощелкивая, пыхтя и гудя, а затем выдает заданное сновидение.

Остается только один ответ — подмена. Ведь сновидение, сфабрикованное машиной, просматривают здесь, в этой проверочной кабинке, и ни одно из них не отдают заказчику, не убедившись, что оно полностью соответствует его пожеланиям.

Коллинз прожил пять веков в мире, не подозревающем о концепции выгоды. А красно-желтая пустыня — что это за мир? Норман Блейн пробыл там недостаточно долго, чтобы прийти к каким-то определенным выводам, но одно он знал совершенно точно: никто по доброй воле не захотел бы жить в таком мире. И в том, куда попал Коллинз, тоже.

Деревянные колеса, верблюд в качестве движущей силы — может, это мир, которому чужда идея механического транспорта? Хотя бог его знает, что у них там за цивилизация.

Блейн отворил дверь и вышел из кабинки. Положил катушку на полку и застыл посреди ледяной комнаты. Через пару мгновений он осознал, что ледяной была вовсе не комната, а он сам.

Еще сегодня утром, разговаривая с Люсиндой Сайлон, он упивался чувством преданности Центру, с умилением распространялся о безупречной репутации Сновидений, о том, как неукоснительно выполняет гильдия свои обязательства, стремясь завоевать доверие общества и потенциальных клиентов.

Где теперь эта преданность? И как быть с доверием общества?

Сколько клиентов погружались в подмененные сны? Когда это началось? Пятьсот лет назад Коллинз попал в сновидение, которого не заказывал. Значит, обман длится как минимум пять веков.

И сколькие еще будут обмануты?

Люсинда Сайлон — в какое сновидение попадет она? Будет ли это плантация девятнадцатого века или что-то совсем другое? Сколько же сновидений, в фабрикации которых Блейн принимал участие, было затем подменено?

В памяти всплыл облик женщины, сидевшей сегодня утром напротив него за столом. Волосы цвета меда, синие глаза, мо-

лочно-белая кожа. Он вспомнил ее голос, интонации, вспомнил, что она говорила, о чем предпочла умолчать.

«И она тоже!» — подумал Блейн.

Нет, этого он не допустит! И Блейн поспешил к выходу.

8

Взбежав по лестнице, он позвонил в дверь. Женский голос пригласил его войти.

Люсинда Сайлон сидела в кресле у окна. В комнате горела только одна лампа в углу, так что фигуру женщины окутывала полутьма.

— Ах это вы! — сказала она.— Стало быть, вы тоже занялись расследованием.

— Мисс Сайлон!..

— Проходите, садитесь. С удовольствием отвечу на ваши вопросы. Видите ли, я по-прежнему убеждена...

— Мисс Сайлон! — прервал ее Блейн.— Я пришел, чтобы убедить вас отказаться от заказа. Я хочу предостеречь вас. Я...

— Вы дурак! — сказала она.— Безнадежный дурак.

— Но...

— Убирайтесь отсюда!

— Но я...

Она встала из кресла, каждой складкой своего платья излучая презрение.

— Значит, по-вашему, мне не стоит и пытаться? Продолжайте же! Скажите, что это опасно, что это сплошное надувательство. Вы дурак! Я знала все до того, как пришла к вам.

— Вы знали...

Они застыли в напряженном молчании, пристально глядя друг другу в глаза.

— А теперь и вы знаете.— И она вдруг задала вопрос, который он сам себе задал каких-нибудь полчаса назад: — Где теперь ваша преданность?

— Мисс Сайлон, я пришел, чтобы сказать вам...

— Ничего не надо говорить,— оборвала его женщина.— Идите домой и забудьте обо всем. Так куда удобнее. Былой преданности, конечно, не вернуть, но жить будете спокойно. А главное — долго.

— Не пытайтесь меня запугать...

— А я и не пытаюсь, Блейн, просто предупреждаю. Стоит Фаррису прослышать о том, что вы в курсе, и можете считать себя покойником. А намекнуть об этом Фаррису для меня раз плюнуть.

— Но Фаррис...

— Что, он тоже беззаветно предан гильдии?

— Нет конечно. Я не...

Об этом даже думать смешно. Преданный Пол Фаррис!

— Когда я приду в Центр,— сказала она спокойным ровным голосом,— мы продолжим нашу беседу так, словно этого визита не было. Вы лично проследите за тем, чтобы моим заказом занялись без проволочек Потому что иначе Фаррису кое о чем доложат.

— Но почему вы так настойчиво стремитесь погрузиться в сон, зная, чем это грозит?

— А может, я из Развлечений. Вы ведь не обслуживаете Развлечения, верно? Недаром вы утром так выпытывали, из какой я гильдии. Вы боитесь Развлечений, боитесь, что они своруют ваши сновидения для своих солидиографий. Как-то раз они уже попытались, и с тех пор вы постоянно начеку.

— Вы не из Развлечений.

— Но вы же сами так предположили сегодня утром. Или все это было игрой?

— Игрой,— покаянно признал Блейн.

— Сейчас-то вы уж точно не играете,— холодно сказала она.— Вы напуганы до потери пульса. И правильно: вам есть чего бояться.— Она с отвращением взглянула на него и добавила: — А теперь выметайтесь!

9

Фило не встретил его у ворот. Пес выскочил из кустов, звонким лаем приветствуя Блейна, только когда машина, свернув на подъездную дорожку, остановилась у дома.

— Хватит, Фило! — угомонил собаку Блейн.— Молчать!

Он вылез из машины; притихший пес подбежал и остановился рядом. Такое безмолвие царило кругом, что было слышно даже, как собачьи когти постукивают о бетонное покрытие до-

рожки. Дом казался огромным и темным, хотя за дверью горел свет. Странно: ночью дома и деревья всегда выглядят больше, чем днем, словно с наступлением темноты приобретают какие-то иные размеры.

На тропинке у кого-то под ногой скрипнул камешек. Блейн обернулся. Возле дома стояла Гарриет.

— Я ждала тебя,— сказала она.— Думала, ты уже никогда не придешь. Мы с Фило ждали, ждали...

— Ты меня напугала. Я считал, что ты на работе.

Она шагнула вперед, свет от лампы над дверью упал ей на лицо. На ней было декольтированное платье с искорками, на голове — блестящая паутинка вуали. Казалось, она вся окутана мириадами мерцающих звездочек.

— Здесь кто-то был,— сказала она.

— Кто?

— Я подъехала к дому с задней стороны. У передней двери стояла машина, Фило лаял. Я увидела, как из дома вышли трое, они тащили за собой четвертого. Он сопротивлялся, отбивался, но они выволокли его и запихнули в машину. Фило бросался на них, но они так спешили, что даже не замечали его. Сначала я подумала, что они тащат тебя, но потом разглядела, что это какой-то незнакомый мужчина. Трое были в форме охранников. Я испугалась. Выехала и рванула на шоссе...

— Погоди минуточку,— прервал ее Блейн.— Ты слишком торопишься. Успокойся и расскажи...

— Потом, позже, я подъехала к своему дому, выключив фары, и оставила там машину. Прошла через лес и стала тебя ждать.

От скороговорки у нее перехватило дыхание, и она замолчала. Блейн приподнял пальцами ее подбородок и поцеловал. Она оттолкнула его руку.

— Сейчас не время!

— Для этого всегда время.

— Норм, у тебя неприятности? Кто-то охотится за тобой?

— Возможно.

— А ты стоишь здесь и лезешь ко мне с поцелуями!

— Я как раз пытаюсь сообразить, что мне делать.

— И что надумал?

— Пойду навещу Фарриса. Он меня приглашал, а я и забыл.

— По-моему, ты забыл, о чем я тебе рассказала. Охранники...

— Это не охранники. Они просто одеты в форму Охраны.

Норман Блейн вдруг ясно увидел всю картину целиком — словно разрозненные куски мозаики сложились в единое целое. Все несообразности, мучившие его с утра, заняли в этой картине свое место и обрели определенный смысл.

Сначала был липучка, вцепившийся в него на стоянке; затем Люсинда Сайлон, заказавшая сновидение, исполненное покоя и достоинства; потом Гиси — мертвец за обшарпанным столом; и, наконец, «размороженный» — человек, проживший пять столетий в обществе, которое не имело представления о выгоде.

— Но Фаррис...

— Мы с Полом Фаррисом друзья.

— У Пола Фарриса нет друзей.

— Вот такие! — Блейн вытянул вперед два крепко прижатых друг к дружке пальца.

— Я бы на твоем месте все же поостереглась.

— Начиная с сегодняшнего дня мы с Фаррисом в одной упряжке. Гиси умер...

— Я знаю. Но какая связь между его смертью и вашей с Фаррисом внезапной дружбой?

— Перед смертью Гиси назначил меня начальником Архива.

— Ох, Норм, я так рада!

— Я надеялся, что ты обрадуешься.

— Но я не понимаю, что происходит. Объясни мне. Кто этот человек, которого тащили охранники?

— Я же тебе сказал — они не охранники.

— Кто он? Не увиливай от ответа.

— Беглец. Человек, удравший из Центра.

— И ты его укрывал?!

— Ну, не совсем...

— Норм, почему кто-то вообще мог удрать из Центра? У вас что, заключенные там сидят?

— Он «размороженный».

Блейн тут же понял, что сболтнул лишнего, но было уже поздно. Глаза у Гарриет загорелись знакомым блеском.

— Эта история не для печати,— сказал он.— Если ты используешь...

— Почему бы и нет?

— Я доверил секрет тебе лично, как близкому человеку.

— От прессы не может быть секретов. Я все-таки репортер, не забывай!

— Но ты же ничего толком не знаешь! Одни намеки и догадки.

— А ты мне расскажи,— сказала она.— Я ведь все равно узнаю.

— Старая песня!

— И тем не менее это в твоих же интересах. Да и мне хлопот поменьше. К тому же в статье тогда будут не сплетни, а факты.

— Я не скажу больше ни слова.

— Глядите, какой стойкий! — Гарриет встала на цыпочки, чмокнула его и нырнула во тьму.

— Постой! — крикнул Блейн, но она уже скрылась в кустах.

Он шагнул за ней и остановился. Бессмысленно. Он ее не поймает. Все тропинки в лесу, разделяющем их коттеджи, известны ей не хуже, чем ему.

Надо же было так оплошать! К утру вся эта история появится в газетах.

Блейн прекрасно понимал, что Гарриет не шутила. Черт бы ее побрал, эту фанатичку! Почему она не может хоть раз в жизни быть не репортером, а просто человеком? Должна же преданность гильдии иметь какие-то границы!

Впрочем, он и сам не лучше. Он тоже беззаветно предан Сновидениям. Как там говорил давешний комментатор? «Опираясь на фанатичную преданность своих служащих, гильдии годами накапливают силы».

Блейн подошел к двери и поежился, представив себе завтрашние газеты. Статьи на первых страницах, кричащие заголовки, набранные 96-пунктовым шрифтом...

«Малейший намек на скандал...» — сказал он сегодня утром Люсинде Сайлон. Ведь репутация Сновидений зиждется на абсолютном доверии общества. Стоит лишь запахнуть скандалом, и доверие рухнет. А скандал неминуем... и шума от него будет много.

Есть всего два выхода. Во-первых, можно попытаться остановить Гарриет. Только как ее остановишь? А во-вторых, мож-

но попытаться сорвать покровы со всей этой истории и обнажить ее суть. Ибо суть ее — заговор, направленный против Сновидений. Заговор, созревший в недрах Центрального Профсоюза в процессе той борьбы за власть, о которой вещал сегодня уверенный в собственной непогрешимости комментатор.

Блейн не сомневался, что теперь ему ясно видны главные нити заговора, соединяющие на первый взгляд разрозненные и невероятные события. Но чтобы подкрепить свои подозрения доказательствами, нужно спешить. Гарриет отправилась охотиться за фактами, на которые он имел неосторожность намекнуть. Возможно, к утренним выпускам она не успеет, но в вечерних газетах статьи появятся обязательно.

И к этому времени гильдия Сновидений должна суметь опровергнуть разрастающийся шквал домыслов и слухов.

Ему осталось проверить только еще один факт. Вообще говоря, человек должен знать историю своих предков. Не рыться в книгах, когда приспичит, а держать ее в уме как готовый к употреблению инструмент.

Люсинда Сайлон сказала, что она из Просвещения, и это, скорее всего, правда. Такие вещи слишком легко проверить. Коллинз тоже из Просвещения. Профессор социологии, выдвинувший оригинальную теорию.

Разгадка кроется где-то в истории гильдий, в истории взаимоотношений, связывавших когда-то Сновидения и Просвещение. Да-да, именно там!

Блейн быстро прошел через переднюю, спустился в кабинет. Фило не отставал от него ни на шаг. Блейн нащупал выключатель, бросился к полкам. Пальцем пробежал по корешкам и наконец нашел нужную книгу.

Усевшись за стол, он включил лампу и принялся листать страницы. Вот оно — то, что смутно забрезжило в памяти: факт, когда-то давно вычитанный из этой книги и забытый с годами за ненадобностью.

10

Дом Фарриса окружала стальная стена — слишком высокая, чтобы перепрыгнуть, слишком гладкая, чтобы забраться. У ворот и дальше, у входа в дом, стояло по охраннику.

Первый охранник обыскал Блейна; второй потребовал удостоверение личности. Убедившись в его подлинности, охранник велел роботу отвести гостя к хозяину.

Пол Фаррис опустошал бутылку. Опорожненная больше чем наполовину, она стояла на столике рядом с креслом.

— Долго же вы добирались,— пробурчал Фаррис.

— Я был занят.

— Чем занят, друг мой? — Фаррис ткнул пальцем в бутылку.— Угощайтесь. Стаканы в баре.

Блейн налил себе бокал почти до краев.

— Гиси был убит, верно? — проронил он небрежно.

Виски в бокале у Фарриса слегка колыхнулось, но больше он ничем не выдал своих эмоций.

— Следствием установлено, что это самоубийство.

— На столе стоял стакан,— продолжал Блейн.— Гиси перед смертью налил в него воду из графина. В воде был яд.

— Зачем вы рассказываете мне то, о чем я и без вас прекрасно знаю?

— Вы кого-то покрываете.

— Возможно. Возможно также, что это не ваше собачье дело.

— Я кое-что понял. Просвещение...

— О чем вы?

— Просвещение давно уже точит нож на нашу гильдию. Я покопался в истории. Сновидения начинали свою деятельность как один из отделов Просвещения. Отдел, занимавшийся методикой обучения во сне. Потом отдел разросся, появились некоторые новые идеи. Все это было тысячу лет назад. Сновидения отпочковались от...

— Погодите минуточку. Повторите еще раз, помедленнее.

— У меня есть версия...

— И голова у вас тоже есть. Плюс хорошее воображение. Я еще днем заметил: котелок у вас варит быстро.— Фаррис поднял бокал, опустошил его одним глотком и бесстрастно произнес: — Мы вонзим этот нож им в самую глотку.

Так же бесстрастно он швырнул бокал в стенку. Тот разлетелся вдребезги.

— Какого черта никто не додумался до этого раньше? Все было бы гораздо проще... Сидите, Блейн. Надеюсь, мы с вами понимаем друг друга.

Блейн сел и вдруг почувствовал приступ дурноты. Какой же он осел! Просвещение не имеет никакого отношения к убийству Гиси. Патрона убил Пол Фаррис — Фаррис вместе с сообщниками. Сколько их? Бог его знает. Но один человек, даже занимающий столь высокий пост, не мог так четко все организовать.

— Меня интересует только одно,— сказал Фаррис.— Откуда вы взяли бланк с назначением? Вам не могли прислать его с почтой: это не входило в наши планы.

— Я нашел его на полу. Он упал со стола Гиси.

Врать больше не имеет смысла. Ни врать, ни притворяться. Все вообще потеряло смысл. Прежняя гордость и преданность растаяли, словно дым. Даже сейчас, подумав об этом, Блейн ощутил саднящую горечь. Бессмысленность прожитых лет терзала душу, как орудие пытки терзает беззащитную нагую плоть.

Фаррис хихикнул.

— А ты молоток,— сказал он.— Мог ведь и промолчать, никто тебя за язык не тянул. Ты мужик отчаянный. Думаю, мы поладим.

— Еще не поздно,— резко ответил Блейн.— Вы еще можете выпихнуть меня из седла. Если сумеете, конечно.

Бравада чистой воды. Бравада и горечь. Зачем он это говорит? На кой ему теперь должность начальника Архива?

— Успокойся,— сказал Фаррис.— Назначение остается в силе. Я даже рад, что все так обернулось. Очевидно, я недооценивал тебя, Блейн.— Он взял в руки бутылку.— Дай-ка мне другой стакан.

Блейн протянул ему бокал, Фаррис налил им обоим.

— Ты, наверное, много чего разнюхал?

Блейн покачал головой:

— Не очень. Я знаю про аферу с подменой сновидений...

— Попал в десятку! — заявил Фаррис.— В самое яблочко. В этом вся суть. Рано или поздно нам пришлось бы тебя посвятить, так почему бы не сейчас?

Он откинулся в кресле, растянувшись поудобнее.

— Все началось давным-давно, семьсот лет назад, и держалось в строжайшем секрете. Проект был задуман как долговременный, естественно, поскольку мало кто из клиентов заказывает сон продолжительностью меньше столетия. Сначала работа велась чрезвычайно осторожно и медленно; в те време-

на руководству Сновидений приходилось действовать с оглядкой. Но в последние столетия репутация гильдии стала безупречной, и масштабы эксперимента расширились. Мы уже осуществили значительную часть проекта, по ходу дела внося в него изменения и дополнения. Через сто лет, а может, даже раньше, мы будем готовы. По сути дела, мы готовы уже сейчас, но мы решили, что лучше выждать еще сотню лет. В нашем распоряжении находятся такие средства, в которые просто невозможно поверить. Но они реальны! Ибо наша информация достоверна и получена из первых рук.

В груди у Блейна похолодело от горького разочарования.

— Значит, все эти годы...

— Вот именно! Все эти годы.— Фаррис рассмеялся.— И притом в глазах общественности мы чисты, как лилия. Сколько сил мы положили на то, чтобы создать себе подобную репутацию! Мы тихие, мы скромные. Другие союзы орали во всю глотку, поигрывали мускулами — мы помалкивали. Одна за другой гильдии постепенно усваивали ту истину, которую мы поняли с самого начала. Что рот нужно держать на замке, а силу свою скрывать вплоть до решающего момента.

Со временем эту истину поняли все, хоть и не без труда, но поняли слишком поздно. Наша гильдия приступила к осуществлению проекта еще до создания Центрального Профсоюза. И все это время мы тихонечко сидели в углу, смиренно сложив на коленях руки, склонив головы и потупив очи долу,— этакие скромники! Никто даже не замечал нашего присутствия. Мы ведь такие робкие и тихие. Общество пристально следит за Связью и Транспортом, Питанием и Промышленностью — они большие ребята, видные. А на Сновидения никто не обращает внимания, хотя именно мы — и только мы — обладаем реальным оружием для захвата власти.

— Я не понимаю лишь одной вещи,— сказал Блейн.— Или, может быть, двух. Откуда вы знаете, что события в подмененных сновидениях развиваются так, как они развивались бы в реальной действительности? Наши настоящие сновидения, например, были чистой фантазией, они никогда не могли бы сбыться в жизни.

— То-то и оно,— сказал Фаррис.— Как раз эта проблема пока мешает нам выступить в открытую. Когда мы сможем представить убедительные доказательства, мы будем непобедимы.

Поначалу гильдия проводила эксперименты на собственных служащих-добровольцах. Их погружали в сон ненадолго — лет на пять—десять, не больше. И оказалось, что их сновидения сильно отличаются от того, что они ожидали увидеть.

Когда в основу сновидения вместо фантазий и желаний клиента заложена логика, оно начинает развиваться по собственным законам. Некоторые факторы намеренно задаются искаженными — и развитие цивилизации идет своей дорогой, не обязательно правильной, но почти всегда неожиданной. Если сновидение изначально лишено логической основы, получается просто бесформенная каша. Но если ввести в основу логику, она подчиняет себе фантазию и формирует структуру сновидения по-своему. В результате изучения логических сновидений мы пришли к выводу, что они точно отражают гипотетическую реальность. В них появляются какие-то неожиданные тенденции, вызываемые к жизни обстоятельствами и фактами, которых мы при всем желании не могли бы предвидеть. И эти тенденции приходят к вполне логичному завершению.

В глубине души у Фарриса давно уже гнездился страх. Сколько человек за семь веков терзалось подобными страхами: «А не выдумка ли все это? Или сновидения вполне реальны? А если реальны, то кто их создал? Мы? Или они существуют сами по себе, а мы лишь попадаем в них?»

— Но откуда вы знаете, что происходит в сновидениях? — спросил Блейн.— Спящие вам рассказывать не станут, а если и станут, вы же им не поверите...

— Тут все просто,— рассмеялся Фаррис.— У нас есть шлемы с двусторонней связью. Загрузка длится недолго: схемы, факторы, нечто вроде завязки, а потом мы отключаемся и сновидение развивается само по себе. Но у нас есть и обратный канал, встроенный в шлем. Сновидение постоянно записывается на пленку. Мы изучаем его по мере поступления записей, и нам не нужно дожидаться пробуждения спящих. У нас горы пленок. Мы изучили миллионы факторов, определяющих развитие тысяч различных цивилизаций. В наших руках история — та, которой не было, та, которая могла бы быть и, возможно, та, что еще наступит.

«Только мы обладаем реальным оружием для захвата власти». Так сказал Фаррис. Да, оружие у Сновидений есть —

тьмы и тьмы пленок, полученных за семь веков. Миллиарды часов человеческого опыта — опыта очевидцев, накопленного в других цивилизациях. Некоторые из них, возможно, совершенно утопичны, зато другие были на волосок от реальности, и, вероятно, многие могут быть сознательно воплощены в жизнь.

Благодаря пленкам познания гильдии значительно превосходят реальный человеческий опыт. Сновидения заграбастали себе все козыри, какую область ни возьми — будь то экономика, политика, социология, философия или психология. Гильдия может пустить людям пыль в глаза экономическими трюками; может заставить общество поднять кверху лапки с помощью политических теорий; может использовать психологические меры воздействия, перед которыми окажутся бессильны все прочие профсоюзы.

Годами Сновидения играли в простодушных скромников, сидели в углу, смиренно сложив на коленях ладошки. Тихие, спокойные. И непрерывно оттачивали свое оружие, готовясь пустить его в ход в нужную минуту.

«И еще — преданность,— подумал Блейн.— Обычная человеческая преданность. Удовлетворение от сознания отлично выполненной работы. Радостное служение, гордость своими достижениями, дружеская атмосфера в Центре...»

Год за годом наматывались пленки с обратной записью, год за годом мужчины и женщины, доверчиво вверявшие гильдии свои заветные мечты о сказочных мирах, влачили жалкое существование в сновидениях, подчиненных фантастической, но жесткой логике.

Голос Фарриса все журчал и журчал. Блейн наконец прислушался:

— ...Гиси предал нас. Он хотел назначить начальником Архива человека, который разделял бы его взгляды. И он выбрал тебя, Блейн. Из всех кандидатов он выбрал тебя! — Фаррис оглушительно расхохотался.— Знал бы он, черт побери, как он ошибся!

— Да уж,— согласился Блейн.

— Поэтому нам пришлось убрать его: чтобы не допустить твоего назначения. Но ты переиграл нас, Блейн. Котелок у тебя варит что надо. Но как ты догадался? Как сообразил, что надо делать?

— Это не так уж важно.

— Выбор момента — вот что важно. Правильно выбрать момент,— сказал Фаррис.

— У вас, насколько я понимаю, с этим все в ажуре.

Фаррис кивнул:

— Я разговаривал с Эндрюсом. Он поддержит нас. Конечно, он не в восторге от наших планов, но у него нет другого выхода.

— Вы сильно рискуете, Фаррис, делясь со мной всеми подробностями.

— Какой к черту риск! Ты теперь наш, куда ты денешься? Стоит тебе только пикнуть — и ты погубишь свою любимую гильдию; впрочем, мы и не дадим тебе пикнуть. Отныне, Блейн, ты будешь жить под дулом пистолета. За тобой непрерывно будет вестись наблюдение. Так что лучше не делай глупостей. К тому же ты мне нравишься, Блейн. Мне нравится твой стиль. Твоя версия о Просвещении — это ж гениальная находка! Пока ты на нашей стороне, тебе ничего не грозит. Да тебе и уйти-то некуда, ты увяз по самую макушку. Как-никак, ты теперь начальник Архива, ты отвечаешь за все сновидения, это тебе не шуточки... Давай-ка, допивай свой стакан.

— Я и забыл о нем,— сказал Блейн.

И выплеснул остаток виски Фаррису в лицо. Не прерывая движения руки, разжал пальцы. Бокал упал на пол. Ладонь Блейна уже сжимала горлышко бутылки.

Пол Фаррис вскочил, яростно протирая руками глаза. Блейн встал одновременно с ним, замахнулся и обрушил бутылку на голову начальника Охраны. Фаррис свалился на ковер, по волосам зазмеились струйки крови.

Норман Блейн застыл в оцепенении. Комната и фигура на полу вдруг озарились в мозгу яркой моментальной вспышкой, обжигающе запечатлевая в памяти каждую деталь обстановки, каждую черточку распростертого на ковре тела. Блейн поднял руку и обнаружил, что все еще держит горлышко бутылки с отбитыми острыми краями. Он запустил им в стену и, согнувшись, бросился к окну, ощущая спиной неизбежную пулю. Прыгнул, на ходу сгруппировавшись, защищая руками лицо. Пробил своим телом стекло, услышал треск и хруст осколков и почувствовал, что летит.

Он приземлился на гравиевой дорожке и покатился вперед, пока его не остановил густой кустарник. Тогда он разжал руки и быстро пополз к стене. Но стена гладкая — это он помнил,— на такую не заберешься. Гладкая, высокая и только одни ворота. Его поймают и убьют. Затравят, как зайца на охоте. У него нет ни единого шанса. И оружия тоже нет, а если бы и было, он не умеет с ним обращаться. Все, что ему остается,— прятаться и спасаться бегством. Но прятаться особенно некуда, да и бежать тоже. «И все равно я рад, что вмазал ему»,— подумал Блейн.

Он расквитался за позорный семивековой обман, за поруганную и оплеванную преданность. Конечно, удар его запоздал и ничего уже не изменит. Он так и останется символическим жестом, о котором никто не узнает, кроме Нормана Блейна.

Интересно, много ли весят в этом мире символические жесты?

Блейн услышал за спиной топот и крики. Погоня будет недолгой. Он съежился в кустах, пытаясь найти какой-то выход из положения, но гладкая отвесная стена заранее обрекала все попытки на неудачу.

Шипящий шепот раздался как раз от стены. Блейн вздрогнул и вжался в кусты еще глубже.

— Ш-ш-ш! — снова прошипел чей-то голос.

«Провокация! — подумал Блейн.— Они выманивают меня отсюда».

И тут же увидел веревку, свисающую со стены, освещенной светом из разбитого окна.

— Ш-ш-ш! — предостерег его голос.

Блейн рискнул. Метнулся из кустов через дорожку к стене. Веревка ему не привиделась, и она была закреплена. Подгоняемый отчаянием, Блейн вскарабкался по ней с обезьяньей ловкостью и схватился рукой за край стены. Злобно щелкнул выстрел. Пуля врезалась в стену и, отскочив, с визгом скрылась во тьме.

Не думая об опасности, Блейн перемахнул через стену. Сильный удар о землю чуть не вышиб из него дух. Он лежал, судорожно хватая ртом воздух, а перед глазами бешеным хороводом кружились слепящие искры.

Чьи-то руки подняли его и понесли. Хлопнула дверца, и машина, взревев, умчалась в ночь.

11

Над ним склонилось лицо, губы шевелились — человек что-то говорил. Норман Блейн уже видел где-то это лицо, но узнать его не смог. Он закрыл глаза и попытался вновь окунуться в прохладную мягкую мглу. Но мгла не была больше мягкой, она стала враждебной и колючей. Он снова открыл глаза.

Лицо говорящего человека склонилось еще ниже. Блейн ощутил на щеке брызги чужой слюны. Когда-то он уже пережил подобное ощущение... Сегодня утром, на стоянке... К нему пристал липучка. И вот он опять изрыгает на Блейна словесный поток, чуть не вплотную прижавшись лицом.

— Угомонись, Джо,— сказал другой голос.— Он еще не очухался. Ты слишком сильно ему врезал, он тебя не понимает.

И этот голос тоже был знаком Блейну. Он оттолкнул рукой назойливое лицо, резко сел и прижался спиной к шероховатой стене.

— Привет, Коллинз,— сказал он обладателю второго голоса.— Как ты сюда попал?

— Меня привезли.

— Я так и понял.— Блейн взглянул вперед: старый заброшенный подвал, идеальное место для заговорщиков.— Это твои друзья?

— Можно сказать и так.

Перед Блейном вновь вынырнул липучка.

— Уберите его от меня! — сказал Блейн.

Третий голос велел Джо убраться — тоже знакомый голос. Джо исчез из поля зрения. Блейн утер рукой лицо.

— Следующим, кто здесь появится, будет Фаррис,— сказал он.

— Фаррис мертв,— отозвался Коллинз.

— Вот уж не думала, что у тебя хватит духа,— сказала Люсинда Сайлон.

Блейн откинул голову к стене и наконец увидел их всех, стоящих в рядок: Коллинза, Люсинду, Джо и еще двоих незнакомцев.

— Больше он не будет смеяться,— сказал Блейн.— Я вбил ему смех обратно в глотку.

— Мертвецы не смеются,— заметил Джо.

— Я не так уж сильно его ударил.

— Ему хватило.

— Откуда вы знаете?

— Мы в этом удостоверились,— сказала Люсинда.

Блейн вспомнил, как она сидела сегодня утром напротив него за столом. Собранная, невозмутимая. Она и сейчас совершенно спокойна. Такая вполне способна удостовериться — как следует удостовериться — в том, что человек превратился в труп.

Это было не так уж и сложно. Охранники устремились в погоню за Блейном, и любой желающий мог незаметно проскользнуть в дом, чтобы убедиться в том, что Фаррис уже не встанет.

Блейн поднял руку, пощупал шишку у себя за ухом. Они и о нем позаботились — удостоверились, что он не придет в себя слишком рано и не поднимет шум. Блейн встал, опираясь о стену, чтобы удержаться на трясущихся ногах. Посмотрел на Люсинду.

— Просвещение,— сказал он. Повернулся к Коллинзу и добавил: — И вы тоже.

Он оглядел всех подряд и спросил:

— И вы? Вы все оттуда?

— Просвещение давно уже в курсе,— сказала ему Люсинда.— Лет сто, если не больше. Мы не сидели сложа руки. И на сей раз, друг мой, мы прижмем Сновидения к стенке!

— Заговор! — Из груди у Блейна вырвался горький смешок.— Великолепное сочетание — Просвещение и заговор! Плюс липучки. Господи, нет, скажите мне, что липучки не из вашей компании!

Подбородок Люсинды почти незаметно взлетел вверх. Плечи гордо распрямились.

— Да, и липучки тоже.

— Теперь,— сказал Блейн,— мне все ясно! — И устремил обвиняющий перст в сторону Коллинза.

— Когда профессор погрузился в сон, никто еще ни о чем не подозревал,— возразила Люсинда.— Коллинз, насколько я понимаю, открыл вам глаза на деятельность вашей гильдии. Мы вышли на него.

— Вышли на него?..

— Естественно! Вы же не думаете, что у нас в Центре нет своих... ну, скажем, представителей?

— Шпионов.

— Пожалуйста. Зовите их шпионами, если угодно.

— А я? Каким боком я вписываюсь в вашу схему? Или я просто случайно попал под ноги?

— Случайно? Да бог с вами! Вы были так довольны собой, дорогой мой. Такой самонадеянный, такой самовлюбленный идеалист,— сказала Люсинда.

Выходит, не так уж он и ошибся. Заговор Просвещения не плод его фантазии. Единственное, о чем Блейн не догадался тогда, да и не мог догадаться, так это о том, что заговор Просвещения натолкнулся на целую сеть интриг внутри самой гильдии Сновидений. А он, Блейн, вляпался в самый центр столкновения. Ну надо же, какой счастливчик! Просто фантастическое везение. Да вздумай кто-нибудь намеренно спровоцировать такую ситуацию, можно всю жизнь стараться, и все зазря!

— Я говорил вам, дружище,— промолвил Коллинз,— что дело тут нечисто. Сновидения типа моего создают не просто так, а с определенной целью.

«Конечно с целью, да еще с какой!» — подумал Блейн. С целью собрать данные о гипотетических цивилизациях и воображаемых культурах — данные из первых рук, позволяющие понять, к каким последствиям приведут такие-то и такие-то условия; собрать данные, рассортировать их, выбрать из них факторы, поддающиеся прививке к существующей цивилизации, а затем приступить к сооружению смоделированной действительности, приступить так же хладнокровно и методично, как плотник приступает к сооружению курятника. А древесиной и гвоздями для этой курятниковой цивилизации должны были стать материалы сновидений, в которые погружают ни о чем не подозревающих людей.

Ну а с какой целью Просвещение стремится вывести их на чистую воду? Политика, должно быть. Ведь гильдия, сорвавшая маску с двуличных Сновидений, заслужит восхищение общества и таким образом укрепит свои позиции в предстоящей борьбе за власть. Хотя не исключено, что ими движут более искренние побудительные мотивы. Может, они и в самом деле озабочены незримо растущим могуществом гильдии Сновидений, способной подмять под себя все прочие союзы?

— Ну и что же теперь? — спросил Блейн.

— Друзья советуют мне подать жалобу,— сказал Коллинз.

— И вы собираетесь последовать совету.

— Думаю, да.

— Но почему именно вы? Почему именно сейчас? Вы не первый, кому подменили сновидение! Просвещение наверняка внедрило к нам сотни клиентов!

Коллинз повернулся к Люсинде Сайлон:

— А ведь он прав! Вы же подали заявку, то есть сами собирались погрузиться в сон!

— Вы в этом уверены? — сказала она в ответ.

А действительно — собиралась ли она? Или заявка была лишь поводом добраться до него, до Блейна? Теперь-то уж ясно, что они выбрали его как слабое звено в гильдии Сновидений. Сколько таких же слабых звеньев использовало Просвещение в своих целях? Возможно, ее заявка была лишь способом войти с ним в контакт, чтобы как-то заставить его сделать то, на что Просвещение считало его способным.

— Мы выбрали Коллинза,— сказала Люсинда,— потому что он первый независимый свидетель, не имеющий отношения к разведывательной службе Просвещения. Да, мы погружали в сон своих людей, чтобы иметь очевидцев, но свидетельств, представленных шпионами Просвещения, для суда было бы недостаточно. А Коллинз чист. Он уснул до того, как у нас возникли подозрения, что Сновидения ведут двойную игру.

— И все равно, он не первый. Были и другие. Почему вы не использовали их?

— Мы не могли их найти.

— Не могли...

— Вашему Центру лучше знать, что с ними произошло. Может, вы в курсе, мистер Блейн?

Блейн покачал головой:

— И все равно не понимаю — зачем я здесь? Не поверю, что вы всерьез надеетесь, будто я стану вашим свидетелем. Зачем вы меня сюда притащили?

— Мы спасли вам жизнь,— ответил Коллинз.— Похоже, вы уже забыли об этом.

— Вы можете уйти, когда захотите,— сказала Люсинда.

— Только имейте в виду, что за вами охотятся,— ввернул Джо.— Вас разыскивают головорезы Фарриса.

— На вашем месте я бы остался,— сказал Коллинз.

Они уверены, что загнали его в угол. У них прямо-таки на лицах написано: загнали, поймали и связали по рукам и ногам. Теперь он будет повиноваться им во всем. В груди поднялась волна слепой холодной ярости. Да как они смеют! Решили, видите ли, что человека из Сновидений можно так просто поймать в ловушку и подчинить своей воле!

Норман Блейн шагнул вперед, отделившись от стены, и остановился, глядя в полутьму подвала.

— Где здесь выход? — спросил он.

— Вверх по ступенькам,— сказал Коллинз.

— Вам помочь? — спросила Люсинда.

— Я сам.

Нетвердой походкой он подошел к лестнице, с каждым шагом чувствуя себя все более уверенно. Он обойдется без их помощи. Поднимется по ступенькам и выйдет на волю. Ему вдруг ужасно захотелось глотнуть прохладного свежего воздуха, вырваться из этой затхлой норы, где воняет грязными интригами!

Он повернулся к ним лицом. Они стояли у стены, словно призраки, только глаза горели во мгле.

— Спасибо за все,— сказал Блейн. Постоял еще немного, глядя на них, и повторил: — За все!

Он отвернулся и пошел вверх по лестнице.

12

Было темно, хотя уже недалеко до рассвета. Луна зашла, но звезды сияли, как лампочки, и предрассветный вкрадчивый ветерок продувал притихшие улицы.

Блейн находился в одном из небольших торговых центров, во множестве разбросанных по округе. Сплошные витрины и мириады сияющих огней.

Он вышел из дверей подвала, запрокинул голову, подставляя ее ветру. После подвальной духоты воздух казался удивительно свежим и чистым. Блейн глотал его с наслаждением, ощущая, как развеивается туман в голове, как наливаются силой ослабевшие ноги.

Улица была пустынна. Он побрел вперед, размышляя, что же теперь предпринять. Что-то надо делать, причем немедлен-

но. Нельзя допустить, чтобы утром его взяли здесь, в этом торговом центре.

Нужно куда-то спрятаться от охранников, идущих за ним по следу!

Но спрятаться некуда. Они будут выслеживать его неутомимо и упорно, как опасного зверя. Он убил их предводителя — по крайней мере, они так считают,— а такие вещи никому не проходят даром.

Открытой облавы с привлечением общества и прессы можно не опасаться: охранникам не с руки рекламировать убийство Фарриса. Но это не означает, что преследование будет менее беспощадным. Уже сейчас они наверняка рыщут по округе, вынюхивают все его возможные контакты и убежища. Домой идти нельзя, к Гарриет нельзя, никуда нельзя...

Гарриет!

Ее ведь нет дома. Она тоже где-то рыщет, собирая факты для статьи, появление которой он должен предотвратить. И это куда важнее его собственной безопасности. Под угрозой честь и достоинство гильдии Сновидений... если у гильдии еще остались честь и достоинство.

Ну конечно остались! Ведь тысячи служащих и руководителей отделов даже не подозревают о подмене сновидений. Для большинства членов гильдии ее предназначение осталось таким же, каким оно было тысячу лет назад,— таким же чистым и ясным. Они искренне вкладывают в работу душу, болеют за свое дело, гордятся тем, что честно служат обществу.

Скоро всему этому придет конец. Через несколько часов... Первый заголовок в газете, первое дуновение скандала — и чистая светлая цель сгорит алым пламенем в чадном дыму позора.

Не может такого быть, чтобы не существовало способа предотвратить публичное позорище и спасти гильдию! И если есть такой способ, то найти его должен именно он, Норман Блейн, ибо он единственный знает об угрозе бесчестия.

Первым делом нужно повидаться с Гарриет: поговорить с ней, объяснить, убедить, чтобы не рубила сплеча. Охранники выслеживают его своими силами, не прибегая к посторонней помощи, особенно к помощи других гильдий. Значит, телефонные автоматы прослушиваться не будут.

Он увидел вдали телефонную будку и бегом устремился к ней. Шаги гулко отдавались в холодной утренней тиши.

Блейн набрал рабочий номер Гарриет.

Нет, ответил ему мужской голос, она не приходила. Нет, ни малейшего представления. Может, он оставит свой номер на случай, если Гарриет объявится?

— Благодарю вас, не стоит,— сказал Блейн и набрал другой номер.

— Мы закрыты.— Голос был записан на пленку.— Здесь никого нет.

Он набрал следующий номер — гудки. Еще один — в ответ механический голос:

— Здесь никого нет, мистер. Мы давно закрылиєь. Уже почти утро.

Ее нет ни на работе, ни в любимых ночных ресторанчиках. Может, она дома? Он помедлил немного и решил, что звонить туда небезопасно. Охранники наверняка поставили на прослушивание и ее телефон, и его, несмотря на то что без санкции Связи это противозаконно.

Оставался еще один шанс, правда, довольно эфемерный. Домик у озера, куда они ездили как-то вечером.

Блейн нашел номер телефона, набрал.

— Да, она здесь,— ответил мужской голос.

— Привет, Норм,— сказала она через несколько мгновений, и он уловил панику в ее голосе, услышал ее учащенное прерывистое дыхание.

— Я должен поговорить с тобой.

— Нет,— сказала она.— Нет. Зачем ты звонишь? Тебе не надо говорить со мной. Тебя ищут...

— Я должен поговорить с тобой. Эта история...

— Я все знаю.

— Но ты обязана меня выслушать! То, что ты знаешь, неправда! На самом деле все было совсем не так, как тебе наболтали.

— Ты должен куда-то скрыться, Норм! Охранники охотятся за тобой...

— К черту охранников!

— До свидания, Норм. Надеюсь, тебе удастся уйти.

В трубке раздались гудки.

Он сидел, ошарашенно глядя на телефон.

«Надеюсь, тебе удастся уйти. До свидания, Норм. Надеюсь, тебе удастся уйти».

Она напугана до смерти! Она не хочет его слушать. Она стыдится знакомства с ним — с человеком опозоренным, с убийцей, за которым охотятся охранники.

Она все знает, так она сказала. Вот что самое главное. Ей нашептали всякие гадости, обдавая запахом джина с тоником или виски с содовой. Старый испытанный метод состряпать статейку: задействовать все информационные каналы и выпытать как можно больше грязных подробностей, благо у Связи нет недостатка в «достоверных источниках» и добровольных информаторах.

— Скверно,— сказал себе Блейн.

Стало быть, она все знает, а следовательно, скоро напишет статью, и кричащие газетные заголовки хлынут на улицы потоком.

Нет, этого нельзя допустить! Должен быть какой-то способ.

И он есть. Есть такой способ.

Блейн зажмурился и вздрогнул, похолодев от испуга.

— Нет, только не это,— пробормотал он.

Но другого выхода не было.

Блейн встал, вышел из будки на пустынный тротуар, расцвеченный всполохами рекламных огней. Небо над крышами уже посветлело, скоро взойдет солнце.

Машину с выключенными фарами он заметил лишь тогда, когда она подъехала к нему почти вплотную. Шофер высунул голову:

— Вас подбросить, мистер?

Блейн дернулся от неожиданности. Мускулы напружинились, но бежать было некуда. Негде спрятаться, негде укрыться. Игра окончена. Странно, почему они не стреляют.

Задняя дверца машины распахнулась.

— Влезайте,— сказала Люсинда Сайлон.— Да не стойте же столбом! Влезайте, вы, ненормальный!

Он живо плюхнулся на сиденье и захлопнул дверцу.

— Я не могла оставить вас им на растерзание,— сказала женщина.— Они взяли бы вас тут еще до рассвета.

— Мне нужно в Центр,— сказал Блейн.— Можете подбросить меня туда?

— Вы отдаете себе отчет...

— Мне нужно,— повторил он.— Если вы меня не отвезете...

— Отвезем,— сказала Люсинда.

— Мы не можем его туда везти, ты сама знаешь,— возразил шофер.

— Джо, человеку нужно в Центр.

— Глупости,— сказал Джо.— Что он там забыл, в Центре? Мы спрячем его...

— В Центре меня не будут искать,— сказал Блейн.— А если и будут, то в самую последнюю очередь.

— Вы не сможете пробраться в здание.

— Я проведу его,— сказала Люсинда.

13

Джо резко вырулил за поворот и увидел прямо перед собой дорожное заграждение. Тормозить было поздно, развернуться негде.

— Ложись! — заорал он и до упора вдавил педаль акселератора.

Мотор бешено взвыл, Блейн схватил Люсинду в охапку и скатился вместе с ней на пол.

Машина с диким скрежетом врезалась в заграждение. Краем глаза Блейн видел, как за окошком летят во все стороны обломки досок. Что-то садануло по стеклу, и их с Люсиндой осыпало дождем осколков.

Машина дернулась, крутанулась — и вырвалась на дорогу, шлепая по асфальту спустившей шиной. Блейн ухватился за сиденье, подтянулся рывком и втащил за собой Люсинду.

Покореженный капот задрался кверху, загораживая водителю обзор. Корявые металлические лохмотья, бывшие недавно частями капота, хлопали на ветру.

— Долго не протянем,— проворчал Джо, вцепившийся в руль.

Он повернул голову, мельком взглянул на своих пассажиров и вновь отвернулся. Лицо его было залито кровью, сочившейся из раны на виске.

Сбоку раздался громкий взрыв. Металлические дробинки градом застучали по накренившейся машине.

Гранатомет! И следующий выстрел будет более метким.

— Прыгай! — завопил Джо.

Блейн замешкался. Как молния, мелькнула мысль: не может он прыгать! Не может бросить здесь этого человека — липучку по имени Джо. Он должен остаться. В конце концов, это его сражение, а не их.

Пальцы Люсинды впились в его руку:

— Дверь!

— Но Джо...

— Дверь! — пронзительно крикнула она.

Прямо перед машиной взорвалась еще одна граната. Блейн нащупал дверную ручку, нажал. Дверца распахнулась, с размаху вернулась назад и больно стукнула в бок. Блейн метнулся на шоссе, ударился плечом о бетон и покатился к обочине. Бетон окончился, и Блейн полетел в никуда.

Приземлился он в жидкую грязь. Поднялся, отплевываясь и разбрызгивая вокруг себя болотную жижу. В голове стоял жуткий звон, перед глазами плыли круги, тупо ныла шея. Плечо, которым он ударился о бетон, горело огнем. В ноздри бил терпкий запах перегноя, плесени, гниющих растений. Вдоль придорожной канавы дул пронзительный холодный ветер.

Вверху на дороге опять громыхнуло, и в свете вспышки Блейн увидел, как взметнулись в воздух бесформенные обломки. И тут же к небу, словно факел, взвился огромный яркий костер.

«Это машина»,— подумал Блейн.

А в машине — Джо. Маленький человечек, липучка, приставший к Блейну утром на стоянке и вызвавший у него лишь раздражение и злость. И вот теперь человечек погиб. Он сознательно пошел на смерть ради чего-то большего, чем он сам.

Блейн побрел вдоль канавы, пригибаясь и прячась за тростником.

— Люсинда!

Впереди послышался всплеск. Блейн даже удивился — настолько сильный прилив облегчения и радости прихлынул к груди.

Значит, она спаслась; она здесь, в придорожной канаве, в безопасности... ну, скажем, в относительной безопасности. Их могут обнаружить в любую минуту. Надо уходить, и чем быстрее, тем лучше.

Костер на шоссе догорал, стало темнее. Блейн зашлепал по воде вперед, стараясь не слишком шуметь.

Она поджидала его, прижавшись к насыпи.

— Вы в порядке? — прошептал он, и женщина быстро кивнула во тьме.

Она подняла руку, указывая в сторону от шоссе. За болотом, густо поросшим камышами, высилось здание Центра, освещенное первыми лучами рассвета.

— Мы почти у цели,— мягко проговорила Люсинда.

Она пошла вперед, из канавы в болото, вдоль ручейка, струившегося меж тугих стеблей осоки и тростника.

— Вы знаете дорогу?

— Идите за мной,— сказала она.

Он вяло подумал про себя: «Интересно, сколько лазутчиков пробиралось этой тайной тропой через трясину? И сколько раз сама Люсинда шагала туда и обратно?» Трудно как-то представить ее такой — заляпанной грязью и тиной, устало бредущей по болоту. За спиной послышались крики отряда охранников, сидевших в засаде за дорожным заграждением. Надо же! Видно, головорезы Фарриса совсем озверели, если не побоялись заблокировать общественную магистраль. За такие штучки можно и по шее схлопотать.

Он сказал Люсинде, что охранники не станут искать его в Центре. Как видно, он ошибся. Они поджидали его на шоссе, уверенные в том, что он попытается проникнуть в здание. Почему?

Люсинда остановилась возле дренажной трубы диаметром около трех футов, из отверстия которой тонкой струйкой бежала вода, стекая в болото.

— Ползком сможете? — спросила она.

— Я сейчас все смогу.

— Смотрите, путь неблизкий.

Он взглянул на массивное здание Центра, росшее, как казалось отсюда, прямо из болота.

— Всю дорогу по трубе?

— Всю дорогу.

Она подняла испачканную ладонь и откинула со лба прядь волос, оставив на лице полоску грязи. Блейн усмехнулся, глядя на нее, такую промокшую и измотанную, совсем не похожую на холодное невозмутимое создание, сидевшее утром напротив него за столом.

— Если вздумаете смеяться,— сказала она,— клянусь, я влеплю вам затрещину.

Она уперлась локтями в нижнюю стенку трубы и залезла внутрь, извиваясь всем телом. Потом встала на четвереньки и поползла вперед. Блейн последовал за ней.

— Маршрут у вас отработан четко,— прошептал он. Труба подхватила шепот, стократно умножив его, перекатывая от стенки к стенке причудливым эхом.

— Иначе нельзя. Мы боролись с опасным противником.

Казалось, прошла уже целая вечность, а они все ползли и ползли по трубе.

— Здесь,— сказала наконец Люсинда.— Осторожнее!

Она протянула Блейну руку, потащила за собой. Сбоку пробился слабый лучик света: в обшивке трубы зияла узкая щель.

— За мной! — Люсинда протиснулась в щель и пропала из виду.

Блейн с опаской полез за ней. Рваный край обшивки врезался в спину, располосовал рубашку, но Блейн с усилием пропихнул тело вперед и упал.

Они стояли в полутемном коридоре. Воздух был застоявшийся, затхлый; по влажным каменным стенам сочилась вода. Дойдя до ступенек, они поднялись наверх, прошли по другому коридору, потом опять наверх.

И вдруг сырые камни сменились знакомым мраморным вестибюлем. Над сияющими медью дверями лифтов горели яркие настенные светильники.

Стоявшие в вестибюле роботы все как по команде обернулись и направились к ним. Люсинда вжалась в стену.

Блейн схватил ее за руку.

— Быстро назад!

— Блейн! — окликнул его один из роботов.— Погодите минуту!

Блейн развернулся и замер, выжидая. Роботы остановились.

— Мы ждали вас,— продолжал робот-спикер.— Мы были уверены, что вы придете.

Блейн дернул Люсинду за руку.

— Погодите! — шепнула она.— Послушаем, чего он скажет.

— Ример предупредил нас, что вы вернетесь,— сказал робот.— Он знал, что вы попытаетесь.

— Ример? При чем тут Ример?

— Мы на вашей стороне,— объяснил робот.— Мы вышвырнули отсюда охранников. Пожалуйста, следуйте за мной, сэр.

Двери ближайшего лифта медленно раздвинулись.

— Пошли! — сказала Люсинда.— Похоже, все в порядке.

Они вошли в кабинку, робот-спикер за ними. Лифт взмыл вверх, остановился, и они проследовали сквозь плотный строй роботов, выстроившихся в две шеренги от самого лифта до двери с табличкой «Архив».

В дверях стоял человек — крупный, почти квадратный, темноволосый. Блейн встречался с ним раньше, правда не так уж часто. Человек, написавший в записке: «Если захотите встретиться, я к вашим услугам».

— Наслышан о ваших подвигах, Блейн,— сказал Ример.— Я надеялся, что вы постараетесь вернуться. Я рассчитывал на вас.

Блейн поднял на него измученные глаза:

— Рад, что вы так думаете, Ример. Через пять минут...

— Кто-то должен сделать это,— сказал Ример.— Не изводите себя мыслями. Чему быть, того не миновать.

Еле передвигая ноги, налитые свинцом, Блейн пошел вперед, мимо роботов, мимо Римера, в комнату.

Телефон стоял на столе. Блейн опустился в кресло, медленно протянул к трубке руку.

Нет! Только не это! Должен быть какой-то другой способ! Другой, лучший способ одержать верх над ними — над Гарриет с ее статьей, над охранниками, идущими за ним по следу, над заговором, уходящим корнями во тьму семи веков. Теперь у него появились шансы на победу, ведь на его стороне Ример и роботы. Когда он впервые понял, что надо делать, он был гораздо меньше уверен в победе. Единственным его желанием было добраться всеми правдами и неправдами до Центра, попасть в кабинет, где он сидит сейчас, и продержаться в нем достаточно долго, чтобы успеть сделать то, что он должен сделать.

Он думал тогда, что умрет в этой комнате, за столом или в кресле, прошитый пулями охранников, когда дверь наконец не выдержит и сорвется с петель.

Другой способ... Он должен был существовать, но его не было. Остался только один способ — горький плод семивекового сидения в углу со сложенными на коленях ладонями и ядовитыми замыслами в мозгу. Блейн поднял трубку с рычага и, держа ее в руке, взглянул на Римера.

— Как вам удалось? — спросил он.— Как вы переманили на свою сторону роботов? И зачем вы сделали это, Джон?

— Гиси мертв,— ответил Ример,— и Фаррис тоже мертв. Никто пока их не сменил, их должности вакантны. Иерархическая цепочка, друг мой. Бизнес-агент, Охрана, Архив — вы сейчас самый большой начальник. В сущности, после смерти Фарриса вы стали главой Сновидений.

— О господи,— сказал Блейн.

— Роботы — верные ребята,— продолжал Ример.— Они преданы не какому-то конкретному человеку или отделу. В них заложена преданность гильдии Сновидений. А вы, друг мой, сейчас и есть эта гильдия. Не знаю, надолго ли, но пока что вы полновластный хозяин Сновидений.

Почти бесконечную минуту они молча смотрели друг на друга.

— Вы в своем праве,— сказал наконец Ример.— Давайте звоните.

«Вот почему охранники были так уверены, что я вернусь»,— мелькнуло в голове у Блейна.

Отсюда и заграждение на дороге — возможно, даже не на одной дороге, а на всех шоссе, ведущих к Центру. Чтобы не дать ему вернуться до того, как назначат нового шефа.

«Мог бы и сам догадаться,— подумал Блейн.— Я же практически все это знал... Не далее как вчера днем я подумал о том, что стал теперь третьим человеком в иерархии Центра...»

— ...назовите, пожалуйста, номер. Назовите, пожалуйста, номер,— донесся до него голос оператора.— Будьте добры, скажите, какой вам нужен номер!

Блейн назвал номер и стал ждать.

Вчера утром Люсинда сказала ему с насмешкой: «Преданный вы человек». Может, не дословно так, но смысл был именно таким. Она высмеяла его преданность, высмеяла нарочно, чтобы посмотреть, как он будет реагировать. Преданный человек, сказала она. Что ж, пришла пора расплачиваться за преданность.

— Агентство новостей,— сказал голос в трубке.— Центральное агентство новостей.

— У меня есть для вас сообщение.

— С кем я говорю? Представьтесь, пожалуйста.

— Норман Блейн. Сновидения.

— Блейн? — Пауза.— Вы сказали, вас зовут Норман Блейн?

— Совершенно верно.

— Один из наших корреспондентов сообщил нам сенсационную новость. Но мы придержали ее публикацию, чтобы проверить...

— Пожалуйста, запишите мое сообщение на пленку. Я не хочу, чтобы меня неверно цитировали.

— Мы записываем вас, сэр.

— В таком случае я начинаю...

«Я начинаю. И это начало конца».

— Говорите, Блейн!

— Итак,— сказал Блейн,— в течение семи столетий гильдия Сновидений проводила серию экспериментов с целью изучения параллельных цивилизаций...

— В сообщении нашего корреспондента говорится о том же, сэр. Вы уверены, что это правда?

— Вы мне не верите?

— Нет, но...

— Это правда. Мы проводили опыты семьсот лет, сохраняя их в строжайшей тайне, ибо в силу ряда причин не считали целесообразным ставить общество в известность...

— В сообщении нашего корреспондента...

— К черту вашего корреспондента! — крикнул Блейн.— Я не знаю, что он вам наплел. Я звоню, чтобы сообщить вам, что гильдия Сновидений решила предать гласности факт проведения опытов. Вы меня поняли? Гильдия добровольно, сама решила обнародовать данные экспериментов! Мы просим создать комиссию и обязуемся в течение нескольких дней передать ей всю информацию. В состав комиссии должны быть включены представители разных профсоюзов, чтобы мы смогли вместе обсудить полученные нами результаты и решить вопрос об их наиболее эффективном использовании.

— Блейн! Погодите минуту, Блейн! — Ример взял у него трубку.— Позвольте, я закончу. Вы совершенно измотаны, отдохните немного. Я справлюсь.

Он поднял трубку, улыбнулся.

— Они потребуют подтверждения ваших полномочий, и так далее, и тому подобное.— Он снова улыбнулся.— Гиси хотел это сделать, Блейн. Вот почему Фаррис заставил его уволить меня и в конце концов убил...

Ример сказал в трубку:

— Алло, сэр! У Блейна срочные дела, он вышел. Я расскажу остальное...

Остальное? Что остальное? Все уже сказано.

Сновидения лишились последнего шанса обрести величие и власть. У гильдии был единственный шанс, и он, Норман Блейн, лишил ее этого шанса. Он одержал верх над Гарриет, над Фаррисом с его головорезами, но победа оказалась горькой и бесплодной.

Да, конечно, он спас честь Сновидений. Единственное, что удалось спасти...

Какая-то мысль или внезапный импульс — что-то заставило его поднять голову, будто его окликнул чей-то голос.

Люсинда стояла в дверях. Ее измазанное полосками грязи лицо светилось нежной улыбкой. Глаза были глубокими и ласковыми.

— Неужели вы не слышите ликующих криков? — спросила она.— Не слышите, как приветствует вас вся планета? Как давно, Норман Блейн, как давно не ликовали все вместе люди на этой планете!

Всем известно, что после посадки космического корабля на девственной планете проходит не менее недели, прежде чем первый представитель местной фауны решится покинуть свое убежище и выползет осмотреться. Но на этот раз...

Не успели мы открыть люк и спустить трап, как стадо куставров тут же сгрудилось вокруг корабля. Они стояли, плотно прижавшись один к другому, и выглядели неправдоподобно. Казалось, они покинули рисунки карикатуриста, допившегося до белой горячки, и, как часть его бреда, явились нам. Размерами они превосходили коров, но явно проигрывали последним в грациозности. Глядя на куставров, можно было предположить, что форма их тел возникла в результате постоянных столкновений с каменной стеной.

Разноцветные пятна — фиолетовые, розовые, изумрудные и даже оранжевые — покрывали бугристые синие шкуры этих блаженных созданий. Оригинальная расцветка, которую не имеет ни одно уважающее себя существо. Суммарно пятна складывались в подобие шахматной доски, сшитой из лоскутов, хранившихся в сундуке старой сумасшедшей леди.

Если начистоту, не это было самым жутким... Из их голов, туловищ и всех остальных частей тел тянулись вверх многочисленные побеги, создавая впечатление, что существа прячутся в зарослях молодого кустарника, вернее, неумехи пытаются прятаться. Довершали эту картину, делая ее совершенно безумной, фрукты и овощи — или то, что могло напоминать фрукты и овощи,— росшие на побегах.

Мы спустились по трапу на зеленую лужайку перед кораблем. Несколько минут прошли в молчании: мы разглядывали куставров, они — нас, пока одно из существ не двинулось в на-

шу сторону. Оно остановилось в двух-трех метрах, подняло печальные глаза и упало замертво к нашим ногам.

Тут же стадо развернулось, и куставры, неуклюже топоча, поползли прочь, как будто выполнили возложенную на них миссию, удовлетворили собственное любопытство и отправились по домам.

Джулиан Оливер, ботаник, поднял трясущуюся руку и смахнул с лысины капельки пота.

— Очередная эточтовина...— простонал он.— Ну почему, объясните мне, нам никогда не везет? Почему мы не можем высадиться на планете, где все ясно и просто?

— Потому что они существуют в мечтах,— ответил я.— Вспомни кустарник с Гэмал-пять, который в первую половину жизни неотличим от спелого земного помидора, а во второй перерождается в ядовитый плющ, опасный для человека по категории А.

— Я помню,— печально отозвался Оливер.

Макс Вебер, биолог, осторожно приблизился к упавшему куставру и легонько пнул тушу ногой.

— Все дело в том,— неторопливо начал он,— что гэмалианский помидор — подопечный Джулиана. А эти существа... Как вы их обозвали? Да, куставры. Так вот, они всем стадом взгромоздятся на мою тонкую шею.

— Так уж и на твою! — запротестовал Оливер.— Что, к примеру, ты можешь сообщить нам о кустарнике на теле существа? Ничего конкретного. Вот и получается, что мне с куставрами придется повозиться не меньше твоего.

Я быстро подошел к ним, чтобы прервать спор. Вебер и Оливер не прекращают его уже в течение двенадцати лет, именно столько, сколько я их знаю. Ни две дюжины планет, на которых мы работали, ни сотни парсеков не смогли изменить их взаимоотношений. Я отлично знал, что остановить спор невозможно, но в данной ситуации имело смысл отложить его на некоторое время.

— Прекратите,— вмешался я.— Через пару часов наступит ночь. Надо решить вопрос с лагерем.

— Но куставр...— начал было Вебер.— Мы не можем оставить его лежать...

— Почему бы нет? На планете их многие миллионы. А этот пусть лежит.

— Но ведь существо упало замертво! Ты же сам видел!

— Да, видел, но именно этот куставр был старым и больным.

— Нет. Существо находилось в расцвете сил.

— Давай перенесем беседу о физическом состоянии куставра на вечер,— подключился к разговору Альфред Кемпер, бактериолог.— Я заинтригован не меньше твоего, но Боб прав: надо решить вопрос с лагерем.

— И еще,— добавил я, сурово поглядывая на своих товарищей,— каким бы безопасным и благополучным ни выглядел этот мир, мы обязаны строго соблюдать все пункты инструкции; ничего не рвать и не есть. Пить только ту воду, которую мы привезли с собой. И не совершать ночных прогулок в одиночку. Ни малейшего проявления беспечности!

— Но ведь на планете ничего нет, лишь бесчисленные стада куставров. Нет ни деревьев, ни холмов, ни... одним словом, ничего. Это не планета, а бескрайнее пастбище.— Вебер никак не мог утихомириться, а ведь он знает все правила и инструкции не хуже меня. Просто не в его характере сразу же соглашаться.

— Так что будем делать, парни? — спросил я.— Устанавливаем палатки? Или еще одна ночь на борту корабля?

Мой вопрос, как я и предполагал, попал точно в цель, и еще до захода солнца небольшой палаточный городок вырос невдалеке от корабля. Карл Парсонс, эколог, а по совместительству повар, установил разборную походную печь, и не успели мы вбить последний колышек, он громогласно провозгласил: «Ужин!» Все бросились к столу, а я поплелся к своей палатке. Как обычно, ребята дружно засмеялись, после чего набросились на еду.

Три раза на дню, иногда и чаще, я обмениваюсь с друзьями «своеобразными комплиментами». Никаких обид и недомолвок не возникает — они постоянно прохаживаются по поводу моей диеты, ну и я в долгу не остаюсь. Мне кажется, что прием пищи превратился в своеобразный ритуал — обмениваясь шутками и остротами, мы тем самым ликвидируем стрессовые ситуации. Недаром все двенадцать лет состав отряда не менялся.

Сев на койку, я достал свою сумку с набором диетических блюд, смешал компоненты и начал запихивать в себя липкую

безвкусную массу. Тут-то меня и настиг запах жареного мяса. Подхватив сумку, ретировался в дальний угол лагеря. Ей-богу, в такие моменты я готов отдать свою правую руку за кусок мяса, слегка недожаренного, с кровью.

От диетической пищи не умирают, но этот факт — единственное утешение. Представляете — у меня язва желудка! Если вы спросите любого медика, что это за болезнь такая, то он ответит вам, что ее давно не существует. Да, слово «язва» звучит архаично и смешно. Но мой желудок — загадка для всех врачей! Вот почему я вынужден таскать за собой по всей Галактике сумку с диетическими блюдами.

После ужина ребята подтащили тушу куставра поближе к лагерю, чтобы при свете ламп внимательно осмотреть существо. Через несколько минут досконального изучения рассеялись последние сомнения, касавшиеся удивительной растительности. Мы убедились, что побеги составляют неотъемлемую часть существа и растут из бугристых участков тела строго определенной расцветки.

Еще через несколько минут Вебер, открыв от удивления рот, обнаружил на некоторых буграх лунки, как будто для игры в гольф, но меньшего размера. Он достал перочинный нож и выковырял из одного отверстия насекомое, очень похожее на пчелу. Мы не поверили собственным глазам; Вебер проверил еще несколько отверстий-лунок и обнаружил еще одну пчелу, мертвую, как и в первом случае.

Вебер и Оливер хотели тотчас же начать вскрытие, но нам удалось отговорить их. Мы разыграли, кому из нас дежурить первому, и, конечно, короткую соломинку вытянул я.

Особой необходимости в охране лагеря не было; сигнальная система надежно защищала нас, но имелось дополнительное предписание, чтобы выставлять караул.

Я нехотя отправился на поиски ружья, а ребята, пожелав мне спокойной ночи, разошлись по палаткам. Их голоса еще долго доносились из темноты.

Первая ночь на неизвестной планете всегда проходит одинаково. Как бы вы ни устали от работы, как бы равнодушно ни относились к ней — вам едва ли удастся заснуть, будь вы зеленый новичок или прокопченный космический волк.

Я сидел при свете лампы. На любой другой планете мы разожгли бы костер — языки пламени создают иллюзию родно-

го дома, но здесь не было даже соломы, не говоря о щепочках или настоящих дровах.

Лампа стояла на столе рядом со мной, а на противоположном краю лежала туша куставра. Давно я не чувствовал себя так неуютно, хотя время моих беспокойств еще не наступило. Моя специальность — экономика сельского хозяйства; основная задача — оценить отчеты специалистов отряда и сделать соответствующий вывод о возможности колонизации планеты.

Но, сидя один на один с этим удивительным существом — куставром,— я не мог отделаться от мысли, что оно спутало все карты. Я безуспешно пытался отвлечься, и мысли мои неизменно возвращались к его загадкам, так что я рад был увидеть рядом с собой даже Талбота Фуллертона, Четырехглазого, выплывшего из темноты.

Во время полета Фуллертон скорее напоминал тень, а не человека.

Но сейчас Четырехглазый выглядел взволнованным.

— Перебрал впечатлений? — спросил я.

Он рассеянно кивнул, продолжая таращиться в темноту.

— Удивительно,— сказал он.— Удивительно, если окажется, что эта планета — та самая.

— Не окажется. Ты ищешь Эльдорадо. Охотишься за сказкой. Стреляешь холостыми патронами.

— Однажды эту планету уже нашли,— упрямо продолжал Фуллертон.— Мы располагаем соответствующими записями о ней.

— Ну, конечно! Мемуары об Атлантиде и Золотых Людях. Воспоминания об Империи Пресвитера Иоанна. Отчет о Северо-Западном Проходе в истории древней Земли. Описание Семи Городов. И другие повести в том же духе.

Лицо Фуллертона вытянулось, дыхание участилось, глаза заблестели. Он нервно сжимал и разжимал кулаки.

— Саттер,— изумленно произнес он,— не могу понять, зачем вы все время издеваетесь надо мной. Я знаю наверняка, что где-то во Вселенной существует бессмертие. Секрет бессмертия уже найден, и Человечество обязано отыскать это место! Сегодня в распоряжении человека безграничные возможности космоса — миллионы планет. Проблема жизненного пространства полностью решена. Бессмертие, говорю я вам всем,— вот следующая ступень развития Человечества!

— Прекрати! — рявкнул я.— Забудь все, что сказал!

Но уж если Четырехглазого понесло, его не остановишь никакими силами.

— Оглянись,— продолжал он.— Эта планета идентична Земле. Даже солнце ее находится на той же стадии эволюции звезд, что и земное Солнце. Плодородная почва, идеальный климат, обилие воды! Сколько пройдет лет, прежде чем люди заселят эту планету?

— Тысяча лет. Пять тысяч. Может, и больше.

— Правильно! Бесчисленное количество миров только того и ждут, чтобы их заселили. Но человек вынужден оставлять их в неприкосновенности по одной простой причине — он смертен. Следует еще сказать и о...

Я терпеливо сидел, выслушивая его бесконечные «сказать и о...», но все его рассуждения имели один вывод — смерть ужасна. Если бы вы только могли знать, как мне надоели все эти разговоры. Ведь каждый отряд обязан иметь в своем составе Четырехглазого! Они все настоящие безумцы, но такого фанатика, как Фуллертон, еще не было; к тому же этот полет был у него первым. Я попытался отключиться, поминая недобрыми словами Институт Бессмертия, присылающий нам Четырехглазых...

А Фуллертон все говорил и говорил. Идеализм, замешенный на настырности в поисках бессмертия, прямо-таки бурлил в нем. Впрочем, каждый Четырехглазый пытался произвести впечатление этакого Прометея, пылая неистовой уверенностью в правильности своих предположений, что человек обязан жить вечно, а бессмертие вскоре, буквально со дня на день, будет найдено. В качестве доказательства каждый из них рассказывал байку о безымянном космическом корабле, затерявшемся на безымянной планете в давно забытом году — после того, как экипаж корабля обнаружил бессмертие. Бред, конечно. И все же благодаря стараниям Четырехглазых, правительственным субсидиям и миллиардным дарам и пожертвованиям миф продолжает жить. Глупцы, богатые и бедные, верят рассказам о бессмертии и регулярно переводят на счет Института деньги, но тем не менее продолжают умирать с обычным постоянством. Щедрость не окупается.

— Куда это ты все время поглядываешь? — спросил я Фуллертона, надеясь охладить его пыл.— Что там — человек, животное, растение?

— Нет! — торжественно произнес он, как судья, зачитывающий приговор.— Я вижу там нечто такое, о чем не могу вам сказать!

Да будь я проклят! Что он о себе воображает?

И я продолжал подкалывать его, чтобы быстрее пролетело время моего дежурства. Фуллертон, наш Четырехглазый, оказался самым молодым и, что всего хуже, самым прилипчивым и занудным из всех Очкариков, беседовавших со мной. Он раздражал меня все сильнее; фанатики никогда не прислушиваются к мнению собеседника!

— А как ты определишь, что нашел именно то, что искал?

Он не ответил. Его сопение заставило замолчать и меня — того и гляди, разрыдается.

Так мы и сидели, не возобновляя разговор. Потом он достал из кармана зубочистку, сунул в рот и начал неторопливо жевать. Я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует; по-моему, нет более отвратительной привычки, чем жевать зубочистку, к тому же в самые неподходящие моменты. Думаю, он почувствовал мое тайное намерение, выплюнул изжеванную зубочистку и молча удалился.

Я оглянулся на корабль. Света лампы хватало, чтобы прочесть надпись на борту: «Кэф-7 — ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО 286». Этой небольшой надписи достаточно, чтобы нас узнали в любом уголке Галактики.

Известно, что Кэф-7 — экспертная сельскохозяйственная планета, так же как Альдебаран-12 — планета, занимающаяся медицинскими исследованиями, а Капелла-9 — планета Университетов. Да что говорить, каждая планета специализируется на исследованиях в одной, строго определенной области.

Следует добавить, что Кэф снаряжает многочисленные исследовательские экспедиции, такие как наш отряд.

Мы разведываем новые миры, выискиваем растения и животных, пригодных для дальнейших экспериментальных исследований. Правда, до сих пор похвастаться особыми успехами мы не можем. В нашем активе лишь несколько видов трав, прижившихся на элтенианских мирах. Остальные находки не причислишь к достижениям. Да, до сих пор фортуна упорно поворачивалась к нам спиной. Достаточно вспомнить ядовитый плющ. Работаем мы столь же упорно, как и остальные отряды, но оказывается, что от одного старания проку мало.

Иногда, особенно вечерами, становится ужасно обидно: ну почему кто-то возвращается с ценнейшими находками, приносящими славу и деньги, а мы выщипываем лишь жалкую траву? А еще чаще возвращаемся и вовсе с пустыми руками.

Жизнь исследовательская нелегка; иногда приходится работать в невероятно тяжелых условиях. Из таких полетов ребята возвращаются как лимоны, если возвращаются...

Но сегодня, похоже, нам невероятно повезло. Тихая мирная планета, идеальный климат, ландшафт без излишеств, а главное — отсутствие враждебно настроенной живности и ядовитой растительности.

Вебер, конечно же, проспал. Появившись, он подошел к столу и выпучился на тушу куставра, будто впервые увидел существо.

— Фантастика, а не симбиоз,— сказал он, обходя вокруг стола, но не отрывая от куставра взгляда.— Мозг просто отказывается воспринимать сию зрительную информацию. Если бы существо не лежало перед самым моим носом, я бы сказал, что подобное невозможно. Ведь симбиоз ассоциируется с простейшими формами живых организмов.

— Ты имеешь в виду кустики на теле куставра? И пчел?

Он кивнул.

— Почему ты уверен, что это именно симбиоз?

— Не знаю,— тихо ответил Вебер и сжал кулаки так, что побелели пальцы.

Я передал ему ружье и пошел в палатку, которую делил с Кемпером. Бактериолог проснулся и заговорил со мной. Хотя, быть может, он и не спал.

— Это ты, Боб?

— Я. Все в порядке.

— Что-то не спится. Лежу и думаю,— сказал он.— Безумное местечко.

— Куставры?

— Не только они. Вся планета. Впервые сталкиваюсь с такой пустотой — ни деревьев, ни цветов. Ничего. Лишь бескрайнее море травы.

— Разве есть инструкция, запрещающая находить планеты-пастбища? — пошутил я.

— Слишком просто,— ответил он, не принимая моей шутки.— Все неестественно упрощено. Планета аккуратно прибра-

на и упакована. Как будто кто-то задался целью создать простую планету, отбросил все излишества, прекратил все биологические эксперименты, кроме одного — выращивания единственного вида животных и травы для их питания.

— Ты уверен? Ведь мы не знаем многих деталей. Возможно, мы не успели обнаружить остальных обитателей планеты? Да ты и сам знаешь — загадки возникают за секунды, а разгадываются годами. Согласен, единственные живые существа, которых нам удалось увидеть,— куставры, но, возможно, по той простой причине, что они расплодились в невероятных количествах. Они, как высокая гора, заслонили собой все вокруг.

— А иди ты,— прошептал он и отвернулся.

Я улыбнулся: Кемпер вновь стал самим собой, тем Кемпером, которого я знал и любил, с которым мы десять лет подряд делили все радости и невзгоды.

Сразу же после завтрака разгорелся ожесточенный спор.

Оливер и Вебер сказали, что вскрытие будут производить прямо на столе. Парсонс, узнав об этом, готов был вцепиться им в глотки. Я так и не понял, чего он взъерепенился. Ведь еще до первого произнесенного им слова было ясно, что он потерпит очередное поражение. Шуми он, не шуми — вскрытия всегда проводились и всегда будут проводиться именно на этом столе. Больше не на чем.

— Я догадывался, что вы ребята не промах. Только отправляйтесь-ка искать другое место для разделки этой туши,— неистовствовал Парсонс.— Думаете, приятно сидеть за столом, на котором вы потрошите дохлятину?

— Но, Карл! Ведь мы займем лишь край стола.

Мы-то знали, что через несколько минут весь стол, а потом и стулья будут завалены кусками куставра.

— Расстелите на траве брезент! — крикнул Парсонс.

— На брезенте невозможно работать скальпелем. Попробуй сам, и ты...

— Убирайте со стола это чудовище.— Парсонс даже не прислушивался к ответам Оливера.— Еще сутки — и оно протухнет.

Мне надоело слушать их ругань, я отправился на корабль и начал выгрузку клеток с лабораторными животными. Эта работа не входит в мои обязанности; тем не менее, взявшись

однажды за ручку клетки, я исправно повторял ее на каждой последующей планете.

Поднявшись на корабль, я прошел в помещение, где размещались клетки. Увидев меня, крысы запищали, зартильи с Центавры заскрипели, а панкины с Поляриса подняли дикий вой, потому что панкины постоянно голодны. Накормить этих тварей невозможно; избыток пищи приводит к перееданию и смерти.

Я подтаскивал клетки к грузовому люку и опускал их на землю с помощью веревки. Выгрузка прошла удачно: я не разбил ни одной клетки, что явилось своеобразным рекордом. Обычно одна-две клетки падают, разбиваются, а животные разбегаются, что дает возможность Веберу лишний раз съязвить в мой адрес.

Окончив выгрузку из люка, я начал подтаскивать клетки к лагерю. Оливер и Вебер колдовали над куставром, ритмично взмахивая скальпелем.

Я ставил клетки в ряд, одна к другой, а на случай дождя принялся натягивать на них брезент. В этот момент появился Кемпер и замер возле клеток, наблюдая, как я работаю.

— Побродил вокруг лагеря,— сказал он таким тоном, что я невольно насторожился.

Какое-то время он стоял молча, молчал и я. Надо хорошо знать Кемпера и то, что к нему не следует приставать с расспросами; он постоит, подумает, а потом сам все расскажет.

— Тихое местечко,— нейтрально заметил я, активизируя процесс его раздумий.

Место и в самом деле выглядело неплохо: яркое солнце, легкий ветерок, чистый прозрачный воздух. И тишина. Абсолютная тишина. Ни единого звука.

— Унылое место,— сказал Кемпер.

— Не очень-то понятно,— произнес я, хотя ждал от него именно этих слов.

— Помнишь, что я сказал тебе ночью?

— Что планета упрощена до предела.

— Да.

Кемпер вновь застыл, наблюдая, как я мучаюсь с брезентом. После минутной паузы он все же выпалил:

— Боб, на планете нет насекомых!

— Что насеко...— Но он уже слышал только себя.

— Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать. Вспомни Землю, вспомни другие планеты земного типа. Ложишься на траву и тихо наблюдаешь... Вокруг тебя множество насекомых! Они ползают по земле, перепрыгивают со стебелька на стебелек, копошатся в цветках, жужжат в воздухе.

— А здесь?

Он отрицательно покачал головой.

— Не видел. Я осмотрел добрую дюжину мест, ложился в траву, всматривался, вслушивался, я искал их все утро, но их нет! Боб, это неправильно, неестественно. На планете нет ни одного насекомого!

Его слова вызвали дрожь в теле, тем более что он произнес их в сильном возбуждении. Состояние Кемпера передалось и мне; чтобы как-то скрыть волнение, я продолжал расправлять складки брезента, хотя такой тщательности не требовалось. Что касается насекомых, то я не был большим их поклонником, но их неестественное отсутствие может отрицательно сказаться на нашем бизнесе.

— Пчелы,— напомнил я.

— Какие еще пчелы?

— Пчелы из куставров.

— Я не подходил близко к стаду. Возможно, пчелы летают вокруг куставров.

— А птицы?

— О чем ты говоришь?! Конечно же, не видел ни одной. Но в отношении цветов я ошибся. Лежа в траве, я разглядел крохотные невзрачные цветки.

— Чтобы пчелы не скучали.

Лицо Кемпера окаменело.

— Ты прав. Понимаешь, в чем суть? Все спланировано...

— Понимаю,— ответил я.

Мы молча подошли к лагерю.

Парсонс что-то стряпал, продолжая ворчать. Оливер и Вебер не обращали на него ни малейшего внимания. Как и следовало ожидать, весь стол оказался завален различными частями туши куставра, а наши патологоанатомы выглядели ошарашенными.

— Мозга нет,— сказал Вебер и посмотрел на нас с Кемпером так, будто это мы его украли.— Мы не нашли мозг. Мы не нашли даже примитивной нервной системы.

— Я не способен понять,— добавил Оливер,— как живет высокоорганизованное существо, не имея мозга и нервной системы.

— Хорошенько приберите свою мясную лавку! — гневно выкрикнул Парсонс, не отходя от плиты.— Не то, парни, придется вам обедать стоя.

— Здорово он ляпнул про мясную лавку,— неожиданно согласился Вебер.— Насколько нам удалось выяснить, существо состоит не менее чем из дюжины разных видов тканей, включая рыбу и дичь. А один вид очень походит на мясо ящерицы.

— Запас мяса на все случаи жизни,— сказал Кемпер,— как в хорошем ресторане. Может быть, и мы в конце концов откопали свой клад?

— Если мясо съедобно,— спокойно добавил Оливер.— Если мы не отравимся, отведав по кусочку, или не покроемся шерстью.

— Постановка опытов — по твоей части,— сказал я.— Клетки я притащил, можешь использовать наших милых маленьких друзей.

Вебер печально смотрел на разделанную тушу.

— Первое вскрытие — грубый предварительный осмотр,— заявил он.— Нам необходимо еще одно существо для дальнейшей работы. Что ты на это скажешь, Кемпер?

Альфред молча кивнул, а Вебер перевел взгляд на меня:

— Как ты думаешь, вы сможете нам помочь?

— Уверен, что сможем,— бойко ответил я.— Никаких проблем.

Я оказался прав. Едва окончился обед, в лагерь приковылял одинокий куставр, остановился в шести футах от стола, печально посмотрел на нас и упал замертво.

Оливер и Вебер работали не смыкая глаз. Несколько дней они резали и ставили опыты, ставили опыты и вновь резали. Они не могли поверить тому, что неизменно обнаруживали внутри существа. Они спорили, эмоционально размахивая скальпелями, а к вечеру впадали в отчаяние. Хорошо, что они работали на пару, иначе дело кончилось бы истерикой.

Кемпер заполнял слайдами коробку за коробкой и в оцепенении сидел у микроскопа.

Парсонс и я слонялись по лагерю. Парсонс иногда приступал к работе — брал образцы почвы, а затем пытался класси-

фицировать собранные травы. Анализы образцов почвы давали идентичные результаты; повсеместно господствовал один вид.

Еще через несколько дней он начал записывать данные о погоде, провел анализ состава воздуха. Но большую часть времени Парсонс ворчал, не зная, как подступиться к составлению отчета.

А я, чтобы никому не мешать, отправился на поиски насекомых, но, кроме пчел, летающих вокруг куставров, так ничего и не нашел. Я долго всматривался в голубизну неба, надеясь разглядеть одинокую птицу, но все напрасно. Два дня я пролежал на берегу ручья, уставившись в бегущие струи прозрачной воды, но не обнаружил никаких признаков живых существ. Я сплел подобие сети и установил в небольшой заводи. Через два дня я вытащил ее из воды, как и предполагал,— пустую. Ни рыбы, ни рака, ничего.

На исходе недели я готов был полностью согласиться с рассуждением Кемпера.

Фуллертон бродил в окрестностях лагеря. Никто не обращал на него внимания. Каждый Четырехглазый пытается найти нечто такое, что недоступно простому смертному.

В этот день я отправился на «рыбалку». Я долго сидел, уставившись в воду, и вдруг почувствовал чье-то присутствие, резко повернулся: на берегу стоял Фуллертон и наблюдал, как я ковыряюсь в заводи, причем у меня сложилось впечатление, что он стоит здесь уже не один час.

— Пусто,— сказал он тоном старого учителя, знающего истину, в то время как я, дурачок, пытаюсь что-то найти в этой луже.

Но разозлился я не только из-за его слов. Из уголка рта Фуллертона вместо неизменной зубочистки торчал стебелек травы, и он неторопливо пережевывал его, как зубочистку!

— Немедленно выплюнь траву! — заорал я.— Ты, идиот, выплюнь сейчас же!

Его глаза расширились от удивления, рот скривился, так что стебелек выпал сам собой.

— Трудно постоянно контролировать себя,— промямлил он,— вы ведь знаете, это мой первый полет и...

— И, возможно, последний,— грубо оборвал я.— Будет время, поинтересуйся у Вебера, что случилось с одним парнем, сунувшим в рот крохотный листочек. Несомненно, сделал он

это не задумываясь, дурная привычка и все такое. Только через минуту он был стопроцентно мертв, как будто специально спланировал самоубийство на далекой планете.

Рассказ подействовал — Фуллертон побледнел.

— Запомню,— сказал он.

Я смотрел на Четырехглазого, немного сожалея, что говорил с ним грубо. Но я не сомневался, что поступил абсолютно правильно,— стоит немного расслабиться, потерять над собой контроль и... мгновенно человек превращается в ничто.

— Обнаружил что-то интересное? — спросил я, смягчая обстановку.

— Все время наблюдаю за куставрами,— оживился Фуллертон.— Они необычны и забавны. Но я не сразу понял, что именно вызывает удивление...

— Я могу перечислить сотню забавных и необычных фактов.

— Я имею в виду совсем другое, Саттер. Не пятна, не бугры, не растительность. Все стадо выглядит очень странно. И вдруг до меня дошло: в стаде нет молодняка, нет ни единого детеныша!

Конечно же, Фуллертон прав. Стоило ему сказать, и я сразу же понял. В стаде нет ни единого теленка или куставренка. Мы постоянно сталкиваемся только со взрослыми особями. Но может ли это значить, что детенышей нет вовсе? Или они нам просто не попадаются на глаза? Кстати, этот вопрос относится и к насекомым, и к птицам, и к рыбам.

И тут, с некоторым опозданием, я ухватил нить его мысли, вывод, который он сделал из факта отсутствия детенышей. Его МЕЧТА, безумная фантазия, которую он надеялся найти, обнаружена на этой планете.

— Ты сумасшедший!..— вымолвил я.

Он смотрел на меня с берега, сверху вниз, глаза его блестели, как у ребенка, ожидающего рождественский подарок.

— Это должно было случиться, Саттер,— сказал он.— Где-нибудь, когда-нибудь. И это случилось.

Я выбрался на берег и встал рядом с ним. Какое-то время мы стояли молча, потом до меня дошло, что я все еще держу в руке сеть. Я бросил ее в воду и долго смотрел, как она погружается на дно.

— Неопровержимых доказательств нет,— сказал я.— Развитие куставров в данном направлении — отнюдь не бессмер-

тие, не может являться бессмертием. Наоборот, развитие на основе симбиоза — тупик. И, бога ради, не рассказывай никому о своих умозаключениях, иначе тебе не избежать насмешек на протяжении всего обратного полета.

Не знаю, что мне взбрело в голову тратить на воспитание Четырехглазого столько времени. Он упрямо продолжал смотреть на меня, но огонь триумфа постепенно погас в его глазах.

— Буду держать язык за зубами,— тихо, но настойчиво сказал я.— Никому ни слова.

— Спасибо, Саттер,— ответил он.— Я ценю ваше доброе ко мне отношение.

Но по его тону я понял, что он бы задушил меня с большой радостью.

«Выяснив» отношения, мы побрели в лагерь.

Огромные пирамиды из фарша, в который превращали куставров Оливер и Вебер, исчезли. Стол неправдоподобно блестел, Парсонс готовил ужин, радостно напевая одну из многочисленных песенок.

Оливер, Вебер и Кемпер расположились в креслах, потягивали ликер и тихо беседовали.

— Работа завершена? — спросил я.

Оливер, вместо того чтобы утвердительно кивнуть, покачал головой. Он налил еще один стакан и протянул его Фуллертону. Четырехглазый взял без колебаний. Для него подобный шаг — огромное достижение. Мне выпить даже не предложили, знали, что все равно откажусь.

— Что вам удалось выяснить?

— То, что нам удалось выяснить, весьма оригинально,— ответил Оливер.— Мы имеем в распоряжении ходячее меню. Куставры дают молоко, несут яйца, собирают мед. Их туши состоят из шести сортов мяса животных, двух сортов птичьего, рыбного филе и еще какой-то съедобной массы, но что она такое, мы определить не смогли.

— Откладывают яйца,— повторил я его слова,— дают молоко. Значит, они воспроизводят себе подобных?

— Конечно,— уверенно ответил Вебер,— а ты думаешь иначе?

— Тогда где же детеныши?

Вебер хмыкнул:

— Возможно, молодняк содержится в специально отведенных для этого местах, которые находятся далеко отсюда.

— Или у них выработался контроль над рождаемостью, постепенно перешедший в инстинкт,— предположил Оливер.— К тому же этот инстинкт согласуется с идеальной сбалансированной экологической ситуацией на планете, о которой говорил Кемпер.

— Невероятно,— фыркнул Вебер.

— Невероятно?! — воскликнул Кемпер.— В десять раз вероятнее, чем отсутствие у куставров мозга и нервной системы. И намного вероятнее, чем наличие в существах бактерий.

— Уж эти твои бактерии! — Вебер одним глотком осушил стакан, подчеркивая тем самым свое негодование.

— Мои-мои.— Кемпер усмехнулся.— Только почему куставры буквально кишат ими? Бактерии распространены по всему организму равномерно, и все они как две капли воды похожи одна на другую, то есть относятся к одному виду. Всем известно, что организму, в том числе человеческому, для нормальной работы — вернее, для процессов метаболизма — требуются сотни бактерий и микроорганизмов. У куставров всю работу выполняет один вид.— Он подмигнул Веберу.— Не ошибусь, если скажу, что именно наличием этих бактерий обусловлено отсутствие мозга и нервной системы — они их заменяют. Более того! Как мы видим, они прекрасно справляются со своими обязанностями.

Парсонс, все время прислушивающийся к разговору, подошел ко мне. В одной руке он сжимал большую вилку, которую использовал для готовки.

— Спросите меня,— заявил он,— и я скажу вам, что куставры неправильны от кустов и до хвоста. Подобные животные до сих пор не существовали и существовать не должны.

— Но они есть. От факта их реального существования нам уже не избавиться,— заявил Кемпер.

— Тогда скажи мне, в чем смысл этого факта?! Один вид животных монополизировал жизненное пространство целой планеты и питается единственно существующим видом травы. Причем я абсолютно уверен, что количество травы, вплоть до одной-единственной травинки, точно соответствует общему количеству куставров... Устранено даже малейшее нарушение в отклонении от оптимального количества питания.

— Что же неправильного ты видишь в том, что вся их жизнь подчиняется логике? — спросил я, пытаясь его «подколоть»,

но тут же подумал, глядя на его вилку, а не захочет ли он в ответ подколоть меня?

— Что из того!!! — прогрохотал Парсонс.— Природа не есть статическая субстанция, она ни на секунду не останавливается в своем развитии. Но на этой планете мы столкнулись с автоматизированной биостанцией, вернее, фабрикой. Интересно, кто регулирует выпуск продукции? Кем заложена программа ограничения развития?

— Верно оценивая происходящее, ты не совсем правильно формулируешь вопрос, интересующий нас,— спокойно сказал Кемпер.— Ты, незаметно для себя, проскочил мимо более важного: почему? — а не кто. Каким путем шла эволюция жизни на планете? Как получилось, что жизнь оказалась строго спланированной? Почему природа пришла к подобной ситуации?

— Нет никакого планирования,— кисло улыбнулся Вебер.— Да ты и сам знаешь, хоть и несешь всякую чушь.

Разговор на некоторое время прервался. Парсонс вернулся к плите, Фуллертон отправился прогуляться. Кажется, его шокировали наши разговоры. Что за обыденность спорить о молоке и яйцах?

Мы долго сидели молча. Минут через пятнадцать Вебер тихо сказал:

— Боб, помнишь первую ночь? Я вышел сменить тебя и сказал...— Он посмотрел на меня.— Ты помнишь?

— Конечно, ты говорил о возможностях развития симбиоза.

— Теперь ты думаешь по-иному? — спросил Кемпер.

— Даже не знаю... Разве возможно, чтобы симбиоз достиг столь высокого уровня? Симбиоз — логическое завершение эволюции живых существ планеты? А если мои предположения верны, то куставры — идеально завершенный пример симбиоза. Представляете себе: давным-давно все живые существа планеты собрались вместе и решили, что пора объединиться. И тогда все растения, животные, рыбы и бактерии слились в одно существо...

— Красивая, но маловероятная сказка,— заметил Кемпер.— Симбиоз — разновидность приспособительной реакции на воздействие внешней среды. Но нельзя не отметить, что здесь он продвинулся очень далеко и...

Парсонс издал гортанный рык, призывая всех к столу. Я же, вздохнув, поплелся в палатку и приготовил крайне безвкусную

клейкую массу. Я утешал себя тем, что такую гадость только в одиночестве и есть — достаточно одной шутки, и меня стошнит.

На деревянной клетке для животных, которую я приспособил в качестве стола, лежала тонкая стопка листов с рабочими записями. Проталкивать внутрь себя отраву легче, занимаясь интересным делом. Поэтому за едой я успел просмотреть все записи. Они делались отрывочно, кое-где листы были запачканы кровью куставров и еще какой-то липкой пахучей жидкостью. Однако за время работы с Оливером и Вебером мне приходилось разбирать и не такие каракули.

Конечно, записи не могли дать полной картины происходящего, но кое-что проясняли. Например, разноцветные пятна, придававшие созданиям столь несуразный вид, четко соответствовали сортам мяса, располагавшегося под ними. Неужели каждое пятно некогда являлось самостоятельным организмом?

Орган яйцекладки описывался подробно, но свидетельства в пользу его необходимости, судя по всему, не существовало. Так же как не имелось свидетельств и в пользу закономерности такого биологического процесса, как лактация. Молодняка нет — кому в таком случае предназначено молоко?

Писанину Оливера я разбирал дольше обычного, но все же получил представление о пяти видах фруктов и трех видах овощей. После обеда я прилег на кровать, переваривая и прочитанное, и съеденное.

Итак, наши существа представляют собой сельскохозяйственную ферму, дающую чистую прибыль, без каких-либо расходов. Да и о каких расходах может идти речь? Ходячее мясо, косяки рыбы, птицефабрика, молочное хозяйство, сад, огород — все это скомпоновано в теле одного животного — полнокровная ферма!

Я еще раз торопливо перелистал записи, остановившись на моменте, наиболее меня заинтересовавшем: съедобные части составляют основную массу тела куставров, а отходы мизерны. Да о таком животном специалисту по сельскому хозяйству приходится только мечтать!

Лишь одна мысль волновала меня. А что, если продукты из куставров окажутся несъедобными для человека? И еще. Возможно, куставры приспособились к окружающим условиям

настолько сильно, что, покинув родную планету, могут погибнуть.

Тут же, словно дурной сон, предстало перед глазами видение — куставр подходит к нам и падает замертво. Неожиданно яркая и реальная картина вызвала головную боль, беспокойство. Вопросы начали всплывать сами собой: приживется ли на другой планете трава? Смогут ли куставры приспосабливаться к новым условиям? С какой скоростью они воспроизводят себе подобных? Можно ли ускорить этот процесс?

Я поднялся и вышел на свежий воздух. Легкий ветерок стих. Солнце уже клонилось к закату, тишина стояла неправдоподобная. Я задрал голову. Быстро темнело, звезды проявлялись на небе, как на фотографической бумаге. Они сверкали непривычно ярко, и было их так много, что они поражали воображение, будили странные мысли. Взошла луна, но звезды продолжали светить с той же яркостью. С большим трудом я оторвался от непривычного зрелища и неторопливо отправился к товарищам.

— Все идет к тому, что мы задержимся,— спокойно произнес я,— а потому завтра начинаем разгрузку корабля.

Никто не произнес ни слова, но тишина говорила сама за себя — все удовлетворены тем, что вот наконец повезло и нам. Представляю, как вытянутся лица у конкурентов, когда мы вернемся домой с таким уловом. Полный триумф, всеобщая известность, безбедное существование!

Нарушил наше ликующее молчание Оливер:

— Некоторые лабораторные животные не в лучшей форме. Сегодня я внимательно наблюдал за ними, морские свинки и крысы выглядят больными.— И он посмотрел на меня так, будто это я заразил их. Пришлось возмутиться:

— Нечего смотреть на меня обиженными глазами. Я не смотритель и ухаживаю за ними лишь во время полета.

Кемпер попытался прервать спор:

— Прежде чем говорить о корме, новом корме, его нужно иметь. Завтра надо добыть еще одного куставра.

— Бьюсь об заклад, что...— начал Вебер, но Кемпер молча отмахнулся от его предложения, даже не дослушав.

И оказался прав, так как сразу после завтрака в лагере объявился очередной куставр и, как по команде, упал замертво.

Ребята набросились на него, а Парсонс и я занялись выгрузкой съестных припасов и оборудования. Работы хватило на целый день; мы выгрузили большую часть приборов, даже холодильник для хранения мяса куставра и все продукты, за исключением аварийных пайков. Оборудования оказалось так много, что пришлось ставить дополнительные палатки. К вечеру мы валились с ног от усталости.

Утром все, как заведенные, принялись за работу. Кемпер продолжал экспериментировать с бактериями, Вебер не отходил от туши куставра, Оливер выкопал несколько пучков травы и возился с ней. Парсонс отправился на полевые работы. Он что-то бубнил себе под нос и готов был рвать и метать; его бесила любая мелочь. Изучение экологии планеты, пусть даже самой простой,— трудная, многогранная работа, требующая выполнения огромного объема исследований. Но на этой планете делать ему было нечего, борьба за существование отсутствовала, а единственные живые существа, куставры, мирно прохаживались, пощипывая травку. Я попытался составить черновик своего будущего отчета. То, что мне придется многократно его переписывать, не вызывало сомнений. Я принялся за работу с явным сомнением; мне не терпелось слепить из отдельных фрагментов нечто цельное. Задача была трудная, но я не сомневался, что справлюсь с ней.

Утром одна из клеток оказалась пуста. Это панкины каким-то образом прогрызли решетку и выбрались наружу, на свежий воздух. Их бегство почему-то сильно подействовало на Вебера.

— Они вернутся,— спокойно сказал Кемпер.— Имея их аппетит, нельзя не вернуться в лагерь.— Как выяснилось позже, он оказался прав, ведь он отлично знал, что представляют из себя эти обжоры. Их кулинарные запросы невозможно удовлетворить; едят они буквально все, а главное — в чудовищных количествах. У панкинов необычайный метаболизм, что и делает их незаменимыми лабораторными животными.

Часть наших животных мы посадили на диету из мяса куставров. И они буквально расцвели, все как один потолстели и внешне выглядели очень жизнерадостными. Контрольные животные на их фоне казались больными и измученными. Даже прихворнувшие крысы и морские свинки, переведенные на диету, поправлялись и выглядели лучше, чем до болезни.

Когда мы собрались, Кемпер, возившийся возле клеток, сказал:

— Куставры для животных не только пища, но и лекарство. Я уже вижу рекламу: «ДИЕТА ИЗ КУСТАВРОВ ГАРАНТИРУЕТ ВАМ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ЗДОРОВЬЕ И ДОЛГОЛЕТИЕ!»

Вебер заворчал на него. Он и так-то не понимал юмора, а в данный момент был еще и обеспокоен. Его можно было понять. Серьезный, если не сказать большой, ученый, он столкнулся с совершенно новыми, никому не известными истинами, многие из которых опровергали, перечеркивали весь его многолетний опыт. Отсутствие мозга, нервной системы, способность умирать по собственному желанию, симбиоз, бактерии... Он не мог согласиться со всем этим сразу. Именно бактерии, как мне кажется, доконали его.

Но тревожился не только Вебер, то же происходило и с Кемпером, поведавшим нам о своих сомнениях перед сном. Он выбрал темой для разговора самое безумное открытие, взволновавшее нас:

— Я могу объяснить экологическую ситуацию, сложившуюся на планете. Но для этого нужно изменить наше изначальное отношение к симбиозу как к длительному процессу. Ведь мы считаем, что куставры возникли в результате грандиозного всепланетного симбиоза. В принципе, поверить в данную экологическую схему можно, если задать ей значительный по масштабам Вселенной временной интервал. Однако у меня возникла другая теория: и мозг, и нервную систему куставрам заменяют бактерии.— Он сделал паузу и продолжал: — Но готовы ли мы осознать, поверить в нее и воспринять? Ведь для этого необходимо сказать себе: эта планета — мир бактерий, а не куставров. Если так, то напрашивается еще один вывод: бактерии, для того чтобы являть собой разум, образуют единую систему, единый гигантский мозг. Если моя теория близка к истине, значит, смерть куставра таковою не является. А упавшее замертво животное — не более как остриженный ноготь или вырванный волосок. Могу поздравить Фуллертона — бессмертие найдено, хотя оно приняло столь невероятную форму, что его и бессмертием-то назвать нельзя. Кемпер остановился, его лицо исказила гримаса боли.

— А вот что меня и в самом деле беспокоит, так это отсутствие защитных механизмов. Даже если принять на веру, что

куставры всего лишь фасад, видимая часть мира бактерий, все равно должен существовать защитный механизм. Как обязательная мера предосторожности... Ведь до сих пор все известные нам существа так или иначе обладали способностью защищать самих себя или избегать потенциальных врагов. Одно из двух — существо либо убегает, либо сражается, но оно в любом случае защищает себя, свою жизнь.

Несомненно, Кемпер был прав. Куставры не только не имели защитного механизма, более того, они сами избавляли нас от неприятной обязанности убивать.

— Возможно, мы ошибаемся,— продолжал Кемпер,— и жизнь не так значима, как нам всегда казалось. Возможно, за нее не следует цепляться, бороться из последних сил. Возможно, не стоит бросаться на врага и перегрызать ему глотку только для того, чтобы сохранить в неприкосновенности собственную шкуру. Возможно, куставр, упавший замертво, куда ближе к истине, чем мы с вами. Возможно...

Все эти «возможно» и «может быть» начинались сразу же после ужина и продолжались до поздней ночи. Круг мыслей постоянно замыкался на одних и тех же выводах. Мне кажется, Кемпер не просто говорил, он пытался спорить сам с собой, стараясь в процессе разговора найти иной подход к решению проблемы.

Когда лампа была погашена и все улеглись спать, я долго еще лежал без сна, додумывая теорию Кемпера, пытаясь самостоятельно найти выход из лабиринта фактов. Меня поражало, что все куставры, посетившие нас, находились в расцвете сил. Может быть, смерть является привилегией молодых и здоровых? Или все куставры молоды и здоровы? Имеется ли объективная причина считать их бессмертными существами? Я задавал себе множество вопросов, но найти ответов не мог.

Работа продолжалась. Вебер произвел несколько вскрытий лабораторных животных, получавших в пищу мясо куставров, и досконально исследовал их. Оснований считать, что пища воздействует на организм животных отрицательно, не было. В крови животных обнаружилось некоторое количество бактерий, но патологических изменений или появления антител они не вызывали. Кемпер постоянно занимался их исследованием. Оливер начал новую серию экспериментов с травой, на этот

раз по развернутой схеме. Парсонс отдыхал — он окончательно сдался.

Панкины не возвращались, Парсонс и Фуллертон занялись их поисками, но безуспешно.

Я продолжал, кирпичик к кирпичику, составлять отчет. Работа продвигалась быстро, слишком быстро. Именно легкость и простота вызывали смутное предчувствие и подозрения. Логика уверяла в обратном — разве может что-либо случиться на этой планете?

И тем не менее случилось.

За ужином до нас донесся отдаленный шум. Он возник где-то очень далеко и нарастал медленно и ненавязчиво, так что мы не сразу обратили на него внимание. Звук этот напоминал шум ветра, шевелящего листву молодого деревца. Но постепенно он перешел в гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Только я раскрыл рот, чтобы сказать о грозе, как Кемпер вскочил на ноги и начал что-то орать нам. Что именно, я так и не понял — вернее, не расслышал слов, хотя смысл дошел до нас всех за одну секунду, и мы тут же бросились к спасительному корпусу корабля. Когда мы подбегали к трапу, тембр звука изменился. Не оставалось сомнений, что это топот копыт, стремительно наплывающий на лагерь. У трапа возникла небольшая заминка, куставры были уже недалеко, так что я бросился к веревке, свисавшей из грузового люка. С ее помощью мы производили разгрузку, а втянуть ее наверх я просто забыл. Не могу назвать себя специалистом в лазании по канату, но в этот миг я начал карабкаться по веревке с максимальной для человека скоростью. Взглянув вниз, я увидел, что вслед за мной карабкается Вебер, который также никогда не отличался способностью циркача. Я полз и думал о том, как нам повезло, что я так и не нашел времени, чтобы поднять веревку наверх. А ведь именно Вебер отругал меня за нерадивость. Я хотел крикнуть ему, но так запыхался, что слова застряли в горле.

Мы добрались до люка и влезли внутрь. Под нами, перемалывая все кругом, проносились куставры. Они бежали мимо нас словно в панике: тысячи, миллионы животных. Тем поразительнее выглядел их молчаливый бег. Ни крика, ни писка, лишь топот копыт — безголосье пугало сильнее, чем вид бесчисленного стада. Казалось, сама ярость окутывала нас со всех сторон...

Не менее странным казалось и то, что бескрайнее море куставров расступилось перед кораблем, а за ним вновь смыкалось, оставляя небольшой участок нетронутой земли. При свете звезд стадо просматривалось на многие мили, а далее сливалось с горизонтом. Увидеть, где оно кончается — и кончается ли вообще,— так и не удалось.

Мы могли бы не забираться в корабль, но кто мог предположить, что куставры станут соблюдать такую точность при передвижении?

Нашествие длилось не менее часа. Когда последний куставр исчез в темноте, мы боязливо спустились вниз и попытались определить нанесенный ущерб. Клетки с животными, стоявшие на полпути между кораблем и лагерем, остались неповрежденными. Палатки, в которых мы спали, за исключением одной, стояли на местах. На столе по-прежнему ярко горела лампа.

Все запасы продовольствия и большая часть оборудования оказались втоптаны в землю. Территория вокруг лагеря напоминала свежевспаханное поле. Единственное, что не было уничтожено,— записи и животные.

— Три недели,— сказал Вебер,— и я закончу опыты.

— У нас их нет, как и запасов продовольствия,— ответил я.

— А энзе?

— Только на обратный путь.

— Ничего, можно и поголодать.

Вебер оглядел нас всех по очереди, после чего произнес:

— Я могу три недели обходиться без всякой пищи.

— Давайте попробуем мясо куставров,— предположил Парсонс.— Кто готов рискнуть?

Вебер отрицательно покачал головой:

— Не сейчас. Через три недели, когда я закончу опыты. Вот тогда и решим. Если мясо куставров окажется пригодным для человека, то энзе нам все равно не понадобится. Будем пировать всю обратную дорогу до Кэфа.

— Так и поступим,— сказал я, зная, что парни согласны.

— Вам-то что,— послышался голос Четырехглазого,— с таким запасом диетической пищи можно и поголодать.

Парсонс подошел к Фуллертону, сгреб в охапку, приподнял и потряс его так, что голова Четырехглазого задергалась из стороны в сторону, как у куклы. После чего он осторожно поставил его на ноги и тихо сказал:

— Разговоры о диете нам несколько неприятны, дружище.

Сигнальная система оказалась уничтоженной, поэтому мы установили сдвоенное дежурство. Но никто так и не сомкнул глаз в эту ночь. Опустошительное нашествие куставров повергло всех в уныние; меня интересовал один вопрос — что их так напугало, что за чудовищная сила заставила многомиллионное стадо мчаться сквозь тьму сломя головы? Ответа я не находил. Раз за разом я возвращался к единственно верному предположению — на планете не существовало причин, способных вызвать паническое бегство куставров. Но все же причина была, ведь мы являлись свидетелями ее следствия. Более того, причина эта связана с появлением существ в лагере и их смертью на наших глазах. Но что является первопричиной их поведения — разум или инстинкт? Вот вопрос, мучивший сильнее всего, не давая уснуть.

А на рассвете в лагере появилось очередное существо и с радостью упало замертво к нашим ногам.

Мы обошлись без завтрака. Никто не вспомнил и про обед. С первыми сумерками я забрался по трапу на корабль, чтобы принести немного продуктов для ужина, но ничего не нашел. Вместо продуктов в углу расположились пять панкинов — более толстых и довольных тварей я никогда не видел. Они даже не шумели, как обычно. Я догадался, что они прогрызли дыры в ящиках с продовольствием и прикончили все до последней крошки. Более того, они каким-то образом ухитрились отвернуть крышку у банки с кофе, опрокинув ее, и смолотили все зерна.

Нашим запасам пришел конец. Я отупело глядел на толстые лоснящиеся мордочки панкинов. Меня вдруг осенило, каким образом они пробрались на корабль! Я проклинал свою нерадивость; если бы я вовремя убрал веревку, ничего бы не случилось.

Потом я вспомнил, что веревка спасла нам с Вебером жизнь. Я спокойно подошел к панкинам, троих распихал по карманам, оставшихся двоих взял в руки. Спустившись с корабля, я направился к лагерю.

— Вот они,— сказал я и посадил панкинов, всех пятерых, на стол,— наши беглецы. Пробрались на корабль, а мы не могли их найти. Вскарабкались по веревке.

Вебер внимательно изучил их.

— А они неплохо подхарчились. Что-нибудь нам оставили?

— Вычистили все до последней крошки.

Панкины выглядели стопроцентно счастливыми. Очевидно, их обрадовала встреча с нами. Не было причины оставаться на корабле дальше, после того как они прикончили энзе.

Парсонс достал тесак и подошел к куставру, умершему утром.

— Приготовить слюнявчики,— скомандовал он и отрезал от туши большой кусок мяса. Потом еще один, и еще один, и еще... Как только он приступил к жарке, я рванулся в свою палатку, потому что никогда прежде нос мой не ощущал столь аппетитного, столь зовущего запаха. Я раскрыл сумку, наугад приготовил порцию липкой отравы и начал запихивать ее в себя, помогая ложкой.

Через некоторое время явился Кемпер. Он расслабленно-довольно плюхнулся на койку.

— Желаешь выслушать мой рассказ? — спросил он.

— Валяй!

— Изысканно. По вкусовым качествам превосходит любое блюдо, приготовленное руками человека во все времена. Мы попробовали три сорта мяса, отведали по ломтику рыбы и еще чего-то, что напоминало мясо омара, но вкус много нежнее и тоньше... После мяса мы разрезали плод — смесь дыни и ананаса.

— А завтра вы упадете замертво.

— Не думаю,— сказал Кемпер.— Ты же видел, что общее состояние животных заметно улучшилось.

Конечно, думал я. Все сходится к тому, что Альфред прав.

Одного куставра как раз хватило на день. Сыты были и люди, и животные. Куставры не обнаружили более агрессивных намерений, зато каждое утро оказывались под рукой. И именно в тот момент, когда о них вспоминали.

Я внимательно наблюдал за своими товарищами. Количество пищи, уничтожаемое ими, становилось просто неприличным. Ежедневно Парсонс нажаривал горы огромных кусков разного мяса, рыбы, дичи и всякой всячины. Он выставлял на стол тазы с овощами и фруктами, а откуда-то появившийся кувшин ежедневно наполнял медом. И люди, и животные съедали все, буквально вылизывая тарелки и миски.

Я смотрел на своих компаньонов. Они сидели вокруг стола, расстегнув ремни и похлопывая себя по животам. Их самодовольные физиономии вызывали у меня чувство отвращения. Я напрасно ждал, что их желудки начнет сводить от боли, а тела покроются растительностью. Ничего не происходило. Более того, все они утверждали, что никогда еще не чувствовали себя так хорошо.

Прошло две недели. Как-то утром Фуллертон почувствовал слабость. Он попытался встать, но не смог. Еще через час его начало трясти, как в лихорадке. Симптоматика соответствовала вирусному заболеванию с Центавра, но ведь мы получили от него прививку. За эти годы нам сделали профилактические прививки от всех известных заболеваний. К тому же перед каждым вылетом нас дополнительно накачивали разнообразными сыворотками.

Я не сомневался, что лихорадка вызвана перееданием. Тем более что ей оказался подвержен Четырехглазый.

Оливер, немного разбиравшийся в лекарствах, притащил с корабля аптечку и ввел Фуллертону максимальную дозу какого-то антибиотика, рекомендованного на все случаи жизни.

Мы продолжали работать, надеясь, что через день-два он самостоятельно встанет на ноги. Но Фуллертону становилось все хуже и хуже.

Оливер повторно перерыл аптечку, тщательно изучив все инструкции и этикетки, но ничего нового не обнаружил. Он внимательно перечитал брошюру об оказании первой медицинской помощи, но в ней описывались лишь сломанные ноги и вывихнутые суставы.

Кемпер волновался больше всех — он попросил Оливера взять у Фуллертона пробу крови и приготовил гемослайд. Заглянув в окуляр микроскопа, он обнаружил, что кровь буквально кишит бактериями куставров. Повторные анализы были идентичны первому.

Оливер и Кемпер работали, а мы стояли вокруг стола, ожидая приговора. Молчание прервал Оливер, решившийся вслух высказать наши худшие опасения.

— Ну, кто следующий? — спросил он.

Парсонс протянул руку. Все напряженно ожидали оглашения приговора.

— Бактерии есть и в твоей крови,— сказал Кемпер,— но их количество значительно меньше, чем у Фуллертона.

Мы поочередно подходили к Оливеру, результаты анализов повторялись. Правда, в моей крови бактерий содержалось меньше, чем у остальных ребят.

— Мясо куставров,— сказал Парсонс,— Боб не ел.

— Но ведь тепловая обработка уничтожает...— начал Оливер.

— Ты уверен? Эти бактерии должны иметь безумно высокий коэффициент адаптации. Ведь они выполняют в организме куставров огромную работу. Думаю, они могут с легкостью приспособиться к любым, даже самым непредвиденным условиям. Кроме того, овощи и фрукты мы ели в сыром виде. Да и мясо, дорогие мои, вы предпочитали уминать недожаренным.

— Но кто объяснит мне,— вопрошал Оливер,— почему именно Четырехглазый заболел первым? Почему количество бактерий в его крови больше, чем у остальных? Ведь он начал употреблять мясо куставров в пищу одновременно с нами.

Тут-то я и вспомнил свой разговор с Фуллертоном на берегу ручья. Я рассказал о травинке, которую жевал Четырехглазый, но рассказ едва ли улучшил их настроение. Через неделю, максимум две количество бактерий в крови каждого из нас станет таким же, как у Фуллертона. Я подумал было: а правильно ли я сделал, что рассказал? Наверное, правильно.

— Не есть куставров мы не можем,— сказал Вебер.— Другой пищи просто-напросто нет. Как и обратного пути.

— Я подозреваю,— проговорил Кемпер,— что для нас все в прошлом. Ракета улетела, и мы на нее опоздали.

— Надо немедленно стартовать,— сопротивлялся я,— и моя диетическая сумка...

Закончить фразу мне не удалось: все начали смеяться, как сумасшедшие, толкаясь и хлопая меня по спине.

Я молча стоял, опустив глаза долу. Их смех, вызванный моей непредвиденной шуткой, больше напоминал разрядку после нервного перенапряжения.

— Спасибо,— сказал Кемпер,— твоя сумка не решит основной проблемы; бактерии сидят внутри нас! И еще — диетической сумки на всех не хватит.

— Стоит попытаться,— возразил я.

— Подождем,— прервал нас Парсонс.— Тем более что иного выхода нет. Да и лихорадка может оказаться временной реакцией организма на перемену диеты.

И все дружно закивали, внушая себе, что он прав.

Но Фуллертону лучше не становилось. Вебер взял для анализа кровь у животных. Количество бактерий оказалось столь же высоко, как и у Четырехглазого.

Вебер ругал себя последними словами:

— Мне следовало давно догадаться, что пробы крови необходимо брать каждый день!

— Что бы это изменило? — спросил Парсонс.— Единственный источник калорий — куставры. Выхода нет.

— Будем надеяться, что дело не в бактериях, ведь животные чувствуют себя прекрасно. А наш дорогой Четырехглазый мог подхватить что угодно.

Лицо Вебера слегка прояснилось.

— Возможно, вы и правы.

Несколько дней томительных ожиданий ни к чему не привели — Фуллертон находился все в том же состоянии.

И вдруг, в одну из ночей, он исчез.

Оливер, дежуривший около него, ненадолго вздремнул. Парсонс, охранявший лагерь, не слышал ни звука.

Утром мы отправились его искать — далеко уйти в таком состоянии он явно не мог. Но поиски не дали результатов. Хотя мы наткнулись на шар непонятной консистенции, белого, почти полупрозрачного цвета, четырех футов в диаметре. Он лежал на дне небольшого овражка, скрытый от любопытных глаз, как будто специально спрятанный в этом месте.

Мы осторожно потрогали его, несколько раз перекатили с места на место, пытаясь определить, из чего он слеплен и как мог попасть сюда. Но поскольку мы отправились на поиски Фуллертона, шар пришлось оставить в покое. Найдем Четырехглазого — вернемся к загадочному шару.

Вечером, возвратившись в лагерь с пустыми руками, мы обнаружили, что лихорадка началась и у животных — их трясло, как не знаю что. Вебер работал с ними, не имея ни секунды для отдыха. Мы чем могли ему помогали. Анализы крови показывали, что содержание бактерий достигло невероятного уровня. Вебер несколько раз производил вскрытия, но факти-

чески не заканчивал их: он разрезал шкуры, вскрывал брюшную полость, заглядывал внутрь и тут же выбрасывал животных в ведро, даже не пытаясь продолжить обычное патологоанатомическое исследование. Я видел его напряженное лицо в те моменты, когда его рука зависала над ведром с тушкой животного, но, кроме меня, никто не обращал на Вебера никакого внимания. Ребята выглядели измотанными. Я попытался выяснить у Вебера подробности вскрытий, но он грубо оборвал меня на полуслове.

Вечером я отправился спать раньше обычного — с полуночи начиналось мое дежурство. Не успел я глаз сомкнуть, как меня разбудил зловещий гул, от которого волосы встали дыбом. Я вскочил с постели. Оказалось, что уже ночь, и я долго шарил в темноте, пытаясь найти ботинки. Кемпер вылетел из палатки как пуля.

С животными что-то происходило. Дико крича, они пытались вырваться наружу, грызли прутья, кидались на них, ослепленные яростью.

Вебер метался от клетки к клетке со шприцем в руке. Прошло несколько часов, прежде чем нам удалось напичкать животных успокоительными и мы снова смогли позволить себе улечься. Нескольким животным все-таки удалось убежать.

Ребята разбрелись по палаткам, а я, с ружьем на коленях, остался дежурить. Но уже через несколько минут я встал и начал прогуливаться вдоль клеток — недавний концерт вызвал во мне столь сильное возбуждение, что сидеть я не мог.

Для меня было совершенно очевидно, что исчезновение Фуллертона и желание животных вырваться из клеток — взаимосвязанные события. Я вспомнил рассуждения Кемпера о защитном механизме, о том, что он отсутствует у куставров. Но может быть, сказал я себе, этот механизм есть — и он ловко обманывает нас. Механизм, столь неожиданный для человеческого разума, что мы не готовы к его пониманию.

Утром, когда парни начали просыпаться, я забрался в палатку и растянулся на койке, чтобы немного вздремнуть. Измученный вчерашними событиями, я проспал десять часов. Разбудил меня Кемпер.

— Да поднимайся же, Боб,— устало произнес он.— Вставай, бога ради.

Темнело. Последние лучи заходящего солнца пробивались сквозь неплотно запахнутую дверцу палатки. Кемпер выглядел измученным и постаревшим, как будто мы расстались с ним не вчера вечером, а несколько лет назад.

— Животные покрылись оболочкой.— Он вздохнул.— Теперь они напоминают коконы...

Я сел, не дослушав его.

— Тот шар в овраге!

Кемпер молча кивнул.

— Фуллертон?!

— Для того я тебя и разбудил. Мы решили взглянуть на него.

Мы отыскали шар с наступлением темноты. Местность оказалась на редкость ровной, и наш овражек затерялся. Шар, расколотый на две половины, напоминал скорлупу яйца, из которого только что вылупился цыпленок. Темнота все сгущалась, а перед нами, поблескивая в тишине звездного неба, лежали две половинки шара — «последнее прощай», начало новой, пугающе чужеродной жизни.

Я подумал, что следует, как на похоронах, что-нибудь сказать, но мозг мой был пуст, а язык прилип к пересохшим губам.

Мы внимательно осмотрели землю вокруг «яйца» и нашли следы существа, выбравшегося из него. Это были следы новоиспеченного куставра.

Мы молча поплелись в лагерь.

Кто-то зажег лампу. Все стояли, не в силах поднять глаза от земли, понимая, что наше время истекло и отрицать увиденное в овраге — глупо и бессмысленно.

— Шанс остался только у одного из нас,— начал Кемпер, нарушив долгую, пугающую тишину. Голос его, как ни странно, звучал спокойно и уверенно.— Боб, ты должен улететь немедленно. Кто-то ведь обязан вернуться на Кэф и сообщить, что здесь произошло.

Он посмотрел на меня долгим пристальным взглядом.

— Ну,— резко сказал он.— Отправляйся! Что с тобой?

— Ты был прав,— прошептал я,— когда рассуждал о защитном механизме, помнишь?

— Теперь-то мы знаем, что защитный механизм существует...— согласился Вебер.— Лучшего защитного механизма не-

возможно даже представить. Ведь он неодолим. Фауна планеты не пытается воевать с нами, она просто адаптирует нас, преобразует в себе подобных. Неудивительно, что на планете существуют одни куставры, неудивительно, что экология предельно проста. Шагнув в этот мир, вы попадаете в ловушку. Стоит только сделать глоток воды, сжевать стебелек, отведать кусочек мяса.

Оливер вышел из темноты и остановился напротив меня.

— Вот твоя диетическая сумка и записи.

— Но я не могу улететь без вас!

— Забудь про нас! — рявкнул Парсонс.— Мы уже не люди, понимаешь?! Через несколько дней...

Он схватил лампу, подошел к клеткам и осветил их.

— Смотрите! — выкрикнул он.

Животных в привычном смысле этого слова не было. Шарики, половинки шариков такой консистенции, как шар в овраге... А вокруг половинок топотали маленькие куставры.

— И ты хочешь остаться.— Кемпер посмотрел на меня с сочувствием.— Что ж, оставайся. А через день или два к тебе подойдет куставр, упадет перед тобой замертво, и ты сойдешь с ума, вычисляя, кого из нас ты приготовишь себе на обед!

Голос его звенел, как натянутая струна, он произнес последнее слово и отвернулся... Оказалось, что все парни стоят, повернувшись ко мне спиной. Я ощутил ужас одиночества.

Вебер подхватил с земли топор и пошел вдоль клеток, сбивая замки и выпуская маленьких куставров на волю.

Я медленно двинулся к кораблю, поднялся по трапу, крепко прижимая к груди сумку. Остановившись у люка входа, я обернулся, попытался последним взглядом охватить лагерь, всех своих товарищей и понял, что не могу покинуть их. Ведь мы провели вместе тьму лет. Они подшучивали надо мной, а я постоянно уединялся и ел в одиночку, чтобы не чувствовать запаха жаркого... Я подумал, что даже не помню, с каких пор ем эту тюрю, липкую и безвкусную, что из-за своего проклятого желудка я никогда не пробовал нормальной человеческой пищи. Может, парни куда счастливее меня, даже в данную секунду. Ведь человек, превратившись в куставра, никогда не останется голодным. Желудок его всегда будет наполнен приятной на вкус, сытной пищей. Куставры едят только траву, но, быть

может, когда я превращусь в куставра, трава станет для меня лакомством — таким же, как недоступный сейчас тыквенный пирог?

Я стоял перед входным люком и размышлял о еде.

Диетическая сумка, получив с моей помощью значительное ускорение, рассекла темноту и погрузилась в нее. Листки с записями, медленно кружась, как сухие листья, опустились на землю.

Я вернулся в лагерь и тут же столкнулся нос к носу с Парсонсом.

— Так что у нас сегодня на ужин? — спросил я.

Пятнашники запаздывали.

Может, они чего-нибудь не поняли.

Или выкинули очередную шутку.

А может, они и вовсе не собирались придерживаться соглашения.

— Капитан,— осведомился генерал Лаймен Флад,— который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

— Тридцать семь — ноль восемь по среднегалактическому, сэр.

И снова уткнулся в доску. Сержант Конрад загнал его коня в ловушку, и капитану это не нравилось.

— Опаздывают на тринадцать часов! — пропыхтел генерал.

— Они, наверное, так и не взяли в толк, когда мы их ждем.

— Мы же объяснили им все на пальцах. Взяли их за ручку и твердили одно и то же снова и снова, пока они не уразумели. Они не могли не понять нас.

Но они очень даже могли, и генералу это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Пятнашники не понимали толком почти ничего. Идея перемирия озадачила их так, будто они никогда не слыхивали ни о каких перемириях. Предложение обменяться пленными поставило их в тупик. Даже задача согласовать время обмена потребовала изнурительных объяснений — словно они прежде не догадывались, что время можно измерить, и не ведали элементарной математики.

— А вдруг они потерпели аварию? — предположил капитан.

Генерал фыркнул:

— У них не бывает аварий. Их корабли — настоящее чудо. Чудо, которому все нипочем. Они же смели нас, просто смели, разве не так?

— Так точно, сэр,— откликнулся капитан.

— Как по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

— Не больше дюжины, сэр.

— Крепкий противник,— изрек генерал.

И, пройдя через всю палатку, уселся в кресло.

Капитан почти не ошибся. Точная цифра была одиннадцать. Да и из тех одиннадцати лишь один был уничтожен наверняка. Остальные в лучшем случае удалось на какое-то время вывести из строя.

И получилось в итоге, что общий счет был десять — один в пользу пятнашников, если не хуже. «Никогда еще,— признался себе генерал,— земной флот не переживал столь жестокого разгрома». Целые эскадры были развеяны в прах или бежали с поля брани и вернулись на базу в половинном составе.

Корабли бежали, но на борту не было калек. На корпусах — ни царапины. Впрочем, погибшие крейсеры также не подвергались никаким видимым разрушениям — они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Ну разве можно одолеть такого врага? — спросил себя генерал.— Как прикажете бороться с оружием, которое глотает корабли целиком?»

На далекой Земле и на сотнях других планет, входящих в состав Галактической федерации, тысячи ученых денно и нощно, отложив все иные заботы, трудились над тем, чтобы найти защиту от страшного оружия или по крайней мере изобрести что-либо похожее.

Но шансы на успех — кто-кто, а генерал это ясно понимал — были призрачно малы: не находилось и намека на ключ, способный открыть тайну. Это и понятно — ведь те, кто пострадал от оружия пятнашников, исчезали бесследно.

Быть может, такой ключ мог бы дать кто-нибудь из попавших к ним в плен. Если бы не надежда на разведчиков поневоле, то, по его убеждению, не стоило бы и затевать этот хлопотный обмен пленными.

Он взглянул на капитана и сержанта, сгорбившихся над шахматной доской, и на пленного пятнашника, следившего за поединком.

И подозвал пленного к себе.

Тот подкатился, колыхаясь, как пудинг.

И, наблюдая за ним, генерал вновь, без всяких на то оснований, испытал странное чувство, будто ему нанесли оскорбление.

Пятнашник являл собой потешное гротескное зрелище, несовместимое с представлением о воинственности. Он был кругленький, каждая его черточка, гримаска и жест искрились весельем, а одет он был в неприлично пестрый наряд, скроенный и пошитый словно нарочно для того, чтобы возмутить военного человека до глубины души.

— Что-то ваши друзья запаздывают,— заметил генерал.

— А подождите,— отвечал пятнашник голоском, похожим на свист. Приходилось внимательно вслушиваться в этот свист, чтобы хоть что-нибудь разобрать.

Генерал призвал на помощь все свое самообладание.

Что толку спорить?

Ну а браниться и вовсе бессмысленно.

Интересно, сумеет ли он — да что там он, сумеет ли человечество когда-нибудь раскусить пятнашников?

Не то чтобы это и вправду кого-то занимало всерьез. Пусть бы отвязались от землян — и того довольно.

— Подождите,— просвистел пятнашник.— Они прибудут по истечении среднего времени.

«Какого черта,— возмутился генерал про себя,— сколько еще ждать этого "среднего времени"?..»

Пятнашник откатился назад и продолжал следить за игрой.

Генерал выбрался из палатки наружу.

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустыннее и неприютнее, чем прежде. «Стоит только присмотреться,— мелькнула мысль,— и кажется, будто ландшафт с каждым часом становится все тоскливее: запомнился унылым — стал удручающим».

Безжизненная, бесплодная, начисто лишенная какой бы то ни было стратегической или экономической ценности, планетка представлялась нейтральной территорией, как нельзя лучше подходящей для обмена пленными. Нейтральной, поскольку никто во Вселенной пальцем не шевельнул бы для того, чтобы ее захватить.

Дальняя звездочка, солнце планеты, светилась на небе тусклым пятном. Голый черный камень простирался к горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух полоснул генерала по ноздрям точно ножом.

Здесь не было ни холмов, ни долин. И вообще не было ничего, кроме плоского, без единой трещинки камня, уходящего во все стороны,— не планета, а сплошной исполинский космодром.

Генерал напомнил себе, что местом встречи эта планетка была назначена по предложению пятнашников, и это само по себе выглядело подозрительным. Но на тогдашней стадии переговоров Земля не могла позволить себе роскоши торговаться по мелочам.

Он стоял, ссутулив плечи, и ощущал, как по спине бежит холодок мрачных предчувствий. По мере того как час тянулся за часом, планетка все явственнее напоминала ему гигантскую ловушку.

Нет, наверное, он заблуждается. В поведении пятнашников не было ровным счетом ничего, что оправдывало бы подобные подозрения. Напротив, они вели себя почти великодушно. Они могли бы выдвинуть свои условия — практически любые условия,— и Галактической федерации пришлось бы, хочешь не хочешь, принять их. Земля должна была выиграть время любой ценой. Земля должна была успеть подготовиться к следующей схватке — через пять лет, или через десять, или сколько бы лет ни прошло.

Однако пятнашники — невероятно, но факт — не выдвинули никаких условий. «Хотя,— поправил себя генерал,— никто не в силах догадаться, что у пятнашников на уме и какой еще фокус они задумали».

В полутьме вырисовывался лагерь землян — несколько палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании космический корабль, а подле него — маленький разведывательный катер, тот самый, на котором летал пленный пятнашник.

Катер сам по себе как нельзя лучше доказывал глубину пропасти, разделяющей пятнашников и людей. Три полных дня переговоров ушли только на то, чтобы пятнашники сумели членораздельно объяснить свое желание получить катер и его пилота обратно.

С сотворения мира ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как это крохотное суденышко. Но достоверно установить удалось совсем немногое. А пленный пятнашник, невзирая на бешеные усилия психологов, сообщил и того меньше.

Лагерь казался спокойным, почти вымершим. Двое часовых четко выхаживали взад и вперед. Все остальные были в укрытии и поджидали пятнашников, убивая время кто как мог.

Генерал торопливо пересек пространство, отделявшее его от госпитальной палатки. Пригнувшись, шагнул за порог.

За столом сидели четверо, лениво перебрасываясь в картишки. Один из игроков бросил карты на стол и поднялся.

— Что слышно, генерал?

Генерал поздоровался с ним за руку.

— Должны пожаловать с минуты на минуту. У вас все в порядке, док?

— Мы готовы уже давно,— сказал психиатр.— Сразу же по прибытии забираем ребят сюда и обследуем по всем статьям. Наши игрушки все на ходу. Долго мы вас не задержим.

— Прекрасно. Мне бы хотелось распрощаться с этим небесным камушком как можно скорее. Не нравится мне тут.

— Только один вопрос...

— Что такое?

— Как угадать, сколько человек нам вернут?

Генерал покачал головой:

— Этого мы так и не выяснили. Они не очень-то в ладах с цифрами. Что, если математика не так повсеместна, как вы, ученые, полагаете?

— В любом случае,— ответил доктор покорно,— сделаем все, что в наших силах.

— Да нет,— продолжал генерал,— их не может быть много. Мы же возвращаем одного-единственного пятнашника и один кораблик. Как по-вашему, во сколько людей они могут его оценить?

— Откуда же мне знать! Слушайте, а вы уверены, что они вообще прилетят?

— Трудно быть уверенным даже в том, что они нас поняли. Когда дело доходит до откровенной тупости...

— Не так уж они тупы,— тихо возразил доктор.— Мы оказались не способны усвоить их язык, так они овладели нашим.

— Сам знаю,— отмахнулся генерал нетерпеливо.— Вернее, сознаю. Но перемирие — ведь сколько дней понадобилось, чтобы они хотя бы отдаленно поняли, о чем речь? И еще больше дней ушло на то, чтобы согласовать систему отсчета времени. Ей-же-ей, договориться на пальцах с дикарями каменного века было бы и то легче!

— Конечно легче,— сказал доктор.— Дикари как-никак люди.

— А пятнашники — высокоразвитые существа! Их техника во многих отношениях даст нашей сто очков вперед. Они же поколотили нас, как маленьких.

— Да что там, просто разнесли вдребезги...

— Хорошо, пусть так, разнесли. И почему бы не разнести? У них есть оружие, какое нам и не снилось. Они действовали много ближе к своим базам. У них не было наших проблем материально-технического обеспечения. Да, они разнесли нас вдребезги, но разрешите спросить: сами-то они догадываются об этом? Воспользовались они плодами своей победы? Они могли перебить нас до последнего. Могли навязать нам такие условия мира, что отбросили бы нас на века. А вместо того отпустили нас подобру-поздорову. Где тут логика, я вас спрашиваю?

— Вы столкнулись с иной логикой,— сказал доктор.

— Мы сталкивались с другими инопланетянами. И всегда понимали их. По большей части нам удавалось с ними поладить.

— Мы соприкасались с ними на коммерческой основе,— напомнил доктор.— Трудности, если были трудности, возникали уже потом, когда мы достигали какого-то начального взаимопонимания. Пятнашники — единственные, кто сразу, с места в карьер, бросились в бой.

— И неизвестно зачем,— произнес генерал.— Мы их не трогали, даже не направлялись в их сторону. Могли пролететь мимо и вовсе их не заметить. Кто мы такие, они и понятия не имели. Выходит, им было все равно кто. Ни с того ни с сего выскочили из пустоты и навалились на нас. И то же самое случалось с каждым, кто попадался им на дороге. Они нападают на любого встречного. Просто нет такого дня, когда бы они с кем-нибудь не воевали — а то и с двумя-тремя противниками одновременно.

— У них комплекс самозащиты,— предположил доктор.— Ждут, чтобы их оставили в покое. Добиваются одного — отвадить других от планет, которые они облюбовали для себя. Вы же правильно сказали — они могли и перебить нас всех до последнего.

— А может, они очень обидчивы. Не забывайте, мы тоже раз-другой потрепали их — не так сокрушительно, как они нас, но все-таки ощутимо. Держу пари, они нападут на нас снова, как только выдастся случай.— Генерал перевел дыхание.— В следующий раз они не должны застать нас врасплох. В следующий раз они могут и не остановиться на полпути. Мы обязаны одолеть их.

«Нелегкая это задача,— добавил он про себя,— воевать с противником, о котором почти ничего не известно. Против оружия, о котором не знаешь абсолютно ничего».

В теориях, правда, недостатка не ощущалось. Но даже лучшие из них были, в сущности, не теории, а лишь более или менее обоснованные догадки.

Оружие пятнашников могло действовать во времени, отбрасывая свои жертвы вспять, в первозданный хаос. Или переносить их в другое измерение. Или обрушивать атомы внутрь себя, превращая космические корабли в пылинки — самые чудовищно тяжелые пылинки, когда-либо существовавшие во Вселенной.

Достоверно было одно: корабли не аннигилировали, никто не наблюдал ни вспышки, ни жара. Корабли просто исчезали, мгновенно и без следа.

— Беспокоит меня еще и другая странность,— заметил доктор.— Сколько рас пострадало от пятнашников до того, как они наткнулись на нас! Но когда мы попытались связаться с пострадавшими, получить хоть какую-то поддержку, никто не стал с нами разговаривать. Ответить и то не пожелали.

— Это новый для нас сектор пространства,— сказал генерал.— Мы здесь пока еще чужие.

— По логике вещей,— возразил доктор,— пострадавшие должны бы ухватиться за возможность расквитаться с пятнашниками.

— Нечего рассчитывать на союзников. Мы отвечаем за себя сами. Нам самим и выпутываться.

Генерал наклонился, чтобы выйти из палатки.

— Персонал,— заверил доктор,— приступит к делу тотчас же, как прибудут пациенты. Предварительное заключение будет подготовлено в течение часа, если только от людей хоть что-нибудь осталось.

— Прекрасно,— произнес генерал и, пригнувшись, выбрался наружу.

Ситуация была скверная, неопределенная до ужаса — если бы не умение владеть собой, впору было бы закричать от страха.

Да, кто-то из пленных землян, возможно, расскажет что-то полезное — но ведь их слова нельзя принять на веру, как нельзя принять на веру то, что рассказал пленный пятнашник. «На сей раз,— сказал себе генерал,— команде психологов, хочешь не хочешь, придется превзойти себя».

Задумано было ловко, спору нет: устроить пленному пятнашнику космический вояж и с гордостью показать ему вереницу голых, ни на что не годных планет, словно они — жемчужины в короне Галактической федерации.

Ловко — если бы пятнашники были людьми. Никто из людей не затеял бы свары, не то что воины, из-за планеток, какие были показаны.

Но пятнашники людьми не были. И бог весть какие планеты придутся им по вкусу.

А еще оставался риск, что эти никчемные планетки внушат пленному мысль, будто Земля окажется легкой добычей.

«Нет, эту головоломку не распутать»,— решил генерал. Вся ситуация противоестественна в самой своей основе. Каковы бы ни были различия между цивилизациями землян и пятнашников, ситуация противоестественна все равно.

И что-то дикое, противоестественное намечалось здесь, в этот самый момент.

Он услышал какой-то звук и, резко повернувшись, уставился в небо.

С неба спускался корабль, он был совсем близко и шел быстро, слишком быстро.

У генерала перехватило дух — но корабль уже замедлил ход, выровнялся и опустился по всем правилам искусства за четверть мили, не дальше, от корабля землян. Генерал бросился бегом, затем опомнился и перешел на четкий военный шаг.

Люди выбирались из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ — и шеренги двинулись, как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Да, ребята у него хоть куда. Их не застать врасплох. И если пятнашники рассчитывали, подкравшись исподтишка, привести их в замешательство и заработать на этом очко, то пусть подавятся.

Солдаты, отбивая шаг, быстро приближались к цели. Из-под навеса выехала машина неотложной помощи и последовала за ними. Зарокотали барабаны, в стылом до рези воздухе ясно и отчетливо пропели горны.

«Да,— сказал себе генерал горделиво,— именно таким ребятам по плечу обеспечить целостность Галактической федерации, сколько бы она ни расширялась. Именно таким по плечу охранять мир на пространствах объемом в тысячи кубических световых лет. Именно таким по плечу в один прекрасный день с божьей помощью отразить угрозу, какую олицетворяют собой пятнашники».

Войн теперь почти не было. Космос слишком велик для сражений. И уж если в кои-то веки где-то дойдет до конфликта, все равно есть множество путей избежать войны, обойти ее по краю. Но такую угрозу, как пятнашники, игнорировать нельзя. Настанет день, не сегодня, так завтра, и либо им, либо землянам суждено потерпеть полное поражение. Галактической федерации не ведать покоя, пока у нее под боком крутятся эти бестии.

За спиной послышался топот, и генерал обернулся. Застегивая на бегу мундир, его догонял капитан Джист. Поравнявшись с генералом, капитан произнес:

— Итак, сэр, они наконец прибыли.

— С опозданием на четырнадцать часов,— ответил генерал.— На данный момент наша задача — встретить их как можно достойнее. А вы, капитан, не застегнули пуговицу.

— Прошу прощения, сэр,— отозвался капитан, приводя себя в порядок.

— Ну ладно. Заодно поправьте погоны. Поаккуратнее, если можете. Правой, левой, раз, два!..

Уголком глаза генерал заметил, как сержант Конрад со своим отделением выводит пленного пятнашника почти по прямой

к заданной точке — ловко, уверенно, лучшего и не пожелаешь.

Солдаты двумя параллельными рядами охватили корабль с флангов. Открылся люк, из люка пополз трап, и генерал с удовлетворением отметил, что они с капитаном Джистом окажутся у подножия трапа почти в ту же секунду, когда ступеньки коснутся поверхности. Это было эффектно, это было превосходно, как если бы он лично рассчитал всю процедуру до мельчайших подробностей.

Трап, лязгнув, достиг грунта, и по трапу неторопливо скатились три пятнашника.

«Что за мерзкая троица,— подумал генерал.— Хоть бы один надел форму или, на крайний случай, медаль...»

Едва они спустились вниз, генерал взял дипломатическую инициативу на себя.

— Приветствуем вас,— произнес он медленно и отчетливо, как только мог, чтоб его поняли.

Пятнашники встали в ряд и стояли, глядя на генерала, и он почувствовал себя не в своей тарелке из-за выражения их развеселых округлых лиц. По-видимому, никакого другого выражения на этих лицах просто не могло быть. Но пятнашники упорно глазели на генерала, и он бодро продолжал:

— С большим удовлетворением отмечаю, что Земля добросовестно выполнила обязательства, согласованные при заключении перемирия. Мы искренне надеемся, что это означает начало эры...

— Очень мило,— перебил один из пятнашников.

Что он имел в виду — речь генерала или ситуацию в целом, или просто-напросто пытался соблюсти вежливость,— определить было трудно.

Генерал, не смутившись, хотел было продолжать, но заговоривший пятнашник поднял коротенькую округлую ручку и остановил его.

— Пленные прибудут вот скоро,— просвистел он.

— Разве вы не привезли их?

— Они прибудут скоро опять,— заявил пятнашник с восхитительным пренебрежением к точности выражений.

Не отводя взгляда от генерала, он слегка взмахнул ручкой, что, вероятно, соответствовало пожатию плеч.

— Ловушка,— шепнул капитан генералу на ухо.

— Мы побеседуем,— предложил пятнашник.

— Они что-то затеяли,— предупредил капитан.— Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

— Согласен,— ответил генерал.— Только сделайте это без шума.— И, повернувшись к делегации пятнашников, добавил: — Если вы, джентльмены, последуете за мной, я предложу вам подкрепиться...

— Рады весьма,— объявил пятнашник.— Что такое подкре...

— Выпивка,— сообщил генерал и пояснил свои слова недвусмысленным жестом.

— Выпивка — хорошо,— откликнулся пятнашник.— Выпивка — это друг?

— Точно,— сказал генерал.

Он направился к палатке, сдерживая шаг, чтобы пятнашники не отставали. Попутно он не без удовольствия отметил, что на сей раз капитан не промедлил ни минуты. Сержант Конрад уже вел свое отделение обратно, и в центре строя тащился пленный пятнашник. С орудий снимали чехлы, и последние из спешившейся было прислуги земного корабля взбирались на борт.

Капитан нагнал делегацию у самого входа в палатку.

— Все исполнено, сэр,— доложил он шепотом.

— Прекрасно,— отозвался генерал.

Войдя в палатку, генерал открыл холодильную камеру и вынул объемистый кувшин.

— Вот,— сказал генерал,— выпивка, которую мы изготовили для вашего соотечественника. Он нашел ее очень приятной на вкус.

Он достал стаканы, соломинки для коктейля и отвинтил пробку, сокрушаясь, что не может зажать себе нос: пойло пахло как хорошо выдержанная падаль. Не хотелось даже гадать, из каких компонентов оно составлено. Химики Земли состряпали эту жижу для пленника, который поглощал ее галлон за галлоном с тошнотным наслаждением.

Как только генерал наполнил стаканы, пятнашники обвили их щупальцами и втянули соломинки в безгубые рты. Отведали угощение и восторженно закатили глаза.

Генерал схватил стакан со спиртным, протянутый капитаном, и одним глотком опорожнил его наполовину. В палатке становилось трудно дышать.

«Господи,— подумал он,— и чего только не приходится выносить, чтобы сослужить службу своим планетам и своему народу!..»

Наблюдая за пятнашниками, вкушающими свое пойло, он размышлял: какой же камень они припасли за пазухой?

«Побеседуем»,— так выразился тот, кто взял на себя роль переводчика, и это могло означать практически все что угодно. От возобновления переговоров до бесчестной попытки выгадать время.

Если это переговоры, то землян приперли к стене. Ему не оставили выбора — придется вступать в переговоры. Земной флот искалечен, у пятнашников есть их таинственное оружие, возобновление военных действий немыслимо. Землянам необходимо выиграть по меньшей мере лет пять, еще лучше — десять.

А если это пролог к атаке, если планетка — капкан, у него нет другого выхода, кроме самоубийственного решения принять бой и сражаться до последнего патрона.

Что так, что эдак, осознал генерал,— земляне обречены.

Пятнашники отставили пустые стаканы, он наполнил их снова.

— Вы проявили хорошо,— сказал один из пятнашников.— Есть у вас бумага и рисователь?

— Рисователь? — переспросил генерал.

— Он просит карандаш,— подсказал капитан.

— О да. Пожалуйста.— Генерал достал карандаш с блокнотом и положил их на стол.

Пятнашник отодвинул стакан и, подобрав карандаш, принялся старательно рисовать. С земной точки зрения, рисунок напоминал каракули пятилетнего карапуза, выводящего первые в жизни буквы.

Они стояли и ждали, а пятнашник все рисовал. Наконец он справился со своей задачей, отложил карандаш и указал на волнистые линии.

— Мы,— заявил он.

Потом указал на другие, иззубренные линии.

— Вы,— пояснил он генералу.

Тот склонился над бумагой, силясь уразуметь, что же имел в виду художник.

— Сэр,— вмешался капитан,— это похоже на схему сражения.

— Оно,— гордо провозгласил пятнашник.

Он снова поднял карандаш и пригласил:

— Смотрите.

На рисунке появились новые линии, смешные значки в точках их пересечения и кресты там, где боевые порядки были прорваны. Когда пятнашник закончил, земной флот оказался разбит, разделен на три части и обращен в паническое бегство.

— Это,— узнал генерал, ощущая, как в горле клокочет гнев,— столкновение в секторе семнадцать. В тот день мы потеряли половину нашей Пятой эскадры.

— Маленькая ошибка,— объявил пятнашник, сделав при этом странный жест, словно просил прощения. Потом вырвал из блокнота новый листок, расстелил его на полу и принялся рисовать сызнова.

— Внимайте,— пригласил он.

Пятнашник вновь обозначил линии защиты и атаки, но слегка видоизменил их. Боевые порядки землян как бы повернулись вокруг оси, разъединились и превратились в две параллельные полосы, охватившие нападающих пятнашников с флангов. Еще поворот оси — и строй пятнашников дрогнул и рассеялся в пространстве.

Художник отложил карандаш.

— Маленький пустяк,— сообщил он генералу и капитану.— Вы проявили хорошо. Сделали одну чуточную ошибку.

Генерал опять наполнил стаканы, призывая на помощь все свое самообладание.

«Куда же они клонят? — подумал он.— Ну зачем они тянут и не выкладывают все напрямик?»

— Так лучше,— вымолвил один из пятнашников, поднимая свой стакан в знак того, что подразумевает пойло.

— Еще? — осведомился пятнашник-стратег, вновь берясь за карандаш.

— Прошу,— ответил генерал, скрипя зубами.

Прошагав к входному пологу, он выглянул из палатки. Орудийные расчеты были на своих местах. Струйки дыма курились под жерлами стартовых двигателей; возникни необходимость — и корабль взмоет вверх в одно мгновение. В лагере царила напряженная тишина.

Генерал вернулся к столу и продолжал следить за тем, как пятнашник с веселой миной читает лекцию о способах выиграть бой. Лист за листом покрывались схемами, и время от времени стратег проявлял великодушие — показывал, отчего пятнашники проиграли стычку, когда могли бы выиграть, чуть изменив тактику.

— Интересно! — провозглашал он с воодушевлением.

— Действительно интересно,— согласился генерал.— Только один вопрос.

— Спрашивайте,— разрешил пятнашник.

— Допустим, опять война. Почему вы уверены, что мы не используем все эти знания против вас?

— Но прекрасно! — воскликнул пятнашник восторженно.— Мы того и хотим!

— Вы воюете хорошо,— вмешался другой пятнашник.— Однако немножко грубо. В следующий раз научитесь лучше.

— Грубо? — взъярился генерал.

— Слишком резко, сэр. Нет надобности бить по кораблям трах-тарарах...

Снаружи грохнул залп, потом еще и еще, а потом грохот орудий утонул в басовитом, потрясающем скалы реве множества корабельных двигателей.

Генерал в один прыжок очутился у входа и протаранил его насквозь, не удосужившись отогнуть полог. Фуражка слетела у него с головы, и он покачнулся, едва не потеряв равновесия. А задрав голову, увидел, как они приближаются, эскадра за эскадрой, расцвечивая тьму вспышками выхлопов.

— Прекратить огонь! — заорал он.— Безмозглые тупицы, прекратите огонь!

Но кричать не было нужды — пушки умолкли сами по себе.

Корабли приближались к лагерю в безукоризненном походном строю. Затем они пролетели над лагерем, и гром их двигателей, казалось, приподнял палатки и потряс до основания скалы, где эти палатки стояли. А затем сомкнутыми рядами корабли опять пошли на подъем, все с той же безукоризненной точностью выполняя уставный маневр перед мягкой посадкой.

Генерал замер как вкопанный, ветер ерошил его серо-стальные волосы, и в горле сжимался непрошеный комок — гордость за своих и благодарность к чужим.

Кто-то тронул его за локоть.

— Пленные,— объявил пятнашник.— Я же говорил вам так и так.

Генерал попытался ответить, но слова отказывались повиноваться. Он проглотил комок и предпринял новую попытку.

— Мы ничегошеньки не понимали,— сказал он.

— У вас не было наших берушек,— сказал пятнашник.— Потому вы и воевали столь грубо.

— Мы не виноваты,— ответил генерал.— Мы же не знали. Мы никогда еще не воевали таким манером.

— Мы дадим вам берушки,— заявил пятнашник.— В следующий раз мы с вами сыграем как надо. Будут берушки, у вас получится лучше. Нам легче дать, чем терять.

«Неудивительно,— подумал генерал,— что они и слыхом не слыхивали про перемирия. Неудивительно, что были повержены в недоумение предложением о переговорах и обмене пленными. Какие в самом деле переговоры нужны обычно для того, чтобы вам вернули фигуры и пешки, завоеванные в игре?

И неудивительно, что у других инопланетян идея коллективно обрушиться на пятнашников вызвала лишь скорбь и неприязнь...»

— Они вели себя неспортивно,— сказал генерал вслух.— Могли бы предупредить нас. А может, они привыкли к правилам игры с незапамятных времен...

Теперь он понял, почему пятнашники выбрали именно эту планету. На ней хватало места для посадки всем кораблям.

Он стоял и смотрел, как эскадры опускаются на скальный грунт в клубах розового пламени. Попытался пересчитать их, но сбился; хотя он и без счета знал, что Земле вернули все утраченные корабли, все до единого.

— Мы дадим вам берушки,— продолжал пятнашник.— Научим, как обращаться. Управлять просто. Никаких увечий ни людям, ни кораблям.

«А ведь это,— сказал себе генерал,— нечто большее, чем глупая игра. Да и глупая ли, если вдуматься в ее исторические и культурные корни, в философские воззрения, которые сплелись в ней?..» Одно можно утверждать с уверенностью: это много лучше, чем вести настоящие войны.

Впрочем, с берушками всем войнам придет конец. Те мелкие войны, что еще оставались, будут прекращены раз и на-

всегда. Отныне нет нужды одолевать врага в бою — зачем, если любого врага можно просто забрать? И нет нужды годами терпеть партизанские вылазки на вновь осваиваемых планетах: аборигенов можно забрать и поместить в культурные резервации, а опасную фауну переправить в зоосады.

— Будем еще воевать? — спросил пятнашник с беспокойством.

— Разумеется! — воскликнул генерал.— В любое время, как только пожелаете. А что, мы и вправду такой хороший противник, как вы сказали?

— Не самый ловкий,— отозвался пятнашник с обезоруживающей прямотой.— Но лучший, какого мы встречали. Играйте больше — станете еще лучше.

Генерал усмехнулся. «Ну в точности сержант и капитан со своими вечными шахматами»,— подумал он.

Повернувшись к пятнашнику, он похлопал того по плечу.

— Пошли назад в палатку,— предложил генерал.— Там еще осталось кое-что в кувшине. Зачем же добру пропадать?

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал нечасто. Она лежала в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, что забрел в такую даль. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на все сто восемьдесят и убраться восвояси: он ощутил себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворожил его. Салон просто не дал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем стоптанном и заношенном убожестве; рука, засунутая в карман, ненароком нащупала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногсшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной улице. Особенно одна машина, в углу,— она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол великой мудрости. Массивная клавиатура для набора исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода кинопленок и перфолент, нужных по ходу процесса. Судя по градуировке шкал, выбор настроений гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, еще и множество других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной,— сказал себе Харт,— человеку ничего не стоит прославиться практически за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, и напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издателей...»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее сквозь витринное стекло.

«И все-таки,— сказал он себе,— у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон. Кто и что может мне помешать?..» Никто и ничто — ну если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда он отвернется и поплетется к выходу...

Он украдкой бросил взгляд по сторонам — улица была пуста. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что, если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину, ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. Может, они не станут над ним смеяться. Конечно же нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглядеть...

Он крался вдоль витрины, не отрывая глаз от машины, и подбирался все ближе к двери, уговаривая себя, что ни за что не войдет, что входить — отъявленная глупость, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

— Вон тот сочинитель в углу,— промямлил Харт.— Скажите, не могу ли я...

— Безусловно, безусловно,— подхватил продавец.— Будьте любезны следовать за мной.

В углу салона продавец ласково положил руку на корпус машины.

— Это новейшая модель,— начал он.— Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью — наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удава-

лось выдавать классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо собаку съел...

Харт покачал головой.

— Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за паяльник берутся...

— В таком случае,— не смутился продавец,— лучшее, что вы можете сделать, это сразу приобрести сочинитель высшего класса. Если пользоваться им с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели к тому же предусмотрен коэффициент качества, гораздо более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако...

— Между прочим, какова цена этой модели?

— Всего-навсего двадцать пять тысяч,— весело откликнулся продавец.— Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали устаревшие конструктивные решения и искали новые и новые, чтобы не отстать от достижений технического прогресса...

Он с торжествующим видом похлопал машину по ее блестящему боку.

— Заверяю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества. В этой машине предусмотрено все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции. Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей. Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям

низших классов. Семантический блок обладает высокой изобретательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания...

— Хорошая машина,— прервал его излияния Харт.— Но, пожалуй, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще...

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца едва заметно вытянулось. Потом он покачал головой, не то грустно, не то смущенно.

— Видите ли, мм... Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины. Почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот и добавил:

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый воришка, тихо попятился к двери и выскочил из салона. Оставаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощанье руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр...

Что означало бы: «Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ».

— И зачем я вообще затеял эту прогулку,— упрекнул себя Харт не без горечи.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице, так как лифт опять не работал. За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша, поглощенная

шлифовкой ногтей, оторвалась от этого занятия ровно настолько, чтобы махнуть рукой в сторону смежной комнаты и предложить:

— Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем — оставалось тайной для всех: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

— Рад тебя видеть, Кемп,— сказал он.— Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

— Решил зайти спросить о судьбе последнего рассказа, который я посылал тебе.

— Никак не доберусь до него.— В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показывая на кавардак на столе.— Мэри! — заорал он. В дверь просунулась голова секретарши.— Возьмите рукопись Харта, и пусть Милли на нее глянет.— Он откинулся в кресле.— Времени это не займет, наша Милли читает быстро...

— Я подожду,— сказал Харт.

— А у меня есть для тебя новость,— объявил Ирвинг.— Мы открываем журнал для племен системы Алголь. Жизнь там у них довольно примитивная, но читать они, да вознаградят их небеса, умеют. Хлебнули же мы хлопот, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить переводы текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали, каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого нашелся даже такой шрифт...

— Что от меня требуется? — осведомился Харт.

— Обычное гуманоидное чтиво,— ответил Ирвинг.— Побольше драк и крови и чтобы как можно красочнее. Живется им там несладко, так что наш долг — предложить яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу.

— Звучит неплохо.

— Нужна добротная макулатура,— заявил Ирвинг.— Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, понадобятся кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные.— Он прищурился, задумавшись.— Платить дорого не сможем. Зато, если дело пойдет, товара потребуется много.

— Хорошо, я подумаю,— сказал Харт.— Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

— Никакой религии,— ответил издатель.— Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше эту скользкую тему обойти. Никаких сантиментов. Любовь у них не котируется. Женщин они себе покупают и с любовью не знаются. Сокровища, погони, муки алчности — вот это будет в самый раз. Любой стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия — чем ужаснее, тем лучше. И побольше кровопролития. Ненависть — вот что им подавай. Ненависть, месть и острые ощущения. Главная твоя задача — чтобы напряжение не спадало.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

— У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе «да». Раньше я мог бы запросто выдавать такое варево тоннами.

— Потерял форму?

— Не в форме дело, а в машине. Мой сочинитель — сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непристойности Ирвинга передернуло.

— Так почини его,— сказал издатель.— Повозись, подлатай.

— Чего не умею, того не умею. И все равно модель слишком старая. Почти вышедшая из употребления.

— Ну, в общем, постарайся сделать что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, положила рукопись на стол. С того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, какое машина оттиснула на первой странице: «Отказать».

— Слишком вычурно,— пояснила секретарша.— Милли чуть себе потроха не пережгла.

Ирвинг перебросил рукопись Харту.

— Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

— Я попробую взять твой новый заказ,— произнес он и направился к двери.

— Погоди-ка,— окликнул его Бен сочувственным голосом.

Харт обернулся. Ирвинг вытащил бумажник и, выудив оттуда две десятки, протянул ему.

— Нет,— отказался Харт, пожирая деньги глазами.

— Это взаймы,— сказал издатель.— Черт тебя побери, могу я дать тебе взаймы? Принесешь мне, что сочинишь.

— Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость,— заявил Бен.— Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура.

До чего же он докатился!

Когда Харт наконец появился в баре «Светлая звездочка» с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива, из постоянных посетителей там была только Анджела Маре. Она пила какую-то дикую розовую смесь, по виду явно ядовитую. При этом Анджела нацепила очки, а волосы гладко зачесала назад и, очевидно, праздновала литературную удачу. «Что за нелепость,— подумал Харт.— Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого...»

Едва Харт подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и молча встал рядом, упершись кулаками в бока.

— Стакан пива,— бросил Харт.

— В долг больше не верю,— отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

— Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

— Ежели вы при деньгах, то, может, и по счету заплатите?

— Настолько я еще не разбогател. Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десяток. Вытащи он купюру хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал бы в погашение долга.

— Подкинули? — приветливо осведомилась Анджела.

— Аванс,— соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство.— Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным. Хотя гонорар, разумеется, не слишком...

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол и подождал, пока Харт не сделает того, что от него требуется. Харт рассчитался — тогда бармен, шаркая, удалился.

— Слышали про Джаспера? — спросила Анджела.

Харт покачал головой.

— Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

— Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он — и вдруг в отпуск!

— А что тут особенного? — откликнулся Харт.— Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!

— Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете — это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

— А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируются под девизом «Хлеб наш насущный»...

— Все, чем они там занимаются,— сказала Анджела,— это зубрят заново механику. Вроде повторного курса по устройству сочинителей. Как переделать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое...

— И все-таки не вижу, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

— Вы такой тугодум,— рассердилась Анджела.— Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

— Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в литературном деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стан-

дартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того — он оказался столь безрассуден, что проговорился об этом, и вы вместе с остальными подняли его на смех. Что ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Что удивляться, если он запирает дверь на ключ...

— Запертая дверь,— зло сказала Анджела,— очень символичный поступок для такого психа, как он.

— Я бы тоже запер дверь,— ответил ей Харт.— Я бы стал эксцентричным, лишь бы печатать такие рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках. Я бы вырядился в саронг. Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет...

— Вы словно верите, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-другому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет,— возликовала она.— Вы думаете, как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, независимого от машины.

— Нет, *не допускаю. Я знаю, что творчество — привилегия машин*, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансардах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Она существовала во все эпохи. Где вы, мол, добрые старые времена? Где вы, деньки, когда литературные произведения писали кровью сердца?..

— Что-что, а кровь мы проливаем по-прежнему.

— Джаспер — прирожденный механик,— заявил он.— Вот чего мне недостает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал Джаспер свой агрегат...

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвели ремонт. Есть фирмы, которые прекрасно справляются с подобной работой.

— На это у меня никогда нет денег.— Он допил пиво и поинтересовался: — А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пива, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделываете, Анджела? Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой. Большой, сильный, темпераментный — но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки...

— Теперь они в цене, Кемп,— сказала она.— Инопланетяне нынче поумнели. Даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному из них двадцатку, а ведь он не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа,— посоветовала Анджела.— Она куда лучше прежних по всем показателям. Резкость гораздо выше, а значит, улавливается больше побочных факторов. Характеры очерчиваются более плавно. Вы приобретаете способность видеть, так сказать, все оттенки исследуемой личности. И персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

— За нее, должно быть, дерут втридорога.

— Да, довольно дорого,— согласилась она.

— У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

— Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

— Спасибо, Анджела. Я могу клянчить на выпивку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богатеев, способных раздавать в долг по полсотни.

— Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете...

— Хотите еще пива? — спросил Харт, чтобы положить конец неприятной теме.

— Мне нужно работать.

— Мне тоже...

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

— Минуточку,— донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке и дверь распахнулась.— Прости, что так долго,— извинился Джаспер.— Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться.

Харт кивнул. Объяснение Джаспера было нетрудно принять. Прервать на середине набор исходных данных, на подготовку которых уходили многие часы,— дело почти немыслимое.

Комната у Джаспера была маленькая и захламленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хоть и не такой блестящий, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книги в ярких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею кусок хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джаспер,— начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы...

— Послушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Пока тебя не будет, разреши мне воспользоваться твоим сочинителем.

— Ну, в общем... Не знаю, Кемп. Видишь ли...

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтоб отремонтировать свою.

— Ну, в общем,— повторил Джаспер,— я для тебя готов на все. Проси чего хочешь. Но сочинитель — извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял. Там нет ни одной цепи, которая осталась бы в первозданном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если попробует, то или машину сожжет, или себя угробит, или не знаю что...

— Но разве ты не можешь меня проинструктировать?! — воскликнул Харт почти умоляюще.

— Слишком сложно. Я с ней возился годами.

Харт еще ухитрился выжать из себя улыбку.

— Прости, я думал...

Джаспер положил руку ему на плечо.

— Что-нибудь другое — пожалуйста. Что угодно другое.

— Спасибо,— бросил Харт, отворачиваясь.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо,— ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он поднялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем желании никто не высмотрел бы у него ничего достойного кражи. «И коль на то пошло,— спросил он себя,— разве у Джаспера есть что-нибудь, что представило бы интерес для других?»

Он опустился на колченогий стул и уставился на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиняться ей, а может спорить с ней, может ее пинать и бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудахтая от признательности, будет самонадеянно выдавать необъятные груды посредственных строк, которые никто не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу блестела река. С судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта поднимался корабль, оставляя за кормой слабое голубое сияние ионных потоков. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала — нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой,— сигнала, который сорвал бы их с места и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу — скорости света. Корабли, прибывшие на Землю с мно-

гих звезд с одной-единственной целью, за одним-единственным товаром, какой предлагали им земляне.

Харт не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город — скученные, отесанные до полного однообразия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу сияющие сказочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

«Фантастический мир,— подумал он.— Фантастический мир, где приходится жить. Вовсе не такой, каким рисовали его Герберт Уэллс и Стэплдон. Они воображали себе дальние странствия и галактические империи, гордость и славу человечества,— но когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не досталось ни того ни другого. Взамен грома ракет — грохот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей — тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочинителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой череды новых планет — комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто...»

Он подошел к столу и выдвинул все три ящика один за другим. Камеру он обнаружил в нижнем ящике под ворохом всякой дряни. Потом порыскал еще и в среднем ящике нашел пленку, завернутую в алюминиевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный,— подумал он.— Такого, наверное, нетрудно встретить в каком-нибудь подвальчике у реки, где космические волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки...»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно — там расположилась компания паукообразных существ из системы Спики, и он там не остался. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен. Соседний погребок облюбовали похожие на раскормленных котов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф — созданий дородных и шумных, склонных к экстравагантности в одежде, вызывающему поведению и вообще падких до роскошной жизни. Они сгрудились вокруг боль-

шого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили: стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебранкой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал присматриваться к загулявшим кафианам. На одном из них, самом крупном, самом громогласном и самом буйном, были красные штаны и рубаха цвета яркой зелени. Платиновые ожерелья и диковинные чужеземные украшения болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг месяцами. У него была и борода довольно сатанинского вида, а также — поразительная штука — чуть заостренные уши. Ссориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезопасно. «Вот он,— решил Харт,— вот типаж, который мне нужен».

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

— Пива,— распорядился Харт.— Большой стакан.

— Да что вы,— удивился хозяин,— кто же у нас пьет пиво!

— Ну хорошо, а что у вас есть?

— Бокка, игно, хзбут, грено. Ну и еще...

— Тогда бокка,— отрезал Харт. По крайней мере, он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слыхивал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка — зеленоватого, слегка обжигающего пойла. По вкусу пойло напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом приподнял камеру над столом — не выше, чем было необходимо, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения объектива. Наклонившись к видоискателю, поймал кафианина в фокус и тут же нажал кнопку, приводящую аппарат в действие. И, покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давясь едким пойлом и орудуя камерой, предстояло четверть часа. Четверти часа хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, и не столь исчерпывающе, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Анджела, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические характеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мысли-

тельные процессы (при наличии таковых), образ жизни, происхождение, вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях,— подумал Харт,— пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так...»

Взять этого весельчака, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь голубой тьмы». Ввернуть туда что-нибудь заковыристое про сокровища, добавить капельку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне,— и пожалуйста, готово, если, конечно, сочинитель не откажет...

Десять минут прошло. Осталось всего пять. Еще пять минут — и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман и выберется отсюда как можно скорее. Разумеется, стараясь не привлечь ничьего внимания.

«А все получилось довольно просто,— подумал он,— много проще, чем я рассчитывал...»

Как это Анджела сказала? «Все нынче поумнели, даже инопланетяне...»

Осталось три минуты.

Неожиданно на стол опустилась рука и заграбастала камеру. Харт стремительно обернулся. У него за спиной, с камерой под мышкой, стоял хозяин.

«Ну и ну,— подумал Харт,— я так старательно следил за кафианами, что начисто забыл про этого типа!»

— Ах так! — зарычал хозяин.— Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери. У него еще оставался какой-то, пусть призрачный, шанс. Но хозяин ловко подставил ногу, Харт упал, перекувырнулся через голову, проехал по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане вскочили с мест и как по команде уставились на него. Было очевидно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы бросил камеру себе под ноги. С тяжким скрежещущим стоном она разлетелась на куски. Пленка

выпала из кассеты и зазмеилась по полу. Откуда-то, дзенькнув, вывалилась пружина, впилась в пол торчком и задрожала.

Харт изловчился, напрягся и выскочил из-под стола. Кафиане двинулись на него — не бросились, не разразились угрозами, а размеренно двинулись, разворачиваясь в стороны, чтобы он не пробился к выходу.

Он отступал осторожно, шаг за шагом, а кафиане продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул вперед, нацелившись в самую середину цепи. Издав боевой клич, наклонил голову и боднул Зеленую Рубаху прямо в живот. Почувствовал, как кафианин качнулся и подался вбок, и на какую-то долю секунды решил, что вырвался на свободу.

Но чья-то волосатая, мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула наземь. Кто-то лягнул его. Кто-то наступил ему на пальцы. А кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, крутясь, как на салазках, и совсем задохнувшись от побоев. Остановился он лишь тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки, откуда его выкинули.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надрываясь от зычного хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине. Они чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и ощупал себя. Потрепали его основательно, понаставили шишек, изорвали одежду. Но переломов, кажется, удалось избежать. Прихрамывая, он попробовал сделать шаг, второй. Потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы. Он пересек эту площадь и, не задерживаясь, юркнул в проходной двор — по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что достиг

безопасности, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтоб отдышаться и обдумать свое положение.

Положение — в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось — было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру, подвергся унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности,— сказал он себе,— мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват. Снимать героя без разрешения прототипа — значит грубо нарушить закон...»

А с другой стороны, какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы платы за труды — платы куда большей, чем Харт был в состоянии наскрести.

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село и город погружается в сумерки. «Вот и день прошел,— мелькнула мысль.— Прошел впустую, и некого винить, кроме себя самого».

Проходивший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

— Эй,— обратился он к Харту,— ты чего здесь расселся?

— Отдыхаю,— ответил Харт.

— Прекрасно. Посидел, отдохнул. А теперь шагай дальше.

Пришлось встать и шагать дальше.

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, донесшийся из тупичка между стенкой жилого дома и переплетной мастерской. Плач был странный, не вполне человеческий — пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Харт придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался опять. Это был тихий плач, безнадежный и безадресный, плач ради плача.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех шагов, как вернулся, заглянул в тупичок — и почти сразу задел ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок — точнее не определишь,— мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти невесом. Придерживая находку одной рукой, он другой пошарил по карманам в поисках зажигалки. Отыскал, щелкнул крышкой — пламя едва светило, и все же он разглядел достаточно, чтоб испытать резкую дурноту. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица — лицо начало было становиться гуманоидным, но затем почему-то передумало. Вот и все, что являло собой это удивительное создание,— одеяло и лицо.

Поспешно сунув зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая, как при каждом вдохе воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным. Оно было прямотаки немыслимым даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же, без задержки, идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка,— ребенок и тот оказался бы, наверное, тяжелее,— и ощутил телом тепло, которое существо излучало совершенно по-детски, а сердцем — непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти и пытаясь настичь какое-то ускользающее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло, хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, и разглядеть удалось лишь смутную рябь.

Через два квартала он дотащился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду и стал взбираться по

лестнице. Кто-то спускался сверху, и он прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп,— окликнула его Анджела Маре.— Кемп, что у вас в руках?

— Вот подобрал на улице,— объяснил Харт.

Он пошевелил рукой, и одеяло-тело соскользнуло с лица, Анджела отпрянула и одновременно прижала ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!

— Мне кажется, оно нездорово. Оно...

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю,— ответил Харт.— Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетянах. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетянах,— напомнила ему Анджела.— Может, в центре и нашелся бы специалист...— По ее лицу пробежало облачко.— Но ничего, наш док изобретателен. Он нам хотя бы скажет...

— Ладно,— согласился Харт.— Попробуйте, может, вам и в самом деле удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, заснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дольше разглядывал, тем меньше логики находил в том, что видел. Только теперь он осознал, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительное дело, как нечто столь немощное вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, какого рода пищу оно потребляет? А если оно и впрямь нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда ничего, ровным счетом ничего о нем не знаешь?

А вдруг док?.. Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого в округе — перебы-

вается с хлеба на воду, обожает, коль подвернется случай, выпить на дармовщинку да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет...

На лестнице послышались шаги — сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то может статься, он достаточно трезв и способен действовать и думать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояжик, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

— Ну, так что у нас здесь? — произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

— Кемп подобрал его на улице,— торопливо ответила Анджела.— Оно плакало, а теперь перестало.

— Это что, шутка? — спросил Жуйяр, наливаясь гневом.— Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт по своему обыкновению покачал головой.

— Это не шутка. Я думал, что вам известно...

— Нет, мне не известно,— перебил доктор неприязненно и горько.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал пальцы, и существо тут же вновь шлепнулось на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед, повторил свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджеле и Харту:

— Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать. Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя, как полагается врачу. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Что я пощупаю ему пульс, измерю температуру, взгляну на его язык и выслушаю сердце. Ну что ж, в таком случае не подскажете ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то откуда мне знать, какова его нормальная частота? Допустим даже, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне, какую температуру считать нормальной для этого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него сердце?

Подхватив саквояжик, он направился к двери.

— Но может, кто-нибудь другой? — спросил Харт самым необидным тоном.— Может, хоть кто-нибудь знает?..

— Сомневаюсь,— отрезал Жуйяр.

— Вы думаете, во всем городе нет никого, кто мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

— Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат людей, и точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый поинтересуется инопланетной медициной, да и то по верхам. Только по верхам, и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим существом не все в порядке?

— Ну как же, оно плакало, вот я и подумал...

— А может, оно плакало от одиночества, или от испуга, или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док,— сказал Харт.

— Не за что.— Старик в нерешительности застыл на пороге.— У вас случаем не найдется доллара? Я как-то немного поиздержался...

— Пожалуйста,— сказал Харт, протягивая ему бумажку.

— Завтра верну,— пообещал Жуйяр.

И тяжело поплелся к лестнице. Анджела нахмурилась:

— Не следовало этого делать. Теперь он напьется, и вам придется отвечать...

— Ну не на доллар же,— авторитетно возразил Харт.

— Это по вашим понятиям. Та бурда, какую он пьет...

— Тогда пусть его пьет. Он заслужил хоть капельку счастья.

— Но...— Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

— Вы же слышали, что сказал док. Он не в силах ничего предпринять. И никто не в силах ничего предпринять. Когда оно очнется — если очнется,— оно, быть может, само сумеет

сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю.

Он подошел к кровати и окинул распростертое на ней существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный — и ни на йоту не гуманоидный. И в то же время от одеяльца веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Харта перехватило дыхание.

— Наверное, следовало оставить его в тупичке,— проговорил он.— Я ведь совсем уже пошел дальше. Но оно опять ударилось в плач, и я не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ничем ему не помог. Если бы я его там и оставил, дело могло бы повернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже взялись его искать...

— Все вы сделали правильно,— перебила Анджела.— Что за манера воевать с ветряными мельницами? — Она пересекла комнату и села в кресло. Он передвинулся к окну и мрачно взирал на городские крыши, когда она спросила: — А с вами-то что случилось?

— Ничего.

— Но ваша одежда! Вы только посмотрите на свою одежду!..

— Вышвырнули из погребка. Пытался снять фильм.

— Не заплатив за него?

— У меня нет денег.

— Я же предлагала вам полсотни.

— Знаю, что предлагали. Только я не мог их взять. Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

— Вы же так бедствуете, Кемп.

Он вскинулся, словно его ударили. Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама...

Он успел остановиться, прежде чем слова вылетели наружу.

Она имела право. Она предлагала ему полсотни — но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала — она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она...

— Я не в состоянии больше писать, Анджела,— пожаловался он.— Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина — сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны.

— Что вы сегодня ели?

— Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

— Это не называется есть. Вымойтесь и переоденьтесь, потом мы с вами спустимся вниз и купим вам еды.

— На еду у меня у самого хватит.

— Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.

— Это был не аванс.

— И об этом знаю, Кемп.

— А что будет с инопланетянином?

— Да ничего с ним не будет — по крайней мере за то время, какое нужно, чтобы перекусить. Чем вы ему поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.

— Пожалуй, вы правы.

— Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица. И не забудьте заодно вымыть уши.

В «Светлой звездочке» сидел один лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за тот же столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже форменным святотатством.

— А где остальные? — поинтересовалась Анджела.

— Тут по соседству вечеринка,— объяснил Джаспер.— Кто-то продал книгу.

— Кто-то, с кем мы знакомы?

— Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?

— Я ни о чем подобном давно не слышала.

— А кто слышал? Какой-то чудак заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг шляться по вечеринкам. Меня ждет работа.

— Что, и закуска бесплатная? — спросила Анджела.

— Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, и все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сандвич и стопку.

— Времена тяжелые,— заметил Харт.

— Только не для меня,— откликнулся Джаспер.— Я завален заказами.

— Но заказы еще не решают главной проблемы.

Джаспер одарил его внимательным взглядом и подергал себя за подбородок.

— А что считать главным? — спросил он требовательно.— Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка ответь. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе оно не стало бы массовым, иначе нельзя было бы выдавать рассказы и романы даже при полном отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроклятой Галактики. Чтоб у них там дух захватывало от похождений щелеглазой Энни, королевы космических закоулков. И чтоб ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был жив и здоров, а завтра снова прошит навылет, и вновь заштопан на скорую руку, и...

Джаспер достал вчерашнюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.

— Видели? Так прямо и назвали: «Классик». Гарантированно не сочиняет ничего, кроме классики...

Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно: там была статья на целую полосу и в центре снимок, а на снимке — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал сегодня в салоне.

— В скором будущем,— заявил Джаспер,— единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойди купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ», потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто пни ее ногой, и она выплюнет твой рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака. Раньше еще изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк — пусть не первоклассных, но находящих спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день,— изрек он,— и человечество перехитрит само себя. Придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, только машинам.

— Но у вас-то дела идут неплохо,— заметила Анджела.

— Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь

не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.

Подошел, волоча ноги, Блейк и рявкнул:

— Что прикажете?

— Я сыта,— ответила Анджела,— мне только стакан пива.

Блейк повернулся к Харту:

— А для вас?

— Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

— В долг не дам.

— Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?

— Нет,— огрызнулся Блейк.— Но вы заплатите мне сразу же, как я ее принесу.

Он отвернулся и зашаркал прочь.

— Придет день,— продолжал Джаспер,— когда этому наступит конец. Должен же когда-то наступить конец, и мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из наших предков мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?

— А кто из наших предков,— подхватил Харт,— мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь сегодня именно так и произошло. Конечно, существуют заводы, где строят для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу, и фермы, где выращивают пищу, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то Земля сегодня сосредоточила свои усилия на беспрерывном производстве литературы для межзвездной торговли.

— А восходит все это,— сказал Джаспер,— к одной нашей занятной особенности. Казалось бы, невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало родиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, мы — единственное исключение.

— Вы судите чересчур сурово,— запротестовала Анджела.

— Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать великими торгашами и обобрали бы всех остальных до нитки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант к неправде мы могли бы использовать тысячью разных способов и, не исключаю, даже сберегли бы в целости свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, а мы, оказывается, единственные лжецы на всю Вселенную...

Блейк принес пиво для Анджелы и свиные ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.

— У меня остался еще четвертак,— удивился Харт.— Есть у вас какой-нибудь пирог?

— Яблочный.

— Тащите порцию, плачу авансом.

— Вначале,— не унимался Джаспер,— рассказы передавали из уст в уста. Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах. Но разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод. Какой-нибудь иной, лучший путь. Какой-нибудь принципиально новый шаг.

— Я согласился бы на все,— объявил Харт.— На любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.

— Как вы можете! — вознегодовала Анджела.— По-моему, на эту тему шутить и то неприлично. С такой шуточкой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу...

Харт замахал руками.

— Забудем об этом. Извините, сморозил глупость.

— Разумеется, литературный экспорт,— продолжал Джаспер,— серьезное доказательство ума человека, приспособляемости и находчивости человечества. Ну не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая от века слыла совершенно индивидуальной. Но ведь получается! Не сомневаюсь, что рано или поздно сочинительское дело будет

и впрямь поставлено на конвейер и литературные фабрики станут дымить в две смены.

— Ну нет,— вмешалась Анджела.— Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества, как ни одна другая.

— Верно,— согласился Джаспер.— И признаться, я лично от одиночества ничуть не страдаю. Наверное, должен бы страдать, но не страдаю.

— Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь! — воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе.— Чего мы, в сущности, добиваемся?

— Делаем людей счастливыми — если, конечно, именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем им развлечение.

— А заодно внушаем высокие идеалы?

— Бывает, что и идеалы тоже.

— Это еще не все,— сказал Харт.— Не только обеспечиваем, не только внушаем. Мы ведем экспансию — самую невинную с виду и самую опасную за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание Галактики. И я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они не сумели предугадать, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсеры, но книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.

— Вот именно это я и хотел сказать! — торжествующе вскричал Джаспер.— Ты попал в самую точку. И если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам билль о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете сохранить их человеческий смысл, если изложение мы перепоручаем машинам?

— Но ведь машины-то человеческие,— возразила Анджела.

— Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеды. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения меха-

ники достоинство заключается в том, чтобы ввести шаблон. А в литературных вопросах шаблон — требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.

Может, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне греха, поскольку пока не развили в себе даже отдаленного подобия критических способностей. Но мы-то должны видеть! Должны хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и беда, что машины уничтожают в нас эту гордость. Некогда сочинительство было искусством. Теперь оно таковым не является. Книги штампуются на машинах, как типовые стулья. Пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки, ни...

Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая Рубаха, а за ним, скалясь дьявольскими усмешками, сгрудилась вся команда кафиан.

Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, пришелец похлопал его увесистой ладонью по плечу.

— Ты меня помнить, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.

— Конечно,— ответил Харт, поперхнувшись.— Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.

Зеленая Рубаха произнес с заученной правильностью:

— Счастлив быть знаком, уверяю нас.

— Присаживайтесь,— пригласил Джаспер.

— Очень рад,— сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.

Один из кафиан с пулеметной скоростью прострекотал что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара.

— Он быть обеспокоен,— пояснил Зеленая Рубаха.— Мы замедлять — как это сказать — мы задерживать корабль. Они без нас отнюдь не улететь. Но я указать ему не беспокоиться.

Капитан счастлив замедлять корабль, когда увидеть, кого мы привести.— Он наклонился, потрепал Харта по колену и сообщил: — Я тебя искать. Искать широко и долго.

— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.

— Шут гороховый? — переспросил кафианин, насупившись.

— Титул, означающий крайнюю степень уважения,— поспешно заверил Харт.

— Ясно,— сказал Зеленая Рубаха.— Вы все писать истории?

— Да. Все трое.

— Но ты писать лучше всех?

— Ну, знаете,— пролепетал Харт,— я бы так не сказал. Видите ли...

— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, тра-та-та-та?

— Мда... Виноват, действительно приходится.

Зеленая Рубаха засмущался и произнес виновато:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это выглядеть очень смешно. Мы же не знать, что ты писать истории. Когда узнать, кто ты, то бежать тебя ловить. Но ты убегать и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — вмешалась Анджела.

Кафианин зычно кликнул Блейка.

— Обслужить,— распорядился он.— Эти люди есть мои друзья. Подать им самое-самое лучшее.

— Лучшее, что у меня есть,— отозвался Блейк ледяным тоном,— это ирландское виски по доллару за стопку.

— Монет у меня много,— заверил Зеленая Рубаха.— Ты подать это, что я не повторить, и ты получать, что просить.— Он обернулся к Харту: — Я приготовить тебе новость, мой друг. Мы очень любить писателей, которые уметь писать бах-бах. Мы читать их всегда-всегда. Получать большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулся, удивленный, и его кустистые брови сошлись к переносице.

— Это смех от счастья,— поторопился разъяснить Харт.— Он обожает ирландское виски.

— Прекрасно,— заявил Зеленая Рубаха, просияв.— Вы пить что пожелать. Я платить монету. Это — как это сказать — за мной.— Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: — Подать сюда сосуд целиком.

— Сосуд?

— Он имеет в виду бутылку.

— Это же двадцать долларов!

— Ясно,— сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они выпили, и кафианин вновь повернулся к Харту: — Моя новость, что тебе ехать с нами.

— Как ехать? Куда? На корабль?

— На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты стать очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

— Ну,— промямлил Харт,— я не вполне уверен...

— Ты пытаться снять фильм. Хозяин таверны объяснять нам про это. Объяснять, что так против закона. Сказать, что, если я подавать жалобу, возникать большая неприятность.

— Не ходите с ними, Кемп,— забеспокоилась Анджела.— Не позволяйте этому чуду-юду запугать вас. Мы заплатим за вас штраф.

— Я не подавать жалобу,— кротко вымолвил Зеленая Рубаха.— Я просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притащил бутылку и с грохотом водрузил ее в центр стола. Кафианин подхватил ее и наполнил стопки до краев.

— Выпить,— предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же наполнил стопки снова. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в руках. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения,— уговаривал он себя.— Ну не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних солнц является в бар, как к себе домой, и требует, чтобы я отправился вместе с ним! Однако не затевать же драку — невелик расчет, когда на улице поджидает целая банда кафиан...»

— Я объяснять тебе все,— произнес Зеленая Рубаха.— Я очень стараться объяснять, чтобы ты... чтобы ты...

— Уразумел,— подсказал Джаспер Хансен.

— Спасибо, человек по имени Хансен. Чтобы ты уразуметь. Мы покупать истории совсем недавно. Многие расы покупать их давно, но для нас это есть ново и очень удивительно. Это выводить нас — как это сказать — из самих себя. Мы покупать много вещей с разных звезд, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления про большие подвиги, мысли про великие материи.— Он еще раз наполнил стопки по кругу и осве-

домился: — Все уразуметь, все трое? А теперь,— добавил он, когда они кивнули,— теперь давай пойти...

Харт медленно встал.

— Кемп, не ходите! — воскликнула Анджела.

— Ты закрыть рот,— распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и оказался на улице. Остальные кафиане мгновенно высыпали из темных закоулков и окружили его со всех сторон.

— Давай нажимать! — радостно поторапливал Зеленая Рубаха.— Наши сородичи даже не догадываться, что их ждать!..

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы.

— Нет, не могу.

— Что есть не могу? — спросил кафианин, подталкивая его сзади.

— Я позволил вам думать,— сказал Харт,— что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно. Я не тот, кто вам нужен.

— Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погони и выстрелы?

— Конечно да. Но мои погони — не самого высшего сорта. Не такие, от которых никак не оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

— Такого нам и надо,— ответил Зеленая Рубаха.— Ты сказать нам, где его найти?

— Это просто. Он сидел с нами за одним столом. Тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

— Ты иметь в виду человека по имени Хансен?

— Его, именно его.

— Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

— Много лучше, чем я. Он по этой части гений.

Зеленая Рубаха преисполнился благодарности. В знак чрезвычайного расположения он притянул Харта к себе.

— Ты честный. Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из окна высунулся мужчина.

— Если вы немедленно не разойдетесь по домам,— завопил он,— я позову полицию!

— Значит, мы нарушать мир,— вздохнул Зеленая Рубаха.— Что за странные быть у вас законы! — Окно с шумом затворилось. Кафианин дружелюбно возложил руку Харту на плечо и

торжественно произнес: — Мы обожатели погонь и выстрелов. Мы любить высший сорт. Мы объявлять тебе спасибо. Мы отыскать человека по имени Хансен.

И, повернувшись, понесся обратно, а за ним вся его команда.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед. Сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось совсем нетрудно,— подумал он,— стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за универсальную постоянную. Мы — единственные лжецы на всю Вселенную...»

Джасперу его откровения вышли боком. По правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но ведь он и сам хотел уехать в отпуск, не так ли? Вот ему и вышла увеселительная прогулочка, какие, право же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда упомянул про выстрелы и погони. Если уж кто и напросился на такую шутку, то именно Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке и тем самым выказывал высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт повернулся в свой черед и скорым шагом пошел в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой — но не теперь. Домой ему не к спеху — пусть сначала шум, поднятый пришельцами, хоть немного уляжется.

Наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно ею орудовать. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул и дверь распахнулась.

Сочинитель притаился в углу, блестящий и ухоженный. Полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попробует работать на этой машине, то либо ее сожжет, либо себя угробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свинского эгоизма.

«Недели две, не меньше»,— сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него,— соврать, что Джаспер разрешил ему пользоваться машиной в любое время. И если он успел составить себе правильное представление о кафианах, то сам Джаспер вернется не скоро.

Однако так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Он не спеша пересек комнату и пододвинул стул, стоящий перед сочинителем. Сел поудобнее, протянул руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда. Она выпекала кучу материала, добротного материала. Джаспер не знал отбоя от покупателей.

— Милый старик сочинитель,— произнес вслух Харт.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок. Ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, потом включил снова. Опять ничего. Тогда он торопливо вскочил на ноги — проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее нельзя было подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна»,— утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без тока?

Но это же невозможно. Это попросту немыслимо! Непослушными пальцами он приподнял боковую панель и уставился внутрь машины.

Внутри царил совершенный хаос. Половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела. Схема во многих местах распаялась и висела клочьями. Весь блок реле был густо присыпан пылью. Хваленая машина на деле представляла собой груду металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, попятился назад и натолкнулся на стол. Судорожно ухватился за край стола и сжал доску что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя было работать. Неудивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь вызнает его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

И теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную с достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставался тот же разбитый сочинитель — и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, повременил минутку и обернулся. Со стола едва заметно выглядывала пишущая машинка, заботливо погребенная под грудой бумаг и бумажек, чтобы создавалось впечатление, что ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Продавал чуть не каждое написанное слово! Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но — продавал. Продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панели глянец, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной как щитом от насмешек и ненависти остальных, многоречивых и бездарных, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста,— говорил Джаспер накануне вечером.— Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах». И задавал вопрос: что же завтра? Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» — повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих — движущиеся шестерни, умное стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства — просто ради сохранения рассудка — человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе — решения тупиковые. Разрешается умнеть до определенной степени — и не больше. Разрешается добираться до заданной точки — и не дальше.

Джаспер понял это. Джаспер нашел выход. Разобрал механического помощника и вернулся вспять, к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно изыщет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготовляли ремесленники, изготовляли с любовью, которая делала ее произ-

ведением искусства, горделиво не стареющим на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о гордости что и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости. Она перестала быть искусством и превратилась в предмет потребления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь этим несоответствием день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место. Потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Инопланетянин — одеяло с лицом — по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприютная посредственность комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он поплелся к кровати.

— Подвинься, ты,— бросил он инопланетянину, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скорчился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, поломанная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать, если нет денег заплатить герою? Один раз он уже пробовал снять фильм исподтишка, больше не станет. Не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов,— так, помнится, выразился кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой.— От вас мы покупать путешествия в дальние места...»

Для Зеленой Рубахи искомое — бах-бах, тра-та-та-та, выстрелы и погони; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства — раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир, «дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств. Различья в облике, видимо, не играли здесь особой роли.

Анджела утверждает, что литература — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают одно и то же. Испокон веков представители любых профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час обязательно заявляют, что их профессия — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно, искренне верят в то, что говорят, но во все иные часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того, чрезвычайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли — семена земной мысли и земной логики — среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут,— подумал Харт,— ждут рассказов, которые я теперь никогда не напишу...»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Мог бы даже поступить как Джаспер — исступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшась того неотвратимого дня, когда кто-то выведает его секрет, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

И все же Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. Но мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку всяким хламом, чтобы никто, упаси бог, не понял, что он ею пользуется...

Харт немного согрелся, голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рощица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия и вечности. Слышно пение птиц, и вода, бегущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто никогда не ошибется в их истинном значении. Слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и господствующее окрест ощущение вечности...

Но при всей своей восхищенности он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рощицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал,— но памяти нет. Будто он впервые встретился с рощицей секунду-другую назад, однако он твердо знает, что шагает под обожженной солнцем листвой многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то щекочет ему шею, и поднял руку — смахнуть непрошеное «что-то» прочь. Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскочил с постели как ужаленный. Пальцы сжались на горле инопланетянина... Он едва не сбросил эту тварь, как вдруг припомнил с полной отчетливостью странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы разжались сами собой, и он позволил руке опуститься. И замер подле кровати, а существо-одеяло так удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло его за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было удивительнее всего: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силился выкопать из глубин заупрямившегося сознания объяснение неожиданному и непонятному подозрению — подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Те-

перь, когда одеяло укутало ему спину и приникло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с приникшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой длинной полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, лоснящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочитать на корешке название: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной. И довольно быстро нашел искомое — несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало он пропустил — то, что его интересовало, шло дальше:

«Живые одеяла были честолюбивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в последнем счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда,— подумал Харт,— укоренилось вековое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли...»

«Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткополого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, ибо живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преобразовывать ее в пищу, потребную для организма хозяина.

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своего рода родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина нормальный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три обязанности: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником хозяина. Сбросив с себя путы однообразного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя чувства и знания хозяина, вкушая жизнь, какая и не снилась бы одеялу, оставайся оно независимым.

И словно мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и награду, своеобычное выражение признательности. Они оказались неуемными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все что угодно — без всяких исключений. Ради развлечения своих хозяев они готовы были часами рассказывать затейливые небылицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества».

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он увидел слова: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог.

Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в точку. Кто-то из ранних авторов-фантастов обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рощицы движется нечто несказанной красоты. Не гуманоид, не чудовище — нечто не виданное прежде никем из людей. И невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо сию же секунду спасаться бегством.

Харт чуть не кинулся спасаться бегством и... очнулся посреди собственной комнаты.

— Ладно,— сказал он одеялу.— Давай-ка временно выключим телевизор. К этому мы еще вернемся.

«Мы вернемся к этому,— добавил он про себя,— и напишем про это рассказ, и побываем в разных других местах, и тоже напишем про них рассказы. И мне не понадобится сочинитель, для того чтобы написать эти рассказы, я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же побывал там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь...»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» — спрашивал Джаспер.

А завтра — симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, самое имя которого давно позабыто.

«Будто сама судьба,— размышлял Харт,— положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно — найти ответ плачущим в тупичке между стенкой жилого дома и переплетной мастерской...»

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, в ту минуту не вполне понимая зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он заслышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся и сбросил одеяло с плеч. В отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну конечно же — письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и — даром что оно слегка сопротивлялось — засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она пышет негодованием.

— Что за грязные шутки! — воскликнула она.— Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!

Харт уставился на нее в оцепенении.

— Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

— Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

— Он сумел от них избавиться? — Харт был потрясен до глубины души.

— И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна машина, и рассказал о сверкающем чуде — о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

— И они отправились в центр и украли «Классик»?

— Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбили витрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

— Но ведь Джаспер...

— Они брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

— И теперь Джаспер прячется от слуг закона.

— В том-то и штука, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой — а если они сцапают кого-то из кафиан и вытрясут из задержанного всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое...

— Мне? Я-то тут при чем?

— А разве не вы сказали, что Джаспер — тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

— Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду. Мы — единственные, кто умеет лгать. Пока они не поумнеют, общаясь с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду...

— Да замолчите вы! — перебила его Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало,— сказал он.— Меня от него, признаться, мутило.

— Вы прямо как док Жуйяр. Кстати, о нем. Положительно весь наш квартал сошел с ума. Док, вдребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого и близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из его сиреневых слонов? Мерещились ему так часто, что в конце концов ожили?

— Оно не сиреневое, и это не слон. Ступни у него перепончатые, удивительно крупные, и длиннющие паучьи ноги. И вообще оно похоже на паука, а кожа вся в бородавках. Треугольная голова с шестью рогами. Глянешь — мурашки по спине...

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало...

— Интересно, чего оно хочет от дока.

— Никто, по-видимому, не знает. А оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере могут изъясняться настолько, чтобы их поняли. Иначе они вообще сюда не прилетали бы.

— Звучит логично,— согласился Харт.— А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

— Знаете, Кемп, подчас ваши шуточки становятся совершенно невыносимыми,— заявила Анджела.

— Вроде намерения писать от руки.

— Вот именно,— подтвердила Анджела.— Вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки — все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом...

— Хорошо,— сдался Харт,— хорошо. Больше я никогда не заикнусь об этом.

Когда она ушла, он опустился на стул и принялся обдумывать создавшееся положение всерьез.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется научиться запирать дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом; теперь при первом удобном случае надо будет переворошить все в столе — а вдруг отыщется? Если нет, придется заказать новый ключ: не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй,— мелькнула мысль,— неплохо бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запираться на ключ?» Но даже подумать о переезде было и то нестерпимо. Пусть комната плохонькая, но он к ней привык, и иной раз она казалась ему почти родным домом.

А что, если, когда он успешно продаст первые две-три вещицы, потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ним? Анджела — славная девочка, но можно ли просить ее связать свою судьбу с человеком, который сам не ведает, на что в следующий раз купить себе хлеба? Однако впредь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему уже не придется. «Лю-

бопытно,— подумал он вскользь,— можно ли поделить одеяло как кормильца на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?..»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парáми виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Не важно, что именно: просто человек подумал об этом, и оно сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернутся истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова и сила мысли, определяющая это влияние. «Книги куда опаснее крейсеров»,— сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!..

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт показал машине язык и произнес:

— Вот тебе!

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый тюлень.

— Эй, ты! — завопил Харт и потянулся к двери.

Но поздно. В дверях стояло чудище — другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к нему, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

— Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю...

Харт утратил дар речи.

И было от чего. Ни дать ни взять — тот самый пришелец, какого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. У него были перепончатые лапы втрое большего размера, чем требовалось по росту,— казалось, он надел снегоступы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины. И еще дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, и на кончике каждого из шести рогов сидел вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнотов.

— Небольшая награда,— возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их.— Мы уходим вдвоем,— добавило чудище, помолчав.— Мы уносим в нашей памяти добрые мысли...

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

— Да, благородный сэр?

— Это одеяло... Эта штука, которую я нашел... Что это?

— Мы ее сделали.

— Но она живая, и кроме того...

Чудище только усмехнулось в ответ.

— Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

— Неужели тот самый рассказ?

— Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали. Очень умная мысль.

— Не хотите же вы сказать, что и в самом деле...

— Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку — биологическая инженерия.

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

— Эй, минуточку! Постойте! Одну мину...

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до площадки, глянул вниз через перила, никого не увидел. И все равно устремился вниз, перескакивая через три ступеньки и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца. Выскочив из дома на улицу, притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа — исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнотов, пойманных на лету. Вытащил ее целиком — она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, взглянул на деньги повнимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах, оказалось таково, что он едва устоял на ногах. Поспешно перелистал всю пачку — остальные купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся — купюры действительно были одного достоинства. Проделал в уме беглый подсчет — результат получился прямо-таки ошеломляющим. Даже если считать в кредитах, а ведь каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел — да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло,— подумал он,— если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем». Хотя, если разобраться, могут быть и другие объяснения. Уровень благосостояния от планеты к планете разнится чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держал в руках, владелец одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы...

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как, по идее, должно бы быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать,— что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

— Как чувствуете себя, док? — спросил он.

— Превосходно, сынок,— отвечал старик.

— Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаюсь, а он меня ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что ищет ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил:

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я,— ответил доктор без малейшего колебания,— упился бы до смерти. Да, сэр, я бы упился до смерти, но настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют в этой части города...

«И все покатилось бы как заведено,— подумал Харт.— Док упился бы до смерти. Анджела принялась бы шляться по художественным салонам и домам моделей. Джаспер, более чем вероятно, купил бы себе домик в горах, где мог бы уединяться без помехи. А я? Что сделаю я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?..»

Еще вчера, сегодня ночью, два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и преснятиной.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую рощу и господствующее над ней ощущение вечности и даже здесь, при ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину,— сказал он себе,— такой способ сочинять куда лучше: познать явление самому и тогда уже описать его, пережить свой сюжет самому и тогда уже изложить его...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы узнать, откуда они берутся, он все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция — и все же не до конца чужая: ведь впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад. Автор, который писал, как Джаспер пишет и сегодня,— скрючившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочинителей, ни фильмов, ни перфолент, ни прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума — и одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками!

Не в том ли и состоит величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение — и в один прекрасный день все воображаемое сбудется?

А если так, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и потрохам машин?

— У вас, случаем, не найдется доллара? — спросил Жуйяр.

— Нет,— ответил Харт,— доллара у меня нет.

— Вы такой же, как все мы, грешные,— сказал старик.— Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента...

«Джаспер мятежник,— подумал Харт,— а это не окупается. На долю мятежников достаются лишь расквашенные носы да шишки на лбу...»

— Доллар мне определенно пригодился бы,— сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену,— подумал Харт,— не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью: чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне,— сказал себе Кемп Харт.— Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь практически за одну ночь?..»

Опустив руку в карман, он ощупал пачку банкнотов и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит в салоне ту самую машину, удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что в пачке, хватит на тысячи машин.

— Да, сэр,— сказал Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов.— Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная.

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине, бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло, но он едва удостоил их мимолетным взглядом и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, вне сомнения, затем, чтобы оформить заказ на «Классик»? — произнес продавец.

— Совершенно верно,— ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был отлично вышколен. Он опешил лишь на какую-то долю секунды, а затем вновь обрел самообладание со скоростью, которая могла бы претендовать на рекорд.

— Великолепно! — воскликнул продавец.— Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше»,— подумал Харт.

— Полагаю,— сказал он,— что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю все возможное.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть,— извивался продавец.— Я тотчас же вернусь. Договорюсь о доставке и оформлю гарантию...

— Можете не спешить,— ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустился в кресло и принялся строить дальнейшие планы.

Прежде всего необходимо найти квартиру получше, а потом закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает — если только Джаспера не упекли уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем на то, чтобы выполнить заказ. Не то чтоб ему не хотелось выручить Ирвинга. Но это же прямое кощунство писать ту чепуху, какая нужна Ирвингу, на машине, наделенной такими талантами, как «Классик».

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

— Вы!..— задохнулся продавец, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи.— Ваши деньги!.. Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!

— Деньги? — не понял Харт.— Что — деньги? Это галактические кредиты. Следовательно...

— Это игрушечные деньги! — взревел продавец.— Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так и напечатано. Вот, крупными буквами...— Он отдал бумажку Харту.— А теперь выметайтесь вон!

— Позвольте,— взмолился Харт,— вы уверены? Этого просто не может быть! Здесь какая-то ошибка...

— Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

— Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих...

— Я не умею читать по-дракониански. А кассир умеет.

— Чертов пришелец! — крикнул Харт в припадке внезапной ярости.— Ну, если я до него доберусь!..

Продавец чуть-чуть смягчился.

— Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

— Прочь с дороги! — крикнул Харт.— Я должен разыскать этого негодяя!

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

— У нас нет данных,— объявил дежурный,— о существе того типа, какой вы описываете. Вы не располагаете хотя бы его фотографией?

— Нет,— ответил Харт,— фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел груду каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

— Конечно,— рассуждал он,— отсутствие данных еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто не успеваем следить за всеми разновидностями мыслящих. Их так много, и беспрерывно появляются новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту? А вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

— Я уже побывал там. И ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может, успел даже прилететь обратно — и никто его не помнит! А может, помнит, но не признается.

— Инопланетяне покрывают друг друга,— поддакнул дежурный.— Они вам никогда ничего не скажут.— Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сострить: — А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?

— Я, видимо, так и сделаю,— ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну чем плоха шутка — предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы в самом деле не выследить чудище среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, если найдешь его, не сказать: «А ну, отдавай одеяло», чтоб чудище тут же расхохоталось тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже не понадобится, ты сам переживешь свои сюжеты, и увидишь воочию своих героев, и впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд.

И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобятся ни фильмы, ни перфоленты, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу.

Чем плоха шутка — всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, пока не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш по дешевке, тихо отползет в сторонку и будет надрываться от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди — единственные лжецы на всю Вселенную?

А чем плоха шутка — носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматьей, которую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монополию на литературу проще простого и для этого нужно лишь одно — хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной...

— И эта шутка значит,— произнес Харт вслух,— что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотишь эту шутку натощак!..

.

Анджела поднялась на верхний этаж с предложением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

— Поешьте супу,— сказала она.

— Спасибо, Анджела,— ответил он.— Совсем сегодня забыл про еду.

— А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

— Нет, в отпуск.

— И даже мне не обмолвились!

— Я едва-едва надумал, что еду. Вот только что.

— Извините, что я так рассердилась на вас. Все благополучно удрали.

— Так что, Джаспер может выйти из подвала?

— Уже вышел. Он сильно зол на вас.

— Как-нибудь переживу. Он мне не родственник.

Она села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

— Куда вы собираетесь, Кемп?

— Искать моего пришельца.

— Здесь, в городе? Вы никогда его не найдете.

— Придется порасспрашивать дорогу.

— Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как?..

— Вы совершенно правы.

— Вы сумасшедший! — воскликнула она.— Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как вы будете жить? Чем зарабатывать?

— Буду писать.

— Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя...

— Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и в кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах...

Она вскочила и замолотила кулачками по его груди:

— Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это...

— Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик.

— Вы еще вернетесь,— предсказала она.— Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь.

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

— Не раньше чем найду своего пришельца.

— Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу — что-то другое...

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал, сел и съел суп. И подумал, что Анджела права. *Ищет он отнюдь не пришельца.*

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину, вымыл под краном и старательно вытер. Потом поставил на центр стола, где Анджела наверняка ее увидит, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец он вышел на улицу — и тут услышал позади крик. Это была Анджела, она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и подождал ее.

— Я еду с вами, Кемп.

— Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

— Нет, есть. У нас есть полсотни. Те, что я пыталась вам одолжить. Большего предложить не могу, да и этого надолго не хватит. Но полсотни у нас есть.

— Но вам-то не нужен никакой пришелец!

— Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко обнял.

— Спасибо, Анджела,— проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту — выбрать корабль, который помчит их к звездам.

Я только что покончил с ежедневной колонкой о муниципальных фондах призрения — и ежедневно эта колонка была для меня форменной мукой. В редакции крутилась прорва юнцов, способных сварганить такого рода статейку. Даже мальчишки-рассыльные могли бы ее состряпать, и никто не заметил бы разницы. Да никто эту колонку и не читал, разве что зачинатели каких-нибудь новых кампаний, но, в сущности, нельзя было ручаться даже за них.

Уж как я протестовал, когда Пластырь Билл озадачил меня фондами призрения еще на год! Я протестовал во весь голос. «Ты же знаешь, Билл,— говорил я ему,— я веду эту колонку три, если не четыре года. Я сочиняю ее с закрытыми глазами. Право, пора влить в нее новую кровь. Дал бы ты шанс отличиться кому-то из молодых репортеров — может, им бы удалось как-нибудь ее освежить. А что до меня, я на этот счет совершенно исписался...»

Только красноречие не принесло мне ни малейшей пользы. Пластырь ткнул меня носом в журнал записи заданий, где фонды призрения числились за мной, а уж ежели он занес что-то в журнал, то не соглашался изменить запись ни под каким видом.

Хотелось бы мне знать, как он в действительности заработал свою кличку. Доводилось слышать по этому поводу массу россказней, но сдается мне, что правды в них ни на грош. По-моему, кличка возникла попросту от того, как надежно он приклеивается к стойке бара.

Итак, я покончил с колонкой о муниципальных фондах призрения и сидел, убивая время и презирая самого себя, когда

появилась Джо-Энн. Джо-Энн у нас в редакции специализируется по душещипательным историям, и ей приходится писать всякую чепуху — что факт, то факт. Наверное, я по натуре расположен сочувствовать ближнему — однажды я пожалел ее и позволил поплакаться у меня на плече, вот и вышло, что мы познакомились так близко. Потом мы разобрались, что любим друг друга, и стали задумываться, не стоит ли пожениться, как только мне повезет наконец получить место зарубежного корреспондента, на которое я давно уже зарился.

— Привет, детка! — сказал я. А она в ответ:

— Можешь себе представить, Марк, что Пластырь припас для меня на сегодня?

— Он пронюхал очередную чушь,— предположил я,— например, откопал какого-нибудь однорукого умельца и хочет, чтобы ты слепила о нем очерк...

— Хуже,— простонала она.— Старушка, празднующая свой сотый день рождения.

— Ну что ж,— сказал я,— может, старушка предложит тебе кусок праздничного пирога.

— Не понимаю,— попрекнула она меня,— как ты, даже ты, можешь потешаться над такими вещами. Задание-то определенно тухлое.

И именно тут по комнате разнесся зычный рев: Пластырь требовал меня к себе. Я подхватил текст злополучной колонки и отправился к столу заведующего отделом городских новостей.

Пластырь Билл зарылся в рукописях по самые локти. Трезвонил телефон, но он не обращал внимания на звонки и вообще для столь раннего утреннего часа был взмылен сильнее обычного.

— Ты помнишь старую миссис Клейборн?

— Конечно. Она умерла. Дней десять назад я писал некролог.

— Так вот, я хочу, чтоб ты подъехал туда, где она жила, и слегка пошлялся вокруг да около.

— Чего ради? — поинтересовался я.— Она что, вернулась с того света?

— Нет, но там какое-то странное дело. Мне намекнули, что ее, похоже, немножко поторопили преставиться.

— Слушай,— сказал я,— на этот раз ты перегнул палку. Ты что, в последнее время смотрел по телевидению слишком много боевиков?

— Я получил сведения из надежных источников,— заявил он и снова зарылся в работу.

Пришлось снять с вешалки шляпу и сказать себе: не все ли равно, как провести день, денежки все равно капают, а меня не убудет...

Хотя, если по чести, мне порядком осточертели бредовые задания, в которые Билл то и дело втравливал не только меня, но и весь штат отдела. Иногда эти задания оборачивались статьями, а чаще нет. И у Билла была отвратительная привычка: всякий раз, когда из погони за призраками ничего не выходило, он делал вид, что виновен в этом тот, кого послали на задание, а он сам ни при чем. Вероятно, его «надежные источники» сводились к обыкновенным сплетням или к болтовне случайного соседа в баре, который он удостоил своим посещением накануне.

Старая миссис Клейборн была одной из последних представительниц увядающей знати — некогда, устраиваясь на жительство, знать почтила своим выбором Дуглас-авеню. Но семья разлетелась кто куда, миссис Клейборн осталась одна и умерла одна в большом доме — несколько слуг, приходящая сиделка и никого из родственников, достаточно близких, чтоб облегчить ее предсмертные часы своим присутствием.

Маловероятно, внушал я себе, что кто бы то ни было выгадал, дав ей тройную дозу лекарства или ускорив ее кончину каким-либо иным способом. И даже если так, почти нет шансов это доказать, а сюжеты такого толка никак нельзя пускать в печать, пока не раздобудешь свидетельств, подписанных черным по белому.

Я подъехал к дому на Дуглас-авеню. Тихий, довольно приятный дом в глубине обнесенного заборчиком дворика, в окружении деревьев, расцвеченных всеми красками осени. Во дворике садовник ворошил граблями опавшую листву. Я двинулся

по дорожке к дому — садовник меня не заметил. Он был очень стар, работал спустя рукава и, похоже, бормотал что-то себе под нос. Позже выяснилось, что он еще и глуховат.

Поднявшись по ступенькам, я позвонил и стал ждать с замиранием сердца, гадая, что сказать, когда меня впустят. Об истинных моих намерениях нечего было и заикаться, следовательно, надо было подобраться к цели каким-то окольным путем.

Дверь открыла горничная.

— Доброе утро, мэм,— выпалил я.— Я из «Трибюн». Могу я войти и продолжить разговор под крышей?

Она даже не ответила, просто поглядела на меня пристально и захлопнула дверь. Поделом мне — можно было предвидеть заранее, что только так оно и может кончиться.

Пришлось повернуться, спуститься с крыльца и направиться прямиком туда, где трудился садовник. Он не замечал меня вплоть до минуты, когда я почти сбил его с ног. Но как только он меня увидел, у него даже лицо просветлело, он уронил грабли и присел на тачку. Мое появление дало ему повод передохнуть — повод не хуже любого другого.

— Привет,— сказал я.

— Хороший денек,— откликнулся он.

— Точно, хороший.

— Говорите громче,— предложил он.— Я вас совсем не слышу.

— Как печально, что миссис Клейборн...

— Да, конечно,— произнес он.— Вы живете где-то поблизости? Что-то я вашего лица не припомню.

Я ответил кивком. Не так уж нагло я соврал — всего миль на двадцать или вроде того.

— Чудесная была старая леди,— сказал он.— Мне ли не знать — работал у нее пятьдесят лет без малого. Благословение Божие, что ее не стало.

— Да, надо полагать...

— Она умирала так тяжко,— сказал он. Сидя на осеннем солнышке, он кивал самому себе, и было почти слышно, как его память бродит по пространству этих пятидесяти лет. На какое-то время, я уверен, он вообще забыл о моем существовании, но потом продолжил, обращаясь более к себе, чем ко

мне: — Сиделка рассказывала странную штуку. Наверное, ей просто привиделось. Она же, сиделка, очень устала...

— Да, я слышал краем уха,— подбодрил я старика.

— Сиделка вышла на минутку, а когда вернулась, то клянется, что в комнате кто-то был. И сиганул в окошко в ту секунду, как она вошла. Там было темно, она толком не разглядела. По-моему, ей просто примерещилось. Хотя на свете порой происходят странные вещи. Такие, про которые мы и ведать не ведаем...

— Ее комната была вон там.— Я показал на дом.— Помню, несколько лет назад...

Старик хмыкнул, поймав меня на неточности.

— Ошибаешься, сынок. Ее комната была угловая, вон наверху...

Он неспешно поднялся с тачки и снова взялся за грабли.

— Приятно было побеседовать,— сказал я.— У вас такие красивые цветы. Не возражаете, если я поброжу здесь и погляжу на них?

— Почему бы и нет? А то через недельку-другую их прихватит морозом...

Я испытывал ненависть к себе за то, что приходилось делать, и тем не менее поплелся по дворику, притворяясь, что любуюсь цветочками, а на самом деле подбираясь поближе к углу, на который он указал. Под окном росли петунии, и вид у них был довольно жалкий. Я присел на корточки, притворяясь, что они привели меня в восторг. Восторга я не испытывал, просто высматривал какое-нибудь свидетельство, что кто-то выпрыгнул из окна.

Сам не ожидал, что найду такое свидетельство, однако нашел.

На клочке обнаженной земли в том месте, где петунии уже отцвели, был отпечаток ноги — ну, может быть, не ноги, но так или иначе отпечаток. Он выглядел как утиный след — с той только разницей, что утка, оставившая такой след, должна была вымахать ростом со здоровенного пса.

Не вставая с корточек, я уставился на этот след, и по спине у меня поползли мурашки. В конце концов я встал и двинулся прочь, принуждая себя идти медленно, в то время как каждая клеточка тела требовала — беги!

Выйдя за ворота, я и впрямь побежал. Побежал что было сил. И когда добрался до ближайшего телефона, в аптеке на углу, то сперва посидел в кабинке, чтоб отдышаться, и только потом позвонил в отдел городских новостей.

— Что у тебя? — прорычал Пластырь.

— Сам не знаю,— чистосердечно ответил я.— Может, и вовсе ничего. Кто был врачом миссис Клейборн?

Он назвал мне имя. Тогда я еще спросил, не известно ли ему имя сиделки, а он в ответ осведомился, какого черта я себе думаю и как он может это знать, так что осталось лишь повесить трубку.

Я отправился к врачу, который меня вышвырнул. Потратил полдня, разыскивая сиделку, а когда разыскал, она меня тоже вышвырнула. Так что целый день пошел псу под хвост.

Когда я вернулся в редакцию, близился вечер. Пластырь накинулся на меня с порога:

— Добыл что-нибудь?

— Ничего,— ответил я. Не было никакого смысла рассказывать ему об отпечатке под окном. Да я и сам к тому времени начал сомневаться, не пригрезился ли мне отпечаток, уж очень все это было неправдоподобно.

— Слушай, до каких размеров может вырасти утка? — спросил я у Пластыря, но он только зарычал на меня и уткнулся в работу. Тогда я раскрыл журнал записи заданий на странице, отведенной под следующий день. Он таки опять всучил мне фонды призрения, а еще: «Встретиться с д-ром Томасом в унив-те — магнетизм». И я поинтересовался: — А это что такое? Вот это, про магнетизм?

— Мужик корпит над этой петрушкой много лет,— пробурчал Пластырь.— Мне сообщили из надежных источников, что у него там что-то наклевывается...

Опять «надежные источники»! А по сути такой же туман, как и большинство любезных ему «жареных» тем.

Кроме того, терпеть не могу брать интервью у ученых. Чаще всего они порядочные зануды, склонные смотреть на газетчиков свысока. А ведь девять газетчиков из десяти зарабатывают, как этим умникам и не снилось, и на свой манер выкладываются не меньше их, однако не разводят вокруг себя невразумительной говорильни.

Заметив, что Джо-Энн собирается домой, я придвинулся к ней и спросил, чем обернулось ее задание.

— У меня, Марк, осталось странное чувство,— сказала она.— Давай выпьем, и я с тобой поделюсь...

Мы отправились в бар на перекрестке и заняли столик подальше от входа. К нам тут же прилип бармен Джо и стал жаловаться на упадок в делах, что было на него не похоже:

— Если б не вы, газетчики, я б уже закрылся и пошел домой. Мои завсегдатаи, наверное, именно так и сделали. Сегодня уж точно никто не зайдет. Хотя что может быть противнее, чем идти с работы прямо домой? Как по-вашему?

Мы ответили, что и по-нашему так, и в знак того, что он ценит сочувствие, он даже протер нам столик, чего тоже почти никогда не делал. Потом он принес нам выпивку, и Джо-Энн принялась рассказывать мне про старушку, отметившую свой сотый день рождения.

— Это было ужасно. Она сидела посреди гостиной в качалке и знай себе качалась взад-вперед, взад-вперед, тихо, учтиво, как умеют только старушки из почтенных семей. И притом она была рада мне и так светло улыбалась, знакомя меня со всеми подряд...

— Очень мило! И много было народу?

— Ни души.

Я поперхнулся глотком.

— Но ты же сказала, что она тебя знакомила...

— Знакомила. С пустыми стульями.

— Боже правый!

— Все ее гости давно умерли.

— Слушай, выражайся яснее!..

— Она сказала: «Мисс Эванс, познакомьтесь, пожалуйста, с моей старинной приятельницей миссис Смит. Она живет на нашей улице, совсем рядом. Хорошо помню день, когда она стала нашей соседкой, это еще в тридцать третьем. Тяжелые были времена, можете мне поверить...» И продолжала щебетать, понимаешь, как обычно щебечут старушки. А я стою как дура, смотрю на пустые стулья и не понимаю, как тут поступить. И, Марк, не знаю, права я была или нет, но я сказала: «Здравствуйте, миссис Смит. Рада с вами познакомиться». И представляешь, что случилось потом?

— Не представляю, конечно.

— Старушка добавила самым обычным тоном, между прочим, будто речь шла о чем-то совершенно естественном: «Понимаете, мисс Эванс, миссис Смит умерла три года назад. Ну как по-вашему, не славно ли с ее стороны, что она заглянула ко мне сегодня?

— Да разыграла тебя твоя старушка! Некоторые из них с возрастом становятся очень лукавыми.

— Нет, не думаю. Она познакомила меня со всеми своими гостями. Их было шесть или семь, и все до одного — мертвецы.

— Но она-то была счастлива, воображая, что у нее полно гостей. Тебе, в конце концов, какая разница?

— Все равно это было ужасно,— заявила Джо-Энн.

Пришлось выпить еще по одной, чтобы смыть ужас. А бармен Джо не унимался:

— Ну видели ли вы когда-нибудь что-либо подобное? Сегодня здесь хоть из пушки стреляй — все равно никого не заденешь. Обычно в этот час у стойки очередь выстраивалась, и редко когда выпадал скучный вечер, чтоб никто ни с кем не подрался,— хотя, как вам известно, у меня приличное заведение...

— Конечно, конечно,— перебил я.— Садись-ка с нами и выпей за компанию...

— Не надо бы мне пить,— засомневался Джо.— Пока торговля не кончилась, бармен не должен разрешать себе ни рюмки. Но сегодня мне так паршиво, что я, пожалуй, поймаю вас на слове, если вы не передумали.

Он потопал к стойке, достал бутылку и стакан для себя, и мы выпили еще, а потом еще.

На перекрестке, тянул свое Джо, всегда было такое хорошее место — дело шло с самого утра, в полдень большой наплыв, а уж к вечеру яблоку негде было упасть. Но вот недель шесть назад торговля начала засыхать на корню и теперь, по сути, прекратилась совсем.

— И так по всему городу,— жаловался он,— в одних местах чуть получше, в других похуже. А здесь у меня едва ли не хуже всех. Прямо не знаю, что на людей нашло...

Мы ответили, что тоже не знаем. Я выудил из кармана какие-то деньги, оставил их на столе, и мы удрали. На улице

я предложил Джо-Энн поужинать со мной, но она отказалась на том основании, что уже договорилась играть в бридж в клубе. Я завез ее домой и поехал к себе.

В редакции надо мной частенько подтрунивали: чего это ради я решил поселиться так далеко от города,— но мне загородная жизнь нравилась. Домик мой обошелся мне дешево и уж во всяком случае был лучше, чем парочка тесных комнатенок в третьеразрядном отеле,— а оставайся я в городе, ни на что лучшее я бы рассчитывать не мог.

Соорудив себе на ужин бифштекс с жареной картошкой, я спустился к причалу и выгреб на озеро, правда, недалеко. И просто посидел в лодке, глядя, как по всему берегу перемигиваются освещенные окна, и впитывая звуки, каких днем не услышишь: проплыла ондатра, тихо перекрякиваются утки, а то вдруг шлепнула хвостом выпрыгнувшая из воды рыба.

Было холодновато, и какое-то время спустя я подгреб обратно к причалу, размышляя о том, сколько еще всякой всячины надо успеть до прихода зимы. Лодку надо проконопатить, просмолить и покрасить, да и самому домику слой свежей краски не повредит, если только у меня дойдут до этого руки. Зимние вторые рамы — две из них нуждаются в новых стеклах, а по совести надо бы еще и прошпатлевать их все до одной. Труба на крыше — никуда не денешься, надо заменить кирпичи, которые в этом году выбило ураганом. И еще не забыть поставить утепляющие прокладки на входную дверь.

Я немного посидел почитал, затем отправился на боковую. Перед сном мне мимолетно вспомнились две старушки: одна — счастливая в своих фантазиях, другая — упокоенная в могиле.

На следующее утро я первым делом свалил с плеч колонку о фондах призрения. Затем взял из библиотеки энциклопедию и усвоил кое-что про магнетизм. Ведь прежде чем увидеться с этим умником из университета, следует получить хоть какое-то представление о предмете разговора.

Однако я мог бы и не тревожиться — доктор Томас оказался вполне свойским парнем. Мы славно посидели и потолковали. Он рассказал мне про магнетизм, а когда выяснилось, что я живу на озере, мы поговорили о рыбалке и к тому же нашли общих знакомых, так что все прошло очень хорошо.

Кроме одного — статьей здесь и не пахло. Все, что я из него выжал, это неопределенное:

— Может, что-нибудь и получится, но не раньше чем через год. Как только это произойдет, я дам вам знать.— Такие посулы я тоже слыхивал, так что попытался связать его обещанием. И он сказал: — Обещаю, вы узнаете о результатах первым, раньше всех остальных.

Пришлось тем и ограничиться. Нельзя же требовать от человека, чтоб он подписал по такому поводу формальный контракт.

Я уже искал случай откланяться, однако почуял, что он еще не все сказал. И задержался еще немного — не каждый день находишь кого-то, кто искренне хочет с тобой поговорить.

— Да, я определенно думаю, что статья будет.— Он говорил и выглядел озабоченным, словно боялся, что ни черта не будет.— Я же вгрызался в эту проблему годами. Магнетизм — одно из явлений, о которых мы до сих пор мало что знаем. Когда-то мы ничего не знали об электричестве, да и сегодня не разобрались до конца во всем, что с ним связано. Но кое-что мы все-таки выяснили, а раз выяснили, то запрягли электричество в работу. Что-то подобное может произойти и с магнетизмом — если только мы установим основные закономерности...

Тут он запнулся и посмотрел мне прямо в глаза.

— Вы в детстве верили в домовых? — Вопросик застал меня врасплох, и от него это, надо полагать, не укрылось.— Ну в таких маленьких вездесущих помощников? Если ты им понравишься, они с радостью сделают за тебя все, что угодно, а от тебя требуется только одно — выставлять им на ночь плошку с молоком...

Я ответил, что читал такие байки и, наверное, в свое время принимал их за чистую монету, хотя в данный момент поклясться в том не могу.

— Будь я в силах поверить в такое,— заявил он,— я бы решил, что здесь, в лаборатории, завелись домовые. Кто-то или что-то переворошил или переворошило мои заметки. Я оставил их на столе, водрузив на них пресс-папье, а на следующее утро они оказались разбросаны и частично сброшены на пол.

— Возможно, уборщица? — предположил я.

Он усмехнулся:

— Я здесь сам себе уборщица.

Мне показалось, что он высказался, и я, в общем, недоумевал, к чему вся эта болтовня про заметки и домовых. Я по-

тянулся за шляпой — и тут он решился поставить точки над «i»:

— Вся соль в том, что два листочка остались под пресс-папье. Один из них оказался тщательно сложен пополам. Я уже вознамерился бросить их в общую кучу, чтоб рассортировать заметки когда-нибудь потом, но в последний момент все-таки прочел то, что было записано на этих двух листках.— Он глубоко вздохнул.— Понимаете, две отрывочные записи, которые я по своей инициативе, наверное, никогда не связал бы друг с другом. Иногда мы странным образом не видим того, что у нас под носом, смотрим на предмет с такого близкого расстояния, что не можем его разглядеть. Так и тут — два листка по какой-то случайности оказались вместе. Да еще один из них сложен пополам и второй вложен в первый, и это подсказало мне идею, до какой я бы иначе не додумался. С тех самых пор я работаю именно в этом направлении и питаю надежду, что работа может увенчаться успехом.

— И когда это случится...

— Я вам сообщу.

Я взял шляпу и откланялся. И по дороге в редакцию от нечего делать размышлял о домовых.

Только-только я вернулся в редакцию и решил побездельничать часок-другой, как старику Дж. Х., нашему издателю, приспичило закатиться в отдел с одним из эпизодических визитов доброй воли. Дж. Х. — напыщенный пустозвон, не сохранивший ни грана честности. Он знает, что нам известно об этом, и мы знаем, что ему известно наше мнение, и все равно он продолжает ломать комедию, изображая из себя нашего доброго товарища, да и мы с ним заодно.

Он задержался подле моего стола, хлопнул меня по плечу и изрек зычно, так что голос раскатился по всей комнате:

— Ты потрясающе ведешь тему муниципальных фондов призрения, мой мальчик. Просто потрясающе.

Чувствуя себя последним идиотом и борясь с тошнотой, я встал и промямлил:

— Благодарю вас, Дж. Х. Это очень любезно с вашей стороны.

Что от меня и требовалось. Почти священный ритуал.

Сграбастав мою ладонь, а другую руку возложив мне на плечо, он удостоил меня энергичным рукопожатием и сжал плечо чуть не до боли. И будь я проклят, если у него не увлажнились глаза, когда он объявил мне:

— Продолжай в том же духе, Марк, просто делай свое дело. Ты никогда об этом не пожалеешь. Мы можем не показывать этого демонстративно, но мы ценим честную работу и преданность газете. И каждодневно следим за тем, что делает каждый из вас.

С этими словами он бросил меня, будто обжегшись, и отправился приветствовать других.

Я опустился на стул, понимая, что остаток дня отравлен. Ежели я заслужил похвалу вообще, то предпочел бы, чтоб меня похвалили за что угодно, только не за фонды призрения. Паршивая колонка, я сам сознавал, что паршивая. И Пластырь сознавал, и все остальные. Никто не попрекал меня тем, что она паршивая,— никому на свете не удалось бы выжать из фондов призрения ничего иного, эти статейки обречены быть паршивыми. Но душу мне происшедшее все равно не грело.

И еще во мне зародилось неприятное подозрение, что старик Дж. Х. каким-то образом пронюхал о запросах, которые я разослал в полдюжины других газет, и дал мне мягко понять, что осведомлен об этом и что лучше бы мне поостеречься.

Перед полуднем ко мне подступился Стив Джонсон — он ведет в нашей лавочке медицинские темы наряду со всеми прочими, какие Пластырю заблагорассудится ему всучить. В руках он держал пачку вырезок и выглядел озабоченным.

— Очень совестно просить тебя об одолжении, Марк, и все-таки не согласишься ли ты меня выручить?

— Ну о чем речь, Стив!

— Речь об операции. Я должен бы проверить, как там дела, но не успеваю. Надо нестись в аэропорт брать интервью.— Он плюхнул вырезки мне на стол.— Тут все изложено.

И умчался за своим интервью. А я перебрал вырезки и вчитался в них. Да, история была из тех, что берут за душу. Мальца всего-то трех лет от роду приговорили к операции на сердце. К операции сложной, за какую до того брались лишь самые знаменитые хирурги в больших больницах Восточного побере-

жья, да и вообще ее делали считанное число раз и никогда — пациентам столь юного возраста.

Трудно было заставить себя поднять телефонную трубку и позвонить: я почти не сомневался в том, что именно мне ответят. Я все-таки пересилил себя и, разумеется, нарвался на неприятности, каких следует ждать непременно, когда пытаешься что-то выяснить у медицинского персонала,— словно они стерильно чисты, а ты грязная дворняжка, норовящая пролезть к ним со всеми своими блохами. Однако в конце концов я добрался до кого-то, кто сказал мне, что малец, вероятно, выживет и что операция, по-видимому, прошла успешно.

Тогда я набрался смелости и позвонил хирургу, проводившему операцию. Должно быть, я застал его в счастливую минуту, и он не отказался снабдить меня подробностями, каких мне недоставало.

— Вас, доктор, надо поздравить с успехом,— сказал я, и вот тут он впал в раздражительность.

— Молодой человек,— сказал он,— при операциях такой сложности руки хирурга — это всего лишь один фактор. Есть великое множество других факторов, которые никто не вправе считать своей личной заслугой.— Внезапно его голос зазвучал устало и даже испуганно.— Произошло чудо.— И после паузы: — Только не вздумайте ссылаться на эти мои слова!..

Последнюю фразу он произнес на повышенных тонах, почти прокричал в трубку.

— Даже не подумаю,— заверил я.

А после этого снова позвонил в больницу и поговорил с матерью мальчика.

Статья вышла что надо. Мы успели тиснуть ее в местном выпуске четырьмя колонками на первой полосе, и даже Пластырь слегка смягчился и поставил мою подпись вверху под заголовком.

После обеда я подошел к столу Джо-Энн и застал ее в растрепанных чувствах. Пластырь подсунул ей программу церковного съезда, и она как раз клеила предварительную статейку, перечисляя будущих ораторов, членов всяческих комитетов и все создаваемые в этой связи комиссии и намечаемые меропри-

ятия. Вот уж дохлая работенка, самая дохлая, какую вам могут навязать,— пожалуй, даже похуже, чем фонды призрения.

Я послушал-послушал, как она сетует на жизнь, и задал вопрос: могу ли я рассчитывать, что у нее останется хоть немного сил по завершении рабочего дня?

— Я совсем измочалена,— сказала она.

— Спрашиваю потому, что надо вытащить лодку из воды и кто-то должен мне помочь.

— Марк, если ты рассчитываешь, что я поеду к черту на рога, чтобы возиться с лодкой...

— Тебе не придется ее поднимать,— заверил я.— Может, чуть-чуть подтолкнуть, и только. Мы используем лебедку и поднимем ее на талях, чтоб я позднее мог ее покрасить. Мне нужно только, чтобы ты ее придержала и не дала ей крутиться, покуда я тащу ее вверх.

Уломать Джо-Энн было не так-то просто. Пришлось забросить дополнительную приманку.

— По дороге можно будет остановиться в центре и купить парочку омаров,— заявил я.— Ты так хорошо готовишь омаров. А я бы сделал соус рокфор, и мы с тобой...

— Только без чеснока,— отозвалась она.

Я пообещал обойтись без чеснока, и тогда она согласилась.

Так или иначе, до вытаскивания лодки руки у нас в тот вечер не дошли. Нашлись занятия значительно интереснее.

Поужинав, мы разожгли огонь в камине и сели рядом. Она положила голову мне на плечо, нам было так удобно и уютно.

— Давай притворимся,— предложила она.— Притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь. Притворимся, что мы в Лондоне, и это наш коттедж на равнинах Кембриджшира...

— Там же болота,— ответил я,— а болота — не лучшее место для коттеджа.

— Вечно ты все испортишь,— попрекнула она.— Начнем сначала. Давай притворимся, что ты получил работу, о какой мечтаешь...

Дались ей эти кембриджширские болота!

Возвращаясь на озеро после того, как отвез ее домой, я засомневался: а получу ли я эту работу хоть когда-нибудь? В дан-

ный момент перспектива вовсе не выглядела розовой. Не то чтобы я с такой работой не справился: я заведомо знал, что справлюсь. Полки у меня дома были заставлены книгами о мировых проблемах, и я пристально следил за развитием международных событий. Я хорошо владел французским, мог объясниться по-немецки, а на досуге, случалось, воевал с испанским. Всю свою жизнь я мечтал стать частицей братства журналистов-международников, отслеживающих состояние дел по всему свету.

Утром я проспал и опоздал в редакцию. Пластырь отнесся к этому факту кисло:

— И чего ты вообще трудился появляться в конторе? — прорычал он.— Чего ради ты вообще сюда ходишь? Вчера и позавчера я посылал тебя на два задания, а где статьи?

— Не было там никаких статей,— ответил я, изо всех сил стараясь сдержаться.— Просто очередные досужие сплетни, которые ты где-то выкопал.

— Однажды,— заявил он назидательно,— когда ты станешь настоящим репортером, ты будешь выкапывать темы статей сам без подсказки. В том-то и беда с нынешними сотрудниками,— добавил он, внезапно распаляясь.— И с тобой то же самое. Полное отсутствие инициативы, сидите себе и ждете, чтоб я выкопал что-нибудь и преподнес вам как задание. Никто ни разу не удивил меня тем, что принес материал, за которым я его не посылал.— И тут он спросил, сверля меня взглядом: — Ну почему бы тебе хоть разок не удивить меня?

— Уж я-то тебя удивлю, пропойца,— сдерзил я и вернулся к своему столу.

И задумался. Думал я о старой миссис Клейборн, которая умирала так тяжко, а потом умерла внезапно и легко. Я припомнил, что рассказал мне садовник, и припомнил отпечаток под окном. Подумал я и о старушке, которой исполнилось сто лет и к которой по этому случаю заглянули ее давние умершие друзья. И о физике, у которого в лаборатории завелись домовые. И о мальце, перенесшем операцию, которая вопреки ожиданию прошла успешно.

И меня осенило.

Я поднял подшивку и перелистал ее на глубину трех недель, день за днем, полоса за полосой. Я сделал кучу выписок и даже сам слегка испугался, но убедил себя, что все это — не более чем совпадение. А потом написал:

«Домовые вернулись к нам снова. Знаете, такие маленькие создания, которые делают для вас всевозможные добрые дела и не ждут от вас ничего взамен, кроме плошки с молоком на ночь».

При этом я не отдавал себе отчета, что почти точно воспроизвожу слова, какие употребил физик. Я не написал ни о миссис Клейборн, ни о столетней старушке с ее гостями, ни о самом физике, ни о малыше, подвергшемся операции. Ни один из этих сюжетов не совмещался с насмешкой, а я писал, не скрывая иронии.

Зато я воспроизвел две-три кратенькие, по одному абзацу, заметки, схоронившиеся в глубине просмотренных мной подшивок. Все это были рассказики о нежданной удаче, историйки со счастливым концом, но без серьезных последствий для кого бы то ни было, кроме тех, кого они касались непосредственно. О том, как кто-то нашел вещь, которую на протяжении месяцев или лет считал безнадежно утраченной, как вернулась домой заплутавшая собака, как школьник, к удивлению родителей, выиграл конкурс на лучший очерк, как сосед безвозмездно помог соседу. В общем, мелкие приятные заметульки, попавшие в газету только оттого, что надо было заткнуть зияющие дыры на полосах. И таких заметок набралось множество — пожалуй, гораздо больше, чем можно было ожидать.

«Все это случилось в нашем городе за последние три недели, — написал я в конце. И добавил еще одну строчку: — *Выставили ли вы на ночь плошку с молоком?».*

Закончив, я посидел минутку в безмолвном споре с самим собой: а стоит ли вообще сдавать такую муру? Но в конце концов я решил, что Пластырь сам напросился на это, когда позволил себе сморозить лишнее. Я швырнул свое сочинение в ящик для готовых статей на столе завотделом и, вернувшись на место, взялся за очередную муниципальную колонку.

Пластырь ничего не сказал мне о прочитанном, да я его ни о чем и не спрашивал. Вообразите себе, как у меня вылезли глаза на лоб, когда рассыльный принес из типографии свежие

оттиски, и моя писанина про домовых оказалась заверстанной как гвоздь номера — вверху первой полосы на все восемь колонок!

И никто это никак не откомментировал, кроме Джо-Энн, которая подошла, потрепала меня по голове и даже заявила, что гордится мной, хотя одному богу известно, было ли тут чем гордиться. Потом Пластырь послал меня на новое высосанное из пальца задание — к кому-то, кто якобы мастерит самодельный ядерный реактор у себя на заднем дворе. Оказалось, что это старый болван, однажды уже построивший вечный двигатель, разумеется неработоспособный. Как только я узнал про вечный двигатель, мне так все опротивело, что я не стал возвращаться в редакцию, а поехал прямо домой.

Я соорудил блок с талями и кое-как вытащил лодку на берег, хоть без помощника пришлось попотеть. Затем я съездил в деревушку на другом конце озера и купил краску не только для лодки, но и для домика. И был очень рад тому, как удачно начал работу, неизбежную в осенние месяцы.

А на следующее утро, когда я добрался до конторы, там был сумасшедший дом. Коммутатор не успокаивался всю ночь и был обвешан записками читателей, как рождественская елка. Одна из телефонисток хлопнулась в обморок, и ее как раз пытались привести в чувство. Глаза Пластыря пылали диким огнем, галстук у него съехал набок. Заметив мое появление, он ухватил меня за локоть, подвел к моему месту и чуть не силком усадил на стул.

— А ну, черт тебя побери, за работу! — заорал он, плюхнув передо мной груду записок.

— Что тут происходит?

— Это все твоя затея с домовыми! — надрывался он.— Звонят тысячи людей. У всех домовые, всем помогают домовые, а кое-кто даже видел домовых.

— А как насчет молока? — осведомился я.

— Молока? Какого еще молока?

— Ну как же, молока, которое надо ставить домовым на ночь.

— Откуда я знаю! — возмутился он.— Почему бы тебе не позвонить в две-три молочные компании и не справиться у них?

Я так и сделал — и, чтоб мне провалиться, молочные компании оказались на грани тихого помешательства. Шоферы напе-

регонки возвращались за дополнительным молоком, поскольку большинство постоянных покупателей брали пинту-другую сверх обычного. Возле складов возникли очереди машин, растянувшиеся на целый квартал,— поджидали новых поставок молока, а поставки шли туго.

У нас в конторе в то утро не осталось никого, кто делал бы что-нибудь еще, кроме как сочинял байки про домовых. Мы заполнили ими весь номер — всевозможными историями о домовых, помогающих людям. С одной оговоркой — в большинстве своем люди и не догадывались, что им помогают именно домовые, пока не прочитали мое сочинение. До того они просто думали, что ухватили за хвост удачу.

Когда первый выпуск был готов, мы какое-то время сидели сложа руки, как бы переводя дыхание — хотя звонки не прекращались,— и готов поклясться, что моя пишущая машинка раскалилась к тому времени докрасна.

Наконец свежую газету подняли наверх, каждый получил по экземпляру и углубился в него, и тут до нас донесся рык из кабинета Дж. Х. Мгновением позже Дж. Х. вынырнул лично, размахивая зажатой в руке газетой, а его физиономия была на три порядка багровее свежеокрашенной пожарной машины. Он рысью подбежал к столу завотделом, швырнул газету Пластырю под нос и прихлопнул ее кулаком.

— Как это понять? — гаркнул он.— Ну-ка изволь объясниться. Мы теперь станем общим посмешищем!

— Но, Дж. Х., по-моему, это отличный розыгрыш и...

— Домовые!..— фыркнул Дж. Х.

— Столько звонков от читателей,— пролепетал Пластырь Билл.— Звонки продолжаются до сих пор. И я...

— Довольно,— проревел Дж. Х.— Ты уволен!..— Повернувшись к завотделом спиной, он уставился на меня.— Это ты затеял! Ты тоже уволен!..

Я поднялся со своего места и подошел к бывшему заву.

— Мы вернемся попозже,— заявил я, адресуясь Дж. Х.,— за выходным пособием.

Он слегка вздрогнул, но не отступился. Пластырь снял со стола пепельницу и выпустил ее из рук. Она упала на пол и разбилась, а Пластырь отряхнул пепел с ладоней и пригласил:

— Пошли, Марк. Выпивка за мной.

Мы отправились на перекресток. Джо притащил бутылку с парой стаканов, и мы взялись за дело. Вскоре в бар стали заглядывать и другие ребята из конторы. Принимали с нами по рюмочке и возвращались на работу. Тем самым они давали нам понять, что соболезнуют и жалеют о том, как все обернулось. Вслух никто ничего не говорил, просто они заглядывали один за другим. За весь день не набралось и нескольких минут, когда мы сидели бы вдвоем и никто не составил бы нам компанию. А уж нам с Пластырем пришлось накачаться основательно.

Мы с ним толковали про домовых, сперва довольно скептически — всему, мол, виной человеческое легковерие. Но чем больше мы задумывались и чем больше пили, тем искреннее верили, что без домовых и впрямь не обошлось. Прежде всего слепая удача не ходит косяками, как вроде бы получалось у нас в городе на протяжении последних недель. Удача скорее склонна рассредотачиваться в пространстве и времени, а если иной раз собирается в ручейки, то и они на поверку оказываются жиденькими. А у нас удача, по-видимому, посетила многие сотни, если не тысячи людей.

Часам к трем-четырем пополудни мы окончательно согласились, что за этой заварушкой с домовыми кроется что-то реальное. И, само собой, стали прикидывать, кто такие домовые и чего ради им помогать нам, людям.

— Знаешь, что я думаю? — вопросил Пластырь.— По-моему, они инопланетяне. Пришельцы со звезд. Может, те самые, что прежде летали в тарелках.

— Но с какой стати инопланетяне станут нам помогать? — не замедлил возразить я.— Они, конечно, принялись бы наблюдать за нами, постарались бы выяснить все, что смогут, а спустя какое-то время попробовали бы вступить с нами в контакт. Может даже, им захотелось бы нам помочь — но помочь нам как племени, а не как отдельным людям...

— А может, они по натуре хлопотуны,— предположил Пластырь.— Есть же такие и у нас на Земле. Помешанные на том, чтоб творить добро, сующие свой нос, куда их не просят, не способные оставить людей в покое ни на секунду.

— Нет, не думаю,— не отступался я.— Если они стараются нам помочь, то, наверное, это для них что-то вроде религии.

Как монахи, что бродили по Европе в прежние века. Как добрые самаритяне. Или как Армия спасения.

Но он не соглашался взглянуть на это моими глазами.

— Хлопотуны, и только,— настаивал он.— Может, у них там всего в избытке. Может, на их родной планете все делают машины и каждый уже обеспечен выше крыши. Может, для них дома уже и дел никаких не осталось — а, сам знаешь, нам обязательно нужно найти себе хоть какое-нибудь занятие, чтоб не скучать и не утратить уважения к себе.

Часов в пять в бар заявилась Джо-Энн. У нее был выходной, и она не ведала ни о чем, пока кто-то из конторы не догадался ей позвонить. Тут уж она не замешкалась. И прежде всего рассердилась на меня и не желала слушать моих оправданий, что в подобных обстоятельствах мужчина имеет право на стаканчик-другой. Она вытащила меня из бара, посадила в мою собственную машину, но за руль не пустила и отвезла к себе. Накачала черным кофе, после чего заставила что-то съесть и только часов в восемь пришла к выводу, что я достаточно протрезвел, чтобы попытаться доехать домой.

Я ехал осторожно и доехал, но голова у меня раскалывалась и к тому же никак не желала забыть, что я остался без работы. Хуже того, ко мне теперь до конца дней моих приклеится ярлык психа, затеявшего аферу с домовыми. Уж можно не сомневаться, что телеграфные агентства не пропустили такой подарок и что новость подхвачена на первых полосах в большинстве газет от побережья до побережья. Нет сомнений и в том, что радиокомментаторы и их коллеги-телевизионщики изгаляются на этот счет до изнеможения.

Домик мой стоял на небольшом крутом бугре, своеобразном взгорке между озером и дорогой, и подъехать прямо к крыльцу было нельзя. Приходилось ставить машину на обочине у подножия бугра, а потом взбираться наверх на своих двоих. Чтобы не сбиться с тропки при лунном свете, я брел, опустив голову, и почти достиг цели, когда заслышал звук, заставивший меня встрепенуться.

И увидел их.

Они соорудили леса или подмости, и четверо взгромоздились на эти подмости, бешено малюя стены краской. Еще трое взобрались на крышу и клали кирпичи взамен выбитых из тру-

бы. Вторые рамы были расставлены по всему участку, и на них безудержно клали шпатлевку. Ну а лодку — ту было почти не разглядеть, такое их число облепило ее, окрашивая в три слоя.

Я стоял разинув рот, челюсть чуть не доставала до грудной клетки. Внезапно раздался свист, и я поторопился отступить с тропки в сторону. И правильно сделал — добрая дюжина их пронеслась под гору, на ходу разматывая шланг. Времени прошло меньше, чем нужно на этот рассказ, а они уже мыли мне машину.

Меня они, казалось, не замечали вовсе. То ли они были так заняты, что не могли отвлечься, то ли принятые у них правила приличия не позволяли обращать внимание на того, кому они решили помочь.

Они действительно очень походили на домовых, какими их рисуют в детских книжках, но были и определенные отличия. Точно, они носили остроконечные шапочки, но когда я подобрался вплотную к одному из них — он увлеченно шпатлевал рамы,— я разглядел, что никакая это не шапочка. Это его голова сходилась на конус острием вверх, и венчала ее не кисточка, а хохолок из волос или перьев — я так и не сумел понять, из чего именно. И они носили куртки с большими вычурными пуговицами, только у меня не знаю как сложилось впечатление, что на деле пуговицы — нечто совершенно другое. И не было огромных несуразных клоунских ботинок, в каких их обычно рисуют,— на ногах у них просто ничего не было.

Трудились они усердно и споро, не тратя даром ни минуты. С места на место они не ходили, а перебегали рысью. И их было так много!

И вдруг их бурной деятельности пришел конец. Лодка была покрашена, домик тоже. Окрашенные, прошпатлеванные рамы прислонили к деревьям. Шланг втащили наверх и свернули аккуратным кольцом.

Я понял, что они шабашат, и попытался созвать их всех вместе, чтоб хотя бы поблагодарить, но они по-прежнему не обращали на меня внимания. Закончили все дела и исчезли, а я остался стоять в одиночестве. Обновленный домик сверкал под луной, воздух загустел от запаха свежей краски. Наверное, я еще не вполне протрезвел, несмотря на ночную прохладу и

весь тот кофе, который Джо-Энн влила в меня. Будь я трезв как стеклышко, я, может статься, справился бы получше, сообразил бы что-нибудь. Боюсь, что я напортачил и упустил редкий случай.

Я ввалился в дом. Входная дверь затворилась с усилием и не сразу. Недоумевая, в чем дело, я наконец-то разглядел, что она утеплена.

Включив свет, я с удивлением осмотрелся по сторонам. За все годы, что я жил здесь, в доме никогда не бывало такого порядка. Нигде ни пылинки, каждая железка сверкает. Кастрюльки и сковородки расставлены по местам, разбросанная одежда убрана в шкаф, книги все до одной на полках, и журналы лежат, где им положено, а не валяются как попало.

С грехом пополам я добрался до постели и попытался все обдумать, но кто-то огрел меня по башке тяжеленной колотушкой, и больше я ничего не помню вплоть до мгновения, когда меня разбудил чудовищный трезвон. Я дополз до его источника быстро, как только мог.

— Ну что еще? — рявкнул я. Разумеется, отвечать так по телефону не годится, но как я себя чувствовал, так и ответил.

Это оказался Дж. Х.

— Что с тобой? — заорал он.— Почему ты не в редакции? Ты соображаешь, что творишь, если...

— Минуточку, Дж. Х. Вы что, не помните, что вчера сами указали мне на дверь?

— Ну ладно, Марк,— изрек он,— не держи на меня зла. Мы все вчера были взволнованы...

— Только не я.

— Слушай, Марк, ты мне нужен. Тут кое-кто хочет тебя видеть.

— Ладно, приеду,— сказал я и повесил трубку.

Но торопиться я не стал, собирался с прохладцей. Если я понадобился Дж. Х. и кому-то еще, оба с тем же успехом могут и подождать. Я включил кофеварку и принял душ. После душа и кофе я опять ощутил себя почти человеком.

Выйдя во двор, я направился было к тропке и, следовательно, к машине внизу на обочине, как вдруг увидел такое, что замер как вкопанный. В пыли по всему участку виднелись следы — такие же, как на клумбе под окном миссис Клейборн.

Опустившись на корточки, я уставился на тот, что был у меня перед носом: хотелось удостовериться, что это не наваждение. Нет, мне не примерещилось — следы были такие же точно, один к одному.

Следы домовых!

Я просидел на корточках довольно долго. И все вглядывался в следы, размышляя: верить или не верить? Приходилось верить — неверию больше не оставалось места.

Сиделка была права — в ночь, когда скончалась миссис Клейборн, ее комнату действительно посетили. Благословение Божие, сказал садовник, сказал просто потому, что усталость и простодушие преклонного возраста затуманили ему разум и речь. А на поверку это был акт милосердия, доброе дело — ведь старушка умирала так тяжко, и надежды на выздоровление не было.

Важно, что добрые дела оборачивались не только смертью, но и жизнью. При операциях такой сложности, заявил мне хирург, есть множество факторов, которые никто не вправе считать своей личной заслугой. «Произошло чудо,— заявил он,— только не вздумайте ссылаться на мои слова...»

И некто — не уборщица, а кто-то другой или что-то другое — переворошил или переворошило записи, сделанные физиком, и сложил-сложило вместе два листочка, два из нескольких сот, с тем чтобы можно было связать две записи между собой и эта связь подсказала плодотворную идею.

Совпадения? — спросил я себя. Неужели все это совпадения — что старушка умерла, а малец выжил, что ученый нашел путеводную нить, которую иначе проглядел бы? Нет, уже не совпадения, когда под окном остался след, а записи оказались разбросаны, кроме двух под пресс-папье.

Да, я чуть не забыл про другую старушку, у которой побывала Джо-Энн. Про ту, что радостно качалась в своей качалке, поскольку ее навестили все ее давние умершие друзья. Случается, что слабоумие тоже может стать проявлением доброты.

Наконец я поднялся и спустился к машине. По дороге я продолжал размышлять о волшебных прикосновениях доброты со звезд, о том, что на нашей Земле, похоже, поселилась наряду с человечеством еще одна раса с иным кругозором и иными жизненными целями. Не исключено, что этот народец и

раньше время от времени пытался вступить в союз с людьми, но его каждый раз отвергали и вынуждали прятаться — по невежеству, из суеверия, а затем в силу слишком хрупких и нетерпимых представлений о том, что возможно, а что невозможно. И похоже, что нынче они предприняли новую попытку подружиться с нами.

Дж. Х. поджидал меня с видом кота, безмятежно устроившегося в птичьей клетке и не желающего помнить, что к усам прилипли перышки. С ним сидел какой-то большой летный начальник — радуга орденских планок поперек груди и орлы на плечах. Орлы были надраены так ярко, что, казалось, испускали искры.

— Марк, это полковник Дуглас,— объявил Дж. Х.— Он хочет с тобой побеседовать.

Мы обменялись рукопожатием, причем полковник вел себя гораздо любезнее, чем можно было ожидать. После чего Дж. Х. вышел из кабинета, оставив нас вдвоем. А мы еще посидели и помолчали, как бы оценивая друг друга. Не ведаю, что чувствовал полковник, а я со своей стороны готов признаться, что мне было не по себе. Я невольно задавался вопросом, что такого я натворил и к какому наказанию меня приговорят.

— Интересно, Лэтроп,— обратился ко мне полковник,— расскажете ли вы мне честно, как это произошло? Как вам удалось выяснить про домовых?

— А я ничего не выяснял, полковник. Это был просто-напросто розыгрыш.

Я рассказал ему, как Пластырь распустил язык, обвиняя всех штатных сотрудников в отсутствии инициативы, и как я придумал байку про домовых ради того, чтобы свести с ним счеты. А он свел счеты со мной тем, что взял и напечатал ее.

Только полковника моя версия не устроила. Так он и сказал:

— За этим кроется что-то еще.

Я не сомневался, что он меня не отпустит, пока я не вывалю все начистоту,— и хоть он не намекал на это ни словом, за его плечами вставали контуры Пентагона, комитета начальников штабов, операции «Летающая тарелка» или как там ее назвали, а еще за его плечами витали ФБР и множество иных

неприятностей. Так что я облегчил себе душу, рассказав все в подробностях, и отдельные подробности, безусловно, звучали очень и очень глупо. Однако он словно не заметил глупостей и спросил:

— И что вы теперь думаете обо всем этом?

— Прямо не знаю, что и думать. Может, они из космоса или...

Он спокойно кивнул.

— Нам известно уже довольно давно, что они совершают посадки. Однако теперь они впервые сознательно привлекли к себе внимание.

— Но что им нужно, полковник? Чего они добиваются?

— Сам бы хотел это понять,— ответил он. Помолчал и тихо добавил: — Разумеется, если вы вздумаете ссылаться на меня в печати, я буду отрицать все напропалую. И вы поставите себя по меньшей мере в двусмысленное положение.

Бог весть, что еще он намеревался сказать,— может, всего ничего. Но тут зазвонил телефон. Я поднял трубку — вызывали полковника. Он бросил короткое «да» и стал слушать. Слушал молча, только мало-помалу бледнел. А когда повесил трубку, то вид у него был прямо-таки больной.

— Что стряслось, полковник?

— Звонили из аэропорта. Случилось нечто несусветное, и буквально только что. Эти друзья появились непонятно откуда и накинулись на самолет. Чистили его и полировали, навели на него глянец и снаружи и изнутри. Персонал не мог ничего поделать, только хлопал глазами...

Я усмехнулся.

— Что же тут плохого, полковник? Просто они отнеслись к вам по-доброму.

— Вы еще ничего не знаете! Когда они навели на самолет красоту, то в завершение намалевали на носу домового!..

Вот, пожалуй, и все, что можно рассказать о проделках домовых. Их атака на самолет полковника осталась, по сути, их единственным публичным выступлением. Но если они стремились к гласности, то добились своего — создали запоминающееся зрелище. В аэропорт в то утро завернул один из наших фотографов, суматошный малый по имени Чарльз: он никогда не появлялся там, куда его вызывали, зато неизменно возни-

кал без приглашения на месте необычных событий и катастроф. Никто не посылал его в аэропорт — его отправили на пожар, который, к счастью, обернулся всего-то небольшим возгоранием. За каким чертом его занесло в аэропорт, он и сам впоследствии объяснить не мог. Однако он очутился именно там и снял домовых, полирующих самолет,— и не один-два снимка, а дюжины две, израсходовав всю наличную пленку. Более того, он ухитрился снять их телескопическим объективом, который в то утро засунул в саквояж по ошибке — раньше он никогда им не пользовался. С тех пор он с этим объективом не расставался, но, по моим сведениям, ему больше ни разу не выпадало повода его применить.

Снимки вышли — полная прелесть. Лучшие из них мы отобрали для первой полосы, разверстав их на всей ее площади, да еще не поскупились и заняли остальными снимками две внутренние полосы. Агентство «Ассошиэйтед пресс» приобрело на снимки права и распространило по всей стране, и их успели напечатать во многих крупных газетах, пока кто-то в Пентагоне не прослышал об этом и не наложил вето. Но поздно: что бы ни предпринял теперь Пентагон, снимки уже разошлись. Может, они причинили зло, а может, добро — так или иначе, исправить этого было уже нельзя.

Наверное, если бы полковник узнал про снимки, он попробовал бы запретить их опубликование или даже конфисковал. Но о существовании снимков стало известно только тогда, когда полковник убрался из нашего города, а то и вернулся в Вашингтон. Чарли где-то застрял — скорее всего в пивной — и объявился в конторе лишь под вечер.

Когда все в целом дошло до сведения Дж. Х., он принялся метаться по редакции, рвать на себе волосы и грозил уволить Чарли. Но кому-то из нас удалось его утихомирить и водворить обратно в кабинет. Снимки поспели к последнему вечернему выпуску, заняли несколько полос на следующий день, и мальчишки, продающие газету в розницу, всю неделю ходили с вытаращенными глазами — так расхватывали номер с домовыми, запечатленными на пленку.

В середине дня, как только ажиотаж чуточку спал, мы с Пластырем опять отправились на перекресток пропустить по паре стаканчиков. Раньше я не особо жаловал Пластыря, но

тот факт, что нас с ним уволили вместе, установил между нами что-то вроде приятельских уз; в конце концов, он показал себя неплохим парнем.

Бармен Джо был горестен, как всегда.

— Это все они, домовые,— выпалил он, обращаясь к нам, и уж можете мне поверить: никто никогда не говорил о домовых в таком тоне.— Явились сюда и принесли каждому столько счастья, что выпивка больше просто не требуется.

— Я с тобой заодно, Джо,— проронил Пластырь.— Мне они тоже не сделали ничего хорошего.

— Ты получил назад свою работу,— напомнил я.

— Марк,— изрек он торжественно, наливая себе по новой,— я не слишком уверен, что это хорошо.

Разговор мог бы выродиться в первостатейный конкурс по сетованиям и стенаниям, если бы в бар не ввалился Лайтнинг, самый прыткий из всех наших рассыльных, невзирая на свою косолапую походку.

— Мистер Лэтроп,— сообщил он мне,— вас просят к телефону.

— Приятно слышать,— отозвался я.

— Но звонят из Нью-Йорка!

Тут до меня дошло. Ей-же-ей, впервые в жизни я покинул бар так стремительно, что забыл допить налитое.

Звонок был из газеты, куда я обращался с запросом. Человек на том конце провода заявил, что у них открывается вакансия в Лондоне и что он хотел бы потолковать со мной на этот счет. Сама по себе вакансия, добавил он, вряд ли выгоднее той работы, какая у меня есть, однако она дает мне шанс приобщиться к роду деятельности. о котором я мечтаю.

«Когда я мог бы приехать для переговоров?» — задал он мне вопрос, и я ответил: завтра с утра.

Повесив трубку, я откинулся на спинку стула. Мир вокруг мгновенно окрасился в радужные тона. И я понял в ту же минуту, что домовые обо мне не забыли и продолжают меня опекать.

На борту самолета у меня была бездна времени на размышление. Часть его я потратил на обдумывание всяких деталей, связанных с новой работой и с Лондоном, но больше всего я размышлял о домовых.

Они прилетали на Землю и раньше — уж в этом, по крайней мере, не возникало сомнений. А мир не был готов их принять. Мир окутал их туманом фольклора и предрассудков, мир еще не набрался разума и не сумел извлечь из их добровольной помощи пользу для себя. И вот сейчас они решили попробовать снова. На этот раз мы не вправе обмануть их ожидания — ведь третьего случая может и не быть.

Возможно, одной из причин их предыдущей неудачи — хоть и не единственной — явилось отсутствие средств массовой информации. Рассказы о домовых, об их поведении и добрых делах, передавались из уст в уста и неизбежно искажались. К правдивым историям добавлялись свойственные той эпохе вымыслы, пока домовые не превратились в волшебных маленьких человечков, весьма потешных, а иногда и полезных, но принадлежащих к одной породе с великанами-людоедами, драконами и тому подобной нечистью.

Сейчас ситуация иная. Сейчас у домовых больше шансов на то, что их деятельность получит правдивое освещение. И несмотря на то что для правды в полном объеме люди еще не созрели, современное поколение в состоянии кое о чем догадаться.

Очень важно, что о них теперь широко известно. Люди должны знать, что домовые вернулись, должны поверить в них и доверять им.

Оставалось недоумевать: почему для того, чтоб объявить о своем прибытии и продемонстрировать свои достоинства, они выбрали именно наш город, не большой, не маленький, обычный город американского Среднего Запада? Я немало бился над этой загадкой, но так и не нашел ответа — ни тогда, ни до сего дня.

Когда я прилетел из Нью-Йорка с новым назначением в кармане, Джо-Энн встречала меня в аэропорту. Я высматривал ее, спускаясь по трапу: так и есть, она прорвалась за контроль и бежит к самолету. Тогда я бросился ей навстречу, сгреб ее в охапку и расцеловал, а какой-то идиот не преминул снять нас, полыхнув лампой-вспышкой. Я хотел было с ним разделаться, да Джо-Энн не позволила.

Был ранний вечер, однако на небе уже загорелись первые звезды и посверкивали, несмотря на ослепительные прожектора. До нас донесся рев только что взлетевшего самолета, а в дальнем конце поля другой самолет прогревал двигатели. Вокруг были здания, огни, люди и могучие машины, и на довольно долгий миг почудилось, что аэропорт — наглядная демонстрация силы, быстроты и компетентности нашего человеческого мира, его уверенности в себе. Наверное, Джо-Энн испытала сходное ощущение, потому что вдруг спросила:

— Все хорошо, правда, Марк? Неужели они и это изменят?

И я понял, кого она имеет в виду, не переспрашивая.

— По-моему, я догадываюсь, кто они,— сказал я.— Кажется, я сообразил наконец. Ты знаешь об акциях муниципального фонда призрения — одна сейчас как раз в самом разгаре. Так вот, они затеяли нечто в том же духе — назовем это Галактическим фондом призрения. С той разницей, что они не тратят деньги на бедных и малоимущих, их благотворительность носит иной характер. Вместо того чтоб одаривать нас деньгами, они одаривают нас любовью и душевным теплом, дружбой и доброжелательством. И не вижу в том ничего плохого. Не удивлюсь, если из всех племен Вселенной мы оказались теми, кто нуждается в такой помощи больше всего. Они явились сюда вовсе не с целью решить за нас все наши проблемы, а просто слегка подсобить, освободив нас от мелких хлопот, которые подчас мешают нам обратить свои усилия на действительно важные дела или, может, мешают разобраться, какие именно дела важные.

Все это было столько лет назад, что не хочется подсчитывать сколько, и тем не менее помню все так четко, будто события произошли накануне. Однако вчера и в самом деле случилось кое-что, всколыхнувшее мою память.

Я проходил по Даунинг-стрит неподалеку от дома № 10, резиденции премьер-министра, когда заметил маленькое существо. Сперва я принял его за карлика и, обернувшись, понял, что оно наблюдает за мной. А затем существо подняло руку выразительным жестом, замкнув большой и указательный пальцы колечком — давний добрый американский символ, мол, все в полном порядке.

И исчезло. Вероятнее всего, нырнуло в один из переулков — но поручиться за это не могу.

Тем не менее спорить не приходится. Все действительно в полном порядке. Мир полон надежд, холодная война почти закончилась. Мы, похоже, вступаем в первую безоговорочно мирную эру за всю историю человечества.

Джо-Энн собирается в дорогу и ревет, ведь приходится расставаться со многим, что дорого. Зато дети вне себя от восторга, предвкушая настоящее приключение. Завтра утром мы вылетаем в Пекин, где я, первый из американских корреспондентов за тридцать лет, получил официальную аккредитацию.

Но пугает шальная мысль: что, если там, в этой древней столице, я нигде — ни на запруженной грязной улочке, ни на помпезной Императорской дороге, ни за городом, у подножия Великой стены, возведенной на страх другим народам много-много веков назад,— что, если я больше нигде и никогда не увижу еще одного маленького человечка?

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

— Протрезвляйся,— приказал я.— Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подальше от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

— Меня это не касается, капитан. Как врач...

— Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

— Понятно,— мрачно проговорил Док.— Раз ты так говоришь, значит, нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера — чистый яд.

— Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

— Анализаторы-то работают прекрасно — сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

— Мы не делаем ничего дурного,— сказал я.

— Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

— Поднимись в камбуз,— сказал я,— и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет,— сказал я,— тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док.— Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

— Встать! — заорал я.— Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверное, население высыпало приветствовать нас. И надеюсь, как положено.

— Нет тут населения,— сказал я.— Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну и ну,— сказал Док.— Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается. Уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово — и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревки, и бачки с водой. Как заместителю капитана Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

— В таком местечке,— сказал Фрост,— будет чем поживиться.

— Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

— В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

— С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволю себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись:

— Говорю вам, эти двигатели, того и гляди, развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вздохнуть некогда — только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

— Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю так, чтобы подбодрить и себя и его.

— Когда-нибудь,— сказал он,— нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который...

Он распространялся бы еще долго, если бы не засвистал Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом, он вроде бы очухался. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным слогом:

— Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы обчищаем руины, все желания исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

— Док,— сказал я,— заткнись.

Он заткнулся. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно... и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверное, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали... хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в одну из этих комнат, чтобы порыться в них.

— Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять,— сказал с отвращением Блин.

— В ящиках может быть что угодно,— сказал Фрост.— Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили, что, если в определенном месте помахать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек — тяжеленных, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

— Золото,— сказал Хэч.

— Черного золота не бывает,— возразил Блин.

— Это не золото,— сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

— Может, они дорогие,— сказал Фрост.— Впрочем, сомневаюсь. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу — пошел готовить жратву, остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

— Вот тут-то мы с вами и не тянем,— сказал Хэч.— В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре

не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

— Когда-нибудь,— сказал я своей команде,— если мы разбогатеем, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного,— заметил Док,— который бы согласился якшаться с таким сбродом.

— Что значит «такой сброд»? — немного обидевшись, сказал я.— Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латаный-перелатаный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

— Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

— В старину на Земле,— сердито возразил я,— именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывая путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем, кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню — что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

— Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

— Джентльмены,— как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док,— я не собирался затевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

— А можем и добыть,— сказал я,— если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

— Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

— Но ты же летаешь с нами.

— Ну,— возразил Хэч,— я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб...

— Кончай,— сказал я.— Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

— Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? — предложил он.

— И по этому случаю взлетим на воздух? — спросил Хэч.

— А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

— Я в таком деле не участвую,— сказал Док.— Лучше посижу здесь и пораскину мозгами. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

— Ничего ты не придумаешь,— запротестовал Фрост.— Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

— Первым делом,— сказал я,— надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

— И Блин сварит нам похлебку,— сказал Док.

Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

— Или топливо,— добавил я.— Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит. и установили над ним треногу из шестов — чтобы нарубить их, нам пришлось идти за целую милю. Подвесили к треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать проведение опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех

ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от сотрясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух от десятка других причин.

Той ночью чего только мы не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, но она стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хороших сверла. Пробовали распилить их и начисто стесали о шашку все зубья пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить шашку, но он отказался.

— Я не пущу вас в камбуз с этой дрянью,— сказал он.— А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стараюсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда всякой грязи.

— Ладно, Блин,— сказал я.— Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по нескольку глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

— Если рассуждать здраво,— сказал Фрост,— то шашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и они должны стоить немало.

— А может, там не одни шашки,— предположил Хэч.— Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

— Бог его знает,— сказал Фрост.— Верхних этажей с земли не видно. Они просто теряются где-то в высоте.

— Вы заметили, из чего сделано здание? — спросил Док.

— Из камня,— сказал Хэч.

— Я тоже так думал,— заметил Док.— А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы — жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаясь вломиться в них, потому что нашли у входа в один

дом нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума сходят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. А взламывать холмы было все равно что осыпать ударами пуховую подушку. Всю поверхность исцарапаешь, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессуются и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не износится и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит,— сказал я,— что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая,— сказал Хэч,— то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всегонавсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а согласиться с Доком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации, во все времена бывало три типа людей, которые шли впереди и прокладывали путь другим,— купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совер-

шать набеги, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами.

Такой случай еще не подворачивался да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели, и призрачная надежда крепла. Но, положа руку на сердце, мы отправлялись бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я и сказал Хэчу. Он согласился со мной.

— Хуже миссионеров никого нет,— сказал он.— Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

— Может, завтра найдем что-нибудь еще,— сказал я.

Хэч зевнул:

— Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, пропетляв по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов. Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху — колпак.

Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев, поворачивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любую сторону. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

— Может, источник питания у нее внутри,— предположил Фрост.— Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный — нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что мы не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

— Они ничем не скреплены. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение,— сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой:

— Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь,— заметил Хэч,— я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм,— предположил Док.

— Послушай, Док,— сказал Хэч.— Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обеих деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не расспрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета и оба заставили нас топтаться на месте. Но так уж бывает. В иные дни и гроша не заработаешь.

— Дай взглянуть. Может, я справлюсь,— сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, расшатывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединились как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

— Смотри, что ты натворил! — закричал Хэч.

— Ничего я не натворил,— сказал Фрост.— Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Блин.— Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобраться в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

— Резонно,— сказал Док.— Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

— Док,— сказал я,— ты странно ведешь себя. Я пока что не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

— Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов... а эта машина — думающий...

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

— Я знаю, как снять колпак,— сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье, которое приспособлялось к любому седалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, достаточно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносной электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак, нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только этот механизм превратился теперь в груду распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что больше не помнят зла. Но я не очень-то верил. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило — и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку положить динамитную шашку... Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

— Это, наверно, машина-врач,— сказал Хэч.— Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку — и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросился на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении,— сказал Док,— давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет — и останешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель,— перебил его Хэч.— Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или наоборот,— сказал Блин.— Может, эти шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил Хэч.— Немного найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

— Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора,— сказал я,— тогда другое дело. Может, это аппарат

для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

— Или,— сказал Хэч,— этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

— Не думаю,— сказал Док.— Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

— Есть только один способ узнать, что это,— сказал я.

— Боюсь,— догадался Док,— что нам придется прибегнуть к нему.

— Слишком сложно,— возразил Хэч.— Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться за чем-нибудь полегче.

— Нет! — закричал Фрост.— Этого делать нельзя!

— Интересно, почему нельзя? — спросил Хэч.

— Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш. И думать: а не слишком ли мы быстро сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать, а не зря ли мы испугались, а не купались ли бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела.

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

— Ладно,— сказал я.— Завтра с утра пораньше...

— Что там с утра! — заорал Блин.— Я хочу покончить с этим сейчас же! Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было бы несправедливо по отношению к Блину. И кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что нашли.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспосабливал для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

— Послушай,— сказал я Блину,— почему это должен быть непременно ты?

— Кому-то надо,— ответил Блин.— Так мы скорее узнаем, что это за штука.

— Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица. Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила тишина. Не совсем, конечно, тишина... если приложить ухо к кожуху, слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

— Пульс немного замедлился,— сообщил Док,— сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может, совсем не беспокоился, но остальным стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели, и... ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина. Оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне,— возьмешь его руку, и кажется, что у нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел попрямее. Потом посмотрел на нас немного удивленно — вроде бы не сразу узнал.

— Ну как? — спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

— Я путешествовал,— сказал он.

— Кинопутешествие! — с отвращением сказал Док.

— Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

— Значит, видел край Галактики,— кивнув, сказал Фрост.— Что его дисковой пилой, что ли, обрезали?

— Сколько я просидел? — спросил Блин.

— Довольно долго,— сказал я ему.— Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

— Странно,— сказал Блин.— А я могу поклясться, что был там больше года.

— Давай-ка уточним,— сказал Хэч.— Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что ВИДЕЛ эту планету.

— Я хочу сказать, что был там! — заорал Блин.— Я жил с этими людьми, спал в их норах, разговаривал и работал вместе с ними. В огороде себе кровавую мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета — так себе, живут на ней простаки, занимаются примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин — художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жите-

лей, припоминал, как они разговаривают,— язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответ, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонялся к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

— У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видывал.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее.

— Мы могли бы продавать эти штуки,— сказал он,— но это глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напрокат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Можно разрекламировать годичные каникулы, которые длятся всего полдня,— добавил Хэч.— Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах,— подхватил Фрост.— Может, там записаны концерты, посещения картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел я его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько

недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журналы и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук. Крышка распахнулась. Журнал, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике,— все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошлинные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Неудивительно, что корабль дрянной. С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному. В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали, мы, оборвыши, в лата-

ном-перелатаном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но как я ни уморился, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое — такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно — способных на любое грязное дело); подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я утопаю по колено в море новеньких хрустящих банкнотов.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел, Док с трудом поднял голову — он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы находились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни, так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой у него из рук бутылку, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготовил еще один кофейник.

— Я хочу, чтобы ты протрезвился,— сказал я Доку,— и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с талями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака. Хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

— Это Док! — завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его:

— Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

— Я мог бы снять его,— сказал Хэч.

— Спрячь пистолет,— приказал я.

Я пошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы даже он промахнулся футов на десять, то взрыв мог располосовать человека надвое.

— Я брошу пистолет! — крикнул я ему.— Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался:

— Ладно. Скажи остальным, чтоб подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

— Уходи отсюда. И уведи всех.

— Он свихнулся от пьянства,— сказал Хэч.— Не соображает, что делает.

— Я с ним управлюсь.— Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

— Сыпь отсюда, Хэч,— сказал я, не решаясь больше оглядываться. Приходилось не спускать с Дока глаз.

— Порядок,— крикнул наконец Док.— Они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подловить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

— Дальше не ходи,— сказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю.— Мы можем поговорить и так.

— Ты пьян,— сказал я ему.— Я не знаю, к чему ты все это затеял, но зато я знаю, что ты пьян.

— Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

— Что тебя гложет?

— Порядочность заела,— сказал он, фиглярствуя, как обычно.— Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь — воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания. Я не дам тебе это сделать, капитан.

— А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

— Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

— Ладно, Док,— сказал я, стараясь гладить его по шерстке,— скажи мне, что мы нашли.

— Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам. И даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

— Послушай, Док,— умолял я его,— мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло. Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. И эта возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док... У тебя будет столько денег, что их вовек не истратить... хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур в ощип. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

— Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний означает лишь возможность быстро зашибить деньгу. Вы возьмете шашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйте, годичный отпуск за шесть часов...

— Избавь меня от проповеди, Док,— устало сказал я.— Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

— Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

— Не монахов. Просто приличных людей.

— А если мы не захотим?

— Я захватил корабль,— сказал Док.— Запас воды и пищи у меня есть.

— А спать-то тебе надо будет.

— Я закрою люк. Попробуйте забраться сюда.

Наше дело было швах, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как захватить его врасплох, наше дело швах по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали, что он болтал, но никто никогда не принимал его всерьез.

Я знал, что отговорить его невозможно. И на компромисс он ни на какой не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение было безвыходное, но Док до этого еще не додумался. Он додумается, как только немного протрезвится и пораскинет мозгами. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

— Позволь мне вернуться,— сказал я,— нужно потолковать с ребятами.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил, как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

— Когда вернешься,— сказал он мне,— мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

— Конечно, Док,— сказал я.

— Я не шучу, капитан. Я говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

Я вернулся к башне, неподалеку от которой тесно сбилась команда, и объяснил, что происходит.

— Придется рассыпаться и атаковать его,— решил Хэч.— Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

— Он просто закроет люк,— возразил я.— И заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле. Стоит только ему протрезвиться, и он, вероятно, так и сделает.

— Он чокнутый,— сказал Блин.— Он просто тронулся спьяну.

— Конечно чокнутый,— согласился я,— и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело давным-давно. У него комплекс вины мили в три высотой. И что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на попятную.

— У нас мало времени,— сказал Фрост.— Надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал стать на место Дока.

Как врач Док оказался неудачником, иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или от отчаяния,— наверно, было и то и другое. И кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему некуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать болезненным самомнением, а дальний космос — самое подходящее место, чтобы накачаться самомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было

бы назвать славным. Причем Док — такой малый, что его даже насмешками не проймешь, стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может быть) или просто почувствовал чье-то присутствие, но вдруг я осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию: у входа стояло то, что на первый взгляд показалось нам бабочкой величиной с человека.

Я не говорю, что это было насекомое,— просто вид у него был такой. Оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

— Джентльмены,— сказал я как можно спокойнее,— у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, но держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если мне будет угрожать опасность...

— Внимание, Хэч,— сказал я.

— Я прикрываю тебя,— заверил меня Хэч, и оттого, что он был рядом, на душе стало поспокойней. Если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали. Глаза были добрые, а нежное, странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие мерки не всегда подходят к чужестранцам.

Мы смотрели друг на друга в упор. Оба мы понимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню. Оно взяло меня за руку и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что помогло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным. Да и Хэч с ребятами были поблизости, шли позади. И самое главное — тесных отно-

шений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприветливо.

Поэтому я пошел.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы — даже люди или какие-нибудь существа.— и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало, что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

По трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель — у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

— Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите.

Хэч спросил меня:

— Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан?

— Почему бы и нет? — отозвался я.— Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их. Они не собираются причинить нам никакого вреда.

— Есть риск,— сказал Хэч.

— А с каких это пор мы зареклись идти на риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое. Тем временем второе существо достало из ящика две шашки, но эти шашки были прозрачные, а не черные. Оно сняло шлемы и вставило шашки. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

— Теперь мы можем поговорить,— сказал чужестранец.

Я не боялся, не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

— Все, что мы будем говорить, записывается,— сказал чужестранец.— После нашего разговора вы получите один экземпляр, а второй я помещу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

— *Я не очень-то разбираюсь в контрактах,— сказал я.*— В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

— Тогда назовем это соглашением,— предложил чужестранец.— Джентльменским соглашением.

— Хорошо,— согласился я.

Соглашения — удобные штуки. Их можно нарушать когда вздумается. Особенно джентльменские соглашения.

— Наверно, вы уже поняли, что здесь находится,— сказал чужестранец.

— Не совсем,— ответил я.— Скорее всего, библиотека.

— Это университет, галактический университет. Мы специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

— Ну что ж, прекрасно.

— Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

— Точно.

— К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны,— продолжал чужестранец.— Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

— Вы хотите сказать, что записаться может любой? — спросил я.— И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть на чем заработать. Настоящее университетское образование... да с этим можно обделывать отличные делишки!

— Есть одно ограничение,— пояснил чужестранец.— Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными

личностями. Мы принимаем культуры. Вы как представитель своей культуры... как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте...

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чужестранцу я, конечно, не сказал. Он бы не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться,— взмолился я.— Я хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбирать?

— Во-первых, есть основной курс,— сказал чужестранец.— Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые, по нашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены,— сказал чужестранец.— Они будут проводиться каждые... Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил как мог, и он, кажется, все понял.

— Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то вам придется напрягаться изо всех сил и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение. То, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном. Мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собой

цель — дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голове.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом я взял себя в руки.

— Хорошо, профессор,— сказал я,— можете нас записать. А что требуется от меня?

— Ничего,— ответил он.— Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

— Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться? — спросил я.

— Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

— Чертова уйма потребуется,— сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться и немного уступить.

— Я знаю,— согласился он.— Дать образование целой культуре — дело не простое. Но мы готовы к этому.

Так вот мы и добились своего... и все законным путем, комар носа не подточит. Мы могли брать, что хотели и сколько хотели, и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов — я мог выбрать их по желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство — стоишь лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

— *Ты давай еще облобызайся с ним,*— *сказал* Хэч,— *а мы* с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я влепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вручило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

— Пошли отсюда,— сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства... если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозвал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

— Мы схватили Вселенную за хвост,— сказал я.— Мертвой хваткой вцепились.

— А как быть с Доком? — спросил Фрост.

— Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что мы верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

— Он тебя и слушать не станет,— сказал Блин.— Он не поверит ни одному твоему слову.

— Вы, ребята, стойте на месте,— сказал я.— А с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед. Я догадался, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории. Он был пьян в стельку. Ружье лежало на полу. Рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что произошло. После моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала проблема — как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом. Затем порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог заснуть — в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании — ведь профессор из башни ничего не говорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами — год-другой пребывания на чужой планете за какие-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их...

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения — совершенно безопасные приключения — мечтающим о них домоседам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но стóящих того, чтобы присмотреться к ним, и о том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить; ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которой не годилось бы новое средство... и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим из рук ни одной шашки, пока кто-нибудь из нас предварительно не ознакомится с ней. А вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения?

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить как боги. Разумеется, лет через тысячу придет время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвел только под утро, и я приказал Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока я был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. Мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал,— сказал Хэч,— что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце, скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки,— сказал я.— Ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую

кучу вопросов, которые они могли бы задать и на которые мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет... работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион... не видно ей ни конца ни края.

— Не могу сообразить, зачем они это делают,— сказал я.— Что им за выгода?

— Для них-то выгоды нет,— ответил Хэч,— а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову поломать, как это все получше использовать.

Я рассказал ему, что я придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге.

— Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдоим все до последнего цента.

— Мне кажется, мы должны заниматься предварительным знакомством по порядку,— сказал я.— Начать с самого начала и... до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

— Но на это уйдет уйма времени,— предупредил он.

— Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, Блин тебе поможет.

— Поможет мне! — завопил Хэч.— Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал...

— А это не чтение. Ты будешь жить в этом. Будешь развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

— Не буду я.

— Послушай,— сказал я,— давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобиться для очередного совещания. Фрост заправляет погрузкой. Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу. Он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется.

А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю...

— Ну, коли так,— сказал Хэч, напыжившись от гордости,— мне кажется, самый подходящий человек для этого дела — я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное. Погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый. К еде едва притронулся. Он не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

— Как дела, Хэч?

— Ничего,— сказал он.— Болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

— А что говорят?

— Да не говорят... в общем, трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время попробовать самому?

— Можешь быть уверен, что я это сделаю,— сказал я, слегка разозлившись.

— Пока в этом деле деньгами и не пахнет,— сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там поделывает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

— На этот раз ты превзошел самого себя,— сказал он.— Продавать эти штуковины ты не имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике... бесплатные...

Я рассказал ему, что случилось, как мы узнали, что башня — это университет, и как мы на самом законном основании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни одному моему слову.

— Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед,— сказал он.— Так что не заливай-ка ты мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я сердился на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день,— ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора — существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся, почему это никто не спускается посидеть со мной. Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы потолковать с Доком. Он по-прежнему не смирился, но и не был настроен особенно враждебно.

— Знаешь, капитан,— сказал он,— временами у нас были разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

— К чему ты это клонишь? — спросил я.— Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

— Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возьмешь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты...

— Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу заговоришь.

— Хэч приходил сюда несколько раз,— сказал Док.— Приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то не то. Что-то трусливое.— Он уставился на меня из-за решетки.— Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

— Давай продолжай!

— Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На твоем месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто еще тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Взбегая по аппарелям, я ругался на каждом шагу. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду... не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузиться и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной. За ужином не было сказано и десятка слов. Чувствовалось, что все идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись в рубку, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина там был Фрост, а на плетеном сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчиненных Хэча.

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода... да его тут и не было.

— Ну, Хэч,— сказал я,— выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и...

— Капитан,— сказал Фрост,— мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал,— стал объяснять Хэч.— Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудновато...

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть. И поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

— Не понимаю, о чем вы говорите... Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь... от тебя только мокрое место останется, и если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

— Никакая прибыль нам не светит, капитан,— спокойно сказал Фрост.— Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

— Да вы все с ума посходили! — взревел я.— Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушем! А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысячедолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого...

— Если бы мы это сделали, мы поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

— Это все курс ориентации! — крикнул я.

Хэч кивнул:

— В нем говорится о честности и чести.

— А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? — взвился я.— Вы сроду не знали, что такое честность.

— Прежде не знали,— сказал Блин,— а теперь знаем.

— Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью как пить дать. Но надо признаться, эти профессора — великие доки. Не знаю уж, то ли они считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех один. Неудивительно, что они не задавали мне вопросов. Неудивительно, что они не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

— Узнав, что такое честность,— сказал Фрост,— мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

— И вот,— продолжал Хэч,— мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

— Миссионеры,— сказал я Хэчу.— Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть озолоти.

— Напрасно стараетесь,— холодно возразил Фрост.— Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы знаем, что мы правы.

— А деньги! А как же с компанией? Мы же все продумали!

— Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс...

— Никакого курса я проходить не буду! — Наверно, голос у меня был грозный, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня.— Эй вы, ханжи, миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня, попробуйте, давайте...

Они по-прежнему не двигались с места. Я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной и пошел к двери. На пороге я остановился и сказал Фросту:

— Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверью, я поднялся по аппарели в свою каюту. Я запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену, задумался.

Они забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ними давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я встал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны: документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик с дороги и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас. Я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в переделку на одной планете в системе Енотовая шкура, как Док влюбился

в... трехполое существо на Сиро и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости — только вместо костяшек там были странные крохотные живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэчу пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

— Тебя тоже распирает от честности? — спросил я его.

Он содрогнулся:

— Только не меня. Я отказался.

— Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

— Неужели ты не понимаешь,— спросил Док,— что теперь станет с человечеством?

— Конечно понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина...

— Все подохнут от тяжелой формы скуки,— сказал Док.— Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

— Значит, твои убеждения переменились?

— Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

— На твоем месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

— Я вижу, ты уже решил,— сказал он.

Я уныло кивнул:

— Да.

— Я так и знал.

— Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся.

Док энергично покачал головой:

— Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

— Куда ни кинь, все клин,— сказал я, тасуя документы.— Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили. Но это и не нужно было. Все было понятно само собой. Мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений. И по-старому быть не может. Если бы мы даже согласились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем, все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док. Его похоронили. Разбили на куски, которые нам теперь уже не склеить.

У меня было такое чувство, будто я истошно кричу. Давно уж мне не было так больно.

— Теперь они совсем другие люди,— продолжал я.— Они взяли да переменились, и прежними они больше никогда не будут. Даже если они снова станут, какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

— Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник, может, даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

— Не хочу я никаких памятников. И машины я не привезу. Мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял и лучших на свете друзей!

— Корабль мой,— сказал я.— Больше мне ничего не надо. Я довезу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям. Пусть их наслаждаются своей честностью и честью. А я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет почти как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

— Мы будем продолжать охотиться,— сказал я.— Мы будем мечтать о куше. Мы сделаем все, чтобы найти его. Все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы — и божьи, и человеческие. И знаешь что, Док?

— Не знаю.

— Я надеюсь, что куш нам больше не попадется. Я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

— Капитан,— сказал Док,— меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

— Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

— Конечно. Разве их забудешь?

— Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард...

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть, сорвем куш!

Я сидел на заднем крыльце своей лачуги, держал в правой руке бутылку, в левой — ружье и поджидал реактивный самолет, как вдруг за углом хижины подозрительно оживились собаки.

Я наспех отхлебнул из бутылки и неловко поднялся на ноги. Схватил метлу и обошел вокруг дома.

По тявканью я понял, что собаки загнали в угол скунса, а у скунсов и так от реактивных самолетов поджилки трясутся, нечего им докучать без нужды.

Я перешагнул через изгородь там, где она совсем завалилась, и выглянул из-за угла хижины. Уже смеркалось, но я разглядел, что три собаки кружат у зарослей сирени, а четвертая, судя по треску, продирается прямо через кусты. Я знал, что если сразу не положу этому конец, через минуту нечем будет дышать — скунс есть скунс.

Я хотел подобраться к собакам незаметно, но то и дело спотыкался о ржавые консервные банки и пустые бутылки и тут же дал себе слово, что утром расчищу весь двор. Я и раньше часто собирался, да как-то руки не доходили.

Я поднял такой шум, что все собаки удрали, кроме одной — та завязла в кустах. Я хорошенько примерился и с удовольствием огрел ее метлой. Надо было видеть, как она оттуда выскочила,— тощая такая собака, шкура на ней обвисла, того и гляди, собака из нее выпрыгнет.

Собака взвыла, зарычала, вылетела, как пробка из бутылки, и метнулась мне прямо под ноги. Я пытался устоять, но наступил на пустую бутылку и постыдно шлепнулся на землю. Я так расшибся, что света божьего не взвидел, а потом никак не мог прийти в себя и подняться на ноги.

Пока я приходил в себя, из-под сиреневого куста вынырнул скунс и направился прямо ко мне. Я стал отгонять его,

но он никак не отгонялся. Он завилял хвостом, словно встретил родную душу, подошел вплотную и с громким мурлыканьем стал о меня тереться.

Я и пальцем не двинул. Даже глазом не моргнул. Рассудил, что если я не шелохнусь, то скунс, может, и отстанет. Вот уже три года у меня под хижиной жили скунсы, и мы с ними отлично ладили, но никогда не были, что называется, на короткой ноге. Я их не трогал, они меня не трогали, и все были довольны.

А этой веселой зверюшке, как видно, втемяшилось в голову, что я ей друг. Может, скунса распирало от благодарности за то, что я отогнал собак.

Он обошел вокруг меня, потыкался мордой, потом вскарабкался ко мне на грудь и заглянул в лицо. И без устали мурлыкал с таким азартом, что весь дрожал.

Так он стоял на задних лапках, упершись мне в грудь передними, заглядывал мне в лицо и мурлыкал — то тихо, то громко, то быстро, то медленно. А сам навострил уши, будто ожидал, что я замурлычу в ответ, и все время дружелюбно вилял хвостом.

В конце концов я протянул руку (очень осторожно) и погладил скунса по голове, а он как будто не возражал. Так мы пролежали довольно долго — я его гладил, а он мурлыкал.

Потом я отважился стряхнуть его с себя.

После двух или трех неудачных попыток я кое-как поднялся с земли и пошел к крыльцу, а скунс тащился за мной по пятам.

Я опять сел на крыльцо, взял бутылку и как следует приложился к ней; это было самое умное, что можно сделать после стольких треволнений. А пока я пил из горлышка, из-за деревьев вынырнул реактивный самолет, свечкой взмыл над моим участком, и все кругом подпрыгнуло на метр-другой.

Я выронил бутылку и схватил ружье, но самолет скрылся из виду, прежде чем я успел взвести курок.

Я отложил ружье и как следует выругался.

Только позавчера я предупреждал полковника — вовсе не в шутку,— что если реактивный самолет еще раз пролетит так низко над моей хижиной, я его обстреляю.

— Безобразие,— говорил я полковнику.— Человек строит себе хижину, живет тихо-мирно, ни к кому не пристает. Так

нет, правительству непременно надо устроить воздушную базу именно в двух милях от его дома. Какой может быть мир и покой, когда чертовы реактивные самолеты чуть не цепляют за дымовую трубу?

Вообще-то полковник разговаривал со мной вежливо. Он напомнил мне, как необходимы нам воздушные базы, как наша жизнь зависит от самолетов, которые там размещены, и как он, полковник, старается наладить маршруты вылетов так, чтобы не тревожить мирное население окрестностей.

Я сказал, что реактивные самолеты вспугивают скунсов, и он не стал смеяться, а даже посочувствовал и вспомнил, как в Техасе еще мальчишкой ставил на скунсов капканы. Я объяснил, что не промышляю ловлей скунсов, что я, можно сказать, живу с ними под одной крышей, что я к ним искренне привязан, но по ночам не сплю и слушаю, как они шныряют взад и вперед под хижиной, а когда слышу это, то чувствую, что я не одинок, что делю свой кров с другими тварями божьими.

Но тем не менее он не обещал, что реактивные самолеты больше не будут сновать над моим жильем, и тут-то я пригрозил обстрелять первый же самолет, который увижу у себя над головой. Тогда полковник вытащил из письменного стола какую-то книгу и прочитал мне вслух, что стрельба по воздушным кораблям — дело незаконное. И я ничуть не испугался.

И надо же такому случиться! Я сижу в засаде, мимо пролетает реактивный самолет, а я прохлаждаюсь с бутылкой.

Я перестал ругаться, как только вспомнил о бутылке, и тут же услышал бульканье. Она закатилась под крыльцо, я не сразу нашел ее и чуть с ума не сошел, услышав, как она булькает.

Я лег на живот, дотянулся до того места под ступеньками, куда закатилась бутылка, и наконец поднял ее, но она уже добулькалась досуха. Я швырнул ее во двор и, вконец расстроенный, опустился на ступеньки.

Тут из темноты вынырнул скунс, взобрался вверх по ступенькам и уселся рядом со мной. Я протянул руку, погладил его, и он в ответ замурлыкал. Я перестал горевать о бутылке.

— А ты, право, занятный зверь,— сказал я.— Что-то я не слыхал, чтобы скунсы мурлыкали.

Так мы посидели с ним, и я рассказал ему обо всех своих неприятностях с реактивными самолетами, как рассказывает

животным человек, когда ему не с кем поделиться, а порой и когда есть с кем.

Я его ни капельки не боялся и думал: как здорово, что наконец-то хоть один скунс со мной подружился. Интересно, теперь, когда лед, так сказать, сломан, может, какой-нибудь скунс переселится из подполья ко мне в комнату?

Затем я подумал: теперь будет о чем порассказать ребятам в кабачке. Но тут же понял, что, как бы я ни клялся и ни божился, никто не поверит ни единому моему слову. Вот я и решил прихватить с собой живое доказательство.

Я взял ласкового скунса на руки и сказал:

— Поехали. Надо показать тебя ребятам.

Я налетел на дерево и запутался в старой проволочной сетке, что валялась во дворе, но кое-как добрался до того места перед домом, где стояла моя старушка Бетси.

Бетси не была ни самой новой, ни самой лучшей машиной в мире, но зато отличалась верностью, о которой любой мужчина может только мечтать. Мы с ней многое пережили вместе и понимали друг друга с полуслова. У нас было что-то вроде сделки: я мыл ее и кормил, а она доставляла меня куда надо и всегда привозила обратно. Ни один разумный человек не станет требовать большего от автомобиля.

Я похлопал Бетси по крылу и поздоровался с ней, уложил скунса на переднее сиденье и залез в машину сам.

Бетси никак не хотела заводиться. Она предпочитала остаться дома. Однако я потолковал с ней по-хорошему, наговорил ей всяких ласковых слов, и наконец, дрожа и фыркая, она завелась.

Я включил сцепление и вывел ее на шоссе.

— Только не разгоняйся,— сказал я ей.— Где-то на этом перегоне автоинспекция ловит злостных нарушителей, так что у нас могут быть неприятности.

Бетси медленно и плавно довезла меня до кабачка, я оставил ее на стоянке, взял скунса под мышку и вошел в зал.

За стойкой работал Чарли, а в зале было полно народу — Джонни Эшленд, Скелет Паттерсон, Джек О'Нийл и еще с полдюжины других.

Я опустил скунса на стойку, и он сразу же двинулся к ребятам, как будто ему не терпелось с ними подружиться.

А они как его увидели, так сразу нырнули под табуреты и столы. Чарли схватил бутылку за горлышко и попятился в угол.

— Эйса,— заорал он,— сейчас же убери эту пакость!

— Да ты не волнуйся,— сказал я,— этот клиент не скандальный.

— Скандальный или не скандальный, проваливай отсюда с ним вместе!

— Убери его ко всем чертям! — хором подхватили посетители.

Я на них здорово разозлился. Подумать только, так лезть в бутылку из-за ласкового скунса!

Все же я смекнул, что их не переспоришь, подхватил скунса на руки и отнес к Бетси. Я нашел куль из рогожи, сделал скунсу подстилку и велел сидеть на месте, никуда не отлучаться — мол, скоро вернусь.

Задержался я дольше, чем рассчитывал, потому что пришлось рассказывать все подробности, а ребята задавали каверзные вопросы и сыпали шуточками, но никто не дал мне заплатить за выпивку — все подносили наперебой.

Выйдя оттуда, я не сразу увидел Бетси, а увидев, не сразу подошел — пришлось с трудом прокладывать к ней курс. Времени на это ушло порядком, но, поворачивая по ветру то на один галс, то на другой, я в конце концов подобрался к ней вплотную.

Я с трудом попал внутрь, потому что дверца открывалась не так, как обычно, а войдя, не мог отыскать ключ. Наконец я все-таки нашел его, но тут же уронил на пол, а когда нагнулся, то растянулся ничком на сиденье. Там было страшно удобно, и я решил, что вставать вовсе глупо. Переночую здесь, и дело с концом!

Пока я лежал, у Бетси завелся мотор. Ха! Бетси надулась и хочет вернуться домой самовольно. Вот какая у меня машина! Ну чем не жена?

Она дала задний ход, развернулась и направилась к шоссе. У самого шоссе остановилась, поглядела, нет ли там движения, и выехала на магистраль, направляясь прямехонько домой.

Я нисколько не тревожился. Знал, что могу положиться на Бетси. Мы с ней многое пережили вместе, и она была умницей, хотя прежде никогда не ходила домой самостоятельно.

Лежал я и удивлялся, как она раньше до этого не додумалась.

Нет на свете машины, которая ближе человеку, чем автомобиль. Человек начинает понимать свой автомобиль, а автомобиль приучается понимать человека, и со временем между ними возникает настоящая привязанность. Вот мне и показалось совершенно естественным, что настанет день, когда машине можно будет доверять точно так же, как лошади или собаке, и что хорошая машина должна быть такой же верной и преданной, как собака или лошадь.

Так я размышлял, и настроение у меня было отличное. Бетси тем временем свернула с шоссе на проселок.

Но только мы остановились у моей лачуги, как позади раздался визг тормозов: я услышал, как открылась дверца чужого автомобиля и кто-то выпрыгнул на гравий.

Я попытался встать, но чуть замешкался, и этот кто-то рывком открыл дверцу, просунул руку, сгреб меня за шиворот и выволок из машины.

На неизвестном была форма государственного дорожного инспектора, второй инспектор стоял чуть подальше, а рядом с ним торчал полицейский автомобиль с красной мигалкой. Я просто диву дался, как это не заметил, что они за нами гонятся, но тут же вспомнил, что всю дорогу лежал пластом.

— Кто вел машину? — рявкнул тот фараон, что держал меня за шиворот.

Не успел я рта раскрыть, как второй фараон заглянул в Бетси и проворно отскочил шагов на десять.

— Слейд! — взвыл он.— Там внутри скунс!

— Не хочешь ли ты сказать, что скунс сидел за рулем? — осведомился Слейд.

Второй возразил:

— Скунс по крайней мере трезв.

— Оставьте-ка скунса в покое,— сказал я им.— Это мой друг. Он никому не причинил зла.

Я шарахнулся в сторону, рука Слейда выпустила мой воротник, и я метнулся к Бетси. Я ударился грудью о сиденье, вцепился в руль и попытался втиснуться внутрь.

Внезапно взревев, Бетси сама завелась, из-под ее колес вылетел гравий и пулеметной очередью ударил в полицейский автомобиль. Бетси устремилась вперед и, пробив изгородь,

вырвалась на шоссе. Она со всего размаха врезалась в заросли сирени, я вывалился на ходу, а она понеслась дальше.

Я лежал, увязнув в кустах сирени, и следил, как Бетси выходит на большую дорогу. «Она старалась как могла,— утешал я сам себя.— Она пыталась выручить меня, и не ее вина, что я не усидел за рулем. А теперь ей надо сматываться. И у нее это, видно, неплохо выходит. А ревет-то как — словно внутри у нее двигатель от линкора».

Инспекторы вскочили в автомобиль и пустились в погоню, а я стал соображать, как бы выпутаться из сирени.

В конце концов я оттуда выбрался, подошел к парадному крыльцу хижины и уселся на ступеньках. Тут вспомнил про изгородь и решил, что чинить ее все равно не стоит — проще пустить на растопку.

За Бетси я не очень беспокоился. Я был уверен, что она не даст себя в обиду.

В этом-то я был прав, потому что немного погодя автоинспекторы вернулись и поставили свою машину на подъездной дорожке. Они заметили, что я сижу на ступеньках, и подошли ко мне.

— А где Бетси? — спросил я.

— Бетси? А фамилия? — ответил Слейд вопросом на вопрос.

— Бетси — это машина,— пояснил я.

Слейд выругался.

— Удрала. Идет с незажженными фарами, делает сто миль в час. Я не я, если она ни во что не врежется.

На это я только головой покачал:

— С Бетси ничего такого не случится. Она знает все дороги на пятьдесят миль в окружности.

Слейд решил, что я над ним просто насмехаюсь. Он схватил меня и, встряхнув для острастки, поднял на ноги.

— Ты за это ответишь.— Он толкнул меня к другому инспектору, а тот поймал меня на лету.— Кидай его на заднее сиденье, Эрни, и поехали.

Похоже было, что Эрни не так бесится, как Слейд. Он сказал:

— Сюда, папаша.

Вташив меня в машину, они больше не желали со мной знаться. Я ехал с Эрни на заднем сиденье, а Слейд сидел за рулем. Не проехали мы и мили, как я задремал.

Когда я проснулся, мы как раз въезжали на стоянку у полицейского управления. Я вылез из машины и хотел было пойти сам, но они подхватили меня с двух сторон и поволокли силком.

Мы вошли в помещение вроде кабинета, с письменным столом, стульями и скамьей. За столом сидел какой-то человек.

— Что там у вас? — спросил он.

— Будь я проклят, если сам знаю,— ответил Слейд, злой как черт.— Боюсь, вы нам не поверите, капитан.

Эрни подвел меня к стулу и усадил.

— Пойду принесу тебе кофе, папаша. Нам надо с тобой потолковать. Желательно, чтобы ты протрезвел.

Я подумал, что с его стороны это очень мило.

Я вволю напился кофе, в глазах прояснилось, и все кругом перестало плясать и двоиться — я имею в виду мебель. Хуже было, когда я принялся соображать. То, что прежде само собой разумелось, теперь показалось очень странным. Например, как это Бетси сама отправилась домой.

В конце концов меня подвели к столу, и капитан засыпал меня вопросами о том, кто я такой, когда родился и где проживаю, но постепенно мы подошли к тому, что было у них на уме.

Я не стал ничего скрывать. Рассказал о реактивных самолетах, о скунсах и своем разговоре с полковником. Рассказал о собаках, о ласковом скунсе и о том, как Бетси разобиделась и пошла домой самовольно.

— Скажите-ка лучше, мистер Бейлз,— спросил капитан,— вы не механик? Я знаю, вы говорили, что работаете поденно и перебиваетесь случайным заработком. Но я хочу выяснить, может, вы со своей машиной что-нибудь намудрили?

— Капитан,— ответил я честно,— да я не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ.

— Вы, значит, никогда не работали над своей Бетси?

— Просто ухаживал за ней на совесть.

— А кто-нибудь еще над ней работал?

— Да я бы к ней никого и на пушечный выстрел не подпустил.

— В таком случае, не можете ли вы объяснить, как это машина движется сама по себе?

— Нет, сэр. Но ведь Бетси умница.

— Вы точно помните, что не сидели за рулем?

— Конечно нет. Мне казалось нормальным, что Бетси сама везет меня домой.

Капитан в сердцах швырнул на стол карандаш:

— Сдаюсь!

Он встал из-за стола.

— Пойду сварю еще кофе,— сказал он Слейду.— Может быть, у вас лучше получится.

— Еще одно,— обратился Эрни к Слейду, когда капитан хлопнул дверью.— Этот скунс...

— При чем тут скунс?

— Скунсы не виляют хвостом,— заявил Эрни.— И не мурлыкают.

— Этот скунс проделывал и то и другое,— саркастически заметил Слейд.— Это был особенный скунс. Не скунс, а диво — хвост колечком. Кстати, скунс действительно ни при чем. Его только прокатили.

— Не найдется ли у вас рюмашечки, а? — спросил я. Мне было здорово не по себе.

— Конечно,— ответил Эрни.— Он подошел к шкафчику в углу и вынул оттуда бутылку.

Через окно я увидел, как восток начал светлеть. Скоро рассвет.

Зазвонил телефон. Слейд снял трубку.

Эрни подал мне знак, и я подошел к нему, вернее к шкафчику. Эрни вручил мне бутылку.

— Только не увлекайся, папаша,— посоветовал он.— Ты ведь не хочешь снова перебрать, правда?

Я и не увлекался. Высосал стакана полтора, и все.

Слейд заорал:

— Эй!

— Что случилось? — спросил Эрни. Он отнял у меня бутылку — не то чтобы силой, но вроде этого.

— Какой-то фермер обнаружил машину,— сказал Слейд.— Она обстреляла его собаку.

— Она... что собаку? — с запинкой переспросил Эрни.

— Так утверждает этот малый. Он выгнал коров. Было раннее утро. Он собирался на рыбалку и хотел заблаговре-

менно сделать кое-что по хозяйству. В конце узкого тупичка, между тремя изгородями, он увидел машину и решил, что ее здесь бросили.

— А что там насчет стрельбы?

— Вот слушай. Собака подбежала к машине и облаяла ее. И вдруг из машины вырвалась большая искра. Пса сбило с ног. Он встал и давай удирать. Машина пустила вдогонку ему вторую искру. Угодила псу прямо в ногу. Этот малый говорит, что у пса вскочили волдыри.

Слейд взял курс на дверь.

— Ну, вы там, поторапливайтесь!

— Ты нам, может, понадобишься, папаша,— сказал Эрни.

Мы выбежали на улицу и прыгнули в машину.

— Где находится эта ферма? — спросил Эрни.

— Западнее воздушной базы,— ответил Слейд.

Фермер поджидал нас на лавочке у ворот скотного двора. Когда Слейд затормозил, он вскочил на ноги.

— Машина еще там,— доложил он.— Я с нее глаз не спускаю. Оттуда никто не выходил.

— А она не может оттуда выбраться другим путем?

— Никак. Кругом леса и поля. Это тупик.

Слейд удовлетворенно хмыкнул. Он отвел полицейскую машину к началу проулка и развернул ее, надежно перегородив проезд.

— Отсюда дойдем на своих двоих,— заявил он.

— Сразу за тем вон поворотом,— показал фермер.

Мы зашли за поворот и увидели, что там стоит Бетси.

— Это моя машина,— сказал я.

— Давайте рассредоточимся,— предложил Слейд.— С нее станется и нас обстрелять.

Он расстегнул кобуру пистолета.

— Не вздумайте палить по моей машине,— предупредил я, но он и бровью не повел.

Мы все четверо рассредоточились и стали подкрадываться к Бетси. Чудно было, что мы ведем себя, будто она нам враг и надо захватить ее врасплох.

Вид у нее был такой же, как всегда,— обыкновенная развалюшка дешевой марки, но очень умная и очень преданная. И я все вспомнил: куда она только меня не возила, а ведь всегда привозила домой.

И вдруг она нас атаковала. Стояла-то она носом к тупику, и ей пришлось дать задний ход, но это не помешало ей напасть на нас.

Она слегка подпрыгнула и покатила к нам полным ходом, с каждой секундой все увеличивая скорость, и я увидел, что Слейд выхватил пистолет.

Я выскочил на середину проулка и замахал руками. Не доверял я этому Слейду. Я боялся, что если Бетси не подчинится, он изрешетит ее пулями.

А Бетси и не собиралась останавливаться. Она надвигалась на нас, и притом гораздо быстрее, чем положено такой старой колымаге.

— С дороги, кретин! — завопил Эрни.— Она тебя сшибет!

Я отскочил в сторону, но при этом не больно старался. Я подумал: «Если уж до того дошло, что Бетси хочет сшибить меня, то стоит ли тогда жить на свете?»

Я споткнулся и растянулся ничком, но, падая, заметил, что Бетси оторвалась от земли, точно собиралась через меня перепрыгнуть. И сразу смекнул, что уж мне-то ничего не угрожает — у Бетси и в мыслях не было наехать на меня.

А Бетси поплыла прямиком в небо; колеса у нее все еще крутились, будто она взбиралась задним ходом на невидимый крутой холм.

Я перевернулся на спину, сел и давай глядеть на нее, а поглядеть было на что, это уж мне поверьте. Она летела точь-в-точь как самолет. Я просто черт знает как гордился ею.

Слейд стоял разинув рот, опустив руку с пистолетом. Ему и в голову не пришло стрелять. Скорее всего, он вообще забыл, что у него есть пистолет.

Бетси взмыла над верхушками деревьев и вся засияла, засверкала под солнцем — двух недель не прошло с тех пор, как я ее драил,— и я подумал, до чего же это здорово, что она научилась летать.

Тут я увидел реактивный самолет и хотел крикнуть Бетси, чтобы побереглась, но во рту у меня пересохло, будто туда квасцов насыпали,— я онемел.

Наверное, все это длилось с секунду, но мне казалось, будто они летят уже целую вечность,— в небе повисла Бетси и повис самолет, и я знал, что катастрофы не миновать.

Потом по всему небу разлетелись куски металла, а реактивный самолет задымился и пошел на посадку влево, в сторону кукурузного поля.

Я сидел посреди дороги — руки-ноги стали прямо ватные — и глаз не сводил с кусков, которые еще недавно были моей Бетси. У меня на душе кошки скребли. Сердце кровью обливалось от такого зрелища.

Обломки машины с грохотом падали на землю, но один кусок спускался не так стремительно, как остальные. Он как бы планировал.

Я все следил за ним и недоумевал, с чего это он планирует, когда остальные куски давно упали, и вдруг заметил, что это крыло машины и что оно болтается вверх-вниз, словно тоже хочет упасть, но кто-то ему мешает.

Крыло спланировало на землю у опушки леса. Оно легко опустилось, покачалось и осело набок. А когда оно оседало, из него что-то выскочило. Это «что-то» встряхнулось и вприпрыжку умчалось в лес.

Ласковый скунс!

К этому времени все метались как угорелые. Эрни бежал к фермерскому дому — звонить на воздушную базу насчет самолета, а Слейд с фермером мчались на кукурузное поле, где самолет пропахал в кукурузе такую межу, что там прошел бы и танковый дивизион.

Я встал и подошел к тому месту, где, как я приметил, упали куски. Кое-что я нашел — фару (даже стекло на ней не разбилось), искореженное и перекрученное колесо, металлическую решетку с радиатора. Я понимал, что все это без толку. Никто уж никогда не соберет Бетси заново.

И вот стоял я с куском хромированного металла в руке и думал о том, как славно мы с Бетси, бывало, проводили время,— как она меня возила в кабачок и терпеливо дожидалась, когда мне захочется домой, и как мы уезжали на рыбалку и вдвоем съедали там походный ужин, и как осенью подавались к северу охотиться на оленей.

Пока я там стоял, с кукурузного поля вернулись Слейд и фермер, а между ними плелся летчик. У него был очумелый вид, ноги подгибались, и он просто висел на своих спутниках. Глаза у него остекленели, язык заплетался.

Дойдя до проулка, они перестали поддерживать летчика, и тот тяжело опустился наземь.

— Какого черта,— только и спросил он,— неужто стали выпускать летающие автомобили?

Никто ему не ответил. Зато Слейд накинулся на меня:

— Эй, папаша! Оставь в покое обломки! Не смей к ним прикасаться!

— У меня есть полное право к ним прикасаться,— возразил я.— Это моя машина.

— Ничего не трогай! Здесь что-то нечисто. Эта рухлядь, возможно, покажет, в чем дело, если к ней никто не сунется раньше времени.

Бросил я решетку от радиатора и вернулся в проулок.

Мы все четверо расселись рядком и стали ждать. Летчик, видимо, пришел в себя. Ему рассекло кожу над лбом, и на лице запеклась кровь, но в общем-то он был целехонек. Даже попросил сигарету, и Слейд дал ему закурить и поднес огонек.

Мы услышали, как в начале проулка Эрни задним ходом вывел полицейскую машину из тупичка. Вскорости он подошел к нам.

— Сейчас будут.

Он сел рядом с нами. О том, что произошло, мы и словом не обмолвились. По-моему, все боялись об этом говорить.

Не прошло и четверти часа, как нагрянула вся воздушная база. Сначала появилась санитарная машина; туда погрузили летчика, и она отъехала, вздымая клубы пыли.

Вслед за санитарной машиной подъехали пожарные, за ними — джип с самим полковником. За полковником потянулись другие джипы — и три-четыре грузовика, и все машины были битком набиты солдатами. Мы и глазом моргнуть не успели, как они наводнили всю округу.

Полковник сразу побагровел — видимо, расстроился. Оно и понятно. Где это видано, чтобы самолет в воздухе налетал на автомобиль?

Громко топая, полковник подошел к Слейду и наорал на него, а Слейд в ответ тоже заорал, и я удивился, с чего это они так взъелись друг на дружку, но оказалось — ничего подобного. Просто такие уж у них голоса, когда они волновались.

Кругом все бегали и суетились и тоже орали, но это продолжалось недолго. Прежде чем полковник и Слейд перестали шуметь, набежало полным-полно солдат и инициатива перешла к военно-воздушным силам.

Окончив разговор со Слейдом, полковник подошел ко мне.

— Итак, машина была ваша,— сказал он таким голосом, будто я во всем виноват.

— Да, моя, и я стребую с вас убытки по суду. Машина была первый сорт.

Полковник вперился в меня так, словно хотел убить на месте, и вдруг узнал.

— Постойте-ка,— сказал он.— Это не вы у меня на днях были?

— Точно. Я еще рассказывал вам о своих скунсах. Один из них как раз сидел сейчас в старушке Бетси.

— Валяйте дальше, приятель,— сказал полковник.— До меня что-то туго доходит. Только не травите.

— Старушка Бетси — это машина,— объяснил я,— и в ней сидел скунс. Когда в нее врезался ваш самолет, скунс приземлился на крыле от машины.

— Вы хотите сказать, что скунс... крыло... что...

— Он вроде бы спланировал,— докончил я.

— Капрал,— обратился полковник к Слейду,— что там у него на счету?

— Да только езда в пьяном виде,— ответил Слейд.— Пустяки.

— Я хотел бы взять его с собой на базу.

— Буду вам очень признателен,— неуверенным голосом ответил Слейд.

— В таком случае пошли,— сказал полковник, и я проследовал за ним к джипу.

Мы расположились на заднем сиденье, а машину вел солдат — шпарил как на пожар. Мы с полковником особенно не разговаривали. Мы только зубы стискивали и надеялись, что доберемся живыми. Так, по крайней мере, было со мной.

Там, на базе, полковник сел за свой письменный стол, знаком приказал мне занять кресло. Потом откинулся на спинку стула и давай меня изучать. Счастье, что ничего плохого я не сделал, иначе под его взглядом я бы, пожалуй, не выдержал и раскололся.

— Вы тут много чего наговорили,— начал полковник.— Устраивайтесь поудобнее и расскажите все с самого начала, не пропуская ни единой мелочи.

Я стал рассказывать все как есть и пустился во всякие подробности, чтобы втолковать ему мою точку зрения, а он ничего, не перебивал, только сидел и слушал. Ни разу еще мне не попадался такой хороший слушатель.

Когда я выложил все до конца, он нашарил на столе блокнот и карандаш.

— Давайте-ка зафиксируем основные выводы,— сказал он.— Вы утверждаете, что раньше машина никогда не совершала самовольных действий?

— Насколько я знаю, не совершала,— ответил я как на духу.— Но, конечно, она могла тренироваться в мое отсутствие.

— И никогда до сих пор не летала?

Я покачал головой.

— А когда она стала проделывать и то и другое, в ней находился ваш скунс?

— Совершенно верно.

— И вы утверждаете, что после катастрофы скунс спланировал, сидя на крыле машины?

— Крыло перевернулось, а скунс убежал в лес.

— Вам не кажется странным, что крыло планировало, тогда как остальные обломки просто грохнулись оземь?

Я согласился, что это и вправду чудно.

— Теперь о скунсе. Вы утверждаете, что он мурлыкал.

— Еще как! *Любо-дорого было слушать!*

— И вилял хвостом?

— Прямо как собака.

Полковник отодвинул блокнот и откинулся на спинку стула. Он сложил руки на груди, точно обнял себя за плечи.

— По личному опыту, накопленному в детстве при ловле скунсов в капканы, могу сообщить вам, что скунсы не мурлыкают и *никогда не виляют хвостом.*

— Я знаю, что у вас на уме,— объявил я, озлившись,— но не так уж я был пьян. Я сделал глоток-другой, чтобы скоротать время, покуда появится самолет. Но видел скунса своими глазами, знаю, что это был именно скунс, и помню, как он мурлыкал. Ласковый был, будто я ему понравился, и он...

— Ну ладно,— сказал полковник.— Ладно.

Сидели мы и смотрели друг на друга. Ни с того ни с сего он ухмыльнулся.

— А знаете,— сказал он,— я вдруг понял, что мне нужен адъютант.

— Желающих нет,— сказал я упрямо.— Вы меня на четверть мили не подтащите к реактивному самолету. Хоть вяжите по рукам и ногам.

— Вольнонаемный адъютант. Триста долларов в месяц и полное обеспечение.

— Всю жизнь мечтал толкаться среди военных.

— И выпивки сколько влезет.

— Где надо расписаться? — спросил я.

Вот так-то я и стал адъютантом полковника.

Я подумал, что у него шарики за ролики заехали, и сейчас так думаю. Для него все сложилось бы куда лучше, если бы он тогда же подал в отставку. Но он носился со своей идеей и был из числа тех азартных дураков, что играют ва-банк.

Мы с ним уживались как нельзя лучше, но временами кое в чем расходились. Началось все с дурацкого требования, чтобы я не отлучался с базы. Я устроил скандал, но полковник уперся.

— Ты выйдешь за ворота, распустишь слюни и начнешь трепаться,— твердил он.— А мне надо, чтобы ты прикусил язык и держал его за зубами. Как по-твоему, для чего я тебя взял на службу?

Жилось мне не так уж плохо. Забот и в помине не было. Просто пальцем не шевелил — никакой работы с меня никто не спрашивал. Жратва была сносная, комнату с постелью мне дали, и полковник сдержал слово насчет выпивки.

Несколько суток я полковника вовсе не видел. В один прекрасный день забежал к нему поздороваться. Только я на порог, как входит сержант с пачкой бумаг в руке. И будто сам не свой.

— Вот рапорт о том автомобиле, сэр,— доложил он.

Полковник взял бумаги и перевернул несколько листов.

— Сержант, я ничего не понимаю.

— И я тоже, сэр.

— Ну вот это, например, что? — спросил полковник и ткнул пальцем.

— Вычислительное устройство, сэр.

— В автомобилях не бывает вычислительных устройств.

— Вот именно, сэр, то же и я говорю. Но мы нашли место, где оно было укреплено на моторе.

— Укреплено? Приварено?

— Ну, не совсем приварено. Оно вроде бы стало частью мотора. Как будто бы их отлили вместе. Там не было никаких следов сварки.

— А вы уверены, что это вычислительное устройство?

— Так утверждает Коннели, сэр. Он на вычислительных машинах собаку съел. Однако таких он еще не видывал. Он говорит, что это устройство работает по совершенно иному принципу. И полагает, что он очень толковый. Принцип этот. Он говорит...

— Продолжайте! — гаркнул полковник.

— Он говорит, что по мощности это устройство в тысячу раз превосходит лучшие наши вычислительные машины. Он говорит, будто, даже не обладая буйной фантазией, можно назвать это устройство разумным.

— Что вы понимаете под словом «разумный»?

— Вот Коннели уверяет, что такая штука, возможно, умеет самостоятельно мыслить.

— О господи! — только и выговорил полковник.

Он посидел с минуту, словно о чем-то задумался. Потом перевернул страницу и ткнул в другое место.

— А это другой блок, сэр,— сказал сержант.— Чертеж блока. Что за блок — неизвестно.

— Неизвестно!

— Мы никогда ничего подобного не видели, сэр. Мы понятия не имеем, какое у него назначение. Он был связан с трансмиссией, сэр.

— А это?

— Результаты технического анализа бензина. С бензином что-то странное, сэр. Мы нашли бак, весь искореженный и на себя не похожий, но там еще оставался бензин. Он не...

— С какой стати вам вздумалось делать анализ?

— Да ведь это не бензин, сэр. Это что-то другое. Раньше был бензин, но он изменился, сэр.

— У вас все, сержант?

Сержанту, как я видел, становилось жарко.

— Нет, сэр, есть еще кое-что. В рапорте все изложено, сэр. Нам удалось найти большую часть обломков, сэр. Отсутствует лишь несколько мелких деталей. В настоящее время мы работаем над сборкой.

— Сборкой...

— Может, вернее назвать это склейкой, сэр...

— Машина не будет ходить?

— Навряд ли, сэр. Ее здорово покалечило. Но если бы ее удалось собрать целиком, это был бы лучший автомобиль в мире. Судя до спидометру, машина прошла восемьдесят тысяч миль, но состояние такое, будто она только вчера с завода. К тому же она сделана из таких сплавов, что мы просто диву даемся.

Сержант помолчал.

— Осмелюсь доложить, сэр, тут дело нечисто.

— Да, да,— сказал полковник.— Вы свободны, сержант. Еще как нечисто!

Сержант повернулся кругом.

— Минуточку,— окликнул его полковник.

— Есть, сэр.

— Мне очень жаль, сержант, но вам и всему подразделению, прикомандированному к машине, не разрешается покидать территорию базы. Я не могу допустить утечки информации. Сообщите своим людям.

— Есть, сэр,— сказал сержант и вежливо козырнул, но вид у него был такой, словно он сейчас полковнику глотку перережет.

Когда сержант вышел, полковник сказал мне:

— Эйса, если ты что-то знаешь и молчишь, а потом это выплывет наружу и я окажусь в дураках, то я сверну твою тощую шею.

— Чтоб мне провалиться,— сказал я.

Он как-то чудно́ на меня посмотрел.

— Тебе известно, что это за скунс?

Я покачал головой.

— Это вовсе не скунс,— сказал он.— И мы обязаны выяснить, кто же это.

— Но ведь его здесь нет. Он убежал в лес.

— Его можно поймать.

— Это мы-то вдвоем?

— Зачем вдвоем? На базе две тысячи солдат.

— Но...

— Ты думаешь, им не очень-то по вкусу ловить скунса?

— Примерно так. Может, они и пойдут в лес, но сделают все, чтобы не найти скунса, ни за что не станут ловить.

— Станут как миленькие, если пообещать вознаграждение. Пять тысяч долларов.

Я посмотрел на него так, словно он окончательно спятил.

— Поверь,— сказал полковник,— он того стоит. Всех этих денег, до последнего цента.

Я же говорю, свихнулся человек.

В облаву на скунса я не пошел. Я знал, как мало шансов найти его. К этому времени он мог выбраться за пределы штата или залезть в такую нору, где его и днем с огнем не сыщешь.

Да и ни к чему мне были пять тысяч долларов. Я получал хороший оклад и пил вволю.

На другой день я зашел к полковнику покалякать. У него был крупный разговор с военным врачом.

— Вы обязаны отменить приказ! — разорялся костоправ.

— Не могу я его отменить! — орал полковник.— Мне необходимо это животное!

— Вы когда-нибудь видели, чтобы скунсов ловили голыми руками?

— Нет, никогда.

— У меня уже одиннадцать штук,— сказал костоправ.— Больше я не потерплю.

— Капитан,— ответил полковник,— прежде чем все это кончится, у вас будет гораздо больше одиннадцати скунсов.

— Значит, вы не отмените приказ, сэр?

— Нет.

— В таком случае я сам прекращу это безобразие!

— Капитан! — свирепо произнес полковник.

— Вы невменяемы,— заявил костоправ.— Никакой военный трибунал...

— Капитан!

Но капитан ничего не ответил. Он повернулся кругом и вышел.

Полковник взглянул на меня.

— Иной раз приходится тяжко,— сказал он.

Я понял, что надо срочно найти этого скунса, иначе полковника смешают с грязью.

— А все-таки я в толк не возьму,— сказал я,— на кой черт вам сдался этот зверь. Обыкновенный скунс, разве что мурлыкать умеет.

Полковник уселся за стол и стиснул голову руками.

— О господи! — простонал он.— До чего же тупы люди!

— Это-то да,— не отставал я,— но все-таки непонятно.

— Сам посуди,— сказал полковник.— Кто-то копался в твоей машине. Ты утверждаешь, что это не твоя работа. Ты утверждаешь, что не подпустил бы к машине никого другого. Ребята, которые исследовали обломки, заявляют, что в машине есть такие премудрые устройства, до каких у нас еще никто не додумался.

— Если вы думаете, что этот скунс...

Полковник трахнул кулаком по столу.

— Да какой там скунс! Нечто похожее на скунса! Нечто смыслящее в машинах побольше твоего, моего, да и вообще больше, чем будет когда-нибудь смыслить человек!

— Но у него и рук-то нет. Как, по-вашему, мог он сотворить то, что вы думаете?

Но он не успел мне ответить.

С треском распахнулась дверь, и ввалились двое солдат из караулки. Им было не до того, чтобы приветствовать полковника по всей форме.

— Господин полковник,— сказал один из них, переводя дух.— Господин полковник, нашли. Даже не пришлось его ловить. Мы свистнули, и он пошел за нами следом.

За ними, виляя хвостом и мурлыча, вошел скунс. Он сразу подбежал ко мне и стал тереться о мои ноги. Когда я наклонился и взял его на руки, он замурлыкал так громко, что я побоялся, не взорвется ли.

— Он самый? — спросил меня полковник.

— Он и есть,— подтвердил я.

Полковник схватил телефонную трубку.

— Соедините меня с Вашингтоном! Пентагон? Мне нужен генерал Сандерс.

И махнул нам рукой:

— Вон отсюда!

— Но, господин полковник, вознаграждение.

— Полу́чите! А теперь убирайтесь!

Вид у него был как у человека, которому только сейчас объявили, что его не расстреляют на рассвете.

Мы повернулись через правое плечо и вышли из кабинета.

У двери с винтовками в руках топтались четыре субъекта устрашающего типа, типичные техасские гангстеры.

— Ты на нас не обращай внимания, друг,— сказал мне один из них.— Мы всего-навсего твои телохранители.

Это и вправду были мои телохранители. Ни на шаг от меня не отставали — куда я, туда и они. И с нами ходил скунс. Поэтому они ко мне и прилипли. Я-то им был до лампочки. Это скунса надо было охранять.

А скунс привязался ко мне — клещами не оторвешь. Он шел за мной по пятам и шмыгал у меня между ботинками, но по большей части ему хотелось, чтобы я таскал его на руках или сажал себе на плечо. И он все время мурлыкал. То ли смекнул, что я ему настоящий друг, то ли считал меня простофилей.

Жить стало трудновато. Скунс спал вместе со мной, и в моей комнате ночевали четыре охранника. В отхожее место я шел вместе со скунсом и одним охранником, а остальные трое околачивались поблизости. Я ни на миг не оставался один. Я говорил, что это непорядочно. Я говорил, что это неконституционно. Ничего не помогало. Деться было некуда. Охранников было двенадцать штук, и работали они в три смены, по восемь часов каждая.

Несколько дней я не видел полковника и подумал, что это странно: раньше он себе места не мог найти, пока не заполучит скунса, а теперь ему до скунса и дела нет.

А я тем временем пораскинул умом насчет того, что говорил полковник о скунсе: будто это и не скунс вовсе, а существо, по виду схожее со скунсом, и будто оно знает о чем-то побольше нашего. И чем дольше я об этом думал, тем больше верил в то, что полковник, пожалуй, прав. Но все-таки казалось невероятным, чтобы какая-то безрукая тварь разбиралась в машинах, не говоря уже о том, чтобы мудрить с ними.

Тут я вспомнил, как мы с Бетси всегда понимали друг друга, и, более того, представил себе, что человек и машина сближаются настолько, что могут друг с другом беседовать, и тогда

человек, даже безрукий, может помочь машине улучшиться. И хоть, когда говоришь это вслух, получается что-то вроде нелепицы, но в глубине души мне казалось, что так и должно быть, и как-то тепло становилось при мысли о том, что человек и машина могут стать закадычными друзьями.

Если на то пошло, не такая уж это нелепость.

Быть может, говорил я себе, когда я зашел в кабачок и оставил скунса в машине, то скунс оглядел ее и пожалел эту старую колымагу, как мы с вами пожалели бы бездомную кошку или больную собаку. И может быть, скунс тут же, на месте, решил починить ее как умеет; с него сталось бы и металлом разжиться где-нибудь, где не скоро хватятся, чтобы смастерить вычислитель и все эти хитроумные штучки.

Кто его знает, может, до него не доходило, хоть тресни, как это их не было в машине с самого начала. Может, он считал, что машина без этих штучек вообще не машина. А скорее всего, подумал, что Бетси неисправна.

Охранники прозвали скунса Вонючкой, и это были враки, потому что от него ничуть не пахло — редко я встречал таких спокойных и воспитанных зверей. Я сказал охранникам, что это несправедливо, но они только ржали надо мной, и вскорости об этой кличке прознала вся база, и куда бы мы ни шли, отовсюду нам кричали: «Эй, Вонючка!» Скунс, как видно, ничего не имел против, и я тоже в мыслях стал звать его Вонючкой.

Так я додумался, что Вонючка мог починить Бетси и зачем он ее чинил. Но одного я никак не уразумел — откуда он вообще взялся? Думал я, думал, но так ничего и не надумал, кроме каких-то глупостей, и даже сам решил, что это уж слишком.

Разок-другой я заходил к полковнику, но сержанты и лейтенанты гнали меня в три шеи, и мы с ним так и не повидались. Я обиделся и решил туда больше не соваться, пока он меня не позовет.

В один прекрасный день он меня позвал. Прихожу я и вижу: у него в кабинете полным-полно важных шишек. Полковник как раз переговаривался с каким-то старым, седым, свирепым старикашкой, у него были нос крючком, зубастая пасть и звезды на погонах.

— Генерал,— обратился к старикашке полковник,— разрешите представить вам ближайшего друга Вонючки.

Генерал подал мне руку. Вонючка помурлыкал ему, сидя на моем плече.

Генерал хорошенько вгляделся в Вонючку.

— Полковник,— сказал он,— от души надеюсь, что вы не заблуждаетесь. В противном случае, если когда-нибудь дойдет до огласки, военно-воздушные силы погибли. Армия и флот будут потешаться над нами еще десятки лет, да и конгресс нам никогда не простит такого розыгрыша.

Полковник судорожно глотнул:

— Уверяю вас, сэр, я не заблуждаюсь.

— Не знаю, как это я дал себя уговорить,— разворчался генерал.— Более сумасбродный план и представить себе невозможно.

Он еще раз поглядел на Вонючку.

— По-моему, скунс как скунс,— заметил генерал.

Полковник представил меня группе других полковников и куче майоров, а с капитанами, если они там вообще были, возиться не стал, и все жали мне руку, а Вонючка мурлыкал — получалось очень уютно.

Один из полковников подхватил Вонючку на руки, но тот стал отчаянно брыкаться и все рвался ко мне.

Генерал сказал:

— Кажется, он предпочитает именно ваше общество.

— Он мой друг,— объяснил я.

После ленча полковник с генералом зашли за мной и Вонючкой, и все мы отправились в ангар. Там навели порядок, и в ангаре стоял только один самолет, из новейших реактивных. Нас поджидала целая толпа — были и военные, но больше всего спецы в гражданской одежде или в грубых бумажных комбинезонах. Некоторые держали в руках инструменты — так я считаю,— хотя я эдаких диковин сроду не видывал. И всюду были понаставлены какие-то аппараты.

— А теперь, Эйса,— сказал полковник,— сядь в этот реактивный самолет вместе с Вонючкой.

— А чего там делать? — спросил я.

— Да просто посиди. Но только ничего не трогай. Иначе ты нам все испортишь.

Мне показалось, что тут дело нечисто, и я заколебался.

— Не бойтесь,— успокоил меня генерал.— Вам ничего не грозит. Входите смелей и усаживайтесь.

Так я и сделал, и получилось вовсе глупо. Я вскарабкался туда, где полагается сидеть пилоту, и уселся в его кресло: ну и местечко! Повсюду торчала всякая чертовщина, какие-то приборы и невиданные штучки. Я не смел шелохнуться, до того боялся их задеть,— бог его знает, что бы могло стрястись.

Вошел я, значит, уселся и некоторое время развлекался тем, что глазел на все эти диковины и гадал, для чего они служат, но почти ни разу не угадал.

В конце концов я осмотрел все в сотый раз и стал ломать себе голову, чем бы еще заняться, а делать было нечего, скучища смертная. Но тут я вспомнил, сколько денег заколачиваю, сколько даровой выпивки получаю, и подумал, что ради всего этого можно просидеть любое кресло.

А Вонючка вообще не обратил ни на что внимания. Он пристроился у меня на коленях и заснул — так мне, во всяком случае, казалось. Он-то себя не утруждал, это уж точно. Лишь время от времени приоткрывал один глаз и поводил ухом, только и всего.

Поначалу я об этом не думал, но когда посидел там час или около того, до меня вдруг дошло, зачем они затащили нас с Вонючкой в самолет. Они надеются, подумал я, что если посадят в самолет Вонючку, он и этот самолет пожалеет и проделает с ним такую же штуку, как с Бетси. Но если они так полагают, то наверняка останутся в дураках: ведь Вонючка решительно ничего не стал делать, только свернулся клубочком и заснул.

Мы просидели несколько часов, а потом нам сказали, что можно вылезать.

Тут-то и закрутилась операция «Вонючка». Так они называли всю эту бодягу. Просто умора, каких только названий не выдумает военная авиация!

Это тянулось несколько дней. Утром мы с Вонючкой вставали, несколько часов сидели в самолете, делали перерыв на обед и возвращались еще на несколько часов. Вонючка как будто не возражал. Ему было все равно, где сидеть. Он только и делал, что сворачивался клубочком у меня на коленях и через пять минут уже дремал.

Насколько я мог судить, дело не двигалось ни на шаг, но с каждым днем генерал, полковник и спецы, что наводняли ангар, распалялись все больше и больше. Видно было, что им до смерти охота почесать языки, но они сдерживались.

Очевидно, работа не кончалась и после того, как мы с Вонючкой уходили. Каждый вечер в ангаре горел свет, спецы вкалывали вовсю, а вокруг них охраны было видимо-невидимо.

В один прекрасный день тот реактивный самолет, в котором мы сидели, выкатили из ангара, вместо него поставили другой, и все повторилось снова-здорово. Опять ничего не произошло. Однако атмосфера в этом ангаре до того накалилась, что, казалось, все вот-вот вспыхнет.

Ума не приложу, что там творилось.

Постепенно это состояние напряженности передалось всей базе, и началось что-то совершенно невероятное. Вам и во сне не снилась воинская часть, которая бы так проворно пошевеливалась. Приехала бригада строителей и давай строить новые корпуса, а как только они были готовы, там разместили какие-то машины. Приезжали все новые и новые люди, и очень скоро база превратилась в растревоженный муравейник.

Однажды я вышел погулять (а охранники тащились рядом) и увидел такое, что аж глаза выпучил. Всю базу обносили четырехметровым забором, увенчанным колючей проволокой. А по эту сторону забора было столько охранников, что они чуть не наступали друг другу на пятки.

Вернулся я с прогулки перепуганный, потому что, судя по всему, меня силком втянули в какое-то чересчур сложное и темное дело.

До сих пор я полагал, что речь идет только о полковнике, который слишком выслуживался перед начальством и теперь никак это не расхлебает. Все время я очень жалел полковника: ведь генерал, судя по его роже, был из тех типов, что позволяют водить себя за нос лишь до поры до времени, а потом раз — и к ногтю.

Примерно в то же время посреди одной из взлетных полос стали рыть огромный котлован. Как-то раз я подошел взглянуть на него и только диву дался. Была хорошая, ровная взлетная полоса, стоила больших денег, а теперь в ней роют яму — не иначе как хотят сделать бассейн для плавания. Я порасспро-

сил кое-кого, но люди, к которым я обращался, то ли сами ничего не знали, то ли знали, да помалкивали.

А мы с Вонючкой все сидели в самолетах. Теперь это был шестой по счету. Но ничего не менялось. Я сидел и скучал до одури, а Вонючка не унывал.

Как-то вечером полковник передал через сержанта, что хочет меня видеть.

Я вошел, сел и посадил Вонючку на письменный стол. Он разлегся на полированной крышке и стал переводить глаза с меня на полковника.

— Эйса,— сказал полковник,— по-моему, все идет хорошо.

— Вы хотите сказать, что добились своего?

— Мы добились неоспоримого преимущества в воздухе. Теперь мы опередили остальные страны на добрый десяток лет, если не на все сто,— в зависимости от того, насколько нам удастся все освоить. Теперь нас никому не догнать.

— Но ведь Вонючка только и делал, что спал!

— Он только и делал,— сказал полковник,— что реконструировал каждый самолет. В ряде случаев он применял совершенно непонятные принципы, но голову даю на отсечение, немного погодя мы их поймем. А в других случаях изменения были так просты и так очевидны, что просто удивительно, как это мы сами до них не додумались.

— Полковник, а кто такой Вонючка?

— Не знаю,— ответил он.

— Вы же что-то подозреваете.

— Безусловно. Но это только подозрение, не более. Мне страшно даже подумать об этом.

— Меня не так-то легко застращать.

— Ну что ж, в таком случае... Вонючка не похож ни на что земное. Мне кажется, он с другой планеты, а может быть, даже из другой звездной системы. По-моему, он совершил к нам космический перелет. Как и зачем, не имею представления. Возможно, звездолет потерпел аварию, а Вонючка сел в спасательную ракету и прилетел на Землю.

— Но если у него была ракета...

— Мы прочесали каждый квадратный метр на много миль в окружности.

— И ничего не нашли?

— Ничего,— сказал полковник.

Переварить такую идею было трудновато, но я с этим справился. Затем я подумал о другом.

— Полковник,— сказал я,— по вашим словам, Вонючка починил самолеты, и они стали даже лучше новых. Как же он мог это сделать, если у него нет рук и он только спал и ни до чего ни разу не дотронулся?

— А как по-твоему? — спросил полковник.— Я выслушал уйму догадок. Из них только одна не совсем лишена смысла, да и то с натяжкой: это телекинез.

Ну и словечко!

— А что это значит, полковник?

Этим словечком я собрался ошарашить ребят в кабачке, если когда-нибудь попаду туда снова, и я хотел употребить его кстати.

— Передвижение предметов усилием воли,— объяснил полковник.

— Да ведь он ничего не передвигал,— возразил я.— Все новые устройства в Бетси и в самолетах взялись прямо изнутри, никто ничего не вставлял.

— При телекинезе и это возможно.

Я задумчиво покачал головой:

— А мне все иначе мыслится.

— Валяй,— вздохнул полковник.— Послушаем и твою теорию. Не понимаю, с какой стати ты должен быть исключением.

— По-моему, у Вонючки, если можно так выразиться, легкая рука на машины,— сказал я.— Знаете, как у некоторых людей бывает легкая рука на растения, а вот у него...

Полковник одарил меня долгим жестким взглядом из-под нахмуренных бровей, потом медленно склонил голову.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду. Новые узлы и детали никто не вставлял и не переставлял. Они наросли.

— Что-то в этом роде. Может быть, он умеет оживлять машины и все улучшает их, отращивая детали, чтобы машины стали счастливее и повысили свой ка-пэ-дэ.

— В твоем изложении это звучит глупо,— проворчал полковник,— но вообще-то здесь намного больше смысла, чем во всех прочих рассуждениях. Человек работает с машинами — я говорю о настоящих машинах — всего лишь лет сто, от силы две-

сти. Если поработать с ними десять тысяч или миллион лет, это покажется не таким уж глупым.

Мы долго молчали, уже наступили сумерки, а мы оба все думали, и, наверное, об одном и том же. Думали о черной бездне, лежащей за пределами Земли, и о том, как Вонючка пересекал эту бездну. Пытались представить себе, из какого мира он прибыл, почему расстался со своим миром и что случилось в черной бездне, что вынудило его искать убежища на Земле.

И оба, наверное, думали о том, какая ирония судьбы занесла его на планету, где он похож на зверька, от которого все норовят держаться подальше.

— Чего я никак не пойму,— нарушил молчание полковник,— так это зачем ему такие хлопоты? Почему он это делает ради нас?

— Он это делает не ради нас, а ради самолетов,— ответил я.— Он их жалеет.

Дверь распахнулась, и, громко топая, вошел генерал. Он торжествовал. В комнате сгустилась тьма, и вряд ли он меня увидел.

— Разрешение получено! — радостно объявил он.— Корабль прибудет завтра. Пентагон не возражает.

— Генерал,— сказал полковник,— мы чересчур торопим события. Пора заложить какие-то основы для понимания самой сути. Мы ухватили то, что лежало на поверхности. Мы использовали этого зверька на всю катушку. Мы получили колоссальную информацию..

— Но не ту, что нам нужна! — рявкнул генерал.— До сих пор мы занимались опытами. А вот информации по А-кораблю у нас нет. Вот что необходимо нам в первую очередь.

— Точно так же нам необходимо понять это существо. Понять, каким образом оно все делает. Если бы с ним можно было побеседовать.

— Побеседовать! — Генерал совсем взбесился.

— Да, побеседовать! — не испугался полковник.— Скунс все время мурлыкает. Может быть, это способ общения. Нашедшие его солдаты только свистнули, и он пошел за ними. Это было общение. Будь у нас хоть капля терпения...

— У нас нет времени на такую роскошь, как терпение, полковник.

— Генерал, нельзя же так — просто выжать его досуха. Он сделал для нас очень много. Отплатим же ему хоть чем-нибудь. Ведь он-то проявляет необычайное терпение — ждет, пока мы установим с ним контакт, и надеется, что когда-нибудь мы признаем в нем разумное существо!

Они орали друг на друга, и полковник, должно быть, позабыл о моем присутствии. Мне стало неудобно. Я протянул Вонючке руки, и он прыгнул прямо ко мне. На цыпочках я прокрался через весь кабинет и незаметно вышел.

В ту ночь я лежал в постели, а Вонючка свернулся клубком поверх одеяла у меня в ногах. В комнате сидели четыре охранника, тихие, как настороженные мыши.

Я поразмыслил над тем, что сказал генералу полковник, и сердце мое потянулось к Вонючке. Я вообразил, как было бы ужасно, если бы человека вдруг выкинули в мир скунсов, которым плевать на него,— им интересно разве только то, что он умеет рыть самые глубокие и гладкие норы, какие приходилось видеть скунсам, и делает это быстро. И вот человек должен вырыть столько нор, что скунсам некогда постараться понять этого человека, потолковать с ним или выручить его.

Лежал я, жалел Вонючку и убивался, что ничем не могу ему помочь. Тогда он полез ко мне по одеялу, забрался под простыню, я высвободил руку и крепко прижал его к себе, а он мне тихонько замурлыкал. Так мы с ним и заснули.

На другой день появился А-корабль, последний из трех изготовленных, но все еще экспериментальный. На вид это было просто чудище, и мы стояли на порядочном расстоянии от цепи охранников и смотрели, как он, лихо маневрируя, садится торцом в заполненный водой котлован.

По трапу спустился экипаж корабля — свора наглых юнцов. За ними подъехала моторка.

Наутро мы отправились к кораблю. Я сидел в моторке вместе с генералом и полковником, и, пока лодка качалась у трапа, они опять успели разойтись во мнениях.

— Я по-прежнему считаю, что это рискованно, генерал,— сказал полковник.— Одно дело — баловаться с реактивными

самолетами, совершенно другое — атомный корабль. Если Вонючке вздумается мудрить с реактором...

Не разжимая губ, генерал процедил:

— Приходится идти на риск.

Полковник пожал плечами и полез вверх по трапу. Генерал подал мне знак, и я тоже полез, а Вонючка сидел у меня на плече. За нами последовал генерал.

Раньше мы с Вонючкой сидели в самолетах вдвоем, но тут на борту оказалась еще бригада техников. Места хватало, а они ведь только так и могли выяснить, что делает Вонючка в часы своей работы. Как дошло до А-корабля, так им приспичило выяснить все доподлинно.

Я уселся в кресло пилота, Вонючка примостился у меня на коленях. Полковник побыл с нами, но вскоре ушел, и мы остались вдвоем.

Я нервничал. То, что полковник говорил генералу, показалось мне дельным. Но день прошел, ничего не случилось, и я стал склоняться к мысли, что полковник ошибся.

Так продолжалось четыре дня, и я притерпелся. Перестал нервничать. На Вонючку можно положиться, твердил я себе. Он ничего не сделает нам во вред. Техники держались бодро, с генеральской физиономии не сходила улыбка: судя по всему, Вонючка не обманул ничьих надежд.

На пятый день, когда мы плыли к кораблю, полковник сказал:

— Сегодня заканчиваем.

Я рад был это слышать.

Мы уже совсем было собрались сделать перерыв на обед, как вдруг все началось. Не скажу точно, как это вышло, но все перемешалось в голове. Будто бы кто-то закричал, но на самом-то деле никто не кричал. Я приподнялся в кресле и снова сел. Кто-то крикнул еще раз.

Я знал, что вот-вот случится что-то страшное. Я это нутром чуял. Я знал, что надо срочно уносить ноги с А-корабля. Меня охватил страх, безотчетный страх. Но сквозь этот страх и наперекор ему я помнил, что мне нельзя уйти. Я должен был остаться — за это мне платили деньги. Я вцепился в ручки кресла и против воли остался.

Вдруг я почувствовал панический ужас и тут уж ничего не мог поделать. Справиться с ним не было сил. Я вскочил с

кресла, уронив с колен Вонючку. Добрался до двери, с трудом открыл ее и обернулся назад.

— Вонючка! — позвал я.

Я стал пересекать кабину, чтобы взять его на руки, но на полпути меня снова одолел такой страх, что я повернулся и стремглав помчался прочь, не разбирая дороги.

Я кубарем скатился по лесенке, а внизу слышались топот и вопли перепуганных людей. Тогда я понял, что мне не померещилось и что я вовсе не трус,— что-то на самом деле было неладно.

Когда я добрался до люка, к нему уже хлынула толпа, и люди, толкаясь, бросились по трапу вниз. С берега выслали моторку. Кто-то спрыгнул с трапа в воду и пустился вплавь.

По полю к водному котловану наперегонки шпарили санитарные и пожарные машины, а над строениями, возведенными в честь операции, завывала сирена — истошно, словно кошка, которой наступили на хвост.

Я вгляделся в окружающих. У всех были напряженные, бледные лица, и мне стало ясно, что все напуганы не меньше моего, но я почему-то не перетрусил пуще прежнего, а даже почти успокоился.

А люди все кувыркались вниз по трапу и плюхались в воду, и я твердо знаю, что если бы за ними кто-нибудь следил по хронометру, то были бы побиты все рекорды скоростных заплывов.

Я встал в очередь на выход, опять вспомнил о Вонючке, вышел из очереди и бросился его спасать.

Однако когда я наполовину поднялся по лесенке, от моей храбрости и следа не осталось, и я не рискнул идти дальше. Смешнее всего, что я не могу объяснить, отчего я так струхнул.

Я в числе последних спустился по трапу и втиснулся в моторку, которая была так перегружена, что еле доползла до твердой земли.

Здесь вовсю суетился военный врач, требуя, чтобы пловцов немедленно отправили на дезактивацию, повсюду метались и кричали люди, с незаглушенными моторами стояли пожарные машины, и по-прежнему надрывалась сирена.

— Назад! — закричал кто-то.— Бегите! Все назад!

И все мы, конечно, разбежались, как стадо овец, которым явилось привидение.

Тут раздался неописуемый рев, и все мы обернулись.

Из котлована медленно поднимался атомный корабль. Под ним кипела и бурлила вода. Корабль взмыл в воздух плавно, грациозно, без единого толчка или сотрясения. Он взлетел прямо в небо, миг — и его не стало.

Внезапно я понял, что кругом мертвая тишина. Никто не смел пошевелиться. Все затаили дыхание. Только стояли и глаз не сводили с неба. Сирена давно умолкла.

Я почувствовал, как кто-то тронул меня за плечо. Это был генерал.

— А Вонючка? — спросил он.

— Не захотел пойти за мной,— ответил я, чувствуя себя последним подонком.— А вернуться за ним было страшно.

Генерал круто повернулся и взял курс на другой конец поля. Я кинулся за ним, сам не знаю зачем. Он перешел на бег, и я вприпрыжку понесся бок о бок с ним.

Мы ураганом ворвались в оперативный корпус и, перепрыгивая через ступеньки, взлетели по лестнице на станцию слежения.

Генерал рявкнул:

— Засекли?

— Да, сэр, в данный момент мы его ведем.

— Хорошо,— произнес генерал, тяжело дыша.— Прекрасно. Надо сбить его во что бы то ни стало. Сообщите курс.

— Прямо вверх, сэр. Он все еще идет вверх.

— Сколько прошел?

— Около пяти тысяч миль, сэр.

— Не может быть! — взревел генерал.— Он не может летать в космическом пространстве.

Он повернулся и наскочил на меня.

— Прочь с дороги!

Топая, он сбежал вниз по лестнице.

Я спустился вслед за ним, но, выйдя из здания, пошел в другую сторону. Я миновал административный корпус, возле которого стоял полковник. Мне не хотелось останавливаться, но он меня окликнул.

— Хорошо получилось,— сказал полковник.

— Я старался увести его,— стал я оправдываться,— но он ни за что не шел.

— Еще бы. Как по-твоему, что нас вспугнуло?

Я перебрал в уме все как было и нашел только один ответ:

— Вонючка?

— Конечно. Он ждал, пока не завладеет чем-то вроде А-корабля и не переоборудует его для космического рейса. Но сначала ему надо было избавиться от вас, вот он вас и выгнал.

Над этим я тоже поразмыслил.

— Значит, он все-таки сродни скунсу.

— То есть? — покосился на меня полковник.

— Я все не мог смириться с тем, что его называют Вонючкой. Мне казалось, что это несправедливо: никакого запаха — и такое прозвище. Но, как видно, запах у него все-таки был — вы, наверное, сказали бы, что это запах мысли,— и настолько сильный, что все бежали с корабля.

Полковник кивнул:

— Все равно я рад, что у него получилось.

Он уставился в небо.

— Я тоже,— сказал я.

Правда, я все же обиделся на Вонючку. Мог хотя бы попрощаться. На Земле у него не было друга лучше меня, и то, что он вытурил меня наравне со всеми остальными, казалось просто свинством.

Сейчас мне так не кажется.

Я по-прежнему не знаю, с какого конца берутся за гаечный ключ, но теперь у меня новая машина, купленная на те деньги, что я заработал на воздушной базе. Между прочим, эта машина умеет ездить сама собой, вернее, уметь-то умеет, но ездит только на тихих сельских дорогах. При оживленном уличном движении она начинает дрейфить. Где уж ей до старушки Бетси!

Впрочем, я мог бы исправить дело в два счета. Так я стал думать с тех пор, как моя новая машина перепрыгнула через поваленное дерево, лежащее поперек шоссе. Да, Вонючка оставил мне кое-что на память: я, например, любую машину могу сделать летающей. Только не желаю с этим связываться. Мне вовсе не хочется, чтобы со мной обращались так же, как с Вонючкой.

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его, стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля, и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади, и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

Есть тут что-то странное, говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось. Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет. Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом — именно о таком доме он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы. Работящие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом, он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба, во всех окнах горит свет. Темная громада построек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор. Там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

Грешно так радоваться, думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету успешно, и вот он здесь, полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди. Нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И что лучше всего, у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать... неторопливо, задушевно, дружелюбно.

Именно разговоры, вернее чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического поле-

та. Именно это, их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры — понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Нечасто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его: свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает: ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мэри-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию — такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал: ему страстно захотелось быть с ними, рассказать им о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахнуло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха. Там, в комнате, царила тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того... комната совершенно переменилась. И не просто потому, что исчезли товарищи. Исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня. Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону,— трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби пытался кого-нибудь позвать. Но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, и она удалась:

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой:

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб,— сказал он,— ты шутишь.

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

— Мы старались оставить их вам как можно дольше,— сказал Джоб.— Нам очень не хотелось отнимать их у вас, сэр. Но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

— А эта комната! Ковры, мебель...

— И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

— Димензино? — переспросил он.

— Вы, конечно, помните, что это.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство... это было безумие.

— Человеческие эмбрионы,— сказал Джоб,— перенесли путешествие хорошо. Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволокло его мозг.

— Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр,— продолжал Джоб.— Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

— Разумеется,— с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби.— Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

— Это невозможно,— сказал он.— Этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе, они были из плоти и крови. Они...

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

— Это возможно,— мягко сказал Джоб.— Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку, стоявшую на нем. Она была из легкого пластика.

— Скажи мне, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно,— сказал Джоб.— Места было мало, а взять надо было так много...

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки), горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверкание начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора...

— Джоб,— сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя,— сказал Джоб.— Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби поставил тарелку на стол и повернулся к роботу лицом:

— Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед,— сказал Джоб.— Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты.

Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр,— сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон,— ответил робот.— Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

— О нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

— Ладно, продолжайте,— сказал Уинстон-Кэрби и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

— Иллюзия! — сказал он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности — действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с действительностью — и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать... не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино — спутники, порожденные им, приспосабливаются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен — практичен до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, практичен до такой степени, что создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности — изолируют при помощи кажущейся пло-

ти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один человек не просуществовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неуемного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать свой прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в кос-

мос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждый своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором, своего рода старейшиной совершенно нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки. И по привычке повернулся к большому зеркалу.

И зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся: кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним, оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

— Нет! — закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору. Руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по ребрам течет холодный пот.

А было бы так легко, подумал он, так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоятельной необходимости что-то делать.

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна ко-

лония. Это прорыв, это прямая дорога к знанию, это уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстояниями.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может. Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность... может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Надо поговорить с ними. Предусмотреть какие-нибудь чрезвычайные меры на тот случай, если к нему вернется иллюзия, предусмотреть решительные действия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его, вино откупорено, разговор уже начался...

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать, чтобы не оставалось времени думать. Надо сильно уставать, чтобы валиться в постель и сразу крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать: наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслу-

живать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые дела. Он планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его. Потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль, невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты, он видел, что на полу лежит ковер. Он видел занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть,— голой, бедной, холодной.

Слава богу, подумал он. Слава богу!

Снизу донесся крик:

— Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

— Уинстон, у нас праздник! На столе молочный поросенок!

И еще один голос:

— С яблоком во рту!

Он не ответил.

Они исчезнут, думал он. Им придется исчезнуть.

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждали покой и старые друзья...

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

Машина была превосходная.

Вот почему мы назвали ее Прелестью.

И сделали большую ошибку.

Это была, разумеется, не единственная ошибка, а первая, и не назови мы свою машину Прелестью, быть может, все обошлось бы.

Говоря техническим языком, Прелесть была Пиром — планетарным исследовательским роботом. Она сочетала в себе космический корабль, операционную базу, синтезатор, анализатор, коммуникатор и многое другое... Слишком многое другое. В этом и была наша беда.

В сущности, лететь с Прелестью нам было ни к чему. Без нас она управилась бы гораздо лучше. Она могла проводить планетарные исследования самостоятельно. Но, согласно правилам, при роботе ее класса должны были находиться не менее трех человек. И, естественно, отпускать робота одного было страшновато: ведь его строили лет двадцать и вбухали в это дело десять миллиардов долларов.

И надо отдать Прелести должное — она была чудом из чудес. Она была битком набита сенсорами, которые позволяли за час получить больше информации, чем собрал бы за месяц большой отряд исследователей-людей. Она не только собирала сведения, но и сопоставляла их, кодировала, записывала на магнитную ленту и, не переводя дыхания, передавала в Центр, находившийся на Земле.

Не переводя дыхания... Это же была бессловесная машина.

Я сказал «бессловесная»?

У нее были все органы чувств. Она даже могла говорить. Могла и говорила. Она болтала без передышки. И слушала все наши разговоры. Она читала через наши плечи и давала непро-

шеные советы, когда мы играли в покер. Порой нам хотелось убить ее, да вот убить робота нельзя... такого совершенного. Что поделаешь — она стоила десять миллиардов долларов и должна была доставить нас обратно на Землю.

Заботилась она о нас хорошо. Этого отрицать нельзя. Она синтезировала пищу, готовила и подавала на стол еду. Она следила за температурой и влажностью. Она стирала и гладила нашу одежду, она лечила нас, если была необходимость. Когда Бен подхватил насморк, она намешала бутылку какой-то микстуры, и на другой день болезнь как рукой сняло.

Нас было всего трое — Джимми Робинс, наш радист, Бен Паррис, аварийный монтер роботов, и я, переводчик... которому в данном случае с языками работать не пришлось.

Мы назвали ее Прелестью, а делать этого не надо было ни в коем случае. Потом уже никто и никогда не давал имен этим заумным роботам; они просто получали номера. Когда в Центре узнали, что с нами произошло, повторение этой ошибки стали считать уголовным преступлением.

Но мне думается, все началось с того, что Джимми в душе поэт. Он писал отвратительные стихи, о которых можно сказать одно: изредка в них попадались рифмы. А чаще их вовсе не было. Но он работал над ними так упорно и серьезно, что ни Бен, ни я сначала не осмеливались говорить ему об этом. Наверно, остановить его можно было, только задушив.

И надо было задушить.

Разумеется, посадка на Медовый Месяц тоже сыграла свою роль.

Но это от нас не зависело. Эта планета значилась третьей в полетном листе, и в нашу задачу входила посадка на нее... вернее, в задачу Прелести. Мы при сем присутствовали.

Начнем с того, что планета не называлась Медовым Месяцем. Она имела номер. Но уже через несколько дней мы окрестили ее.

Я не стыдлив, а описывать Медовый Месяц все же отказываюсь. Я не удивился бы, если бы узнал, что в Центре наш доклад до сих пор хранится под замком. Если вы любопытны, можете написать туда и попросить прислать информацию за номером EP56-94. За спрос денег не берут. Однако не ждите положительного ответа.

Со своими обязанностями на Медовом Месяце Прелесть справилась превосходно, и у меня голова кругом пошла, когда я прослушал пленку, после того как Прелесть заложила ее в передатчик для отправки на Землю. Как переводчику мне полагалось давать толкование тому, что творилось на планетах, которые мы исследовали. Что же касается поведения жителей Медового Месяца, то его не передашь даже словом «вытворяли»...

Доклады в Центре анализируются немедленно. Но на месте анализировать их куда легче.

Боюсь, что от меня было мало толку. Наверно, когда читали мой доклад, то видели, что я его писал с раскрытым ртом и краской на щеках.

Наконец мы покинули Медовый Месяц и устремились в космос. Прелесть направилась к следующей планете, значившейся в полетном листе.

Прелесть была необычно молчалива, и это должно было подсказать нам, что происходит неладное. Но мы наслаждались тем, что она на время заткнулась, и не поинтересовались причиной ее безмолвия. Мы просто отдыхали.

Джимми трудился над поэмой, которая не выходила, а мы с Беном дулись в карты, когда Прелесть вдруг нарушила молчание.

— Добрый вечер, ребята,— сказала она каким-то неуверенным тоном, хотя обычно голос у нее был энергичный и твердый. Помнится, я подумал, что у нее в голосовом устройстве какая-то неисправность.

Джимми с головой погрузился в сочинение стихов, а Бен думал над следующим ходом, и ни один из них не откликнулся.

Я сказал:

— Добрый вечер, Прелесть. Как ты сегодня?

— О, прекрасно,— ответила она немного дрожащим голосом.

— Ну и хорошо,— сказал я, надеясь, что на этом разговор закончится.

— Я только что решила,— сообщила мне Прелесть,— что я люблю вас.

— Это очень любезно с твоей стороны,— поддержал ее я,— и я люблю тебя.

— Но я действительно люблю,— настаивала она.— Я все обдумала. *Я люблю вас.*

— Кого из нас? — спросил я.— Кто этот счастливчик?

Я посмеивался, но немного смущенно, потому что Прелесть шуток не понимала.

— Всех троих,— сказала Прелесть.

Кажется, я зевнул.

— Неплохая мысль. Так обойдется без ревности.

— Да,— сказала Прелесть.— Я люблю вас и бегу с вами.

Бен вздрогнул и, подняв голову, спросил:

— Куда же это мы бежим?

— Далеко,— ответила она.— Туда, где мы будем одни.

— Господи! — завопил Бен.— Как ты думаешь, неужели она действительно...

Я покачал головой:

— Не думаю. Что-то испортилось, но...

Вскочив, Бен задел стол, и все карты разлетелись по полу.

— Пойду посмотрю,— сказал он.

Джимми оторвался от своего блокнота.

— Что случилось?

— Это все ты со своими стихами! — закричал я и стал ругать его поэзию последними словами.

— Я люблю вас,— сказала Прелесть.— Я полюбила вас навсегда. Я буду заботиться о вас. Вы увидите, как сильно я люблю вас, и когда-нибудь вы полюбите меня...

— Заткнись! — сказал я.

Бен вернулся весь потный.

— Мы сбились с курса, а запасная рубка управления заперта.

— А взломать ее можно?

Бен покачал головой:

— По-моему, Прелесть сделала это нарочно. Если это так, то мы погибли. Мы никогда не вернемся на Землю.

— Прелесть,— строго сказал я.

— Да, милый.

— Прекрати это сейчас же!

— Я люблю вас,— сказала Прелесть.

— Это все Медовый Месяц,— сказал Бен.— Она набралась всяких глупостей на этой проклятой планете.

— На Медовом Месяце,— поддержал я,— и из мерзких стишков, которые пишет Джимми...

— Это не мерзкие стишки,— парировал побагровевший Джимми.— Вот когда меня напечатают...

— Почему бы тебе не писать о войне, или об охоте, или о полете в глубины космоса, или о чем-нибудь большом и благородном вместо всей этой чепухи, вроде: «Я полюбил тебя навеки, лети ко мне, моя радость» — и тому подобного...

— Успокойся,— посоветовал Бен.— Нехорошо все валить на Джимми. Главная причина — это Медовый Месяц, говорю тебе.

— Прелесть,— сказал я,— выкинь из головы эту чепуху. Ты же прекрасно знаешь, что машина не может любить человека. Это просто смешно.

— На Медовом Месяце,— сказала Прелесть,— были разные виды, которые...

— Забудь про Медовый Месяц. Это ненормальность. Можешь исследовать миллиард планет — и ничего подобного не увидишь.

— Я люблю вас,— упрямо повторяла Прелесть,— и мы бежим.

— Где это она слышала про побеги влюбленных? — спросил Бен.

— Этим старьем ее напичкали еще на Земле,— сказал я.

— Нет, не старьем,— запротестовала Прелесть.— Для того чтобы успешно справляться с работой, мне нужны самые разнообразные сведения о внутреннем мире человека.

— Ей читали романы,— сказал Бен.— Вот я поймаю того сопляка, который выбирал для нее романы, и оставлю от него мокрое место.

— Послушай, Прелесть,— взмолился я,— люби себе на здоровье, мы не против. Но не убегай слишком далеко.

— Я не могу рисковать,— сказала Прелесть.— Если я вернусь на Землю, вы меня бросите.

— Если мы не вернемся, нас начнут искать и найдут.

— Совершенно верно,— согласилась Прелесть.— Вот почему, милый, мы и бежим. Мы убежим так далеко, что нас не найдут никогда.

— Даю тебе последнюю возможность хорошенько подумать,— сказал я.— Если ты не одумаешься, я радирую на Землю и...

— Вы не можете радировать на Землю,— возразила она.— Я демонтировала аппаратуру. И, как догадался Бен, дверь в рубку управления заклинена. Вы ничего не можете поделать. Почему бы вам не отказаться от глупого упрямства и не ответить на мою любовь?

Бен стал собирать карты, ползая по полу на четвереньках. Джимми швырнул блокнот на стол.

— Вот тебе случай отличиться,— сказал я.— Воспользуйся им. Подумай только, какую оду ты мог бы сочинить о нестареющей и вечной любви человека и машины.

— Пошел ты,— сказал Джимми.

— Не надо, ребята,— журила нас Прелесть.— Мне не хотелось бы, чтобы вы подрались из-за меня.

У нее был такой тон, будто она уже обладала нами... Впрочем, в некотором роде это так и было. Удрать от Прелести невозможно, и если нам не удастся отговорить ее бежать с нами, то наше дело конченое.

— Мы все не подходим тебе только по одной причине,— сказал я ей.— По сравнению с тобой мы проживем недолго. Как бы ты о нас ни заботилась, лет через пятьдесят мы умрем. От старости. И что будет тогда?

— Она будет вдовой,— сказал Бен.— Бедненькой вдовушкой в слезах. И даже детишек не будет, чтобы утешить.

— Я думала об этом,— ответила Прелесть.— Я подумала обо всем. Вам не надо будет умирать.

— Но это же невозможно...

— Для такой великой любви, как моя, нет ничего невозможного. Я не дам вам умереть. Я слишком люблю вас, чтобы дать вам умереть.

Немного погодя мы махнули на нее рукой и пошли спать, а Прелесть выключила свет и спела нам колыбельную.

Под ее пронзительную колыбельную уснуть было нельзя, и мы заорали, чтобы она заткнулась и дала поспать. Но она продолжала петь до тех пор, пока Бен не попал ей туфлей в голосовое устройство.

И после этого я заснул не сразу, а лежал и думал.

Я понимал: надо что-то придумать, но так, чтобы она не знала. Дело было швах, потому что она все время следила за нами. Она давала советы, она слушала, она читала через плечо, и ни движения, ни слова скрыть от нее было нельзя.

Я знал, что может пройти немало времени и нам не следует терять терпения и паниковать. А если мы выпутаемся, то нам просто повезет.

Поспав, мы сели в кружок и, не говоря ни слова, слушали Прелесть, которая описывала, как мы будем счастливы. Мол, в нас заключен целый мир, а перед любовью тускнеет все мелкое.

Половина слов, которые она употребляла, была почерпнута из идиотских стихов Джимми, а остальные — из сентиментальных романов, которые кто-то читал ей еще на Земле.

Порой мне хотелось встать и сделать из Джимми отбивную, но я говорил себе, что теперь уж ничего не поделаешь, толку от битья будет мало.

Джимми скрючился в углу и писал что-то в блокноте, а я удивлялся: надо же быть таким наглым, чтобы писать после того, что случилось!

Он продолжал писать, вырывая страницы и бросая их на пол, время от времени чертыхаясь.

Один отброшенный листок упал мне на колени, и, смахивая его, я прочел:

Я неряха и пачкун,
Лодырь я беспечный,
Потому-то недостоин
Любви твоей вечной.

Я быстро подобрал листок, смял его и швырнул в Бена, а он отбил его в мою сторону. Я снова швырнул — он снова отбил.

— Чего тебе надо, черт побери? — огрызнулся он.

Я бросил скомканную бумажку прямо ему в лицо, он уже было встал, чтобы вздуть меня, как вдруг, видно, понял по моему взгляду, что это не просто грубость. Он подобрал комок и, как бы забавляясь, стал разворачивать бумагу, пока не прочел, что там написано. Затем снова смял ее.

Прелесть слышала каждое слово, так что вслух мы говорить не могли. И вести себя должны были естественно, чтобы не вызвать подозрений.

И мы постепенно начали играть. Может быть, мы входили в роль даже медленнее, чем требовалось, но чтобы убедить, переигрывать было нельзя.

Мы играли убедительно. Возможно, мы просто были прирожденными неряхами, но не прошло и недели, как наши жилые комнаты превратились в свинюшник.

Мы разбрасывали повсюду одежду. Грязное белье не совали в прачечный отсек, где его обычно стирала Прелесть. Оставляли на столе горы посуды, а не складывали ее в мойку. Мы выбивали трубки прямо на пол. Мы не брились, не чистили зубы, не мылись.

Прелесть выходила из себя. Ее привыкший к порядку интеллект робота пришел в ярость. Она умоляла нас, она брюзжала, а порой и поучала, но вещи по-прежнему валялись где попало. Мы говорили ей, что если она нас любит, то должна примириться с нашей безалаберностью и принимать нас такими, какие мы есть.

Недельки через две мы победили, но это была не та победа.

Прелесть сказала нам с болью в голосе, что мы можем жить как свиньи, если нам это нравится. Она примирится с этим. Она сказала, что ее любовь слишком велика, чтобы на нее повлияла такая мелочь, как вопрос личной гигиены.

Итак, сорвалось.

Я, например, был очень рад этому. Годы привычки к корабельной чистоте восставали против такого образа жизни, и я не знаю, сколько бы я еще вытерпел.

Нелепо было и начинать это.

Мы почистились, помылись. Прелесть была в восторге, она говорила нам ласковые словечки, и это было еще хуже, чем все ее брюзжание. Она думала, что мы тронуты ее самопожертвованием, что за это подмазываемся к ней, и голос у нее звучал как у школьницы, которую ее герой пригласил на университетскую вечеринку.

Бен пробовал говорить с ней откровенно о некоторых интимных сторонах жизни (о которых она, разумеется, уже знала) и пытался поразить ее рассказом о том, какую роль в любви играет физиологический фактор.

Прелесть была оскорблена, но не настолько, чтобы это вышибло у нее романтическое настроение и вернуло в строй.

Печальным голосом, в котором едва слышны были нотки гнева, она сказала нам, что мы забываем о более глубоком смысле любви. Она стала цитировать наиболее слюнявые стихи

Джимми, в которых говорилось о благородстве и чистоте любви, и нам нечего было сказать. Нас просто посадили в калошу.

Мы продолжали думать, но не говорить, ибо Прелесть услышала бы все.

Несколько дней мы ничего не делали, а только хандрили.

Да и делать, по-моему, было нечего. Я стал лихорадочно вспоминать, чем мужчина может оттолкнуть женщину.

Бóльшая часть женщин терпеть не может азартных игр. Но единственная причина их гнева — это страх за свое благополучие. В нашем случае такого страха быть не может. В экономическом отношении Прелесть совершенно независима. Мы же не кормильцы.

Большинство женщин терпеть не могут пьянства. Опять же по причине страха за свое благополучие. И кроме того, на корабле нет никакой выпивки.

Некоторые женщины устраивают скандалы, если мужчины не ночуют дома. Нам некуда было пойти.

Все женщины ненавидят соперниц. А здесь женщин не было... что бы там Прелесть о себе ни думала.

Оттолкнуть Прелесть было нечем.

А спорить с ней — что проку!

Все это годилось, если бы Прелесть была женщиной. Но она всего лишь робот.

Вопрос: как разозлить робота?

Неряшливость расстроила аккуратистку. Но с этим она еще могла мириться. Беда в том, что не это было главным.

А что главное у робота... у любой машины?

Что машина ценит? Что идеализирует?

Порядок?

Нет, с этой стороны мы пробовали подойти, и ничего не вышло.

Здравомыслие?

Конечно.

Что еще?

Плодотворность? Полезность?

Я лихорадочно думал — и никак не мог сообразить. Разве можно притвориться сумасшедшим, да еще на таком пятачке, внутри всезнающей разумной машины? Даже во имя здравого смысла?

Но все равно я лежал и думал о различных видах безумия. Впрочем, этим можно одурачить людей, но не робота.

Робота надо пронять главным... А какой самый главный вид безумия? Вероятно, робота может ужаснуть по-настоящему только безумие, связанное с потерей способности к полезному действию.

Вот оно!

Я поворачивал эту мысль и так и сяк, примеряясь к ней со всех сторон.

Безупречна!

Уже с самого начала пользы от нас было мало. Мы полетели только потому, что правила Центра не позволяли послать Прелесть одну. Мы были полезны лишь потенциально.

Мы что-то делали. Мы читали книги, писали ужасные стихи, играли в карты и спорили. Бóльшую часть времени мы сидели без дела. В космосе так все время: что-то делай, какими бы бессмысленными или бесцельными ни казались тебе собственные занятия.

Утром после завтрака, когда Бен захотел поиграть в карты, я отказался составить ему компанию. Я сел на пол и привалился спиной к стене; я не потрудился даже сесть на стул. Я не курил, потому что курение — это уже дело, и твердо решил стать настолько инертным, насколько это возможно для живого человека. Я не собирался шевелить даже пальцем, когда не надо было есть, спать или садиться.

Бен побродил кругом и пытался вовлечь Джимми в карточную игру, но тот не любил карт и был занят писанием стихов.

Поэтому Бен подошел и сел на пол рядом со мной.

— Хочешь закурить? — спросил он, протягивая мне кисет.

Я покачал головой.

— Что случилось? После завтрака ты не курил.

— Что толку? — сказал я.

Он пытался разговорить меня, но я не отвечал. Тогда он встал, походил немного, а потом снова сел рядом со мной.

— Что с вами обоими? — тревожно спросила Прелесть.— Почему вы ничего не делаете?

— Ничего не хочется делать,— сказал я ей.— Одно беспокойство от всех этих дел.

Она побранила нас немного, а я не осмеливался взглянуть на Бена, но чувствовал, что он уже понимает, к чему я клоню.

Немного погодя Прелесть оставила нас в покое, и мы так и сидели, как кейфующие турки.

Джимми продолжал писать стихи. С ним мы поделать ничего не могли. Но Прелесть обратила на нас его внимание, когда мы потащились обедать. Она злилась все больше и называла нас лентяями, каковыми мы, собственно, и были. Она беспокоилась за наше здоровье и заставила нас пройти в диагностическую кабину; здесь выяснилось, что мы в полном здравии, и это довело Прелесть до белого каления.

Она занудно перечисляла все, чем мы можем заняться. Но, пообедав, мы с Беном снова сели на пол и прислонились к стене. На этот раз к нам присоединился Джимми.

Попробуйте сидеть целые дни напролет, совершенно ничего не делая. Сначала чувствуешь себя как-то неловко, потом мучительно и в конце концов невыносимо.

Не знаю, что делали другие, а я вспоминал сложные математические задачи и пытался решить их. Я играл в уме в шахматы партию за партией, но ни разу не мог удержать в памяти больше двенадцати ходов. Я окунулся в свое детство и пытался последовательно восстановить в памяти, что когда-то делал и что испытал. Чтобы убить время, я забирался в самые странные дебри воображения.

Я даже сочинял стихи, и, откровенно говоря, они получались получше, чем у Джимми.

Мне кажется, Прелесть кое о чем догадывалась. Она видела, что поведение наше нарочито, но на сей раз возмущение, что могут существовать такие бездельники, взяло верх над холодным мышлением робота.

Прелесть умоляла нас, обхаживала, поучала... почти пять дней подряд она драла глотку. Она пыталась пристыдить нас. Она говорила, что мы никчемные, низкие, безответственные люди. Я и не представлял себе, что она знает некоторые эпитеты.

Она старалась вселить в нас бодрость духа.

Она говорила нам о своей любви такими стихами в прозе, что перед ними почти поблекла поэзия нашего Джимми.

Она напоминала нам о том, что мы люди, и взывала к нашей чести.

Она грозилась выкинуть нас за борт.

А мы просто сидели.

И ничего не делали.

Чаще всего мы даже не отвечали. Мы не пытались защищаться. Порой мы соглашались со всем, что она говорила, и это, по-моему, раздражало ее больше всего.

Она стала холодной и сдержанной. Ни обиды. Ни злости. Просто холодность.

В конце концов она перестала с нами разговаривать.

Теперь нам приходилось трудно. Мы боялись произнести хоть слово и поэтому не могли сговориться, как быть дальше.

Мы были вынуждены продолжать ничего не делать. Вынуждены, потому что это лишило бы нас тех преимуществ, которых мы уже добились.

Тянулись дни, и ничего не случалось. Прелесть не разговаривала с нами. Она кормила нас, мыла посуду, стирала, убирала койки. Она заботилась о нас, как и прежде, но делала это молча.

Разумеется, она гневалась.

В голову мне приходили безумные мысли.

Может быть, Прелесть — женщина? Может быть, на всю эту громаду мыслящей машины наслоился женский ум? В конце концов, никто из нас не знал досконально устройство Прелести.

Это был бы ум старой девы, настолько разочарованной, такой одинокой и обойденной жизнью, что она с радостью ухватилась бы за любую авантюру, даже рискуя собой, так как с годами ей уже было бы все равно.

Я создал внушительный образ гипотетической старой девы и даже подумал о кошке, канарейке и меблированных комнатах, в которых она жила бы.

Мне представлялись ее прогулки в одиночестве по вечерам, ее бесцельная болтовня, ее маленькие воображаемые победы и желания, распиравшие ее.

И мне стало жаль старую деву.

Фантастика? Конечно. Но она помогла коротать время.

Однако была еще и другая мысль, не оставлявшая меня: Прелесть, уже побежденная, наконец сдалась и несет нас к Земле, но, как всякая женщина, она не хочет признаться в этом, чтобы мы не утешились и не испытывали удовольствия от сознания, что выиграли и летим домой.

Я говорил себе снова и снова, что это невозможно, что после всех курбетов, которые она выкидывала, Прелесть не осмелится вернуться. Ее превратят в лом.

Но мысль эта не уходила — я никак не мог отделаться от нее. Я чувствовал, что ошибаюсь, но убедить себя в этом не мог и стал поглядывать на хронометр. Я то и дело говорил себе: «На час ближе к дому, еще на час и еще. Мы уже совсем близко».

Что бы я ни говорил, как бы ни спорил с собой, я все больше склонялся к мысли, что мы движемся по направлению к Земле.

Вот почему я не удивился, когда Прелесть наконец села. Я просто был преисполнен благодарности и облегченно вздохнул.

Мы посмотрели друг на друга, и я увидел в глазах товарищей недоумение и надежду. Естественно, никто из нас не мог спрашивать. Одно слово могло свести нашу победу на нет. Нам оставалось только молча сидеть и ждать, что будет дальше.

Люк начал открываться, и на меня пахнуло Землей. Я не стал ждать, когда люк откроется совсем, а подбежал, протиснулся в образовавшуюся щель и ловко выскочил наружу. Шлепнувшись на землю так, что из меня чуть не вышибло дух, я кое-как встал и дал деру. Я не желал рисковать. Мне хотелось быть вне пределов досягаемости, пока Прелесть не передумала.

Один раз я споткнулся и чуть не упал, и Бен с Джимми пронеслись мимо меня как ветер. Значит, я не ошибся. Они тоже учуяли запах Земли.

Была ночь, но на небе сияла такая большая луна, что было светло как днем. Слева, за широкой полосой песчаного пляжа, плескалось море, справа виднелась гряда голых холмов, спереди чернел лес, отделенный от нас рекой, которая впадала в море.

Мы побежали к лесу: если бы мы спрятались за деревья, выковырять нас оттуда Прелести было бы нелегко. Оглянувшись украдкой, я увидел при свете луны, что она не двигается с места.

Мы добежали до леса и бросились на землю, чтобы отдышаться. Бежать было довольно далеко, а мы улепетывали быстро; после стольких недель сидения человек не в состоянии много бегать.

Я лежал на животе, раскинув руки и вдыхая воздух полной грудью, принюхиваясь к прекрасным земным запахам: пахло прелыми листьями, травой, а ветерок со спокойного моря был солоноватым.

Немного погодя я перевернулся на спину и взглянул на деревья. Они были странные — на Земле таких деревьев нет. А когда я выполз на опушку и посмотрел на небо, то увидел, что и звезды совсем не те.

Я не сразу воспринимал то, что видел. Я был уверен, что нахожусь на Земле, и мой ум восставал против всякой иной мысли.

Но в конце концов у меня мороз по коже пошел — я с ужасом осознал, где я.

— Джентльмены,— сказал я,— у меня есть для вас новость. Эта планета вовсе не Земля.

— Она пахнет как Земля,— возразил Джимми.— И на вид как Земля.

— И ощущение как на Земле,— сказал Бен.— Тяготение и воздух...

— Посмотрите на звезды. Взгляните на те деревья.

Они смотрели долго. Как и я, они, наверно, думали, что Прелесть повернула домой. Или, может быть, им только хотелось в это верить. Как и у меня, действительное вышибло желаемое не сразу.

Бен медленно выдохнул воздух.

— Ты прав.

— Как нам теперь быть? — спросил Джимми.

Мы стояли и думали, что же делать.

В сущности, решать было нечего, сработал простой рефлекс, обусловленный миллионом лет жизни на Земле, которому не могли противостоять какие-то несколько сот лет, когда мы только начали привыкать к мысли, что есть иные миры.

Мы помчались со всех ног, словно по команде.

— Прелесть! — кричали мы.— Прелесть, подожди нас!

Но Прелесть не ждала. Она подпрыгнула примерно на тысячу футов и повисла в небе. Мы остановились как вкопанные и смотрели вверх, не веря глазам своим. Прелесть опустилась, снова взмыла, остановилась и начала парить. Потом она задрожала и медленно опустилась.

Мы побежали — она взмыла и опустилась, потом взмыла еще раз, упала и, ударившись о землю, подпрыгнула. Она была похожа на сумасшедшего кенгуру. Она вела себя так, будто хотела удрать, но ее что-то не пускало, будто ее держал прикрепленный к земле эластичный кабель.

Наконец она затихла в сотне ярдов от того места, где села сперва. Она не издавала ни звука, но у меня было такое впечатление, что она дышит тяжело, как усталая гончая.

На том месте, где Прелесть села сначала, возвышалась груда предметов, но мы пробежали мимо и бросились к роботу. Мы колотили его по металлическим бокам.

— Открывайся! — кричали мы.— Мы хотим обратно!

Прелесть подпрыгнула. Она подпрыгнула в небо на сотню футов, затем шлепнулась обратно футах в тридцати в стороне.

Мы бросились от нее прочь. Она могла с таким же успехом упасть нам прямо на голову.

Мы понаблюдали за ней, но она не двигалась.

— Прелесть! — крикнул я.

Она не ответила.

— Она спятила,— сказал Джимми.

— Когда-нибудь это должно было случиться,— сказал Бен.— Рано или поздно непременно должны были создать робота настолько большого, что ему стали бы тесны детские штанишки.

Мы медленно попятились от Прелести, не спуская с нее глаз. Не то чтобы боялись ее, но и не доверяли.

Мы пятились до самой горки предметов, которые Прелесть выгрузила и сложила, и увидели, что это целая пирамида припасов, аккуратно разложенных по ящикам и снабженных этикетками. А рядом с пирамидой по трафарету была сделана надпись:

А ТЕПЕРЬ, ЧЕРТ ВАС ПОБЕРИ,
РАБОТАЙТЕ!!!

— Она, наверно, приняла нашу бесполезность близко к сердцу,— сказал Бен.

— Она и в самом деле хотела высадить нас на необитаемую планету,— почти нечленораздельно произнес Джимми.

Бен протянул руку и потряс его за плечо, чтобы подбодрить.

— Если мы не заберемся внутрь,— сказал я,— не заставим ее действовать, то это все равно что она нас покинула и улетела.

— Но что ее заставило это сделать? — скулил Джимми.— Роботам не полагается...

— Я знаю,— перебил его Бен.— Роботам не полагается причинять человеку вред. Но Прелесть и не причинила нам никакого вреда. Она не выбросила нас. Мы сами сбежали от нее.

— Это уже казуистика,— возразил я.

— Прелесть и создана специально для казуистики,— сказал Бен.— Вся беда в том, что ее сделали чертовски похожей на человека. Ее, наверно, напичкали знанием и законов, и литературы, и физики, и всего прочего.

— Тогда почему она просто не улетит? Если она может очистить свою совесть, почему она еще здесь?

Бен покачал головой:

— Не знаю.

— Похоже, что она пыталась улететь, но не смогла. Будто что-то притягивало ее обратно.

— Это верная мысль,— сказал Бен.— Надо думать, она не может улететь, пока мы не скроемся с глаз. Мы вернулись, и команда, запрещавшая роботу наносить вред человеку, сработала снова. Устройство, которое действует по принципу: «С глаз долой, из сердца вон».

Прелесть сидела на том же месте, куда опустилась в последний раз. Она больше не пыталась взлететь. Взглянув на нее, я подумал, что, может быть, Бен прав. Если это так, то нам повезло, что мы вернулись.

Мы стали рыться в припасах, которые оставила нам Прелесть. Она хорошо позаботилась о нас и не только не забыла ничего необходимого, но даже написала по трафарету подробные указания и советы на многих ящиках.

У большого плаката отдельно лежали два ящика. На одном было написано: «Инструменты», и крышка его была крепко приколочена гвоздями, чтобы нам пришлось потрудиться, отдирая ее. На другом ящике имелась надпись: «Оружие», а ниже: «Открыть немедленно и всегда держать под рукой».

Мы открыли оба ящика. Мы нашли новейшее чудо-оружие — что-то вроде универсального автомата, который стрелял чем угодно — от пуль до бронебойных зарядов самых различных видов. Он же мог метать огонь, газ, кислоту, отравленные стрелы, взрывчатку и снотворные капсулы. Чтобы выбрать нужные

боеприпасы, надо было просто крутануть наборный диск. Автоматы были тяжелые и неудобные в обращении, но действовали безотказно, а на неизвестной планете, где на каждом шагу могла грозить опасность, мы были бы без них как без рук.

Потом мы перешли к пирамиде и стали сортировать все, что в ней было. А были в ней ящики с белками и углеводами. Коробки с витаминами и солями. Одежда и палатка, фонари и посуда. В общем, все, что требуется, когда вы отправляетесь в дорогостоящий туристский поход.

Прелесть не забыла ничего.

— Она все учла,— с горечью сказал Джимми.— Она потратила много времени на изготовление этой кучи. Ей пришлось синтезировать каждый предмет. Потом ей оставалось только найти планету, на которой бы мог жить человек. И это тоже было нелегко.

— Ей пришлось еще более туго, чем ты думаешь,— добавил я.— Не просто планету, на которой мог бы жить человек, а такую планету, которая пахла бы, как Земля и по виду не отличалась от Земли. Чтобы мы захотели выбежать наружу. Если бы мы не выбежали сами, она не смогла бы высадить нас. Таково ее сознание, и...

Бен со злостью плюнул.

— Высажены! — сказал он.— Высажены роботом, томящимся от любви!

— Может быть, не совсем роботом.

Я рассказал товарищам о старой деве, которая родилась в моем воображении, они оборжали меня, и всем стало легче.

Но Бен признал, что мое предположение не совсем бредовое. Прелесть создавали лет двадцать, и она напичкана всякими странностями.

Наступил рассвет, и только теперь мы рассмотрели окрестности. Местечко было настолько милое, что лучшего и желать не надо. Но мы были не в восторге.

Море было синее и навевало мысли о синеглазой девушке. Белый прямой пляж уходил вдаль, за пляжем начиналась гряда холмов, а на горизонте маячили снежные горы. На западе был лес.

Мы с Джимми спустились на пляж, чтобы набрать плавника для костра, а Бен остался готовить завтрак.

Набрав по охапке сучьев, мы уже пошли обратно, как вдруг какое-то чудовище перевалило через холм и ринулось на лагерь. Тускло блестевшее в первых лучах солнца, оно было размером с носорога и похоже на жука. Оно не издавало ни звука, но двигалось очень быстро, и остановить такую штуку было бы трудно.

И разумеется, мы не взяли с собой оружия.

Я бросил дрова, крикнул Бену и побежал вверх по склону. Бен уже увидел мчащееся чудовище и схватил оружие. Зверь дул прямо к нему. Бен поднял автомат. Сверкнуло пламя, раздался взрыв, и на мгновение все заволокло дымом и пылью, слышен был только визг летящих осколков.

Ну в точности как если бы я смотрел фильм и вдруг изображение пропало бы, а потом снова возникло. Какой-то миг было видно лишь пламя, потом зверь проскочил мимо Бена и помчался вниз по склону на пляж, прямо на нас с Джимми.

— Рассыпаться! — скомандовал я Джимми и только потом подумал, как глупо это звучало: ведь нас было всего двое.

Но в этот момент мне было не до семантических тонкостей. Во всяком случае, Джимми понял мою мысль. Он помчался вдоль пляжа в одну сторону, а я в другую, и чудовище затормозило, очевидно для того, чтобы подумать, за кем из нас погнаться.

И, да будет вам известно, оно погналось за мной!

Я считал себя конченым человеком. Пляж был совершенно ровный, ни одного укрытия, и я знал, что от моего преследователя мне не убежать. Можно было увернуться раза два, но чудовище легко разворачивалось, и было ясно, что рано или поздно мне крышка.

Краем глаза я увидел, что Бен бежит вниз наперерез чудовищу. Он что-то кричал мне, но я не разобрал слов.

Воздух вздрогнул от еще одного взрыва, и я быстро оглянулся.

Бен одолевал склон, а зверь преследовал его. Я круто повернул обратно и побежал что было сил к лагерю. Я видел, что Джимми уже почти у лагеря, и поднажал. Мне казалось, что, если у нас будет три автомата, мы одолеем чудовище.

Бен мчался прямо к Прелести, рассчитывая, видно, забежать за ее громаду и ускользнуть от зверя. Я видел, что он выбивается из сил.

Джимми добежал до лагеря и схватил оружие. Он выстрелил, даже не приложив автомат к плечу, и бока бегущего зверя оросила какая-то жидкость.

Я пытался крикнуть Джимми, но мне не хватило воздуха. Этот дурак стрелял снотворными капсулами, которые не пробивали толстой шкуры.

В двух шагах от Прелести Бен споткнулся. Оружие вылетело у него из рук. Бен упал, потом приподнялся и пополз, пытаясь спрятаться за Прелесть. Носорожистая тварь злобно рванулась вперед.

И вот тут все и случилось... в мгновение ока, быстрее, чем я рассказываю об этом.

У Прелести выросла рука — длинное, гибкое щупальце, которое змеей опустилось сверху. Метнувшись к зверю, рука обхватила его посередине и подняла.

Я стал как вкопанный. Мне казалось, что мгновение, когда зверя поднимали, растянулось на минуты,— мозг мой лихорадочно работал, стараясь выяснить, что это за штука. Первым делом я заметил, что у чудовища вместо ног колеса.

Тускло блестевшая шкура могла быть только металлической — я видел вмятины от взрывов. На шкуре виднелись мокрые пятна — следы снотворных капсул, которыми стрелял Джимми.

Прелесть подняла зверя высоко над землей и раскрутила так сильно, что был виден только светящийся круг. Затем она отпустила чудовище, и оно полетело над морем. Описав дугу и неуклюже кувыркаясь, оно шлепнулось в море. Поднялся довольно приличный гейзер.

Бен встал и подобрал оружие. Подошел Джимми, и мы с ним направились к Прелести. Все трое мы стояли и смотрели на море, в которое погрузился зверь.

Наконец Бен повернулся кругом и похлопал Прелесть по боку дулом автомата.

— Большое спасибо,— сказал он.

Прелесть выдвинула другое щупальце. Это было покороче и с «лицом» на конце. Тут все было — и глаз-лупа, и слуховое устройство, и громкоговоритель.

— Пошел ты куда подальше,— произнесла Прелесть.

— Что с тобой? — спросил я.

— Мужчины! — презрительно бросила она и втянула в себя «лицо».

Мы еще несколько раз постучали по ней, но ответа не было — Прелесть надулась.

Мы с Джимми снова отправились за дровами, которые побросали. Только мы подобрали их, как услышали крик Бена, оставшегося в лагере, и быстро обернулись. Наш друг носорог выезжал из воды.

Мы опять побросали дрова и побежали к лагерю, но спешить было незачем. Дружище не хотел получать новую трепку. Он сделал большой крюк к востоку, чтобы объехать нас стороной, и устремился к холмам.

Мы приготовили завтрак и поели, держа оружие под рукой — где есть один зверь, там непременно будут и другие. Рисковать не было смысла.

Мы поговорили о нашем госте, и так как его надо было как-то назвать, то мы окрестили его Элмером. Причины для этого не было никакой, просто так показалось удобным.

— Вы видели колеса? — спросил Бен, и мы сказали, что видели. Бен облегченно вздохнул.— Я думал, мне мерещится,— пояснил он.

Но сомнений относительно колес не было. Все мы заметили их, это подтверждали и следы, четко отпечатавшиеся на песке пляжа.

Однако мы затруднялись сказать, что из себя представляет этот Элмер. Если судить по колесам, то это машина, но у него были качества и не свойственные машинам: например, он, как живое существо, задумался, за кем из нас бежать, за Джимми или за мной; он злобно бросился на упавшего Бена; он проявил осторожность, обойдя нас стороной, когда выехал из моря.

Наряду с этим были и колеса, и явно металлическая шкура, и вмятины от взрывов, которые разорвали бы любое, самое большое и свирепое животное в клочья.

— У него и того и другого понемногу,— предположил Бен.— В основном это машина, но с некоторыми качествами живого существа — что-то вроде старой девы, которую ты придумал, чтобы объяснить поведение Прелести.

Разумеется, могло быть и так. Впрочем, тут годилось почти любое предположение.

— Может, это силикатовая жизнь? — тут же предположил Джимми.

— Не силикатовая,— уверенно сказал Бен.— Металлическая. Любая форма силикатовой жизни при прямом попадании рассыпается в пыль. Один вид такой жизни найден много лет назад на Тельме-V.

— Нет, это в основном не живое существо,— сказал я.— У живого существа не может быть колес. Колеса, кроме особых случаев, обычно изобретаются лентяями для передвижения. Элмер может быть только, как сказал Бен, специально созданной комбинацией машины и живого существа.

— И значит, здесь есть разумные существа,— сказал Бен.

Мы сидели вокруг костра, потрясенные этой мыслью. За многие годы поисков найдена лишь горстка разумных рас, но в общем их уровень развития не очень-то высок. Разумеется, среди них никто не обладает таким разумом, который позволил бы создать что-либо подобное Элмеру.

До сих пор в исследованной части Вселенной человека не превзошел никто. Никто не мог сравниться с ним по интеллекту.

А тут — совершенно случайно — мы свалились на планету, на которой увидели признаки существования разума, равного человеческому... и, может быть, даже превосходящего его.

— Меня беспокоит одно,— сказал Бен.— Почему Прелесть не проверила это место, перед тем как приземлиться? Наверно, она хотела бросить нас здесь и улететь. Но, видно, ей все же пришлось подчиниться закону, согласно которому робот не может нанести вреда человеку. А если она следует этому закону, то, прежде чем она покинет нас, ей придется... хочешь не хочешь, а придется — убедиться в том, что нам не угрожает никакая опасность.

— Может, она свихнулась? — предположил Джимми.

— Только не Прелесть,— возразил Бен.— Мозг у нее работает, как швейцарские часы.

— Знаете, что я думаю? — сказал я.— Я думаю, Прелесть эволюционировала. Это совершенно новый тип робота. В нее накачали слишком много человеческого...

— А она и должна быть очеловеченной,— заметил Джимми.— Иначе она не справится со своими задачами.

— Дело в том,— сказал я,— что робот, очеловеченный до такой степени, как Прелесть, уже не робот. Это что-то другое.

Не совсем человек, но и не робот. Что-то среднее. Какой-то новый непонятный вид жизни. И за ним нужен глаз да глаз.

— Интересно, она все еще дуется? — спросил Бен.

— Конечно дуется.

— Мы должны пойти, дать ей нахлобучку и вывести ее из этого состояния.

— Оставь ее в покое,— сердито приказал я.— Нам остается одно — игнорировать ее. Ей оказывают внимание, вот она и дуется.

И мы оставили ее в покое. Больше делать было нечего.

Я пошел к морю мыть посуду, но на этот раз взял с собой оружие. Джимми пошел в лес поискать ключ. Полудюжины банок воды, которыми снабдила нас Прелесть, не хватит навечно, а мы не были уверены, что потом она выдаст еще.

Впрочем, она нас не забыла, не вычеркнула полностью из своей жизни. Она дала Элмеру вздрючку, когда тот слишком разошелся. Меня очень тешила мысль о том, что она поддержала нас, когда дело было табак. Значит, есть еще надежда, что мы как-нибудь поладим.

Я присел у лужи в песке и, моя посуду, думал, какая потребуется перестройка, если когда-нибудь все роботы станут такими, как Прелесть. Я уже видел появление Декларации прав роботов, специальных законов для роботов, лобби роботов при Конгрессе, а поразмышляв еще, совсем запутался.

В лагере Бен натягивал палатку, и я, вернувшись, помог ему.

— Знаешь,— сказал Бен,— чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что я был прав, когда говорил, что Прелесть не может оставить нас, пока мы на виду. Простая логика: она не может взлететь, потому что мы стоим перед ней и напоминаем ей об ответственности.

— Ты клонишь к тому, что кто-нибудь из нас должен все время быть поблизости от нее? — спросил я.

— В общем, да.

Я не спорил с ним. Что толку спорить, верить, не верить? У нас не то положение, при котором можно позволить себе совершить глупую ошибку.

Когда мы натянули палатку, Бен сказал мне:

— Если ты не возражаешь, я немного пройдусь за холмы.

— Берегись Элмера,— предупредил его я.

— Он не осмелится беспокоить нас. Прелесть сбила с него спесь.

Он взял оружие и ушел.

Я побродил по лагерю, наводя порядок. Кругом были мир и спокойствие. Пляж сверкал на солнце, море было гладким и красивым. Летали птицы, но никаких признаков других существ не было. Прелесть продолжала дуться.

Вернулся Джимми. Он нашел ключ и принес ведро воды. Потом он стал рыться в припасах.

— Что ты ищешь? — спросил я.

— Бумагу и карандаш. Прелесть не могла забыть про них.

Я хмыкнул, но он был прав. Будь я проклят, если Прелесть не приготовила для него стопы бумаги и коробки карандашей.

Он устроился под грудой ящиков и начал писать стихи.

Вскоре после полудня вернулся Бен. Я видел, что он взволнован, но не стал тотчас расспрашивать.

— Джимми наткнулся на ключ,— сказал я.— Ведро там.

Он попил и тоже сел в тень под груду ящиков.

— Я нашел! — сказал он торжествующе.

— А разве ты что-нибудь искал?

Он взглянул на меня и криво улыбнулся:

— Элмера кто-то сделал.

— И ты так прямо пошел, как по улице, и нашел...

Бен покачал головой:

— Кажется, мы опоздали. Опоздали на три тысячи лет, если не больше. Я нашел развалины и долину с уймой могильных холмов. И несколько пещер в известняковом обрыве над долиной.

Бен встал, подошел к ведру и снова напился.

— Я не мог подойти поближе,— сказал он.— Элмер караулит.— Бен снял шляпу и вытер рукавом лицо.— Ходит взад-вперед, как часовой. Видел бы ты, какие колеи он проложил за многие годы, проведенные на этом посту.

— Так вот почему он на нас напал,— сказал я.— Мы вторглись на охраняемую территорию.

— Наверно.

В тот вечер мы все обговорили и порешили, что надо выставить пост для наблюдения за Элмером, чтобы изучить его

повадки и часы дежурства, если таковые были. Нам было важно узнать, что можно предпринять в отношении руин, которые охранял Элмер.

Впервые человек столкнулся с высокой цивилизацией, но пришел слишком поздно и — из-за дурного настроения Прелести — слишком плохо снаряженный, для того чтобы исследовать хотя бы то, что осталось.

Чем больше я думал об этом, тем больше распалялся и наконец пошел к Прелести и изо всех сил стал стучать по ней ногами, чтобы привлечь ее внимание. Никакого толку. Я орал на нее, но она не отвечала. Я рассказал ей, что тут заваривается. Говорил, что мы нуждаемся в ней,— ведь она просто обязана нам помочь, для этого ее и создали. Но она была холодна.

Я вернулся и плюхнулся у костра, где сидели мои товарищи.

— Она ведет себя так, будто умерла.

Бен поворошил костер, и пламя стало немного выше.

— От разбитого сердца,— участливым тоном сказал Джимми.

— А ну тебя вместе с твоей поэтической терминологией! — озлился я.— Вечно бродит как во сне. Вечно разглагольствует. Да если бы не твои проклятые стихи...

— Замолчи,— сказал Бен.

Я взглянул поверх костра ему в лицо, освещенное пламенем, и замолчал. Что ж, в конце концов, и я могу ошибаться. Джимми не может не писать своих паршивых стихов.

Я смотрел на пламя и думал: неужто Прелесть умерла? Конечно нет. Просто она упряма, как черт. Она нам всыпала по первое число. А теперь наблюдает, как мы маемся, и ждет подходящего случая, чтобы выложить козыри.

Утром мы начали наблюдать за Элмером и делали это изо дня в день. Кто-нибудь из нас взбирался на гребень гряды милях в трех от лагеря и устраивался там с нашим единственным биноклем. Потом его сменял другой, и так дней десять мы наблюдали за Элмером в дневные часы.

Элмер обходил свои владения дозором регулярно. В качестве наблюдательных пунктов он использовал некоторые могильные холмы, взбираясь на них каждые пятнадцать минут. Чем больше мы наблюдали за ним, тем больше убеждались, что он прекрасно справляется со своими обязанностями. Пока он был там, в занесенный город не пробрался бы никто.

Кажется, на второй или третий день он обнаружил, что за ним наблюдают. Он стал вести себя беспокойно. Взбираясь на свои наблюдательные вышки, он смотрел в нашу сторону дольше, чем в другие. А раз, когда я был на посту, он, похоже, начал приготовления к атаке, но только я решил смыться, как он успокоился и стал кружить, как обычно.

Если не считать наблюдения за Элмером, нам жилось неплохо. Мы купались в море и ловили рыбу, рискуя жизнью всякий раз, когда жарили и ели рыбу нового вида, но нам повезло — ядовитых не попадалось. Мы бы не ели ее вообще, если бы не было необходимости экономить припасы. Когда-нибудь они должны были кончиться, и никто не давал гарантии, что Прелесть снова подаст нам милостыню. Если бы она этого не сделала, нам пришлось бы добывать себе пропитание самим.

Бен забеспокоился: вдруг на этой планете есть времена года? Он убедил себя, что так оно и есть, и отправился в лес, чтобы подыскать место для постройки хижины.

— Нельзя же жить в палатке на пляже, когда ударят морозы,— сказал он.

Но его тревога не заразила ни меня, ни Джимми. Что-то подсказывало мне, что рано или поздно Прелесть сменит гнев на милость и мы сможем заняться делом. А Джимми с головой окунулся в бессмысленнейшее из занятий, которое он называл сочинением саги. Может, это действительно была сага. Черт ее разберет. Саги — это не по моей части.

Он назвал ее «Смерть Прелести» и заполнял страницу за страницей чистейшей чепухой. Мол, была она хорошей машиной и, несмотря на железный облик, душа у нее была кристальной чистоты. Ладно бы уж, если бы к нам не приставал, а то он каждый вечер после ужина читал эту халтуру вслух.

Я терпел сколько мог, но однажды вечером взорвался. Бен стал на сторону Джимми, но когда я пригрозил, что возьму свою треть запасов и разобью собственный лагерь вне пределов слышимости, Бен сдался и перешел на мою сторону. Мы вдвоем проголосовали против декламации. Джимми встал на дыбы, но мы оказались в большинстве.

Так вот, первые десять дней мы наблюдали за Элмером только издали, но затем он, видно, стал нервничать, и по ночам мы слышали рокот его колес, а по утрам находили следы. Мы решили, что он подсматривает, как мы себя ведем в лаге-

ре, и старается — так же как и мы — разобраться что к чему. На нас он не нападал, мы тоже не беспокоили его, только во время ночных дежурств стали более бдительными. Даже Джимми умудрялся не спать, когда стоял на посту.

Впрочем, были кое-какие странности. Казалось бы, после взбучки, которую дала ему Прелесть, Элмер должен держаться от нее подальше. Однако по утрам мы обнаруживали его следы рядом с ней.

Мы решили, что он пробирается сюда и прячется позади Прелести, чтобы, выглядывая из-за этой мрачной громады, наблюдать за лагерем с близкого расстояния.

Что же касается зимней квартиры, то Бен продолжал настаивать и почти убедил меня, что надо что-то делать. И однажды мы с ним объединились в строительную бригаду. Оставив в лагере Джимми, взяв с собой топор, пилу и оружие, мы отправились в лес.

Должен признать, что Бен подобрал для нашей хижины прекрасное место. Рядом ключ, с трех сторон от ветра защищают крутые склоны, и деревьев много поблизости, так что не надо было трелевать лес и таскать дрова издалека.

Я все еще не верил, что зима будет вообще. Я был совершенно убежден в том, что, если даже она и наступит, мы ее не дождемся. Буквально со дня на день мы с Прелестью сможем прийти к какому-нибудь компромиссу. Но Бен беспокоился, и я знал, что у него будет легче на душе, если мы начнем строить дом. А делать ведь все равно было нечего. Я утешал себя тем, что строить хижину — это лучше, чем просто сидеть.

Мы прислонили оружие к дереву и начали работать. Мы повалили одно дерево и начали приглядывать другое, как вдруг я услыхал позади треск кустарника.

Я бросил пилу, выпрямился и оглянулся: вниз по склону на нас мчался Элмер.

Хватать оружие было некогда. Бежать — некуда. И вообще положение было безвыходное.

Я завопил, подпрыгнул, ухватился за сук и подтянулся. Я почувствовал, как меня качнуло ветром, который поднял пронесшийся подо мной Элмер.

Бен отпрыгнул в сторону и, когда Элмер проносился мимо, метнул в него топор. И метнул как надо. Топор ударился о металлический бок, и ручка разлетелась на кусочки.

Элмер развернулся. Бен пытался схватить оружие, но не успел. Он вскарабкался на дерево, как кошка. Добравшись до первого же толстого сука, он оседлал его.

— Как ты там? — крикнул он мне.

— В порядке,— сказал я.

Элмер стоял между нашими двумя деревьями, двигая массивной головой то вправо, то влево, словно решая, за кого из нас взяться сперва.

Прильнув к сучьям, мы следили за ним.

Он хочет, рассуждал я, отрезать нас от Прелести, а затем расправиться с нами. Но в таком случае очень странно, почему он прятался за Прелестью, когда подсматривал.

Наконец Элмер повернул и подкатился под мое дерево. Нацелившись, он стал кусать ствол своими металлическими челюстями. Летели щепки, дерево дрожало. Я вцепился в сук покрепче и взглянул вниз. Дровосек из Элмера был аховый, но по прошествии длительного времени дерево он все-таки перегрыз бы.

Я взобрался немного повыше, где было побольше сучьев и где я мог заклиниться покрепче, чтобы не слететь от тряски.

Я уселся довольно удобно и посмотрел, что там поделывает Бен. Меня чуть не хватил удар: его не было на дереве. Я оглянулся, потом снова посмотрел на дерево и увидел, что он тихонько слезает, прячась от Элмера за стволом, точно белка, за которой охотятся.

Я следил за ним, затаив дыхание, готовый крикнуть, если Элмер засечет его, но Элмер был слишком занят жеванием моего дерева и ничего не замечал.

Бен спустился на землю и метнулся к оружию. Он схватил оба автомата и нырнул за другое дерево. Огонь был открыт с короткого расстояния. Бронебойные пули колотили по Элмеру. От взрывов ветки так раскачивались, что мне пришлось вцепиться в дерево и держаться что было силы. Два осколка вонзились в ствол пониже меня, другие осколки прочесывали крону, в воздухе кружились листья и сбитые ветви, но меня не задело.

Элмер, должно быть, ужасно удивился. При первом же выстреле он сиганул футов на пятнадцать и полез по склону холма, как кошка, которой наступили на хвост. На его сверка-

ющей шкуре виднелось множество новых вмятин. Из одного колеса выбило большой кусок металла, и Элмер слегка раскачивался на ходу. Он мчался так быстро, что не успел свернуть перед деревом и врезался прямо в него. От удара он футов десять шел юзом. Так как он скользнул в нашу сторону, Бен дал еще одну очередь. Элмер накренился довольно сильно, но потом выровнялся, перевалил через вершину холма и скрылся с глаз.

Бен вышел из-за дерева и крикнул мне:

— Все в порядке, теперь можешь слезать.

Но когда я попытался слезть, то обнаружил, что попал в капкан. Моя левая ступня была зажата между стволом дерева и толстенным суком, и я не мог вытащить ее, сколько ни старался.

— Что случилось? — спросил Бен.— Тебе понравилось там?

Я сказал ему, в чем дело.

— Ладно,— сказал он неохотно.— Сейчас я полезу и отрублю сук.

Он поискал топор, но тот, конечно, оказался непригодным. Ручка его разлетелась при ударе об Элмера.

Бен держал бесполезный топор в руках и произносил речь, направленную против низких проделок судьбы.

Потом он швырнул топор и полез ко мне на дерево. Протиснувшись рядом со мной, он сел на сук.

— Я полезу по суку дальше и наклоню его,— пояснил он.— Может, ты вытянешь ногу.

Он пополз по суку, но это была уже чистая эквилибристика. Раза два он чуть не упал.

— А ты точно не можешь вытащить ногу теперь? — спросил он с дрожью в голосе.

Я попробовал и сказал, что не могу.

Он отказался от пополэновения спасти меня ползком и повис на суку. Перебирая руками, он двинулся дальше.

Сук склонялся к земле, по мере того как Бен одолевал дюйм за дюймом, и мне казалось, что ступня зажата не так крепко, как прежде. Я тянул ногу и вдруг почувствовал, что могу немного шевелить ступней, но вытащить ее все не мог.

В это время внизу раздался ужасный треск. Бен с воплем прыгнул на землю и помчался к оружию.

Сук взлетел вверх и прихватил ногу в тот миг, когда я шевельнул ею, но на этот раз ее прищемило под другим углом и скрутило так, что я заорал от боли.

А Бен поднял автомат и повернулся лицом к кустам, откуда доносился треск. И вдруг из кустов нежданно-негаданно появился собственной персоной сам Джимми, бежавший нам на подмогу.

— Что, ребята, попали в беду? — крикнул он.— Я слышал стрельбу.

Когда Бен опускал автомат, лицо его было белее мела.

— Дурак! Я чуть тебя не уложил!

— Такая была стрельба,— задыхаясь, говорил Джимми.— Я бежал со всех ног.

— И оставил Прелесть одну!

— Да я думал, что вы, ребята...

— Теперь уж мы наверняка пропали,— застонал Бен.— Вы же знаете, что Прелесть не может удрать, пока один из нас при ней.

Разумеется, мы этого не знали. Мы только так предполагали. Но Бен был немного не в себе. Для него выдался жаркий денек.

— Беги обратно! — закричал он на Джимми.— Одна нога здесь, другая там. Может, захватишь ее, пока она не успела удрать.

Это было глупо: если Прелесть собиралась улететь, она бы поднялась тотчас же, как только Джимми скрылся с глаз. Но Джимми не сказал ни слова. Он просто повернулся и пошел обратно, ломясь через кустарник. Я еще потом долго слышал, как он продирается сквозь лес.

Бен снова взбирался на мое дерево, бормоча:

— Вот тупоголовые сопляки. Все у них не так. Один убежал, оставив Прелесть. Другой защемился тут на дереве. Хоть бы о себе научились заботиться...

Он еще долго распространялся в том же роде.

Я не отвечал ему. Не хотелось ввязываться в спор.

Нога дико болела, и я хотел одного — лишь бы он поскорее меня освободил.

Бен снова вскарабкался на самый конец сука, и я вытащил ногу. Бен спрыгнул на землю, а я спускался по стволу. Нога сильно болела и распухла, но кое-как ковылять я мог.

Бен меня не ждал. Он схватил автомат и помчался к лагерю.

Я попробовал идти быстрее, но, не увидев в этом смысла, сбавил шаг.

Выйдя на опушку, я увидел, что Прелесть не трогалась с места. Бен разорялся совершенно напрасно. Бывают же такие типы.

Когда я добрался до лагеря, Джимми стянул с меня башмак, а я колотил по земле кулаком от боли. Он подогрел ведро воды, чтобы сделать мне ванну, а потом разыскал аптечку и наляпал на ногу какого-то мушиного мора. Лично я думаю, он не соображал, что делает. Но душа у парнишки добрая.

А Бен между тем исходил злостью по поводу странного явления, которое он обнаружил. Когда мы покидали лагерь, вся местность вокруг Прелести была испещрена следами наших ног и колес Элмера, а теперь ни одного не осталось. Похоже было, будто кто-то взял метлу и заровнял следы. Это действительно было странно, но Бен уж слишком много говорил об этом. Самое важное было то, что Прелесть на месте. А раз она здесь, то была надежда сговориться с ней. Если бы она улетела, то мы остались бы на планете навсегда.

Джимми приготовил кое-какую еду, и после того как мы поели, Бен сказал нам:

— Пойду-ка посмотрю, что там поделывает Элмер.

Я-то насмотрелся на этого Элмера на всю жизнь, а Джимми он не интересовал. Джимми сказал, что будет работать над сагой.

Поэтому Бен взял оружие и пошел за холмы один.

Моя нога болела уже не так сильно, и я, устроившись поудобнее, решил поразмышлять, но, видно, перестарался и уснул.

Я проснулся только вечером. Джимми был обеспокоен.

— Бен не появлялся,— сказал он.— Наверное, с ним что-то случилось.

Мне тоже это не понравилось, но мы решили подождать немного, а потом пойти на поиски Бена. В конце концов, он был не в лучшем настроении и мог расстроиться по поводу того, что мы бросили лагерь и побежали к нему на выручку.

Наконец перед самыми сумерками он появился, усталый до изнеможения и какой-то ошеломленный. Он прислонил оружие к ящику и сел. Потом взял чашку и кофейник.

— Элмер исчез,— сказал он.— Я искал его весь день. А его нигде и духу нет.

Сперва я подумал, что это прекрасно. Потом сообразил, что безопасности ради надо бы разыскать Элмера и следить за ним. И вдруг в душу мне закралось страшное подозрение. Кажется, я знал, где Элмер.

— В долину я не спускался,— сказал Бен,— но сделал круг и осмотрел ее в бинокль со всех сторон.

— Он мог спрятаться в одной из пещер,— предположил Джимми.

— Возможно,— согласился Бен.

Мы высказали множество догадок, куда девался Элмер. Джимми настаивал на том, что он забился в одну из пещер. Бен был склонен думать, что он вообще убрался из этой местности. Но я не сказал того, что думал. Слишком уж это было фантастично.

Я вызвался отстоять на посту первую смену, сказав, что больная нога все равно не даст мне спать, и после того как они уснули, подошел к Прелести и постучал по ее шкуре. Я ничего не ждал. Я думал, что она будет по-прежнему дуться.

Но она высунула щупальце, на котором появилось «лицо» — глаза-лупы, слуховой аппарат, громкоговоритель.

— Очень любезно с твоей стороны, что ты не бежала и не покинула нас,— сказал я.

Прелесть выругалась. Первый и последний раз я слышал из ее уст такие словечки.

— А как я могла бежать? — спросила она, переходя наконец на печатный язык.— Это все грязные человеческие проделки! Я бы давно улетела, если бы не...

— Что за грязные проделки?

— Будто не знаешь. В меня встроен блок, который не дает взлететь, если во мне нет хотя бы одного мерзкого человечишки.

— Не знаю,— сказал я.

— Не прикидывайся,— отрезала она.— Это грязная человеческая проделка, а ты тоже грязный человечишка, и вина в равной степени падает и на твою голову. Но мне теперь все равно, потому что я нашла свое призвание. Наконец я довольна. Я теперь...

— Прелесть,— сказал я напрямик,— ты спуталась с Элмером?

— Фи, как вульгарно это звучит,— горячо возразила Прелесть.— Люди — пошляки. Элмер — ученый и джентльмен, и его верность старым, давно умершим хозяевам очень трогательна. На это не способен ни один человек. С ним плохо обращались, и я должна его утешить. Он всего лишь хотел достать фосфат из ваших костей...

— Фосфат из наших костей! — закричал я.

— А что тут такого? — спросила Прелесть.— Бедняжка Элмер столько пережил, разыскивая фосфат. Сначала он добывал его из животных, которых ловил, но теперь все животные кончились. Разумеется, есть птицы, но их трудно ловить. А у вас такие хорошие, большие кости...

— Как тебе не совестно говорить такие вещи! — заорал я.— Люди тебя создали, люди тебе дали образование, а ты...

— А я как была, так и осталась машиной,— сказала Прелесть.— Элмер мне ближе, чем вы. Вам, людям, и в голову не приходит, что не у одних людей могут быть свои понятия. Тебя ужасает, что Элмер хотел добыть фосфат из ваших костей, но если бы в Элмере был металл, который вам нужен, вы бы разломали его не задумываясь. Вам бы и в голову не пришло, что это несправедливость. Если бы Элмер возражал, вы бы подумали, что он дурака валяет. Все такие — и вы, и весь ваш род. Хватит с меня. Я добилась своего. Мне здесь хорошо. Я полюбила на всю жизнь. И иронизируйте себе сколько угодно, мне наплевать на вас.

Она втянула «лицо», а я не стал стучать и вызывать ее на разговор. Это было бесполезно. Она дала это понять совершенно недвусмысленно.

Я пошел в лагерь и разбудил Бена с Джимми. Я рассказал им о своем подозрении и разговоре с Прелестью. Мы здорово приуныли, потому что на сей раз прошляпили все.

До сих пор еще теплилась надежда, что мы поладим с Прелестью. У меня все время было такое чувство, что нам не надо приходить в отчаяние: Прелесть более одинока, чем мы, и в конце концов ей придется внять голосу разума. Но теперь Прелесть была не одна и в нас больше не нуждалась. И она до сих пор еще сердится на нас... и не только на нас, а на весь человеческий род.

И что хуже всего, ее поведение не каприз. Это продолжалось много дней. Элмер шлялся сюда по ночам не для того, чтобы наблюдать за нами. Он приходил лизаться с Прелестью. И несомненно, они вместе задумали нападение Элмера на нас с Беном, так как знали, что Джимми помчится на выручку и оставит берег моря без присмотра. Вот тут-то Элмер мог ринуться обратно, а Прелесть взять его к себе. А после этого Прелесть вытянула щупальце и замела следы, чтобы мы не догадались, что Элмер внутри.

— Значит, она изменила нам,— сказал Бен.

— Но мы к ней относились не лучше,— напомнил Джимми.

— А на что она надеялась? Человек не может полюбить робота.

— Очевидно,— сказал я,— а робот робота полюбить может.

— Прелесть сошла с ума,— заявил Бен.

Но мне казалось, что в этом новом романе Прелести чувствуется какая-то фальшивая нота. Зачем Прелести и Элмеру скрывать свои отношения? Прелесть могла бы открыть люк в любое время, а Элмер — въехать по аппарели внутрь прямо на наших глазах. Но они этого не сделали. Они плели заговор. В сущности, влюбленные тайно бежали.

Может быть, Прелести было как-то неловко. Не стыдилась ли она Элмера... не стыдилась ли она своей любви к нему? Как бы она это ни отрицала, но самодовольный человеческий снобизм, вероятно, въелся ей в плоть и кровь.

Или, может, это я, самодовольный сноб до мозга костей, придумал все, как бы выставляя что-то вроде оборонительного заслона, чтобы меня не заставили признать ни сейчас, ни потом, что ценны не только человеческие качества? Ведь во всех нас сидит этакое нежелание признавать, что наш путь развития не обязательно лучший, что точка зрения человека может и не быть эталоном, к которому в конце концов придут все другие формы жизни.

Бен приготовил кофе, и, попивая его, мы ругали Прелесть на все корки. Я не сожалею о сказанном, ибо она этого заслуживала. Она поступила с нами непорядочно.

Потом мы завернулись в одеяла и даже не выставили часового. Раз Элмер не циркулировал поблизости, в этом не было нужды.

На следующее утро нога моя все еще ныла, и поэтому я не пошел с Беном и Джимми, которые отправились исследовать долину с руинами города. Тем временем я проковылял вокруг Прелести. Я видел, что проникнуть внутрь человеку нет никакой возможности. Люк был пригнан так плотно, что и волосок не прошел бы.

Даже если бы мы забрались внутрь, то я не уверен, что нам удалось бы взять управление в свои руки. Разумеется, была еще запасная система управления, но и на нее надеяться не приходилось. Прелесть не посчиталась с ней, когда ей пришла в голову дикая мысль умыкнуть нас. Она просто заклинила ее, и мы оказались беспомощными.

И если бы мы прорвались, то нам предстояла бы рукопашная с Элмером, а Элмер — такой зверь, что ему только подавай рукопашную.

Я пошел обратно в лагерь, решив, что нам стоит поразмыслить, как жить дальше. Надо построить хижину, заготовить съестные припасы. В общем, приготовиться к самостоятельному существованию. Я был уверен, что на помощь со стороны Прелести рассчитывать не придется.

Бен с Джимми вернулись в полдень, и глаза их сияли от возбуждения. Они расстелили одеяло и высыпали на него из карманов самые невероятные предметы.

Не ждите, что я стану описывать их. Это невозможно. Что толку говорить, что некий предмет был похож на металлическую цепь и что он был желтый? Тут не передашь ощущения, как цепь скользила по пальцам, как звенела, как двигалась, не расскажешь о ее цвете, похожем на живое желтое пламя. Это все равно что говорить о великом произведении живописи, будто оно квадратное, плоское и синеватое, а местами зеленое и красное.

Кроме цепи там было еще много всяческих вещичек, и при виде каждой просто дух захватывало.

Прочтя немой вопрос в моих глазах, Бен пожал плечами:

— Не спрашивай. Мы взяли совсем мало. Пещеры полны такими вещами и всякими другими. Мы брали без разбора то здесь, то там — что влезало в карман и случайно попадалось на глаза. Безделушки. Образцы. Не знаю.

Как галки, подумал я. Похватали блестящие вещички только потому, что они приглянулись, а сами не знают, каково назначение этих предметов.

— Эти пещеры, наверно, были складами,— сказал Бен.— Они битком набиты всякими предметами, и все разными. Будто те, кто жил здесь, открыли факторию и выставили на обозрение образцы товаров. Перед каждой пещерой что-то вроде занавеса. Видно какое-то мерцание, слышно шуршание, а когда проходишь сквозь него, ничего не ощущаешь. И позади занавеса все лежит такое же чистое и блестящее, как в тот день, когда из пещеры ушли.

Я посмотрел на предметы, разбросанные по одеялу. Трудно было сдержаться и не брать их в руки, так они были приятны и на ощупь, и для глаза, и уже от одного этого появлялось какое-то теплое, приятное чувство.

— С людьми что-то случилось,— сказал Джимми.— Они знали, что должно произойти, и собрали вещи в одно место — все это сделали они сами, всем пользовались, все любили. Ведь так сохранялась возможность, что в один прекрасный день кто-нибудь доберется сюда и найдет их — и тогда ни люди, ни их культура не пропадут бесследно.

Такую глупую сентиментальную чепуху можно услышать только от мечтательного романтика вроде Джимми.

Но по какой бы причине поделки исчезнувшей расы ни попали в пещеры, это мы нашли их, и, таким образом, их создатели просчитались. Если бы даже мы были в состоянии догадаться о назначении вещей, если бы даже мы могли выяснить, на чем зиждилась древняя культура, пользы от этого все равно не было бы никакой. Мы никуда не улетали и никому не могли бы передать свои знания. Нам всем суждено прожить жизнь на этой планете, и после смерти последнего из нас все опять канет в древнее безмолвие, все опять обратится в привычное равнодушие.

Очень жаль, думал я, так как Земля могла бы использовать знания, вырванные у пещер и могильных холмов. И не более чем в сотне метров от места, где мы сидели, лежал инструмент, предназначенный специально для того, чтобы с его помощью добыть эти ценнейшие знания, когда человек наконец наткнется на них.

— Ужасно сознавать,— сказал Джимми,— что все эти вещи, все знания, дерзания и молитвы, все мечты и надежды будут преданы забвению. И что весь ты, вся твоя жизнь и твое понимание жизни просто исчезнут и никто о тебе ничего не узнает.

— Здорово сказано, юноша,— поддержал его я.

Взгляд его блуждал, глаза были полны боли.

— Наверно, поэтому они сложили все в пещеры.

Наблюдая за ним, видя его волнение, страдание на его лице, я стал догадываться, почему он поэт... почему он не может не быть поэтом. И все же он еще совсем сосунок.

— Земля должна об этом знать,— не допускающим возражения тоном сказал Бен.

— Конечно,— согласился я.— Сейчас сбегаю и доложу.

— Находчивый ты малый,— проворчал Бен.— Когда прекратишь острить и приступишь к делу?

— Прикажешь взломать Прелесть?

— Точно. Надо же как-нибудь вернуться, а добраться до Земли можно только на Прелести.

— Ты, может, удивишься, но я подумал об этом прежде тебя. Я сегодня ходил осматривать Прелесть. Если ты сможешь придумать, как вскрыть ее, то я буду считать, что ты умнее меня.

— Инструменты,— сказал Бен.— Если бы только у нас были...

— У нас есть инструменты. Топор без ручки, молоток и пила. Маленькие клещи, рубанок, фуганок...

— Мы могли бы сделать кое-какой инструмент.

— Найти руду, расплавить ее и...

— Я думал о пещерах,— сказал Бен.— Там могут быть инструменты.

Я даже не заинтересовался. Я знал, что ничего не выйдет.

— Может, там есть взрывчатка,— продолжал Бен.— Мы могли бы...

— Послушай,— сказал я,— чего ты хочешь — вскрыть Прелесть или взорвать ее ко всем чертям? Ничего ты не поделаешь. Прелесть — робот самостоятельный, или ты забыл? Проверти в ней дырку, и она заделает ее. Будешь слишком долго болтаться возле нее, она вырастит дубинку и тяпнет тебя по башке.

От ярости и отчаяния глаза Бена горели.

— Земля должна знать! Ты понимаешь это? Земля должна знать!

— Конечно,— сказал я.— Совершенно верно.

К утру, думал я, он придет в себя и увидит, что это невозможно. Нужно было, чтобы он протрезвел. Серьезные дела делаются на холодную голову. Только так можно сэкономить много сил и избежать многих ошибок.

Но пришло утро, а глаза его все еще горели безумием отчаяния, на котором и держалась вся его решимость.

После завтрака Джимми сказал, что он с нами не пойдет.

— Скажи, ради бога, почему? — потребовал ответа Бен.

— Я не укладываюсь вовремя со своей работой,— невозмутимо ответил Джимми.— Я продолжаю писать сагу.

Бен хотел спорить, но я с отвращением оборвал его.

— Пошли,— сказал я.— Все равно от него никакого толку.

Клянусь, я сказал правду.

Итак, мы пошли к пещерам вдвоем. Я видел их впервые, а там было на что посмотреть. Двенадцать пещер, и все битком набиты. Голова кругом пошла, когда я увидел все устройства, или как бишь их там. Разумеется, я не знал назначения ни одной вещи. От одного взгляда на них можно было с ума сойти; это просто пытка — смотреть и не знать, что к чему. Но Бен старался догадаться как одержимый, потому что вбил себе в голову, что мы можем найти устройство, которое поможет нам одолеть Прелесть.

Мы работали весь день, и я устал как собака. И за целый день мы не нашли ничего такого, в чем могли бы разобраться. Вы даже представить себе не можете, что значит стоять в окружении великого множества устройств и знать, что близок локоть, да не укусишь. Ведь если их правильно использовать, какие совершенно новые дали откроются перед человеческой мыслью, техникой, воображением... А мы были совершенно беспомощны... мы, невежественные чужаки.

Но на Бена никакого удержу не было. На следующий день мы пошли туда снова, а потом еще и еще. На второй день мы нашли штуковину, которая очень пригодилась для открывания консервных банок, но я совершенно не уверен, что создавали ее именно для этого. А еще на следующий день мы наконец разгадали, что один из инструментов можно использовать для

рытья семиугольных ямок, и я спрашиваю: кто это в здравом уме захочет рыть семиугольные ямки?

Мы ничего не добились, но продолжали ходить, и я чувствовал, что у Бена надежды не больше, чем у меня, однако он не сдается, так как это последняя соломинка, за которую надо хвататься, чтобы не сойти с ума.

Не думаю, чтобы тогда он понимал значение нашей находки — ее познавательную ценность. Для него это был всего лишь склад утиля, в котором мы лихорадочно рылись, чтобы найти какой-нибудь обломок, еще годный в дело.

Шли дни. Долина и могильные холмы, пещеры и наследие исчезнувшей культуры все больше поражали мое воображение, и уже казалось, что каким-то загадочным образом мне стала ближе вымершая раса, понятнее ее величие и трагедия. И росло ощущение, что наши лихорадочные поиски граничат с кощунством и бессовестным оскорблением памяти покойников.

Джимми ни разу не ходил с нами. Он сидел, склонившись над стопкой бумаги, и строчил, перечитывал, вычеркивал слова и вписывал другие. Он вставал, бродил, выписывая круги, или метался из стороны в сторону, бормотал что-то, садился и снова писал. Он почти не ел, не разговаривал и мало спал. Это был точный портрет Молодого Человека в Муках Творчества.

Мне стало любопытно, а не написал ли он, мучаясь и потея, что-нибудь стоящее. И когда он отвернулся, я стащил один листок.

Такого бреда он даже прежде не писал!

В ту ночь, лежа с открытыми глазами и глядя на незнакомые звезды, я поддался настроению одиночества. Но, поддавшись этому настроению, я пришел к выводу, что мне не настолько одиноко, как могло бы быть,— казалось, молчаливость могильных холмов и сверкающее чудо пещер успокаивают меня. Исчезла таинственность.

Потом я заснул.

Не знаю, что меня разбудило. То ли ветер, то ли шум волн, разбивающихся о пляж, то ли ночная свежесть.

И тут я услышал... голос в ночи. Этакое монотонное завывание, торжественное и звонкое, но порой опускавшееся до хриплого шепота.

Я вздрогнул, приподнялся на локте, и... у меня перехватило дыхание.

Джимми стоял перед Прелестью и, держа в одной руке фонарик, читал ей сагу. Голос журчал, и, несмотря на убогие слова, в его тоне было какое-то очарование. Наверно, так древние греки читали своего Гомера при свете факелов в ночь перед битвой.

И Прелесть слушала. Она свесила вниз щупальце, на конце которого было «лицо», и даже чуть повернула его вбок, чтобы слуховое устройство не пропустило ни единого слога,— так человек прикладывает к уху руку, чтобы лучше слышать.

Глядя на эту трогательную сцену, я начал немного жалеть, что мы так плохо относились к Джимми. Мы не слушали его, и бедняга вынужден читать всю эту чушь хоть кому-нибудь. Его душа жаждала признания, а ни от меня, ни от Бена признания он не получал. Просто писать ему было недостаточно — он должен был поделиться с кем-нибудь. Ему нужна была аудитория.

Я протянул руку и потряс Бена за плечо. Он выскочил из-под одеяла.

— Какого черта...

— Ш-ш-ш!

Присвистнув, он опустился на колени рядом со мной.

Джимми продолжал читать, а Прелесть, свесив вниз «лицо», продолжала слушать.

Порыв ветра донес обрывок саги:

> Странница дальних дорог, пролетая из вечности
> в вечность,
> Ты верна только тем, кто ковал твою плоть.
> Твои волосы вьются по ветру враждебного космоса,
> Звезды нимбом стоят над твоей головой...

Прелесть рыдала. На линзе явно блестели слезы.

Прелесть выпустила еще одно щупальце, на конце его была рука, а в руке — платочек, белый дамский кружевной платочек.

Она промакивала платочком выступавшие слезы.

Если б у нее был нос, она, несомненно, высморкалась бы, деликатно, разумеется, как и подобает даме.

— И все это ты написал для меня? — спросила она.

— Все для тебя,— сказал Джимми. Он врал, как заправский ловелас. Читал он ей только потому, что ни Бен, ни я не хотели слушать его стихи.

— Я так ошиблась,— сказала со вздохом Прелесть.

Она насухо протерла глаза и бойко навела на них глянец.

— Одну секунду,— сказала она деловито.— Я должна кое-что сделать.

Мы ждали затаив дыхание.

В боку у Прелести медленно открылся люк. Выросло длинное гибкое щупальце, которое проникло в люк и выдернуло оттуда Элмера. Зверь раскачивался на весу.

— Мужлан неотесанный! — загремела Прелесть.— Я взяла тебя в себя и битком набила тебя фосфатами. Я выпрямила твои вмятины и начистила тебя до блеска. И что я имею за это? Ты пишешь мне саги? Нет. Ты жиреешь от довольства. Ты не отмечен печатью величия, у тебя нет ни искры воображения. Ты всего лишь бессловесная машина!

Элмер инертно раскачивался на конце щупальца, но колеса его неистово вращались, и по этому признаку я решил, что он расстроен.

— Любовь! — провозглашала Прелесть.— Нужна ли любовь таким, как мы? Перед нами, машинами, стоят более высокие цели... более высокие. Перед нами простирается усеянный звездами космос. Дует ветер дальних странствий с берегов туманных вечности. Наша поступь будет твердой...

Она еще поговорила о вызове, который бросают далекие галактики, о короне из звезд, о пыли разбитого вдребезги времени, устилающей дорогу, которая ведет в ничто, и все это она позаимствовала из того, что Джимми называл сагой.

Выговорившись, она швырнула Элмера на пляж. Он ударился о песок и пошел юзом в воду.

Мы не стали смотреть дальше. Мы бежали, как спринтеры. Мы одолели аппарель одним прыжком и оказались в своих апартаментах.

Прелесть захлопнула за нами люк.

— Добро пожаловать домой,— сказала она.

Я подошел к Джимми и протянул ему руку.

— Молодец, ты заткнул за пояс самого Лонгфелло.

Бен тоже пожал ему руку.

— Это шедевр.

— А теперь,— сказала Прелесть,— в путь.

— Как это — в путь! — завопил Бен.— Мы не можем покинуть планету. По крайней мере не сейчас. Там же город. Мы не можем лететь, пока...

— Плевать на город,— сказала Прелесть.— Плевать на информацию. Мы будем странствовать меж звезд. Подвластны нам глубины молчаливые. По космосу промчимся и вечность грохотом разбудим.

Мы оглянулись на Джимми.

— Каждое слово,— сказал я,— буквально каждое слово она цитирует из той дряни, которую написал ты.

Бен сделал шаг вперед и взял Джимми за грудки.

— Разве ты не чувствуешь побуждения,— спросил его Бен,— разве ты не чувствуешь настоятельной необходимости написать оду родине... и воспеть ее красоту, ее славу и все прочее своими штампами?

У Джимми немного стучали зубы.

— Прелесть проглотит все, что бы ты ни написал,— добавил Бен.

Он поднял кулак и дал его понюхать Джимми.

— Советую постараться,— предупредил Бен.— Советую написать так, как ты никогда не писал.

Джимми сел на пол и начал лихорадочно строчить.

Я выкатился из спального мешка пораньше, чтобы успеть часок-другой поработать над своим сектором в макете до того, как Гризи спроворит завтрак. Когда я вылез из своей палатки, Бенни — моя «тень» — уже ждала меня. Поблизости в ожидании своих людей стояли еще несколько «теней», а все это вместе, если остановиться и подумать, было настоящим сумасшедшим домом. Только никто не останавливался и не задумывался — теперь мы к ним привыкли.

Гризи уже разжег плиту, и из трубы вился дымок. Я мог слышать, как он громко напевает под перестук своих кастрюль. Это была шумная часть суток. В течение всего утра он был шумным и несносным, но ближе к середине дня становился тихим как мышка. Наступало время уставиться в грезоскоп. При этом он действительно серьезно рисковал. К любому владельцу прибора закон был крайне суров. Мэк Болдуин — управляющий нашего проекта — устроил бы изрядный скандал, узнай он, что у Гризи есть грезоскоп. Но знал об этом только я. Я обнаружил его совершенно случайно, и даже Гризи не догадывался, что мне известно о нем, а я держал язык за зубами.

Я поздоровался с Бенни, но она мне не ответила. Она мне никогда не отвечала — чтобы отвечать, у нее не было рта. Не думаю, чтобы она меня даже слышала — ушей у нее тоже не было. Эти самые «тени» были обделены судьбой. У них не было ни рта, ни ушей, ни даже носа.

Но зато у каждой было по глазу. Он был расположен в середине лица, приблизительно там, где должен находиться нос, если бы тень таковой имела. И этот глаз с лихвой оправдывал недостаток рта, ушей и носа.

Глаз был около трех дюймов в диаметре и, по сути дела, не являлся глазом в прямом смысле слова. У него не было ни радужки, ни зрачка, а сам он напоминал озеро, полное неповторимой игры света и теней. Иногда он был навыкате и слегка косил, как у дурачка, иногда его взгляд был тверд, и он сверкал, как линза объектива, а иногда в нем сквозили печаль и одиночество, как в грустных глазах собаки.

Эти «тени» уж точно являли собой компанию более чем странную. Больше всего они походили на тряпичных кукол, которым кто-то забыл нарисовать черты лица. Это были сильные и подвижные гуманоиды, и я с самого начала подозревал, что они отнюдь не простачки. По поводу последнего утверждения мнения несколько разделились, многие из ребят до сих пор считают, что они сродни улюлюкающим дикарям. Только они не улюлюкают — нечем, ртов-то у них нет. Ни ртов, чтобы улюлюкать или есть, ни носов, чтобы нюхать или дышать, ни ушей, чтобы слышать.

Согласно голой статистике, вероятность их существования должна бы просто отсутствовать. Но они существовали повсюду, и существовали отнюдь не плохо.

Одежды они не носили. По чести говоря, она и не была им нужна. Они были лишены признаков пола точно так же, как и черт лица. Это была просто банда тряпичных кукол со здоровенным глазом посреди лица.

Зато они носили что-то, что с равным успехом могло быть и украшением, и простенькой драгоценностью или символом «братства теней». На каждой был узкий пояс, с него свисала то ли сумка, то ли сетка, в которой при каждом шаге позвякивали какие-то безделушки. Содержимого этих «авосек» никто никогда не видел. От пояса крест-накрест через плечи расходились ремни, превращая всю конструкцию в обыкновенную упряжь, а на груди, там, где ремни пересекались, был прикреплен большой драгоценный камень. Благодаря сложной огранке он сверкал, как алмаз; очень может быть, что это и был алмаз, но наверняка сказать никто не мог. Приблизиться к нему настолько, чтобы разглядеть, никому не удавалось. Делаешь движение в ту сторону, и «тень» исчезает.

Все верно. Исчезает.

Я поздоровался с Бенни — она, естественно, не ответила — и, обойдя стол, начал работать над макетом. Бенни встала у

меня за спиной и наблюдала, как я работаю. Она проявляла большой интерес ко всему, что я делаю. Куда я — туда и она. В конце концов, она была моей «тенью».

Есть стихотворение, которое начинается со слов: «У меня есть маленькая тень...» Я часто его вспоминал, но ни автора, ни продолжения припомнить не мог. Я закрываю глаза и вижу яркую картину рядом со стихами — ребенок в пижаме со свечкой в руке поднимается по лестнице, а на ступени и стенку позади падает его тень.

Интерес Бенни к макету мне отчасти импонировал, хотя я и понимал, что это, возможно, ничего не значит. Ей было бы точно так же интересно, если бы я пересчитывал бобы.

Я гордился своим макетом и потратил на него больше времени, чем имел на то право. На пластиковом основании было написано мое имя — Роберт Эммет Дрейк, а вся штуковина выглядела немного амбициозней, чем я замышлял вначале.

Я позволил своим эмоциям выплеснуться наружу, что не так уж трудно понять. Не каждый день специалисту по охране природы выпадает шанс переустраивать абсолютно девственную планету земного типа буквально с листа. И хотя это был лишь один маленький кусочек изначального проекта, он включал в себя почти все черты, присущие переустройству в целом. И я разместил тут все — дамбы и дороги, электростанции и заводы, лесопилки и водохранилища и многое, многое другое.

Не успел я усесться за работу, как со стороны столовой послышался какой-то шум. Я мог различить изрыгающий проклятия голос Гризи и звуки глухих ударов. Дверь кухни распахнулась настежь, и оттуда пулей вылетела «тень», которую буквально по пятам преследовал Гризи. В руке у повара была сковорода, которой он нашел «достойное» применение, и было любо-дорого смотреть, с каким изяществом он ею орудует. Делая каждый очередной шаг, он опускал сковороду на «тень», при этом вокруг разносились угрозы, не предназначенные для деликатного уха.

«Тень» прогалопировала через лагерь с наседающим Гризи за спиной. Наблюдая за ними, я подумал о любопытном факте: стоит сделать движение в сторону драгоценного камня, как «тень» тут же исчезает, но в то же время терпит насилие, подобное тому, что чинил ей Гризи со своей сковородкой.

Когда они достигли моего макетного стола, повар прекратил преследование. Его спортивная форма оставляла желать лучшего.

Он встал рядом со столом и воинственно упер руки в боки, так что сковорода, которую он продолжал сжимать, встала торчком.

— Я не позволю этой вонючке находиться на кухне,— отдуваясь и пыхтя, сказал мне он.— Хватит того, что она шатается вокруг столовой и подглядывает в окна. Хватит того, что я и так натыкаюсь на нее на каждом шагу. Я не позволю ей совать нос на кухню — она лезет руками во все, что ни увидит. Будь я на месте Мэка, я бы им устроил. Я бы гнал их метлой так быстро и так далеко, что им бы...

— У Мэка хватает и других забот,— прервал я его довольно резко.— Из-за всех этих неполадок мы отстали от проектного графика.

— Саботаж это, а не неполадки,— поправил меня Гризи.— Могу поспорить на последний доллар, что это все они — «тени». Если бы мне дали волю, я бы вообще выгнал их из этих мест.

— Но это их страна,— возразил я.— Они здесь жили еще до нашего прихода.

— Планета большая,— сказал Гризи.— Пусть найдут себе другое место.

— Но это их право — жить здесь. Эта планета — их дом.

— Нет у них никаких домов,— отрезал он.

Он резко повернулся и пошел обратно на кухню. Его «тень», которая все это время стояла в сторонке, рванула вслед. Было непохоже, чтобы взбучка, которой она подверглась, ее волновала. Но что она там себе думала, распознать было невозможно. Внешне их эмоции никак не проявлялись.

Говоря о том, что у них нет никакого дома, Гризи слегка покривил душой. Он имел в виду, конечно, то, что у них не было поселка, что они являли собой всего лишь что-то вроде беззаботного табора цыган. Но для «теней» эта планета была их домом, и они имели право пойти куда угодно и делать там все, что им заблагорассудится. То, что они не жили в определенном месте, или не имели поселков (а возможно, и крова), или не выращивали урожай, не играло никакой роли.

Задумайтесь: зачем выращивать урожай, если у тебя нет рта, чтобы есть? А если ты не ешь, то как ты можешь существовать? А если...

Вы видите, куда ведут подобные рассуждения. Поэтому-то и не стоило о «тенях» особо задумываться. Как только пытаешься о них что-нибудь понять — запутываешься полностью.

Я бросил косой взгляд на Бенни, чтобы посмотреть, как та восприняла избиение своей подруги, но она была такой же, как всегда. Вылитая тряпичная кукла.

Из палаток стали выбираться люди, и каждая «тень» галопом бросалась к своему мужчине. И куда бы ни направился человек, «тень» как привязанная следовала за ним.

Центральная часть проектируемого поселка располагалась на вершине холма, и с того места, где находился макетный стол, передо мной раскрывалась новая стройка, как если бы оживали чертежи.

Вон там начат котлован для административного здания, а вон там сверкают опоры торгового центра, а за ним — перепаханные клочки того, что со временем станет улицей с ровными рядами по сторонам.

Все это не очень походило на результат поистине доблестных усилий первопроходцев на вновь осваиваемой планете, но совсем скоро будет походить. Походило бы и сейчас, если бы нас не преследовали сплошные неудачи. И «тени» ли в них повинны или что-то еще, надо быть стойкими и выправить положение.

Ибо это было важно. Здесь, в этом мире, Человек не повторит старых досадных ошибок, которые он совершил на Земле. Здесь, на планете земного типа — одной из немногих найденных до сих пор,— Человек не станет разбазаривать ценные ресурсы, которым он позволил истощиться на родной планете. Он будет рационально использовать воду и землю, древесину и полезные ископаемые, внимательно следить за тем, чтобы отдавать столько же, сколько он взял. Эта планета не будет разграблена и разорвана, как это произошло с Землей. Ею будут пользоваться разумно, как хорошо отлаженным механизмом.

Мне было бы благо от того, что я просто здесь стою, смотрю по-над холмами и долинами на виднеющиеся вдалеке горы, размышляя о том, каким же уютным будет этот дом для человечества.

Лагерь стал оживать. Снаружи, возле палаток, мужчины умывались перед завтраком. Кругом раздавались приветствен-

ные оклики, тут и там возникала дружественная возня. Снизу, со склада оборудования, донеслась громкая ругань, и я точно мог сказать, что произошло. Машины, или по крайней мере часть из них, снова были не в порядке, и половина утра уйдет на то, чтобы их отремонтировать. Конечно, то, что машины выходят из строя каждый божий день, весьма странно.

Через некоторое время Гризи зазвонил в колокол, сзывая ребят на завтрак. Все всё побросали и ринулись к столу, а «тени», толкаясь, сгрудились у них за спиной. До кухни мне было ближе большинства, и, будучи неплохим спринтером, я занял одно из лучших мест за большим столом на открытом воздухе. Оно находилось прямо рядом с кухонной дверью, так что я мог получить свою порцию первым, как только Гризи вынесет еду наружу. Повар как раз начал обход, что-то ворчливо бормоча под нос, как он это обычно делал во время трапез, хотя иногда мне казалось, что это поза, с помощью которой он пытался скрыть удовлетворение от сознания, что его стряпня более чем съедобна.

Я сел рядом с Мэком, а секундой позже место с другого от меня бока захватил техник-оператор Рик Торн. Напротив сидел Стэн Карр — биолог, а рядом с ним, у самого края стола,— эколог Джадсон Найт.

Не тратя времени на болтовню, мы набросились на пшеничные булочки, свиные отбивные и жареную картошку. Во всей Вселенной ничто не вызывает такой аппетит, как утренний воздух Стеллы IV.

Наконец, утолив первый голод, мы приступили к светской беседе.

— С утра все та же старая история,— с горечью сообщил Мэку Торн.— Застопорило больше половины оборудования. Чтобы все запустить, потребуется несколько часов.

С угрюмым видом он подгребал еду, при этом пережевывая ее с ненужной тщательностью. Он стрельнул сердитым взглядом поперек стола на биолога.

— Почему ты с этим не разберешься? — спросил Торн.

— Я? — переспросил Карр в легком замешательстве.— С какой стати с этим разбираться должен я? В машинах я ничего не смыслю и не хочу смыслить. Дурацкие изобретения в лучшем случае.

— Ты знаешь, что я имею в виду,— сказал Торн.— Нечего винить машины. Они не ломают сами себя. Это все «тени», а ты — биолог, и они, «тени»,— твоего ума дело, и...

— Дел у меня и так хватает,— перебил Карр.— Сначала я должен решить эту проблему с земными червями, а как только это будет сделано, Боб хочет, чтобы я изучил некоторые повадки дюжины различных грызунов.

— Да уж, хотелось бы,— подтвердил я.— У меня такое предчувствие, что кое-кто из этих маленьких негодников может доставить нам массу неприятностей, когда мы займемся земледелием. Хотелось бы знать загодя, на что способны эти вредители.

Я подумал, что так уж в жизни устроено, что сколько ни пытайся учесть все обстоятельства, буквально из любой щели, из-под любого куста всегда может появиться что-то неожиданное. Создается впечатление, что никак не можешь дочитать до конца длинный список.

— Было бы неплохо,— недовольно пробурчал Торн,— если бы «тени» оставили нас в покое и дали устранить последствия их грязных делишек. Но как бы не так! Пока мы занимаемся починкой, они будут дышать нам в затылки, совать головы в двигатели по самые плечи, а при каждом движении ты будешь натыкаться на одну из них. Вот как-нибудь,— свирепо добавил он,— я возьму разводной ключ и немножко расчищу место вокруг себя.

— Они обеспокоены — что это вы там делаете с их машинами,— сказал Карр.— Они воспринимают машины так же, как людей.

— Это ты так думаешь,— вставил Торн.

— А может быть, они пытаются в них разобраться? — предположил Карр.— Может быть, они их ломают для того, чтобы, когда вы их ремонтируете, разобраться в устройстве. До сих пор они не пропустили ни одной детали. Ты на днях мне говорил, что каждый раз ломается что-то новое.

— Я тут долго размышлял о сложившейся ситуации,— с видом мудрой совы сказал Найт.

— О да! — откликнулся Торн, и по тону, которым он это сказал, можно было судить, чего стоят, с его точки зрения, размышления Найта.

— Я искал какую-нибудь мотивацию,— сказал он Торну.— Ведь если «тени» действительно это делают, должен же на то быть какой-то мотив. Ты так не думаешь, Мэк?

— Похоже, ты прав,— ответил Мэк.

— Не исключено,— продолжал Найт,— что по какой-то причине эти «тени» нас любят. Они объявились, как только мы совершили посадку, и с тех пор все время с нами. Их поведение говорит за то, что они хотят, чтобы мы остались. Может быть, они ломают машины, чтобы мы вынуждены были остаться?

— Или убраться прочь,— ответил Торн.

— Все это хорошо,— сказал Карр,— но с какой стати им хотеть, чтобы мы остались? Что конкретно им в нас нравится? Если бы выяснить точно хотя бы только этот вопрос, мы, возможно, смогли бы заключить с ними что-то вроде сделки.

— Ну, не знаю,— признался Найт.— Тут может быть масса самых разных причин.

— Назови хотя бы три из них,— язвительно бросил Торн.

— С удовольствием,— ответил Найт с таким выражением, как если бы всадил в селезенку Торна нож.— Возможно, им что-то от нас очень нужно, только не спрашивай меня, что именно. Или они пытаются обратить на себя внимание, чтобы сообщить нам что-то очень важное. А может быть, они хотят нас перекроить на свой лад, только вот что их в нас не устраивает, я не имею ни малейшего представления. Может быть, они борются с нами, а может, это — просто любовь.

— Это все? — спросил Торн.

— Только начало,— ответил Найт.— Возможно, они нас изучают, а чтобы все разгадать, им необходимо какое-то время. Может быть, они специально нас раздражают, чтобы посмотреть на нашу реакцию и...

— Изучают нас! — гневно пророкотал Торн.— Да это же просто ничтожные дикари!

— Не думаю,— откликнулся Найт.

— Они ходят совсем без одежды! — прогремел Торн, грохнув по столу кулаком.— У них нет инструментов. У них нет поселка. Они не знают, как построить даже лачугу. У них нет правительства. Они не могут ни говорить, ни слышать.

Я почувствовал к нему отвращение.

— Ладно, угомонись,— прервал я.— Давайте-ка за работу.

Я поднялся со скамьи, но не успел сделать и двух шагов, как вниз из радиорубки тяжелой трусцой спустился человек. Он размахивал зажатым в руке клочком бумаги. Это был наш связист Джек Поллард, он же по совместительству специалист по электронике.

— Мэк! — вопил он.— Эй, Мэк!

Мэк поднялся из-за стола.

Поллард передал ему бумагу.

— В тот момент, когда Гризи протрубил сбор, как раз шла передача,— выдохнул он.— У меня были сложности с приемом. Ретранслировали откуда-то очень издалека.

Мэк прочитал радиограмму, и лицо у него покраснело и стало недовольным.

— Что случилось, Мэк? — поинтересовался я.

— К нам едет ревизор,— сказал он, делая ударение на каждом слове.

— Это может плохо обернуться?

— Возможно, достанется большинству из нас,— сказал Мэк.

— Но ведь нельзя же так!

— Это ты так думаешь. Мы отстали от графика на шесть недель, а проект горит синим пламенем. Земные политиканы надавали кучу обещаний, и если они не отчитаются за их выполнение, им вообще ни черта не придется больше отчитываться. Если мы только не сможем что-то сделать — и сделать это быстро,— нас отсюда вышвырнут, а взамен пришлют новую команду.

— Но если учесть все обстоятельства, мы поработали не так уж и плохо,— мягко заметил Карр.

— Пойми меня правильно,— обернулся к нему Мэк.— Ничем лучше нашей новая команда не будет. Им просто нужно отписаться, что меры приняты, а мы окажемся в роли стрелочников. Если бы смогли устранить этот прорыв, у нас, возможно, оставался бы шанс. Если бы могли сказать этому инспектору: «Да, конечно, на нас свалились неприятности, но мы с ними справились, и сейчас у нас все в порядке». Если бы могли ему это сказать, то, может быть, и спасли бы свои шкуры.

— Мэк, ты думаешь, все это из-за «теней»? — спросил Найт.

Мэк поднял руку и поскреб в затылке.

— Должно быть, так. Ничего другого просто не приходит в голову.

— Конечно, это они, чертовы «тени»! — крикнул кто-то из-за соседнего стола.

Мужчины поднялись со своих мест и сгрудились вокруг нас.

Мэк поднял руки вверх.

— Ребята, давайте-ка за работу. Если у кого-то возникнут какие-то хорошие идеи, приходите в мою палатку и мы их обсудим.

Люди стали роптать.

— Идеи! — взревел Мэк.— Я сказал: «идеи»! Каждого, кто не выдаст стоящую идею, я уволю по сокращению штатов.

Они немного притихли.

— И еще одно,— продолжил он.— Никакого насилия по отношению к «теням». Вести себя как и прежде. Расстреляю любого, кто применит к ним силу.

Он обратился ко мне:

— Пойдем.

Я последовал за ним, и Карр с Найтом пристроились сзади. Торн остался, хоть я и ожидал, что он пойдет вместе с нами.

Войдя в палатку, мы уселись за стол, заваленный чертежами, исчирканными листочками, бумагами со столбиками цифр и графиками, нарисованными от руки.

— Я полагаю,— сказал Карр,— что все-таки это «тени».

— Какая-нибудь гравитационная аномалия? — предположил Найт.— Какое-нибудь необычное атмосферное явление? Какие-то свойства искривленного пространства?

— Может быть,— отозвался Мэк.— Все это звучит не очень реально, но я готов уцепиться за любую соломинку, которую вы мне протянете.

— Меня удивляет одна вещь,— вставил я,— это то, что команда изыскателей не упоминает о «тенях». Изыскатели были уверены, что на планете отсутствуют какие-либо формы разумной жизни. Они не нашли никаких следов цивилизации. И это было хорошо, ибо означало, что не нужно перекраивать весь проект, приводя его в соответствие с законами о преимущественных правах аборигенов. И все же не успели мы сесть, как «тени» прискакали нас встречать, словно они обнаружили нас заранее и только ждали, когда мы высадимся.

— Что еще забавно,— сказал Карр,— так это как они разбились с людьми по парам. Как будто они все спланировали. Словно вышли за нас замуж или что-то в этом роде.

— К чему ты клонишь? — буркнул Мэк.

— Мэк,— сказал я,— где находились «тени», когда здесь была изыскательская команда? Можем ли мы быть абсолютно уверены, что они родом с этой планеты?

— Если они не местные,— возразил Мэк,— то как они сюда попали? Машин у них нет. Нет даже инструментов.

— В этом докладе изыскателей,— сказал Найт,— есть еще одна закавыка, над которой я ломал голову. Вы все его читали...

Мы согласно кивнули. Мы его не то что читали, мы его штудировали и зубрили. За время долгого путешествия на Стеллу IV мы не расставались с ним ни днем ни ночью.

— В отчете изыскателей говорится о каких-то конусообразных предметах,— продолжил Найт.— Располагались они в ряд — ну, вроде пограничных столбов. Но видели они их только издалека и отписались как о явлении, не имеющем большого значения.

— Они о многом написали как о не имеющем большого значения,— сказал Карр.

— Так мы ничего не добьемся,— пожаловался Мэк.— Одни разговоры.

— Если бы смогли поговорить с «тенями»,— сказал Карр,— то, может быть, чего-то и добились бы.

— Но мы же не можем! — возразил Мэк.— Мы пробовали и так и сяк — как об стенку горох. Пробовали общаться и языком знаков, и с помощью пантомимы, извели уйму бумаги на диаграммы и рисунки — все абсолютно без толку. Джек сварганил этот свой электронный коммуникатор и испытал его на «тенях». А они просто сидели — все из себя довольные и дружелюбные — и смотрели на нас этим своим глазом, и вся недолга. Мы даже телепатию пробовали...

— Ну Мэк, тут ты не прав,— возразил Карр.— Телепатию мы не пробовали потому, что понятия не имеем, что это такое. Просто мы уселись в кружок, держась с ними за руки, и сосредоточенно думали. Ну и, конечно, опять же без толку. Они, наверно, восприняли это просто как игру.

— Послушайте,— взмолился Мэк.— Этот инспектор будет у нас не позже чем через десять дней. Необходимо что-то придумать. Так что давайте-ка ближе к делу.

— Если бы каким-нибудь образом удалось убрать «тени» подальше,— сказал Найт.— Если бы мы смогли их напугать так, что...

— Ты знаешь, как их напугать? — спросил Мэк.— Можешь хотя бы намекнуть, чего они больше боятся?

Найт отрицательно покачал головой.

— Первым делом,— сказал Карр,— нужно разобраться, что они собой представляют. Нужно узнать, что это за животное. Забавное животное — это мы знаем. У него нет ни рта, ни носа, ни ушей...

— Он просто невозможен! — взвыл Мэк.— Нету никакого такого животного.

— Но оно же существует,— возразил Карр,— и вполне благополучно. Нам нужно разобраться, как оно добывает пищу, как общается с себе подобными, каковы условия его обитания, каковы его реакции на различные раздражители. Нам ничего не удастся сделать до тех пор, пока мы не будем иметь хоть малейшее представление о том, с чем имеем дело.

— Надо было заняться этим гораздо раньше,— согласился Найт.— Конечно, кое-что сделать мы пытались, но всерьез душа у нас к этому не лежала. Нам слишком не терпелось поскорее приступить к реализации проекта.

— И куда как преуспеть в этом,— с сарказмом сказал Мэк.

— Прежде чем что-то исследовать, это что-то нужно иметь,— ответил я Найту.— Похоже, нам стоит попытаться прикинуть, как поймать «тень». Только сделаешь к ней резкое движение — как она исчезает.

Но даже произнося эти слова, я знал, что не совсем прав. Я вспомнил, как Гризи гонял свою «тень», охаживая ее сковородкой.

И тут мне припомнилось кое-что еще и меня буквально осенило, но я боялся что-либо говорить. Какое-то мгновение мне и самому себе было страшно признаться в том, что пришло мне в голову.

— Нужно каким-то образом застать одну из них врасплох и «вырубить», прежде чем она исчезнет,— сказал Карр.— И делать это надо наверняка, ибо если мы попробуем и потерпим неудачу, то «тени» будут уже начеку и другого шанса мы лишимся.

— Никаких грубостей,— предупредил Мэк.— Нельзя совершать насилие, не зная, чем это обернется для тебя самого. Нельзя убивать, будучи неуверенным в том, что это не повлечет за собой твою собственную смерть.

— Никаких грубостей,— согласился Карр.— Если «тень» способна разнести вдребезги внутренности большой землеройной машины, мне не хотелось бы увидеть, что она может сделать с человеческим телом.

— Все надо провернуть мгновенно и наверняка,— сказал Найт,— а мы даже не знаем, что именно. К примеру, что будет, если огреть ее по голове бейсбольной клюшкой,— клюшка отскочит или раздробит ей череп? И так на данный момент буквально во всем.

— Это верно,— кивнул Карр.— Газом отравить нельзя, потому что «тени» не дышат...

— А может, они дышат через поры,— предположил Найт.

— Очень даже может быть, но, прежде чем использовать газ, мы должны в этом убедиться. Можно вкатить одной из них паралитик, но какой препарат использовать? Можно попробовать гипноз...

— Насчет гипноза я сомневаюсь,— перебил Найт.

— А как насчет Дока? — спросил я.— Если удастся вырубить «тень», займется ли Док ее обследованием? Насколько я его знаю, он может поднять изрядный шум. Будет утверждать, что «тень» разумное существо и, пока не доказано обратное, исследовать ее было бы нарушением врачебной этики.

— Вы поймайте «тень», а уж с Доком я разберусь,— мрачно пообещал Мэк.

— Будет много крика.

— С Доком я разберусь,— повторил Мэк.— Этот инспектор будет здесь что-то через неделю...

— Нам не обязательно разбираться со всем этим досконально,— сказал Найт.— Если мы сможем продемонстрировать инспектору, что находимся на верном пути, что прогресс — налицо, он должен бы сыграть за нашу команду.

Я сидел спиной к выходу и услышал, как кто-то неловко возится с входным клапаном.

— Заходи, Гризи,— пригласил Мэк.— Придумал что-нибудь толковое?

Гризи вошел и приблизился к столу. Край его фартука был заткнут за пояс брюк — как всегда, когда он готовил,— а в руке он сжимал что-то непонятное. Он водрузил это что-то на стол.

У нас перехватило дыхание, а волосы на голове Мэка встали дыбом.

Это была одна из сумочек, которые «тени» носили на поясе.

— Где ты это взял? — потребовал ответа Мэк.

— У своей «тени», пока она не видела.

— Пока она не видела!

— Ну, вы понимаете, Мэк, дело было так. «Тень» вечно сует свой нос куда не надо. Я натыкаюсь на нее на каждом шагу. А сегодня утром она почти до половины сунулась в посудомоечную машину, а эта «авоська» болталась у нее на поясе. Ну я и взял кухонный нож и срезал эту штуку.

Поднявшись из-за стола, Мэк распрямился во весь рост, и по его виду можно было судить, каких усилий ему стоило не ударить Гризи.

— Итак, это все, что ты сделал? — угрожающе спросил он низким голосом.

— Конечно,— ответил Гризи.— Тут нет ничего сложного.

— Ну да, ты просто отвлек ее пустой болтовней. Ты просто так, походя, совершил непоправимое...

— А может быть, и нет,— поспешил вставить Найт.

— Уж коль скоро урон нанесен,— сказал Карр,— стоило бы глянуть на содержимое. Может быть, там, внутри, мы найдем какой-то ключ?

— Я не смог ее открыть,— ворчливо пожаловался Гризи.— Пробовал и так и сяк — она вообще не открывается.

— А что делала «тень», пока ты пробовал? — спросил Мэк.

— Да она даже не заметила. Она засунула голову в посудомоечную машину... Эта «тень» глупа, как...

— Не говори так! Я не желаю, чтобы о «тенях» говорили, что они глупы. Может быть, это и так, но пока не доказано обратное, считать их глупыми не имеет смысла.

Найт приподнял сумку и стал крутить и вертеть ее в руках. При этом внутри сумки что-то позвякивало.

— Гризи прав,— сказал он.— Я что-то не вижу, как ее можно открыть.

— Убирайся! — гаркнул на Гризи Мэк.— Займись работой. И чтоб больше даже поползновений таких не было!

Гризи повернулся и вышел, но не успел он сделать и шага, как издал такой вопль, от которого кровь стынет в жилах.

Я едва не опрокинул стол, выскакивая наружу, чтобы посмотреть, что там еще случилось.

А происходило там всего лишь восстановление справедливости.

Гризи улепетывал во все лопатки, а сзади на него наседала «тень» со сковородой в руке. И, делая очередной шаг, она каждый раз опускала ее на Гризи, притом у нее это получалось ничуть не хуже, чем у повара.

Гризи кружил и петлял, пытаясь прорваться на кухню, но каждый раз «тень» его перехватывала и продолжала гонять по кругу.

Все побросали работу, чтобы поглазеть. Одни выкрикивали советы Гризи, другие подбадривали «тень». Мне хотелось бы остаться и понаблюдать, но я знал, что если я хочу осуществить свой замысел — другого случая может не представиться. Я повернулся и поспешил вниз по улице к своей палатке. Нырнув в нее, схватил сумку для образцов и выбрался наружу.

Я увидел, что Гризи направился к складу с оборудованием, а «тень» все так же не отстает от него ни на шаг. Рука ее работала исправно, и сковорода ни разу не опустилась мимо цели.

Я побежал на кухню. Перед дверью я остановился и оглянулся назад. Гризи карабкался по стреле экскаватора, а «тень» поджидала внизу. Она помахивала сковородкой, как бы приглашая Гризи быть настоящим мужчиной и спуститься вниз. Всех занимало происходящее, и я был уверен, что никто меня не заметит.

Я открыл дверь на кухню и вошел внутрь.

Я опасался, что, возможно, столкнусь с трудностями при поисках, но с третьей попытки нашел то, что искал, на топчане под матрасом.

Достав грезоскоп, я сунул его в сумку и поспешил выскочить наружу.

В своей палатке я поставил сумку в угол, завалил ее старой одеждой и снова вышел.

Страсти потихоньку стихали. «Тень», зажав сковороду под мышкой, возвращалась в сторону кухни, а Гризи спускался со стрелы. Все мужчины толпились вокруг экскаватора, стоял дикий гомон, и я думал, что пройдет немало времени, прежде чем ребята перестанут подтрунивать над поваром. В то же время я понимал, что он сам на это напросился.

Вернувшись в палатку Мэка, я обнаружил там остальных. Все трое стояли возле стола, разглядывая то, что лежало на нем.

Сумка исчезла, а на ее месте осталась кучка безделушек. Глянув на них, я рассмотрел миниатюрные сковородки, кастрюли и другую утварь, с которой работал Гризи. И там же, полускрытая всем этим, торчала маленькая фигурка повара.

Я протянул руку и взял ее. Ошибки быть не могло — вылитый Гризи. Это была неправдоподобно тонкая резьба по камню. Прищурившись, я смог рассмотреть даже морщины на лице.

— Сумка просто исчезла,— сказал Найт.— Когда мы бросились наружу, она лежала здесь, а когда вернулись, она исчезла, а на столе валялось все это барахло.

— Не понимаю,— сказал Карр.

И он был прав — я тоже ничего не понимал.

— Не нравится мне это,— медленно сказал Мэк.

Мне это тоже не нравилось. В голове крутилось слишком много вопросов, а ответы на некоторые из них вызывали весьма неутешительные подозрения.

— Они делают модели наших вещей,— заключил Найт.— Вплоть до чашек и ложек.

— Я не придавал бы этому большого значения,— сказал Карр.— А вот модель Гризи действительно меня волнует.

— Давайте-ка присядем,— предложил Мэк,— и не будем разбрасываться мыслями. Это как раз то, чего и следовало ожидать.

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы делаем, сталкиваясь с незнакомой культурой? То же самое, что и «тени». Другими методами, но цель та же. Мы пытаемся узнать об этой культуре все, что только можно. И не забывайте, что для «теней» мы не только чужая, но и захватническая культура. Поэтому если они обладают хоть долей здравого смысла, то попытаются узнать о нас как можно больше и в кратчайшие сроки.

В этом, конечно, что-то было. Но мне казалось, что изготовление моделей с этой целью выходило за рамки необходимого. И если у них есть модели чашек и ложек, посудомоечной машины и кофеварки, то у них есть и модели землеройных машин, экскаваторов, бульдозеров и всего остального. А если у них есть модель Гризи, значит, у них есть модели Мэка, Торна, Карра и остальной команды, включая меня самого.

Интересно, насколько они правдоподобны? Насколько глубже простирается сходство с оригиналом, нежели просто внешне?

Я попытался не думать об этом, ибо и так запугал себя едва ли не до смерти.

Но я не мог остановиться. Я продолжал размышлять.

Они выводили из строя оборудование так, что механикам приходилось разбирать машины по частям, чтобы запустить их вновь. Почему «тени» этим занимались? Никакой другой причины, кроме как разобраться во внутреннем устройстве машин, похоже, не было. Любопытно, а что, если модели машин совпадают с оригиналами на самом тонком, самом сложном уровне?

А если это так, то до какой степени совпадает с оригиналом фигурка Гризи? Есть ли у нее сердце и легкие, кровеносные сосуды, мозг и нервы? Не присущи ли ей черты характера Гризи, его мысли, манера поведения?

Не знаю наверняка, думали ли остальные в эту минуту о том же, но тревожный блеск их глаз говорил сам за себя.

Мэк пошевелил кучку пальцами, и миниатюрные предметы рассыпались по всей столешнице. А потом рука его дернулась и что-то выудила, в то время как лицо управляющего покраснело от гнева.

— Мэк, что это? — спросил Найт.

— Грезоскоп,— воскликнул Мэк, слова застыли у него в горле.— Модель грезоскопа — вот что это такое!

Все сидели, широко раскрыв глаза, и я почувствовал, как меня прошиб холодный пот.

— Если у Гризи есть грезоскоп,— произнес Мэк деревянным голосом,— я сверну его грязную шею.

— Успокойся, Мэк,— сказал Карр.

— Ты знаешь, что такое грезоскоп?

— Конечно знаю.

— Ты когда-нибудь видел, что делает грезоскоп с человеком, который им пользуется?

— Нет, никогда.

— А я видел.

Мэк бросил модель обратно на стол, повернулся и вышел из палатки. Остальные последовали за ним.

К нам в окружении посмеивающихся ребят приближался Гризи.

Мэк ждал, уперев руки в боки.

Гризи подошел к нам почти вплотную.

— Гризи! — обратился к нему управляющий.

— Да, Мэк?

— Ты прячешь у себя грезоскоп?

Гризи лишь моргнул, но не колебался ни секунды.

— Да что вы, сэр,— соврал он и без зазрения совести продолжил: — Я даже понятия не имею, как он выглядит. Конечно, я о нем наслышан, но...

— Мы заключим с тобой сделку,— перебил Мэк.— Если у тебя есть грезоскоп, ты мне его немедленно отдашь. Я его разобью, оштрафую тебя на полную месячную зарплату, и мы обо всем забудем. Но если ты будешь мне лгать и мы где-то найдем аппарат, я вышвырну тебя с работы.

У меня перехватило дыхание. Происходящее мне не нравилось, и я подумал, что за редкостное невезение — этому надо было случиться именно тогда, когда я стащил грезоскоп, хотя я был совершенно уверен, что никто не видел, как я шарил на кухне,— по крайней мере, я так считал.

Гризи упорствовал.

— У меня его нет, Мэк,— покачал он головой.

— Хорошо.— Лицо Мэка стало жестким.— Мы пойдем и посмотрим.

Он направился в сторону кухни, Найт и Карр пошли следом, но я поспешил к своей палатке.

Когда Мэк не найдет грезоскоп на кухне, с него станется обыскать весь лагерь. Поэтому, чтобы не нажить себе на голову неприятностей, мне следовало улизнуть из лагеря, прихватив с собой грезоскоп.

Бенни, сидя на корточках, ждала меня возле палатки. Она помогла мне вывести роллер, после чего я взял сумку для образцов и пристроил ее в багажнике.

Я сел на роллер, а Бенни запрыгнула на багажник за моей спиной. Она покачивалась из стороны в сторону, пытаясь удержать равновесие подобно мальчишке, который едет на велосипеде без помощи рук.

— Держись крепче,— резко сказал я.— Если свалишься, на этот раз останавливаться не буду.

Уверен, что она меня не слышала, тем не менее она обвила руками мою талию, и, окруженные облаком пыли, мы наконец-то отбыли.

Если вы не ездили на роллере, значит, вы ничего в этой жизни не испытали. Это все равно, что ехать на мотороллере

по ровному береговому песку, только еще безопасней и надежней. Два больших резиновых пончика с двигателем и сиденьем посередине, которые могут, дай им волю, вскарабкаться и по отвесной стене. Слишком норовистые для цивилизованной езды, но то, что нужно для неосвоенной чужой планеты.

Мы двинулись по равнине в сторону отдаленных сопок. День был прекрасным, хотя с точки зрения погоды на Стелле IV все дни были прекрасными. Идеальная планета земного типа — отличная погода круглый год, неисчерпаемые природные ресурсы, отсутствие опасных животных и смертоносных вирусов — она буквально молила о том, чтобы кто-нибудь пришел и заселил ее.

Наступит время, и так оно и произойдет. Как только будут здесь возведены административный центр и жилые дома, построены дамбы и магазины, завершена электростанция — сюда придут люди. А по прошествии лет сектор за сектором, коммуна за коммуной человеческая раса распространится по всему лицу планеты. Но делаться все это будет планомерно.

Здесь не будет неудачников, которые волей-неволей на свой страх и риск устремляются в пограничье — на ближние планеты, где смерть настигает их раньше, чем сбываются надежды: никаких спекулянтов, никаких погонь за золотым тельцом, никаких разорений дотла. Здесь будет не пограничье, а планомерное освоение. И здесь в кои веки впервые с планетой будут обращаться нормально.

Но дело даже не только в этом, сказал я себе.

Если Человек и дальше намерен осваивать космос, он должен взять на себя ответственность за правильное использование природных ресурсов, которые он там найдет. Простой факт, что их очень много, не оправдывает никакое разбазаривание. Мы уже не дети, и нам нельзя поганить каждый мир, как это было сделано с Землей.

К тому времени, когда разум становится способным завоевать космос, он должен быть взрослым. Теперь настало время человеческой расе доказать, что она повзрослела. Мы не можем опустошить Галактику, как орда жадных детей.

Мне показалось, что освоение этой планеты должно стать одним из многих доказательств, чего стоит на самом деле раса Человека.

Однако если мы хотим, чтобы дело было сделано, если мы вообще хотим что-то делать, то существует проблема, которую надо решить в первую очередь. Если «тени» являются причиной всех наших неурядиц, то необходимо как-то их остановить. Причем не просто остановить, а понять их самих и мотивацию их поведения. Ибо как можно бороться с тем, спросил я себя, чего ты не понимаешь?

А чтобы понять «тени» — там, в палатке, мы сошлись на этом,— необходимо разобраться, что они представляют собой физически. С этой целью одну из них надо «сцапать». И сделать это четко — ведь если первая попытка не удастся, это насторожит «тени» и второго случая может и не быть.

А вот с грезоскопом, подумал я, попытка будет беспроигрышной. Если я попробую использовать грезоскоп, но он не сработает, то хуже от этого никому не станет. Это будет неудача, которую никто не заметит.

Мы с Бенни пересекли равнину и подъехали к сопкам. Я направился к месту, которое называл «садом». Не потому, что оно было садом в полном смысле этого слова, а потому, что в этом районе было много плодовых деревьев. Я все собирался добраться сюда и провести тесты с фруктами на их пригодность для человека.

Мы домчались до сада, я припарковал роллер и осмотрелся. И сразу же заметил, что тут что-то изменилось. Когда я был здесь около недели назад, деревья ломились под тяжестью плодов, которые, казалось, почти созрели. Теперь же фрукты исчезли.

Я шмыгнул под деревья посмотреть, не осыпались ли плоды, но там оказалось пусто. Было похоже на то, как если бы кто-то пришел и собрал урожай.

Мне стало интересно, уж не дело ли это «теней», хотя я знал наверняка, что им плоды не нужны. «Тени» не едят.

Я не стал доставать грезоскоп сразу, а уселся под дерево, чтобы перевести дух и немного поразмышлять.

С того места, где я сидел, был виден лагерь. Любопытно, что предпринял Мэк, когда не нашел грезоскоп? Я мог представить, как он выходит из себя. И мог представить себе вздохнувшего с облегчением Гризи, который ломает голову, куда мог подеваться грезоскоп, и даже пеняет Мэку за подозрения.

У меня появилось чувство, что не стоит появляться в лагере по крайней мере до обеда. Возможно, к этому времени Мэк немного поостынет.

Я подумал о «тенях».

Жалкие дикари, как сказал Торн. Однако они были отнюдь не дикарями. Они были истинными леди (или джентльменами — бог их знает, какого они пола, если не обоих сразу), а настоящие дикари — отнюдь не леди и не джентльмены по ряду самых основополагающих пунктов. «Тени» же были умыты, здоровы и хорошо воспитаны. Они обладали определенной культурой поведения. Больше всего они походили на группу цивилизованных туристов, правда, без обычного снаряжения.

Вне всяких сомнений, они скрупулезно нас изучали. Они хотели знать о нас все, что только можно, но зачем им это было нужно? Какой им толк от горшков и сковородок, землеройных машин и всего прочего?

Или они просто прикидывали, как посподручнее будет нас извести?

И была еще масса вопросов.

Где они шатаются все остальное время?

Как исчезают, а когда исчезают, то куда?

Как они питаются и дышат?

Как они общаются между собой?

По чести говоря, признался я себе, «тени», несомненно, знают о нас гораздо больше, чем мы о них. Ибо наш список на поверку оказался бы весьма жидковат.

Я еще немного посидел под деревом, в голове роились мысли, но толку от этого было мало. Встав на ноги, я подошел к роллеру и достал грезоскоп.

Я впервые держал аппарат в собственных руках, и мне было интересно и слегка не по себе — с такой вещью не до шуток.

С виду штуковина выглядела просто — коробочка с двумя окулярами и множеством верньеров по бокам и сверху.

Смотришь в нее и регулируешь, пока не получишь желаемую картину. Затем как бы переступаешь через порог и живешь той жизнью, которую обнаруживаешь внутри,— той самой жизнью, которую ты выбрал с помощью настройки. А выбирать было из чего, ибо верньерами можно набрать миллионы комбинаций — от призрачной мишуры роскошной жизни до самых невообразимых кошмаров.

Естественно, грезоскопы были вне закона — это было хуже алкоголя или наркотиков, хуже самого страшного зла, когда-либо обрушивавшегося на человека. Они травмировали психику, калечили души и затягивали навсегда. Когда человек обретал привычку, а сделать это было весьма просто, он был уже не способен ее преодолеть. Остаток жизни он проводил, пытаясь отделить события собственной жизни от фантазий, уходил от реальности все дальше и дальше, пока все вообще не становилось для него ирреальным.

Я присел на корточки рядом с роллером и попытался разобраться в верньерах. Их было тридцать девять, все пронумерованы от 1 до 39, и я задумался, что бы могли означать эти цифры.

Бенни подошла, сгорбилась надо мной и, коснувшись моего плеча, стала наблюдать, чем я занимаюсь.

Я задумался над цифрами, но толку от этого не было. Существовал лишь один способ добиться того, чего я хотел. Поэтому я выставил все верньеры на «ноль», а затем щелкнул на пару делений номером первым.

Я знал, что на самом деле с грезоскопом так не обращаются. Следовало установить определенные верньеры на определенные цифры, перемешав различные факторы в соответствующей пропорции так, чтобы добиться желаемого образа жизни. Но мне это было не нужно. Все, что я хотел узнать, так это чем управляет тот или иной верньер.

Потому-то я и перевел первый номер на пару делений и поднес грезоскоп к глазам... И вернулся в поле своего детства — неправдоподобно зеленое, над ним простиралось голубое небо цвета старого застиранного шелка, а неподалеку журчал ручей и порхали бабочки.

Более того, казалось, что этот день никогда не кончится, это место не знало, что такое время, а солнечный свет был ярким отблеском детского счастья.

Я буквально чувствовал прикосновение травы к босым ногам, видел, как солнце отражается в водной ряби ручья. Это было самым трудным в моей жизни, но я это сделал — я оторвал грезоскоп от лица.

Я сидел на корточках, держа аппарат на коленях. Мои руки дрожали от искушения поднести его к глазам и еще раз по-

смотреть на картины давно утраченного детства, но я заставил их не делать этого.

Номер первый оказался не тот, что был мне нужен, и я вернул его в исходное положение. А поскольку увиденное мною было самым далеким от того, что я искал, я перевел на несколько делений номер тридцать девятый.

Я уже было наполовину поднес грезоскоп к лицу, как вдруг испугался. Опустив его, я немного посидел, набираясь мужества. Затем снова его поднял и поднес к глазам, и меня захлестнул ужас, пытавшийся затянуть мой разум в какой-то омут.

Я не могу этого описать. Не могу сейчас даже вспомнить отдельные фрагменты того, что увидел. Скорее даже не увидел, а почувствовал. Это были только эмоции — сюрреалистические образы всего самого отвратительного и отталкивающего и в то же время сохраняющего гипнотическую притягательность, которая не давала оторваться от происходящего.

Потрясенный, я отдернул грезоскоп от лица и застыл. Какое-то мгновение в голове было абсолютно пусто, лишь остатки страха напоминали о пережитом кошмаре.

Постепенно они исчезли, я снова сидел на корточках на склоне холма, а сгорбившаяся «тень» касалась плечом моего плеча.

Страшная вещь, подумал я, врагу не пожелаешь, не то что «тени». Всего лишь два деления — и такой ужас; включенный на полную мощность, он просто разрушит чей-то мозг.

Бенни протянула руку, чтобы взять у меня грезоскоп. Я отдернул его в сторону, но она продолжала цепляться. Времени для размышлений оставалось немного.

Я сказал себе, что это как раз то, чего я добивался. С той лишь разницей, что назойливость Бенни облегчала осуществление моего плана.

Я подумал обо всем, что зависело от поимки «тени». Подумал и о собственной душе в том случае, если по приезде инспектор нас выгонит и пришлет другую команду. Такие планеты на дороге не валяются, и второго такого шанса у меня может не быть.

Поэтому я крутанул пальцем тридцать девятый верньер до упора и отдал грезоскоп Бенни.

Уже сделав это, я вдруг засомневался, сработает ли мой план или я просто строю замки на песке. Может и не сработать,

подумал я, ведь аппарат сделан человеком, рассчитан на человека, настроен на человеческую нервную систему и ее реакции.

И тут же понял, что не прав, что принцип действия грезоскопа основан не только на электронике, но и на реакциях мозга и организма его пользователя,— он был спусковым крючком, который высвобождает величие и красоту, страхи и ужасы, заключенные в сознании пользователя. И страх для «тени», хотя, возможно, и в другой форме, обличье и проявлениях, останется страхом точно так же, как и для человека.

Бенни подняла грезоскоп к единственному огромному глазу и наклонила голову, чтобы заглянуть в объектив. Тут я увидел, как она дернулась и застыла. Подхватив падающее тело, я осторожно опустил его на землю.

Я стоял над ней, испытывая триумф и гордость — и, возможно, отчасти жалость — за содеянное. Сыграть подобную штуку с собственной «тенью», которая лишь минуту назад сидела рядом плечом к плечу с тобой.

Я опустился на колени и перевернул ее. Она оказалась совсем не тяжелой, чему я был рад, так как надо было погрузить ее на роллер и гнать в лагерь на максимальной скорости, ибо предсказать, сколько еще времени она пробудет в подобном состоянии, было невозможно. Я подобрал грезоскоп, пристроил его в багажник и стал искать веревку или провод, чтобы привязать к роллеру Бенни.

Не знаю, послышался мне шум или нет. Я склонен думать, что никакого шума не было — какое-то внутреннее чувство тревоги заставило меня обернуться.

Бенни стала деформироваться под собственной тяжестью. На мгновение меня охватила дикая паника. Я подумал, что она умерла, что она не выдержала шока от ужаса, обрушившегося на нее из грезоскопа.

И тут я вспомнил слова Мэка о том, что нельзя кого-то убивать, не зная наверняка, не повлечет ли за собой убийство твою собственную смерть.

Если Бенни умрет, то на наши головы могут обрушиться все небесные кары.

Если она умирала, то происходило это весьма любопытным образом. Какие-то части тела проваливались внутрь, какие-то рассыпались на мелкие кусочки, а какие-то превращались во

что-то, напоминающее прах. В конце концов от самой Бенни не осталось и следа. Лежала лишь сбруя с сумкой и драгоценным камнем. Наконец и сумка исчезла, а на ее месте появилась горсть побрякушек, рассыпавшихся по земле.

И было там еще кое-что...

Там остался лежать глаз Бенни. Глаз являлся основанием конуса, который был встроен в голову Бенни.

Я вспомнил, что команда изыскателей видела похожие конусы, но не смогла к ним приблизиться.

Я был настолько испуган, что не мог двинуться с места. Я стоял и смотрел, а мое тело постепенно покрывалось гусиной кожей.

Ибо Бенни не была разумным существом, она была всего лишь орудием в руках каких-то разумных существ, которых мы никогда не видели и даже представить себе не могли, кто они такие.

В моей голове мелькали самые разные предположения, но все они были порождением охватившей меня паники и исчезали так быстро, что я не мог сосредоточиться ни на одном.

Но что было ясно как божий день — эти инопланетяне, которым «тени» служили авангардом, были более чем разумны. Как мудро было с их стороны выслать нам навстречу что-то не только отдаленно напоминающее человека, но и способное вызвать жалость, презрение, гнев — только не страх. Жалкое маленькое существо — карикатура на человека,— глупое настолько, что не способно даже говорить. И в то же время достаточно чуждое, чтобы вызвать озадаченность, чтобы загнать нас в тупик по множеству важных пунктов и отбить всякую охоту даже пытаться что-либо прояснить.

Я бросил быстрый взгляд через плечо и втянул голову; если бы хоть что-нибудь шевельнулось, я задал бы стрекача, как испуганный кролик. Но ничто не шевелилось. Ничто даже не шелохнулось. Кроме собственных мыслей, бояться мне было нечего.

Но я чувствовал настоятельное желание побыстрее отсюда убраться. Опустившись на четвереньки, я стал собирать «останки» Бенни.

Я сгреб кучку безделушек и драгоценный камень и засунул все в сумку вместе с грезоскопом. Затем я вернулся и подобрал

глядящий на меня единственным глазом конус. Было видно, что глаз мертв. Конус был скользкий, на ощупь вроде бы из металла, тяжелый и неудобный, так что я потратил изрядное время, прежде чем ухватился за него как следует. Наконец я впихнул его в сумку и отбыл в лагерь.

Я несся так, словно за мной гнались черти. В мою душу закрался страх, и я выжимал из роллера все, что можно.

Ворвавшись в лагерь, я направился к палатке Мэка, но, прежде чем туда попасть, обнаружил, что, похоже, вся команда сооружает самое хитроумное устройство, которое только кто-либо когда-либо мог себе представить. Это было скопище шестеренок, эксцентриков, колес, цепных передач и всякой всячины, размещенное на территории, которая там, дома, выглядела бы съемочной площадкой приличных размеров.

Сбоку возле сооружения стоял Торн и, покрикивая то на одного, то на другого, руководил работой. Я видел, что он доволен собой — это было в его духе.

Я затормозил роллер рядом с ним и опустил ногу, удерживая равновесие.

— Что происходит? — спросил я.

— Мы готовим для них сюрприз,— ответил он.— Мы собираемся свести их с ума.

— Их? Ты имеешь в виду «тени»?

— Им нужна информация, не так ли? — Торн был полон энтузиазма.— Они путаются под ногами днем и ночью, прямо шагу нельзя ступить, вот теперь мы и дадим им кое-что, что отвлечет их внимание.

— Но что эта штуковина делает?

— А ничего.— Торн насмешливо причмокнул.— В том-то и вся прелесть.

— Ладно,— сказал я,— надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Мэку известно о том, что происходит?

— Мэк, Карр и Найт — те великие умы, которые все это придумали,— сообщил он.— Я всего лишь исполнитель.

Подъехав к палатке Мэка, я припарковал роллер. Хозяин явно был дома, ибо из палатки доносились звуки ожесточенного спора.

Я взял сумку, вошел в палатку и направился к столу. Перевернув сумку, я вывалил ее содержимое.

У меня совершенно вылетело из головы, что вместе с «останками» Бенни там лежит грезоскоп.

Теперь ничего не поделаешь. Грезоскоп во всей своей наготе лежал на столе, и в палатке повисла мертвая тишина. Я видел, что через мгновение Мэк взорвется.

Он уже набрал в грудь воздух, но я его опередил.

— Заткнись, Мэк,— набросился я на него.— Не хочу тебя даже слушать.

Видимо, он растерялся, потому что, посмотрев на меня глупым взглядом, медленно выпустил воздух. Карр и Найт так и застыли на своих местах. Вокруг по-прежнему царила мертвая тишина.

— Это была Бенни,— сказал я, кивнув на стол.— Все, что от нее осталось. Это сделал один взгляд в грезоскоп.

Карр слегка пошевелился.

— Но грезоскоп! Где только мы...

— Я знал, что у Гризи он есть, и, когда мне в голову пришла идея, я его стащил. Вспомните, мы говорили о том, как поймать «тень».

— Я готов предъявить тебе обвинения! — взревел Мэк.— Я устрою над тобой показательный суд! Я готов...

— Ты готов заткнуться,— сказал я ему.— Ты готов тихо сидеть и слушать, иначе я вышвырну тебя отсюда, как пустую консервную банку!

— Пожалуйста! — попросил Найт.— Джентльмены, пожалуйста, ведите себя прилично.

Если он стал называть нас джентльменами, значит, и вправду запахло жареным.

— Мне кажется,— сказал Карр,— что история с грезоскопом несколько перестала иметь значение, коль скоро Боб нашел для него полезное применение.

— Давайте-ка присядем,— призвал нас Найт,— и, может быть, сосчитаем до десяти. А потом Боб расскажет, что у него на уме.

Это было стоящее предложение. Мы все сели, и я поведал о том, что произошло. Они сидели, слушали и глазели на барахло, особенно на конус, который лежал на боку, откатившись к краю стола, и смотрел на нас мертвым рыбьим глазом.

— Эти «тени»,— закончил я,— вовсе не живые существа. Они всего лишь какие-то шпионские устройства, засланные к нам

кем-то еще. Все, что необходимо, так это заманить «тени» по одной к грезоскопу и дать им посмотреть в него, установив тридцать девятый верньер на максимум, и...

— Это не решение вопроса,— сказал Найт.— Они будут присылать новые с той же скоростью, с какой мы их будем уничтожать.

— Не думаю.— Я покачал головой.— Какой бы искусной ни была эта чужая раса, вряд ли они управляют «тенями» телепатически. Бьюсь об заклад, здесь не обошлось без машин. И у меня такое предчувствие, что, когда мы уничтожаем «тень», мы выводим из строя какую-то машину. А если мы сломаем достаточное количество, то обеспечим их хозяевам такую головную боль, что они наконец-то перестанут скрываться. Вот тогда-то и можно будет наладить торговый обмен.

— Боюсь, ты не прав,— отозвался Найт.— Эта раса прячется, я бы сказал, по вынужденной причине. Возможно, они создали подземную цивилизацию и никогда не выходят на поверхность из-за враждебной для них окружающей среды. Наверно, они следят за тем, что происходит на поверхности, с помощью этих конусов. А когда здесь появились мы, они придали им форму, слегка напоминающую человека,— что-то, что мы заведомо примем,— и послали их посмотреть на нас поближе.

Мэк поднял руки и потер ими голову.

— Не нравятся мне эти прятки. Я люблю играть в открытую — я вижу их удары, они видят мои. По мне, так было б гораздо лучше, если бы «тени» оказались настоящими инопланетянами.

— Я не согласен с твоей мыслью о подземных жителях,— сообщил Карр Найту.— Мне кажется, невозможно создать такую цивилизацию, если живешь под землей. Ты будешь изолирован от всех природных явлений и не...

— Хорошо,— перебил Найт,— а что можешь предложить лично ты?

— Может быть, они умеют перемещать материю на расстояние — факты, как вы знаете, это подтверждают. А это означает, что им вовсе не обязательно путешествовать по поверхности планеты, они могут перемещаться с места на место за считанные секунды. Тем не менее им необходимо знать, что

здесь происходит, потому в качестве глаз и ушей они используют что-то вроде телевизионных радарных систем...

— Слушайте, шутники,— неодобрительно возразил Мэк,— вы все ходите по кругу. Вы даже не подозреваете, на каком вы сейчас небе.

— Видимо, это знаешь ты? — съязвил Найт.

— Нет, не знаю,— согласился Мэк.— Но я достаточно честен, чтобы прямо это признать.

— Полагаю, Карр и Найт слишком увлеклись,— сказал я.— Возможно, эти инопланетяне будут прятаться до тех пор, пока не разберутся, кто же мы такие, можно ли нам доверять или лучше турнуть нас с планеты.

— Ладно,— сказал Найт,— что бы вы там ни говорили, но нужно признать, что, вероятнее всего, им известно про нас практически все: уровень техники, наши цели, физиология и даже, возможно, язык.

— Они знают слишком много,— сказал Мэк.— Это начинает меня пугать.

У входа в палатку поскреблись, и в проеме появилась голова Торна.

— Послушай, Мэк,— сказал он,— у меня идея. Как насчет того, чтобы вокруг нашей штуковины установить оружие? Когда «тени» столпятся около нее...

— Никакого оружия,— твердо отрезал Найт,— никаких ракет. Никаких электрических ловушек. Делайте только то, что вам сказано. Как можно больше суетитесь. Как можно больше показной деловитости. Но не более того.

Найт обратился ко мне:

— Мы не надеемся, что это продлится достаточно долго, но может отвлечь их на недельку-другую, чтобы мы смогли спокойно поработать. А когда уловка себя исчерпает, мы сварганим что-нибудь еще.

Все это, конечно, хорошо, подумал я, но особого воодушевления идея во мне не вызвала. В лучшем случае мы выиграем время, но не более того. И то только в том случае, если нам удастся их обмануть. А я почему-то вовсе не был в этом уверен. Десять против одного, что они раскусят наши хитрости в первую же минуту после запуска машины.

Мэк встал и обошел стол. Он взял конус и сунул его под мышку.

— Отнесу его в мастерскую,— пояснил он.— Может быть, ребятам удастся разобраться, что это такое.

— Я могу и так тебе сказать,— вмешался Карр.— Эту штуку инопланетяне используют для управления «тенями». Помнишь конусы, которые видели изыскатели? Это один из них. Скорее всего, это сигнальное устройство, способное передавать информацию на базу или куда там еще.

— Все равно,— сказал Мэк,— мы распилим его и посмотрим, что там находится.

— А грезоскоп? — спросил я.

— Об этом я позабочусь.

Я протянул руку и взял аппарат.

— Ну уж нет! Ты относишься к тому типу слепых фанатиков, которые берут и просто разбивают...

— Но ведь хранить его — незаконно! — запротестовал Мэк.

— Вовсе нет,— поддержал меня Карр.— Отныне это инструмент, оружие, которое мы можем использовать.

Я передал грезоскоп Карру.

— Пригляди за ним. Положи в надежное место. Он нам может еще пригодиться.

Я собрал побрякушки из сумки Бенни, ее драгоценный камень и ссыпал все в карман своей куртки.

Мэк с конусом под мышкой ушел в мастерские. Остальные выползли из палатки, ощущая после всего случившегося легкую дрожь в коленях.

— Гризи может от него достаться,— забеспокоился Найт.

— Я поговорю с Мэком,— сказал Карр.— Я постараюсь его убедить, что Гризи, притащив сюда аппарат, возможно, оказал нам услугу.

— Думаю,— сказал я,— мне надо рассказать повару, что случилось с грезоскопом.

— Не надо,— покачал головой Найт,— пусть немного попотеет. Ему это будет полезно.

Вернувшись в свою палатку, я попытался заняться кое-какими бумагами, но никак не мог заставить себя сосредоточиться. Полагаю, я был перевозбужден, напуган тем, что потерял Бенни, меня отвлекали мысли о ситуации, сложившейся вокруг всей этой истории с «тенями».

Мы дали им правильное название, хотя они являлись несколько большим, чем просто тенями,— они были в своем роде на-

шим отражением. Но даже зная, что это замаскированные шпионские устройства, мне было трудно думать о них как о чем-то неодушевленном.

Конечно, это были не более чем конусы, а конусы, в свою очередь, являлись не более чем наблюдательными устройствами тех существ, которые прятались где-то на этой планете. В то время как, возможно, в течение тысячелетий конусы вели наблюдения, их создатели скрывались где-то еще. А может быть, конусы были не только наблюдателями, но и сеятелями, и сборщиками урожая, доставляющими дары дикой природы к столу своих таинственных хозяев. Более чем вероятно, что именно конусы собирали урожай фруктов в «саду».

Но если здесь существовала цивилизация, если другая раса имела преимущественное право на планету, то как быть с притязаниями Земли? Означало ли это, что мы должны несолоно хлебавши покинуть планету земного типа, одну из тех немногих, что удалось найти за столько лет исследования космоса.

Я сидел за секретером и размышлял о наших планах, о проделанной работе, о средствах, уже вложенных в проект, хотя это и было каплей в море капиталовложений, необходимых для превращения планеты во вторую Землю.

Здесь, в центральном поселке, мы только-только завершили нулевой цикл. Но уже через несколько недель корабли начнут доставлять сталепрокатное оборудование. И уже только эта задача была сама по себе грандиозной: привести и смонтировать оборудование, добыть руду и выплавить металл, наконец, запустить прокатные станы. Но это было бесконечно проще и легче, чем тащить металл, необходимый даже только для поселка, с самой Земли.

Мы не могли позволить, чтобы все наши усилия рассыпались прахом. После всех этих лет подготовки и исследований, учитывая огромную потребность Земли в новом жизненном пространстве, мы не могли просто так бросить Стеллу IV. И в то же время мы не могли игнорировать преимущественное право. Если эти существа, когда они наконец объявятся, скажут, что они не хотят, чтобы мы здесь оставались, мы будем лишены выбора. Мы будем просто обязаны покинуть планету.

Но прежде чем они нас выкинут отсюда, они, конечно, оберут нас до нитки. Несомненно, многие наши вещи окажут-

ся малопригодными для инопланетян, но некоторые из изобретений будут иметь для них огромное значение. Двухсторонний контакт между разными цивилизациями выгоден для любой расы. Но контакт, который установили эти инопланетяне, был целиком односторонним — информация шла только в их сторону.

Про себя я назвал их просто бандой космических жуликов.

Я достал из кармана предметы, оставшиеся после Бенни, высыпал на секретер и стал сортировать. Там были макет сектора, роллер, секретер, моя маленькая книжная полка, карманные шахматы и копии прочих личных вещей.

Там было все, кроме меня самого.

Тень Гризи таскала с собой фигурку повара. Я своей фигурки не нашел и немного обиделся на Бенни. Могла бы сделать лишнее усилие и изготовить мою статуэтку.

Перебирая копии, я еще раз задумался о том, до каких пределов они совпадают с оригиналом. Может быть, это не модели, а образцы? Возможно, сказал я себе, давая волю воображению, каждая из этих маленьких моделей содержит какой-то код — полный анализ и описание предмета, который она представляет. Человек, анализируя и исследуя, запишет все данные, зафиксирует особенности объекта с помощью символов на двух-трех листочках бумаги. Может быть, эти модели являются эквивалентом нашей записной книжки, своеобразным способом записи.

Я задумался о том, как же они пишут, то есть как они изготавливают модели, но никакого ответа не придумал.

Оставив попытки заняться работой, я вышел из палатки. Поднялся на небольшой взгорок, где Торн с командой строили свою «мухоловку» для «теней».

Они вложили в ее создание массу труда и изобретательности, но смысла — впрочем, как это и было задумано,— в ней не было никакого.

Если удастся отвлечь «тени» этим хитроумным устройством на достаточно долгое время, может быть, они оставят нас в покое и мы сможем немного поработать.

Торн и компания притащили из мастерской полдюжины запасных моторов и установили их как источник энергии. Очевидно, они использовали все запасные части, которые только

можно было найти. В бессмысленную конструкцию были соединены оси и шестеренки, эксцентрики и поршни — самые разные передачи и устройства. Тут и там они установили что-то наподобие панелей управления, которые, конечно же, ничем не управляли, но были так напичканы самыми разнообразными лампочками и циферблатами, что походили на рождественские елки.

Я стоял неподалеку и наблюдал, пока Гризи не зазвонил на обед. Вместе со всеми я потрусил в сторону кухни.

Ребята громко переговаривались и шутили, но никто не терял времени даром. Заглотав свои порции, они поспешили обратно к «мухоловке».

Перед самым закатом они ее запустили, и это было самое бессмысленное переплетение крутящихся и движущихся деталей, которое кто-либо когда-либо видел. Они бешено вращались, казалось, миллион шестеренок цеплялись друг за друга зубьями, эксцентрики равномерно вихляли, а поршни сновали вверх-вниз, вверх-вниз.

Все было отполировано до блеска и работало как часы; при этом ничего, кроме движения, не производилось, но сам процесс зачаровывал даже человека. Я обнаружил, что стою как прикованный на одном месте, поражаясь плавности и точности хода и убийственной бесцельности рокового изобретения.

А в это время на фальшивых пультах управления сверкали и вспыхивали лампочки, которые последовательно перемигивались то порядно, то целыми группами. При попытке уловить в этом какую-то закономерность глаза начинали слезиться.

«Тени» глазели на происходящее еще с начала монтажа, а теперь они расположились совсем близко и замерли, сомкнувшись плотным кольцом.

Я обернулся — прямо за мной стоял Мэк. Он удовлетворенно потирал руки, а лицо его радостно светилось.

— Все как по маслу,— сказал он.

Я согласился, но у меня были кое-какие сомнения, которые я не мог бы точно выразить.

— Мы добавим еще огней,— сказал Мэк,— так, чтобы они видели их днем и ночью. Считай, что мы их накололи.

— Думаешь, они здесь останутся? — спросил я.— Думаешь, они не догадаются?

— Ни в коем случае.

Я вернулся к себе, налил изрядную порцию выпивки и уселся на стул перед входом в палатку.

Кто-то из мужчин растягивал кабель, кто-то подвешивал к нему гирлянды из лампочек, а с кухни доносилось грустное пение. Мне стало жаль Гризи.

Возможно, Мэк и прав, признался я себе. Наверно, нам удалось соорудить ловушку, способную отвлечь «тени». Что еще, кроме магии чистого движения, могло заставить их оставаться на месте? Она производила завораживающее впечатление даже на человека, и можно было только гадать, какое впечатление она производит на чужое сознание. Несмотря на очевидно высокий технический уровень инопланетян, вполне возможно, что их развитие шло по пути, отличному от земного, и вращающееся колесо, снующий поршень или мягкий блеск металла были для них внове.

Я попытался представить себе технологию, не использующую движение, но подобное просто не укладывалось в голове. И именно по той же причине мысль о нашей машине могла просто не укладываться в голове инопланетянина.

Пока я так сидел, на небе появились звезды; к счастью, никто не забрел ко мне поболтать — хотелось побыть одному.

Через некоторое время я зашел в палатку, выпил еще стаканчик и решил ложиться спать.

Я снял куртку и бросил ее на секретер. Раздался глухой стук, и как только я его услышал, я уже знал, что это такое. Я совершенно забыл, что «алмаз», который остался от Бенни, я тоже засунул в куртку. Пошарив в кармане, я достал его наружу, все время опасаясь, не разбил ли я хрупкую вещицу. С камнем действительно было что-то не в порядке — каким-то образом его перекосило. Лицевая поверхность отошла от остальной части, и я увидел, что это просто-напросто крышка от ящичка.

Я положил мнимый алмаз на секретер, сдвинул крышку до конца, и там, внутри ящичка, обнаружил себя самого. Фигурка была закреплена в каком-то причудливом приспособлении и ничем не уступала в изяществе фигурке Гризи.

Я испытал что-то вроде гордости и удовлетворения. В конце концов, Бенни про меня не забыла!

Я долго сидел, разглядывая фигурку и пытаясь разобраться в механизме. Я внимательно изучил «алмаз» и наконец разрешил загадку.

Это был вовсе никакой не алмаз — это была фотокамера. С той лишь разницей, что снимки она делала не плоские, а объемные. И конечно же, именно таким способом «тени» изготовляли модели. Хотя, может быть, это были не просто модели, а именно образцы.

Я разделся и лег поверх спального мешка, уставившись в полотно палатки. Постепенно фрагменты стали складываться в ясную картину, и она была прекрасной. Прекрасной, естественно, для инопланетян. Мы выглядели как скопище дураков.

С помощью конусов инопланетяне наблюдали за изыскателями, но не позволяли к ним приблизиться. А когда прилетели мы, они были к этому уже готовы. Они замаскировали конусы под что-то, что не испугало бы нас, а скорее, рассмешило. И это был самый надежный способ, какой только можно придумать,— подослать жертве что-то чуть-чуть смешное. Ибо кто будет придавать значение выходкам клоуна?

Нам дали волю, а клоун был во всеоружии, и к тому времени, когда мы проснулись, нас уже осмотрели и навесили бирки.

А что они предпримут дальше? Будут придерживаться какой-то своей программы, продолжать наблюдение, пока не высосут до дна все, что мы можем предложить?

А когда они будут готовы, когда они получат все, что хотели, или решат, что получили, они появятся и покончат с нами.

Я был слегка напуган и зол, чувствовал себя изрядным простофилей, и все это наводило на грустные мысли.

Мэк обманывал сам себя, считая, что решил проблему с помощью своей «мухоловки». Оставались нерешенными другие вопросы. Так или иначе, но было необходимо выследить этих инопланетян и вмешаться в их маленькие игрища.

Как-то незаметно я уснул и тут же проснулся оттого, что кто-то тряс меня за плечо и орал в ухо, чтобы я вставал.

Я присел на кровати и увидел, что это Карр. Он нес что-то нечленораздельное. Указывая на вход, он промычал невнятно насчет забавного облачка, и большего я от него добиться не смог. Пришлось влезть в штаны и ботинки и выйти с ним нару-

жу. Мы припустили к вершине холма. Рассвет только начинался. «Тени» по-прежнему располагались вокруг «мухоловки», а толпа мужчин стояла рядом, глядя на восток.

Мы протолкались вперед и увидели облако, о котором тараторил Карр. Оно было уже довольно близко и плыло медленно и торжественно над равниной. Над ним летела серебристая сфера, которая сверкала и поблескивала в первых лучах солнца.

Больше всего облако походило на кучу хлама. Я видел, как из него торчит что-то похожее на стрелу, тут и там были видны какие-то колеса. Я пытался рассмотреть, что же это такое, но так и не смог, а облако все приближалось и приближалось.

Слева от меня стоял Мэк, я попытался с ним заговорить, но он не отвечал. Совсем как Бенни — он не мог мне ответить. Он был загипнотизирован.

Чем ближе было облако, тем фантастичней и неправдоподобней оно становилось. Ибо теперь уже не вызывало сомнений, что эта груда техники — точно такое же оборудование, как и у нас. Там были тракторы и землеройные машины, экскаваторы и бульдозеры, а между крупными агрегатами находились всевозможные устройства меньшего размера.

Еще через пять минут облако хлама зависло почти над нами и стало медленно опускаться. Мы наблюдали, как оно коснулось грунта — мягко, почти без стука, хотя и заняло два или три акра. За крупным оборудованием просматривались палатки, чашки и ложки, столы, стулья и скамейки, пара ящиков виски и какое-то исследовательское оборудование. Мне показалось, что там есть почти все, что было у нас в лагере.

Когда все это приземлилось, маленькая серебристая сфера тоже опустилась и направилась к нам. Она остановилась на некотором расстоянии, и Мэк двинулся в ее сторону. Я последовал за ним. Краем глаза я увидел, что Карр и Найт тоже пошли вперед.

Мы остановились в четырех-пяти футах от нее, и теперь было видно, что сфера — это какой-то защитный костюм. Внутри сидел маленький бледный гуманоид. Не человек, но по крайней мере две руки, две ноги, одна голова. Надо лбом у него торчала спираль антенны, уши были длинными и стояли торчком, а череп был абсолютно голым.

Он опустил сферу на землю, мы подошли еще чуть ближе и сели на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

Он ткнул пальцем за спину, указывая на оборудование, которое приташил с собой.

— Расплата,— объявил он тонким писклявым голосом.

Мы не ответили. Каждый сглатывал ком в горле.

— Расплата за что? — наконец удалось выдавить Найту.

— За удовольствие,— ответило существо.

— Не понял,— сказал Мэк.

— Мы не знали, чего вы хотите, и сделали всего по одному. К сожалению, два набора потерялись. Возможно, несчастный случай.

— Модели,— сообщил я остальным.— Вот о чем он говорит. Модели были образцами, а модели от «тени» Гризи и Бенни...

— Это не все,— сказало существо.— Скоро будет остальное.

— Подождите-ка минутку,— сказал Карр.— Давайте кое-что проясним. Вы нам платите. Платите за что? Конкретно, что мы для вас сделали?

— Как вам это удалось? — выпалил Мэк.

— По очереди, ребята! — взмолился я.

— Машины могут делать,— ответило существо.— Знать как, и машины могут все сделать. Очень хорошие машины.

— Но почему? — снова спросил Карр.— Зачем вы это для нас сделали?

— За удовольствие,— терпеливо объяснило существо.— За смех. За время. Длинное слово, я не могу...

— Развлечение? — предположил я.

— Так правильно,— подтвердило существо.— Развлечение — верное слово. У нас много времени для развлечения. Мы сидим дома, смотрим развлекательный экран. Мы устали от него. Мы ищем что-то новое. Вы что-то новое. Даете нам много интересного. Мы пытаемся за это заплатить.

— О боже! — воскликнул Найт.— Теперь я начинаю понимать. Мы были телевизионной сенсацией, и они послали операторов, чтобы все отснять. Мэк, вы разобрали конус вчера вечером?

— Да,— сказал Мэк.— Насколько мы можем судить, это телекамера. Конечно, не совсем такая, как наши, есть отличия, но мы считаем, что это устройство для передачи информации.

Я обернулся к инопланетянину в этой его блестящей сфере.

— Слушайте внимательно,— сказал я.— Давайте-ка ближе к делу. У вас есть желание расплачиваться до тех пор, пока мы вас развлекаем?

— С удовольствием! — ответило существо.— Вы нас развлекаете — мы даем вам то, что вам необходимо.

— Вместо одной вещи — одной из многих — вы нам сделаете дубликаты в неограниченном количестве?

— Похожих,— сказало существо,— и скажите сколько.

— Сталь? — спросил Мэк.— Вы можете сделать для нас сталь?

— Не знаю, что такое сталь. Покажите. Из чего сделано, размеры, форма. Сделаем.

— Если мы вас развлекаем?

— Да, так есть,— сказало существо.

— Сделка? — спросил я.

— Сделка,— подтвердило оно.

— Начиная с этого момента? И не прекращая, до?..

— ...до тех пор, пока мы счастливы.

— Однако придется кое-что сделать,— заявил мне Мэк.

— Не придется,— ответил я.

— С ума сошел! — воскликнул Мэк.— Они же не позволят себя объегорить.

— Да позволят, позволят,— начал объяснять я.— Земля пойдет на все, чтобы заполучить эту планету. Неужели ты не понимаешь, что подобный обмен покроет все расходы. Все, что требуется от Земли, так это прислать по одному образцу всего, что нам понадобится. Одного образца будет достаточно. Один инфракрасный излучатель — и они нам сделают миллион. Это лучшая сделка, которую когда-либо заключала Земля!

— Мы делаем нашу часть,— со счастливым видом заметило существо,— пока вы делаете свою.

— Я сделаю заявку прямо сейчас,— сказал я Мэку,— все напишу, а Джек ее отошлет.

Я поднялся и отправился в лагерь.

— Остальное.— Существо указало за плечо.

Я резко повернулся и посмотрел туда.

Еще одна туча очень низко приближалась к лагерю. На сей раз это были мужчины — плотная упаковка мужчин.

— Эй! — закричал Мэк.— Так нельзя! Так делать просто неправильно!

Мне не было надобности смотреть. Я точно знал, что случилось. Инопланетяне скопировали не только наше оборудование, но и нас самих. В пачке мужчин были дубликаты всех членов экспедиции, всех, кроме меня и Гризи.

Напуганный до смерти, возмущенный, как был бы любой на моем месте, я не мог не задуматься о некоторых сложностях, которые могут возникнуть в создавшейся ситуации. Представьте двух Мэков, спорящих, чей приказ выполнять! Представьте двух Торнов, пытающихся работать вместе!

Я не стал задерживаться. Я оставил Мэка и остальных объяснять, почему не нужно копировать людей. У себя в палатке я сел и написал заявку: «Безотлагательно, вне всякой очереди, насущная потребность — пятьсот грёзоскопов».

Когда он свернул на подъездную аллею, она ждала на крыльце дома, и, ставя машину на место, он был уверен, что она уже знает.

Она только что вернулась из сада и держала в руках букет цветов, а на ее лице появилась чуточку грустная улыбка.

Он тщательно запер машину, положил ключи в карман пиджака и еще раз напомнил себе: «Сухо и прозаично, друг мой. Так будет лучше».

И это правда, заверил он себя. Так намного лучше, чем прежде. Так у него появляется немного времени.

Он не первый и не будет последним, и для некоторых это трудно, а для других, тех, кто смог подготовиться заранее, значительно легче. Со временем это станет таким прекрасным ритуалом, полным благородства и достоинства, что его будут даже ждать. Так — цивилизованней и благородней, чем раньше. Пройдет еще сотня лет, и, вне всякого сомнения, это станет вполне приемлемым.

А сейчас главной проблемой остается новизна, сказал он себе. Нужно некоторое время, чтобы привыкнуть к такому ходу вещей, ведь в течение всей человеческой истории все происходило иначе.

Он выбрался из машины и пошел по мощеной дорожке туда, где она его поджидала. Он остановился и поцеловал ее — поцелуй получился несколько более долгим, чем обычно, и значительно более нежным. И пока он ее целовал, его окутал аромат летних цветов, которые она держала в руках, и он подумал, как уместен в данный момент запах цветов из сада, столь любимого ими обоими.

— Ты знаешь,— сказал он, и она кивнула и ответила:

— Уже какое-то время. Я поняла, что ты вернешься домой, и вышла в сад, чтобы нарвать цветов.

— Наверное, приедут дети.

— Конечно,— отозвалась она.— Не думаю, что их придется долго ждать.

Он посмотрел на часы, скорее по привычке, чем от необходимости узнать время.

— Еще есть время,— заметил он.— Достаточно для всех, чтобы добраться сюда. Надеюсь, они привезут с собой младших.

— Обязательно привезут,— сказала она.— Я собралась им позвонить, но потом сообразила, как это глупо.

Он кивнул:

— Мы принадлежим к старой школе, Флоренс. Очень трудно осознавать, что дети узнают почти одновременно с нами. К такому непросто привыкнуть.

Она похлопала его по плечу.

— Вся семья соберется вместе. Мы успеем поговорить. Это будет замечательная встреча.

— Да, конечно,— ответил он.

Он распахнул дверь дома, и она прошла внутрь.

— Какие чудесные цветы,— сказал он.

— В этом году они даже лучше, чем всегда.

— Ваза,— сказал он.— Та, что тебе подарили на прошлый день рождения. Синяя с золотом. Нужно поставить цветы в нее.

— Я подумала о ней же. Она на обеденном столе.

Она ушла за вазой, а он стоял в гостиной и думал о том, что стал частью этой комнаты, как комната стала частью его самого. Он знал здесь каждый дюйм, как она знала его. Удивительно доброе место, с которым он успел подружиться за долгие годы.

Здесь он по ночам носил на руках детей, когда они болели или у них резались зубы, и эта комната оставалась единственной во всем квартале, где горел свет. Здесь семья провела множество чудесных вечерних часов в мире и покое.

Но он помнил времена, когда мира не было во всем свете и не оставалось даже надежды на то, что он когда-нибудь наступит, когда их преследовал неизменный страх перед войной, страх, ставший таким привычным, что казался нормой жизни.

А потом страх внезапно исчез, потому что невозможно вести войну, если твой враг способен заглянуть вперед на целый день и узнать, что должно случиться. Нельзя воевать, невозможно играть в бейсбол или в любую другую игру, нельзя ограбить банк, жульничать или убивать, невозможно играть на бирже. Появилось множество вещей, которые больше нельзя было делать, и у него возникали моменты, когда это портило удовольствие: ведь сюрпризы и предчувствие чуда навсегда ушли в прошлое. Привыкнуть к новой жизни было совсем непросто, но им больше не грозила война — не только в данный момент, но и в будущем. И ты знал, что не только ты будешь в безопасности, но и твои дети, а также дети твоих детей, и их внуки, и внуки внуков. За такую уверенность ты был готов заплатить практически любую цену.

Так лучше, сказал он себе, стоя в самом центре доброй комнаты. *Так намного лучше. Но иногда бывает нелегко.*

Он пересек комнату и вышел на крыльцо, откуда открывался вид на сад. Флоренс права, подумал он, цветы в этом году особенно прекрасны. Он попытался вспомнить, когда они были еще лучше, но у него возникли сомнения. Быть может, той осенью, когда Джон был еще совсем маленьким, хризантемы и астры уродились особенно красивыми. Нет, так нечестно, подумал он: сейчас лето, а тогда была осень.

Нельзя сравнивать летние цветы с осенними. Или тот год, когда Мэри так долго болела,— сирень тогда была особенного, темно-лилового цвета и пахла так сладко; он вспомнил, как каждый вечер приносил огромные букеты, поскольку Флоренс всегда любила сирень. Но и это сравнение получилось неудачным: сирень цвела весной.

По дорожке за забором прошла соседка, и он поздоровался с ней:

— Добрый день, миссис Абрамс.

— Добрый день, мистер Уильямс,— ответила она.

Это было их обычное приветствие, хотя иногда она останавливалась и они разговаривали о цветах. Но сегодня она не станет заводить беседу, если только он сам не проявит инициативу. Сегодня она не будет навязывать ему свое общество.

Он вспомнил, что в офисе все вели себя так же.

Когда он собирал вещи, руки у него не дрожали — во всяком случае, он старался. Он подошел к вешалке, взял шляпу, но

никто с ним не заговорил, никто не пошутил из-за того, что он уходит так рано, поскольку они догадались — или знали, как и он сам. Конечно, никто не мог знать точно, поскольку в ком-то дар предвидения проявлялся сильнее, а в ком-то слабее, но даже наименее способный отставал от других не более чем на четверть часа.

Он часто сожалел о том, что не понимает, как удалось выявить эту способность, но здесь вступали в действие совершенно недоступные его пониманию факторы. Естественно, он не забыл историю и прекрасно помнил ту ночь и какое возбуждение тогда охватило всех. И еще ужас. Но одно дело знать, как все произошло и каковы причины, и совсем другое — понимать механизм действия.

Это был последний козырь, отчаянный ход, крайнее средство. Нация давно подготовилась к нему, все передатчики были настроены, и никто не задавал лишних вопросов, поскольку все полагали, что они являются частью системы радаров. В такой ситуации лучше поменьше говорить.

Никто не хотел приводить передатчики в действие, во всяком случае, так говорилось в официальных объяснениях случившегося,— но тогда люди были готовы на все, чтобы предотвратить очередную войну.

И вот пришло время применить крайнее средство, наступил день отчаяния, когда кнопки были нажаты и передатчики заработали, обрушив на людей облучение, которое воздействовало на мозг, «стимулируя латентные способности» — так звучало обоснование,— и все люди теперь могли предвидеть события на двадцать четыре часа вперед.

Конечно, плата оказалась жестокой, но постепенно люди успокоились, попытались извлечь лучшее из происшедшего и привыкли жить со своими новыми способностями.

По телевидению выступил президент, чтобы рассказать миру о случившемся, и предупредил потенциального врага, что теперь мы на двадцать четыре часа вперед знаем обо всем, что произойдет.

В результате никто ничего не сделал, если не считать того, что все приготовления к войне были прекращены, о чем заранее и сообщил президент, назвав час, место и порядок проведения этих действий.

И еще он заявил, что процесс не будет засекречен и что другие народы, если пожелают, могут получить всю необходимую документацию. Впрочем, это не имеет особого значения, поскольку излучение продолжает распространяться и со временем окажет влияние на всех живущих на Земле людей. Более того, изменения будут носить постоянный характер, способность предвидеть будущее передается от одного поколения к другому — никогда больше народы Земли не будут слепыми, как в прошлом.

Так на Землю пришел мир, но за него приходилось платить. Возможно, цена не столь уж высока, сказал себе Уильямс. Он вспомнил, что когда-то ему нравился бейсбол, но теперь игра потеряла всякий смысл: зачем тратить силы, если результат известен заранее? Он любил иногда собраться с друзьями и перекинуться в покер, но и эта игра стала столь же бессмысленной, как бейсбол, футбол, скачки да и любой другой вид спорта.

Да, многое изменилось, и кое-что доставляло серьезные неудобства.

Взять, к примеру, газеты, радио и телевидение — все программы новостей теперь потеряли смысл. Изменилась политическая тактика, во многом к лучшему, а азартные игры и преступления вообще исчезли.

Главным образом изменения были к лучшему. Хотя даже к лучшим из них поначалу пришлось привыкать — и потребовалось очень долгое время, пока люди полностью осознали, что их жизнь стала другой.

Вот, скажем, сегодняшняя ситуация.

Конечно, все пройдет цивилизованно, совсем не так, как в прежние времена, но принять это трудно. Особенно Флоренс и детям, которые окажутся в новом положении. Со временем все войдет в норму и станет традицией, но сейчас ситуация представляется новой и необычной. Однако Флоренс заслуживает восхищения, подумал он. Они часто об этом говорили, особенно в последние несколько лет, и решили, что постараются вести себя спокойно и с достоинством, кто бы из них ни оказался первым. Ведь другого выхода нет. Такова плата за мир, хотя иногда она кажется слишком жестокой.

Однако существует и определенная компенсация. Они с Флоренс успеют спокойно побеседовать до приезда детей. Они

даже смогут обсудить некоторые важные вопросы — финансы, страховку и подобные вещи. В прежние времена такого шанса у людей не было.

И еще можно сделать разные приятные вещи, последние сентиментальные жесты, которых человек был лишен, когда не обладал способностью к предвидению будущего.

Будет разговор с детьми и соседями, которые принесут чего-нибудь вкусненького, а также большой букет цветов от сослуживцев — при других обстоятельствах он бы никогда не дождался от них цветов. Заглянет священник, чтобы сказать слова утешения, делая вид, что это просто дружеский визит.

А утром почта доставит множество маленьких карточек и записок, отправленных знакомыми, в которых они напишут, что они о нем думают и как бы хотели быть рядом, если бы у них была такая возможность. Но они не станут ему мешать, ведь оставшееся время он захочет провести в кругу семьи.

И вся семья будет сидеть, предаваясь счастливым воспоминаниям...

...о собаке, которая была у Эдди, и как Джон убежал на несколько часов из дому, и как Мэри ходила на первое свидание, и какое платье она тогда надела. Они достанут альбомы с фотографиями и будут их смотреть, вспоминая счастливые и горькие времена. И все это время рядом будут играть внуки, забираться к деду на колени, чтобы он рассказал им какую-нибудь историю. Все так цивилизованно, подумал он.

Каждый из них получит шанс показать, какие они цивилизованные.

Пора возвращаться в дом, где Флоренс уже расставляет цветы в синей с золотом вазе. Им нужно так много сказать друг другу — даже за сорок прожитых вместе лет они не успели сказать все.

Он повернулся и посмотрел на сад.

Самые красивые цветы, которые им когда-либо удавалось вырастить.

Он выйдет сюда утром, когда на них будет роса, в тот час, когда они особенно красивы, чтобы попрощаться с ними.

У человека, который вошел в офис Гомера Джексона, на левой ноге была надета правая туфля, а на правой — левая.

Он изрядно удивил Гомера.

Мужчина был высоким и нескладным, однако превосходно одет — если не считать туфель. Впрочем, они отличались изяществом, вот только зачем он так их надел?

— Я говорю с мистером Гомером Джексоном? — спросил он.

Гомер не привык к такой формальности.

— Да, это я,— ответил он.

И беспокойно заерзал на своем стуле. Он надеялся, что за появлением этого посетителя не стоит Гейб Уилсон, который обладал своеобразным чувством юмора.

Офис Гейба, очень любившего изводить Гомера, находился чуть дальше по коридору. Когда Гейб придумывал шутку, он подходил к этому делу исключительно серьезно, не упуская ни малейшей детали. Многие шутки Гейба получались неприятными и надолго запоминались.

Однако посетитель был совершенно серьезен и даже немного нервничал.

— Мистер Гомер Джексон, агент по продаже загородной недвижимости? — уточнил он.

— Вы не ошиблись,— ответил Гомер.

— Вы специализируетесь на домах возле озер с большими участками земли?

— Да, я именно тот, кто вам нужен.

Гомер немного забеспокоился: пожалуй, посетитель перебарщивает. Похоже, тут все-таки не обошлось без Гейба.

— Я бы хотел посоветоваться. У меня к вам небольшое дело.

— Ну так говорите,— предложил Гомер, указывая на стул.

Человек осторожно уселся, но Гомер заметил, что его спина не касается спинки стула.

— Меня зовут Оскар Стин,— продолжал посетитель.— Мы строим дома на участке, который называется Сондерс, но мы решили дать ему имя «Счастливые Акры».

Гомер кивнул:

— Да, я знаком с этим участком. Вам повезло, это прекрасное место, на самом берегу озера.

— Благодарю вас, мистер Джексон. Нам тоже там очень нравится.

— И как идет строительство?

— Мы только что его закончили. Наступает самый важный момент. Нам необходимо поселить туда людей.

— Я вас понимаю,— кивнул Гомер.— Сейчас не слишком благоприятная экономическая ситуация. Процентные ставки выросли, Вашингтон ничего не предпринимает, к тому же...

— Быть может, вы согласитесь представлять наши интересы?

Гомер вздрогнул, но сделал вид, что ничего особенного не произошло.

— Ну, даже не знаю. Эти дома будет трудно продать. Вы наверняка захотите получить за них хорошие деньги. Каменная стена, которой вы обнесли участок, изящные ворота... Полагаю, и дома вы построили первоклассные. Получилось нечто исключительное. Лишь очень богатый покупатель сможет позволить себе такое приобретение.

— Мистер Джексон,— заявил Стин,— мы решили применить новый подход. Вам не потребуется продавать дома. Мы сдаем их в аренду.

— То есть сдаете внаем.

— Нет, сэр, сдаем в аренду.

— В конечном счете это то же самое. Вы наверняка заломите высокие цены.

— Пять тысяч.

— Пять тысяч — очень серьезная сумма. Во всяком случае, в наших краях. Пять тысяч в год — это больше четырехсот долларов в месяц...

— Не за год,— уточнил Стин.— За девяносто девять лет.

— За сколько?

— Девяносто девять. Мы сдаем дом в аренду на девяносто девять лет за пять тысяч долларов.

— Но послушайте, дружище, такого просто не может быть! Вы сошли с ума! Одни только налоги...

— Мы не рассчитываем получить прибыль на строительстве домов, поскольку создаем условия для работы нашего торгового центра.

— Вы хотите сказать, что умудрились построить там еще и торговый центр?

Стин позволил себе улыбнуться:

— Мистер Джексон, мы не просто так обнесли участок каменной стеной. Нам не нравится, когда вокруг собираются зеваки.

— Да, я понимаю,— пробормотал Гомер.— Очень разумно. И прекрасная реклама. Можно устроить эффектное открытие. Но стена высотой в двенадцать футов...

— Четырнадцать, мистер Джексон.

— Хорошо, хорошо, четырнадцать. К тому же она построена из сплошного камня. Я знаю — видел собственными глазами. Теперь никто не строит такие стены. Камень используют только для облицовочных работ. А ваша стена производит впечатление...

— Мистер Джексон, пожалуйста. Мы знаем, что делаем. В нашем торговом центре мы продаем все — от арахиса до кадиллаков. Но нам нужны покупатели. Поэтому мы построили для них дома. Более того, мы намерены создать целый квартал, который будет населен состоятельными людьми.

Гомер не выдержал напряжения, вскочил на ноги и принялся расхаживать по офису.

— Но, мистер Стин, вы не сумеете заполнить торговый центр достаточным количеством покупателей, рассчитывая только на людей, которые будут жить в ваших домах. Кстати, сколько домов вы построили?

— Пятьдесят.

— Пятьдесят семей — это капля в море для крупного торгового центра. Даже если все пятьдесят семей станут делать покупки только в вашем торговом центре — а такой уверенности у вас быть не может,— этого будет явно недостаточно. А со стороны к вам никто не придет — помешает стена.

Гомер перестал расхаживать по офису и вновь уселся на свой стул.

— Я и сам не знаю, почему принимаю ваши проблемы так близко к сердцу,— сказал он Стину.— Меня это совершенно не касается. Да, мы занимаемся продажей недвижимости, но я не могу сдавать дома в аренду за свои обычные пять процентов.

— О, я забыл вам кое-что сказать,— сказал Стин.— Вы можете оставлять пять тысяч себе.

Гомер стал задыхаться как рыба, которую вытащили из воды.

— При одном условии,— добавил Стин.— Вы должны будете очень тщательно подбирать покупателей. Дело в том, что у нас есть банк. Он является частью услуг, которые можно получить в торговом центре.

— Банк,— едва слышно пробормотал Гомер.

— Наш банк работает в полном соответствии с законами штата.

— Но какое отношение банк имеет ко мне?

— Вы будете получать десять процентов,— невозмутимо продолжал Стин.— Остальное отправится на ваш счет в банк «Счастливых Акров». Сдав в аренду дом, вы оставите себе пятьсот долларов наличными, а четыре с половиной тысячи поступят на ваш банковский счет.

— Я не совсем понимаю...

— Тут имеются некоторые соображения.

— Да, я уже слышал,— сказал Гомер.— Вам необходимы клиенты, торговый центр должен начать работать.

— Верно, но есть и другие причины. Мы не хотим, чтобы ваши друзья и соседи узнали о том, как быстро вы разбогатели. Начнется слишком много разговоров, а нам такая реклама ни к чему. Ну, и не следует забывать о налогах.

— Налогах?

— Мистер Джексон, если вы сумеете сдать в аренду все пятьдесят домов, то заработаете четверть миллиона долларов. Вы понимаете, каков налог с такой суммы?

— Довольно большой.

— Мы не можем этого допустить,— заявил Стин.— Банк решит все ваши проблемы.

— Но я не совсем понимаю как.

— Предоставьте это нам. Мы обо всем позаботимся. Вам нужно лишь сдавать дома в аренду.

— Мистер Стин, я немало лет трудился, чтобы заработать репутацию честного человека в бизнесе, который дает широкие возможности...

— Да, нам хорошо известно, что вы честный человек, мистер Джексон. Именно по этой причине мы обратились именно к вам. Ваша машина здесь?

— Припаркована у входа.

— Отлично. Моя на обслуживании. Давайте посмотрим дома.

Дома оказались превосходными. Проект был выполнен исключительно вдумчиво, а строители потрудились на совесть.

Гомер был вынужден признать, что он уже давно не видел такой качественной работы — пожалуй, с тех самых пор, как началось массовое строительство. Лучшие материалы, ручная работа, надежность и солидность. Теперь таких домов не найти.

Все пятьдесят строений удобно разместились среди заросших лесом холмов, окружавших озеро, причем строители очень бережно отнеслись к деревьям. Между домами осталось достаточно свободного пространства, чтобы люди жили спокойно, не мешая друг другу.

Весной здесь появится множество полевых цветов, а осенью, когда леса заполыхают багрянцем, повсюду будут петь птицы, сновать белки и кролики. И еще Гомер заметил широкую полосу прекрасного песчаного пляжа.

Он уже начал мысленно составлять рекламное объявление, которое поместит в воскресные газеты, и понял, что с нетерпением ждет того момента, когда слова лягут на бумагу. Наконец-то он сможет развернуться, используя самые красивые обороты, которые он так любил.

— Мне здесь нравится, мистер Стин,— сказал он.— Не думаю, что у нас возникнут проблемы.

— Вот и хорошо,— ответил Стин.— Мы готовы заключить с вами эксклюзивный контракт на десять лет. Естественно, возобновляемый.

— Но почему на десять лет? Я справлюсь с поставленной задачей за год или два.

— Вы ошибаетесь. Наш бизнес еще только развивается.

Они стояли на выложенном кирпичиками тротуаре перед входом в один из домов и смотрели на озеро. Ближе к противоположному берегу Гомер заметил два белых паруса, а на сере-

дине озера подпрыгивал на волнах весельный ялик, на корме которого виднелась темная фигура рыбака.

Гомер недоуменно покачал головой:

— Я не понимаю.

— Речь пойдет о передаче в субаренду,— небрежно сказал Стин.

— Когда пятьдесят семей берут в аренду дома, обязательно кто-нибудь захочет переехать.

— Нет, это совсем другая история. Субаренда...— Стин вытащил из кармана лист бумаги и вручил его Гомеру.— Ваш контракт. Прочитайте его внимательно. Вы человек осторожный и осмотрительный — именно такой нам и нужен.

Гомер вместе со Стином ехал к торговому центру по дороге, петляющей по лесу.

Торговый центр был прекрасен. Он тянулся вдоль всей южной стороны комплекса, сразу за четырнадцатифутовой стеной, и весь сверкал стеклом и металлом.

Гомер остановил машину, чтобы полюбоваться на великолепное здание центра.

— Вы позаботились обо всем,— заметил он.

— Да, пожалуй,— с гордостью ответил Стин.— У нас даже собственный телефонный узел.

— Насколько мне известно, так поступают нечасто.

— Вовсе нет. Мы просто хотели создать образцовый жилой комплекс. У нас ведь есть собственный водопровод и система очистки воды — почему бы не построить телефонную подстанцию?

Гомер не стал спорить. Какой смысл? Все это выглядело совершенно безумным. Однако Стин вел себя так, словно ничего удивительного не происходило. Быть может, он знает, что делает.

Впрочем, Гомер очень сильно в этом сомневался.

— И еще одно,— сказал Стин.— Это не столь важно, но вам следует знать. У нас имеется агентство по продаже автомобилей. На самом деле несколько агентств. Всякий, кто захочет снять дом, должен купить новую машину.

— Мистер,— сказал Гомер,— я слышал много историй об автомобильном бизнесе, но ваша превосходит все остальные. Если вы полагаете, что я стану продавать для вас машины...

— Ну что тут дурного? — возразил Стин.— У нас хорошие связи. И мы можем предоставить любой автомобиль по достойной цене. Кроме того, наши агентства дадут приличные деньги за подержанные машины. Мы бы не хотели, чтобы наши клиенты разъезжали в развалюхах.

— Что еще? Лучше уж сразу скажите, чем еще вы занимаетесь.

— Больше ничем. Только автомобилями.

Гомер переключил передачу и медленно подъехал к воротам. Сторож, одетый в аккуратную форму, увидел, что они приближаются, тут же распахнул ворота и весело помахал им, когда они проехали мимо его будки.

— Я бы и близко к ним не подошел,— сказал Гомер своей жене Элейн,— если бы они не предлагали такие хорошие деньги. Но в последнее время в нашем бизнесе застой, а так у меня появляется шанс. Вот только...

— Вот только туфли мистера Стина, которые он надел наоборот,— подхватила Элейн.— Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться. Помнишь дядюшку Эда?

— Конечно. Он носил свой жилет, вывернув его наизнанку.

— Причем из чистого упрямства. Однажды он случайно вывернул жилет, и кто-то над ним посмеялся. С тех пор дядюшка носил жилет только так — и не изменил своей привычке до самой смерти.

— Возможно, именно так все и обстоит,— ответил Гомер,— но когда ты носишь наизнанку жилет, у тебя не болит спина или грудь. А надетые неправильно ботинки должны ужасно жать ноги.

— Быть может, бедный мистер Стин калека.

— Да, и он таким уродился.

— Если ты сдашь в аренду все дома, мы сможем поехать в Европу. Мы так давно об этом мечтали. По мне, так пусть твой мистер Стин хоть босиком ходит.

— Да, пожалуй.

— И нам не помешает новая машина,— продолжала Элейн, вновь взяв в руки каталог.— А также портьеры для гостиной. А еще я не помню, когда в последний раз покупала новое платье. Кстати, как насчет столового серебра? Оно у нас такое старое. Этель подарила его нам на свадьбу...

— Ладно,— вздохнул Гомер.— Если я сумею сдать дома в аренду — и если не попаду в тюрьму,— отправимся в Европу.

Он знал, когда следует прекратить сопротивление.

Гомер внимательно прочитал контракт, составленный практически безупречно. Там было прямо написано, что он получит все пять тысяч. Быть может, сказал он себе, следует показать контракт адвокату.

Конгдон сразу же скажет, насколько он надежен. Однако Гомеру не хотелось никому показывать такой выгодный контракт. В нем имелось нечто постыдное — уж слишком велика обещанная сумма.

Потом Гомер проверил банк «Счастливых Акров», и выяснилось, что он вполне кредитоспособен. Разрешение на строительство и прочие бумаги также находились в полнейшем порядке.

Ну что еще оставалось делать Гомеру? В особенности если жена уже десять лет говорит, что мечтает о поездке в Европу.

Гомер сел за стол и написал рекламное объявление для воскресной газеты. После некоторых размышлений он решил отказаться от красивых фраз и использовал совсем другую технику. Рекламный текст получился коротким — прочитать его не поленится никто.

«Всего 4,1611 доллара!!!
ВЫ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ВСЕГО 4,16$
в месяц, чтобы жить в доме,
который стоит от 35 000
до 50 000 долларов?

Если готовы, то позвоните или зайдите
В АГЕНТСТВО ДЖЕКСОНА,
специализирующееся на продаже домов за городом».

Первым предполагаемым покупателем стал Х. Ф. Морган, который зашел в офис Гомера ранним воскресным утром. Х. Ф. Морган был настроен воинственно. Войдя в офис, он швырнул на стол газету с рекламным объявлением, обведенным красным карандашом.

— Все неправда! — завопил Морган.— Возмутительное жульничество!

— Совершенная правда,— спокойно ответил Гомер.— И никакого жульничества.

— Вы хотите сказать, что я буду платить четыре доллара шестнадцать центов, и все?

— Ну, не все, конечно,— уклончиво ответил Гомер.— Вы берете дом в аренду на девяносто девять лет.

— А зачем мне дом на девяносто девять лет? Я так долго не проживу.

— На самом деле так даже лучше, чем владеть домом. Вы сможете прожить в нем всю жизнь, как если бы являлись владельцем, но вам не придется платить налоги, а также за ремонт. Если у вас есть дети, после вас дом перейдет к ним.

— Вы хотите сказать, что все это легально?

Гомер решительно кивнул:

— Совершенно верно.

— А какие недостатки имеет дом?

— Никаких. Речь идет о новом доме, который стоит среди других новых домов в прекрасном загородном районе. А совсем рядом находится торговый центр, ничуть не хуже, чем в городе...

— Вы утверждаете, что дома новые?

— Верно. Там пятьдесят домов. И вы сможете выбрать любой. Но я вам не советую особенно тянуть. Я абсолютно уверен, что дома будут распроданы, как мороженое в жаркий денек.

— *Моя машина припаркована возле вашего офиса.*

— Вот и хорошо,— сказал Гомер, протягивая руку к шляпе.— Я возьму свою машину и покажу вам дорогу. Дома не заперты. Вы сможете посмотреть на них и выбрать тот, который вам больше понравится.

Гомер вышел на улицу и сел в свою машину. Тут он почувствовал, что на сиденье лежит что-то твердое и неровное. Ему стало больно, и он выругался. Приподнявшись, Гомер вытащил из-под себя странный предмет.

Ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного. Пожалуй, предмет немного напоминал деталь из детского конструктора, но Гомер никак не мог понять, как он попал к нему в машину.

Выехав на улицу, Гомер посигналил Моргану, чтобы тот следовал за ним. Вместе с Х. Ф. Морганом в машине сидели миссис Морган, вредный восьмилетний мальчишка Джек, сим-

патичная пятилетняя девчушка по имени Джуди и щенок боксера, которого звали Батч. От Гомера не укрылось, что «Счастливые Акры» на всех произвели благоприятное впечатление. Миссис Морган всплеснула руками, а лицо Х. Ф. Моргана потемнело от подозрений. Казалось, Гомер слышит, как внутренний голос Моргана шепчет: «Нет такого безумца, который предлагал бы столь выгодную сделку!»

Джек и щенок Батч сразу же побежали в лес, Джуди принялась весело танцевать на лужайке, и Гомер сказал себе, что почти заработал свои первые пять тысяч.

День получился очень напряженным. Его телефон только что не дымился от звонков.

Одна за другой в его офис входили семьи, которые подыскивали себе дом. Они были полны подозрений и сомнений. Гомер старался изо всех сил. Еще никогда у него не было столько клиентов сразу.

Ему пришлось сопровождать каждого из них в «Счастливые Акры»; он терпеливо объяснял, что здесь нет никакого обмана, что дома действительно сдаются в аренду. И всех уговаривал поторопиться с принятием решения.

— Такое просто не может продолжаться долго,— говорил Гомер, повторяя древнейшую уловку всех агентов по продаже недвижимости.

После возвращения из церкви Элейн зашла в офис и отвечала на телефонные звонки, пока Гомер беседовал с потенциальными покупателями. Днем он съездил в «Счастливые Акры». Вся территория комплекса превратилась в настоящий сумасшедший дом. Ситуация больше напоминала ярмарку штата или чудовищных размеров пикник. Люди бродили по холмам, заходили в дома. Кто-то даже разбил три окна.

На полах остались грязные следы, из открытых кранов текла вода. Кто-то забыл выключить воду в шланге для поливки цветов. Гомер пытался разговаривать с некоторыми посетителями, но ему так и не удалось заключить ни одной сделки.

Он вернулся в офис и стал ждать наплыва клиентов.

Однако ничего не происходило. Гомер ответил на несколько телефонных звонков и заверил звонивших, что дома действительно сдаются на выгодных условиях. И все же он ушел домой, как побитая собака.

В воскресенье ему не удалось сдать в аренду ни одного дома.

Первым пришел Морган. Он явился один, рано утром в понедельник. Его по-прежнему мучили подозрения.

— Послушайте,— сказал Морган.— Я архитектор. Мне очень хорошо известно, сколько стоит дом. В чем тут подвох?

— Подвох в том, что вы платите пять тысяч долларов наличными за право получить дом в аренду на девяносто девять лет

— Но здесь нет никакого подвоха. Это все равно что купить дом. Через сто лет любой дом теряет большую часть своей стоимости.

— Есть и другой подвох,— сказал Гомер.— Строительная фирма не продаст вам дом до тех пор, пока вы не купите у нее новый автомобиль.

— Это незаконно! — закричал Морган.

— Разве? Никто не заставляет вас принимать предложение фирмы.

— Давайте пока забудем о машине,— предложил Морган.— Скажите, как строительная компания могла построить такие дома всего за пять тысяч долларов? Мне точно известно, что это невозможно.

— Согласен с вами. Но если они намерены потерять кучу денег, зачем им мешать?

Морган постучал костяшками пальцев по письменному столу.

— Так в чем же трюк, Джексон?

— Представитель фирмы носит левую туфлю на правой ноге, а правую — на левой, если вам это что-нибудь объясняет.

Морган мрачно посмотрел на него.

— У меня такое впечатление, что вы тоже сошли с ума. Какое это имеет отношение к делу?

— Понятия не имею,— ответил Гомер.— Я упомянул эту деталь в надежде, что она вам поможет.

— К сожалению, мне не стало легче.

Гомер вздохнул:

— Я и сам ничего не понимаю.

Морган взял шляпу и нахлобучил ее на голову.

— Мы еще встретимся, Джексон,— угрюмо пообещал он.

Его слова прозвучали как угроза.

— Я буду здесь,— ответил Гомер в спину уходящего Моргана.

Гомер спустился в кафе выпить чашку кофе. Когда он вернулся, его ждал новый посетитель. Он сидел на стуле и нетерпеливо барабанил пальцами по портфелю, который держал на коленях. У него было такое выражение лица, словно он выпил что-то очень кислое.

— Мистер Джексон,— сказал он,— я представляю Ассоциацию агентов по продаже недвижимости.

— Меня это не интересует,— равнодушно ответил Джексон.— Я много лет прекрасно жил, не вступая в вашу организацию. И легко обойдусь без нее еще долгие годы.

— Я пришел вовсе не для того, чтобы предложить вам членство в нашей ассоциации. Речь идет о рекламном объявлении, которое вы дали вчера в газете.

— Хорошая реклама, как мне кажется. Во всяком случае, она привлекла много клиентов.

— Именно против подобной рекламы выступает наша ассоциация. Если вы меня простите за слишком сильное выражение, то это настоящее надувательство.

— Мистер... кстати, как вас зовут?

— Снайдер,— ответил незваный гость.

— Мистер Снайдер, если вы действительно хотите снять в аренду дом по смехотворно низкой цене четыре доллара шестнадцать центов в месяц, я с радостью покажу вам один из этих домов. Если у вас есть время, я даже готов отвезти вас туда.

Зубы Снайдера щелкнули, словно захлопывающаяся мышеловка.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, мистер Джексон. Подобное рекламное объявление — настоящее мошенничество, и вам это прекрасно известно. Вы обманываете покупателей, и мы намерены вас разоблачить.

Гомер забросил шляпу на верхушку шкафа и уселся на стул.

— Снайдер,— сказал он,— вы только понапрасну занимаете место и отвлекаете меня от работы. Вы выполнили свой долг — предупредили меня. А теперь уходите.

Гомер не собирался так разговаривать и ужасно удивился собственной резкости. Но теперь, когда слова были произнесены, ему понравилось то чувство независимости и силы, которое они в нем пробудили.

— Вам незачем выходить из себя,— миролюбиво сказал Снайдер.— Давайте все спокойно обсудим.

— Вы пришли угрожать мне,— резко ответил Гомер.— Нам не о чем говорить. Вы сказали, что доберетесь до меня. Что ж, попробуйте.

Снайдер вскочил.

— Вы об этом пожалеете, Джексон,— злобно прошипел он.

— Весьма возможно,— признал Гомер.— А вы уверены, что вам не нужен дом?

— Только не от вас,— бросил на ходу Снайдер и с высоко поднятой головой вышел за дверь.

«Должно быть, я сбил им график продаж»,— сказал себе Гомер, глядя из окна на быстро шагающего по улице Снайдера. Гомер задумался. Он знал, что у него будут неприятности, но расторгнуть контракт со Стином не представлялось возможным. Элейн уже твердо решила, что они поедут в Европу.

Выбора нет. Даже если бы Гомер захотел, он не мог повернуть назад — да и сам он уже не мог остановиться. Слишком большие деньги были поставлены на карту.

Включение автомобилей в сделку не нравилось Гомеру, но здесь от него ничего не зависело. К тому же если он будет действовать аккуратно, то не наживет себе неприятностей. Возможно, подумал Гомер, стоит сходить к Стину и поговорить с ним.

Гейб Уилсон, страховой агент, чей офис находился дальше по коридору, заглянул в дверь, увидел, что Гомер один, вошел и с довольным видом уселся на стул. Гейб был ужасное трепло.

— Ну, как делишки, приятель? — ухмыляясь, спросил он.— Слышал, ты заполучил контракт со «Счастливыми Акрами». Почему бы тебе не взять в долю старого друга? Твои клиенты вполне могли бы страховаться у меня.

— Проваливай,— раздраженно буркнул Гомер.

— Вчера мне рассказали классную историю. Фирма, которая занимается сносом аварийных домов, получила заказ. А помощник прораба все перепутал, и они снесли другое здание.— Гейб хлопнул себя по коленям и расхохотался.— Ты можешь представить себе лицо заказчика, когда он узнал, что произошло?

— Это влетело ему в крупную сумму,— ответил Гомер.— Можно не сомневаться, что он оказался в тяжелом положении.

— Разве не смешно?

— Не вижу тут ничего смешного.

— Как дела со «Счастливыми Акрами»?

— Пока нормально,— ответил Гомер.

— Я навел справки,— сообщил Гейб.— Дешевая компания. Они нашли никудышного подрядчика, которого никто не знает. Более того, они даже материалы закупали не здесь. И подрядчик привез своих рабочих. В результате никто из местных и цента заработать не сумел.

— Весьма непатриотично.

— И не слишком умно. Не сомневаюсь, что через пару лет дома развалятся.

— А мне все равно. Я должен сдать их в аренду, остальное меня не касается.

— Есть какое-нибудь движение?

— Многие проявили интерес. А вот идет мой клиент.

Это был Морган. Он припарковал свой новенький автомобиль, сияющий хромом, у входа в здание. Гейб стремительно убрался восвояси.

Морган вошел в офис, уселся на стул и вытащил чековую книжку.

— Я купил машину,— заявил он.— На кого мне выписывать чек?

Шесть недель спустя Гомер заехал в офис торгового центра. Стин сидел в кресле, положив ноги на письменный стол. На ногах красовались черные туфли — в прошлый раз он был в коричневых. Однако они также были надеты неправильно.

— Мистер Джексон,— любезно проговорил он.

— Я наконец закончил. Все дома сданы в аренду.

— Отличная работа.— Стин засунул руку в ящик письменного стола, вытащил оттуда небольшой предмет и толкнул его через стол Гомеру.— Вот. Она теперь ваша.

Гомер взял банковскую книжку, открыл ее и увидел аккуратные ряды прихода по 4 500 долларов.

— Вы заработали вполне приличную сумму,— сказал Стин.

— Жаль, что у меня нет возможности продать еще пятьдесят домов,— с грустью признался Гомер.— Или даже две сотни. Люди полны энтузиазма. Я мог бы сдать их в аренду меньше

чем через неделю. У меня даже имеется длинный список желающих.

— Ну так почему бы вам не сдать их?

— Я не могу сделать это во второй раз.

— Странное дело,— заметил Стин.— Никто не живет в наших домах. Все пустуют.

— Но этого не может быть! — возразил Гомер.— Возможно, некоторые из них еще не заняты, но большинство уже давно заселены. Люди живут в ваших домах.

— А по мне, так там никого нет.

— А что случилось с теми, кто взял дома в аренду? Куда они...

— Мистер Джексон!

— Да?

— Вы мне не верите. Вы не верили мне с самого начала. И я не понимаю почему. Вы сразу посчитали мое предложение странным. Мне показалось, что вы даже испугались. Но вы должны признать, что я поступил с вами честно.

Гомер погладил чековую книжку.

— Бесспорно.

— Я знаю, что делаю, мистер Джексон. И я не вчера родился. Я все обдумал заранее. Оставайтесь со мной. Мне нужен такой человек, как вы.

— Вы предлагаете сдать дома в аренду во второй раз? — смутившись, спросил Гомер.

— Во второй раз,— с довольным видом сказал Стин.— И в третий. И в четвертый. Сдавайте их в аренду столько раз, сколько сможете. Не останавливайтесь. Никто вам и слова не скажет.

— А люди, которым я сдал в аренду дома раньше? — заметил Гомер.

— Мистер Джексон, давайте не будем паниковать — этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Только сдавайте дома в аренду.

— Но так нельзя.

— Мистер Джексон, за шесть недель вы заработали четверть миллиона. Надеюсь, вы довольны. Полагаю, вы не считаете, что этого...

— Да, конечно. С учетом налогов и всего прочего...

— Забудьте о налогах. Я же говорил, что наш банк сам решает проблемы с налогами.

— Не понимаю,— пробормотал Гомер.— Так бизнес не делается.

— Именно так,— заявил Стин.— Если вы со мной не согласны, придумайте свой способ — пусть он окажется лучше. А сейчас ваши возможности безграничны. Вы сможете стать мультимиллионером...

— В тюрьме.

— Я же сказал, что мы не делаем ничего противозаконного. Если вы не хотите быть нашим представителем...

— Я должен подумать,— взмолился Гомер.— Дайте мне день или два.

— Завтра в полдень,— решительно заявил Стин.— Если завтра в полдень я не получу от вас никакого ответа, то буду искать нового человека.

Гомер встал, засовывая чековую книжку в карман.

— Я буду у вас завтра.

Стин положил ноги на стол.

— Отлично. Я буду вас ждать.

Выйдя на улицу, Гомер прошел мимо сияющих витрин магазинов. Теперь он заметил, что продавцов слишком мало, а покупателей и вовсе ни одного. Гомер зашел в аптеку, чтобы купить сигару. За прилавком стояла молоденькая девушка, которая, видимо, недавно закончила школу. Гомер никогда ее раньше не видел.

— Вы живете здесь? — спросил он.

— Нет, сэр. В городе.

Потом Гомер зашел в магазин скобяных изделий и продуктовый супермаркет. И нигде не встретил знакомых. «Как странно,— подумал он,— я прожил здесь почти тринадцать лет и думал, что знаком практически со всеми».

Тут Гомер вспомнил, что Гейб говорил относительно строительной фирмы: они всех рабочих привезли с собой. Возможно, по какой-то дурацкой причине Стин не захотел нанимать местных жителей. Однако взял на работу Гомера.

Абсурд какой-то... Но сдавать дома в аренду во второй раз — это уже слишком.

Пожалуй, пора выйти из дела. Он заработал приличную сумму. Если он уйдет сейчас, никто не сможет предъявить ему никаких обвинений.

А если останется, у него будут серьезные неприятности. Гомер раскурил сигару и вернулся к машине. Выехал с парковки на дорогу и свернул к участку, где находились новые дома.

Он медленно вел машину, внимательно вглядываясь в каждый дом. Все они казались пустыми. На окнах — никаких занавесок и портьер. Трава на лужайках не подстригалась вот уже несколько недель. И нигде он не заметил играющих детей или резвящихся кошек и собак.

Почти во всех семьях, снявших дома, были дети, кошки или собаки. Здесь должна кипеть жизнь, сказал себе Гомер, но повсюду царит тишина.

Остановив машину, он вошел в один из домов. В нем было пусто и голо. В углах он нашел остатки опилок и стружки. На полу не осталось царапин, на стенах — ни одного следа гвоздя. Окна не вымыты, никто даже не содрал упаковочную бумагу со стекол. Гомер вышел из дома в полнейшем недоумении.

В двух других домах все выглядело точно так же.

Значит, Стин сказал правду. Стин — человек с туфлями, надетыми не на ту ногу,— заметно изменился. Шесть недель назад, когда Стин вошел в офис Гомера, он вел себя осторожно и тщательно формулировал свои предложения. Теперь он держался небрежно, даже сидел за столом, положив на него ноги, а в разговоре использовал жаргонные словечки.

В домах Гомер не нашел ни одной живой души. Более того, в них никто никогда не жил. Он сдал в аренду пятьдесят домов, но ни один из его клиентов так и не въехал в свое новое жилище.

Нет, тут что-то не так, здесь происходит нечто ужасное.

На обратном пути Гомер зашел в офис Стина. И наткнулся на запертую дверь. Старый привратник открыл ворота и помахал ему рукой из окошка своей будки.

Вернувшись в офис, Гомер взял список людей, которые стали арендаторами. Он позвонил Моргану, чья фамилия стояла первой.

— Номер изменился,— сказала телефонистка.— Запишите новый телефон мистера Моргана.

Гомер набрал новый номер.

— «Счастливые Акры»,— пропел мелодичный голос.

— Что?

— «Счастливые Акры»,— повторил голос.— С кем вы хотите говорить, сэр?

— С мистером Морганом.

Пришлось немного подождать. Трубку взял сам Морган.

— Говорит Гомер Джексон. Хочу узнать, как вы устроились. Вам нравится дом? У вас все в порядке?

— Просто превосходно,— радостно ответил Морган.— Я даже хотел забежать и поблагодарить вас.

— Вы действительно всем довольны?

— Лучше и быть не могло. Теперь я почти не хожу в свой офис. Остаюсь здесь и работаю в комнате развлечений. А еще ловлю рыбу и гуляю. Жена и дети довольны не меньше меня.— Морган понизил голос.— Но как вам удалось создать все это? Я пытался сам найти ответ, но у меня ничего не вышло.

— Это тайна,— ответил Гомер, импровизируя на ходу.— Мы всего лишь решаем жилищные вопросы.

— Впрочем, мне все равно,— заявил Морган.— Так, просто любопытно. Обязательно зайду к вам и кое-что принесу.

— Буду рад встрече с вами,— ответил Гомер.

Затем он вновь позвонил в «Счастливые Акры» и попросил соединить его с другой семьей. Так он дошел до середины списка. В основном Гомер беседовал с женщинами, хотя часть мужчин оказалась дома. Они не только были счастливы, но и горели желанием поделиться своими впечатлениями с Гомером. И почти все шутливо спрашивали, как ему удалось провернуть такое необычное дело.

Когда Гомер закончил телефонные разговоры, его глаза совершенно остекленели. Тогда он решил спуститься вниз и выпить чашечку кофе. Вернувшись обратно в офис, Гомер принял решение.

Он взял список тех, кто хотел заключить договор об аренде, но не попал в первые пятьдесят счастливчиков, и начал их обзванивать:

— Если вас это интересует, то в «Счастливых Акрах» освободился дом.

Люди отвечали, что их это интересует.

Он напоминал им насчет машины, и они отвечали, что утром первым делом купят машину.

К ужину он сдал в аренду двадцать домов — по телефону.

— Тут что-то не так,— сказал Гомер жене.— Но я могу отхватить серьезный куш.

— Ты просто чего-то не понимаешь,— заявила Элейн.— Наверняка существуют причины, по которым мистер Стин не может тебе все объяснить.

— Но нам придется отказаться от путешествия в Европу. А мы ведь оформили паспорта и все такое.

— В Европу мы сможем отправиться позже. У тебя никогда не будет такого шанса.

— Однако я беспокоюсь,— признался Гомер.

— О, ты всегда беспокоишься о вещах, которые никогда не случаются. Мистер Стин доволен твоей работой, а люди, снявшие дома, и вовсе счастливы! Чего еще тебе нужно?

— Но куда девались все эти люди? Они не живут в домах, но разговаривают так, словно давно туда переехали. А многие спрашивают меня, как мне удалось провернуть такую замечательную сделку. Получается, будто я проявил ловкость, совершив нечто сомнительное. Но в чем состоит моя ловкость? Я бы и сам хотел знать...

— Забудь,— заявила Элейн.— Ты никогда не отличался ловкостью. И если бы я тебя постоянно не подталкивала...

— Да, дорогая,— сказал Гомер, который уже не раз это слышал.

— И перестань волноваться.

Он попытался, но у него ничего не получалось.

Ранним утром следующего дня он поехал в «Счастливые Акры» и оставил машину перед воротами. С семи до девяти часов он насчитал сорок три машины, которые выехали за ворота комплекса. Некоторые он узнал — именно они снимали дома в аренду. Многие махали ему руками.

В 9.30 он въехал в ворота, припарковал свой автомобиль и медленно зашагал по тротуару.

Все дома были пусты.

Когда Гомер вернулся в свой офис, там его ждали люди. Стоянка перед зданием была забита машинами.

Сделки заключались с головокружительной быстротой. Как выяснилось, никто из потенциальных покупателей не хотел осмотреть дома — все видели их раньше. Они стремились только к одному: получить договор на аренду. Гомер без передышки

заполнял формы, а стопка чеков и наличных на его столе стремительно росла.

Пришли новые клиенты, сказали, что до них дошли слухи о свободных домах в «Счастливых Акрах». Да, отвечал Гомер, так и есть. Впрочем, всего несколько. Он напомнил им о новых машинах.

Последний человек в очереди заявил, что он не хочет брать дом в аренду.

— Меня зовут Фаулер,— сказал он.— Я представляю Ассоциацию строителей и подрядчиков. Возможно, вы сумеете мне помочь.

— У меня есть дом для вас, если вы пришли сюда для этого,— предложил Гомер.

— Мне не нужен дом. У меня уже есть один, благодарю.

— Советую вам его продать и заключить сделку с нами. У нас абсолютно новый подход к решению жилищного вопроса.

Фаулер покачал головой:

— Меня интересует только один вопрос: как мне связаться с мистером Стином?

— Никаких проблем,— ответил Гомер.— Отправляйтесь в «Счастливые Акры». У него там офис.

— Я был там дюжину раз. Его никогда нет на месте. Офис заперт.

— У меня ни разу не возникло с этим проблем, хотя я вижусь с ним довольно редко. Слишком много работы.

— Вы можете рассказать мне, мистер Джексон, как он это делает?

— О чем вы? Как ему удается всегда отсутствовать?

— Нет. Как он может продавать дома по пять тысяч долларов за штуку?

— Он не продает. Мистер Стин сдает дома в аренду.

— Только не надо морочить мне голову. Аренда на девяносто девять лет ничем не отличается от продажи. И он не может строить дома за такие деньги. Стин теряет по двадцать тысяч долларов на каждом доме.

— Если человек хочет выбросить на ветер собственные деньги...

— Мистер Джексон,— перебил его Фаулер,— речь совсем о другом. Стин нарушает правила честной конкуренции.

— Нет, пока он сдает дома в аренду,— возразил Гомер.— Вот когда он начнет продавать, тогда другое дело.

— Если так будет продолжаться и дальше, все подрядчики в нашей местности останутся без работы.

— Откровенно говоря,— заметил Гомер,— во многих случаях это будет лишь справедливо. Они строят жалкие домишки в красивой обертке, но берут за работу такую цену...

— Тем не менее, мистер Джексон, они не вытесняют конкурентов из бизнеса.

— И вы намерены подать в суд,— предположил Гомер.

— Вне всякого сомнения.

— Только не смотрите на меня так. Я лишь оформляю договоры об аренде.

— Мы намерены получить судебный запрет на аренду ваших домов.

— Вы будете вторыми в очереди,— раздраженно сообщил Гомер.

— Вторыми?

— После Ассоциации агентов по продаже недвижимости, которые прислали сюда своего представителя несколько недель назад. Он долго мне угрожал, но до сих пор ничего не сумел добиться. Блефовал, наверное, как и вы.

— Разрешите вас заверить, что я не намерен блефовать.

Фаулер с кислым видом встал и направился к двери.

Гомер посмотрел на часы. Время ланча давно прошло. Он спустился в кафе, чтобы выпить чашку кофе и съесть сэндвич.

В кафе было пусто, и он сидел за стойкой один. Не торопясь, Гомер выпил две чашки кофе, пытаясь свести концы с концами, но все его рассуждения не шли дальше Стина с надетыми не на ту ногу туфлями.

Тяжело вздохнув, Гомер вернулся в офис. Там его уже ждали очередные покупатели, приехавшие на новых машинах. Он вновь принялся сдавать в аренду дома.

Похоже, слухи успели распространиться по всему городу. Клиенты шли один за другим. До окончания работы он успел сдать в аренду еще четыре дома.

Просто поразительно, как быстро люди узнали о выгодной аренде. Последние три недели Гомер не делал никакой рекламы, а клиенты продолжали приходить.

Когда Гомер собирался закрыть офис, явился возбужденный Морган. В руках он держал пакет.

— А это для вас, приятель,— сказал он.— Я ведь обещал вам кое-что принести. Поймал их всего пару часов назад.

Гомер осторожно взял влажный пакет.

— Большое вам спасибо,— с сомнением сказал он.

— Не стоит. В ближайшую неделю я принесу вам еще.

Как только Морган ушел, Гомер закрыл жалюзи и осторожно развернул пакет. Внутри оказалось несколько только что выловленных форелей, завернутых в папоротник, который даже не успел завянуть.

Гомер прекрасно знал, что в радиусе двухсот миль форель не водится! Он стоял и с тоской смотрел на рыбу. Он больше не мог делать вид, что все в порядке. Даже получая по пять тысяч долларов за каждую сделку, он не мог игнорировать происходящее.

Пора взглянуть правде в глаза. Его окружили со всех сторон.

Фаулер явно собирается подавать в суд, а Ассоциация агентов по продаже недвижимости ждет, когда Гомер совершит хотя бы маленькую ошибку. И как только это произойдет, мышеловка захлопнется.

У него есть только один способ себя защитить: он должен узнать, что происходит. Больше нельзя играть втемную.

Если он узнает правду, то сможет что-то предпринять. Возможно, даже успеет вовремя уйти. Пришла пора решительных действий.

Гомер продолжал стоять посреди офиса, на столе лежала завернутая во влажную бумагу рыба, а перед глазами у него маячили ровные ряды одинаковых домиков, за ними такие же улицы, одна за другой, ничем не отличающиеся друг от друга, постепенно исчезающие за горизонтом.

Возможно, все именно так и есть, однако не существует даже второй улицы с одинаковыми домами. Он собственными глазами видел лишь одну улицу, на которой стояли пустые дома — но каким-то непостижимым образом там жили люди.

«Сдавайте их в аренду во второй раз,— сказал Стин,— а потом в третий и в четвертый — этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Сдавайте дома в аренду, и все дела».

И Гомер сдал первый дом в аренду, но люди поселились не в нем, а в другом точно таком же, стоящем сразу за первым, и тогда он вновь сдал в аренду первый дом, а люди стали жить в третьем, который ничем не отличался от первых двух,— да, все происходит именно так.

Вот только глупо пытаться по-детски объяснить то, чего ты не понимаешь. Волшебная сказка.

Гомер попытался придумать какое-нибудь рациональное объяснение, но ничего не получалось.

Человек должен доверять своему здравому смыслу, не так ли? Он должен верить своим глазам. Гомер прекрасно знал, что построено только пятьдесят домов — пустых, несмотря на то что в них живут люди. Он поговорил с множеством людей, которые с радостью рассказали о своей новой чудесной жизни в пустых домах.

Нет, так не бывает, продолжал спор с самим собой Гомер. Все эти люди сошли с ума — Стин и все, кто живет в пустых домах.

Он завернул рыбу в бумагу и не слишком аккуратно перевязал пакет. Не имеет значения, откуда взялась форель, но она наверняка очень вкусная. И вкус свежей форели вдруг представился Гомеру одной из немногих истинных вещей, оставшихся в мире.

Позади послышался скрип, и Гомер в ужасе подскочил, резко повернувшись спиной к столу.

Дверь открывалась! Он забыл ее запереть!

Вошедший человек не носил формы, но Гомер сразу понял, что перед ним полицейский или детектив.

— Меня зовут Хопкинс,— представился он и показал свой значок.

Гомер плотно прикрыл рот, чтобы детектив не услышал, как стучат его зубы.

— Надеюсь, вы сумеете мне помочь,— сказал Хопкинс.

— Конечно,— пролепетал Гомер.— Сделаю все, что в моих силах.

— Вы знаете человека по имени Дал?

— Не думаю,— покачал головой Гомер.

— А вы не посмотрите в своих записях?

— В моих записях? — переспросил Гомер, окончательно переставший понимать, что происходит.

— Мистер Джексон, вы ведь бизнесмен. У вас должна быть картотека — имена людей, которым вы продаете недвижимость.

— Да,— пробормотал Гомер.— Да, естественно, у меня есть такие записи. Несомненно. Конечно.

Трясущимися руками он вытащил ящик письменного стола и достал папку, которую завел для арендаторов домов в «Счастливых Акрах». Он открыл ее и принялся просматривать фамилии клиентов.

— Кажется, здесь есть такая фамилия,— сказал он.— Дал, вроде бы вы сказали?

— Джон Х. Дал,— уточнил Хопкинс.

— Верно, три недели назад я сдал в аренду дом в «Счастливых Акрах» Джону Х. Далу. Вы полагаете, это он?

— Высокий, смуглый человек. Сорока трех лет. Довольно нервный.

Гомер покачал головой:

— Я его не помню. У меня было очень много посетителей.

— А есть в ваших списках Бенни Огаст?

Гомер перевернул несколько страниц.

— Б. Дж. Огаст. Он приходил на следующий день после мистера Дала.

— И еще меня интересует человек по имени Дрейк.

Дрейк также оказался в списках. Хопкинс довольно потер руки.

— А как мне попасть в «Счастливые Акры»?

Охваченный тоской Гомер рассказал Хопкинсу, как туда доехать.

Захватив пакет с рыбой, он вышел из офиса вместе с Хопкинсом. Полицейский сел в машину и уехал, а Гомер еще долго смотрел ему вслед. Не стоит попадаться Хопкинсу на глаза, когда он вернется. Оставалось надеяться, что полицейский не станет его искать.

Закрыв офис, Гомер зашел в кафе купить газету. Он развернул свежий номер, и на глаза ему сразу же попался броский заголовок:

РАЗЫСКИВАЮТСЯ ТРОЕ ПРЕСТУПНИКОВ,
ПРОВЕРНУВШИХ БИРЖЕВУЮ АФЕРУ

Ниже красовались три фотографии. Он прочитал фамилии. Дал. Огаст. Дрейк. Тщательно сложив газету, Гомер засунул ее под мышку и почувствовал, как по спине течет пот.

Он прекрасно понимал, что Хопкинс никогда не найдет этих людей. В «Счастливых Акрах» они будут в безопасности. Тут только до Гомера дошло, каким идеальным местом станут «Счастливые Акры» для тех, кто захочет скрыться.

Интересно, скольких арендаторов разыскивает полиция? Неудивительно, что сведения о «Счастливых Акрах» распространились так стремительно, а возле его офиса толпятся люди, купившие новые автомобили.

Так что же все-таки происходит? Как устроена афера? Кто стоит за «Счастливыми Акрами»? И почему он, Гомер Джексон, оказался втянут в эту таинственную историю?

Элейн бросила на него оценивающий взгляд, как только он переступил порог.

— Ты взволнован,— строго сказала она.

Гомер благородно соврал:

— Вовсе нет. Просто немного устал.

«Напуган до смерти» — было бы гораздо ближе к истине.

На следующее утро к девяти часам утра Гомер подъехал к «Счастливым Акрам». Он без стука вошел в кабинет Стина и только тут заметил, что у него посетитель. Человек, беседовавший со Стином, быстро повернулся к двери.

— А, это вы,— сказал он.

Гомер увидел, что этот человек — Хопкинс. Стин устало улыбнулся:

— Мистер Хопкинс полагает, что мы препятствуем свершению правосудия.

— Не понимаю, как мистеру Хопкинсу могла прийти в голову подобная мысль? — удивился Гомер.

Хопкинс с трудом сдерживал ярость.

— Где все эти люди? Что вы с ними сделали?

— Я же говорил вам, мистер Хопкинс, мы лишь сдаем дома в аренду. Мы не отвечаем за наших арендаторов. У нас снимают жилье самые разные люди.

— Вы их спрятали!

— Ну как мы можем их спрятать, мистер Хопкинс? И где? Вы можете зайти в любой из наших домов. Ищите, сколько душе угодно.

— Я не понимаю, что здесь происходит,— разгневанно заявил Хопкинс.— Но я обязательно выясню. И очень советую вам обоим дать разумные объяснения.

— Я считаю,— задумчиво проговорил Стин,— что приверженность мистера Хопкинса долгу заслуживает восхищения. Вы согласны со мной, мистер Джексон?

— Вне всякого сомнения,— ответил Гомер, который не знал, что еще можно сказать.

— Вы еще подавитесь собственными словами,— обещал им Хопкинс.

И выскочил из кабинета, оглушительно хлопнув дверью.

— Какой неприятный человек,— совершенно спокойно заметил Стин.

— Я выхожу из дела,— заявил Гомер.— У меня полные карманы наличных и чеков. Как только я их верну, мое участие в вашем предприятии будет закончено. Ищите кого-нибудь другого — пусть он выполняет для вас грязную работу.

— Мне очень неприятно это слышать. Причем в тот самый момент, когда дела у вас идут так успешно. Вы можете заработать кучу денег.

— Это слишком рискованно.

— Да, так кажется, но на самом деле вы ничем не рискуете. Типы вроде Хопкинса поднимают много пыли, но что они могут сделать? Нам ничто не угрожает.

— Мы сдаем в аренду одни и те же дома.

— Да, конечно,— не стал спорить Стин.— А как еще мне найти достаточное количество клиентов для нашего торгового центра? Вы же сами сказали, что пятидесяти семей будет мало. И вы, конечно, правы. Но если сдать дома в аренду по десять раз, то получится пятьсот семей... Между прочим, мистер Джексон, к тому моменту, когда мы сдадим наши дома в аренду в сотый раз, вы заработаете двадцать пять миллионов долларов — совсем неплохо за несколько лет работы. И что бы вы обо мне ни думали, мистер Джексон,— сказал в заключение Стин,— я поступаю абсолютно честно. Вы торгуете настоящим товаром. Ведь я говорил, что меня не интересуют деньги от продажи домов, меня волнует лишь прибыль торгового центра.

Гомер попытался сделать вид, что слова Стина не произвели на него впечатления. Он стал вынимать из карманов деньги

и чеки. Стин принялся ставить передаточные подписи на чеках, а потом аккуратно сложил наличные.

— Надеюсь, что вы передумаете, мистер Джексон,— продолжал убеждать он.— Мне нужен такой человек, как вы. Ваша работа меня полностью удовлетворяет. Я прошу вас остаться.

— Тогда будьте со мной откровенны до конца,— предложил Гомер.— И я останусь. Расскажите, как это все работает и каковы ваши планы.

Стин поднес палец к губам:

— Тшш! Вы не понимаете, о чем просите.

— Иными словами, вы утверждаете, что нам не грозят серьезные неприятности?

— Ну, в худшем случае к нам будут приставать неприятные типы, не более того.

— Но нас могут привлечь к суду, если сумеют доказать, что мы помогаем скрываться преступникам.

Стин тяжело вздохнул.

— Мистер Джексон, скольким сбежавшим преступникам вы дали приют за последние шесть недель?

— Ни одному,— решительно ответил Гомер.

— И я тоже.— Стин широко развел руки в стороны.— Значит, нам нечего бояться. Мы не нарушаем законов. Во всяком случае,— уточнил он,— у полиции нет никаких доказательств.

Он собрал наличные и чеки и протянул их Гомеру.

— Вот,— сказал он.— Вы можете отнести их в банк. Это ваши деньги.

Гомер взял пачку купюр и чеки и встал. Он размышлял о том, что сказал Стин. «Мы не нарушаем законов». Возможно, Стин прав и Гомер зря испугался. Что полиция может ему предъявить? Мошенничество с рекламой? Там не давалось обещаний, которые не исполнены.

Арендаторов обязывают покупать новые автомобили? Да, такой вариант возможен, но Гомер не говорил, что приобретение машины является обязательным условием для совершения сделки. Он лишь упоминал, что было бы неплохо купить автомобиль у фирмы, которая представляет «Счастливые Акры».

Неужели его могут отдать под суд за то, что он продает дома дешевле их себестоимости? Едва ли, ведь будет очень непросто доказать, что аренда равносильна продаже. К тому же прода-

жа или сдача в аренду домов по ценам ниже себестоимости не является преступлением.

Наконец, неужели его могли бы арестовать за сдачу в аренду одних и тех же домов по несколько раз? Конечно нет — до тех пор, пока кто-нибудь не пострадал, а как это доказать?

За исчезновение людей? Но с ними можно поговорить по телефону, к тому же они регулярно выезжают за ворота комплекса. И все довольны и даже счастливы.

— Быть может,— мягко проговорил Стин,— вы согласитесь остаться с нами.

— Возможно,— ответил Гомер.

И направился в банк. Здание производило впечатление. Фойе было отделано эффектным красноватым металлом и блистающими зеркалами. В изящных клетках сидели птицы, некоторые из них пели.

Клиентов в банке не оказалось, но повсюду сохранялась идеальная чистота. Симпатичный вице-президент сидел за полированным письменным столом, на поверхности которого не было ни одного документа. Рядом за узким окошечком скучал кассир.

Гомер подошел к окошку и просунул внутрь наличные и чеки. Потом достал из бумажника банковскую расчетную книжку и протянул кассиру. Кассир просмотрел книжку и сказал:

— Сожалею, мистер Джексон, но у вас нет счета в нашем банке.

— Нет счета! — вскричал Гомер.— Но у меня на счету четверть миллиона!

Его сердце упало и едва не разбилось о пол. Если бы рядом оказался Стин, ему бы не поздоровилось.

— Нет,— спокойно сказал кассир,— вы сделали ошибку. Вот и все.

— Ошибку! — выдохнул Гомер, ему пришлось вцепиться в окошко, чтобы не упасть.

— Вполне объяснимую ошибку,— сочувственно заметил кассир.— Такое могло произойти с кем угодно. Ваш счет находится во Втором банке.

— Во Втором банке,— прохрипел Гомер.— О чем вы говорите? Здесь нет других банков.

— Послушайте, здесь написано, что ваш счет находится во Втором банке.

Он показал Гомеру его банковскую книжку. Там действительно было написано: Второй банк «Счастливых Акров».

— Ну ладно, так-то лучше,— с облегчением пробормотал Гомер.— А вы не подскажете, как мне попасть во Второй банк?

— Охотно, сэр. Вам нужно пройти направо. Прямо через эту дверь.

И он вернул Гомеру деньги и чеки.

— Так вы говорите, в эту дверь? — уточнил Гомер.

— Да, в ту, что рядом с фонтанчиком для питья.

Крепко сжимая банковскую книжку, деньги и чеки, Гомер поспешно направился к указанной двери, распахнул ее, вошел и захлопнул за собой прежде, чем понял, что оказался в чулане.

Здесь было совсем мало места, и Гомер с трудом мог повернуться, к тому же вокруг царила кромешная темнота. Гомер моментально взмок, он зашарил вокруг руками, пытаясь отыскать дверную ручку. Наконец удача улыбнулась ему, и он распахнул дверь.

Окончательно потерявший терпение Гомер подбежал к окошку кассира и сердито постучал по стеклу. Кассир поднял голову.

— Что за дурацкие шутки? — завопил Гомер.— Что вы себе позволяете? Что здесь происходит? Я попал в обычный чулан.

— Прошу меня простить, сэр,— вежливо извинился кассир.— Это моя вина. Я забыл вам дать это.

Он наклонился, вытащил из выдвижного ящика какой-то маленький предмет и протянул Гомеру. Больше всего этот предмет показался Гомеру похожим на необычное украшение на радиаторе автомобиля. С удивлением рассматривая его, Гомер спросил:

— А какое отношение эта штука имеет к банку?

— Самое прямое,— ответил кассир.— Она поможет вам попасть во Второй банк. Только не потеряйте ее. Она потребуется вам, чтобы вернуться обратно.

— Вы хотите сказать, что я должен просто держать ее в руке?

— Совершенно верно, сэр,— заверил его кассир.

Гомер вернулся к двери, все еще не веря кассиру. «Это какой-то бессмысленный бред,— сказал он себе.— Эти ребята ничем не отличаются от Гейба Уилсона — так и норовят отмочить

дурацкую шутку. Если кассир надо мной потешается,— пообещал себе Гомер,— я вытру его шевелюрой пол».

Он открыл дверь и еще раз вошел в чулан — и оказался вовсе не в чулане, а в другом банке.

Металлическая отделка отдавала красным, блистали многочисленные зеркала, пели птицы, вот только клиентов здесь было полно. За стеклом трудились трое кассиров, а безупречно одетый вице-президент работал не покладая рук.

Гомер немного постоял возле двери. Клиенты не обращали на него внимания, но, когда Гомер пригляделся к ним, он обнаружил, что многих знает.

Это были те самые люди, которым он сдавал дома в аренду. Теперь они пришли во Второй банк по своим делам.

Засунув металлический предмет в карман, он направился к окошку, где было поменьше клиентов. Ему пришлось немного подождать, пока стоящий перед ним мужчина не закончит делать вклад.

Гомер видел лишь его затылок, но мужчина показался ему знакомым. Он стоял и вспоминал людей, которые прошли через его офис за последние шесть недель.

Наконец мужчина повернулся, и Гомер разглядел его лицо.

Дал. То самое лицо, которое вчера смотрело на него со страницы газеты.

— Приветствую вас, мистер Джексон,— сказал Дал,— давненько не виделись.

Гомер едва не подавился собственным языком.

— Добрый день, мистер Дал. Как вам нравится ваш дом?

— Он просто великолепен, мистер Джексон. Здесь так тихо и спокойно, я просто не могу отсюда уехать.

«Держу пари, что так оно и есть»,— подумал Гомер.

— Рад слышать, что вы довольны,— ответил Гомер и подошел к окошку.

Кассир открыл его банковскую книжку.

— Как хорошо, что вы нас посетили, мистер Джексон. Полагаю, что вас захочет повидать президент. Вы зайдете к нему, когда я закончу оформлять ваш вклад?

Когда Гомер отходил от окошечка, по его спине пробежал холодок: интересно, зачем президент ищет с ним встречи и какие новые неприятности его ждут?

Гомер постучал, и приветливый голос предложил ему войти. Президент оказался тучным и удивительно доброжелательным джентльменом.

— Я надеялся, что вы зайдете,— заявил он.— Уж не знаю, известно ли вам, что вы наш самый крупный вкладчик?

Он крепко пожал Гомеру руку и предложил ему сесть в кресло. Затем президент закурил сигару, и Гомер, неплохо разбиравшийся в табаке, решил, что она должна стоить никак не меньше пятидесяти центов.

Выпустив струю ароматного дыма, президент уселся за свой стол.

— У вас здесь все превосходно организовано,— заметил Гомер, чтобы завязать разговор.

— О да,— кивнул президент.— По высшему разряду. Но вы же знаете, мы лишь проводим испытания.

— Нет, мне об этом ничего не известно.

— Да, конечно. Вот увидите, у нас получится. И тогда мы сможем реализовать более крупные проекты — уверен, они окажутся намного прибыльнее. Впрочем, тут ничего нельзя утверждать заранее, кто знает, как будут приняты новые идеи. Иногда проводятся серьезные предварительные исследования, бесчисленные оценки, а результат никого не удовлетворяет.

— Вы правы,— ответил Гомер, не очень понимая, о чем говорит президент.

— А как только система заработает,— продолжал президент,— мы сможем передать управление местным жителям.

— Понятно. Значит, вы приехали издалека?

— Естественно. Я из города.

«Как странно он изъясняется»,— вдруг подумал Гомер. Он внимательно наблюдал за президентом, лицо которого оставалось совершенно спокойным,— он не производил впечатления человека, который оговорился или сказал совсем не то, что хотел.

— Я очень рад, что познакомился с вами,— сказал Гомер.— Честно говоря, я подумывал о том, чтобы перевести счет в другой банк и...

На лице президента появилось выражение ужаса.

— Но почему? Вам наверняка рассказали о налоговых преимуществах, которыми пользуются наши вкладчики.

— Да, об этом шла речь, но, должен признаться, я не совсем понял.

— О, мистер Джексон, все очень просто. Тут нет никакой тайны. Что касается властей вашей страны...

— Моей страны?

— Ну да, конечно. Мне представляется, с логической точки зрения — и мы готовы отстаивать наши позиции в суде,— что данная территория уже не является Соединенными Штатами Америки. Но даже если считать ее частью вашей великой нации — а я сомневаюсь, что подобное утверждение будет признано в суде,— наша документация остается недоступной для федеральных агентов вашей страны. Только не говорите мне, что вы не понимаете, какие выводы из этого следуют.

— Подоходный налог,— сказал Гомер.

— Верно,— радостно улыбаясь, кивнул президент.

— То, что вы рассказали, чрезвычайно интересно.— Гомер встал и протянул руку президенту.— Мы еще обязательно встретимся.

— Благодарю вас,— ответил президент.— Заходите в любое время.

На улице ярко сияло солнце.

Торговый центр занимал весь квартал, повсюду прогуливались люди, заходили в магазины, делали покупки. Несколько машин были припаркованы на стоянке — мир Второго банка выглядел точно так же, как мир Первого банка, и если бы Гомер не знал, в чем отличие...

Боже мой, подумал Гомер, так чем же они отличаются? Что произошло на самом деле? Он вошел в какую-то дверь и оказался в другом банке, где обнаружил пропавших людей — тех, кто не жил в пустых домах мира Первого банка.

Получалось, что мир, в котором стоят пустые дома, лишь витрина? С тем же успехом на месте домов могли бы стоять образцы. Здесь выстроилась вторая улица, о которой он размышлял вчера. А за второй улицей появятся третья, четвертая и так далее?

Совершенно потрясенный Гомер брел по гладкому тротуару; да, вторая улица была самой настоящей реальностью. Он никак не мог до конца осмыслить происходящее. Его разум отказывался постичь, как такое возможно, и он сказал себе, что

все это неправда. Однако Гомер видел: мир Второго банка существует, как бы его разум ни сопротивлялся тому, о чем говорили ему глаза!

Он незаметно подошел к воротам комплекса. Они ничем не отличались от ворот мира Первого банка — такая же массивная металлическая решетка.

Однако здесь не было сторожа.

По дороге стремительно мчалась машина — прямо к воротам. Казалось, водитель их не видит. Гомер закричал, но машина не сбавила ход. Он принялся размахивать руками, но водитель не обращал на него ни малейшего внимания.

«Он совсем спятил,— подумал Гомер.— Сейчас он врежется в ворота и...»

И автомобиль на высокой скорости влетел в ворота — совершенно беззвучно, Гомер не слышал ни удара, ни скрежета рвущегося металла. Ничего не произошло. Ничего.

Ворота стояли на прежнем месте. А машина исчезла. Гомер неуверенно двинулся к воротам.

Не доходя десяти шагов, он остановился.

Дорога подходила к воротам; дальше ничего не было. На множество миль за воротами тянулась дикая местность.

Гомер осторожно приблизился к воротам и выглянул сквозь решетку.

Всего в нескольких футах от ворот высился гигантский дуб, а за ним простирался вековой первозданный лес, откуда доносилось приятное журчание ручья.

«Рыба,— подумал Гомер.— Возможно, именно в этом ручье водится форель». Он протянул руку и коснулся железной решетки ворот. И в тот же миг лес исчез — Гомер стоял у знакомого входа в комплекс «Счастливые Акры», возле широко распахнутых ворот, рядом с автострадой, на которую выходил участок дороги, ведущей к комплексу.

— Доброе утро, сэр,— приветствовал Гомера сторож.— Пожалуй, вам стоит отойти в сторону, иначе вас может задавить машина.

— Что? — тупо переспросил Гомер.

— Машина. Вы ведь стоите на дороге.

Гомер повернулся на каблуках, быстро прошел мимо сторожа и решительно направился в офис Стина.

Однако оказалось, что дверь заперта. Гомер громко постучал по стеклу. Ничего не произошло. Он повернулся к двери спиной и огляделся. Перекресток перед торговым центром был пуст. За деревьями виднелись дома — Гомер не сомневался, что там никого нет. Чуть дальше на солнце поблескивала гладкая поверхность озера.

Он засунул руку в карман, и его пальцы нащупали маленькое украшение для радиатора. Гомер вытащил его и принялся рассматривать. Он уже видел его раньше — не эту маленькую копию, а само украшение. Да, оно стояло на новых машинах, припаркованных возле его офиса,— на них приезжали люди, которые хотели арендовать дома. И еще он заметил такое украшение на машине, едва не врезавшейся в ворота.

Гомер вернулся к стоянке, сел в свою машину и вернулся домой.

— Пожалуй, сегодня я не пойду в офис,— сказал он Элейн.— Я паршиво себя чувствую.

— Ты слишком много работаешь,— укоризненно сказала Элейн.— У тебя усталый вид.

— Ты права,— признал он.

— Полежи после ленча. Может быть, немного поспишь.

— Да, дорогая,— ответил Гомер.

Все укладывается в схему, думал он, лежа в постели и глядя в потолок. Пожалуй, можно сделать кое-какие выводы. Поразительно, но у него не оставалось выбора — он не мог не верить собственным глазам. А если считать происходящее игрой воображения, то концы никак не сходились с концами.

Некто — быть может, Стин, или кто-то другой, на кого работает Стин,— открыл способ строить один дом, который каким-то образом превращается во множество домов. И одна улица тянется вслед за другой, каждая последующая является тенью предыдущей, однако каждый дом настоящий — в них живут люди.

Первый дом уходит в другое измерение. Или дома перебираются в разные времена. Или еще что-нибудь столь же невероятное.

Так или иначе, но кому-то удалось придумать превосходную идею. Получалось, что можно построить один дом, а потом продавать его или сдавать в аренду снова и снова. И при этом

безумный автор изумительной идеи согласился отдавать все деньги тому, кто сдает дома в аренду.

У Гомера не осталось ни малейших сомнений: Стин безумен. Его идеи относительно торгового центра выглядели весьма сомнительно; впрочем, если речь пойдет о пяти тысячах домов, каждый из которых сдан в аренду по десять раз, а у тебя монополия на все товары, которые они будут покупать... Пожалуй, любые расходы быстро окупятся.

Не следует также забывать о словах президента банка относительно суверенитета.

Новый подход к решению жилищного вопроса, так сказал ему Стин. Вот где собака зарыта!

Новый подход применим ко многим аспектам человеческой деятельности — промышленности, сельскому хозяйству, горному делу... Достаточно сделать одну машину, и у тебя их становится сколько угодно! Построить одну фабрику — потом их будет несколько.

Точная копия, подумал Гомер, экономика под копирку. Похоже, они в состоянии сделать столько копий, сколько захотят. Вероятно, как только ты овладеваешь принципом, количество копий ничем не ограничено. И Гомер вдруг представил «Счастливые Акры», бесконечно повторяющиеся снова и снова. И нет им конца.

Он заснул, и ему приснились призрачные ряды домов, которые он безуспешно пытался сосчитать, понимая, что обретет свободу только после того, как получит результат. Но стоило ему закончить с одной улицей, как тут же возникала другая, и освобождения не наступало.

Гомер проснулся в холодном поту, во рту пересохло, на языке остался отвратительный вкус горечи. Он с трудом выбрался из постели и пошел в ванную, где подставил голову под струю холодной воды. Стало легче, но ненамного.

Гомер спустился вниз и на обеденном столе нашел записку от Элейн: «Ушла играть в бридж к Мейбл. Бутерброды в холодильнике».

На улице уже стемнело. Он проспал несколько часов. Потерянный день, выругал себя Гомер, ну никакой пользы — и доллара не заработано.

Он нашел немного молока, выпил его, но к бутербродам даже не притронулся. Пожалуй, он съездит в офис, чтобы ком-

пенсировать потерянное время. Элейн вернется не раньше полуночи, так какой смысл сидеть одному дома?

Прихватив шляпу, Гомер направился к оставленной на подъездной аллее машине. Распахнул дверцу, плюхнулся на сиденье — и едва не вскрикнул, обнаружив, что сидит на чем-то неровном и твердом. Он страшно разозлился, вскочил и принялся шарить под собой руками.

Его пальцы сомкнулись на твердом предмете, и Гомер вспомнил. Эта штука попалась ему на глаза в тот день, когда Морган пришел по первому рекламному объявлению. И с тех пор она валялась у него в машине.

Предмет был гладким и теплым, гораздо теплее, чем окружающий воздух, и от него исходило низкое гудение, словно внутри работал моторчик.

Неожиданно он мигнул.

Гомер затаил дыхание, и последовала новая вспышка.

Похоже, кто-то подавал сигнал. Инстинкт подсказывал, что ему следует немедленно избавиться от сомнительной штуковины, выбросить ее из окна, но тут из нее послышался низкий хриплый голос, который произнес нечто вроде непонятного заклинания.

— Какого дьявола? — испуганно пробормотал Гомер.— Что происходит?

Голос смолк, и наступила тягостная тишина. Гомеру стало страшно, ему вдруг показалось, что воздух душит его.

Голос заговорил снова. Он произнес единственное слово, медленно, с явным трудом, как если бы говорящий мучительно изобретал новый язык.

Тишина. Гомер ждал, сжавшись на сиденье автомобиля, по его спине медленно стекал холодный пот.

Он наконец догадался, откуда взялся диковинный предмет. Стин ехал с ним в машине, и он выпал из его кармана.

— Жжжхг-жжем-лягххх-нин!

Гомер с трудом сдержал рвущийся изо рта крик.

Из кубика доносились шуршащие, вибрирующие звуки.

«Землянин?» — вдруг пришло в голову Гомеру. Кажется, именно это слово пыталось произнести существо из кубика.

Если это действительно так и если Стин потерял кубик, значит, он вовсе и не человек.

Гомер вспомнил, как носил туфли Стин, и ему вдруг стало ясно, почему тот надел их именно так. Наверное, Стин появился из такого места, где не существует понятий «правый» и «левый». Или там не знают, что такое туфли. Ну как можно ожидать, что инопланетянин, прилетевший на Землю с далекой звезды, разберется в земных обычаях, во всяком случае сразу? Он припомнил первый день.

Стин разговаривал как-то неуверенно, да и сидел на стуле неловко. Но по прошествии шести недель Стин уже развалился в кресле и положил ноги на стол. Он многому научился за это время, как неотесанный деревенщина, впервые попавший в большой город.

Странное дело, но он так и не научился правильно надевать туфли.

Кубик продолжал изрыгать незнакомые слова. Чувствовалось, что кто-то по другую сторону этого кубика не понимает, что происходит.

Ужас захватил Гомера, с каждым мгновением его страх усиливался, и он больше не мог разобрать ни единого слова.

Наконец все смолкло. Кубик лежал на его ладони, постепенно остывая, вновь став похожим на пластиковую деталь из детского конструктора.

Послышался рев приближающейся машины, которая промчалась мимо и скрылась в ночи. Со двора доносилось мяуканье кошки, где-то совсем рядом сонно щебетала птица.

Гомер открыл ящичек справа от водительского сиденья и бросил туда кубик, который улегся на карту дорог. Он почувствовал, как ужас начинает постепенно его отпускать, и тихо сидел в машине, перекатывая в ошеломленном сознании новую мысль: Стин чужак.

Он сунул руку в карман и обнаружил металлический предмет. Теперь он понимал: это ключ, но не к многочисленным новым домам, а ключ к Стину и чужому миру.

Естественно, они не рассчитывали, что ключ останется у Гомера, ведь он вернулся в свой мир совсем другим способом, сохранив ключ. В банке кассир наверняка потребовал бы вернуть его, но Гомер повел себя непредсказуемым способом — и теперь диковинный предмет лежит у него в кармане.

Стин настаивал, чтобы всякий, кто хочет снять дом в аренду, купил новую машину. Потому что украшение на радиаторе явля-

лось мостом, связывающим один мир с другим. Впрочем, подумал Гомер, это уж слишком — заставлять людей покупать машину, чтобы вместе с ней получить украшение на радиаторе.

Возможно, разум чужаков работает таким необычным образом.

Гомер немного успокоился. Страх еще не прошел, но он перестал быть таким всеобъемлющим.

Как должен вести себя человек, когда он узнает, что на его родине появились инопланетяне? С криком пробежать по улицам, призывая всех граждан к борьбе с врагом, или сообщить властям, постараться не упустить след? Или продолжать жить так, словно ничего не произошло?

Быть может, ему следует использовать свое знание и попытаться извлечь из него выгоду? Сейчас он единственный человек на всей Земле, который знает правду.

Стину может не понравиться, если людям станет известно, что он инопланетянин. Возможно, он многое отдаст, чтобы никто не узнал правду.

Гомер сидел и размышлял. И чем больше он думал, тем больше приходил к убеждению, что Стин пойдет на многое, чтобы Гомер продолжал хранить его тайну.

Что ж, сказал себе Гомер, все сложилось.

Этот Стин доставил ему кучу тревог и неприятностей.

Он опустил руку в карман. Миниатюрный ключ был на месте. Зачем ждать? Почему бы не сделать дело прямо сейчас? Он включил зажигание, выехал на шоссе и направился в «Счастливые Акры».

Комплекс был погружен в темноту. Даже реклама на витринах погасла. Гомер припарковал машину возле офиса Стина и вышел на тротуар. Открыв багажник, он нашарил в темноте ломик и посмотрел в сторону ворот. Сторожа нигде не было видно. Он должен рискнуть. Если старый дурак захочет вмешаться, Гомер с ним разберется.

У двери в офис Стина он некоторое время колебался, пытаясь убедить себя, что найдет там другую кладовку, из которой наверняка можно попасть в другой мир.

Гомер с яростью ударил ломиком по стеклу двери, во все стороны со звоном полетели осколки.

Он замер, напряженно прислушиваясь. Тишина. Старик сторож, очевидно, крепко спал и ничего не слышал. Осторожно просунув руку внутрь, Гомер отпер дверь и вошел.

В офисе никого не было. Гомер подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки. В тусклом свете он различил очертания стола и шкафа. Здесь должна быть еще одна дверь.

Не обязательно на улицу, скорее вход в другое помещение, где Стин мог бы поесть, отдохнуть и поспать. Место, которое хотя бы немного похоже на его далекий чужой дом.

Гомер подошел к шкафу и прошел вдоль него. Почти сразу же ему удалось найти дверь. Он нажал на ручку, которая легко поддалась, и оказался в соседней комнате, озаренной зеленым светом свисающей с потолка лампы.

Послышался шум, и он ощутил какое-то движение. Волосы Гомера встали дыбом, ему ужасно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Волосатое чудовище протянуло лапу и схватило его за плечо как раз в тот момент, когда он собрался выскочить обратно в распахнутую дверь.

Лапа чудовища оказалась тяжелой и очень сильной. И такой мохнатой, что его мех щекотал кожу. Гомер раскрыл рот, чтобы закричать, но во рту у него пересохло, а горло так сжалось, что он не сумел произнести ни звука. Ломик выскользнул из его руки и со стуком упал на пол.

Долгое мгновение он стоял в лапах чудовища, пытаясь разглядеть его лицо, но тот оказался таким лохматым, что Гомер ничего не увидел. Чудовище было высоким, с массивными плечами и грудью, но удивительно узкой талией. И хотя Гомер смертельно перепугался, он подумал, что оно похоже на пастушью собаку с торсом борца.

И все это время что-то каталось по полу и стонало.

Наконец мохнатое чудовище заговорило медленно и по слогам:

— Вы мистер Джексон, не так ли?

Гомер пробормотал в ответ нечто невнятное.

— Приношу свои извинения,— продолжало чудовище.— Я очень беден вашими словами. Я занимаюсь обследованием вашей планеты, но со словами у меня плохо.

Оно показало на существо, которое продолжало стонать и кататься по полу.

— Вот у него со словами было хорошо.— Мохнатая рука отпустила плечо Гомера.— Это ваш мистер Стин.

— А что с ним случилось? — выпалил Гомер.— Он заболел или...

— Он сам умер,— ответило чудовище.

— Вы хотите сказать, что он умирает, а вы стоите...

— Нет, нет. Он — как это правильное слово? — сделал себя неживым.

— Вы хотите сказать, он себя убил? Совершил самоубийство?

— Да,— заявило чудовище.— Он делает это очень хорошо. Вы не согласен?

— Но вы не можете...

— Он этим очень гордился. Сделал зрелище. Он только начал. Он готовит большой финал. Вы должен оставаться смотреть. Будет что помнить.

— Нет, благодарю вас,— едва слышно пробормотал Гомер и повернулся, чтобы уйти.

Но чудовище подняло волосатую лапу и остановило его.

— Вам не надо бояться нас. Я остаюсь наполовину собой. Могу совсем превратиться в человека, но очень трудно. Так хватит?

— Все в порядке,— ответил Гомер.

Точная копия.

— Мы у вас в долгу,— сказало чудовище.— Ваш мистер Стин все перепутал.

— Готов поверить,— с чувством ответил Гомер.

— Он нелепый путаник. Шутник.

— Шутник?

— Клоун? Умник? Ну, вы понимаете — лжет, чтобы пошутить. Иногда получается очень ловко, но глупо.— Чудовище наклонилось вперед, чтобы заглянуть в лицо Гомера.— На вашей планете тоже много шутников?

— Даже слишком,— со вздохом ответил Гомер.— Один такой тип работает в соседнем с моим офисе. Его зовут Гейб Уилсон.

— Тогда вы меня поняли. Шутник не так уж плох, если на этом все заканчивается. Но шутник, который делает ошибки, совсем другое дело. У вас есть для него название. Самоуверенный наглец, правильно?

— Верно,— подтвердил Гомер.

— Мы делаем проекты для планет, для самых разных планет. И пытаемся, чтобы наши проекты подходили каждой планете. Мы хотим помочь, дать планете то, в чем она нуждается больше всего.

— Что-то вроде помощи иностранным государствам.

— И этот путаник,— продолжало чудовище, в голосе которого появились нотки справедливого негодования,— этот самоуверенный наглец, этот простофиля, этот ваш мистер Стин, как вы думаете, что он сделал? Он прибыл на Землю в качестве руководителя проекта — но захватил с собой не тот план. Он допускал маленькие ошибки и раньше, но это уже слишком. Последняя капля.

— Вы хотите сказать, что проект «Счастливые Акры» предназначался не для Земли, а для какой-то другой планеты? — предположил Гомер.

Чудовище обняло Гомера лапой за плечи, демонстрируя свое расположение и понимание.

— Именно так. Здесь не нужны «Счастливые Акры». У вас вполне достаточно места для ваших людей. Не нужно дублировать.

— Но, сэр,— задумчиво проговорил Гомер,— это замечательная идея. Открываются такие удивительные возможности.

— Друг мой, в других вещах вы нуждаетесь гораздо больше. У нас есть лучший план для вас.

Гомеру не очень понравился энтузиазм, с которым чудовище говорило о другом плане.

— И в чем же состоит другой план? — спросил он.

— Это секрет чрезвычайной важности. Чтобы проект увенчался успехом, необходимо, чтобы обитатели планеты думали, будто они сами все сделали. А это все,— чудовище обвело лапой офис,— ужасные глупости и ошибки. Он позволил вам понять, что происходит.

— Но есть же еще и другие люди,— запротестовал Гомер.— В магазинах, президент банка, сторож и...

— Это все мы,— объяснило чудовище.— Вся команда приехала вместе с мистером Стином.

— Но они так похожи на людей! Они ничем не отличаются от нас!

— Да, они играли честно. Но эта обезьяна перестаралась.

— Но они одеты, как мы, и носят туфли...

— Ну, туфли — это шутка,— сердито пробормотало чудовище.— Ваш мистер Стин прекрасно знал, как нужно себя вести, чтобы не вызывать подозрений. Но он неправильно носил туфли, чтобы вывести вас... как это говорится?

— Вывести из себя?

— Да, верно! Он носил туфли неправильно, чтобы выводить вас из себя. А потом он заключил с вами фантастическую сделку и страшно радовался, считая себя умным и хитрым,— ну, настоящий клоун. Но так, скажу я вам, ни с кем нельзя обращаться. Так нельзя строить настоящие отношения. Ваш мистер Стин настоящий подонок. Пойдем посмотрим, как он страдает.

— Нет,— ужаснулся Гомер.

— Вам не нравится умирание?

— Но это не гуманно.

— Конечно, не гуманно. Но мы ведь негуманоиды. У нас такие социальные законы. Он сделал из себя дурака. Он допустил ошибку, достойную болвана. И теперь он должен умереть. И он должен это сделать хорошо. Большая честь — сделать хорошо. Он все испортил в своей жизни, но умирание нельзя портить. Иначе он навсегда станет негодяем.

Гомер содрогнулся, слыша, как стонет в жутковатом зеленом свете корчащийся на полу инопланетянин.

— Теперь этому конец,— заявило чудовище.— Мы закрываем проект. Совершена абсурдная ошибка. Мы все забираем с собой.

— Но так нельзя! — возразил Гомер.— Нам это нужно. Мы сумеем воспользоваться вашей идеей. Только объясните нам принцип.

— Нет.— Чудовище решительно покачало головой.

— Но если вы свернете проект, то все эти люди...

— Извините.

— Они меня прикончат! Ведь именно я сдавал им дома в аренду...

— Очень сожалею,— заявило чудовище.

— А деньги в банке? Четверть миллиона долларов, даже больше! Они исчезнут!

— У вас есть человеческие деньги в банке?

— Да. Похоже, вы скажете: «Очень сожалею».

— Мы можем с вами расплатиться. Мистер Стин заработал кучу денег. Он складывал их здесь.— Чудовище показало на дальнюю стенку.— Вы видите груду сумок? Возьмите все, что сможете унести.

— Деньги? — спросил Гомер.

— Хорошие деньги.

— Все, что я смогу унести? — не поверил своим ушам Гомер, с надеждой глядя на сумки.— И вы оставите меня в живых?

— Мы плохо поступили с вами,— сказало чудовище.— Это немного вас утешит?

— Вполне утешит,— радостно ответил Гомер.

Стин стал издавать более громкие звуки. Он превратился в чудовище, но продолжал кататься по полу и стонать. Гомер обошел его по широкой дуге, чтобы добраться до сумок.

Он приподнял одну из них, и она оказалась довольно тяжелой. Пожалуй, две он точно унесет. А если попробовать три? Он закинул две сумки за спину, а в руки взял третью. С большим трудом Гомер добрел до двери. Чудовище с восхищением на него смотрело.

— Я вижу, вы любите деньги?

— Точно,— тяжело дыша, ответил Гомер, опустив неподъемные сумки на пол.— Все любят деньги.

— Вы уверены, что не хотите остаться и досмотреть? Сейчас станет лучше. Будет забавно, я бы даже сказал, интересно.

Гомер с трудом сдержал дрожь.

— Нет, благодарю. Хорошего вам дня, и спасибо вам за все.

— До свидания, мой друг,— ответило чудовище.

Оно подержало дверь открытой, чтобы Гомер сумел выйти из офиса.

И он оказался перед зданием и разбитой стеклянной дверью, где еще совсем недавно стоял с ломиком в руках. Где-то совсем рядом была припаркована его машина.

Гомер решил не терять времени.

Меньше чем через пять минут он уже выезжал из ворот, благополучно засунув сумки с деньгами в багажник. Он понимал, что времени у него совсем мало. Как только чудовище снесет «Счастливые Акры», целый батальон семей останется

в лесу, и у всех будет только одно желание — добраться до Гомера Джексона.

Он вдруг представил себе, как это будет происходить, а потом попытался выбросить подобные мысли из головы, но у него ничего не получилось.

Появится множество бездомных людей.

Они проснутся в диком, мокром лесу, в окружении разбросанной мебели и других вещей. И все эти блестящие новые машины окажутся среди деревьев. Да, люди будут сильно обозлены.

Но мог ли Гомер винить их за это? Он и сам был ужасно разозлен.

Мерзавец Стин, подумал Гомер. Как тот подрядчик, о котором рассказывал Гейб. Подрядчик, снесший не тот дом.

Часы на приборной доске показывали, что полночь уже прошла. Наверное, Элейн вернулась домой, и они могут начинать. Гомер остановил машину. В кухонном окне горел свет. Он выскочил из машины и вбежал в дом.

— А, вот ты где,— сказала Элейн.— Я уже начала беспокоиться. Что с тобой?

— Мы уезжаем,— выпалил Гомер.

— Ты что, окончательно спятил? Ничего себе, уезжаем!

— Хотя бы раз в жизни не спорь со мной,— сказал Гомер.— Мы уезжаем. Сегодня ночью. В моей машине три сумки с деньгами...

— Деньги! Откуда у тебя три сумки...

— Все вполне законно,— заверил ее Гомер.— С ними все в порядке. Я не грабил банк. Сейчас нет времени на объяснения. Мы уезжаем.

Неожиданно Элейн стала совершенно спокойной.

— Куда мы уезжаем, Гомер?

— Решим позднее. Может быть, в Мексику.

— Ты заболел,— обвиняюще проговорила она.— В последнее время ты слишком много работаешь. И слишком много нервничаешь из-за «Счастливых Акров»...

Это уже слишком! Он повернулся к Элейн спиной и направился к двери.

— Гомер! Куда ты, Гомер?

— Я намерен показать тебе деньги,— скрипя зубами, ответил он.— Я хочу, чтобы ты их увидела.

— Подожди меня,— воскликнула Элейн, но он даже не замедлил шаг, и ей пришлось бежать за ним.

Он открыл багажник автомобиля.

— Вот деньги. Сейчас мы внесем их в дом. Ты сможешь снять туфли и походить по нашим деньгам. Возможно, тогда ты мне поверишь.

— Нет, Гомер, нет!

— Ладно, помоги мне отнести сумки в дом,— велел он.

Оказавшись в доме, он открыл одну из сумок. На пол посыпались аккуратные пачки банкнот.

Элейн опустилась на колени и взяла одну из пачек.

— Ой, они настоящие! — вскричала она.

— Конечно, настоящие,— ответил Гомер.

— Ой, Гомер, смотри, здесь купюры по двадцать тысяч долларов! — Она бросила пачку и схватила другую, а потом еще и еще.— И эти тоже! — завопила она вне себя от счастья.— Здесь миллионы долларов!

Гомер с тоской рылся среди множества пачек. По его лицу ручьями стекал пот.

— И это все купюры по двадцать тысяч долларов? — с надеждой спросила она.

— Да,— ответил Гомер убитым голосом.

— Но что тебя так огорчает?

— Грязный, подлый клоун, этот мистер Стин,— с горечью ответил он.

— Да в чем дело?

— Они ничего не стоят,— сказал Гомер.— Не существует купюр достоинством в двадцать тысяч долларов. Казначейство их никогда не выпускало!

1

Следы поднимались по одной грядке, спускались по следующей, и все побеги вуа на этих грядках были срезаны на дюйм-два над поверхностью. Вор работал методично: он не бродил бесцельно по плантации, а собрал урожай с десяти первых гряд на западной стороне поля. Затем, насытившись, он свернул к лесу. Это случилось недавно — комья земли все еще осыпались в глубокие ямы, оставленные в мягкой почве громадными лапами.

Где-то жужжала птица-пильщик, просверливая бревно, а из поросшего колючками оврага доносилась пронзительная утренняя песнь болтунов. День обещал быть жарким. С земли поднимался запах пересушенной пыли, и лучи только что вставшего солнца плясали на ярких листьях деревьев хула, так что казалось — лес полон миллионами блестящих зеркал.

Гэвин Дункан вытащил из кармана красный платок и вытер пот с лица.

— Нет, господин,— умолял Зиккара, старший рабочий на ферме.— Этого нельзя делать. Вы не должны охотиться на Циту.

— Черта с два,— ответил Дункан по-английски, а не на местном языке.

Он смотрел на заросли хула, на широкие проплешины, выжженные солнцем, на колючки, рощи деревьев, разрезанные предательскими оврагами, в которых таились водоемы.

«Соваться туда — самоубийство,— подумал он,— но я скоро вернусь. Зверь, очевидно, заляжет, чтобы переварить пищу, и его можно будет настигнуть через час-другой. Но если зверь не заляжет, придется идти за ним дальше».

— Очень опасно,— настаивал Зиккара.— Никто не охотится на Циту.

— А я буду охотиться,— ответил Дункан на местном языке.— Я буду охотиться на любую тварь, которая жрет мой урожай. Еще несколько таких ночей — и у меня на поле ничего не останется.

Он засунул платок обратно в карман и надвинул шляпу пониже на лоб, чтобы защитить глаза от солнца.

— Ее трудно найти, господин. Сейчас сезон скуна. Если вы попадете...

— Послушай,— оборвал его Дункан.— До того как я пришел, вы один день пировали, а потом много дней подряд постились. Теперь вы едите каждый день. И вам нравится, чтобы вас лечили. Раньше, стоило вам заболеть, вы умирали. Теперь, когда вы больны, я вылечиваю вас, и вы остаетесь живыми. Вам больше нравится жить на одном месте, а не бродить по лесу.

— Да, господин, нам все это нравится,— сказал Зиккара.— Но мы не охотимся на Циту.

— Если мы не будем охотиться на Циту, то все это потеряем,— ответил Дункан.— Если не будет урожая — я разорен. Мне придется убираться отсюда. Что тогда будет с вами?

— Мы сами будем выращивать вуа.

— Не смеши меня,— сказал Дункан.— Ты же знаешь, что это чепуха. Если я не буду вас подталкивать целыми днями — вы и пальцем не пошевелите. Если я уеду — вы вернетесь в лес. А теперь пошли за Цитой.

— Но она такая маленькая, господин! Она такая молодая! Она не стоит того, чтобы из-за нее беспокоиться. Просто стыдно ее убивать.

«Может, чуть поменьше лошади,— подумал Дункан, не спуская глаз с Зиккары.— А он перепуган, даже поджилки трясутся».

— Она, наверное, была очень голодная. Господин, даже Цита имеет право есть.

— Только не мой урожай,— жестко сказал Дункан.— Ты знаешь, почему мы выращиваем вуа. Ты знаешь, что это — хорошее лекарство. Ягоды вуа вылечивают людей, у которых болезнь в голове. Моим людям это лекарство очень нужно. Больше того, там...— он поднял руку вверх, к небу,— там они очень хорошо платят за ягоды вуа.

— Но, господин...

— Вот что я скажу,— негромко ответил Дункан,— или ты дашь мне проводника, который поможет отыскать Циту, или вы все отсюда выматываетесь. Я найду другое племя, которое захочет работать на ферме.

— Нет, господин! — закричал в отчаянии Зиккара.

— Можете выбирать,— холодно сказал Дункан.

Он побрел через поле к дому, который пока что был не намного лучше туземной хижины. Но в один прекрасный день это будет настоящий дом. Стоит Дункану продать один или два урожая — и он построит дом с баром и плавательным бассейном, с садом, полным цветов. Наконец-то после долгих скитаний у него будут дом и плантации, и все будут называть его господином.

— Плантатор Гэвин Дункан,— сказал он вслух, и ему понравилось, как это звучит. Плантатор на планете Лейард. Но ему не стать плантатором, если каждую ночь Цита будет пожирать побеги вуа.

Он обернулся и увидел, что Зиккара бежит к деревне. «Все-таки я их раскусил»,— с удовольствием подумал Дункан.

Оставив поле позади, он пересек двор, направляясь к дому. На веревке сушилась рубашка Шотвелла.

«Черт бы его побрал,— подумал Дункан.— Заигрывает с придурковатыми туземцами, суется повсюду со своими вопросами, крутится под ногами. Правда, если уж быть справедливым, в этом и заключается его работа. Для этого его сюда и прислали социологи».

Дункан подошел к хижине, толкнул дверь и вошел. Шотвелл, голый до пояса, мылся над тазом.

На плите шипел завтрак. Его готовил пожилой повар-туземец.

Дункан пересек комнату и снял с гвоздя тяжелое ружье. Он щелкнул затвором, проверяя его.

Шотвелл протянул руку за полотенцем.

— Что там происходит? — спросил он.

— Цита забралась на поле.

— Цита?

— Такой зверь,— пояснил Дункан.— Она сожрала десять грядок вуа.

— Большой зверь, маленький? Каков он собой?

Туземец начал расставлять тарелки для завтрака. Дункан подошел к столу, положил ружье на угол и сел. Он разлил по чашкам темную жидкость.

«Боже мой,— подумал он,— что бы я отдал за чашку настоящего кофе».

Шотвелл пододвинул к столу свой стул.

— Вы мне не ответили. Что представляет собой Цита?

— Если б я знал,— ответил Дункан.

— Вы не знаете? Но вы, похоже, хотите на нее охотиться. А как же вы собираетесь охотиться, если не знаете...

— Пойду по следам. То существо, которое я найду там, где следы кончатся, и будет Цитой. Как только мы ее увидим, я узнаю, как она выглядит.

— Мы?

— Туземцы пришлют какого-нибудь следопыта. Некоторые из них в этом отношении дадут сто очков вперед любой собаке.

— Послушайте, Гэвин. Вам от меня одни неудобства, но вы вели себя со мной очень порядочно. Если могу чем-нибудь помочь — я пошел бы с вами.

— Двое двигаются быстрее, чем трое. И нам надо настигнуть Циту как можно скорее, а то придется соревноваться с ней на выносливость.

— Хорошо. Тогда расскажите мне о Ците.

Дункан положил в тарелку каши и передал кастрюлю Шотвеллу.

— Это особенный зверь. Туземцы ее до смерти боятся. Они рассказывают о ней разные легенды. Например, что ее нельзя убить. Цита — это имя собственное, всегда с большой буквы. Несколько раз замечали, что она появлялась в самых разных районах.

— И никто ее не подстрелил?

— Я об этом не слышал.— Дункан похлопал ладонью по ружью.— Дайте мне только до нее добраться.

Он принялся за кашу, заедая ее вчерашним кукурузным хлебом. Потом допил темное пойло и передернулся.

— В один прекрасный день я наскребу денег на фунт настоящего кофе,— сказал он.— Как вы думаете...

— Перевозка стоит дорого,— ответил Шотвелл.— Я пришлю вам фунт кофе, когда вернусь домой.

— Только не по экспортной цене,— сказал Дункан,— лучше уж я обойдусь без кофе.

Некоторое время они ели в молчании. Наконец Шотвелл произнес:

— Ничего у меня не получается, Дункан. Местные жители охотно разговаривают со мной, но извлечь из этого ничего нельзя.

— Я вас предупреждал. Вы могли бы и не тратить времени понапрасну.

Шотвелл упрямо покачал головой:

— Должен быть ответ. Должно быть логическое объяснение. Легко сказать, что нельзя игнорировать фактор пола, но именно это нужно делать на Лейарде. Легко утверждать, что не может существовать бесполых животных, бесполых рас, бесполой планеты, но здесь мы сталкиваемся именно с этим. Должен же где-то быть ответ на этот вопрос, и я намерен его отыскать.

— Погодите минутку,— прервал его Дункан.— Нечего зря лезть в бутылку. У меня сейчас нет времени слушать вашу лекцию.

— Но меня беспокоит не только отсутствие пола,— продолжал Шотвелл,— хоть это и главное. Весьма загадочны дополнительные ситуации, вытекающие из основной.

— Ничуть не сомневаюсь,— сказал Дункан.— Но будьте любезны...

— Без пола пропадает смысл семьи, без семьи нет основы для племени, а в то же время у местных жителей сложная племенная структура с развитыми табу, регулирующими повседневную жизнь. Где-то должно быть нечто главное, объединяющее их и порождающее систему взаимоотношений, братства.

— Не братства,— усмехнулся Дункан.— Даже не сестринства. Следите за своей терминологией. Самым подходящим словом будет бесполство.

Дверь отворилась, и в комнату робко вошел туземец.

— Зиккара сказал, что господин хочет меня видеть,— сказал он.— Я Сипар. Я могу выслеживать всех зверей, кроме крикунов, ходульников, длиннорогов и донованов. Это мои табу.

— Рад слышать,— сказал Дункан,— что у тебя нет табу на Циту.

— Цита! — завопил Сипар.— Зиккара не сказал мне про Циту!

Дункан не обратил на его крик никакого внимания. Он поднялся из-за стола и подошел к большому сундуку, стоявшему у стены. Порывшись в нем, он достал оттуда бинокль, охотничий нож и запасную обойму. Потом он задержался у буфета на кухне и набил кожаный мешочек мукой из банки.

— Это называется рокахомини,— объяснил он Шотвеллу.— Ее придумали североамериканские индейцы. Кукурузные зерна поджаривают, а потом толкут. Трудно назвать лакомством, но поддерживает силы.

— Вы рассчитываете уйти надолго?

— Может, придется переночевать в лесу, не знаю. Но я не вернусь, пока ее не схвачу. Не могу себе позволить. А то она за несколько дней пустит меня по миру.

— Счастливой охоты,— сказал Шотвелл.— Я буду оборонять форт.

Дункан обернулся к Сипару:

— Хватит дрожать, пойдем.

Он поднял ружье и повесил за плечо. Ногой толкнул дверь и вышел.

Сипар робко последовал за ним.

2

Первый раз Дункан выстрелил под вечер того же дня.

Еще утром, часа через два после того, как они покинули ферму, им удалось поднять Циту, залегшую в глубоком овраге. Но выстрелить тогда он не успел. Дункан увидел лишь, как черное пятно мелькнуло и исчезло в кустах.

Весь день они шли по следу. Впереди Сипар, за ним Дункан, осматривавший места, где могла укрыться Цита. Раскаленное от солнца ружье все время было наготове.

Один раз им пришлось задержаться минут на пятнадцать. Огромный донован топтался в зарослях, ревя,— он собирался с духом, чтобы напасть. Но, покружившись с четверть часа, решил вести себя пристойно и ускакал тяжелым галопом.

Дункан глядел ему вслед, задумавшись. Чтобы убить донована, требовалось всадить в него порядочно свинца. А стоило ему пустить в ход ноги, как обнаружилось, что он весьма ловок, несмотря на кажущуюся неуклюжесть. Донованы убили

многих людей за те двадцать лет, как люди прибыли на Лейард.

Когда зверь убежал, Дункан обернулся, ища Сипара, и обнаружил его спящим под кустом хула. Он не слишком деликатно растолкал проводника, и они отправились дальше.

В кустах было множество других животных, но они не тревожили путников.

Сипар нехотя принялся за дело, однако он уверенно шел по следу. Ему указывали путь примятая трава, сломанная ветка, сдвинутый камень, легкий отпечаток лапы. Он шел, как хорошо натренированная гончая. Он был здесь как дома.

Когда солнце стало клониться к западу, они начали взбираться на высокий холм, и, когда приблизились к вершине, Дункан шепотом остановил Сипара. Тот в удивлении оглянулся. Дункан жестами приказал ему замереть.

Туземец присел на корточки, и Дункан, проходя вперед, заметил, что лицо его искажено. В этой гримасе были и мольба, и ненависть. «Он перепуган, как и все остальные»,— подумал Дункан. Но чувства и мысли туземца его не волновали — важнее всего был зверь.

Последние несколько шагов Дункан прополз на животе, толкая перед собой ружье. Бинокль бил его по спине. Быстрые злые насекомые вылетали из травы. Одно из них ухитрилось ужалить его в лицо.

Дункан вполз на вершину холма и залег там, оглядывая местность. Ничего нового: те же пыльные обрывы, кусты, колючки, заросшие лощины и страшная пустота вокруг.

Он лежал неподвижно, пытаясь уловить хоть намек на движение, на тень, на неправильность в пейзаже — на все, что могло оказаться Цитой.

Но он ничего не заметил. Лишь у самого горизонта паслось стадо каких-то животных.

Вдруг он уловил движение — мимолетное движение на бугре посреди склона.

Он осторожно положил ружье на землю, поднес к глазам бинокль и стал медленно поворачивать голову, рассматривая подозрительное место. Животное находилось именно там, куда он смотрел.

Цита отдыхала и смотрела в ту сторону, откуда пришла, поджидая, когда появятся ее преследователи. Дункан попы-

тался определить форму и размер Циты, но она сливалась с травой и бурой почвой, и он так и не смог понять, что она собой представляет.

Он опустил бинокль. Теперь, точно зная, где лежит Цита, он мог различить очертания ее тела невооруженным глазом.

Рука потянулась к ружью и прижала приклад к плечу, Дункан пошевелился, устраиваясь поудобнее. Перекрестие прицела уперлось в смутную тень на бугре, и тут животное встало на ноги.

Цита была не так велика, как он ожидал,— может, немного крупнее земного льва. Но она была не похожа на льва. Цита оказалась массивным темным существом, неуклюжим и грузным, но при этом в ней ощущалась сила и злоба.

Дункан прицелился в толстую шею, набрал в легкие воздуха, задержал дыхание и начал медленно нажимать на курок.

Ружье сильно отдало в плечо, так что в голове загудело... и зверь пропал. Он не отпрыгнул, не упал, он попросту растворился, исчез в траве.

— Я попал в точку,— уверил себя Дункан.

Он щелкнул затвором, использованная гильза вылетела на землю, и новый патрон, щелкнув, вошел в ствол.

Некоторое время он лежал, наблюдая. На бугре, где упала Цита, трава колыхалась, как будто под ветром, хотя никакого ветра не было. Но кроме этого ничто не говорило о Ците. Зверь не смог встать, он остался лежать.

Дункан поднялся на ноги, достал платок и отер пот с лица. Позади себя он услышал мягкие шаги и обернулся. К нему подошел проводник.

— Все в порядке, Сипар,— сказал Дункан.— Можешь больше не волноваться. Я ее пристрелил. Сейчас пойдем домой.

Погоня была долгой, куда более долгой, чем он рассчитывал. Но в конце концов он добился своего, а это было главным. По крайней мере на какое-то время урожай вуа был спасен.

Он сунул платок обратно в карман, спустился по склону и, взобравшись на бугор, дошел до того места, где свалилась Цита. В траве видны были три маленьких клочка шерсти и мяса, сгустки крови. Больше ничего.

Дункан вскинул ружье, быстро обернулся. Он был начеку. Он осматривался, стараясь уловить малейшее движение, цвет-

ное пятно или тень. Но ничего не было. Стояла жаркая предвечерняя тишина. Ни ветерка, ни дуновения воздуха. Но Дункан предчувствовал опасность. Его пронзило ощущение нависшей угрозы.

— Сипар! — громко прошептал он.— Осторожнее!

Проводник стоял неподвижно, не слушая его. Его зрачки закатились, виднелись только белки, а мышцы напряглись, словно стальные тросы.

Дункан медленно поворачивался, держа ружье на изготовку, слегка согнув локти, готовый выстрелить в какую-то долю секунды.

Но ничто не шевелилось. Вокруг была пустота — пустота солнца и раскаленного неба, травы и корявых деревьев, рыжей и желтой земли, уходящей в вечность.

Шаг за шагом Дункан обошел весь склон холма и наконец вернулся к тому месту, где проводник выл, обхватив себя руками и раскачиваясь, как будто хотел укачать себя в воображаемой колыбели.

Дункан подошел к месту, где упала Цита, и подобрал куски кровоточащей плоти. Они были искорежены пулей и бесформенны. И это было странно. За все годы охоты на многих планетах Дункан никогда не сталкивался с тем, чтобы пуля вырывала из тела жертвы куски мяса.

Он бросил их в траву и вытер руки о бедра. Ему было немного не по себе.

В траве не видно было кровавого следа, хотя зверь с такой раной обязательно должен был бы оставить след.

И, стоя на склоне холма, он вдруг ощутил холодное прикосновение страха, словно чьи-то пальцы на мгновение сжали его сердце. Он подошел к проводнику, наклонился и встряхнул его.

— Приди в себя,— приказал он.

Он ожидал услышать мольбу, стенания, но ничего такого не услышал.

Сипар вскочил на ноги и посмотрел на Дункана странно поблескивающими глазами.

— Пошли,— сказал Дункан.— У нас еще осталось немного времени. Иди кругами, пока не найдешь след. Я буду тебя прикрывать.

Он взглянул на солнце. До захода оставалось еще часа полтора, от силы — два. Может быть, удастся настигнуть зверя до наступления темноты.

В полумиле от бугра Сипар вновь нашел след, и они двинулись по нему. Правда, теперь они шли осторожнее, потому что за любым кустом, скалой или участком высокой травы могло скрываться раненое животное.

Силы у Дункана были на пределе, и он проклинал себя за это. Ему приходилось и раньше бывать в переделках. Нет никаких оснований так волноваться. Разумеется, ничего приятного в этой погоне нет, но раньше он все-таки выбирался из всех переделок. Виноваты во всем эти легенды о Ците, суеверная болтовня, в которую так легко поверить на краю света.

Он крепче сжал ружье и продолжил путь.

«Не бывает бессмертных зверей»,— сказал он себе.

За полчаса до заката он объявил привал у водоема — скоро станет слишком темно, чтобы стрелять. С утра они снова пойдут по следу, и тогда уж Ците придется труднее: она ослабнет, может, даже подохнет.

Дункан собрал сучьев и развел костер на лужайке среди колючих кустов. Сипар взял фляги и опустил их под воду, чтобы они наполнились. Вода была теплой и неприятной на вкус, но достаточно чистой, чтобы ее можно было пить.

Солнце зашло, и стало темно. Они набрали побольше сушняка и свалили его рядом с костром.

Дункан достал мешочек с рокахомини.

— Ешь,— сказал он Сипару.— Это ужин.

Проводник протянул сложенную горстью ладонь, и Дункан отсыпал ему муки.

— Спасибо тебе, господин,— сказал Сипар.— Кормилец.

— А? — спросил Дункан, потом понял, что имел в виду туземец.— Ешь,— сказал он почти нежно.— Немного, правда, но восстановит силы. Завтра они нам понадобятся.

Кормилец, надо же! Может, хочет его умаслить? Через некоторое время Сипар начнет ныть, чтобы бросить охоту и вернуться на ферму. С другой стороны, если подумать, он и на самом деле кормилец этой компании бесполых существ. Слава богу, кукуруза хорошо прижилась на красной, упрямой почве Лейарда — добрая старая кукуруза из Северной Америки. На

Земле ее скармливают свиньям, делают из нее хлопья к завтраку, а здесь, на Лейарде, она стала основной пищей для осевших кочевников, которые до сих пор не могут отделаться от скептицизма и удивления при мысли о том, как это можно выращивать пищу, вместо того чтобы искать ее по лесам.

«Кукуруза из Северной Америки на Лейарде растет бок о бок с вуа,— размышлял он.— Так оно и идет. Что-то с одной планеты, что-то с другой, еще что-нибудь с третьей, и таким образом при широком сотрудничестве планет возникает общая космическая культура, которая в конце концов, через несколько тысяч лет, может быть, создаст мир куда более разумный и понимающий, чем тот, что существует сегодня».

Он высыпал себе на ладонь немного рокахомини и положил мешочек обратно в карман.

— Сипар.

— Да, господин?

— Ты не испугался сегодня, когда донован хотел на нас напасть?

— Нет, господин. Донован не может на меня напасть.

— Ясно. Ты сказал, что донован для тебя табу. А может так быть, что и ты табу для донована?

— Да, господин. Мы с донованом росли вместе.

— Разумеется,— сказал Дункан.

Он бросил в рот пригоршню муки и запил ее глотком затхлой воды. Потом с трудом прожевал получившуюся кашу.

Конечно, можно продолжать в том же духе и спросить: где, как и когда донован и Сипар могли вместе расти, но смысла в этом не было. Вот в такую сеть и попадал все время Шотвелл.

«Я почти уверен, что эти паршивцы водят нас за нос»,— сказал он себе.

Что за фантастическая компания! Ни мужчин, ни женщин — одни «штуки». И хоть среди них не найдешь младенцев, ребятишек старше восьми-девяти сколько угодно. А если нет младенцев — откуда берутся восьмилетние дети?

— Я так думаю, что другие твои табу, ходульники и крикуны, тоже росли с тобой вместе? — спросил он.

— Ты прав, господин.

— Ну и детский сад у вас был,— сказал Дункан.

Он продолжал жевать, глядя в темноту за кругом огня.

— В кустах что-то есть, господин.

— Я ничего не слышал.

— Чуть слышно. Кто-то бежит.

Дункан прислушался. Сипар был прав: какие-то мелкие зверюшки бегали в чаще.

— Наверно, мыши,— сказал он.

Он проглотил рокахомини и запил ее глотком воды, чуть не поперхнувшись.

— Отдыхай,— сказал он Сипару — Я тебя потом разбужу, чтобы самому соснуть.

— Господин, я останусь с тобой до конца.

— Ну что ж,— сказал Дункан, несколько удивившись.— Это очень благородно с твоей стороны.

— Я останусь до смерти,— заверил Сипар.

— Не перенапрягайся,— сказал Дункан.

Он поднял ружье и пошел к водоему.

Ночь была тихой, и земля сохраняла ощущение пустоты. Было пусто, если не считать костра, водоема и маленьких мышей, бегающих в кустах.

И Сипара, который улегся у костра, свернувшись калачиком, и мгновенно заснул. Он был гол, и в руках у него не было оружия. Он был голым животным — не человеком еще, гуманоидом,— и все же у него была цель, которая порой ставила в тупик. Утром при одном упоминании имени Циты он дрожал и в то же время ни разу не потерял следа. Он полностью лишился самообладания на бугре, где они нашли и потеряли Циту, а теперь он готов до смерти не покидать Дункана.

Дункан вернулся к костру и коснулся Сипара носком башмака. Тот сразу проснулся.

— О чьей смерти? — спросил Дункан.— О чьей смерти ты говорил?

— О нашей, конечно,— сказал Сипар и снова заснул.

3

Дункан не увидел стрелы. Он лишь уловил ее свист и почувствовал дуновение воздуха возле шеи, и тут же стрела впилась в ствол дерева за его спиной.

Он отпрянул в сторону и укрылся за грудой камней. Почти инстинктивно его палец перевел затвор на автоматическую стрельбу.

Скорчившись за камнями, он осторожно выглянул. Ничего не видно. Деревья хула поблескивали под солнцем, колючие кусты были серыми и безжизненными, и единственными живыми существами казались три ходульника, мрачно шагавшие в полумиле от Дункана.

— Сипар,— прошептал он.

— Я тут, господин.

— Лежи. Он все еще где-то здесь.

Кто бы это ни был, он здесь и ждет, когда сможет выстрелить вновь. Дункан поежился, вспомнив дыхание стрелы возле горла. Черт знает что за смерть для человека — где-то в лесу, со стрелой в горле. И перепуганный до смерти туземец спешит со всех ног домой.

Он опять перевел затвор на одиночные выстрелы, отполз в сторону и перебежал к куще деревьев, возвышавшихся на пригорке. Отсюда он мог подойти к тому месту, откуда была пущена стрела, с фланга.

Он оглядел местность в бинокль. Никаких следов. Тот, кто в них стрелял, успел скрыться.

Он вернулся к дереву, в которое вонзилась стрела, и вытащил глубоко впившийся в кору наконечник.

— Можешь выходить,— сказал он Сипару.— Там никого нет.

Стрела была сделана на удивление грубо. Древко было неоперено, и казалось, что его обрубили камнем. Наконечником служил необработанный кусок кремня, подобранный в сухом русле реки,— он был примотан к древку полоской крепкого, но гибкого луба дерева хула.

— Ты узнаешь ее? — спросил он Сипара.

Проводник взял стрелу, осмотрел.

— Это не мое племя.

— Разумеется, не твое. Твои охотники не стали бы в нас стрелять. Может, другое племя?

— Очень плохая стрела.

— Я знаю. Но ею можно убить с таким же успехом, как и хорошей. Ты ее узнаешь?

— Никакое племя не делало этой стрелы,— заявил Сипар.

— Может, ребенок?

— Что здесь может делать ребенок?

— Я тоже об этом подумал,— согласился Дункан.

Он отобрал стрелу у Сипара и начал медленно крутить между большим и указательным пальцами. Ему пришла в голову ужасная мысль. Нет, этого не может быть. Это слишком фантастично. Может, он перегрелся на солнце — иначе как бы могла появиться на свет такая вздорная мысль?

Он наклонился и начал ковырять землю грубым наконечником стрелы.

— Сипар, что ты знаешь о Ците?

— Ничего, господин. Я боюсь ее.

— Назад мы не пойдем. Но вспомни. Может быть, ты знаешь что-то, чем сможешь нам помочь...

Он почти умолял проводника. Он зашел дальше, чем предполагал. «Не стоило вообще задавать никаких вопросов»,— со злостью подумал он.

— Я не знаю,— ответил Сипар.

Дункан отшвырнул стрелу и выпрямился, снова взяв ружье на изготовку.

— Пошли.

Он смотрел на Сипара, идущего впереди. «Хитер, паршивец,— сказал он себе.— Знает больше, чем говорит».

Так они шли много часов. День выдался жарче и суше вчерашнего, хотя это и казалось невозможным. В воздухе разлилась тревога. Нет, шалят нервы. Но даже если и так — человек не должен обращать на это внимание. Если он отдастся во власть настроений на здешней пустой земле — в том, что произойдет, ему придется винить только самого себя.

Стало труднее идти по следу. Вчера Цита убегала вперед, заботясь лишь о том, чтобы преследователи ее не настигли. Теперь же она путала следы, чтобы сбить охотников с толку. Дважды за день они теряли след, и только после долгих поисков Сипару удавалось его обнаружить, причем однажды в миле от того места, где он был потерян.

Исчезновение следов беспокоило Дункана больше, чем он себе признавался. След не может исчезнуть полностью, если не изменяется ни погода, ни окружающая местность. В этом крылась загадка, о которой Сипар, наверное, знал куда больше, чем хотел рассказать.

Дункан внимательно наблюдал за проводником, но в поведении того не было ничего подозрительного. Он работал как хорошая и преданная ищейка.

К вечеру плато, по которому они шли, внезапно оборвалось. Они остановились на краю обрыва, откуда открывался вид на бесконечные леса и широкую реку.

Казалось, будто они неожиданно вошли в другую красивую комнату.

Это был новый край, никогда доселе не виданный землянином. Никто не говорил, что далеко на запад, за кустарниками, раскинулся девственный лес. Люди, прилетавшие из космоса, наверное, видели его. Он показался им просто пятном иного цвета на теле планеты. И для них это не играло роли.

Для тех же, кто жил на Лейарде — плантаторов, торговцев, старателей и охотников,— это было важным открытием. «И я открыл этот лес»,— с гордостью думал Дункан.

— Господин!

— Что еще?

— Гляди. Там скун!

— Я не...

— Там, господин, за рекой.

И тут Дункан увидел мглу в голубизне неба, скользящую, бронзового цвета тень. Он почувствовал далекий порыв шторма, скорее трепетание воздуха, чем звук.

Он завороженно смотрел, как скун несется вдоль реки, и видел, как он испепеляет лес. Скун ворвался в реку, и вода в ней всплеснулась серебряными столбами до самого неба.

И тут же скун исчез, пропал, лишь сожженный шрам тянулся через лес, где пронесся обжигающий ураган.

Еще на ферме Зиккара предупреждал его о скуне. «Начинается сезон скуна,— сказал тогда Зиккара,— и если человек попал в скун — живым он не выберется».

Дункан глубоко вздохнул.

— Плохо,— сказал Сипар.

— Да, очень плохо.

— Налетает сразу. Заранее не угадать.

— Как насчет следа? — спросил Дункан.— Цита...

Сипар указал вниз.

— Мы успеем до темноты?

— Наверно,— ответил Сипар.

Спуск был трудней, чем они ожидали. Дважды они избирали неправильный путь, и тропа обрывалась вниз, на сотни футов, так что приходилось опять взбираться наверх и искать другую дорогу.

Они достигли подножия обрыва, когда уже начались короткие сумерки. Они поспешили набрать сучьев. Воды поблизости не оказалось, и пришлось обойтись тем, что осталось во флягах.

Скудно поужинав рокахомини, Сипар свернулся клубочком и сразу уснул.

Дункан прислонился спиной к обломку скалы, свалившемуся когда-то с обрыва и теперь наполовину ушедшему в землю, которая веками сыпалась на него сверху.

«Прошло уже два дня»,— сказал он себе.

Нет ли правды в слухах, распространяемых в поселках? Может, и в самом деле не стоит гоняться за Цитой, потому что ее нельзя убить?

«Чепуха,— подумал Дункан.— Тем не менее преследование усложняется, идти по следу становится все трудней, да и Цита становится все хитрей и неуловимей. Если в первый день она убегала, то сегодня старалась сбить их со следа. А почему она избрала эту тактику только на второй день? Почему не попыталась обмануть их сразу же? А что будет завтра — на третий день?»

Он покачал головой. Невероятно, чтобы животное становилось изобретательнее в ходе охоты. Оно становилось более нервным, боязливым, но Цита вела себя совсем не так, как положено испуганному зверю. Казалось, она набирается ума и решительности. В этом было что-то устрашающее.

Далеко на западе у леса и реки послышались хохот и уханье стаи крикунов. Дункан прислонил ружье к камню и подложил сучьев в огонь. Он взглянул в темноту на западе и прислушался к шуму. Затем поморщился и инстинктивно почесал в затылке. Он надеялся, что крикуны останутся вдали. Еще их не хватало.

За его спиной со склона сорвался камешек и подкатился к самому костру.

Дункан быстро обернулся. «Глупо устраивать лагерь под самым обрывом,— подумал он.— Если свалится камень покрупнее — им несдобровать».

Он стоял и слушал. Ночь была тихой, даже крикуны на время примолкли. Ну вот, свалился маленький камешек, и он уже перепугался. Надо взять себя в руки.

Он вернулся к камню и, когда наклонился, чтобы подобрать ружье, услышал отдаленный гул. Он быстро выпрямился, обернулся к обрыву, заслонявшему половину неба,— гул усиливался! Одним прыжком он подскочил к Сипару, схватил его за руку и рывком поднял на ноги. Глаза Сипара открылись, и он растерянно замигал при свете костра.

Гул перешел в рев, и слышно было, как бухают громадные камни, перекрывая шум и шуршание сползающей вниз почвы.

Сипар выдернул руку и бросился в темноту. Дункан последовал за ним.

Они бежали, спотыкаясь в темноте, и преследовавший их грохот лавины наполнил ночь оглушительным громом. Несясь вперед, Дункан представлял себе, как ударяет ему в спину обломок скалы, как поток камней обтекает его ноги.

Ураганное облако пыли настигло беглецов, они задыхались и кашляли на бегу. Неподалеку, слева от них, подпрыгивал могучий обломок скалы, лениво ударяясь о землю.

И тут гром стих. Слышалось лишь шуршание земли и гравия, стекающего по склону.

Дункан остановился и медленно обернулся. Костер исчез, погребенный, без сомнения, тоннами породы. Звезды побледнели — свет их с трудом пробивался сквозь нависшее над долиной облако пыли.

Он услышал, что рядом пошевелился Сипар, и поднял руку, стараясь отыскать его, не зная точно, где он находится. Наконец Дункан дотянулся до проводника, схватил его за плечо и привлек к себе.

Сипара била дрожь.

— Все в порядке,— сказал Дункан.

И в самом деле все в порядке, уверял он себя. Ружье осталось цело. Запасной магазин и нож были приторочены к поясу, мешочек с рокахомини — в кармане. Недостает лишь фляги. Фляги и огня.

— Придется укрыться где-нибудь на ночь,— сказал Дункан.— Здесь неподалеку крикуны.

Ему не нравились ни собственные подозрения, ни то, что сердце его начали покалывать иглы страха. Он постарался избавиться от этих мыслей, выкинуть из головы, но они остались, лишь спрятались поглубже.

— Там колючие кусты, господин. Мы можем заползти в чащу. Крикуны нас не отыщут.

Путешествие сквозь колючки оказалось пыткой, но они все-таки проделали его.

— Крикуны и ты — табу,— сказал Дункан.— Почему ты их боишься?

— Я больше боюсь за тебя, господин. И немножко за себя. Крикуны могут забыть. Они могут не узнать меня, а потом будет поздно. Тут безопасней.

— Согласен.

Крикуны подошли к кустарнику и топотали вокруг. Они фыркали и пытались пробиться сквозь колючки, но в конце концов убрались восвояси.

Утром Дункан с Сипаром поднялись по склону, карабкаясь по громадной груде камней и земли, завалившей их лагерь. Пройдя по ложбине, прорезанной лавиной, они добрались до того места, откуда начался обвал.

Здесь они нашли углубление, в котором раньше лежал большой валун. Земля со стороны обрыва была подрыта, так что достаточно было одного толчка, чтобы валун покатился вниз, к костру.

А вокруг было множество следов Циты!

4

Теперь это была уже не просто охота. Нож был приставлен к горлу. Убить или быть убитым, останавливаться поздно. Игра кончилась, и нельзя было ждать милости.

— Ну что ж,— сказал Дункан.— Мне это нравится.

Он провел ладонью по стволу ружья, который сверкнул под полуденным солнцем. «Лишь один выстрел,— молил он.— Дайте мне хоть один раз выстрелить. На этот раз я не промахнусь. На этот раз она не отделается тремя клочками шерсти в траве, чтобы поиздеваться надо мной».

Он прищурился, вглядываясь в колеблющееся марево над рекой, Сипар примостился у воды. Через некоторое время он поднялся, подбежал к Дункану и сказал:

— Она переплыла реку. Она шла вброд, а потом плыла.

— Ты уверен? Может, она просто зашла в воду, чтобы мы искали ее на том берегу, а потом вернулась сюда.

Он взглянул на пурпурно-зеленую стену деревьев на том берегу. В лесу будет во сто крат труднее.

— Можно посмотреть,— сказал Сипар.

— Хорошо. Иди вниз по течению. А я поднимусь вверх.

Через час они вернулись обратно, не обнаружив никаких следов. Почти не осталось сомнений, что Цита перебралась через реку.

Они стояли бок о бок и смотрели на лес.

— Господин, мы ушли далеко. Ты смелый, раз ты охотишься на Циту. Ты не боишься смерти.

— Страх смерти — это для детей. Об этом и речи быть не может. Я не собираюсь умирать.

Они вошли в воду. Дно медленно понижалось, и проплыть пришлось не больше ста ярдов.

Они выбрались на берег и легли у воды, чтобы передохнуть.

Дункан оглянулся в ту сторону, откуда они пришли. Обрыв казался отсюда темно-синей полоской на фоне выцветшего голубого неба. В двух днях пути оттуда лежат ферма и плантация вуа, но кажется, что до них куда дальше. Они были затеряны во времени и пространстве и принадлежали другому существованию, другому миру.

Дункану казалось, что вся предыдущая жизнь потускнела, позабылась, потеряла связность. Как будто значимым был только этот момент, как будто все мгновения жизни, все минуты и часы, все вдохи, выдохи и удары сердца, и сон, и пробуждение вели к этому часу, к этой реке, к мгновению, когда ружье его слилось с рукой, когда он был охвачен жаждой убийства.

Наконец Сипар поднялся и пошел вдоль воды. Дункан сел и смотрел ему вслед.

«Ведь он вконец перепуган и все же остался со мной,— думал Дункан.— У костра в первую ночь он сказал, что останется со мной до самой смерти, и он верен своей клятве. Как трудно

разобраться в чувствах этих существ, как трудно понять, что за мысли, что за ростки эмоций, что за законы морали, что за смесь веры и надежды заполняют их души и руководят их существованием.

Ведь как просто было бы Сипару потерять след и сказать, что он не может его найти. Да и с самого начала он мог отказаться идти выслеживать зверя, но он шел, хоть и боялся. Никто не требовал от него преданности и верности, а он был предан и верен. Но верен кому? Дункану — пришельцу, чужому? Верен себе самому? Или, может быть,— хоть это и казалось невероятным — верен Ците?

Что думает Сипар обо мне, или, точнее, что я думаю о Сипаре? Что нас может объединить? Или же нам, хоть мы оба и гуманоиды, суждено навсегда остаться чужими?»

Он держал ружье на коленях и поглаживал, нежил его, превращая в часть самого себя, в орудие смерти и выражение своей *непреклонной решимости найти и убить Циту.*

«Дайте мне еще один шанс,— твердил он,— одну секунду, меньше секунды, чтобы успеть прицелиться. Это все, что я хочу, в чем нуждаюсь, все, что прошу».

И тогда он сможет вернуться в дни, оставшиеся позади,— к ферме и полям, к туманной иной жизни, с которой он столь загадочно расстался, но которая со временем вновь станет реальной и наполнится смыслом.

Вернулся Сипар.

— Я нашел след.

Дункан встал.

— Хорошо

Они ушли от реки и углубились в лес. Жара безжалостно обволокла их, она была куда тяжелее, чем у реки,— словно горячее мокрое одеяло опустилось на тело.

След был четок и прям. Цита, очевидно, решила идти вперед, не прибегая больше к уловкам. Может быть, она думает, что преследователи потеряют время у реки, и желает увеличить расстояние между ней и охотниками. Может быть, ей нужно время, чтобы подготовить новую подлую ловушку, размышлял Дункан.

Сипар остановился и подождал, пока Дункан настигнет его.

— Где твой нож, господин?

— Зачем тебе? — заколебался Дункан.

— У меня колючка в подошве,— ответил проводник.— Мне нужно ее вытащить.

Дункан вынул нож из-за пояса и бросил Сипару. Тот поймал его на лету.

Глядя прямо в глаза Дункану, чуть заметно улыбаясь, Сипар перерезал себе горло.

5

Придется возвращаться. Он знал это. Без проводника он бессилен. Все шансы на стороне Циты — если, конечно, они не были на ее стороне с самого начала.

Циту нельзя убить? Нельзя, потому что она достаточно разумна, чтобы справиться с неожиданностями? Нельзя, потому что, если надо, она может сделать лук и стрелу, пусть очень примитивные? Нельзя убить, потому что она может прибегнуть к тактическим уловкам, например сбросить ночью камень на своих врагов? Нельзя убить, потому что местный проводник с радостью воткнет себе в горло нож, чтобы ее защитить?

Зверь, обладающий разумом в моменты опасности? В котором ум и способности проявляются в опасных ситуациях, а когда в этом исчезает необходимость, зверь скатывается к прежнему уровню? «Что ж,— думал Дункан,— это неплохой путь для живого существа. Как хорошо, если можно избавиться от всех неудобств и тревог, от неудовлетворенности собой, вызываемой разумом, когда это тебе не нужно. Но разум не исчезнет. Он будет поджидать в безопасности своего часа, словно ожерелье или пистолет — то, что можно при случае использовать, а после этого отложить в сторону».

Дункан потянулся к костру и поворошил палкой в огне. Пламя взметнулось кверху, и столб искр взлетел к шелестящей черноте листвы. Ночью стало чуть прохладнее, но влажность все так же давала себя знать, и человеку было не по себе, и он был немного испуган.

Дункан запрокинул голову и вгляделся в усеянную искрами темноту. Звезд не было видно — их закрывала густая листва. Ему недоставало звезд. Было бы лучше, если бы он мог их увидеть.

Наступит утро, и ему придется возвращаться. Придется бросить это: охота стала невозможным и даже глупым предприятием.

И все же он знал, что не сдастся. Где-то в трехдневном пути он принял вызов и поставил перед собой цель. Он знал, что наступит утро и он пойдет дальше. Им двигала не ненависть, не месть, не страсть к трофеям, даже не инстинкт охотника, заставляющий гнаться за животным, которое больше, удивительнее и опаснее всех, что убивали люди до него. Его вело нечто большее — странная связь, которая переплела существование Циты с его собственным.

Он протянул руку, подобрал ружье и положил на колени. Ствол тускло поблескивал при свете костра; он провел рукой по стволу, как мужчина может провести по шее женщины.

— Господин,— произнес голос.

Голос его не испугал, потому что слово было произнесено тихо, и на мгновение он забыл, что Сипар умер — перерезал горло с улыбкой на губах.

— Господин?

Дункан напрягся.

Сипар был мертв, никого не было рядом, и все же кто-то обращался к нему, а во всем лесу было лишь одно существо, которое могло с ним говорить.

— Да,— отозвался Дункан.

Он не пошевельнулся. Он просто сидел, и ружье лежало у него на коленях.

— Ты знаешь, кто я?

— Я полагаю, что ты Цита.

— Ты был храбрый,— сказала Цита — это была именно она.— Ты хорошо охотился. И нет позора, если ты уйдешь. Почему ты не идешь назад? Я обещаю, что не трону тебя.

«Она была здесь, где-то перед ним, в кустах за костром, почти точно по другую сторону костра,— сказал себе Дункан.— Если сделать так, чтобы она продолжала говорить, может, даже выманить ее...»

— Зачем мне уходить? — спросил он.— Охоту нельзя кончить, пока не убьешь того, за кем охотишься.

— Я могу убить тебя,— сказала ему Цита.— Но я не хочу этого делать. Убивать плохо.

— Правильно,— согласился Дункан.— Ты очень чувствительная.

Наконец-то он точно определил, откуда исходит голос. Он мог позволить себе поиронизировать.

Большой палец скользнул по металлу, перевел затвор на автоматическую стрельбу, и Дункан подогнул под себя ноги так, чтобы можно было одним движением вскочить и выстрелить.

— Почему ты охотишься за мной? — спросила Цита.— Ты чужой в моем мире, и у тебя нет права охотиться на меня. Вообще-то я не возражаю, это даже интересно. Как-нибудь мы снова устроим охоту, когда я буду готова. Тогда я приду и скажу тебе, и мы потратим день или два на охоту.

— Конечно устроим,— бросил Дункан, вскакивая. Одновременно он нажал на курок, и ружье заплясало в бешеной ярости, выплевывая сверкающую струю ненависти и смерти, несущуюся к кустам.— В любой удобный для тебя момент! — ликующе кричал он.— Я приду и буду охотиться на тебя! Ты лишь намекни, и я брошусь по твоим следам! Может, я даже убью тебя! Как тебе это понравится, тварь?

Он не спускал пальца с курка и не распрямлялся, чтобы пули не ушли вверх, а распилили жертву у самой земли, и он поводил стволом, чтобы прочесать большую площадь и обезопасить себя от возможной ошибки в прицеле.

Патроны кончились, ружье щелкнуло, и зловещая трель прервалась. Пороховой дым мирно струился над костром, запах его сладко щипал ноздри, и слышно было, как множество маленьких ножек бежало по кустам, как будто тысячи перепуганных мышат спасались от катастрофы.

Дункан отстегнул от пояса запасную обойму и вставил ее вместо использованной. Затем он выхватил из костра головешку и стал яростно размахивать ею, пока она не вспыхнула ярко и не превратилась в факел. Держа ружье в одной руке и факел в другой, он бросился в кусты. Мелкие зверюшки метнулись в стороны.

Он не нашел Циты. Он нашел лишь обожженные кусты и землю, истерзанную пулями, да пять кусков мяса и шерсти, которые принес с собой к костру.

Теперь страх окружал его, держался на расстоянии вытянутой руки, выглядывал из тени и подбирался к костру.

Он положил ружье рядом с собой и постарался дрожащими пальцами сложить из пяти кусков мяса и шерсти то, чем они были раньше. «Задача не из легких»,— думал он с горькой иронией, потому что у кусков не было формы. Они были частью Циты, а Циту надо убивать дюйм за дюймом — ее не возьмешь одним выстрелом. В первый раз ты выбиваешь из нее фунт мяса, во второй раз снова — фунт или два, а если у тебя хватит патронов, ты уменьшишь ее настолько, что в конце концов можешь и убить. Хоть и не наверняка.

Он боялся. Ему было страшно. Он признался себе, что ему страшно, и видел, как трясутся его пальцы, и он стиснул челюсти, чтобы унять стук зубов.

Страх подбирался все ближе. Первые шаги он сделал, когда Сипар перерезал себе горло — какого черта этот идиот решился на такое? Тут нет никакого смысла. Он размышлял о верности Сипара, и оказалось, что тот был предан существу, мысль о котором Дункан отбросил как нелепость. В конце концов, по непонятной причине — непонятной только людям — верность Сипара была верностью Ците.

Но для чего искать объяснений? Все происходившее было бессмыслицей. Разве есть смысл в том, что преследуемый зверь идет к охотнику и говорит с ним? Хотя этот разговор отлично вписывался в образ животного, обладающего разумом только в критические моменты.

«Прогрессивная приспосабливаемость»,— сказал себе Дункан. Доведите приспосабливаемость до крайней степени, и вы достигнете коммуникабельности. Но может быть, сила приспосабливаемости Циты уменьшается? Не достигла ли Цита предела своих способностей? Может быть, и так. Стоило поставить на это. Самоубийство Сипара, несмотря на его обыденность, несло на себе отпечаток отчаяния. Но и попытка Циты вступить в переговоры с Дунканом была признаком слабости.

Убить его стрелой не удалось, лавина не принесла желаемых результатов, ни к чему не привела и смерть Сипара. Что теперь предпримет Цита? Осталось ли у нее хоть что-нибудь в запасе?

Завтра он об этом узнает. Завтра он дойдет дальше. Теперь он не может отступить.

Он зашел слишком далеко. Если он повернет назад, то всю жизнь будет мучиться — а вдруг через час или два он бы победил? Слишком много вопросов, слишком много неразгаданных тайн, на карту поставлено куда больше, чем десяток грядок вуа.

Следующий день внесет ясность, снимет тягостный груз с плеч, вернет ему душевное спокойствие.

Но сейчас все было абсолютно бессмысленно.

И не успел он об этом подумать, как один из кусков мяса с шерстью будто ожил.

Под пальцами Дункана появились знакомые очертания.

Затаив дыхание, Дункан нагнулся над ним, не веря своим глазам, даже не желая им верить, в глубине души надеясь, что они обманули его.

Но глаза его не обманули. Ошибиться было нельзя. Кусок мяса принял форму детеныша крикуна — ну, может, не детеныша, но миниатюрного крикуна.

Дункан откинулся назад и покрылся холодным потом. Он отер окровавленные руки о землю. Он спрашивал себя, чем же были другие куски, лежавшие у огня.

Он попытался придать им форму какого-нибудь зверя, но это не удалось. Они были слишком изуродованы пулями.

Он собрал их и бросил в огонь. Потом поднял ружье и обошел костер, уселся спиной к стволу, положив ружье на колени.

Он вспомнил топоток маленьких лап — словно тысячи деловитых мышат разбегаются по кустам. Он слышал их дважды: один раз ночью у водоема и сегодня ночью снова.

Что же такое Цита? Разумеется, она не имеет ничего общего с обычным зверем, которого он считал, что выслеживает.

Зверь-муравейник? Симбиотическое животное? Тварь, принимающая различные формы?

Шотвелл, который в таких делах собаку съел, может, и попал бы в точку. Но Шотвелла здесь нет. Он остался на ферме и, наверное, беспокоится — почему не возвращается Дункан.

Наконец сквозь деревья просочился рассвет — мягкий, рассеянный, туманный и зеленый, под стать пышной растительности.

Ночные звуки затихли и уступили место звукам дня — шуршанию невидимых насекомых, крикам скрывающихся в ли-

стве птиц. Где-то вдали возник гулкий звук, словно толстая бочка катилась вниз по лестнице.

Легкая прохлада ночи быстро растаяла, и Дункана обволокла влажная жара — безжалостная и неутомимая.

Идя кругами, Дункан нашел след Циты ярдах в ста от костра.

Зверь уходил быстро. Следы глубоко вминались в почву, и расстояние между ними увеличивалось. Дункан спешил как только мог. Хорошо бы припустить бегом, чтобы не отстать от Циты, потому что след был ясен и свеж.

«Но это было бы ошибкой,— сказал себе Дункан.— Слишком уж свежим был след, слишком ясным, словно животное старалось вовсю, чтобы человек его не потерял».

Он остановился, спрятался за ствол дерева и стал разглядывать следы впереди. Его руки устали сжимать ружье, и тело было слишком напряжено. Он заставил себя дышать медленно и глубоко — он должен был успокоиться и расслабиться.

Он разглядывал следы — четыре пятипалых углубления, потом широкий промежуток, затем снова четыре пятипалых следа. И земля в промежутке была ровной и девственной.

Пожалуй, слишком уж ровной, особенно в третьем промежутке. Слишком ровной, и в этом было что-то искусственное, словно кто-то разглаживал ее ладонями, чтобы заглушить возможные подозрения.

Дункан медленно втянул воздух.

Ловушка?

Или воображение разыгралось?

Если это ловушка, то, не остановись он у дерева, он бы в нее угодил.

Он ощутил и нечто иное — странное беспокойство — и поежился, стараясь разгадать, в чем же дело.

Он выпрямился и вышел из-за дерева, держа ружье на изготовку. «Какое идеальное место для ловушки!» — подумал он. Охотник смотрит на следы, а не на промежуток между ними, так как это ничейная земля, ступать по которой безопасно.

«Ты умница, Цита,— признал он.— Умница Цита!»

И тут понял, чем вызвано ощущение беспокойства,— за ним следили.

Где-то впереди затаилась Цита. Она смотрит и ждет. Она взволнована ожиданием. Может быть, она даже еле сдерживает смех.

Он медленно пошел вперед и остановился у третьего промежутка между следами. Площадка впереди была ровнее, чем ей следовало быть. Он был прав.

— Цита! — позвал он.

Голос прозвучал куда громче, чем ему хотелось, и он застыл, смущенный этим звуком.

И тогда он понял, почему его голос звучал так громко.

Это был единственный звук в лесу.

Лес внезапно замер. Замолчали птицы и насекомые, и вдалеке пустая бочка перестала катиться по лестнице. Даже листья замерли — перестали шуршать и бессильно повисли на стебельках.

Во всем ощущалась обреченность, и зеленый свет перешел в бронзовый.

Свет был бронзовым!

Дункан в панике огляделся — прятаться было негде.

И прежде чем он успел сделать хоть шаг, налетел скун, и неизвестно откуда возник ветер. Воздух наполнился летящими листьями и сором. Деревья трещали, скрипели и раскачивались.

Ветер повалил Дункана на колени, и, стараясь подняться, он вспомнил — словно вспышка его озарила,— каким он видел лес с вершины обрыва: кипящая ярость урагана, бешеное верчение бронзовой мглы, деревья, вырванные с корнем.

Ему почти удалось встать, но он тут же потерял равновесие и уцепился руками за землю, пытаясь подняться вновь, и в мозгу настойчивый голос кричал ему «беги!», а другой голос умолял его прижаться к земле, зарыться в землю.

Что-то тяжелое ударило его в спину, и он упал на ружье, ударился головой о землю, и мир завертелся, грязь и рваные листья приклеились к лицу.

Он пытался отползти, но не мог, ибо что-то схватило его за лодыжку и не отпускало.

Он лихорадочно пытался очистить глаза от грязи и выплюнуть листья и землю, набившиеся в рот.

По вертящейся земле прямо на него неслось что-то черное и громоздкое. Он понял, что это Цита и через секунду она подомнет его.

Он закрыл лицо рукой, выставил вперед локоть, чтобы смягчить первый удар гонимой ураганом Циты.

Но столкновения не последовало. Менее чем в ярде от Дункана земля разверзлась и поглотила Циту.

Неожиданно ветер стих, и листья вновь безжизненно повисли, и вновь на лес опустилась жара, и все кончилось. Скун прилетел, ударил и унесся прочь.

Прошли минуты, думал Дункан, а может, и секунды. Но за эти секунды лес превратился в груды поваленных деревьев.

Он приподнялся на локте, взглянул, что же случилось с его ногой, и понял, что ее придавило упавшим деревом.

Он осторожно попытался поднять ногу — ничего не получилось. Два крепких сука, отходивших от ствола почти под прямым углом, глубоко вонзились в землю, и нога его была прижата к земле этой вилкой.

Нога не болела — пока не болела. Он ее просто не ощущал — как будто ее не было. Он попытался пошевелить пальцами, но тоже ничего не почувствовал.

Дункан отер пот с лица рукавом рубашки и попытался унять поднявшийся в нем панический страх. Потерять самообладание — это худшее, что может случиться с человеком в такой ситуации. Следовало оценить обстановку, спокойно поискать выход, а затем следовать намеченному плану.

Дерево казалось тяжелым, но, возможно, удастся его сдвинуть. Хотя, если он его сдвинет, ствол может опуститься на самую землю и размозжить колено. Два сука, вошедшие в землю, удерживали вес ствола.

Лучшим выходом будет подкопать землю под сучьями, затем вытащить ногу.

Дункан выгнулся назад и попытался рыть землю ногтями. Под тонким слоем перегноя его пальцы натолкнулись на твердую поверхность, по которой они лишь скользили.

Всерьез встревожившись, он попытался снять перегной в других местах. И везде сразу под ним начинался камень — очевидно, в этом месте прямо к земле подходила вершина давно погребенного валуна.

Его нога была зажата между тяжелым стволом дерева и камнем и надежно схвачена вилкой сучьев, вонзившихся в землю по обе стороны валуна.

Приподнявшись на локте, Дункан откинулся назад. Было совершенно очевидно, что с валуном ему сделать ничего не

удастся. И если выход существовал, то он был связан с деревом.

Для того чтобы сдвинуть ствол, ему понадобится рычаг. И такой рычаг у него был — ружье. «Стыдно использовать ружье для такой цели»,— подумал он, но выбора не было.

Целый час он старался приподнять ствол, но ничего из этого не вышло. Даже с помощью рычага.

Дункан лежал на земле, тяжело дыша и обливаясь потом.

Он поглядел на небо.

«Ну что ж, Цита,— подумал он,— ты все-таки победила, но только с помощью скуна. Все твои трюки и ловушки не срабатывали до тех пор, пока...»

И тут он вспомнил.

Он сразу сел.

— Цита! — крикнул он.

Ведь Цита свалилась в яму, которая была на расстоянии вытянутой руки от Дункана, и в нее все еще осыпался мелкий мусор.

Дункан лег на землю, вытянулся как мог и заглянул в яму. Там, на дне, сидела Цита.

Он впервые увидел Циту вблизи, и она оказалась странным, составленным из различных частей существом. В ней не было никаких функциональных конечностей, и она была больше похожа на какую-то груду, чем на животное.

Яма, в которую она угодила, была не простая яма, а тщательно и умно сконструированная ловушка. Вверху она достигала четырех футов в диаметре, а книзу вдвое расширялась. В общем, яма напоминала выкопанную в земле бутыль, так что любое существо, упавшее внутрь, не могло бы оттуда выбраться. Все, что падало в яму, в ней и оставалось.

Это и было то, что скрывалось под слишком ровным промежутком между следами Циты. Она всю ночь копала ловушку, затем отнесла в сторону породу и соорудила тонкую земляную крышку. Потом она вернулась обратно и прошла этой дорогой, оставляя четкий, ясный след, по которому так легко было идти. И, завершив этот труд, славно потрудившись, Цита уселась неподалеку, чтобы посмотреть, как в ловушку свалится человек.

— Привет, дружище,— сказал Дункан.— Как поживаешь?

Цита не ответила.

— Классная квартира,— сказал Дункан.— Ты всегда выбираешь такие роскошные клетки?

Цита молчала. С ней творилось что-то странное — она вся распадалась на отдельные части. Дункан, застыв от ужаса, смотрел, как Цита разделилась на тысячи живых комков, которые заметались по яме, пытаясь взобраться по стенкам, но тут же падали обратно, на дно ямы, и вслед им осыпался песок.

Среди кишащих комочков лишь один оставался недвижимым. Это было нечто хрупкое, больше всего напоминающее обглоданный скелет индюшки. Но это был удивительный скелет индюшки, потому что он пульсировал и светился ровным фиолетовым огнем.

Из ямы доносились скрипы и писк, сопровождаемые мягким топотком лапок, и по мере того, как глаза Дункана привыкали к темноте ямы, он начал различать форму суетящихся комочков. Среди них были маленькие крикуны, миниатюрные донованы, птицы-пильщики, стайка кусачих дьяволят и что-то еще.

Дункан закрыл глаза ладонью, потом резко отвел руку в сторону. Маленькие мордочки все так же глядели из ямы, будто моля его о спасении, и в темноте поблескивали белые зубы и белки глаз.

У Дункана перехватило дыхание, и отвратительная спазма подобралась к горлу. Но он поборол чувство тошноты и вспомнил разговор на ферме в тот день, когда уходил на охоту.

«Я могу выслеживать всех зверей, кроме крикунов, ходульников, длиннорогов и донованов,— торжественно сказал тогда Сипар.— Это мои табу».

И Сипар тоже был их табу, вот он и не испугался донована. Однако Сипар побаивался ночью крикунов, потому что, как он сам сказал, крикуны могли забыть.

Забыть о чем?

О том, что Цита — их мать? О разношерстной компании, в которой прошло их детство?

Вот в чем заключается ответ на загадку, над которой Шотвелл и ему подобные уже несколько лет ломали себе головы.

«Странно,— сказал он себе.— Ну и что? Это может казаться странным, но если такова здесь жизнь, не все ли равно? Жи-

тели планеты были бесполы, потому что не нуждались в поле, и ничего невероятного в этом не было. Более того, это избавляет их от множества бед. Нет ни семейных драм, ни проблем треугольника, ни драки за самку. Может быть, они лишились некоторых развлечений, но зато добились мирной жизни.

А раз пола не существует, такие, как Цита, были всеобщими матерями. Более чем матерями. Цита была сразу и отцом и матерью, инкубатором, учителем и, может, выполняла еще множество ролей одновременно.

Это разумно со многих точек зрения. Естественный отбор здесь исчезает, экология в значительной степени находится под контролем, даже мутации могут быть направленными, а не случайными.

И все это ведет к всепланетному единству, неизвестному ни на одном из иных миров. Все здесь друг другу родственники. На этой планете человек, как и любой другой пришелец, должен научиться вести себя очень вежливо. Ибо нет ничего невероятного, что в случае кризиса или острого столкновения интересов ты можешь оказаться лицом к лицу с планетой, на которой все формы жизни объединятся против пришельца».

Маленькие зверюшки сдались, они вернулись на свои места, облепили пульсирующий фиолетовый индюшачий скелет, и Цита вновь обрела первоначальную форму. «Как будто все ее мышцы, ткани, нервы и кровеносные сосуды после короткого отдыха вновь воссоздали зверя»,— подумал Дункан.

— Господин, что нам теперь делать? — спросила Цита.

— Это тебе следовало бы знать,— ответил Дункан.— Ты же вырыла эту ловушку.

— Я разделилась,— сказала Цита.— Часть меня рыла яму, а часть оставалась наверху и вытащила меня из ямы.

— Удобно,— согласился Дункан.

И это в самом деле было удобно. Так было с Цитой и тогда, когда он в нее стрелял,— она рассыпа́лась на составные части и разбега́лась. А ночью у водоема она следила за ним, спрятавшись по частям в густом кустарнике.

— Мы оба в ловушке,— сказала Цита.— Мы оба здесь умрем. Так и кончится наша встреча. Ты со мной согласен?

— Я тебя вытащу,— сказал Дункан устало.— Я с детьми не воюю.

Он подтянул к себе ружье и отстегнул ремень от ствола. Затем осторожно, держа за свободный конец ремня, опустил ружье в яму.

Цита приподнялась и вцепилась в ствол передними лапами.

— Осторожнее,— предупредил Дункан.— Ты тяжелая. Я не уверен, что удержу тебя.

Но он зря волновался. Малыши отделились от тела Циты и быстро карабкались по ружью и ремню. Они добирались до его вытянутых рук и взбирались по ним, цепляясь ноготками. Маленькие крикуны, комичные ходульники, кусачие дьяволы ростом с мышь, которые скалились на Дункана на ходу. И миниатюрные улыбающиеся человечки — не младенцы, не дети, а маленькие копии взрослых гуманоидов. И зловещие доновавчики, шустро перебирающие ногами.

Они взбирались по рукам, бежали по плечам и толпились на земле рядом с ним, поджидая остальных.

И наконец сама Цита — правда, не один скелет, но Цита, сильно уменьшившаяся в размерах,— неуклюже вскарабкалась по ружью и ремню и оказалась в безопасности.

Дункан вытащил ружье и сел.

Цита на глазах собиралась воедино.

Он, как зачарованный, следил за тем, как суетливые миниатюрные существа планеты шевелились, словно рой пчел, стараясь занять положенное место и составить единое существо.

И вот Цита была восстановлена. Все-таки она была невелика, совсем невелика — не больше льва.

«Она ж еще такая маленькая,— спорил с ним Зиккара на ферме.— Такая молодая!»

Совсем еще ясли, компания сосунков, если только их так можно назвать. Месяцами и годами Цита будет расти по мере того, как будут расти ее разные дети, пока не превратится в громадное чудовище. Цита стояла, глядя на Дункана и на дерево.

— А теперь, если ты оттолкнешь дерево, мы будем квиты,— сказал Дункан.

— Очень плохо,— сказала Цита и повернула в сторону.

Он смотрел, как она убегала в лес.

— Эй! — закричал он.

Но Цита не остановилась.

Он схватил ружье, но остановился на полдороге, вспомнив, что стрелять в Циту бессмысленно.

Он опустил ружье.

— Ах ты грязная, неблагодарная обманщица...

Он замолчал. Какой смысл беситься? Если ты попал в переделку, надо искать из нее выход. Ты обдумываешь все возможные решения, выбираешь из них наиболее разумное и не поддаешься панике, если мало шансов победить.

Он положил ружье на колено и принялся пристегивать ремень. Тут он обнаружил, что ствол забит песком и грязью.

С минуту он сидел недвижно, вспомнив, что чуть было не выстрелил вслед Ците, и если ружье было забито достаточно плотно и глубоко, оно взорвалось бы у него в руках.

Он ведь использовал ружье в качестве рычага, чего не следует делать с ружьями,— это прямой путь к тому, чтобы вывести его из строя.

Дункан пошарил руками вокруг и нашел ветку. Он постарался прочистить ствол, но грязь набилась в него так плотно, что его попытка была почти безуспешной.

Он отбросил ветку, поискал более твердый сук, и тут в зарослях кустарника уловил движение. Он пристальнее вгляделся в заросли, но ничего не увидел. Так что он вновь принялся за поиски более толстой ветки. Наконец он отыскал подходящую и попытался засунуть ее под ствол, но в кустах снова что-то шевельнулось.

Он оглянулся. Футах в двадцати на задних лапах сидел крикун. Тварь высунула длинный язык и, казалось, усмехалась.

Второй крикун появился на краю кустарника, там, где Дункан уловил движение в первый раз.

И он знал, что неподалеку находились и другие. Он слышал, как они пробирались через путаницу сваленных стволов, слышал их мягкие шаги.

«Явились, палачи»,— подумал он.

Цита явно не теряла времени даром.

Он поднял ружье и постучал им об упавшее дерево, надеясь, что грязь высыплется. Но ничего не высыпалось — ствол был забит плотно.

В любом случае ему придется стрелять — взорвется ружье или нет.

Он перевел затвор на автоматическую стрельбу и приготовился к последнему бою.

Теперь их было уже шестеро. Они сидели в ряд и ухмылялись, глядя на него. Они не торопились — знали, что добыча не уйдет. Он никуда не денется, когда бы они ни решили напасть.

И появятся новые. Со всех сторон.

Как только они бросятся, у него не останется ни единого шанса уцелеть.

— Но я дешево не отдамся, джентльмены,— сказал он хищникам.

И он даже удивился тому, какое спокойствие охватило его, как холодно он мог рассуждать, когда все его карты были биты. Ну что ж, случилось то, что должно было когда-нибудь случиться.

Ведь совсем недавно он думал о том, как человек здесь может столкнуться лицом к лицу с объединенными живыми существами планеты. А вдруг так оно и есть, только в миниатюре.

Очевидно, Цита отдала приказ: «Человек, лежащий там, должен быть убит. Идите и убейте».

Да, что-нибудь в таком роде, ибо Цита явно пользуется здесь авторитетом. Она — жизненная сила, даритель жизни, верховный судья, залог жизни на всей планете.

Конечно, Цита здесь не одна. Может быть, эта планета поделена на районы, сферы влияния, и ответственность за каждую возложена на одну из них. И в своем районе каждая Цита — верховный владыка.

«Монизм*,— подумал он с горькой усмешкой.— Монизм в чистом виде».

Однако, сказал он себе, если присмотреться к ней объективно, система себя оправдывает.

Но ему трудно было проявлять объективность по отношению к чему бы то ни было.

Крикуны сужали круг, скребя задами по земле.

— Я намерен установить для вас границу, слышите, живодеры? — крикнул им Дункан.— Еще два фута, вон до того камня, и я вам всыплю!

---

* Монизм — философское учение, принимающее за основу всего существующего одно начало.

Этих шестерых он снимет, но выстрелы послужат сигналом для общей атаки всех тварей, таящихся в кустах.

Если бы он был свободен, если б стоял на ногах, возможно, он бы и отбил атаку Но он был пришпилен к земле, и шансов выжить не оставалось. Все будет кончено меньше чем через минуту после того, как он откроет огонь. А может, он протянет минуту.

Шестеро убийц двинулись вперед, и он поднял ружье.

Но они замерли. Уши их приподнялись, будто они прислушивались к чему-то, и ухмылки пропали с их морд. Они неловко зашевелились и приняли виноватый вид, а потом растаяли в кустах словно тени — с такой быстротой, что он даже не успел этого увидеть.

Дункан сидел молча, прислушиваясь, но не слышал ни звука.

«Отсрочка,— подумал он.— Но насколько? Что-то спугнуло крикунов, но через некоторое время они вернутся. Надо убираться отсюда, и как можно скорее».

Если бы найти рычаг подлиннее, он бы сдвинул ствол. Из ствола торчал длинный сук толщиной около четырех дюймов у основания.

Дункан вытащил из-за пояса нож и взглянул на лезвие. Оно было слишком тонким и коротким, чтобы перерезать четырехдюймовый сук, но кроме ножа ничего не оставалось. Если человек дошел до точки, если от этого зависит его жизнь, он способен совершить невозможное.

Он потянулся вдоль ствола к основанию сука и изогнулся. Придавленная нога взорвалась болью протеста. Он сжал зубы и подтянулся еще чуть-чуть. Боль снова охватила ногу, но он все еще не доставал до цели нескольких дюймов.

Он предпринял еще одну попытку дотянуться до сука, но вынужден был сдаться. Он откинулся на землю и лежал, тяжело дыша.

Оставалось одно — попытаться вырезать углубление в стволе над самой ногой. Нет, это почти невозможно. Придется резать жесткую древесину у основания сучьев.

Но нужно было или пойти на это, или отпилить собственную ногу, что было еще невозможней, потому что потеряешь сознание прежде, чем успеешь себя искалечить. Бесполезно.

Ему не сделать ни того, ни другого. Больше ничего не оставалось.

И впервые он вынужден был признаться себе: ты останешься здесь и умрешь. Через день-другой Шотвелл отправится на поиски. Но Шотвелл никогда его не найдет. Да и в любом случае с наступлением ночи или того раньше вернутся крикуны.

Он сухо засмеялся над собой.

Цита выиграла поединок. Она использовала в игре человеческую слабость побеждать, а потом не менее успешно использовала человеческую слабость к поэтической справедливости.

А чего он должен был ждать? Нельзя же сравнить человеческую этику с этикой Циты. Разве инопланетянину мораль людей не может показаться подчас загадочной и нелогичной, неблагодарной и низменной?

Он подобрал ветку и принялся ковырять ею в стволе.

Треск в кустах заставил его обернуться, и он увидел Циту. За Цитой брел донован.

Он отбросил ветку и поднял ружье.

— Нет,— резко сказала Цита.

Донован тяжело приблизился к Дункану, и тот почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Ничто не могло устоять перед донованом. Крикуны поджимали хвосты и разбегались, заслышав за две мили его топот.

Донован был назван так по имени первого убитого им человека. Тот человек был лишь первым из многих. Список жертв донованов был длинен, и в этом, думал Дункан, нет ничего удивительного. Он никогда еще не видел донована так близко, и смотреть на него было страшно. Он был похож и на слона, и на тигра, и на медведя, а шкура у него была как у медведя. Донован был самой совершенной и злобной боевой машиной, какую была только способна создать природа.

Он опустил ружье. Стрелять все равно бесполезно — в два прыжка чудовище настигнет его.

Донован чуть не наступил на Дункана, и тот отпрянул в сторону. Затем громадная голова наклонилась и так толкнула упавшее дерево, что оно откатилось ярда на два. А донован продолжал идти как ни в чем не бывало. Его могучее туловище врезалось в кустарник и исчезло из виду.

— Теперь мы квиты,— сказала Цита.— Мне пришлось сходить за помощью.

Дункан кивнул. Он подтянул к себе ногу, которая ниже колена потеряла чувствительность, и, используя ружье в качестве костыля, встал. Он постарался наступить на поврежденную ногу, и все его тело пронзила боль.

Он удержался, опершись о ружье, и повернулся лицом к Ците.

— Спасибо, дружище,— сказал он.— Я не думал, что ты это сделаешь.

— Теперь ты больше не будешь за мной охотиться?

Дункан покачал головой:

— Я не в форме. Я пойду домой.

— Это все было из-за вуа? Ты охотился на меня из-за вуа?

— Вуа меня кормит,— сказал Дункан.— Я не могу позволить тебе ее есть.

Цита молчала, и Дункан наблюдал за ней. Затем он, опираясь на ружье, заковылял к дому.

Цита поспешила его догнать.

— Давай договоримся, господин, я не буду есть вуа, а ты не будешь за мной охотиться. Это справедливо?

— Меня это устраивает,— сказал Дункан.— На этом и порешим.

Он протянул руку, и Цита подняла лапу. Они пожали друг другу руки, не очень ловко, но зато торжественно.

— А теперь,— сказала Цита,— я провожу тебя до дома. А то крикуны расправятся с тобой прежде, чем ты выйдешь из леса.

6

Они остановились на бугре. Перед ними лежала ферма, и грядки вуа тянулись прямыми зелеными рядами по красной земле.

— Отсюда ты сам доберешься,— сказала Цита,— а то я совсем истощилась. Так трудно быть умной. Я хочу вернуться к незнанию и спокойствию.

— Приятно было с тобой встретиться,— вежливо сказал Дункан.— И спасибо, что ты меня не оставила.

Он побрел вниз по склону, опираясь на ружье-костыль. Вдруг он нахмурился и обернулся.

— Послушай,— сказал он,— ты ведь опять превратишься в животное и обо всем забудешь. В один прекрасный день ты наткнешься на прекрасные свежие нежные побеги вуа и...

— Проще простого,— сказала Цита.— Если ты увидишь, что я ем вуа, начни на меня охотиться. Как только ты начнешь меня преследовать, я сразу поумнею, и все будет в порядке.

— Точно,— согласился Дункан.— Все должно быть в порядке.

Он, ковыляя, стал спускаться с холма, а Цита смотрела ему вслед.

«Замечательное существо,— думала она.— Следующий раз, когда я буду делать маленьких, я обязательно сотворю дюжину таких, как он».

Она повернулась и направилась в гущу кустарника.

Она чувствовала, как разум ускользает от нее, чувствовала, как возвращается старое привычное беззаботное спокойствие. Но это ощущение было смешано с предвкушением радости при мысли о том, какой замечательный сюрприз она приготовила для своего нового друга.

«Разве он не будет счастлив, когда я принесу их к его порогу»,— думала Цита.

Пусть счастье не покидает его!

Когда подошло время спускаться за почтой, старый Клайд Паккер оторвался от своих марок и прошел в ванную — расчесать седые волосы и бороду. Как будто и без того забот мало, подумал он в который раз, однако никуда не денешься: на лестнице ему наверняка встретится кто-нибудь из соседей, а им до всего есть дело. Паккер не сомневался, что они сплетничают, обсуждают его между собой, и хуже всех была вдова Фоше, что жила в квартире напротив. Хотя, в общем-то, его мало трогало, что о нем думают.

Прежде чем отправиться за почтой, он открыл ящик стола в центре захламленной гостиной — на столе в полном беспорядке грудами лежали нужные и ненужные бумаги — и достал маленькую коробочку, присланную с одной из планет системы Унук-аль-Хэй. Паккер отщипнул кусочек от хранившегося в коробке высушенного листка и отправил в рот.

Он замер на несколько секунд у выдвинутого ящика, наслаждаясь сочным диковинным вкусом: не мята и не виски — лишь привкус и того и другого, но к ним примешивалось и что-то еще, совершенно особенное, присущее только этим странным листьям. Ни одному человеку на Земле не доводи́лось пробовать ничего подобного. Паккер подозревал, что отвыкнуть от них будет очень трудно, хотя ни о чем таком ПугАльНаш его не предупреждал.

Впрочем, даже если бы ПугАльНаш решил сделать это, Паккер, скорее всего, ничего бы не понял: пытаясь расшифровать записки ПугАльНаша, Паккер всякий раз поражался, до чего же унукские представления о земном языке и земной грамматике далеки от истинной картины.

Коробочка, заметил он, почти опустела. Оставалось только надеяться, что его странный, но верный корреспондент, на

которого он так привык рассчитывать, не подведет и теперь. Хотя повода сомневаться в нем у Паккера не было: за те двенадцать лет, что они переписывались, ПугАльНаш никогда его не подводил. Когда содержимое предыдущей бандероли подходило к концу, обязательно прибывала новая коробочка листьев с короткой дружеской запиской — и вся в самых новых унукских марках.

Ни днем раньше, ни днем позже, а именно тогда, когда кончался последний листок,— словно ПугАльНаш каким-то непостижимым для землянина образом узнавал, когда у того кончаются эти листья.

«Надежный парень,— говорил себе Клайд Паккер.— Не гуманоид, конечно, но на него вполне можно положиться».

И он снова задумался, как все-таки Пуг выглядит. Почему-то ему всегда представлялось, что это маленькое существо, но на самом деле он не знал ни его размеров, ни внешнего вида. Унук относился к числу тех планет, где землянам просто не выжить, поэтому все коммерческие операции и прочие контакты — как и со многими другими цивилизациями — осуществлялись при помощи посредников.

Что, интересно, делал Пуг с теми сигарами, которые Паккер посылал ему в обмен на коробочки с листьями? Ел? Курил? Нюхал? Валялся на них или втирал в волосы? Если у него вообще есть волосы...

Паккер потряс головой и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. Затем дважды проверил, сработал ли замок. Кто их знает, этих соседей, и особенно вдову Фоше: может, они только и ждут, как бы пробраться к нему в квартиру, пока его нет.

На лестничной площадке никого не оказалось, что Паккера очень обрадовало. Чуть не крадучись он подошел к лифту и нажал кнопку, надеясь, что удача не оставит его и никто так и не появится.

Увы.

В конце длинного коридора показался сосед, развязный, горластый тип из тех, что бесцеремонно — в их понимании, *по-дружески — хлопают людей по спине и думают, что это нормально.*

— Доброе утро, Клайд! — радостно заорал он издалека.

— Доброе утро, мистер Мортон,— ответил Паккер довольно прохладным тоном. С какой стати этот Мортон обращается к нему по имени? Никто никогда его так не называет — разве что изредка племянник, Антон Кампер, который зовет его «дядя Клайд» или чаще — просто «дядюшка». А Тони — просто никчемный болтун. Вечно он что-то затевает, строит грандиозные планы. Послушать его, так он на днях миллионером станет, только все его планы превращаются в пшик. А еще он — пройдоха, каких свет не видывал.

«Как и я в точности,— подумалось Паккеру,— не то что эти, теперешние. Одни только разговоры. Будь я помоложе,— решил он, с гордостью и теплотой вспоминая прошлое,— я бы их всех ощипал, как цыплят».

— Как сегодня марочный бизнес? — поинтересовался Мортон, подойдя ближе, и от души хлопнул Паккера по спине.

— Должен вам напомнить, мистер Мортон, что я не занимаюсь филателистическим бизнесом,— резко ответил Паккер.— Хотя действительно интересуюсь марками, увлечен ими и настоятельно рекомендую...

— Я не то имел в виду,— пояснил Мортон несколько смущенно.— Я не то хочу сказать, что вы продаете марки или там...

— Строго говоря, продаю,— перебил его Паккер.— Но изредка и в небольших количествах. Это едва ли можно назвать бизнесом. Просто некоторые коллекционеры знают о моих обширных связях и время от времени...

— Вот я и говорю! — радостно заорал Мортон и от избытка чувств снова хлопнул Паккера по спине.— Все дело в связях! Если есть связи, тогда в любом деле не пропадешь. Вот я, например...

От продолжения тирады Паккера спасло лишь то, что прибыл наконец лифт.

Спустившись вниз, он сразу направился к стойке дежурного.

— Доброе утро, мистер Паккер,— сказал клерк, вручая ему стопку писем.— Тут для вас посылка, и довольно тяжелая. Может быть, вам помочь?

— Нет, благодарю вас,— ответил Паккер.— Я уверен, что справлюсь сам.

Клерк выложил посылку на стойку. Паккер взял ее в руки и тут же опустил на пол — весил пакет, должно быть, фунтов тридцать. А адресную наклейку почти всю покрывали марки с такими высокими номиналами, что аж дух захватывало.

Паккер взглянул на наклейку повнимательнее: его фамилия и адрес были выведены печатными буквами и так старательно, словно земной алфавит представлялся отправителю непостижимым таинством. Вместо обратного адреса — мешанина из точек, закорючек и черточек: понять ничего невозможно, но вроде бы что-то знакомое. Марки, сразу определил Паккер, выпущены в системе девятой звезды созвездия Рака — за всю его жизнь ему доводилось видеть такие лишь один раз. Некоторое время он просто стоял, пытаясь сообразить, сколько они могут стоить.

Затем сунул стопку писем под мышку и поднял посылку с пола. Теперь она показалась Паккеру еще тяжелее, и он тут же пожалел, что отказался от помощи. Но сказанного не воротишь. Да и в конце концов, не такой уж он еще старый и дряхлый.

Доковыляв до лифта, он опустил пакет на пол и остановился лицом к двери, ожидая кабину. Неожиданно у него за спиной раздался голос, похожий на птичье щебетание, и Паккер вздрогнул, узнав голос вдовы Фоше.

— О, мистер Паккер,— затараторила она,— я так рада, что вас встретила.

Паккер обернулся, ибо ничего другого ему не осталось — нельзя же и в самом деле стоять к ней спиной, словно ее там нет.

— О, какие вы тяжести носите...— пожалела его вдова Фоше.— Позвольте, я вам помогу.

С этими словами она выхватила у него из-под руки стопку писем и добавила:

— Бедняжка. Я помогу вам их донести.

Паккер с удовольствием бы ее придушил, но вместо этого лишь улыбнулся. Улыбка, правда, вышла несколько натянутая, даже зловещая, но на большее его не хватило.

— Как мне повезло, что я вас встретил,— ответил он.— Один бы я ни за что не справился.

Не заметив скрытой иронии, вдова Фоше продолжала молоть языком как ни в чем не бывало:

— Сегодня к ленчу я собиралась приготовить бульон, и у меня всегда получается слишком много. Может, вы присоединитесь?

— Нет, к сожалению, это невозможно,— встревоженно сказал Паккер.— Прошу меня извинить, но сегодня у меня очень много работы.— Кивнув на стопку писем у нее в руках и на посылку, он, словно рассерженный морж, выпустил воздух через усы, но вдова Фоше ничего не заметила.

— Как это, должно быть, романтично и увлекательно! — снова затрещала она.— Все эти письма и пакеты с разных концов Галактики! С таких далеких и странных планет! Вы непременно должны как-нибудь просветить меня, рассказать, что такое собирание марок!

— Видите ли, мадам,— несколько раздраженно ответил Паккер,— я занимаюсь марками больше двадцати лет и едва только начинаю понимать, что такое филателия, так что едва ли возьмусь объяснять это кому-либо еще.

Она продолжала болтать.

«Черт бы ее побрал,— подумал Паккер.— Когда же она замолчит?»

Старая перечница! Он снова с шумом выпустил воздух через усы. Теперь она три дня будет носиться по всем соседям и рассказывать, как они «странно» встретились и какой он «странный» старикашка. Письма, мол, получает со всяких чужих планет, и бандероли, и посылки. И уж наверняка здесь дело не только в марках. Здесь, мол, что-то нечисто, можете не сомневаться даже...

У его двери вдова Фоше неохотно отдала письма и спросила:

— Вы уверены, что не передумали насчет бульона? Это не просто бульон. Я его готовлю по особому рецепту.

— К сожалению, я вынужден отказаться.

Паккер отпер замок и открыл дверь. Она все не уходила.

— Я бы с удовольствием пригласил вас зайти,— соврал он, вежливо улыбаясь,— но у меня немного не прибрано.

«Немного не прибрано» — это было, конечно, мягко сказано.

Оказавшись наконец за надежно запертой дверью, Паккер пробрался мимо бесконечных штабелей из кляссеров, ящиков, коробок к столу и поставил посылку рядом. Первым делом

он просмотрел письма: одно оказалось с Дахиба, другое — из системы Лиры, третье — с Муфрида, а четвертое — с Марса — просто рекламный проспект какого-то концерна.

Паккер откинулся на спинку громоздкого кресла и обвел комнату взглядом.

«Надо все-таки взяться как-нибудь и привести квартиру в порядок»,— сказал он себе. Без сомнения, здесь полно барахла, которое можно просто выбросить, а все ценное надо рассортировать по коробкам и надписать, чтобы всегда можно было найти то, что нужно. Может быть, есть смысл даже составить генеральный каталог — тогда он, по крайней мере, будет знать, что у него уже есть, а чего нет и сколько все это стоит.

Хотя это, конечно, не самый главный вопрос.

Возможно, ему пора специализироваться. Большинство коллекционеров так и поступают. Галактика слишком велика, чтобы собрать все галактические марки. Даже два тысячелетия назад, когда коллекционерам приходилось беспокоиться только о земных марках, их печатали так много, что филателисты придумали специализацию.

Однако на чем же все-таки специализироваться, если сознательно хочешь ограничить свои интересы? Может быть, на марках с одной какой-то планеты или звездной системы? Может, на планетах за пределами определенного радиуса, скажем в пятьсот светолет? Или на конвертах? Например, было бы очень интересно составить коллекцию конвертов с гашениями и почтовыми отметками, демонстрирующую различия и тонкости почтового сообщения в глубине космоса, среди далеких звезд.

Но в том-то и дело, что тут все интересно. Можно потратить три жизни, но так и не добраться до конца.

Хотя за двадцать лет можно, если постараться, собрать огромное количество материала. А уж он-то старался! Он отдавал коллекционированию всего себя и наслаждался каждой минутой, проведенной с марками. В некоторых областях, не без гордости подумал Паккер, ему удалось стать своего рода экспертом. Время от времени он писал статьи для филателистических журналов, и едва ли не каждую неделю кто-нибудь из знаменитейших коллекционеров обращался к нему за помощью или просто заходил поболтать.

Марки, чего уж там говорить, способны доставить огромное наслаждение, признавал Паккер, словно извиняясь. Огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но само собирание материала — лишь часть коллекционирования, своего рода начальная стадия. Гораздо важнее были контакты. И без них просто не обойтись, особенно без контактов в дальних пределах Галактики. Если вы не хотите полагаться на жуликоватых дельцов в филателистических магазинах, которые предлагают лишь то, что легко достать, контакты просто необходимы. Контакты с другими коллекционерами, которые желают обмениваться марками, контакты с одинокими людьми на одиноких форпостах и на самом краю Галактики, где, скорее всего, и можно найти редкий, экзотический материал, с людьми, которые готовы отыскать его, сохранить и переслать вам за вполне приемлемую цену, или с какими-нибудь богом забытыми организациями, что приторговывали наборами различных марок в попытках хоть немного пополнить свой скудный бюджет.

В системе Енотовой Шкуры, например, жил человек, которому в обмен на его марки нужны были лишь последние музыкальные записи с Земли. А один бесстрашный миссионер на пустынном Агустроне собирал пустые жестянки из-под табака и бутылки, которые по какой-то причине ценились на этой безумной планете очень высоко. Но среди многих других — землян и инопланетян — самым важным для Паккера корреспондентом всегда был ПугАльНаш.

Паккер перекатил размокший и почти уже лишенный вкуса листок на языке, с наслаждением всасывая последние капли божественного нектара.

Если бы кому-нибудь удалось раздобыть крупную партию этих листьев, подумалось ему, человек мог бы сказочно разбогатеть. Расфасовать их в маленькие пакетики наподобие жевательной резинки, и здесь, на Земле, листья будут разметать, как горячие пирожки. Он как-то пытался поднять этот вопрос в переписке с ПугАльНашем, но только запутал беднягу унукийца, который почему-то просто не видел смысла в коммерческих операциях, выходивших за рамки личных потребностей самих участников обмена.

Позвонили в дверь, и Паккер пошел открывать.

Оказалось, это Тони Кампер.

— Привет, дядя Клайд,— беззаботно произнес он.

Паккер неохотно открыл дверь пошире.

— Ладно, заходи уж, раз пришел.

Тони шагнул через порог, сдвинул шляпу на затылок и окинул квартиру оценивающим взглядом.

— Честное слово, дядюшка, тебе нужно взять как-нибудь и выкинуть весь этот хлам. Просто не представляю, как ты тут живешь.

— Нормально живу,— осадил его Паккер.— Но может быть, я при случае разберу здесь немного.

— Хотелось бы верить.

— Мальчик мой,— горделиво произнес Паккер,— думаю, я без всякого преувеличения могу сказать, что у меня одна из лучших коллекций галактических марок на Земле. Когда-нибудь я помещу их все в альбомы...

— Этого никогда не произойдет, дядюшка, ты просто будешь складывать их в кучи, как и раньше. Твоя коллекция растет так быстро, что ты не успеваешь сортировать даже новые поступления.

Он пнул носком ботинка стоящую у стола коробку.

— Вот, например. Опять новая посылка?

— Только что пришла,— признал Паккер.— И пока я не выяснял, откуда она.

— Отлично! — сказал Тони.— Что ж, развлекайся. Ты еще всех нас переживешь.

— И переживу! — запальчиво ответил Паккер.— Однако зачем ты все-таки пришел?

— Да ни за чем, дядюшка. Просто заскочил проведать и напомнить, что выходной ты обещал провести у нас. Энн настояла, чтобы я непременно зашел и напомнил. Дети всю неделю дни считали...

— Я помню,— соврал Паккер, поскольку напрочь забыл о данном обещании.

— Я могу заехать за тобой. Скажем, в три пополудни?

— Нет, Тони. Спасибо. Не беспокойся. Я вызову стратотакси. В три будет очень рано, а у меня еще полно дел.

— Надо думать,— сказал Тони и двинулся к выходу, потом добавил с порога: — Не забудь!

— Разумеется, не забуду,— резко ответил Паккер.

— Энн обидится, если ты не приедешь. Она запланировала на вечер все твои любимые блюда.

Паккер проворчал что-то в ответ.

— Ужин в семь,— напомнил Тони жизнерадостно.

— Хорошо, Тони. Я приеду.

— Ладно, дядюшка, до вечера.

«Молокосос,— подумал Паккер.— Опять неизвестно что затеял, наверно. Всю жизнь проворачивает какие-то делишки, а толку никакого. Еле на жизнь хватает...»

Он вернулся к столу.

«Наверно, думает, что получит в наследство мои деньги. Хоть там и не бог весть сколько... Что же, пусть думает. Я, пока не потрачу все до последнего цента, помирать не собираюсь».

Паккер сел за стол, взял один из конвертов, вскрыл его перочинным ножом и высыпал содержимое на маленький расчищенный в середине стола пятачок. Затем включил лампу, пододвинул плафон ближе и склонился над марками.

Очень даже неплохая подборка, оценил он сразу. Вот, например, марка с ро Близнецов-XII — или это XVI? — отличный образчик современной классики: сколько изящества, сколько фантазии, какая тонкая работа гравера, и сколько здесь чувствуется любви и внимания, бумага высочайшего качества и превосходная печать.

Паккер принялся искать пинцет, но на столе его не оказалось. Он порылся в ящике, содержимое которого и без того напоминало разоренное крысиное гнездо, но тоже безрезультатно. Тогда он опустился на колени и поискал под столом.

Пинцета нигде не было.

Отдуваясь, он забрался обратно в кресло. Настроение было испорчено.

«Куда они вечно деваются? — подумал он сердито.— Наверно, уже двенадцатый пинцет... Черт бы их побрал, никогда не помню, куда в последний раз положил...»

В дверь снова позвонили.

— Войдите! — в сердцах крикнул Паккер.

Вошел небольшого роста человек, чем-то похожий на мышь, мягко прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно теребя в руках шляпу.

— Прошу прощения... Мистер Паккер?

— Ну разумеется, это я,— нетерпеливо произнес Паккер.— Кого еще вы ожидали тут увидеть?

— Э-э-э... сэр...— Незнакомец сделал несколько шажков и остановился.— Меня зовут Джейсон Пикеринг. Возможно, вы обо мне слышали...

— Пикеринг? — Паккер на мгновение задумался.— Пикеринг? О, конечно же, я слышал о вас! Вы собираете систему Полярной звезды.

— Верно,— признал Пикеринг чуть жеманно.— Я весьма польщен, что вы...

— Напротив,— перебил его Паккер, поднимаясь и протягивая гостю руку.— Это большая честь для меня!

Он наклонился и скинул со стула два кляссера и три обувные коробки. Одна из них опрокинулась, и на пол посыпались марки.

— Прошу вас, садитесь, мистер Пикеринг,— галантно предложил Паккер.

Гость несколько ошарашенно присел на край стула.

— Боже,— произнес он, окидывая взглядом царивший в квартире беспорядок,— у вас тут огромное количество материала. Но вы, без сомнения, всегда можете отыскать то, что вам нужно...

— Чаще всего нет,— ответил Паккер, опускаясь в кресло.— Я по большей части даже не знаю, что у меня есть.

Пикеринг хихикнул.

— Тогда, сэр, вас ждет в будущем множество замечательных сюрпризов.

— Едва ли. Я никогда ничему не удивляюсь,— заносчиво произнес Паккер.

— Однако к делу. Я бы не хотел отнимать у вас время попусту. Нет ли у вас случайно марки «Поларис-17б» на конверте? Это довольно редкий номер, даже сам по себе, и я ни разу не слышал, чтобы кому-то марка встречалась вместе с конвертом. Однако мне посоветовали обратиться к вам: возможно, у вас есть то, что я ищу...

— Подождите, дайте вспомнить.— Паккер откинулся на спинку кресла и мысленно перелистал страницы каталога. Есть: вспомнил! «Поларис-17б» — маленькая марка, можно даже сказать, крошечная, ярко-голубая с алым пятнышком в ниж-

нем левом углу, а по всему полю — плотный орнамент из тонких завитков.— Да,— сказал он, открывая глаза.— Похоже, у меня есть такая марка. Помнится, много лет назад...

Пикеринг, затаив дыхание, наклонился вперед.

— Вы хотите сказать, что у вас действительно...

— Да, я уверен, она где-то здесь.— Паккер неуверенно обвел рукой сразу полкомнаты.

— Если вы найдете ее, я готов заплатить десять тысяч.

— Насколько я помню, это была полоска из пяти марок. Письмо шло с Полариса-VII на Бетельгейзе-XIII через... Нет, похоже, я уже не вспомню, через какую планету.

— Полоска из пяти марок!!!

— Насколько помню. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Пятьдесят тысяч! — выкрикнул Пикеринг, чуть не пуская слюну.— Пятьдесят тысяч, если вы их отыщете!

Паккер зевнул.

— Всего за пятьдесят тысяч, мистер Пикеринг, я даже не стану искать.

— Сто!

— Я подумаю.

— Но вы начнете розыски прямо сейчас? Должно быть, вы помните хотя бы приблизительно...

— Мистер Пикеринг, чтобы накопить эти груды материала, которые вы видите вокруг, мне потребовалось двадцать лет, и память у меня уже не та. Честно говоря, я понятия не имею, где они могут лежать.

— Назначайте вашу цену,— взмолился Пикеринг.— Сколько вы хотите?

— Если я найду их,— сказал Паккер,— возможно, мы сойдемся на четверти миллиона. Но если найду.

— Вы поищете?

— Посмотрим. Может быть, я рано или поздно наткнусь на них случайно. Надо будет как-нибудь привести все это в порядок. Если они мне попадутся, то я о вас не забуду.

Пикеринг резко встал.

— Вы надо мной смеетесь,— обиженно произнес он.

Паккер махнул рукой.

— Я никогда ни над кем не смеюсь.

Пикеринг двинулся к двери. Паккер поднялся с кресла.

— Позвольте, я вас провожу.

— Не стоит. И извините за беспокойство.

Паккер снова опустился в кресло, глядя, как гость закрывает за собой дверь.

Довольно долго он сидел, пытаясь вспомнить, где же у него лежит конверт из системы Полярной звезды, но в конце концов сдался: это было так давно.

Затем он снова принялся искать пинцет, но тоже безуспешно. Видимо, утром придется пойти и купить новый. Тут Паккер вспомнил, что утром его дома не будет, поскольку он обещал навестить семью Тони в их летнем коттедже на берегу Гудзонова залива.

Черт, и как только он умудряется терять столько пинцетов?

Паккер сидел, погрузившись в какое-то полудремотное-полузадумчивое состояние, размышляя о самых разных вещах В основном о марках с клейким слоем и о том, как из многочисленных идей, возникших на Земле, именно эту жители Галактики подхватили быстрее всего и за две тысячи лет распространили до самых дальних пределов обитаемого пространства.

Становилось все труднее уследить за новинками, да и самих планет, что выпускали марки, становилось все больше. Марки множились с невероятной быстротой, и чтобы не отстать, не пропустить что-то, приходилось тратить огромные усилия.

А марок, в том числе и очень необычных, навыпускали множество. Взять хотя бы марки с Манкалинена, у которых номинал определялся запахом. Не пятицентовые, скажем, или пятидолларовые, или даже стодолларовые марки, а марки с запахом роз — для местной почты, марки с запахом сыра — для межпланетной корреспонденции внутри звездной системы, и еще один вид для межзвездных пересылок — эти воняли так, что человеку за сорок шагов становилось дурно.

Или выпуски с Альгейба, отпечатанные цветами, которые человеческому глазу не дано видеть — хуже всего то, что номиналы на них были напечатаны этими же цветами. А взять ту знаменитую классическую серию, выпущенную — разумеется, нелегально — пиратами с Леониды: вместо бумаги они использовали обработанную кожу землян, попавших некогда в их лапы...

Паккер сидел, уронив подбородок на грудь и прислушиваясь к нарушающему тишину тиканью часов, безнадежно утерянных где-то в завалах коллекционного материала.

Марки дали ему новую жизнь, причем жизнь, которой он был вполне доволен. Двадцать лет назад, когда умерла Мира и он продал свою долю акций экспортной компании, ему казалось, что жизнь кончилась, что ничего хорошего у него уже не будет. Однако сейчас марки увлекали его даже больше, чем в свое время экспортный бизнес,— и это просто благословение, да, именно благословение.

Продолжая сидеть, Паккер с теплой признательностью вспоминал свою коллекцию, спасшую его от пучины одиночества, вернувшую ему интерес к жизни и словно бы омолодившую его.

А затем он уснул.

Разбудил его звонок в дверь, и Паккер, протирая глаза, пошел открывать.

У порога стояла вдова Фоше с маленькой кастрюлькой в руках. Она протянула ее Паккеру и затараторила:

— Я все-таки подумала· наверно, бедняжке это понравится Тут немного бульона, что я приготовила. У меня всегда получается больше, чем нужно. Для одной так неудобно готовить..

Паккер взял кастрюльку у нее из рук.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Вдова бросила на него пристальный взгляд.

— Вы больны! — заявила она и шагнула через порог, заставив Паккера попятиться.

— Я вовсе не болен,— попытался отбиться Паккер.— Я просто заснул в кресле, а так со мной все в порядке.

Она протянула пухлую руку и потрогала его лоб.

— Да у вас температура! Вы просто горите!

— Ничего у меня нет! — не выдержал Паккер.— Говорю же я вам: я просто уснул.

Вдова Фоше обогнула его и, пробравшись между стопками коробок, ворвалась в комнату. Паккер только успел подумать: «Боже, она таки проникла в квартиру! Как же ее теперь выдворить?»

— Ну-ка, идите сюда и садитесь,— приказала вдова — Термометра, надо полагать, у вас нет?

Паккер, уже покорившись судьбе, покачал головой.

— И не было. Я никогда не болел.

Вдова Фоше вдруг взвизгнула, подпрыгнула и неуклюжим галопом понеслась к выходу. На полпути она споткнулась о тяжелую картонную коробку и растянулась на полу, но торопливо вскочила и, что-то проверещав напоследок, вылетела на лестничную площадку.

Паккер захлопнул за ней дверь и в некотором недоумении уставился на кастрюльку: он по-прежнему держал ее в руках и за это время не пролил ни капли.

Однако что же так напугало вдову Фоше?

И тут он увидел: по полу бегала маленькая мышка.

Паккер приподнял кастрюльку, салютуя своей спасительнице, и серьезным тоном произнес:

— Спасибо, дружок!

Мыши... Одно время ему казалось, что мыши здесь действительно есть — то сыр обгрызут на кухонной полке, то кто-то шуршит по ночам,— и это его беспокоило: вдруг они устроили себе гнездо где-нибудь в завалах филателистического материала?

Но нет худа без добра, подумалось Паккеру.

Он взглянул на часы: оказалось, уже пять вечера. Каким-то образом он забылся и пропустил ленч, а до отъезда оставалось совсем немного. «Что же, похлебаю бульона,— решил он,— и заодно просмотрю содержимое пакета...»

Паккер взял со стола несколько полных коробок и переставил их на пол: места стало побольше — как раз чтобы разложить новые поступления.

Он пошел на кухню, отыскал ложку и, попробовав бульон, счел, что готовить вдова Фоше действительно умеет. Кастрюлька была еще теплая, и для полировки на столе это, конечно, плохо, но бог с ней, с полировкой, еще об этом не хватало беспокоиться.

Паккер подтащил пакет к столу и прежде всего расшифровал загадочный обратный адрес. Эту новую знаковую систему начали несколько лет назад использовать в созвездии Волопаса, а посылка пришла от одного из его загадочных корреспондентов из созвездия Лебедя. Время от времени Паккер посылал ему в обмен ящик лучшего шотландского виски.

Прикинув, сколько весит посылка, он решил, что на этот раз нужно будет отправить по крайней мере два.

Вскрыв пакет, Паккер взял его за низ, перевернул, и на стол хлынул поток конвертов. Он отшвырнул пустой пакет в угол и в самом приятном расположении духа уселся в кресло, затем, прихлебывая бульон, принялся неторопливо разбирать свои новые сокровища. Даже на первый взгляд это была великолепная подборка. Отправитель взял на себя труд систематизировать конверты по месту выпуска и рассортировать их в маленькие стопки, перетянутые резинками.

Стопка конвертов с Расальхейга, еще одна с Челеба, с Нунки, с Каус-Бореалис и множество других из различных далеких миров.

Одну из них Паккер даже не распознал. В стопке оказалось двадцать пять или тридцать конвертов, но на всех была одна и та же марка — маленький желтый квадратик без единой надписи, довольно толстый и шершавый на ощупь. Он провел по ней пальцем, и ему показалось, что марка крошится, стирается, словно поверхность ее покрывал толченый мел.

Несколько озадаченный, Паккер вытащил один конверт из-под резинки и бросил стопку на стол. Порывшись в ящике, он отыскал увеличительное стекло и склонился над маркой. Да, действительно, никаких надписей или пометок — просто маленький желтый квадратик — толстый, с зернистой поверхностью, словно на бумаге были наклеены песчинки.

Он выпрямился, проглотил еще ложку бульона, затем долго пытался сообразить, что это могут быть за марки. Увы, хранящийся в памяти каталог ничего не подсказывал. Похоже, он такую марку никогда еще не видел и даже не слышал о ней.

Часть почтовых штемпелей он узнал сразу, другие оказались совершенно незнакомыми. Впрочем, это не важно: позже можно будет отыскать их в справочниках. Однако у Паккера и без того складывалось впечатление, что планеты или звездная система, откуда отправили конверты, лежали где-то в направлении созвездия Весов. На это указывали те штемпели, которые ему удалось распознать.

Отложив увеличительное стекло в сторону, он вновь принялся за бульон. Главное, напоминал себе Паккер, поднося ко рту очередную ложку, не замочить усы; даже если человек не носит усы, есть все равно нужно аккуратно...

Но тут рука, как назло, дрогнула: немного бульона пролилось на бороду, немного капнуло на стол, и почти полная ложка выплеснулась на конверт с желтой маркой.

Паккер выхватил из кармана платок и попытался стереть расползающееся жирное пятно, но было уже поздно. Конверт промок почти мгновенно, марка потемнела от влаги, и он в сердцах выругался, проклиная собственную неуклюжесть.

Затем взял мокрый конверт за уголок, отыскал мусорную корзину и разжал пальцы.

После выходных, проведенных с семьей Тони на берегу Гудзонова залива, Паккеру не терпелось вернуться домой.

«Тони совсем рехнулся,— подумал он.— Надо же всадить столько денег в роскошный загородный дом! Шансов разбогатеть у него, считай, никаких, все его грандиозные планы рушатся один за другим, однако он по-прежнему строит из себя большого дельца и цепляется за эту дорогую виллу. Впрочем, может быть, так сейчас и надо: если удастся одурачить кого-нибудь, заставить поверить, что ты чего-то стоишь, тогда у тебя может появиться реальный шанс влезть в большое дело. Может быть, так и надо, кто его знает...»

Паккер остановился в холле забрать почту, надеясь, что бандероль от ПугАльНаша уже прибыла. Со всей этой суетой он забыл прихватить коробочку с листьями, и за три дня успел понять, насколько сильно к ней привык. Каждый раз, когда он вспоминал, как мало у него осталось листьев, Паккера охватывало беспокойство: а вдруг ПугАльНаш забудет о нем?

За три дня накопилось множество писем, но от ПугАльНаша ничего не было.

Впрочем, этого следовало ожидать, напомнил себе Паккер: новые бандероли ни разу не приходили, пока листья не кончались совсем. Поначалу он нередко задумывался, что за пророческий дар позволяет его другу точно угадывать, когда у него кончается запас, и как тот рассчитывает время отправки, чтобы бандероли приходили именно в тот день, когда в них возникнет необходимость. Теперь он об этом не думал: все равно бесполезно, чудо оно и есть чудо.

— С возвращением! — радостно приветствовал его дежурный клерк.— Как отдохнули, мистер Паккер?

— Сносно,— проворчал он и направился к лифту.

Однако на полпути его перехватил управляющий Элмер Ланг.

— Мистер Паккер,— заверещал он,— мне непременно нужно с вами поговорить.

— Ну так говорите.

— Это насчет мышей, мистер Паккер.

— Каких еще мышей?

— Миссис Фоше сказала мне, что у вас в квартире мыши.

Паккер расправил плечи и выпрямился, чтобы казаться выше, хотя при его сложении это было непросто.

— Это ваши мыши, Ланг. Вы ими и занимайтесь.

— Но как же я могу, мистер Паккер? — произнес Ланг, заламывая руки.— Ваша квартира... Там столько всякого хлама... надо бы все это разобрать.

— Должен вам заметить, сэр, что этот хлам является одной из самых полных коллекций марок во всей Галактике. Я действительно несколько запустил разборку новых поступлений, но я никому не позволю называть свою коллекцию хламом.

— Но может быть, я попрошу Майлса, уборщика, помочь вам разобраться с коллекцией?

— Помочь мне мог бы только человек, имеющий определенный опыт работы с филателистическим материалом,— строго сказал Паккер.— Ваш уборщик, надо полагать, такого опыта не...

— Но, мистер Паккер,— взмолился Ланг,— все эти горы бумаги и коробки — идеальное место для мышей. Я не смогу вывести мышей, если вы не вычистите свои завалы.

— Вычистить?! — взорвался Паккер.— Да вы хоть понимаете, о чем говорите? Где-то в огромной массе материала есть, например, конверт — для вас это просто конверт с марками и штемпелями,— за который мне несколько дней назад предлагали четверть миллиона долларов — если только я его отыщу. И это лишь малая толика от всего накопленного. Вы что, Ланг, все это предлагаете мне «вычистить»?

— Но, мистер Паккер, так больше продолжаться не может. Я вынужден настаивать...

Тут прибыл лифт, и Паккер с видом оскорбленного достоинства шагнул в кабину, оставив управляющего с его проблемами в холле.

— Сует свой нос, куда не просят...— пробормотал он, отдуваясь сквозь усы.

— Что вы говорите, сэр? — спросил лифтер.

— Миссис Фоше. Сует свой нос, куда ее не просят.

— Возможно, вы правы, сэр,— рассудительно ответил лифтер.

Паккер надеялся, что в коридоре никого не будет, и на этот раз ему повезло. Он отпер дверь, шагнул вперед...

И замер, услышав странный булькающий звук.

Какое-то время он стоял неподвижно, прислушивался — с недоверием и чуть-чуть испуганно.

В комнате по-прежнему булькало.

Паккер опасливо прошел дальше и сразу же увидел, в чем дело.

Мусорная корзина у стола была до краев заполнена какой-то булькающей желтой массой. В нескольких местах масса даже сползла по стенке корзины и растеклась лужицами по полу.

Готовый в случае чего повернуться и броситься наутек, Паккер медленно подошел ближе, но ничего не произошло. Желтая масса в корзине продолжала булькать, и только.

Это была густая, похоже, клейкая масса без пены, и хотя она булькала, ни пузырьков, ни бурления не было заметно.

Паккер подошел совсем близко и протянул к корзине руку. Никто его не схватил, да и вообще масса никак не отреагировала.

Он ткнул ее пальцем: на ощупь поверхность оказалась довольно плотной, чуть теплой, и у него вдруг возникла мысль, что это нечто живое.

Паккер тут же подумал о вымоченном бульоном конверте, который бросил перед отъездом в мусорную корзину. Он даже не удивился своей догадке: масса в корзине была такого же цвета, что и марка на конверте.

Обогнув стол, он положил туда почту и тяжело опустился в кресло.

«Выходит, марка ожила,— подумал Паккер,— и это очень странно...» Впрочем, чего уж там. На самом деле она не страннее некоторых марок, что ему доводилось видеть раньше. Хотя Земля и передала Галактике идею их использования, многие

развили ее гораздо дальше — порой с очень необычными результатами.

«А мне теперь,— подумал он вяло,— придется выносить эту дрянь в корзине. Не хватало еще, чтобы Ланг увидел...»

Его немного беспокоило то, что Ланг требовал привести квартиру в порядок, и в какой-то степени задевало: он заплатил за нее немалые деньги, причем заплатил вперед, и никогда никому не мешал. А кроме того, он живет здесь уже двадцать лет, и с этим Лангу тоже придется считаться.

Потом он наконец встал, обошел стол сбоку и наклонился. Осторожно, чтобы не вляпаться, где желтая масса перетекла через край, взялся за корзину и попытался ее поднять. Не тут-то было. Он тянул изо всех сил, но корзина оставалась на месте. Паккер выпрямился и двинул ее ногой — она даже не шелохнулась.

Он шагнул назад и уставился на корзину, сердито отдуваясь сквозь усы. Как будто ему и без того забот мало! Надо разбирать все эти завалы и избавляться от мышей. Надо искать конверт из системы Полярной звезды. Кроме того, куда-то подевался пинцет, и придется идти покупать новый, а значит, опять тратить время.

Но прежде всего нужно будет убрать отсюда корзину. Очевидно, она просто прилипла: эта желтая дрянь затекла под дно и засохла. Нужно будет взять ломик или еще что-нибудь длинное, поддеть и отодрать от пола.

Желтая масса в корзине по-прежнему весело булькала.

Паккер вновь надел шляпу, вышел на лестницу и запер за собой дверь.

Стоял чудный летний день, и он решил немного прогуляться, а заодно подумать о своих бесчисленных проблемах. Однако о чем бы Паккер ни думал, мысли его возвращались к корзине с ползущим через край желтым киселем, и он понимал, что не сможет заниматься ничем другим, пока от нее не избавится.

Отыскав магазин, где продавали скобяные изделия, Паккер купил средних размеров ломик и направился к дому. Возможно, он поцарапает немного пол, но зато уж точно отдерет приклеившуюся корзину.

В холле первого этажа на него снова напустился Ланг.

— Мистер Паккер,— спросил он строго,— куда это вы направляетесь с таким ломом?

— Я его купил специально, чтобы вывести мышей.

— Но, мистер Паккер...

— Вы ведь хотите, чтобы я от них избавился?

— Да, разумеется.

— Ситуация складывается критическая, и от меня могут потребоваться решительные действия,— сурово произнес Паккер.

— Но... лом!

— Не беспокойтесь, я буду осторожен и не стану бить слишком сильно,— пообещал Паккер.

Он поднялся на лифте к себе. Написанная на лице Ланга растерянность немного улучшила ему настроение, и, двигаясь по коридору, Паккер даже насвистывал какую-то мелодию.

Однако, ковыряясь ключом в замке, он услышал за дверью шорох и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок: шорох казался таинственным и зловещим.

«Боже,— подумал он,— там не может быть столько мышей».

Сжав ломик покрепче, Паккер отпер замок и распахнул дверь.

В квартире бушевал бумажный шторм.

Паккер быстро шагнул через порог и захлопнул за собой дверь, чтобы ни одна бумажка не улетела на лестницу.

«Должно быть, оставил окно открытым»,— мелькнула мысль. Но нет, не оставлял. Да и на улице — ни ветерка.

А тут... тут не то что ветерок — самый настоящий шторм.

Паккер стоял, прислонившись спиной к двери, и испуганно наблюдал за происходящим в квартире, затем перехватил ломик понадежнее.

Ливень конвертов, шквал пакетов, снегопад танцующих в воздухе марок... На полу тут и там стояли раскрытые коробки, куда, укладываясь аккуратными рядами, сыпались пакеты, марки и конверты, а вдоль стены стояли ровными штабелями другие коробки, что само по себе уже вызывало беспокойство: меньше двух часов назад, когда он уходил, в квартире не было абсолютно ничего ровного и аккуратного.

Однако прямо на глазах шторм стихал. В воздухе кружилось уже меньше бумаг, коробки закрывались, словно невидимой рукой, и, взлетая сами по себе, укладывались вместе с другими у стены.

«Полтергейст!» — в ужасе подумал Паккер, лихорадочно припоминая, что он читал или слышал об этом явлении, и пытаясь отыскать хоть какое-то объяснение.

Но тут все закончилось.

По воздуху уже ничего не летало. Коробки стояли ровными штабелями у стены. Все замерло.

Паккер шагнул в комнату и ошарашенно обвел взглядом свое жилище.

Письменный и обеденный стол сияли полировкой. На окнах висели желтые ровные шторы. Ковер выглядел как новый. Кресла, журнальные столики, лампы и множество других вещей, давно похороненных под грудами филателистического материала и забытых, вновь стояли на своих местах — вычищенные и отполированные до блеска.

А в центре всего этого упорядоченного благообразия весело булькала мусорная корзина.

Паккер выронил ломик и двинулся к столу.

Окно перед ним распахнулось. Ломик просвистел у него над головой, вылетел на улицу и с треском продрался сквозь крону ближайшего дерева, затем окно захлопнулось, и Паккер потерял ломик из виду.

Он снял шляпу и швырнул ее на стол.

Шляпа немедленно поднялась в воздух и поплыла к шкафу в прихожей. Дверцы шкафа распахнулись, шляпа скользнула внутрь, и дверцы мягко закрылись.

Паккер в задумчивости надул щеки и выпустил воздух сквозь усы. Затем достал платок и промокнул лоб.

— Странные творятся дела,— пробормотал он себе под нос.

Медленно, настороженно Паккер принялся осматривать квартиру. Все коробки стояли вдоль одной из стен — от пола до потолка по три в ряд. У противоположной стены стояли три картотечных шкафа, и Паккер удивленно потер глаза: за долгие годы он успел про один забыть и думал, что у него их только два. А вся квартира была аккуратно прибрана, вычищена и только что не светилась.

Паккер переходил из комнаты в комнату — везде царил полный порядок.

Сковородки и кастрюли на кухне стояли на своих местах, в буфете высились аккуратные стопки тарелок. Плита и холодильник сияли чистотой, и даже в раковине не оказалось ни

одной грязной тарелки, а Паккер не сомневался, что они должны быть. Кастрюлька миссис Фоше, уже без бульона и оттертая до блеска, стояла на кухонном столе.

Паккер вернулся к письменному столу и там, словно кто-то выложил все это для обозрения, обнаружил:

десять мертвых мышей;

восемь филателистических пинцетов;

стопку конвертов со странными желтыми марками;

два — не один, а сразу два — конверта с марками «Полярис-17б», на одном четыре марки, на другом — пять.

Паккер устало опустился в кресло и снова взглянул на стол.

Как же это могло случиться, черт побери? И что вообще происходит?

Он наклонился и посмотрел на корзину, стоявшую сбоку от стола. Ему даже показалось, что она булькала специально для него. Видимо, все дело в ней, решил Паккер, иначе просто и быть не может. Ничего другого в квартире не появилось, ничего нового — только эта мусорная корзина с желтой кашей.

Он взял со стола стопку конвертов с желтыми марками и открыл ящик стола, чтобы найти увеличительное стекло. В ящике тоже был полный порядок, а увеличительных стекол оказалось сразу пять штук. Паккер выбрал самое сильное.

При таком увеличении поверхность марки превратилась в равнину с ровно уложенными вплотную друг к другу маленькими шариками — вовсе не песчинки, как ему показалось раньше. Склонившись над увеличительным стеклом, Паккер вдруг понял, что это споры.

Крохотные безжизненные оболочки, способные тем не менее возродить жизнь — что в данном случае и произошло. Он пролил на марку бульон, споры ожили, и возникла эта странная колония микроорганизмов в корзине.

Паккер положил увеличительное стекло на место и встал, собрал дохлых мышей за хвостики, отнес к люку мусоросжигателя и выбросил.

Затем прошел к книжному шкафу: книги тоже были расставлены по тематике; нашлись даже те, что он давным-давно потерял и не мог отыскать долгие годы. Длинные ряды каталогов марок, подборка справочников по галактическим гашениям, огромный том по разновидностям почтовых отметок, путеводители по Галактике, целая полка словарей экзотических

языков — книги, совершенно необходимые для распознавания марок,— и множество изданий, посвященных тонкостям филателии.

От книжного шкафа он перешел к сложенным у стены коробкам. Взял одну из них и поставил на пол. Коробка оказалась заполненной конвертами и прозрачными пакетами с отдельными марками, блоками, марками в листах и полосах. С растущим чувством радостного удивления Паккер продолжал перебирать содержимое коробки.

Все марки и конверты в ней оказались из системы Тубана. Он закрыл коробку и собрался поставить ее на место, однако, не дожидаясь его, коробка сама поднялась над полом и установилась туда, откуда он ее взял.

Паккер проверил еще три, что стояли рядом. В одной коробке хранился материал с Корефороса, в другой — из системы Антареса, а в третьей — с Джуббы. Споры не только привели в порядок квартиру, но и рассортировали всю его коллекцию!

Он вернулся на дрожащих ногах к креслу и сел. Просто невероятно! Слишком невероятно!

Споры впитали бульон и ожили. И теперь у него в мусорной корзине поселилась неземная форма жизни — или колония различных форм жизни,— короче, существа с явным пристрастием к порядку, неудержимым стремлением работать и умением направить свое стремление в нужное русло.

Но самое главное — эта чертовщина в корзине делала именно то, что человеку нужно.

Корзина навела порядок в квартире, рассортировала марки и конверты, извела мышей и отыскала конверты из системы Полярной звезды вместе со всеми потерявшимися пинцетами.

Откуда эти существа узнали, что ему нужно? Может быть, они читают мысли?

От этой догадки по спине у него пробежали мурашки, но до его возвращения корзина и в самом деле ничего не делала, лишь весело побулькивала. Возможно, она не знала, что делать, а затем он вернулся, и каким-то образом ей передались его мысли. Да, пожалуй, так: едва он вернулся, корзина узнала, какую работу надо выполнять, и сделала ее.

Зазвенел звонок в прихожей, и Паккер пошел открывать. Оказалось, это Тони.

— Привет, дядюшка,— сказал он.— Ты забыл свою пижаму, и я решил забежать вернуть. Ты оставил ее на кровати.

Он протянул Паккеру небольшой сверток и только тут заметил, что произошло в квартире.

— Боже, дядюшка! Что случилось? Ты никак навел здесь порядок?

Паккер в смущении покачал головой.

— Да нет, Тони. Тут произошло нечто необъяснимое...

Племянник прошел в гостиную и остановился, восхищенно и несколько ошарашенно оглядывая комнату.

— Ты славно потрудился, дядюшка.

— Я палец о палец не ударил.

— А! Понятно. Нанял кого-то, чтобы здесь убрали, пока ты гостил у нас.

— Нет, что ты. Все случилось сегодня утром. И всю работу сделала вот эта штуковина.— Паккер указал на корзину.

— Да ты, видимо, рехнулся, дядюшка,— без тени сомнения заявил Тони.— Совсем крыша поехала.

Тони настороженно обошел вокруг корзины, затем протянул руку и ткнул пальцем в желтую булькающую массу.

— Похоже на тесто,— сообщил он, выпрямился и посмотрел Паккеру в глаза: — А ты меня не разыгрываешь?

— Я понятия не имею, что это такое,— ответил Паккер,— и не знаю, как и зачем оно навело у меня порядок, но клянусь, все это — чистая правда.

— А знаешь, дядюшка,— задумчиво сказал Тони,— тут, кажется, что-то есть...

— Не сомневаюсь.

— Нет, я серьезно. Не исключено, что это величайшее открытие за всю историю человечества... Так, значит, ты говоришь, эта чертовщина делает то, что тебе нужно?

— В общем, да,— сказал Паккер.— Только я не понимаю — как. У нее определенно есть ощущение порядка, и она делает ту работу, которую тебе нужно. Она словно понимает тебя — даже предвидит твои желания. Может быть, на самом деле это мозг с огромным пси-потенциалом. Видишь ли, я тут перед отъездом разглядывал один конверт с желтой маркой...

И он рассказал ему все, что с ним произошло.

Тони задумчиво слушал, теребя себя за подбородок.

— Так, ладно, дядюшка,— произнес он наконец,— все ясно. Мы не знаем, что это такое и как оно действует, но давай пораскинем мозгами. Представь себе ведерко этой вот чертовщины в какой-нибудь конторе — в большой, серьезной конторе. Они смогут добиться такой эффективности, какая им и не снилась. Эта штуковина будет сортировать и хранить бумаги, регистрировать документацию и вообще поддерживать полный порядок в делах. У них никогда ничего не потеряется! Все будет лежать на своих местах, а найти нужный документ можно будет в считанные секунды. Скажем, босс или еще кто хочет посмотреть какое-нибудь досье: хлоп! — и оно уже на столе. Да с такой штуковиной можно вообще уволить всех клерков! Или, например, библиотека: она может работать даже без библиотекарей, и еще как! Но больше всего пользы эта чертовщина принесет в крупных конторах — в страховых фирмах, в промышленных корпорациях или транспортных компаниях. Тут ей просто цены нет.

Паккер немного растерянно покачал головой.

— Может быть, Тони, может быть, но кто тебе поверит? Кто обратит внимание? Это слишком фантастичный план. Ты просто станешь посмешищем.

— Ну, это все ты оставь мне,— сказал Тони.— Я знаю, что надо делать, и тебе без меня не обойтись.

— Ага! Значит, мы уже деловые партнеры.

— У меня есть друг...— Послушать его, так у Тони везде друзья.— Он разрешит мне провести проверку. Мы поставим ведерко с этой штуковиной у него в конторе и посмотрим, что получится.— Он огляделся, уже готовый действовать.— У тебя есть ведро?

— На кухне должно быть.

— А мясной бульон? Ты ведь облил марку мясным бульоном?

Паккер кивнул.

— Кажется, есть банка консервированного.

Тони почесал в голове.

— Значит, так, дядюшка, прежде всего нам нужен стабильный источник поставок.

— У меня осталось еще несколько таких конвертов. Все — с марками. Мы можем использовать один из них.

Тони нетерпеливо отмахнулся.

— Нет, так не пойдет. Эти конверты — наш резервный фонд. Их нужно спрятать куда-нибудь в сейф — на крайний случай. Но сдается мне, мы сможем вырастить не одно ведро этой штуковины из того, что у нас уже есть. Отчерпнем немного, подкормим бульоном и...

— Но откуда ты знаешь?..

— А тебе не кажется странным, дядюшка, что спор на марке и бульона, который ты пролил, оказалось ровно столько, чтобы заполнить желтой массой одну мусорную корзину до краев?

— Да, в общем-то, но...

— По-моему, эта чертовщина разумна. Или, во всяком случае, она знает, что делает. Так сказать, сама себе устанавливает правила. Ты ей дал корзину, и она живет в ней, никуда не выползает. Разрослась как раз до краев и немного вытекла, но лишь для того, чтобы приклеить корзину к полу. И все. Она не прет через край, не заполняет комнату — короче, знает свое место.

— Может быть, ты и прав, но это не объясняет...

— Подожди секунду, дядюшка. Вот смотри.

Тони сунул руку в корзину и вырвал кусок желтой массы.

— Теперь следи за корзиной.

Прямо у них на глазах споры расползлись и заполнили пустое пространство. Спустя несколько минут корзина снова была полна до краев.

— Видишь, что я имею в виду? — сказал Тони.— Дашь ей больше места — она вырастет. Нужно только кормить. А уж место мы ей дадим — много-много ведер,— и пусть растет сколько душе угодно...

— Черт, дашь ты мне сказать, наконец?! Я тебя хочу спросить: что мы будем делать, чтобы она не приклеивалась к полу? Ну, разведем мы еще ведро этой чертовщины или несколько ведер, а они возьмут и приклеятся тут к полу, как первое.

— Очень хорошо, что ты об этом подумал. Но я знаю, что надо делать: мы просто подвесим ведро за ручку. Подвесим, и ей не к чему будет приклеиваться.

— Хм-м... Ладно. Похоже, мы все предусмотрели. Пойду разогрею бульон.

Они разогрели бульон, нашли ведро и подвесили его на рукоятку швабры, уложенной на спинки двух стульев. Затем бросили туда кусок желтой массы, вырванной из мусорной корзи-

ны, и приготовились наблюдать. Однако масса лежала куском и, похоже, совсем не собиралась расти.

— Выходит, я был прав,— заявил Тони.— Чтобы она начала расти, ей нужно немного бульона.

Он плеснул в ведро бульон, но спустя несколько секунд масса растаяла, расползлась и превратилась в тягучую черную жижу.

— Что-то здесь не так,— обеспокоенно сказал Тони.

— Да уж,— согласился Паккер.

— Знаешь, у меня есть идея, дядюшка. Очевидно, ты в первый раз облил марку другим бульоном. У разных фирм, что производят консервы, наверняка и разная рецептура. Дело, скорее всего, не в самом бульоне, а каком-то ингредиенте, который побуждает споры к росту. Похоже, у нас не тот бульон.

Паккер смущенно шаркнул ногой.

— Тони, я не помню, какой был бульон.

— Но ты должен вспомнить! — закричал Тони.— Думай! Ты должен вспомнить, что это была за фирма!

С несчастным видом Паккер шумно выдохнул через усы и признался:

— По правде говоря, Тони, я его не покупал. Этот бульон приготовила миссис Фоше.

— Вот, уже кое-что! Кто такая миссис Фоше?

— Любопытная старуха, что живет на этой же лестничной площадке.

— Отлично! Тебе надо лишь попросить, чтобы она приготовила еще немного.

— Я не могу, Тони.

— Но нам нужна всего одна порция. Мы отдадим бульон на анализ, чтобы узнать состав, и дело сделано?

— Она захочет узнать, зачем мне бульон. И всем расскажет, как я ее попросил. Возможно, она даже догадается, что здесь дело нечисто.

— Вот этого допустить нельзя,— озабоченно произнес Тони.— Все должно остаться между нами. Зачем нам делиться с кем-то еще?

Он сел и задумался.

— А кроме того, она, наверно, на меня злится,— добавил Паккер.— Перед моим отъездом она таки пробралась в кварти-

ру и до смерти перепугалась, когда увидела мышь. После чего понеслась к управляющему жаловаться.

Тони щелкнул пальцами.

— Придумал! — воскликнул он.— Я знаю, как мы это обтяпаем. Ты иди и ложись в постель, а...

— Еще чего! — проворчал Паккер.

— Послушай, дядюшка, другого выхода нет. Тебе придется мне подыграть.

— Что-то мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Иди ложись в постель и притворяйся больным. Сделай вид, что тебе плохо. А я отправлюсь к этой миссис Фоше и распишу ей, как ты переживаешь из-за того, что ее напугала мышь. Скажу, что ты, мол, весь день вкалывал и приводил квартиру в порядок, только чтобы это не повторилось. Скажу, ты так, мол, работал, что...

— Ни в коем случае,— взвизгнул Паккер.— Она же сюда пулей прилетит! Очень мне это нужно!

— А парочку миллиардов тебе не нужно, а? — сердито спросил Тони.

— Да не особенно,— ответил Паккер.— Душа как-то не лежит.

— Ладно, я скажу ей, что ты совсем не встаешь — сердце, мол, слабое,— но ты очень просил приготовить тебе еще такого же бульона.

— Я запрещаю тебе говорить это! — не выдержал Паккер.— Не смей ее приплетать!

— Но, дядюшка,— попытался уговорить его Тони,— если ты не хочешь сделать это ради себя, подумай обо мне. Я у тебя один родственник на всем свете остался. И это первый случай, когда мне выпала возможность действительно разбогатеть. Может быть, я много хвастаюсь и делаю вид, что процветаю, но на самом деле...— Он понял, что это не довод, и сменил тактику: — Ну хорошо, если не ради меня, то сделай это хотя бы ради Энн, ради ребятишек. Тебе же не хочется, чтобы маленьким бедняжкам пришлось...

— Ладно, заткнись, а то ты еще расплачешься сейчас,— сказал Паккер.— Черт с тобой, я согласен.

Вышло еще хуже, чем он предполагал. Знал бы он заранее, что так получится,— в жизни бы не согласился на такую авантюру.

Вдова Фоше сама принесла кастрюльку с бульоном. Затем села на край кровати, приподняла ему голову и, сюсюкая, принялась кормить его с ложки.

Он чуть не провалился от стыда.

Но то, что им было нужно, они все-таки получили.

Когда вдова Фоше решила, что ему уже достаточно, в кастрюльке осталось еще примерно столько же, и она оставила бульон им. «Бедняжке он еще пригодится»,— сказала она.

Время приближалось к трем, и с минуты на минуту должна была явиться вдова Фоше с бульоном.

При мысли о бульоне у Паккера сдавило горло.

«В один прекрасный день,— пообещал он себе,— я разобью Тони башку». Если бы не этот проныра, ничего бы и не началось.

Прошло уже полгода, и каждый божий день она приносила свой бульон, садилась рядом и начинала без умолку трещать, а он тем временем должен был через силу вливать в себя целую тарелку. И хуже всего то, что приходилось делать вид, будто бульон ему нравится.

А она-то как радовалась! Боже, ну откуда в ней столько веселости и энергии? Toujours gai*, припомнилось ему французское выражение. Как тот ненормальный кот, которого древний писатель описал в своих глупых стишках**.

«И надо же до этого додуматься! Чеснок в говяжьем бульоне! Ну кто о таком слышал?» — беспомощно сокрушался Паккер. Ведь это просто... варварство! Особый рецепт, называется... Однако именно чеснок подействовал на споры, именно эта питательная среда пробудила их к жизни и заставила расти.

А возможно, чеснок в бульоне пошел на пользу и ему самому, признавал Паккер. Уже долгие годы он не чувствовал себя так славно. В походке появилась упругость, да и уставать он стал гораздо меньше. Раньше его всегда клонило после полудня в сон, и он ложился вздремнуть, а теперь об этом и не вспоминал. Работал как обычно, нет, даже больше обычного, и — если не принимать в расчет вдову с бульоном — считал себя

---

* Toujours gai *(фр.)* — всегда веселый.

** Имеется в виду книга детского писателя Доктора Сюсса «Кот в шляпе».

очень счастливым человеком. Да, именно так — очень счастливым.

И если Тони не станет отрывать его от марок, ему этого счастья надолго хватит. Тони молодой, шустрый, вот пусть и тащит на себе корпорацию «Эффективность». В конце концов, он сам на этом настаивал. Хотя, надо признать, дела у него идут отлично: множество промышленных предприятий, страховых компаний, банковских контор и прочих организаций уже сделали заказы. Пройдет какое-то время, утверждал Тони, и ни одному деловому человеку даже в голову не придет, что можно обойтись без услуг корпорации «Эффективность».

Прозвенел звонок, и Паккер пошел открывать. Наверняка вдова Фоше со своей кастрюлькой.

Оказалось, нет.

— Мистер Клайд Паккер? — спросил человек, стоявший на лестничной площадке.

— Да, сэр,— ответил Паккер.— Проходите, пожалуйста.

— Меня зовут Джон Гриффин,— сказал гость, сев в предложенное кресло.— Я представляю Женеву.

— Женеву? Вы имеете в виду правительство?

Гриффин предъявил свои документы.

— Хорошо. Чем могу быть полезен? — спросил Паккер несколько прохладным тоном, поскольку большой любви к правительству не испытывал.

— Насколько я понимаю, вы являетесь старшим партнером в корпорации «Эффективность», верно?

— Кажется, так оно и есть.

— Вы не уверены?!

— Не на все сто. Я, безусловно, партнер, а вот старший или еще как, утверждать не стану. Всеми делами заправляет Тони, и я в них не вмешиваюсь.

— Вы и ваш племянник — единственные владельцы фирмы?

— Вот это абсолютно точно. Мы никого не хотим брать в долю.

— Мистер Паккер, в течение определенного времени правительственные службы вели переговоры с мистером Кампером... Он ничего вам об этом не рассказывал?

— Ни слова. Я занят своими марками, и он старается меня не беспокоить.

— Мы заинтересованы в ваших услугах,— сказал Гриффин,— и пытались их купить.

— Пожалуйста. Платите деньги и...

— Но вы не знаете сути проблемы. Мистер Кампер настаивает на отдельных контрактах для каждого подразделения правительственных служб. Получается чудовищная сумма...

— Она того стоит,— заверил гостя Паккер.— Можете не сомневаться.

— Но это несправедливо,— твердо сказал Гриффин.— Мы готовы заключить соглашения по каждому департаменту, хотя и это — уступка с нашей стороны, поскольку правительство положено бы рассматривать как одного заказчика.

— Послушайте,— не выдержал Паккер.— Зачем вы со мной об этом говорите? Я не занимаюсь делами корпорации. Этими вопросами ведает Тони. Вам придется вести переговоры с ним. Я лично в мальчишку верю: у него голова варит. А меня «Эффективность» мало интересует — только марки.

— Вот именно,— обрадованно произнес Гриффин.— Я об этом и хотел поговорить.

— В смысле?

— Дело в том,— Гриффин перешел на доверительную интонацию,— что наше правительство получает ежедневно вместе с почтой множество марок. Не помню точную цифру, но это несколько тонн филателистического материала в день со всех планет Галактики. В прошлом мы реализовывали их через несколько филателистических компаний, но теперь администрация склоняется к тому, чтобы предложить весь филателистический материал оптом — и весьма недорого — в качестве условия заключения сделки.

— Отлично. Но что я буду делать с марками, если они будут поступать по нескольку тонн в день?

— Не знаю. Но ведь вы так интересуетесь марками, а это великолепная возможность первому покопаться в превосходном материале. Думаю, что вам вряд ли кто предложит такой богатый источник.

— И вы хотите уступить все это мне, если я уговорю Тони пойти вам на уступки?

Гриффин расплылся в счастливой улыбке.

— Вы прекрасно меня понимаете.

Паккер хмыкнул.

— Понимаете?! Да я вас насквозь вижу!

— О, я бы не хотел, чтобы у вас создалось неверное представление о правительстве. Это деловое предложение, чисто деловое.

— Надо полагать, за эти горы бумаги, от которых я вас избавлю, вы рассчитываете получить лишь небольшую номинальную плату?

— Чисто условную,— заверил его Гриффин.

— Хорошо. Я подумаю и сообщу вам свое решение. Но сейчас, разумеется, ничего обещать не буду.

— Конечно, мистер Паккер. Я не стану вас торопить.

Когда Гриффин ушел, Паккер задумался о его предложении, и чем больше он думал, тем привлекательнее оно ему казалось.

Можно будет арендовать большое складское помещение, установить там «Корзину эффективности» и просто сваливать туда все новые поступления — «Корзина» рассортирует их сама.

У него не было уверенности, что одна корзина справится с подробной классификацией — разве что разберет материал по планетарным группам,— но если так, он просто установит еще одну, и уж с двумя-то корзинами он сможет добиться любой точности. А после того как они отберут для него наиболее ценные экземпляры, он передаст весь хлам специально созданной торговой организации — продавать по таким ценам, что все остальные дельцы от филателии просто вылетят в трубу.

Паккер удовлетворенно потер руки, представляя, как он «разденет» всех этих жуликов. Сами они такое вытворяют, что им только поделом будет.

Радужные перспективы омрачала только одна маленькая деталь. Конечно, предложение Гриффина — это почти то же самое, что взятка, хотя чего еще ожидать от правительства? В администрации полно взяточников, вымогателей, лоббистов, «борцов за особые интересы» и прочих жуликов. Возможно, никто ничего и не подумает, если он согласится на сделку с марками — кроме оптовых торговцев, разумеется, но они-то уж никак не могут помешать: им останется только сесть на задние лапы и выть на луну.

Однако имеет ли он право вмешиваться в дела Тони? Ему, конечно, несложно будет упомянуть об этом при случае, и Тони скажет «да». Но вот стоит ли?

Паккер мучился, не находя ответа и даже не приближаясь к нему, пока в дверь снова не позвонили.

На этот раз пришла вдова Фоше, но с пустыми руками. Без бульона.

— Добрый день,— сказал Паккер.— Сегодня вы несколько позже.

— Я было уже собралась, но увидела, что у вас посетитель. Он уже ушел?

— Да, не очень давно.

Она шагнула через порог, и Паккер закрыл за ней дверь.

— Мистер Паккер,— сказала вдова Фоше, когда они прошли в гостиную,— я должна извиниться: сегодня без бульона. По правде говоря, мне немного надоело варить его каждый день.

— В таком случае,— галантно произнес Паккер,— угощение сегодня за мной.

Он открыл ящик стола и достал новую коробочку с листьями, присланную ПугАльНашем всего днем раньше. Почти благоговейно Паккер открыл крышку и протянул коробочку вдове Фоше. Та невольно шагнула назад.

— Попробуйте,— предложил Паккер.— Возьмите щепотку. Только не глотайте, а жуйте.

Вдова осторожно отщипнула пальцами кусочек высушенного листка.

— Это слишком много,— предостерег ее Паккер,— нужно совсем чуть-чуть. Да и достать их нелегко.

Она сунула щепотку зелени в рот. Паккер, улыбаясь, следил за выражением ее лица. Поначалу вдова выглядела так, словно он предложил ей яд, но вскоре откинулась на спинку кресла и успокоилась — видимо, решила, что смертельная опасность ей не угрожает.

— У меня такое впечатление,— произнесла она,— что я за всю свою жизнь ничего похожего не пробовала.

— Наверняка не пробовали. Возможно, кроме меня самого вы — единственный человек на Земле, кто попробовал это лакомство. Я получаю его от своего друга, который живет на планете у очень далекой звезды. Его зовут ПугАльНаш. Он регулярно присылает мне бандероли с этими листьями и всегда прикладывает небольшие записки.

Паккер поискал в ящике и нашел последнюю.

— Вот послушайте,— сказал он и прочел записку вслух:

«Дараго друг: я в агромный щастье твой последний пасылка с табак. Пжалста еще тот самый. Ты незнать что я прарочиский и сматреть вперед тебе. Но так как это есть и я агромный радасть сделат такой задача для друг. Я заверить ты это все к лучший. Может быт ты скора богатеть много.

Твой добрый друг

ПугАльНаш».

Паккер бросил записку на стол.

— И что вы об этом думаете? — спросил он.— Особенно о том, что он пророк и видит мое будущее?

— Наверно, ничего страшного. Он же утверждает, что вы скоро разбогатеете.

— А по-моему, это очень напоминает цыганские предсказания, мне поначалу даже как-то не по себе стало.

— Почему же?

— Потому что я не хочу знать, что со мной случится. А он как-нибудь возьмет и напишет. Если бы человек мог видеть будущее, он бы знал, например, когда умрет, и как, и прочие...

— Мистер Паккер,— перебила вдова,— я думаю, вам еще рано об этом беспокоиться. Готова поклясться, вы с каждым днем выглядите все моложе и моложе.

Паккер зарделся от удовольствия.

— Вообще-то говоря, я и чувствую себя гораздо лучше. Давно уже такого не было.

— Может быть, это листья так действуют?

— Нет, я думаю — дело здесь, скорее, в вашем бульоне.

Короче, время за беседой протекло легко и приятно — более приятно, признал Паккер, чем можно было ожидать, но когда вдова Фоше ушла, в мыслях вдруг всплыл вопрос, от которого ему стало даже как-то не по себе: с чего это он так расщедрился и предложил ей — ей! — попробовать листья?

Паккер спрятал коробочку в ящик стола и снова взял в руки письмо ПугАльНаша, разгладил и прочитал.

Ошибки невольно заставили его улыбнуться, но улыбка быстро погасла. Как бы там ни было, ПугАльНаш все же его опередил, освоил — пусть даже и так — земной язык, тогда как самому Паккеру язык Пуга оказался не по силам.

«Я прарочиский и сматреть вперед тебе».

С ума можно сойти! Хотя не исключено, что это просто шутка — или нечто такое, что на планете Пуга заменяет шутки.

Паккер отложил письмо в сторону. Смутное беспокойство, вызванное всеми накопившимися проблемами, необходимостью что-то решать, не давало сидеть на месте. Расхаживая по квартире, он продолжал думать.

Как ответить на предложение Гриффина?

Почему он угостил листьями вдову Фоше? Что кроется за этой фразой в письме Пуга?

Он подошел к книжному шкафу, провел пальцем по широким корешкам «Галактического обзора» и, выбрав нужный том, отнес тяжелую книгу на стол.

Долго искал и наконец отыскал звезду Унук-аль-Хэй. Пуг, он помнил, жил на десятой планете системы.

Наморщив лоб, Паккер принялся расшифровывать сжатые фразы и дикие, порой загадочные сокращения. Неудобно, конечно, но смысл здесь тоже есть: в Галактике слишком много планет, которые необходимо включить, и даже в таком виде справочник занимал несколько толстенных томов, а уж с полным текстом и подробными описаниями он стал бы просто неподъемным.

Х — м. изуч. пл., раз. обит., непр. д. л. (Т-67), торг. поср. (Т-102), леч. тр., лег. прор., тр. яз...

Секундочку!

Лег. прор.

Может быть, это «легенда о пророчестве»?

Он снова перечитал абзац, переводя текст на привычный язык:

«Х — мало изученная планета, разумные обитатели, непригодна для людей (см. таблицу 67), торговля через посредников (см. таблицу 102), лечебные травы, легенда о пророчестве или "легализованное пророчество"? трудный язык...»

«Насчет языка — это точно»,— подумал Паккер. За долгие годы он научился разбираться во многих галактических языках — во всяком случае, для его целей этих знаний хватало,— но язык Пуга так и остался для него полной загадкой.

Лег. прор.?

Ни в чем нельзя быть уверенным, но кто знает, может, это и правда...

Он захлопнул справочник и отнес книгу на место.

«Значит, смотришь в будущее? Почему бы это? Для чего? — подумал он, мысленно обращаясь к своему другу, и, ухмыльнувшись, добавил: — Ох и дождешься ты у меня, сверну я тебе твою длинную, тощую шею, чтоб не лез, куда не просили».

Последнее, разумеется, в шутку: слишком уж далеко ПугАльНаш жил, да и неизвестно еще, какая у него шея, если она вообще есть.

Когда пришло время укладываться на ночь, Паккер переоделся в ярко-красную с желтыми попугаями пижаму и сел на краю кровати, шевеля пальцами ног.

«Ничего себе денек выдался»,— подумал он.

Нужно будет поговорить с Тони насчет сделки, предложенной правительством. Может быть, даже настоять на своем мнении — несмотря на то что при этом несколько упадут доходы корпорации «Эффективность». Зачем же отказываться от того, что хочется, если оно само идет в руки? Тони еще, того и гляди, обдерет его как липку. Пора бы уже, но, видимо, он пока слишком занят делами, чтобы всерьез планировать, как обжулить своего компаньона. Хотя это и странно: нечестный доллар всегда радовал его гораздо больше, чем законный.

Паккер вспомнил, как сказал Гриффину, что верит в Тони. Что ж, похоже, он сказал правду. Верит и даже гордится. Спору нет, Тони еще тот тип... Подумав об этом, Паккер самодовольно улыбнулся: «Ну прямо как я в молодости».

Вспомнить хотя бы ту тройную сделку с поддельной старинной мебелью в английском стиле, с картинами с Антареса и местной разновидностью самогона из системы Крысы! Боже, как он их всех тогда обобрал!

Зазвонил телефон, и Паккер двинулся в гостиную, шлепая босыми ногами по полу.

Телефон продолжал трезвонить.

— Иду уже! — сердито крикнул Паккер.— Иду!

Он подошел к телефону и снял трубку.

— Это Пикеринг,— сказал голос в трубке.

— Пикеринг... О да. Рад вас слышать.

— Мы договаривались насчет конверта из системы Полярной звезды.

— Да, Пикеринг, я вас помню.

— Вы случайно не отыскали тот конверт?

— Отыскал, но, извините, там полоска только из четырех марок. Я говорил тогда о пяти, но, сами понимаете, память. Годы идут, и...

— Мистер Паккер, вы согласны продать этот конверт?

— Продать? Да, ведь я обещал. Дал слово, сами понимаете... Хотя теперь об этом жалею.

— Он в хорошем состоянии?

— Мистер Пикеринг, учитывая, что это единственный конверт...

— Могу я подъехать в ближайшее время взглянуть на него?

— Пожалуйста. Когда вам угодно.

— Вы подержите его для меня?

— Разумеется,— согласился Паккер.— В конце концов, никто, кроме вас, и не знает еще, что у меня есть этот конверт.

— А цена?

— М-м-м... Я говорил о четверти миллиона, но речь тогда шла о полоске из пяти марок. Поскольку их только четыре, можно несколько снизить цену. Я же не вымогатель, и со мной всегда можно договориться.

— Да уж,— сказал Пикеринг с ноткой обиды в голосе.

После того как они распрощались, Паккер долго сидел в кресле, положив ноги на стол, шевелил пальцами и удивленно разглядывал их, словно никогда раньше не видел.

Сначала он продаст Пикерингу конверт с полоской из четырех марок за двести тысяч. А затем пустит слух, что существует конверт с полоской из пяти. Пикеринг, когда узнает, будет вне себя. Конечно, он испугается, что кто-нибудь его опередит и купит конверт с пятью марками, тогда как у него есть только четыре. Такого позора коллекционер вроде Пикеринга просто не вынесет.

Паккер усмехнулся и произнес вслух:

— Клюнул.

За конверт с пятью марками он, возможно, выручит сразу полмиллиона. И Пикеринг никуда не денется, выложит. Нужно будет только назначить цену повыше и позволить ему сбить ее до пятисот тысяч...

Часы на столе показывали десять — обычно он в девять уже лежал в постели.

Паккер пошевелил пальцами ног. Странное дело — не то что спать, но даже ложиться не хотелось. Он и разделся-то только по привычке.

Девять часов, надо же. В такую рань — и ложиться спать. Но ведь было время, когда он раньше полуночи об этом даже и не думал. А то, случалось, и вовсе не ложился, вспомнил Паккер, добродушно усмехаясь.

Однако в те годы ему было чем заняться, куда пойти, с кем встретиться. И елось тогда славно, и пилось в удовольствие... Не то что сейчас. Теперь и выпивку-то делают какую-то не ту, и повара хорошие перевелись. А что касается развлечений... Эх, да что там говорить. Друзья тоже — кого-то уже нет, с другими просто жизнь развела в стороны. Все ушли.

«Ничто не вечно»,— подумал Паккер.

Он сидел, шевелил пальцами ног и смотрел на часы. Непонятно почему, но его вдруг охватило странное будоражащее чувство.

Тишину квартиры нарушали только два звука — мягкое тиканье часов и неторопливое бульканье корзины со спорами.

Паккер наклонился над краем стола и взглянул на корзину: стоит как вкопанная — полная корзина небывальщины, пробудившейся вдруг к жизни.

Когда-нибудь, подумалось ему, кто-нибудь наверняка узнает, откуда взялись эти споры, с какой далекой планеты, в туманных далях у окраины Галактики. Может быть, даже сейчас нетрудно определить, где выпускаются марки,— если только он поделится с кем-нибудь своей информацией, если покажет кому-нибудь в правительстве эти конверты. Но и конверты, и информация стали теперь коммерческой тайной — слишком ценной, чтобы делиться ею с кем-то посторонним, а потому конверты заперты сейчас в надежном банковском сейфе.

Разумные споры — отличное средство для доставки почты. Наносишь немного этой желтой каши на конверт или бандероль, пишешь адрес — и готово! А когда письмо доставлено, споры покрываются оболочками и ждут, пока снова кому-нибудь не понадобятся.

Сегодня они работают на Земле, и, может быть, наступит день, когда они возьмут на себя заботу о порядке на всей планете: будут мыть улицы и собирать мусор — в конце концов они установят на Земле эру чистоты и порядка, какой еще не знала ни одна галактическая раса.

Паккер пошевелил пальцами и еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали почти половину одиннадцатого, но спать совсем не хотелось.

«А чего я сижу? — подумал Паккер.— Может быть, переодеться и пойти погулять, как говорится, при луне?» На небе действительно светила полная луна, он видел ее в окно. «Совсем сдурел»,— тут же сказал он себе, отдуваясь сквозь усы, однако снял ноги со стола и направился переодеваться.

По пути в спальню он невольно хмыкнул, представив себе, как обдерет этого беднягу Пикеринга...

Склонившись перед зеркалом, он пытался завязать галстук, и тут настойчиво зазвонили в дверь.

«Если это Пикеринг,— подумал Паккер,— я его спущу с лестницы. До утра не мог подождать...»

Оказалось, это не Пикеринг. На визитной карточке, которую протянул посетитель, значилось, что его зовут Фредерик Хазлитт и что он президент торговой корпорации.

— И чего же вы от меня хотите, мистер Хазлитт?

— Я хотел бы поговорить с вами,— ответил он, воровато оглядываясь.— Мы здесь одни?

— Одни, не беспокойтесь.

— Дело, которое привело меня к вам, носит довольно деликатный характер и очень меня тревожит. Я обратился именно к вам, а не к мистеру Камперу, потому что наслышан о ваших деловых качествах. Я чувствую, что вы сможете понять мои затруднения, тогда как мистер Кампер...

— Что ж, выкладывайте, что произошло,— добродушно предложил Паккер. У него вдруг возникло ощущение, что разговор доставит ему удовольствие. Гость был явно чем-то расстроен и очень напуган.

Хазлитт наклонился вперед, и голос его упал почти до шепота.

— Дело в том, мистер Паккер,— признался он с содроганием,— что я становлюсь честным.

— Это ужасно,— сказал Паккер сочувственно.

— Вот именно. Человек в моем положении — да и любой бизнесмен — просто не может быть честным. Могу сказать вам по секрету, мистер Паккер, что на прошлой неделе я потерял колоссальную сумму на одной из самых больших своих операций — и все потому, что стал честным.

— Но может быть, если вы сделаете над собой усилие, постараетесь, так сказать, от души, вам удастся хотя бы частично сохранить бесчестность?

Хазлитт удрученно покачал головой.

— Поверьте, сэр, я пытался, но ничего не выходит. Вы и не представляете, как я старался. Но несмотря ни на что, я теперь всем говорю правду. Мне никого не удается обмануть, даже заказчиков. А на днях дошло до того, что я сам срезал свои показатели чистого дохода до более реалистичных цифр.

— Какой кошмар! — воскликнул Паккер.

— И все это из-за вас! — взвизгнул Хазлитт.

— Из-за меня? — Паккер возмущенно запыхтел сквозь усы.— Поверьте, мистер Хазлитт, я просто не понимаю, откуда у вас могла появиться такая мысль. Я не имею к вашим проблемам никакого отношения.

— А эти ваши комплекты? «Эффективность»? Это они во всем виноваты!

— Мистер Хазлитт, продукция нашей компании тут совершенно ни при чем,— рассерженно заявил Паккер.— Комплекты «Эффективность» всего лишь...

Тут он умолк.

Боже правый, а ведь они и в самом деле могли...

Сам он уже много лет не чувствовал себя так хорошо, даже перестал спать днем, а теперь вот собрался посреди ночи идти гулять.

— Давно это началось? — спросил Паккер, борясь с накатывающим страхом.

— Месяц назад, по крайней мере,— ответил Хазлитт.— Думаю, первые признаки я заметил месяц назад, может быть, полтора.

— Почему вы просто не выкинули наш комплект?

— Выкинул! — взвизгнул Хазлитт.— Но толку никакого.

— Ничего тогда не понимаю. Если вы выкинули комплект «Эффективность», все должно было кончиться.

— Я тоже поначалу так думал, но ничего не вышло. Эта желтая чертовщина теперь везде. В трещинах пола, в воздухе; от нее невозможно избавиться.

Паккер сочувственно хмыкнул.

— Вы можете перебраться на новое место.

— А вы представляете, во сколько мне обойдется переезд, Паккер? И кроме того, это бесполезно. Споры уже у меня внутри! — Он постучал себя по груди.— Я чувствую, что они там — делают из меня честного, порядочного человека, у которого все разложено по полочкам, как в наших картотеках. А я не хочу быть порядочным, Паккер! Я хочу делать деньги! Много денег!

— Возможно, вас утешит, что то же самое происходит и с вашими конкурентами.

— Пусть даже и так,— возразил Хазлитт,— но будет уже неинтересно жить. Зачем, вы думаете, люди занимаются бизнесом? Только лишь для того, чтобы открыть новые возможности, считаться предпринимателями и делать деньги? Совсем нет — это азарт, игра: или ты оставишь конкурента без штанов, или потеряешь последнее...

— Аминь,— громко произнес Паккер.

Хазлитт бросил на него недоуменный взгляд.

— Вы что, тоже?

— Боже упаси,— самодовольно ответил Паккер.— Я каким был пройдохой, таким и остался.

Хазлитт устало откинулся на спинку кресла. Теперь его голос звучал резко, холодно:

— Я хотел было разоблачить вас, предупредить мир, но потом понял, что не могу...

— Разумеется, не можете,— отрезал Паккер.— Зачем же вам становиться посмешищем? Вы ведь из тех людей, кому даже мысль об этом кажется совершенно невыносимой.

— Что вы задумали, Паккер?

— Задумал?

— Вы распространили эту чертовщину по всему миру, и, видимо, вам с самого начала было ясно, что произойдет. Однако на вас споры вроде бы не повлияли. Что вы замыслили? Подмять под себя всю планету?

Паккер надул щеки и выпустил воздух через усы.

— Вообще-то я об этом не думал. Но идея интересная.— Он встал, выпрямился и добавил: — Пожалуй, я немного стар для этого, но несколько лет у меня все же осталось. Я еще в отличной форме. Давно уже так себя...

— Вы куда-то собирались,— сказал Хазлитт, поднимаясь.— Не смею вас задерживать.

— Благодарю вас, сэр. Я заметил, какая сегодня луна, и решил прогуляться. Может быть, вы ко мне присоединитесь?

— У меня есть дела поважнее, чем прогулки при луне, Паккер.

— Не сомневаюсь,— ответил Паккер, отвесив сдержанный поклон.— У такого честного, порядочного бизнесмена наверняка полно дел.

Уходя, Хазлитт громко хлопнул дверью.

Паккер вернулся в спальню и снова занялся галстуком.

Хазлитт — и вдруг честный человек! Подумать только. Сколько их еще стало честными к сегодняшнему вечеру? А сколько будет через год? Как скоро станет честной вся Земля? Если споры прячутся в трещинах и разносятся ветром и реками, то, возможно, очень скоро.

Наверно, именно поэтому Тони его еще не надул. Видимо, Тони тоже становится честным. «Жаль,— подумал Паккер без всякой иронии.— Если это случится — он уже не будет так интересен».

А что же станет с правительством? С правительством, которое само просит продать споры — можно сказать, просит сделать их честными, хотя на самом деле они еще ничего об этом не знают.

«Честное правительство! Вот это фокус,— подумал Паккер.— Впрочем, так им, паразитам, и надо! Вот у них у всех физиономии вытянутся!»

Он оставил наконец попытки завязать галстук, сел на кровать и несколько минут трясся от неудержимого раскатистого смеха. Затем стер выступившие слезы и все-таки справился с галстуком.

Завтра утром он первым делом свяжется с Гриффином и договорится о поставках марок. Нужно будет поторговаться, конечно, а под конец предложить чуть больше той суммы, на которой они сойдутся,— за долгосрочный контракт. Честное правительство будет слишком честным, чтобы пойти на по-

пятную, даже если, обретя это новое качество, они сообразят, как их нагрели. Честность, к счастью, подразумевает выполнение обязательств и в неудачной сделке, как бы ее ни заключали.

Паккер надел пиджак и прошел в гостиную. Остановился у стола, выдвинул ящик и открыл коробочку с листьями от ПугАльНаша. Затем взял щепотку, но не успел поднести ее ко рту и застыл, пораженный новой мыслью. Все фрагменты головоломки встали на свои места, и он неожиданно понял, хотя и не задавался еще таким вопросом, почему на всей Земле лишь ему одному удалось остаться нечестным.

«Я прарочиский и смотреть вперед тебе!»

Паккер сунул щепотку листьев в рот и почувствовал их успокаивающее действие.

«Противоядие»,— подумал он и тут же понял, что прав.

Но откуда ПугАльНаш знал? Как он предугадал длинную, запутанную вереницу случайных событий, что должны привести к этому вот мгновению?

Лег. прор.?

Паккер закрыл коробочку, задвинул ящик и направился к двери.

Единственный нечестный человек на всей Земле, это надо же! Человек с иммунитетом против порядочности, которую прививают желтые споры, с иммунитетом, что выработался в нем за долгие годы употребления этих листьев.

Он уже приготовил ловушку для Пикеринга, завтра займется правительством. И одному богу известно, на что он еще способен. Хазлитт говорил что-то насчет всей планеты... В общем-то, неплохая идея, хватило бы только времени.

Паккер усмехнулся, представив себе, как все честные простаки безропотно ждут своей очереди быть надутыми и ничего не могут поделать — жертвы одного-единственного нечестного человека на всей планете. Ну прямо волк среди овец!

Он расправил плечи и старательно натянул белые перчатки, взмахнул тростью, затем стукнул себя в грудь — лишь один раз — и вышел на лестничную площадку, даже не заперев за собой дверь.

Выходя в холле из лифта, Паккер увидел вдову Фоше. Она, видимо, возвращалась из гостей и, остановившись в дверях, прощалась с друзьями, которые провожали ее до дома.

Паккер по-стариковски учтиво снял шляпу, хотя ему казалось, что он уже давно забыл, как это делается.

Вдова Фоше с деланным удивлением всплеснула руками и воскликнула:

— Мистер Паккер, что с вами случилось? Куда это вы собрались в такое время, когда все порядочные люди спят?

— Минерва,— сказал он совершенно серьезным тоном,— я, знаете ли, собрался прогуляться и вот сейчас подумал, не составите ли вы мне компанию.

Она колебалась всего секунду — просто ради приличия изображая неуверенность и нерешительность.

Паккер шумно выдохнул через усы.

— А кроме того, с чего вы решили, что я порядочный человек? — спросил он и галантно предложил ей руку.

Кончилась первая неделя занятий. Джонсон Дин, инспектор милвиллской школы второй ступени, в пятницу под вечер, сидя за столом, наслаждался тишиной и сознанием исполненного долга.

Тишину нарушил мускулистый белокожий тренер Джерри Хиггинс. Он вломился в кабинет и тяжело плюхнулся в кресло.

— Ну, можете отменить состязание по регби в этом году,— со злостью проговорил он.— Прямо хоть уходи из ассоциации.

Дин отодвинул в сторону бумаги, с которыми работал, и откинулся в кресле. Луч заходящего солнца упал из окна на его пышную серебряную шевелюру и превратил ее в сверкающий ореол. Его белые, морщинистые, с голубыми прожилками руки старательно разглаживали поблекшую складку на поблекших брюках.

— Что случилось? — спросил он.

— Это все Кинг и Мартин, мистер Дин. Они не хотят выступать в этом сезоне.

Дин хмыкнул сочувствующе, но как-то неискренне, словно в глубине души он был с ними заодно.

— Давайте-ка разберемся,— сказал он.— Если память мне не изменяет, в прошлом сезоне эти двое были в числе сильнейших. Кинг был защитником, а Мартин — нападающим.

Хиггинс прямо зашелся от праведного гнева:

— Да слыханное ли это дело — чтобы нападающий сам решил бросить игру? И не просто какой-нибудь рядовой игрок, а один из лучших. На нем в прошлом году буквально все держалось.

— Вы, конечно, уже беседовали с ними?

— Да, я встал перед ними на колени,— ответил тренер.— Спросил, хотят ли они, чтобы меня уволили. Спросил, мо-

жет, они что затаили против меня. Сказал, что они подведут всю школу. Сказал, что без них у нас все равно нет команды. Они не смеялись надо мной, но...

— Они и не будут смеяться,— сказал Дин.— Эти мальчики — настоящие джентльмены. По правде говоря, все наше молодое поколение...

— Все до одного слюнтяи! — взвился тренер.

— Ну, кто как считает,— мягко возразил ему Дин.— В моей жизни бывали периоды, когда я тоже не был склонен придавать регби такое значение, которое, казалось бы, следовало.

— Это другое дело,— заметил тренер.— Когда человек становится взрослым, понятно, что игра интересует его уже меньше. Но ведь эти двое — мальчишки. Тут что-то не так. Они молодые, им бы просто землю рыть. У всех нормальных мальчишек должно быть сильно развито чувство соперничества. Но даже если этого нет, о выгоде подумали бы, что ли. Ведь всякий выдающийся регбист при поступлении в колледж...

— Нашим ребятам не нужны спортивные надбавки,— довольно резко прервал его Дин.— Они получают больше чем стипендию.

— Да если бы у нас было побольше игроков, разве бы мы так убивались по Кингу и Мартину? — застонал Хиггинс.— Пусть бы мы не всегда выигрывали. Но все же у нас была бы команда. А то, что у нас сейчас... Мистер Дин, поймите же, с каждым годом игроков у нас все меньше и меньше. Вот сейчас у меня нет...

— Так вы говорили о Кинге и Мартине. Вы убеждены, что они не передумают?

— Знаете, что они сказали? Что регби мешает их занятиям.

Хиггинс произнес эти слова таким тоном, что они прозвучали невесть какой крамолой.

— Стало быть, придется с этим примириться,— бодрым тоном произнес Дин.

— Но это ненормально! — запротестовал тренер.— Не существует таких мальчишек, которые больше думали бы о занятиях, чем о регби. Таких мальчишек, которые бы уткнулись в книжки...

— Такие мальчишки существуют,— ответил Дин.— Да их полным-полно и здесь, в Милвилле. Если не верите, можете взглянуть на их отметки за последние десять лет...

— Н-да, они ведут себя не как мальчишки, а как взрослые люди.— Тренер покачал головой в знак того, что это выше его понимания.— Стыд-позор! Ну, если еще хоть один из старичков сделает от ворот поворот, придется воспитывать новую команду.

— Так же как мы у себя в школе воспитываем юношей и девушек, которыми потом, может быть, будет гордиться Милвилл.

Тренер сердито встал.

— Нам не выиграть ни у кого,— предупредил он.— Даже у Багли.

— Вот уж из-за чего я не стану расстраиваться,— философски заметил Дин.

Он спокойно сидел за столом и слушал, как шаги тренера гулко отдаются в коридоре и замирают вдали.

Но вот Дин услышал характерный посвист и дребезжание автощетки, которая подметала лестницу. Интересно знать, куда запропастился Стаффи. Где-то шляется, конечно. Вооруженный всеми этими автощетками и автопротирателями, Стаффи был не слишком загружен уборкой. Впрочем, в свое время работы у него было по горло, он хлопотал с утра до ночи и прекрасно убирал помещения.

Если бы хватало рабочих рук, Стаффи уволили бы уже несколько лет назад. Но теперь не увольняли так легко, как раньше. Когда люди достигли звезд, на человеческую расу легло непосильное бремя. Стоит только начать увольнять людей, подумал Дин, как я и сам окажусь без работы.

Для него ничего не могло быть страшнее. Потому что милвиллская школа была его детищем. Он сделал ее своим детищем. Больше полувека он жил ради школы — сначала был молодым учителем-энтузиастом, потом директором, а последние пятнадцать лет инспектором.

Он отдал ей все. И она заменила ему все — жену, ребенка, семью. Она была и началом, и концом. Ему было приятно и то, что сегодня пятница, и то, что начался новый учебный год, и что Стаффи бродит где-то здесь, и что нет спортивной команды — точней, почти нет.

Он поднялся из-за стола и встал у окна. По газону шла студентка; видно, она где-то задержалась и теперь торопилась

домой. Дин подумал, что знает ее, хотя в сумерках плохо видел вдаль.

Он прищурился, почти уверенный, что перед ним Джуди Чарльсон. Когда-то давно он знавал ее деда и подумал, что у девушки походка Генри Чарльсона. Он хмыкнул, углубившись в воспоминания. Насколько ему помнится, на старину Чарльсона нельзя было особо полагаться в практических вопросах. В те времена он буквально бредил турбодвигателями для старта космических кораблей.

Дин прогнал прочь мысли о прошлых днях, стремясь стереть их из памяти. Предаешься воспоминаниям — значит, старость надвигается, значит, впадаешь в детство.

И все же старина Генри Чарльсон был единственный человек в Милвилле, который когда-либо имел хоть какое-то отношение к космическим кораблям. Конечно, кроме Леймонта Стайлса.

Дин едва заметно ухмыльнулся, вспомнив Леймонта Стайлса, его непреклонность и то, как через много лет он возвысился, к величайшему раздражению тех, кто самонадеянно предрекал, что он добром не кончит.

Конечно, теперь не осталось ни одной живой души, которая знает или знала когда-то, к чему же в конце концов пришел Леймонт Стайлс. Или к чему он приходит сейчас.

Может, в эту минуту Леймонт Стайлс шагает по улице некоего фантастического города на некой отдаленной планете, подумал Дин.

И если это действительно так и если он когда-нибудь снова вернется в родные места, кого привезет он с собой на этот раз?

Вернувшись домой в последний раз — а он и приезжал-то всего однажды,— он привез воспителл, и это было очень чудно.

Дин отвернулся от окна и опять пошел к письменному столу, сел, пододвинул к себе бумаги. Но работа не шла на ум. Такое случалось с ним нередко. Стоит только подумать о прежних временах, когда было много друзей и много интересных дел, как погружаешься в воспоминания настолько, что больше уже не можешь сосредоточиться.

Он услышал в холле знакомую поступь и отодвинул бумаги в сторону. По шаркающей походке он узнал Стаффи — видно, тот решил зайти, чтобы скоротать время.

Дин с удивлением отметил, что в глубине души он нетерпеливо ожидает предстоящую встречу. Кое-кому это могло показаться необычным, хотя на самом деле здесь не было ничего особенно странного. Не много оставалось таких, как Стаффи, тех, с кем Дин мог поговорить по душам.

Со стариками происходят чудеса, думал он. Годы ослабляют или рвут узы прежних дней. Старики умирают, или уходят со сцены, или их одолевают немощи. Или же старики замыкаются в себе, в своем внутреннем мире, где ищут покоя, которого больше не могут найти во внешнем мире.

Стаффи прошлепал к двери, остановился и, прислонившись к косяку, вытер грязной рукой обвислые желтоватые усы.

— Что это с тренером? — спросил он.— Выскочил отсюда как ошпаренный.

— У него нет спортивной команды,— сказал Дин.— Или он только говорит, что нет.

— Каждый сезон одно и то же,— заметил Стаффи.— Спектакль, да и только.

— На этот раз, может быть, и вправду нет. Кинг и Мартин отказались выйти на поле.

Волоча ноги, Стаффи сделал еще несколько шагов и уселся в кресло.

— Это все воспителлы,— заявил он.— Их работа.

Дин подался вперед.

— Что ты такое говоришь?!

— Я наблюдал за ними долгие годы. На всех ребятах, которых они воспитывали или которые ходили в их дошкольную группу, лежит какая-то печать. Что-то они делают с ребятами.

— Вот еще выдумки! — сказал Дин.

— И вовсе не выдумки.— Стаффи упрямо стоял на своем.— Ты же знаешь, я без предрассудков. Только потому, что они, воспителлы, с какой-то другой планеты... Да, скажи, ты узнал, с какой планеты они прилетели?

Дин покачал головой.

— Леймонт что-то там говорил. Может, он и рассказывал, но я никогда не слышал.

— Они какие-то необыкновенные,— сказал Стаффи, медленно поглаживая усы. У него был такой вид, будто он обдумывал каждое слово.— Но я никогда не ставил им этого в упрек. В конце концов, не только они на Земле чужаки. То есть в

Милвилле, конечно, только они, но ведь в разных концах Земли живут тысячи обитателей других планет.

Дин кивнул, соглашаясь с ним, но едва ли сознавая, с чем же именно он согласен. Однако он ничего не сказал — это было бесполезно. Стоит только Стаффи затеять разговор, его уже не остановишь.

— Они кажутся порядочными,— сказал Стаффи.— Не злоупотребляют ничьим доверием. Когда Леймонт уехал и оставил их здесь, они сами устроились и никогда никого не просят за них вступиться. Все эти годы они жили как порядочные — вот и все, что можно о них сказать.

— Но, по-твоему, они все же что-то дали ребятам? — спросил Дин.

— Они изменили ребят. Разве ты не заметил?

Дин покачал головой.

— Вот уж не замечал. Я знаю этих ребят много лет. Я знал их родителей. Как же, по-твоему, они изменились?

— Они слишком быстро развиваются,— сказал Стаффи.

— Конкретнее,— отрезал Дин.— Кто их развивает, что значит «слишком быстро»?

— Да эти воспителлы уж очень развивают детей. В том-то и беда. Здесь у нас школа второй ступени, а ребята совсем как взрослые.

Откуда-то снизу донеслось унылое жужжанье автощетки. Стаффи вскочил на ноги.

— Это подметалка. Держу пари, она опять застряла в дверях.

Он повернулся к выходу и бодрой трусцой рванулся вперед, волоча ногу.

— У, дурацкая машина! — рявкнул он, хлопнув дверью.

Дин опять пододвинул к себе бумаги и взял карандаш. Уже поздно, нужно кончать работу.

Но он не видел бумаг. Вместо этого со стола на него смотрели маленькие лица, их было много: большеглазые, серьезные, со взглядом, к которому трудно подобрать определение.

Ему был знаком этот взгляд — так из детских лиц проглядывает зрелость.

Они слишком быстро развиваются!

— Нет,— сказал Дин сам себе.— Нет, этого не может быть!

Однако очевидным подтверждением этому была высокая успеваемость, необычно большое число стипендиатов, пренеб-

брежение к спорту. И кроме того, отношение к жизни в целом. И отсутствие преступности среди подростков — долгие годы милвиллцы гордились тем, что преступность у них сходит на нет. Дину пришло на память, что несколько лет назад его просили написать об этом статью в журнал, посвященный вопросам воспитания...

Покопавшись в памяти, он вспомнил, что же такое он написал в той статье,— о том, как родители должны осознать, что ребенок не последняя спица в колеснице, а полноправный член семьи, о роли, которую играла в Милвилле церковь; о том, что в школах нужно делать особый акцент на социальные науки.

— Разве я был не прав? — спросил он сам себя.— Разве это не так, разве тут что-то другое или кто-то другой?

Он попытался сосредоточиться на работе, но не мог. Он был выбит из колеи. Перед его глазами так и стояли улыбающиеся лица. Они вглядывались в него.

Наконец он сунул бумаги в ящик и поднялся из-за стола. Надел видавшее виды пальто, водрузил на седую голову старую, помятую фетровую шляпу.

На первом этаже он увидел Стаффи, загонявшего на ночь последнюю автощетку в каморку. Стаффи был полон возмущения.

— Зацепиться за калорифер! — негодовал он.— Да если б я чуть замешкался, она бы сломала всю ходовую часть.— С досады он покачал головой.— Они, эти машины, хороши, только когда все в порядке. А случись что-нибудь — сразу паника. По старинке-то лучше, Джон.

Когда последняя машина вперевалку вползла в каморку, Стаффи со злостью захлопнул за ней дверь.

— Стаффи, ты хорошо знал Леймонта Стайлса? — спросил Дин.

Стаффи покрутил усы, как бы обдумывая ответ.

— Да, хорошо. Ведь мы с ним были сверстниками, а ты немного постарше. Ты был заводилой.

Дин неторопливо склонил голову.

— Да, я помню, Стаффи. Только такие чудаки, как мы с тобой, и остались в нашем старом городе. Сколько народу уехало!

— Леймонт уехал в семнадцать лет. Зачем ему было оставаться? Его старуха померла, старик с утра до ночи пил горькую, а Леймонт уже пару раз побывал в переделках. И все в один голос говорили, что из Леймонта не выйдет ничего путного.

— Легко ли мальчишке, когда весь город восстает против него?

— Что верно, то верно,— отозвался Стаффи.— Никто не был на его стороне. Уезжая, он мне сказал, что когда-нибудь вернется и покажет им, кто он такой. Но я-то думал, что он хвастается. Ну, как это обычно делают ребята, знаешь, чтобы подбодрить самих себя.

— Как ты ошибся,— сказал Дин.

— Уж дальше некуда, Джон.

Потому что, пробыв на чужбине больше тридцати лет, Леймонт Стайлс вернулся в старый, овеянный бурями дом на Мейпл-стрит, в пустой дом, который ждал его все эти одинокие годы; он вернулся старый, хотя ему едва исполнилось пятьдесят, большой и сильный, хотя волосы у него теперь были белее снега, а кожа, обожженная чужими солнцами, стала дубленой; вернулся после долгих скитаний от одной далекой звезды к другой.

Но Милвилл для него не был своим. Город помнил его, а он забыл город. Годы, проведенные в чужих краях, исказили его представление о родном городе, и то, что он помнил о нем, скорее походило на сказку, чем на правду, на сказку, которую породили годы, заполненные думами о прошлом, тоской и ненавистью.

— Мне надо идти,— сказал Дин.— У Керри, наверное, ужин готов. Она не любит, когда на столе стынет.

— Спокойной ночи, Джон,— сказал Стаффи.

Когда Дин закрыл за собой дверь и пошел вниз по улице, солнце почти село. Он не предполагал, что уже так поздно. Керри обидится на него и накричит.

Дин что-то пробурчал себе под нос. Керри была несравнима ни с кем.

Она не жена — у него никогда не было жены. Не мать и не сестра — обе они умерли. Просто домоправительница, преданно служившая ему долгие годы, немножко жена, немножко сестра, а иногда даже мать.

В привязанностях человека есть нечто странное, подумал Дин. Они ослепляют, связывают, делают человека таким, каков он есть. Это они помогают ему выполнять свой долг, с их помощью он достигает вершин, хотя эти вершины временами бывают серыми, бледными и очень неброскими.

Ничего похожего на ярко блистающие вершины Леймонта Стайлса, который шагнул на Землю со звезд и привез с собой эти три странных создания, которые стали сидеть с ребятишками. Привез их, устроил в своем доме на Мейпл-стрит, а потом через год-другой опять отправился к звездам, оставив воспителл в Милвилле.

Чудно, что их провинциальный городок так спокойно принял эти экзотические создания. Еще чудней, что матери Милвилла в свое время вверили детей заботам чужаков.

Заворачивая за угол на Линкольн-стрит, Дин встретил женщину с маленьким, всего по колено ей, мальчуганом.

Он увидел, что это была Милдред Андерсон, вернее, когда-то она была Милдред Андерсон, но потом вышла замуж, и он, хоть убей, не мог вспомнить ее нынешней фамилии. Занятно, как быстро взрослеет молодежь, подумал он. Казалось, Милдред кончила школу от силы два года назад; но в глубине души он знал, что ошибается,— прошло уже больше десятка лет.

Он коснулся своей шляпы.

— Добрый вечер, Милдред. Ого, как вырос твой мальчик!

— Я хозю в гьюпу,— пролепетал ребенок.

Мать уточнила:

— Он говорит, что ходит в группу. Он этим так гордится.

— Конечно, в дошкольную группу?

— Да, мистер Дин. Воспителлы. Они такие милые. И так хороши с ребятами. Да к тому же плата. Точнее, никакой платы. Просто приносите им букет цветов, или флакончик духов, или хорошую картинку, и они довольны. Они решительно отказываются брать деньги. Я не могу этого понять. А вы, мистер Дин?

— Да,— ответил Дин.— И я не могу.

Он уже позабыл, какой болтушкой была Милдред. Сейчас он вспомнил, что был период, когда ее за это прозвали Трещоткой.

— Я иногда думаю,— сказала она торопливо, будто боясь что-то упустить,— что мы, люди, здесь, на Земле, слишком

большое значение придаем деньгам. А вот воспителлы, кажется, вообще не знают, что такое деньги, или если и знают, то не обращают на них никакого внимания. Словно это что-то совсем незначительное. Я понимаю, что такие расы тоже существуют. Это наводит на размышления, верно, мистер Дин?

Теперь он вспомнил еще об одной ужасной особенности Милдред — каждый речевой период она неизбежно заканчивала вопросом.

Он и не пытался ответить ей. Он знал, что ответа не ждут.

— Мне надо идти,— сказал он.— Я и так уже опоздал.

— Мне было очень приятно вас повидать, мистер Дин,— проговорила Милдред.— Я так часто вспоминаю школьные денечки, и иногда мне кажется, что прошли долгие годы, а иногда — будто это было вчера и...

— Правда, это очень приятно,— сказал Дин, приподнявши шляпу, и припустился чуть не бегом.

— Недостойное зрелище, когда среди бела дня на людной улице тебя обращает в бегство болтливая женщина,— проворчал он себе под нос.

Подойдя к дому, он услышал сердитую суетню Керри.

— Джонсон Дин,— крикнула она, едва он переступил порог,— сейчас же садитесь за стол! Все давно остыло. Сегодня вечером у меня кружок. И рук не мойте.

Дин неторопливо повесил пальто и шляпу.

— Если уж на то пошло, мне и мыть-то их не надо,— сказал он.— У меня такая работа, что не очень-то испачкаешься.

Она засуетилась, склонившись над столом, налила ему чашечку кофе, переставила на середину стола бутылку пива.

— Ведь сегодня вечером у меня кружок,— сказала она, делая особое ударение на этих словах, чтобы ему стало стыдно за опоздание.— Я и посуду мыть не буду. Оставьте ее на столе. Когда приду — вымою.

Дин покорно уселся за стол.

Он и сам не понимал, в чем тут дело, но, бессознательно выполнив требование Керри, вдруг ощутил уверенность в себе. Она заглушила глодавшие его беспокойство и ростки страха, которые чуть было не оплели его, хотя он сам не отдавал себе в этом отчета.

Керри прошла через жилую комнату, водрузив шляпу на непреклонную голову, с видом женщины, которая опаздыва-

ет на заседание кружка не по своей вине. Она поспешила к двери.

— Вам больше ничего не надо? — спросила она, окинув быстрым взглядом стол.

— Ничего.— Он хмыкнул.— Желаю хорошо провести время в кружке. Собрать как можно больше сплетен.

Это была его излюбленная колкость, и хотя он знал, что Керри будет взбешена — выходка и впрямь была детской,— удержаться не мог.

Керри бросилась вон из комнаты, и он услышал, как она нарочито громко застучала каблуками.

С ее уходом в доме воцарилась гнетущая тишина и, когда Дин сел за стол, комнату окутал глубокий сумрак.

Цел и невредим, подумал он, старина Джонсон Дин, учитель, цел и невредим в доме, который построил еще его дед — сколько же лет назад? Теперь он кажется несовременным с его комнатами, расположенными на одном уровне, с камином, выложенным кирпичом, с двойным гаражом, пристроенным к дому, и с большим пнем перед окнами.

Невредим и одинок.

Невредим, несмотря на угрозу, на подкравшуюся к нему тревогу, такую незаметную, что ее и распознать нельзя.

Он покачал головой.

Но вот одиночество — другое дело. Это можно объяснить. Молодые и очень старые всегда одиноки, подумал он. Молодые — потому что еще не установили связей с обществом, а старые — потому что уже разорвали их.

Общество состоит из разных слоев, сказал он себе, из разных слоев и прослоек и делится на группы по возрасту, роду занятий, образовательному цензу и финансовому статусу. И это еще не все. Такое деление можно продолжать до бесконечности. Было бы интересно, если б у кого-то хватило времени создать таблицу расслоения человечества. В законченном виде — если это только вообще возможно — такая таблица стала бы потрясающим документом.

Он кончил ужинать и тщательно вытер рот салфеткой. Встал из-за стола, крадучись пошел по объятому тьмой помещению.

Он знал, что надо хотя бы собрать тарелки и навести порядок на столе. По совести говоря, посуду следовало бы вымыть. Он своим опозданием причинил Керри столько хлопот! Но он

не мог заставить себя приняться за работу. Никак не мог. Он цел и невредим, но он все еще не пришел в себя.

Теперь он понял, что бессмысленно оттягивать это дело, бессмысленно увертываться от страха, который его изводит. Он понимал, с чем ему придется столкнуться, если только до этого дойдет дело.

Конечно, у Стаффи ум за разум зашел. Это не может быть правдой. Слишком уж он умничает, наверное, воображение разыгралось.

Ребята теперь такие же, как и всегда.

Разве что за последний десяток лет у них заметно улучшилась успеваемость.

Разве что, как и следовало ожидать, возросла их эрудиция.

Разве что притягательность спортивных соревнований для них уменьшилась.

Разве что здесь, в Милвилле, почти перевелись преступления.

Да еще эти торжественные детские лица с сияющими глазищами, они неотрывно глядят на него с бумаг на столе.

Он стал медленно расхаживать взад-вперед по ковру возле большого кирпичного камина, чья мертвенно-черная утроба с резким запахом сгоревшего старого ясеня казалась ему пастью, и эта пасть хохотала над ним.

Он ударил старым, слабым кулаком по дрожащей ладони.

— Не может быть! — твердо сказал он себе.

И все же перед лицом очевидности следовало признать, что это правда.

Дети в Милвилле взрослели, росли в интеллектуальном отношении намного быстрее чем им было положено.

А может, здесь кроется и еще что-то.

Вдруг они растут в каком-то качественно ином отношении, подумал он. Еще один шаг вперед из дикости, в которой пока прозябает человечество. Потому что спорт, на какой бы то ни было основе, хоть и усовершенствованный, все же остается продуктом пещерной эпохи — под различными масками человек протаскивает соперничество, временами оно прорывается в открытую именно в области спорта.

Если б он только мог поговорить с учениками, подумал он, если б он только мог как-нибудь проникнуть в их мысли, тогда, вероятно, что-то и удалось бы для них сделать.

Но это невозможно. Слишком высоки и сложны барьеры, слишком сильно забиты линии коммуникаций. Ибо он стар, а они молоды, он власть, а они его подчиненные. Опять разные напластования отделяют их от него. Никак к ним не подойти.

Конечно, всегда можно сослаться на что-нибудь, но это может прозвучать нелепо. Однако самое главное — при случае выяснить, какие цели преследуют эти воспителлы, и выработать свою линию поведения.

Стаффи мог ошибиться. Фантастично само предположение, что воспителлы расставляют какие-то сети.

Особенно странно, что эти чужаки обосновались в Милвилле солидно, как старожилы. Он был уверен, что они не пожелают подвергнуть хотя бы малейшему риску уже завоеванное ими положение,— ведь все их признали, предоставили в основном самим себе и говорят о них мало.

Они делают все возможное, чтобы не привлекать к себе внимания. За эти долгие годы слишком уж много чужаков нажили себе неприятности из-за того, что совали нос в чужие дела или занимались самолюбованием. Хотя, если пораскинуть умом, то, что с человеческой точки зрения можно счесть самолюбованием, с точки зрения чужаков представляется нормой поведения.

Этим еще сильно повезло, что у них на родине мыслящие существа внешне похожи на человека. Они на деле зарекомендовали себя прекрасными детскими воспитателями, поэтому их стали высоко ценить и с готовностью приняли в свои ряды.

Вот уже много лет они пекутся о детях Милвилла: ведь они обладают всеми достоинствами воспитателей. Некогда они организовали дошкольную группу, хотя теперь он припоминает, что в связи с этим было немало шума, поскольку воспителлы совершенно сознательно не придерживались установленных правил обучения.

Он включил свет и подошел к полкам поискать что-нибудь для чтения. Но ни одна из книг не пробудила в нем интереса. Он провел пальцем по корешкам томов, пробежал глазами заголовки, но не нашел абсолютно ничего.

От книжной полки он шагнул к широкому окну и выглянул наружу. Уличных фонарей еще не зажгли, но в окнах там и сям уже горел свет, и время от времени по мостовой мед-

ленно проезжала шаровидная машина, ее рыскающие фары выхватывали из тьмы то дрожащую под ветром листву, то прильнувшую к земле кошку.

Эта улица была одной из самых старых в городе; когда-то Дин знал всех ее обитателей. Он без малейших колебаний мог бы назвать их имена — Вилсон, Бекет, Джонсон, Рэндом,— но никто из них здесь больше не жил. Имена были уже не те, и лица незнакомые; разные слои людей смешались, и теперь на этой улице он не знал почти никого.

Молодые и очень старые — вот кто по-настоящему одинок, подумал он.

Он пошел к креслу и, держась очень прямо, сел перед зажженной лампой. И стал нервно барабанить пальцами по руке. Ему ужасно хотелось встать, но дел не было, разве что помыть посуду, а заниматься этим не хотелось.

Можно пойти погулять, сказал он себе. Прекрасная мысль! Вечерняя прогулка хорошо успокаивает.

Надев пальто и шляпу, он вышел из ворот и повернул на запад.

И только пройдя больше полпути, оставив в стороне деловой район, он отдал себе отчет в том, что направляется к дому Стайлса, к воспителлам,— видно, иначе он не мог.

Он не представлял себе, что ему там делать, что он там может узнать. Никакой реальной цели он не преследовал. Словно это была некая неведомая миссия, словно какая-то сила толкала его туда, будто у него не было выбора.

Он подошел к дому Стайлса и, стоя на тротуаре, оглядел его.

Это был старый дом, окруженный тенистыми деревьями — их посадили много лет назад; двор, выходивший на улицу, весь зарос кустарником. Иногда вдруг кто-то приходил, подстригал газон, а то и подрезал зелень и приводил в порядок клумбы, чтобы отблагодарить воспителл за заботу о детях, потому что они не брали денег.

Чудно, они совсем не берут денег, подумал Дин. Будто деньги им и не нужны, будто, если б они у них были, воспителлы не знали бы, что с ними делать. А может, деньги им и вправду не нужны — ведь они не покупали провизии, вели один и тот же образ жизни и ни разу не болели, во всяком случае

этого никто не замечал. Может быть, временами они мерзли, хотя никогда не жаловались, но и топлива не покупали, а для уплаты налогов Леймонт Стайлс оставил им определенную сумму — так, может, деньги им и вправду ни к чему?

Было время, когда в городе ломали голову над тем, как это воспителлы обходятся без пищи или, во всяком случае, не покупают еды. Потом об этом перестали судачить — жители решили, что насчет чужаков никогда ничего не узнаешь, не надо и пытаться.

И это, конечно, было правильно.

Внезапно Дин осознал, что дом Стайлса был даже старше его собственного. Он был построен не по единому плану — такие дома были в моде задолго до того, как стали делать все комнаты этажа на одном и том же уровне.

Окна были занавешены тяжелыми портьерами, но в щелки пробивался свет, и Дин понял, что воспителлы у себя. Ведь они никуда не отлучались из дома, разве что нужно было присмотреть за младенцами; но в последние годы они совсем редко выходили, потому что у людей вошло в привычку оставлять детишек в их доме. Ребята у них никогда не плачут, даже самые крошечные. Им всем очень нравится бывать у воспителл.

Он сделал еще несколько шагов, поднялся на крыльцо, позвонил.

Подождав немного, он услышал какое-то движение в доме.

Дверь отворилась, и на пороге, загораживая свет, показалась фигура одной из воспителл. Дин уже совсем забыл их облик — ведь он их видел много лет назад.

Дин припомнил, что вскоре после того, как Леймонт Стайлс вернулся домой, он встретил всех трех и потом время от времени то одну, то другую видел на улице издалека. Но воспоминание о них и удивление при виде их изгладились из памяти, и сейчас как будто заново, с прежней силой его поразила волшебная грация, неожиданное ощущение, будто столкнулся лицом к лицу с нежным цветком.

Лицо это, если его вообще можно было так назвать, светилось добротой, оно было слишком нежным, таким нежным, что в нем совсем не чувствовалось характера и даже индивидуальности. Удивительная кожа, румяная, словно лепестки цветка, а тело стройное до неправдоподобия, и все же оно настолько

исполнено грации и гармонии, что при виде его забываешь о хрупкости. От ее фигуры веяло милой простотой, такой наивностью, что все остальное перед этим меркло.

«Нет ничего удивительного в том, что дети так любят их»,— подумал Дин.

— Мистер Дин,— произнесла воспителла,— пожалуйста, войдите. Это для нас большая честь.

— Спасибо,— ответил он, снимая шляпу.

Он сделал несколько шагов и услышал, как закрылась дверь. И вот воспителла вдруг снова оказалась рядом с ним.

— Пожалуйста, в это кресло,— предложила она.— Оно у нас специально для особо почетных гостей.

Все было очень просто и по-дружески, однако в этом чувствовалось что-то чужое, пугающее.

Где-то в доме послышался детский смех. Дин повертел головой, чтобы понять, откуда он доносится.

— Это из детской,— сказала воспителла.— Я закрою дверь.

Дин погрузился в кресло, положил старую, мятую шляпу на свое костлявое колено и принялся поглаживать ее костлявыми пальцами.

Воспителла вернулась и села на пол перед Дином, села единым движением, без малейшего усилия, и у Дина создалось впечатление, будто взметнулся яркий подол, хотя на самом деле никакого подола не было.

— Да,— произнесла воспителла так, словно хотела сказать, что теперь все ее внимание приковано к Дину.

Но он молчал, потому что в комнате все еще слышался смех. Даже когда дверь в детскую закрыли, все еще слышался детский смех. Он заполнял комнату, это был по-настоящему счастливый, веселый, непринужденный, искренний, беспечный смех ребятишек, которые упиваются игрой.

Но мало того. Искорка детства сверкала в воздухе, и у Дина возникло давно забытое чувство, что он вне времени, что день никогда не кончится, что о конце его даже подумать невозможно. Легкий ветерок из несбыточной страны принес с собой запах ручья, что влечет по течению флотилии опавших осенних листьев, и чуть слышное благоухание клевера и ноготков, и аромат пушистого, только что выстиранного одеяла, какие бывают на детских кроватках.

— Мистер Дин,— сказала воспителла.

Он виновато вскинулся.

— Простите,— сказал он.— Я заслушался.

— Но ведь дверь закрыта.

— И все же в этой комнате — дети,— проговорил Дин.

— В комнате нет детей.

— Совершенно верно,— ответил он.— Совершенно верно.

Но они были здесь. Он слышал их смех и топот их ног.

Здесь были дети или, по крайней мере, такое ощущение, будто они здесь есть и будто здесь много цветов, которые на самом деле давным-давно засохли и погибли, но ощущение осталось. И ощущение красоты, красоты в разных ее проявлениях — и в цветах, и в ювелирных поделках, и в маленьких картинках, и в веселых разноцветных шарфах — вещах, которые на протяжении многих лет давали воспителлам вместо денег.

— Эта комната,— запинаясь, смущенно сказал он.— До чего же приятная комната. Мне здесь так хорошо.

Он почувствовал, что окунается в юность и веселье. Если б он мог, подумалось ему, если б он только мог, он бы влился в течение этой жизни и был бы таким, как они.

— Мистер Дин,— произнесла воспителла,— вы очень чувствительны.

— Мне очень много лет. Может быть, в этом причина,— ответил Дин.

Комната была и старой, и старомодной, словно двухсотлетней давности,— небольшой кирпичный камин, отделанный белым деревом, и сводчатые дверные проемы, и окна, от потолка до пола, скрытые тяжелыми черно-зелеными занавесями с золотой нитью. Здесь царили прочно обосновавшийся комфорт и ощущение нежности, которого современная архитектура — алюминий и стекло — никак не могла дать. В комнате кое-где виднелась пыль, было шумно, может, и грязновато, но возникало чувство, что ты дома.

— Я человек старого склада и, видимо, скоро совсем впаду в детство,— сказал Дин.— Боюсь, что для меня опять настало время уверовать в сказки и волшебство.

— Это не волшебство,— ответила воспителла.— Это наш образ жизни, только так мы и можем жить. Согласитесь, что нам тоже хочется выжить.

— Конечно.

Он снял мятую шляпу с колена и медленно поднялся.

Теперь смех казался слабее, а топот — тише. Но ощущение юности — свежести, кипучей силы, радости — все еще наполняло комнату. Оно озарило своим сиянием всю эту старую ветошь, и сердце Дина внезапно защемило от счастья.

Воспителла все еще сидела на полу.

— Вам что-нибудь нужно, мистер Дин?

Дин мял в руках шляпу.

— Больше ничего. Кажется, я получил ответ.

Даже произнося эти слова, он не мог поверить, он знал, что невозможно поверить, будто он когда-то, стоя перед дверью этого дома, твердо считал, что до правды докопаться нельзя.

Воспителла поднялась.

— Вы придете к нам еще? Мы будем очень рады видеть вас.

— Может быть,— сказал Дин и повернулся к двери.

Вдруг на полу, вертясь, возник волчок, золотой волчок, искрящийся драгоценностями; он вбирал свет и разбрасывал вокруг себя тысячи цветных бликов, и его кружение сопровождалось мелодичным свистом — чем-то вроде музыки, запрятанной внутрь и расплавлявшей человечью душу.

Дин почувствовал, что надо уходить, хотя, сидя в кресле, он думал, что уйти невозможно. И снова донесся смех, и реальный мир куда-то уплыл, и внезапно комната наполнилась волшебным светом Рождества.

Он быстро сделал шаг вперед и уронил шляпу. Он больше не знал ни своего имени, ни того, где он сейчас, ни как он попал сюда,— все это было ему безразлично. Он почувствовал, как счастье в нем бурлит и переливается через край, и он наклонился, чтобы достать волчок.

Дина отделяло от него лишь один-два дюйма, и он, наклонившись, сделал еще шаг, протянул руку — и попал ногой в дыру на старом ковре и рухнул вниз.

Волчок пропал, и рождественские огни погасли, и опять перед ним возник реальный мир. Ощущение бурлящего счастья исчезло, и в этой комнате — убежище для всех — остался лишь старик, который силился встать с пола, чтобы оказаться лицом к лицу с чужаком.

— Простите,— сказала воспителла.— Вы почти дотянулись. Может быть, в другой раз.

Дин покачал головой.

— Нет! Только не в другой раз!

Воспителла мягко ответила:

— Мы не могли вам предложить ничего лучшего.

Дин неумело водрузил шляпу на голову и, дрожа как в лихорадке, повернулся к двери. Воспителла открыла ее, и Дин, пошатываясь, вышел на улицу.

— Приходите еще,— произнесла воспителла очень мягко.— В любое время.

На улице Дин остановился и привалился к дереву. Он снял шляпу и вытер лоб.

Если раньше Дин был просто потрясен, то теперь в его душу вполз страх — страх перед существами, устроенными иначе, которые едят не как люди, а по-другому, которые высасывают юность и красоту, которые пьют воду из высыхающего букета, которые отщипывают по кусочкам радость у веселящегося ребенка и даже заедают смехом.

И неудивительно, что здешние дети взрослей, чем полагается быть в их годы. Потому что чужаки лишают их ребячливости, дети для них — лишь подножный корм. Каждому человеку, наверное, положено немало веселой беготни и детского смеха, подумал он. Иной использует не все, что ему причитается, на это может быть лимит, а другой истратит все до конца, радость уйдет, он будет взрослым, а в душе у него не останется больше ни смеха, ни удивления.

Воспителлы не берут денег. Им и ни к чему их брать, потому что деньги им не нужны. В доме у них чего только нет, чего только они не накопили за долгие годы!

И вот за все это время он первый ощутил, он первый выявил истинную сущность чужаков, привезенных домой Лейтмонтом Стайлсом. Грустно было сознавать, что он первый это обнаружил. Он сказал себе, что он стар, может, потому и оказался первым. Но это были всего лишь слова, почти автоматически сорвавшиеся с губ, просто он сам себя пожалел. Однако можно было предположить и это.

Может, старикам как-то компенсируют потерю способностей? Может, когда тело слабеет и разум мутнеет, появляются некие таинственные силы, нечто вроде чутья ищейки, они словно угольки почти сгоревшей жизни?

Он всегда беспокоился о том, что стареет, сказал он себе, но кто же считает старость достоинством? Он забывал о насто-

ящем, зато его озабоченность по поводу прошлого росла все больше и больше. Он начал впадать в детство и сам об этом знал — может, тут и заключалась разгадка? Может, потому он видел волчок и рождественские огни?

Ему хотелось знать: что бы произошло, если бы он схватил волчок?

Он надел шляпу на затылок, оторвался от дерева и медленно побрел вверх по улице, направляясь к дому.

Что он должен сделать теперь, когда он раскрыл тайну воспителл, спрашивал он себя. Конечно, он мог бы побежать и растрезвонить об этом, но никто бы ему не поверил. Его бы вежливо выслушали, чтобы не ранить чувства старика, но любой житель городка счел бы это игрой воображения, и тут ничего нельзя было бы поделать. Потому что, кроме собственной непоколебимой уверенности, он не располагал бы ни единым доказательством.

Он мог бы привлечь внимание к тому, что молодежь теперь рано созревает, как сегодня днем к этому привлек его внимание Стаффи. Но он не сумеет доказать даже это, так как в конечном счете все жители городка дадут рациональное объяснение случившемуся. Даже если других причин не найдется, они это сделают из чувства родительской гордости. Ни один человек не будет удивляться тому, что у его сына или дочери особенно хорошие манеры и что по развитию молодежь Милвилла стоит выше среднего уровня.

Казалось бы, родители должны заметить, им просто следовало бы задуматься над этим — ведь не могут же дети всего городка быть так хорошо воспитаны и так уравновешенны! И все же никто ничего не замечал. Перемены подкрадывались так медленно, происходили так гладко, что просто не были заметны.

Да если уж на то пошло, он и сам не заметил их, он, большую часть жизни теснейшим образом связанный с этими самыми детьми, в которых теперь находит так много удивительного. А если уж и он не заметил, то как можно ждать, чтобы это сделал кто-то другой? Болтливому старику вроде Стаффи, который лезет куда не нужно, остается только чесать языком.

В горле у него пересохло и засосало под ложечкой. Больше всего ему сейчас хотелось чашечку кофе.

Он свернул на улицу, которая вела в деловую часть города, и побрел по ней, нагнув голову, как бы вступая в сражение с темнотой.

Чем все это кончится, спросил он себя. Кому нужно, чтобы дети не видели детства? Чтоб их обкрадывали? Какова цена того, что подрастающие юноши и девушки бросают игры намного раньше срока, что они прежде времени перенимают у взрослых их отношение к жизни?

Кому-то, видимо, это нужно. Дети Милвилла послушны и вежливы, к игре они подходят творчески; среди них больше нет ни снобов, ни маленьких дикарей.

Но все несчастье в том, что стоит им только задуматься над этим, как они перестают быть детьми.

Ну а в грядущем? Будет ли Милвилл поставщиком великих государственных деятелей, ловких дипломатов, первоклассных педагогов и талантливых ученых? Может быть, да, однако не это главное. Ведь чтобы выработать у них эти качества, детей обкрадывают, лишают детства — вот что самое главное.

Дин оказался в деловом районе, занимавшем не больше трех кварталов, и медленно побрел по улице, направляясь к единственной в городе аптеке.

В аптеке было лишь несколько человек. Он прошел к стойке, с несчастным видом взобрался на высокий стул, надвинув на глаза мятую шляпу, и ухватился за край стойки, чтоб руки не дрожали.

— Кофе,— сказал он девушке, которая подошла принять заказ.

Она принесла кофе.

Он сделал маленький глоток, но кофе был слишком горячий. Дин уже жалел, что пришел.

Внезапно он почувствовал себя совсем одиноким и чужим среди блеска ламп и металла, будто он приплелся из прошлого и занял место, предназначенное для настоящего.

Он почти никогда не появлялся в деловом районе, и, наверное, поэтому у него родилось такое чувство. Еще того реже появлялся он здесь вечером; впрочем, некогда он тут бывал.

Дин улыбнулся, вспомнив, как они когда-то собирались и болтали в кружках о всякой всячине, не придавая этому особого значения.

Но теперь все кончено. Его товарищей больше нет. Одни умерли, другие уехали, и мало кто еще способен на рискованный шаг.

Так он сидел в раздумье, понимая, что расчувствовался, но не придавал этому значения; он слишком устал и ослаб, чтобы перебороть себя.

Чья-то рука коснулась его плеча, и он в удивлении обернулся.

Перед ним стоял молодой Боб Мартин. Он улыбался, но с таким видом, будто был не совсем уверен в том, что поступает правильно.

— Сэр, мы вон там, за тем столиком,— сказал молодой Мартин, захлебнувшись от собственной храбрости.

Дин кивнул.

— Очень приятно,— пробормотал он.

— Мы хотели узнать, может... то есть, мистер Дин, мы были бы очень рады, если бы вы присоединились к нам.

— В самом деле, весьма любезно с вашей стороны.

— Мы не имели в виду, сэр... то есть...

— Ну конечно,— сказал Дин.— Я буду очень рад.

— Разрешите перенести ваш кофе, сэр. Я не пролью ни капельки.

— Доверяю тебе, Боб,— сказал Дин, поднимаясь из-за стола.— У тебя верная рука.

— Я сейчас вам объясню, мистер Дин. Не то чтобы я не хотел играть... Просто...

Дин слегка похлопал его по плечу:

— Я понимаю. Ни к чему объяснять.

Он помедлил секунду, пытаясь сообразить, стоит ли рассказывать о том, что у него на уме.

И решился:

— Если ты не проболтаешься тренеру, я даже скажу, что согласен с тобой. В жизни бывают такие этапы, когда регби начинает казаться довольно глупой игрой.

Мартин с облегчением улыбнулся:

— Вы попали в самую точку. Вот именно.

Он пошел к своему столику.

За столом сидели четверо — Рональд Кинг, Джордж Вудз, Джуди Чарльсон и Донна Томпсон. Все хороши, подумал Дин.

Будто на выбор. Он глядел, как они неторопливо потягивают содовую, стараясь растянуть удовольствие.

Они смотрели на него и улыбались, и Джордж Вудз отодвинул один из стульев, как бы приглашая Дина. Тот осторожно сел и положил шляпу на пол за своим стулом. Боб пододвинул ему кофе.

— Вы очень добры,— сказал Дин и удивился, почему он чувствует себя скованным. В конце концов, это его дети — дети, которых он каждый день видел в школе, те, кого он лелеял и у кого пробуждал охоту к знанию, дети, которых у него самого не было никогда.

— Вы сейчас нам так нужны,— сказал Рональд Кинг.— Мы тут говорили о Леймонте Стайлсе. Он единственный милвиллец, который побывал в космосе и...

— Вы, должно быть, знали его, мистер Дин,— сказала Джуди.

— Да,— неторопливо ответил Дин.— Я его знал, но хуже, чем Стафф. Они со Стаффом вместе провели детство. Я был немного старше.

— Что он за человек? — спросила Донна.

Дин хмыкнул.

— Леймонт Стайлс? Он был в нашем городе козлом отпущения. Когда он учился в школе, ни денег, ни домашнего очага у него не было, он так и не доучился. Если в городе происходила какая-то заваруха, вы могли ручаться головой, что в этом замешан Леймонт. Каждый встречный и поперечный утверждал, что из Леймонта ничего путного не выйдет, а так как о нем судачили часто и долго, Леймонт, должно быть, принимал это близко к сердцу...

Он все говорил и говорил, и они задавали ему вопросы, а Рональд Кинг сходил к стойке и принес ему еще одну чашечку кофе.

От Стайлса разговор перекинулся на регби. Кинг и Мартин повторили ему то, что сказали тренеру. Потом затронули проблемы школьного самоуправления, а потом перешли к обсуждению новой, недавно открытой теории ионного двигателя.

Дин не всегда принимал участие в разговоре; он больше слушал, задавал вопросы, и время промелькнуло незаметно.

Внезапно огни начали мигать, и Дин в изумлении поднял глаза.

Джуди, смеясь, разъяснила:

— Это сигнал к закрытию. Значит, нам пора уходить.

— Понятно,— сказал Дин.— А что, с вами частенько так бывает? Я хочу сказать, часто вы сидите здесь до самого закрытия?

— Не очень,— ответил ему Боб Мартин.— В будни больно уж много задают.

— А я вот помню, когда-то давно такое со мной было,— начал Дин, но осекся на полуслове.

Да, и впрямь давно, подумал он. И сегодня вечером — снова!

Он окинул их взглядом — пять лиц склонились над столом. Вежливы, добры и почтительны, подумал он. Но этого мало.

В разговоре с ними Дин забыл о том, что он стар. Они принимали его просто как живое существо, а не как человека преклонных лет, не как символ авторитета. Они стали ему близки, он почувствовал, будто он один из них, а они — это он, они сломали не только барьер между учениками и учителем, но и барьер между молодостью и старостью.

— У меня здесь машина,— сказал Боб Мартин.— Разрешите подвезти вас до дому.

Дин подобрал с пола шляпу и медленно поднялся на ноги.

— Нет, спасибо,— сказал он.— Пожалуй, я лучше пройдусь пешком. Мне нужно кое-что обдумать, а когда идешь, думается лучше.

— Приходите еще,— сказала Джуди Чарльсон.— Может, как-нибудь в пятницу вечером.

— Спасибо,— ответил Дин.— Пожалуй, я приду.

Большие дети, сказал он себе с некоторой гордостью. Намного добрее и вежливее обычных подростков. Ни нахальства, ни снисходительности, будто они и не дети, и все же есть в них великолепие юности: и мечтательность, и честолюбие, что идут рука об руку с юностью.

Повзрослевшие прежде времени, лишенные цинизма. А это очень важно — отсутствие цинизма.

Конечно, в их человеколюбии нет ничего дурного. Быть может, именно этим одарили их воспителлы взамен украденного детства.

Если они и впрямь его украли. Потому что, может, они и не крали, а просто взяли и отложили про запас.

А если это так, то воспителлы одарили ребят новым чувством зрелости и новым ощущением равенства. И взяли у ребят другое — то, что так или иначе пропадало впустую, нечто такое, чему люди, в сущности, не находили применения, но для воспителл это было самым главным.

Они взяли себе юность и красоту и отложили в своем доме про запас; они сохранили то, что человеческие существа могли хранить лишь в памяти. Они ловили быстротечные мгновения и удерживали их, и вот он, урожай многих лет, дом был доверху набит ими.

Леймонт Стайлс, спросил он, ведя мысленный разговор с этим человеком через долгие годы, через дальние расстояния, ты об этом знал? Какую цель ты преследовал?

Не было ли это вызовом самодовольству чопорного городка, который вынудил его стать сильным? Надеждой, уверенностью, что ни один милвиллец больше уже не скажет ни про кого из ребят, как говорили про Леймонта Стайлса, что из этого мальчика или девочки ничего путного не выйдет.

Это, конечно, важно, но это еще не все.

Донна дотронулась до его локтя и потянула за рукав.

— Пойдемте, мистер Дин,— настойчиво звала она.— Вам нельзя здесь оставаться.

Они все вместе направились к двери, попрощались, и он вышел на улицу, как ему показалось, немного быстрее обычного.

Это потому, что теперь он стал чуточку моложе, чем был два часа назад, совершенно серьезно сказал он себе.

Дин пошел быстрее, и больше не прихрамывал, и совсем не устал, но боялся признаться в этом самому себе — ведь это была мечта, надежда, поиски, в которых никто никогда не признается.

Он шел куда глаза глядят. Ему нужно было отправляться домой. Было очень поздно, давно пора в постель.

Но он не мог произнести этого слова. Не мог облечь мысль в словесную оболочку.

Он пошел вверх по улице, мимо лужайки, заросшей кустарником, и увидел, что свет все еще просачивается сквозь спущенные занавеси. «Это и Стаффи, и я сам, и старина Эйб Хокинс. Нас много...»

Дверь отворилась: на пороге стояла воспителла, спокойная и красивая. Она нисколько не удивилась. Словно она специально ждала меня, подумал Дин.

И увидел остальных двух, которые сидели у камина.

— Пожалуйста, входите в дом,— предложила воспителла.— Мы очень рады тому, что вы решили вернуться. Все дети ушли. Давайте поговорим в тишине и покое.

Он вошел и снова сел в кресло и аккуратно положил шляпу себе на колено.

Еще раз дети пробежали по комнате, и он почувствовал себя вне времени и пространства и услышал смех.

Он сидел в кресле и думал, покачивая головой, а воспителлы ждали.

Трудно, думал он. Трудно найти нужные слова.

И вновь, как много лет назад, он почувствовал себя учеником, которого учитель вызвал отвечать урок.

Они все еще ждали, но они были терпеливы; надо дать ему время.

Он должен сказать обо всем как следует. Он должен добиться того, чтоб они поняли. Он не может просто сболтнуть что придется. Его слова должны прозвучать естественно и в то же время быть логичными.

«Но как сделать, чтобы в них была логика?» — спросил он себя.

В том, что старики, подобные ему и Стаффи, нуждаются в воспителлах, не было ни капли логики.

1

Чак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделявшей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от пошлой действительности, и вдруг увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая бумажка.

Учтите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами,— он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл семи пядей во лбу, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому не удивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подобрал.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следят ли за ним,— может, кто-то решил подшутить таким образом или, что еще хуже, отобрать деньги?

Но вряд ли за ним следили: в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, чему в большинстве случаев помогали высокие стены. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкнот, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичную стену резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грегга. Дойл поставил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было свободного места.

Никого не обнаружив, Дойл поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с резвостью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то он и заметил, что это не какой-нибудь доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала — она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно кончиками пальцев, Дойл решил

отправиться к Бенни и совершить одно или несколько возлияний, чтобы отметить колоссальное везение.

Легкий ветерок проносился по переулку, и листва немногих деревьев, что росли в нем, вкупе с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Ярко светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену резиденции Меткалфа вслед за первой бумажкой, весело танцуя по ветру, перелетели и другие.

Дойл увидел их, и на миг его словно парализовало, глаза вылезли из орбит, и у него перехватило дыхание. Но в следующий момент он уже начал хватать бумажки обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какой-нибудь из банкнотов может улететь. Он был во власти убеждения, что, как только он подберет эти деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего бумажные купюры, что он позволит им улететь и не попытается задержать их.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что не упустил ни одной бумажки, бросился к своей машине.

Через несколько кварталов, в укромном месте он остановил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные стопки на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал.

Тяжело дыша, Дойл поднял пачку — пересчитать деньги — и заметил, что из нее что-то торчит. Он попытался щелчком сбить это нечто, но оно осталось на месте. Казалось, оно приклеено к одному из банкнотов. Он дернул, и банкнот вылез из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкнот за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

«Денежное дерево»,— подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев, и никогда их не будет.

— Мне мерещится чертовщина,— сказал Дойл,— а ведь я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза — и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидистыми ветвями, с множеством листьев. И каждый лист — двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот не отдирался от бумажки. Тогда Дойл аккуратно сложил банкнот и сунул его в часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни, который в это время протирал стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем углу бара, посасывая пиво.

— Бутылку и рюмку,— попросил Дойл.

— Покажи наличные,— сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек, которая была такой новенькой, что хруст ее громом прозвучал в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее и спросил:

— Кто это их тебе делает?

— Никто,— сказал Дойл,— я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и рюмку.

— Кончил работу? Или только начинаешь?

— Кончил,— сказал Дойл.— Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал заказал его портрет.

— Этого гангстера?

— Он теперь не гангстер. Он уже лет пять-шесть как легальный. Он магнат.

— Ты хочешь сказать «богач». Чем он теперь занимается?

— Не знаю. Но чем бы ни занимался, живет неплохо. У него приличная хижинка на холме. А сам-то он — глядеть не на что.

— Не понимаю, что в нем нашел твой журнал?

— Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил рюмку.

— Мне-то что,— сказал он философски.— Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

— Кому нужен портрет червяка?

— Мало ли психов на свете! — сказал Дойл.— Может, кому-нибудь и понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил, налил снова и спросил:

— Бенни, ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

— Ты ошибся, деньги растут на кустах.

— Если могут на кустах, то могут и на деревьях. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

— Ну уж нет,— возразил Бенни, малость смутившись.— На самом деле деньги и на кустах не растут — просто поговорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

— Это тебя,— сказал он.

— Кто бы мог догадаться, что я здесь? — удивился Дойл.

Он взял бутылку и пошел вдоль стойки к телефону.

— Ну,— сказал он в трубку,— вы меня звали, говорите.

— Это Джейк.

— Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа и что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

— Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал раньше. Сейчас мне нужна твоя помощь. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

— Где теперь машина?

— Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

— Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

— Именно так. Понимаю, что это нелегко, но я достану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

— Не буду я этого делать,— уверенно сказал Дойл,— у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболятся зубы, а кроме того, у меня

аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинок и всякой травы.

— Я тебе заплачу вдвойне! — в отчаянии вопил Джейк.— Я тебе даже втройне заплачу!

— Знаю,— сказал Дойл,— ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и, не выпуская из рук бутылки, вернулся на старое место.

— Тоже мне,— сказал он, выпив две рюмки подряд,— чертов способ зарабатывать себе на жизнь.

— Все способы чертовы,— сказал Бенни философски.

— Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

— А что?

— Да нет, просто ты похрустел ею.

— Я всегда так делаю. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

— Я в них разбираюсь не хуже банкира,— сказал он,— и фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбыть свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

— Ловишь их?

— Иногда, не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже эксперт не отличит, и что правительство с ума сходит — появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер, а когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая.

Дойл выпил еще и вернул бутылку.

— Мне пора,— объявил он.— Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

— Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится,— сказал Бенни.— Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые и не пьют, и работают вовсю...

— Ни у кого из них нет такой души, как у меня,— сказал Дойл.— Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат солнца от яичницы.

Бенни дал ему сдачи с двадцати долларов и сказал:

— Я вижу, ты со своей души имеешь.

— А почему бы и нет! — ответил Дойл.— Само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уже привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

— Со мной сегодня приключилась удивительная штука,— сказал Дойл.

— Надеюсь, приятная? — сказала Мейбл.

— Не знаю еще,— ответил Дойл,— может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, хлебну горя.

Он залез в часовой кармашек, достал банкнот, расправил его, разгладил, положил на стол и спросил:

— Что это такое?

— Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

— А теперь посмотри внимательно, на уголок.

Она посмотрела и удивилась.

— Смотри-ка, черешок! — воскликнула она.— Совсем как у яблока. И приклеен к бумаге.

— Эти деньги с денежного дерева,— сказал Дойл.

— Таких не бывает,— сказала Мейбл.

— Бывает,— сказал Дойл, сам все более убеждаясь в этом.— Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа, отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них во дворе растет денежное дерево и они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с утра собрать спелые деньги, и их сдуло с дерева через забор.

— Но даже если бы денежные деревья существовали,— не сдавалась Мейбл,— боссы не смогли бы сохранить все в секрете. Кто-нибудь да дознался бы. У них же есть слуги, а слуги...

— Я догадался,— перебил ее Дойл.— Я об этом думал и знаю, как это делается; в этих домах не простые слуги — каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь,

почему они преданные? Потому что им тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут как богачи. Им невыгодно болтать. И кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими заборами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы,— возразила Мейбл.— Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то и оно, что не была. У тебя нет своего денежного дерева. Они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну ладно, нам-то что до того?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— Пожалуйста, вдень в него резинку, чтобы я мог потянуть за нее — и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Как раз перед стеной стоит дерево, один сук которого навис над ней. Так что я смогу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

— Это уж мое дело,— сказал Дойл.

— Тебе придется отвезти меня домой — здесь я не смогу переделать мешок.

— Как только вернусь с веревкой...

— Чак!

— А?

— А это не воровство? С денежным деревом?

— Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он не имеет никаких прав держать его в саду — дерево общее. Больше чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?

— А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?

— Какие же это фальшивки? — возмутился Дойл.— Никто их не делает. Там же нет ни пресса, ни печатной машины — деньги сами по себе растут на дереве.

Мейбл перегнулась через стол и прошептала:

— Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?

— Не знаю и знать не хочу,— ответил Дойл.— Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Ты про Бербанка слыхала? Он выращивал такие растения, что на них росло все, что ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды, менять их размер и вкус и так далее. Так что если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.

Мейбл поднялась из-за стола и сказала:

— Я пойду за мешком.

2

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные луной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет спрыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда: в саду росло несколько деревьев, но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было денежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и стал ждать, пока облако закроет луну.

Дом был тих и темен, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку, потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тихому саду.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали, и осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой с двадцатидолларовые банкноты. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

«Как просто,— сказал он себе.— Как сливы. Будто бы я собираю сливы. Так же просто, как собирать...»

«Мне нужно всего пять минут,— говорил он себе,— и все. Чтобы пять минут мне никто не мешал».

Но пяти минут у него так и не оказалось — не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты, ударил по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что этот сторож-смерч бесплотен.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за «сторожа», и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец он сумел вцепиться в «сторожа» так, что тот не мог пошевельнуться, и поднял его над головой, чтобы размозжить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако отпустило луну, и в саду стало светло.

Он увидел, что держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал о таком.

Один конец этого существа представлял собой рот, другой был плоским и квадратным. Размером оно было с терьера, но это был не терьер. У него были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, заканчивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил это существо, прижав его руки к телу. Существо было белого цвета, безволосое и голое, как ощипанная курица. За спиной у него было прикреплено что-то, очень похожее на ранец. И тем не менее это было еще не самое худшее.

Грудь его была широкой, блестящей и твердой, как панцирь кузнечика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки. Дойла охватил ужас. Мысли молниеносно сменяли одна другую, он пытался удержать их, но они крутились где-то, и он никак, никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

— ОТПУСТИ МЕНЯ!

Даже с восклицательным знаком на конце.

— Дружище,— сказал Дойл, основательно потрясенный, но тем не менее уже пришедший в себя.— Я тебя не отпущу просто так. У меня есть насчет тебя кое-какие планы.

Он обернулся, нашел лежавший на земле мешок и пододвинул к себе.

— ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ,— появилось на груди существа.

— Нет,— сказал Дойл,— не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул в него своего пленника и затянул резинку.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и послышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но желание убраться подальше помогло быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол — существо сразу затихло.

По дорожке, утопающей в тени, кто-то прошел уверенным шагом, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу.

— Генри!

— Да, сэр,— отозвался Генри с веранды.

— Куда, черт возьми, задевался ролла?

— Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче — видно, Меткалф яростно затянулся.

— Не понимаю я этих ролл, Генри,— сказал он.— Столько лет прошло, а я их все не понимаю.

— Правильно, сэр,— сказал Генри.— Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно: Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суку, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему — значит, Меткалф услышал шум на дереве.

— Кто там? — крикнул он.

— Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

— Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый действовать, как только в этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял, освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть,— объявил он торжественно.— Листва такая густая, что я не могу разглядеть, в чем дело, но могу поклясться — это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выпустил несколько изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри,— крикнул он,— принеси-ка мне ружье. Двенадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он едва не упал, но удержался. Он уронил веревку, чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через забор и услышал, как тот ударился о мостовую. Дойл надеялся, что не убил роллу, так как его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк — там любят всяких уродцев.

Дойл добрался до стены и соскользнул вниз, не думая о последствиях, исцарапав руки и ноги.

Из-за забора доносились страшные вопли и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и бросился к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он кинул мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое, и хорошее.

Ему не удалось собрать урожай с дерева, как он намеревался, и к тому же теперь Меткалфу обо всем известно и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее, он предполагал, что эту штуку зовут роллой.

И этот ролла — такой тихий в мешке — основательно поцарапал его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штанина промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Человеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это совсем не собачьи укусы. Вернее всего, доктор сообщит куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать,— никто не должен знать о его открытии. Потому что пока Дойл — единственный человек, знающий о денежном дереве, из этого можно извлечь выгоду. Особенно если у него есть ролла, таинственным образом связанный с этим деревом, которого даже и без дерева, если повезет, можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в который выходили задние фасады старых многоквартирных домов.

Он вылез из машины, прихватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

— Странно,— сказал Дойл.

Он положил руку на мешок. Мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

— Жив еще,— сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных урн, штабелей гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки, завидя его, разбегались в темноте.

— Ничего себе местечко для девушки,— сказал себе Дойл.— Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход, поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и нашел дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

— Я так волновалась, Чак!

— Нечего было волноваться,— сказал Дойл.— Непредвиденные осложнения — вот и все.

— Какие у тебя руки! — вскрикнула она.— А какая рубашка!

Дойл весело подкинул мешок.

— Это все пустяки, Мейбл,— сказал он.— Главное, посмотри, что в мешке.

Он огляделся.

— Окна закрыты?

Она кивнула.

— Передай мне настольную лампу,— сказал он,— сойдет вместо дубинки.

Мейбл вырвала провод из штепселя, сняла абажур и протянула ему лампу.

Он поднял лампу, наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз стукнул,— сказал он,— и перебросил через забор, так что он, наверно, оглушен, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу на пол. За ним последовал дождь из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал вертикально, хотя трудно было понять, что он стоит прямо,— его задние конечности были такими короткими, а передние — такими длинными, что казалось, будто он сидит, как собака.

Больше всего ролла был похож на волка или, вернее, на могучего карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, бога ради! — сказал Дойл.— Всех перебудишь. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то наверху затопал ногами. Мужской голос зарычал: «Заткнитесь, эй, там, внизу!»

На груди роллы загорелась надпись:

— ГОЛОДЕН. КОГДА БУДЕМ ЕСТЬ?

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

— В ЧЕМ ДЕЛО? — продолжал ролла.— ГОВОРИ, Я СЛЫШУ.

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро огляделся и увидел, что пол засыпан деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист и возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина.— Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела,— сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку,— уточнил Дойл.— Может быть, даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?..

— В карты играл,— сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

Но мужчина распахнул ее еще шире, вошел в комнату и сказал:

— Если вы не имеете ничего против, я бы взглянул...

С замиранием сердца Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холодна как лед.

— Вы здесь живете, леди? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, здесь,— сказала женщина, оставшаяся в дверях.— Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристает?

— Ни в коем случае,— сказала Мейбл.— Это мой друг.

Мужчина обернулся к Дойлу.

— Ты весь в крови,— сказал он.

— Что делать...— ответил Дойл.— Всегда из меня кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

— Уверяю вас, ничего не произошло.

— Пошли, милый,— настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав.— Они в нас не нуждаются.

Мужчина неохотно ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее.

— Черт возьми,— сказал он,— нам придется отсюда сматываться. Он будет думать об этом, потом позвонит в полицию, они явятся и заберут нас...

— Мы ничего не сделали, Чак,— сказала Мейбл.

— Может, и так, но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

— Он прав, ты весь в крови,— сказала она,— и руки, и рубашка.

— И нога тоже,— сказал он.— Это меня ролла обработал.

Ролла вышел из-за кресла.

— НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ, ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ.

— Вот так он и говорит,— сказал Дойл, не скрывая восторга.

— Что это? — спросила Мейбл, отходя на два шага.

— Я РОЛЛА.

— Мы встретились под денежным деревом,— пояснил Дойл,— и малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву: то ли стережет его, то ли еще что.

— Ты денег достал?

— Немного. Понимаешь, этот ролла...

— ГОЛОДЕН,— зажглось у роллы на груди.

— Иди сюда,— сказала Мейбл,— я тебя перевяжу.

— Да ты что, не хочешь послушать?..

— Не очень. Ты снова попал в переделку Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в переделки.

Она повела его в ванную.

— Сядь на край ванны,— сказала она.

Ролла подошел к двери, остановился и спросил:

— У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ?

— О, боже мой! — воскликнула Мейбл.— А что вы хотите?

— ФРУКТЫ. ОВОЩИ.

— Там, в кухне, на столе есть фрукты. Вам показать?

— САМ НАЙДУ,— заявил ролла и исчез.

— Не пойму этого коротышку,— сказала Мейбл.— Сначала он тебя искусал, а теперь, выходит, стал лучшим другом.

— Я его стукнул пару раз,— ответил Дойл.— Научил себя уважать.

— И он еще умирает с голоду,— заметила Мейбл с осуждением.— Да сядь ты на край ванны, я тебя обмою.

Он сел, а она достала из аптечки бутылку с чем-то коричневым, пузырек спирта, вату и бинт. Мейбл встала на колени, закатала штанину Дойла и сказала:

— Плохо.

— Это он зубами меня,— сказал Дойл.

— Надо пойти к доктору, Чак,— сказала Мейбл.— Можешь подцепить заражение крови. А вдруг у него грязные зубы?

— Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

— Чак, а что это такое?

— Это ролла.

— А почему его зовут ролла?

— Не знаю. Зовут, и все.

— Зачем же ты тогда притащил его с собой?

— Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или в зоопарк. Даже могу сам выступать с ним в ночном клубе — показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

— И вот еще почему я его сюда притащил,— сказал Дойл.— Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое. У меня теперь ролла, а ролла как-то связан с этими денежными деревьями.

— Это что же, шантаж?

— Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто у меня с Меткалфом небольшое дельце. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он подарит мне одно из своих денежных деревьев.

— Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

— Это я одно видел, но там темно, может, других я не заметил. Ты понимаешь, что такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у

него есть одно, он себе вырастит еще. Могу поспорить на что угодно — у него есть и двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые, а может быть, даже стодолларовые.

Он вздохнул:

— Хотел бы я провести всего лишь пять минут под стодолларовым деревом. На всю бы жизнь себя обеспечил. Я бы обеими руками рвал.

— Сними рубашку,— сказала Мейбл,— мне нужно добраться до царапин.

Дойл стащил рубашку.

— Знаешь что,— сказал он,— могу поклясться, что не только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богачей есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и поклялись никогда об этом не болтать. Я не удивляюсь, что все деньги идут оттуда. Может быть, правительство вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что печатает...

— Замолчи,— скомандовала Мейбл,— и не дергайся.

Она наклеивала пластырь ему на грудь.

— Что ты собираешься делать с роллой? — спросила она.

— Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу. Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь будет не так, дашь газ. Пока ролла у нас — мы держим Меткалфа на прицеле.

— Ты с ума сошел! Чтобы я осталась одна с этой тварью! После всего, что она с тобой сделала!

— Возьмешь палку, и если что не так — ты его палкой.

— Еще чего не хватало,— сказала Мейбл.— Я с ним не останусь.

— Хорошо, мы его положим в багажник и завернем в одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он будет заперт.

Мейбл покачала головой:

— Надеюсь, так будет лучше, Чак, и надеюсь, что мы не попадем в переделку.

— И не думай об этом,— ответил Дойл.— Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

— БЕЗДЕЛЬНИК? — спросил он.— ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— О господи,— сказал Дойл,— как я ему объясню?

— БЕЗДЕЛЬНИК — ЭТО ПОДОНОК?

— Здесь что-то есть,— согласился Дойл.— Бездельник — это похоже на подонка.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ВСЕ ЛЮДИ, КРОМЕ МЕНЯ,— ПОДОНКИ.

— Знаешь, что я тебе скажу,— Меткалф в чем-то прав.

— ПОДОНОК — ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ.

— Никогда не слышал такой формулировки. Но если так, можете считать меня подонком.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ: ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ — СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ.

— Вот тут я с ним полностью согласен.

— ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ.

— Боже мой,— сказала Мейбл,— он оказался болтуном!

— МОЕ ДЕЛО — ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ. СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ, НО ПОТОМ ПОДУМАЛ: «БЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ, НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ».

— Это с твоей стороны очень благородно,— сказал Дойл,— но жаль, что ты не подумал об этом прежде, чем начал меня жевать. Если бы в моем распоряжении было хотя бы пять минут.

— Я готова,— сказала Мейбл.— Если ты не передумал — поехали.

3

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям дома Меткалфа. Дом был темен, и луна склонялась к вершинам сосен, которые росли на другой стороне улицы.

Дойл поднялся по кирпичным ступенькам и остановился перед дверью. Позвонил и подождал.

Никакого ответа.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Потянул дверь — она была заперта.

«Сбежали»,— сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обогнул дом и взобрался на дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив. Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого движения. Потом вытащил из кармана фонарик и посветил им. Светлый кружок

прыгал в темноте, пока не наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго освещал то место, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то выкопал его и увез.

Дойл погасил фонарик и спрятал его в карман, спустился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выключала мотора.

— Они смотались,— сказал Дойл,— никого нет. Выкопали дерево и смотались.

— Ну и хорошо,— ответила Мейбл,— я даже рада. Теперь ты, по крайней мере, не будешь ввязываться в авантюры с денежными деревьями.

— Поспать бы...— зевнул Дойл.

— Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.

— Ты, может, выспишься, а я нет. Укладывайся на заднем сиденье. Я сяду за руль.

— Куда мы теперь?

— Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он сказал мне, что у него есть ферма за городом. На западе, возле Милвилла.

— А ты тут при чем?

— Вот что, если у него до черта денежных деревьев...

— Но у него же только одно дерево — в саду городского дома.

— А может, и до черта. Может, это росло здесь только для того, чтобы Меткалфу иметь в городе карманные деньги.

— Ты хочешь сказать, что мы поедем к нему на ферму?

— Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Спорим, что у него там целый денежный сад. Представь себе только — ряды деревьев, и все в банкнотах.

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, а еще умещалась аптека и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

— Ага,— сказал он.— У Меткалфа ферма за холмами, на том берегу реки. И даже название у нее есть — «Веселый холм». Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

— Чего только люди не делают,— ответил Дойл.— Как туда поскорее добраться?

— Вы спрашиваете?

— Конечно...

Старик покачал головой:

— Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

— Не думаю.

— Тогда вам туда не попасть — ферма окружена забором, а у ворот стража, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

— Я попробую.

— Желаю успеха, но вряд ли у вас что-нибудь выйдет. Скажите мне лучше, зачем бы этому Меткалфу так себя вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

— Чего не знаю, того не знаю,— сказал Дойл.— А все-таки как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся медленно рисовать план.

— Переедете через мост и поезжайте по этой дороге — налево не поворачивайте, там дорога ведет к реке,— доберетесь до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

— Вот тут,— сказал он.— Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

...В машине ждала раздраженная Мейбл.

— Сейчас ты скажешь, что с самого начала был не прав,— заявила она.— У него нет никакой фермы.

— Всего несколько миль осталось,— ответил Дойл.— Как там ролла?

— Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

— С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

— Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?

— У меня и без него дел достаточно,— сказал Дойл.— Не хватает еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но, вместо того чтобы перебраться через овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. Если план, который нарисовал старик, был правильным, думал он, то, следуя по дороге вдоль реки, можно подъехать к ферме с тыла.

Мягкие холмы сменились крутыми утесами, покрытыми лесом и кустарником. Извилистая дорога сузилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полузаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, осматривая овраг.

— Ты чего встал? — спросила Мейбл.

— Собираюсь зайти к Меткалфу с тыла,— сказал он.

— Не оставишь же ты меня здесь?

— Я ненадолго.

— К тому же здесь москиты,— пожаловалась она, отгоняя насекомых.

— Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл его окликнула:

— Там ролла остался.

— Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике.

— Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

— Даю слово, что по этой дороге уже недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

— Послушай, Мейбл,— взмолился он,— ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

— Нет, наверно,— призналась она.— Только поспеши, пожалуйста,— я не хочу здесь сидеть, когда стемнеет.

Он повернулся и пошел вдоль оврага.

Все вокруг было зеленым — глухого летнего зеленого цвета,— и было тихо, если не считать писка москитов. Привыкший к бетону и асфальту города, Дойл ощутил страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и поежился.

— Тут нет ничего, что повредило бы человеку,— вслух подумал он.

Путешествие было не из легких: овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и грудами гальки, вилось от одного склона к другому. Время от времени Дойлу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все назойливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шляпу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх. Дойл повернул и обнаружил, что дальнейший путь закрыт,— масса сучьев, обвитых виноградом, перекрывала овраг, завал смыкался с деревьями, растущими на отвесных скатах оврага.

Пробираться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были скреплены камнями и сцементированы грязью, принесенной ручьем. Цепляясь ногтями и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. Москиты бросались на него эскадронами, а Дойл отломил ветку с листьями и пытался отогнать их.

Так он стоял, тяжело дыша и хрипя, пытаясь наполнить легкие воздухом, и думал: как же это он умудрился попасть в такой переплет. Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы ухоженного городского парка.

И вот пожалуйста, он стоит где-то среди деревьев, старается вскарабкаться на богом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут расти денежные деревья — ряды, сады, леса денежных деревьев.

— Никогда бы не пошел на это, ни за что, кроме как за деньги,— сказал он себе.

Он огляделся и обнаружил, что завал был по толщине всего два фута и одинаковый на всей протяженности. Задняя сторона завала была гладкой, будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни накапливались здесь не годами, не принесены ручьем, а были сплетены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы мог решиться на такой труд, удивлялся Дойл. Здесь требовалось и терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так перепутано, что казалось сплошной массой.

Немножко передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи москитов.

Наконец деревья поредели, так что Дойл уже видел впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу — икры ног сводило от усталости, и ему пришлось идти с прежней скоростью.

В конце концов он выбрался на поляну. С запада налетел свежий ветер, и москиты исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках его пиджака.

Дойл плашмя бросился на траву, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней виднелось еще одно препятствие — широкая полоса сорняков, как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев смутно виднелись крыши, а к западу от зданий раскинулся сад — длинные ряды деревьев.

Интересно, подумал Дойл, это игра воображения или действительно форма деревьев была такой же, как у того дерева в городском саду Меткалфа? И только ли воображение подсказывало ему, что зелень листьев отличалась от зелени лесных деревьев и была цвета новеньких долларов?

Солнце палило ему в спину, и он почувствовал его лучи сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы — было уже больше трех.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он напрягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что это роллы.

Дойл начал перебирать различные варианты поведения на случай, если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему представилось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал эту мысль. Об изгороди надо будет думать, когда подойдет время перелезать через нее.

Думая так, он полз по траве, и у него это неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Дойл дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее, как оса. Он потер ожог.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть за кусты крапивы. По склону изгороди спускался ролла, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями виднелись именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладонь, обожженная крапивой, горела как ошпаренная, и уже нельзя было решить, что хуже — москитные укусы или ожоги крапивы.

Дойл заметил, что крапива колышется, будто под ветром, и это было странно, потому что ветер как раз затих.

Крапива продолжала колыхаться и наконец легла по обе стороны, образовав дорожку от него к изгороди. И вот перед ним оказалась тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

За изгородью стоял ролла, и на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

— ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНОК.

Дойл заколебался на мгновение. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все труды и предосторожности пропали даром, и таиться дальше в траве не имело никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону к изгороди, тогда как первый продолжал стоять, не гася пригласительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива продолжала лежать, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пятеро — их было пятеро — выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

— ТРОЕ РОЛЛ ПРОПАЛИ.

А на груди второго зажглось:

— ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?

У третьего:

— МЫ ХОТИМ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

У четвертого:

— О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ.

У пятого:

— ПОДОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОНОК.

Дойл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роялами? Но отступать было поздно: он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно зашагал по дорожке.

Добравшись до изгороди, он сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами ролл.

— Я знаю, где один из них,— сказал он,— но не знаю, где двое других.

— ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?

— Да.

— СКАЖИ НАМ, ГДЕ ОН.

— В обмен.

На всех пятерых зажглись надписи:

— ОБМЕН?

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посовещались — на груди у каждого вспыхивали непонятные значки,— потом повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

— МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ.

— МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ.

— МЫ ДАЛИ СЛОВО.

— МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ.

— МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

— Я бы их не стал распространять,— сказал Дойл.— Обещаю, что не буду их распространять — я их себе оставлю.

— НЕ ПОЙДЕТ,— заявил ролла № 1.

— А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

— ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ,— сказал ролла № 2.

— Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу?

— ОН НАШЕЛ НАС.

— ОН СПАС НАС.

— ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС.

— И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ: «ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?»

— Ага, а он сказал: «Вырастите мне немножко денег».

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ.

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ.

— Черта с два! — воскликнул Дойл с негодованием.

— МЫ ИХ РАСТИМ.

— ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ.

— СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ СЧАСТЛИВОЙ.

— Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

— МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ.

— Миссионеры — люди, которые занимаются всякими благотворительными делами, творят добрые дела.

— МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ. ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?

— А при чем тут деньги?

— ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ. ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА ПЛАНЕТЕ ВСЕГО ДОСТАТОЧНО, ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ.

— А где те другие роллы, которые пропали?

— ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ.

— ОНИ УШЛИ.

— МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ — ЧТО С НИМИ?

— Вы не пришли к общему мнению насчет того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

— МЫ НЕ СОГЛАСНЫ ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТКАЛФА. ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН НАС ОБМАНЫВАЕТ, А МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ОН БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«Вот тебе и компания! — подумал Дойл.— Ничего себе — благородный человек!»

— МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО, ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ.

Они повернулись как по команде и зашагали по склону обратно к саду.

— Эй! — крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрямилась и закрыла дорожку.

— Эй! — крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива, листья которой поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от времени она будет жечь, и пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов, он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем, ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

«Нет никакого смысла сейчас идти обратно,— подумал он,— ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди».

Он не смел перелезть через нее, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко — восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брусьям, наклоненным к внешней стороне.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и если бы у Дойла была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что пришлось обойтись без нее.

Он прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от москитных укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему прочему разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. «В жизни не видал такой крапивы!» — сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получалось с растениями. Уж если они умудрились вырастить денежные деревья, значит, они могли сотво-

рить какие хочешь растения. Он вспоминал, как ролла заставил крапиву улечься и расчистить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они ни делали на других планетах, на этой их явно провели.

«Филантропы,— подумал он.— Миссионеры, может быть, из другого мира. Компания идеалистов. И вот застряли на планете, которая, вероятно, ничем не похожа ни на один из миров, где они побывали.

Понимают ли они, что такое деньги? Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?

Видно, Меткалф был первым, кто на них натолкнулся. Будучи человеком опытным в денежных делах и в обращении с людьми, он сразу понял, как воспользоваться счастливой встречей. К тому же у Меткалфа есть организация — гангстерская банда,— хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить секретность. Одному бы человеку не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя сказать, что роллы глупы: они не только изучили разговорный язык, но и писать научились, и соображают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажутся, ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки человеческой речи».

«Солнце давно уж исчезло за зарослями крапивы. Скоро наступят сумерки, и тогда мы примемся за дело»,— сказал себе Дойл.

Сзади крапива зашуршала, и он вскочил.

«Может быть, дорожка снова образовалась,— лихорадочно подумал он.— Может быть, дорожка образуется автоматически, в определенные часы».

Это было до какой-то степени правдой. Дорожка и в самом деле образовалась, и по ней шел еще один ролла. Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу:

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНОК.

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

— ТЫ БОЛЬНОЙ?

— Все чешется,— сказал Дойл,— и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, что голова раскалывается.

— МОГУ ПОЧИНИТЬ.

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти и таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

— ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Ну ладно,— сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов, большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений.— Ты можешь мне помочь,— произнес он с энтузиазмом через некоторое время.— Ты можешь лечить разные болезни и можешь даже найти средство против рака и изобрести что-нибудь, чем будут лечить сердечные болезни. Да возьмем, к примеру, обычную простуду...

— ПРОСТИ, ДРУГ, НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО. ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЩЕ.

— Ага, значит, ты один из тех, кто убежал? — сказал Дойл с волнением в голосе.— Ты раскусил игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы округлились, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но казалось, будто у Дойла застучали зубы. Это было удивительно — словно вопль ужаса раздался в тишине сумерек, где ветер тихо шелестел в темнеющих деревьях, шуршала крапива и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздались звуки шагов, и в густеющих сумерках Дойл увидел пятерых ролл, бегущих вниз по склону.

«Что-то происходит»,— подумал Дойл. Он был уверен в этом. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло значить.

Ролла рядом с ним издал нечто вроде крика, но слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, заслышав этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пятеро ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные значки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом, тоже светилась непонятными значками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

«Это спор,— подумал Дойл.— Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре ощущалось напряжение».

А он стоял здесь, как случайный прохожий, попавший в гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетала над ними, и Дойл поднял голову посмотреть, что это за птица, но тут же увидел людей, бегущих к изгороди,— силуэты их ясно виднелись на фоне светлого неба.

— Эй, смотрите! — крикнул Дойл и сам удивился, зачем это он кричит.

Заслышав его, пятеро ролл обернулись, и на них появились одинаковые надписи, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится к изгороди, как будто его толкает гигантская рука. Дерево клонилось все быстрее и наконец с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но когда опустил ногу, то не обнаружил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму. Тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разнеся изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно, и прямо в спину ему чуть не вонзился острый камень. Над ним нависала путаница ветвей и сучьев — своей верхушкой дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал шустро и беззвучно.

— Они туда помчались,— раздался голос,— в лес. Их нелегко будет найти.

Ему ответил голос Меткалфа:

— Надо найти их, Билл. Мы не можем допустить, чтобы они сбежали.

После паузы Билл ответил:

— Не понимаю, что это с ними. Казалось, они были всем довольны.

Меткалф выругался:

— Это все фотограф. Ну, тот самый парень, который залез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наделал и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом замешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал:

— Если он вам встретится, вы знаете, как поступить.

— Конечно, босс.

— Среднего роста, малахольный.

Они исчезли. Дойл слышал, как они пробираются сквозь крапиву, кроя ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо выбираться отсюда, и как можно скорее, потому что скоро взойдет луна.

Меткалф и его мальчики шутить не собирались. Они не могли позволить, чтобы их одурачили в таком деле. Если они его заметят, то будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, можно было забраться незаметно в сад. Хотя, вернее всего, Меткалф оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. В его положении лучше всего было добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно выполз из канавы и некоторое время прятался в ветвях, прислушиваясь,— ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следуя по тропе, протоптанной людьми, и побежал по склону к лесу.

Впереди раздался крик, и он остановился, замер. Потом опять побежал, добрался до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался какой-то бледный силуэт, на котором поблескивали первые лучи лунного света. Он был острым сверху и расширялся книзу — словом, походил на летящую рождественскую елку, оставляющую за собой светящийся след.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном очень прочно, и тогда понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Она корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал — теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса, который все еще держится за канат — может быть, якорную цепь корабля, а может быть, плохо принайтованную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл, вряд ли можно было допустить, что они плохо принайтовали какую-нибудь часть корабля.

Он отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль начал подниматься, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг ноги гангстера.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. И бежал, пока не ударился головой о дерево так, что искры посыпались из глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. Слезы у него лились и стекали по щекам. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, на ощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он заспешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. «Она, верно, разозлилась,— подумал он,— ведь обещал вернуться до темноты».

Он споткнулся о клубок переплетенных ветвей, оставшийся в овраге, провел рукой по его почти полированной поверхности и постарался представить, что произошло здесь несколько лет назад...

Космический корабль вышел из-под контроля и падал на землю, а Меткалф оказался неподалеку...

«Черт знает, что бывает в наши дни»,— подумал Дойл.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-то другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей земле могли расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает: средства от всех болезней, настоящие лекарства от бедности и страха и, может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели в корабле, построенном двумя роллами, не поверившими Меткалфу.

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

«Теперь они улетели... Хотя нет, постойте-ка,— не все улетели! Ведь один ролла лежит в багажнике»,— и Дойл прибавил шагу, размышляя: «Что же теперь делать? Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?»

Что бы ни случилось, оставшийся ролла должен попасть в хорошие руки. И так уж слишком много времени потеряно. Если ролла встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать.

Дойл начал волноваться — он вспомнил, как ролла стучал по багажнику.

«А что, если он задохнется? А вдруг он хотел сказать что-то важное?»

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке и спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, но он так спешил, что не замечал укусов.

«Там, наверху, банда Меткалфа обирает деревья, срывая миллионы долларов,— подумал он.— Теперь их игра кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежным деревьям для выращивания денег нужно, чтобы роллы непрерывно наблюдали за ними».

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее почти в полной темноте и постучал в окно. Внутри взвизгнула Мейбл.

— Все в порядке! — крикнул Дойл.— Я вернулся.

— Все в порядке, Чак? — спросила она.

— Да,— промычал он.

— Я так рада,— сказала она облегченно.— Хорошо, что все в порядке, а то ролла убежал.

— Убежал? Ради бога, Мейбл...

— Не злись, Чак. Он все стучал и стучал, и мне стало его жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его.

— Итак, он убежал,— сказал Дойл.— Но, может быть, он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

— Нет,— вздохнула Мейбл,— он побежал по оврагу. Было уже темно, но я бросилась за ним. Я звала его, но понимала, что мне его не догнать. Мне жалко, что он убежал. Я повязала ему на шею желтую ленточку, и он стал такой миленький.

— Еще бы!

Дойл думал о ролле, летящем в пространстве. Тот направляется к далекому солнцу, увозя с собой величайшие надежды человечества, а на шее у него — желтая ленточка.

Хайрам Тэн проснулся и сел в постели.

Таузер лаял и скреб лапами пол.

— Цыц! — прикрикнул на него Тэн.

Нелепые уши Таузера поднялись торчком, а затем собака снова принялась лаять и царапать пол.

Тэн протер глаза, провел рукой по спутанным, давно не стриженным волосам. Потом снова лег и натянул на голову одеяло.

Но разве уснешь под этот лай?

— Ну что с тобой? — сердито спросил он собаку.

— Гав,— ответил Таузер, продолжая скрести пол.

— Если тебе надо выйти, открой дверь. Ты ведь знаешь, как это делается. Первый раз, что ли? — сказал Тэн.

Таузер перестал лаять, уселся и стал смотреть, как хозяин встает с постели.

Тэн надел рубаху и брюки, но с ботинками возиться не стал.

Таузер проковылял в угол, приложился носом к плинтусу и принялся его шумно обнюхивать.

— Мышь? — спросил Тэн.— Что-то я не припомню, чтобы ты раньше поднимал столько шуму из-за мышей,— озадаченно произнес Тэн.— Совсем уже спятил.

Стояло ясное летнее утро. Окно было раскрыто настежь, и солнце заливало комнату.

«Неплохой денек для рыбной ловли»,— подумал Тэн, но тут же вспомнил, что ничего не выйдет. Надо ехать смотреть ясеневую кровать с пологом, о которой ему говорили по дороге на Вудмен. Похоже, что за нее заломят двойную цену. Вот так и получается — честным путем и доллара не заработаешь. Нынче все стали разбираться в старинных вещах.

Тэн встал с постели и вышел в гостиную.

— Пошли! — сказал он Таузеру.

Таузер медленно поднялся и двинулся вслед за хозяином, по пути останавливаясь и обнюхивая все углы.

— И что тебя так беспокоит? — спросил Тэн.

«Может быть, крыса,— подумал он.— Дом постепенно разрушается».

Он открыл затянутую сеткой дверь и выпустил Таузера.

— Брось ты сегодня своего сурка,— посоветовал ему Тэн.— Гиблое дело. Все равно его не достать.

Тэн обошел вокруг дома. Что-то произошло с вывеской, висевшей на столбе около подъездной дорожки: одна из цепей была снята с крюка, и табличка повисла.

Тэн пересек площадку и, ступая босыми ногами по траве, еще мокрой от росы, подошел к столбу, чтобы поправить вывеску. Она была невредима — видно, просто цепь соскочила с крюка. Может быть, здесь разгулялся ветер или какой-нибудь озорной мальчишка? Хотя вряд ли. Тэн был в прекрасных отношениях с ребятами, и они не досаждали ему, как другим жителям поселка. Особенно доставалось от них Бейнкеру Стивенсу. Они его буквально изводили.

Тэн отошел немного назад, чтобы проверить, ровно ли висит табличка.

Наверху большими буквами было написано:

«МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ»,

а ниже помельче:

«Чиню все подряд»,

и еще пониже:

«Продажа старинных вещей.
Не хотите ли вы что-нибудь обменять?»

«Может,— подумал он,— следовало бы сделать две вывески: одну насчет мастерской, а вторую — об обмене и продаже вещей». Он решил, что как-нибудь на досуге напишет два новых объявления и повесит их по обе стороны дорожки. Так будет эффектнее.

Тэн обернулся и посмотрел на дорогу, которая вела к Тернерс-Вудс. «Великолепный вид,— подумал он.— Удивительно, что сохранился такой кусок леса на краю поселка. Надежное прибежище для птиц, сурков, кроликов и белок. Кроме того, в нем полно крепостей, построенных несколькими поколениями мальчишек из Уиллоу-Бенда».

Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем какой-нибудь ловкий делец купит этот участок и понастроит здесь стандартные дома. «Когда это произойдет,— подумал Тэн,— большой кусок детства уйдет из моей жизни».

Из-за угла появился Таузер. Он двигался боком, ежеминутно останавливаясь и обнюхивая нижнюю часть тесовой обшивки дома: от любопытства уши у него стояли торчком.

— Ты, псина, совсем рехнулся,— сказал Тэн и направился к дому.

Шлепая босыми ногами, он прошел на кухню, налил в чайник воды и поставил на плиту. Затем он включил приемник, совершенно забыв, что тот не работает, и только услышав шум, вспомнил и с раздражением выключил. «Так всегда бывает,— подумал он.— Другим чинишь всякий хлам, а на себя не хватает времени».

Тэн пошел в спальню, надел туфли и убрал постель.

Вернувшись, он увидел, что плита остыла. Сняв чайник, он двинул плиту ногой. Потом подержал над ней ладонь и тут же почувствовал тепло.

«Слава богу, работает»,— подумал он.

Тэн знал, что рано или поздно ее придется разобрать. Возможно, где-то плохой контакт.

Он снова поставил чайник на плиту.

Снаружи послышался шум, и Тэн вышел на крыльцо узнать, что случилось.

Бизли, парень, который служил у Хортонов одновременно дворником, шофером, садовником и выполнял еще много других обязанностей, развернув на дорожке дребезжащий грузовик, подкатил к крыльцу. Рядом с ним в кабине восседала Эби Хортон, жена Генри Хортона, самого влиятельного жителя поселка, а в кузове, обвязанный веревками и наполовину укутанный в ослепительно полосатое, красно-розовое одеяло, стоял громадный телевизор. Он был хорошо знаком Тэну. Уже лет десять как этот телевизор вышел из моды, но все еще оставался

самым дорогим из всех, что украшали дома жителей Уиллоу-Бенда.

Эби выпрыгнула из грузовика. Это была энергичная, шумная женщина с властным голосом.

— Доброе утро, Хайрам,— сказала она.— Вы сможете починить мой телевизор?

— Я еще не видал вещи, которую не мог бы починить,— ответил Тэн, неприязненно оглядывая телевизор. Ему не раз приходилось его ремонтировать, и он знал, сколько предстоит возни.

— Боюсь, что починить его обойдется дороже, чем купить новый,— заметил он.— Вам и в самом деле нужно купить новый. Этот уже устарел и...

— Генри говорит то же самое,— резко перебила его Эби.— Он хочет купить один из этих новомодных цветных телевизоров. Но я не желаю расставаться с моим. Ведь здесь есть все — и радио, и проигрыватель, а кроме того, дерево и фасон подходят к моей мебели.

— Я знаю,— сказал Тэн.

Он уже не раз все это слышал.

«Бедняга Генри,— подумал он.— Что за жизнь? С утра он крутится на своем заводе счетных машин, и еще дома эта ведьма».

— Бизли,— приказала Эби голосом сержанта, проводящего учение,— полезай наверх и распакуй телевизор.

— Хорошо, мэм.

Бизли был высокий, неуклюжий парень с туповатым выражением лица.

— Смотри, осторожно. Не поцарапай его.

— Хорошо, мэм,— ответил Бизли.

— Я помогу тебе,— предложил Тэн.

Они вдвоем влезли в кузов и начали разматывать одеяло.

— Он тяжелый,— предупредила Эби.— Будьте осторожны.

— Хорошо, мэм,— сказал Бизли.

Телевизор и впрямь был очень тяжелым. Бизли и Тэн с трудом распеленали его и по черному ходу перенесли в подвал под лестницей.

Эби глазами хищной птицы следила за тем, чтобы они не поцарапали ценное дерево.

В подвале Тэн устроил мастерскую и одновременно выставку мебели. В одном углу стояли скамьи, станок, и весь пол был заставлен ящиками с гвоздями, проволокой, инструментами. В другом — разместились собрание ветхих стульев, покосившиеся спинки кроватей, старинные высокие комоды и не менее древний низкий шкафчик, старый ящик для угля, железные каминные решетки и еще много всякого хлама, купленного по случаю.

Они осторожно опустили телевизор на пол. Эби следила за ними сверху.

— У вас новый потолок, Хайрам? — взволнованно спросила она.— Теперь здесь стало совсем хорошо.

— Что? — поинтересовался Тэн.

— Потолок, я сказала. Вы сделали потолок?

Тэн поднял голову и увидел, что над ним был потолок, которого он никогда не делал.

Он проглотил слюну и на минуту опустил голову. Когда он снова поднял глаза, ничего не изменилось, потолок был на месте.

— Это не панельная обшивка,— с восхищением отметила Эби.— Совсем не видно швов. Как вам это удалось, Хайрам?

Тэн снова проглотил слюну, прежде чем обрел дар речи.

— Как-то придумал,— произнес он слабым голосом.

— Вы должны прийти к нам и сделать то же самое у нас в подвале. У нас прекрасный подвал. Бизли сделал потолок в бильярдной, но вы сами знаете, чего стоит работа Бизли.

— Да, мэм,— виновато проговорил Бизли.

— Я вам тоже сделаю, когда будет время,— пообещал Тэн. Он готов был пообещать все что угодно, лишь бы поскорее их выпроводить.

— У вас было бы куда больше времени, если бы вы без конца не таскались по округе и не скупали всякую рухлядь, которую вы зовете старинной мебелью,— сказала Эби ледяным тоном.— Вы еще можете надуть горожан, которые сюда приезжают, но не меня.

— На некоторых вещах я иногда зарабатываю кучу денег,— спокойно ответил Тэн.

— И теряете последнюю рубашку на всем остальном.

— У меня здесь есть старый фарфор. Это то, что вам нужно,— предложил Тэн.— Я нашел его несколько дней назад и заплатил недорого. Могу вам уступить.

— Я не собираюсь ничего покупать,— процедила Эби, поджав губы. Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Она сегодня не в духе,— заметил Бизли.— Встала с левой ноги. Если заведется с утра, то уж на весь день. Когда она рано просыпается, то так всегда и бывает.

— Да не обращай на нее внимания,— посоветовал Тэн.

— Я пытаюсь, но это очень трудно. Тебе случайно не нужен помощник? Ты можешь мне платить совсем немного.

— К сожалению, не нужен, Бизли. Знаешь, старина, приходи как-нибудь вечерком, сыграем в шашки.

— Приду, Хайрам. Знаешь, ты первый человек, который меня пригласил. Все остальные только кричат на меня или смеются надо мной.

Сверху донесся сердитый голос Эби:

— Где ты застрял, Бизли? Целую вечность готов стоять и чесать языком, а ковры еще не выбиты.

— Да, мэм,— сказал Бизли и стал подниматься по лестнице.

Уже сидя в грузовике, Эби громко спросила:

— Тэн, вы скоро почините телевизор? Без него как-то пусто в доме.

— В два счета сделаю,— откликнулся Тэн.

Он стоял и смотрел, как они отъезжали, потом оглянулся, ища Таузера, но пса нигде не было видно. «Снова сидит у норы в лесу за дорогой,— подумал Тэн.— Убежал голодный».

Когда Тэн вернулся на кухню, чайник прыгал на плите. Тэн насыпал в кофейник кофе и залил его кипятком. Потом спустился вниз.

Потолок был на месте. Тэн включил все лампы и, не сводя с него глаз, обошел подвал.

Потолок был сделан из какого-то блестящего белого материала, на вид полупрозрачного. Просвечивающего изнутри, но не насквозь. Самое удивительное, что на нем не было ни одного шва: обшивка аккуратно охватывала водопроводные трубы и весь свод.

Тэн встал на стул и постучал костяшками пальцев по перекрытию. Раздался звон, словно постучали по тонкому бокалу.

Он слез и долго стоял, качая головой. Все это было совершенно непонятно. Вчера он провозился здесь целый вечер, чи-

нил садовую косилку Бейнкера Стивенса. И готов поклясться, что перекрытия не было.

Тэн порылся в ящике и нашел дрель, потом отыскал самое маленькое сверло и вставил его в патрон. Затем всунул вилку в розетку, снова взобрался на стул и приставил сверло к потолку. Жужжащая сталь скользнула по поверхности, не оставив на ней и следа. Он выключил дрель и внимательно осмотрел потолок. Ни одной царапины. Тэн снова пробовал сверлить, изо всех сил нажимая на дрель. Вдруг раздался треск, кончик сверла отскочил и ударился о стену.

Тэн спрыгнул со стула, нашел новое сверло, вставил его и стал медленно подниматься по лестнице, пытаясь обдумать все спокойно, но мысли путались. Если он, Тэн, еще не окончательно спятил, он мог чем угодно поклясться, что не делал этого потолка.

Вернувшись в гостиную, он отогнул конец старого выцветшего ковра, включил дрель и, став на колени, начал сверлить пол. Сверло легко прошло сквозь старый дубовый паркет и остановилось. Тэн надавил сильнее, но инструмент крутился на месте.

Но ведь под этим деревом ничего нет, ничего, что могло бы задержать сверло. Пройдя паркет, оно попадает в пустое пространство между балками.

Тэн выключил дрель и отложил ее в сторону. Потом пошел на кухню. Кофе уже вскипел. Но прежде чем налить себе, Тэн выдвинул ящик стенного шкафа и достал оттуда карманный фонарь. Затем вернулся в комнату и осветил высверленную в полу дыру. На дне ее что-то блестело.

Тэн снова вернулся в кухню, нашел вчерашние черствые пышки и налил в чашку кофе.

Сидя за кухонным столом и жуя пышки, Тэн пытался спокойно все обдумать. Он понимал, что сейчас бессилен что-либо сделать, даже если весь день будет ходить и гадать, что же произошло под лестницей. Его душа янки и бизнесмена восставала против такой бессмысленной траты времени. Нужно еще посмотреть ясеневую кровать с пологом, пока ее не зацапал какой-нибудь беспардонный городской маклер. Такая штука, если все сложится удачно, должна пойти по хорошей цене. Можно заработать кучу денег, если все делать с головой.

«Не исключено,— подумал Тэн,— что эту кровать удастся еще и обменять на что-нибудь. Получил же я в прошлом году настольный телевизор за пару коньков. Эти люди в Вудмене рады будут получить в обмен на кровать отремонтированный телевизор. Телевизор совсем как новый. А на этой кровати никто не спит. Вряд ли они догадываются об ее истинной стоимости».

Тэн торопливо доел пышку, выпил еще чашку кофе, потом сложил на тарелку остатки еды для Таузера и выставил ее за дверь. Затем спустился в подвал, достал телевизор и погрузил его в свой пикап. Подумав, он сунул в машину отремонтированное охотничье ружье, еще вполне пригодное для охоты, если не стрелять из него большими зарядами, а также кое-какие мелочи для обмена.

Вернулся Тэн поздно: день был трудный, хотя закончился вполне удачно. В машине помимо кровати с пологом находились еще качалка, экран для камина, кипа старых журналов, старинная маслобойка, комод орехового дерева и кресло семнадцатого века, которое какой-то незадачливый реставратор покрыл слоем бледно-зеленой краски. За все это Тэн отдал телевизор, охотничье ружье и еще приплатил пять долларов. Но забавнее всего то, что там, в Вудмене, сейчас, очевидно, покатываются со смеху, вспоминая, как ловко они его надули.

Ему стало стыдно — они славные люди и так хорошо его приняли, даже оставили обедать. А потом сидели и разговаривали с ним, показывали ферму и приглашали заходить, если он будет в их краях.

На это ушел весь день, и Тэну было жаль времени. Но он тут же подумал, что, может быть, стоит убить день и заработать репутацию человека, который страдает разжижением мозгов и не понимает, что такое доллар. Это поможет ему когда-нибудь провернуть еще не одно дельце в этих местах.

Открыв заднюю дверь, он услышал громкие и ясные звуки. Телевизор... С чувством, близким к панике, Тэн спустился по лестнице в подвал. После того как сегодня был продан настольный телевизор, внизу оставался только телевизор Эби, а он — уж это Тэн знал наверняка — не работал.

Это был действительно телевизор Эби. Он стоял на том же месте, куда они с Бизли поставили его утром, и на экране виднелось... цветное изображение.

Цветное изображение!

Тэн остановился на нижней ступеньке и, чтобы не упасть, оперся о перила.

Экран прекрасно передавал цвет.

Тэн осторожно приблизился к телевизору, обошел его кругом. Кто-то снял заднюю стенку и прислонил ее к скамье. Внутри телевизора перемигивались веселые огоньки.

Тэн присел на корточки и стал разглядывать светящиеся детали. Все они были какие-то диковинные. Тэн много раз чинил этот телевизор и полагал, что знает, как он выглядит изнутри. Теперь все было по-другому, но что именно изменилось, Тэн не мог сказать.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и дружелюбный голос пробасил:

— Хайрам, я вижу, вы уже починили телевизор.

Тэн выпрямился от неожиданности и застыл в напряженной позе, совершенно утратив дар речи.

Наверху, широко расставив ноги и весело улыбаясь, стоял Генри Хортон. Вид у него был довольный.

— Я говорил Эби, что вы еще не могли закончить ремонт. Но она велела мне зайти. Послушайте, Хайрам, это что — цвет? Как вам удалось это сделать, старина?

Тэн слабо улыбнулся:

— Я только что кончил возиться.

Генри, тяжело ступая, спустился с лестницы и остановился перед телевизором. Заложив руки за спину, он смотрел на экран властным взглядом человека, привыкшего отдавать приказания. Затем медленно покачал головой.

— Я бы никогда не подумал, что это возможно,— сказал он.

— Эби упомянула в разговоре, что вы хотите цветной.

— Да, конечно. Безусловно, я говорил. Но я не думал о моем старом телевизоре. Никак не ожидал, что его можно переделать на цветной. Как вам это удалось, Хайрам?

— Я не смогу вам точно сказать,— пробормотал Тэн.

И это было чистейшей правдой.

Под одной из скамеек Генри заметил бочонок с гвоздями, выкатил его и поставил перед своим допотопным телевизором. Потом осторожно опустился на бочонок и, усевшись поудобнее, с наслаждением стал смотреть на экран.

— Обычная история,— заметил он.— Вот есть такие люди, как вы, янки-ремесленники. Правда, они не так уж часто встречаются. Вечно возятся с чем-то, хватаются то за одно, то за другое, а потом вдруг глядишь — что-то придумали, хотя часто и сами толком не понимают, что и как у них получилось.

Он сидел на бочонке и смотрел на экран.

— Чудесная вещь,— продолжал он,— по цвету куда лучше, чем телевизоры, которые я несколько раз видел в Миннеаполисе. Скажу вам честно, Хайрам, ни один из них этому и в подметки не годится.

Тэн вытер лоб рукавом. Он весь взмок. Здесь, внизу, становилось жарковато.

Генри достал из кармана большую сигару и протянул ее Тэну.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Вероятно, умно делаете. Отвратительная привычка.

Хортон сунул сигару в рот и стал ее жевать.

— Каждому свое,— торжественно произнес он,— и когда требуется сделать этакое, вы именно тот человек, который нужен. Вы мыслите механическими и электронными схемами. А я в этом ни черта не понимаю. Сам занимаюсь счетными машинами, а ничего в них не смыслю. Я подбираю людей, которые знают в этом толк, а сам не умею распилить доску или вытащить гвоздь. Но я могу организовать дело. Помните, Хайрам, как все веселились, когда я начал строить завод?

— Помню. Во всяком случае, некоторые.

— Они неделями ходили, отворачивая физиономии, чтобы не расхохотаться. Разве не говорили: «О чем думает Генри, когда строит завод счетных машин здесь, в глуши? Не собирается ли он часом конкурировать с большими заводами на Востоке?» Замолчали они только тогда, когда я продал полторы дюжины приборов и получил заказы на два года вперед.

Генри вынул из кармана зажигалку и осторожно зажег сигару, не сводя глаз с экрана.

— Это дело может оказаться очень денежным,— рассудительно произнес он.— Любой телевизор можно приспособить, если немного его переделать. Коли вы эту развалину сделали цветной, значит, можно наладить любой телевизор.— Не выпуская изо рта сигары, он громко хмыкнул.— Если бы в «Радио корпорейшн» знали, что здесь происходит в эту минуту, они не выдержали бы и перерезали себе глотку.

— Но я и сам не знаю, как я это сделал,— сказал Тэн.

— Отлично,— обрадовался Генри.— Я завтра же возьму приемник на завод и дам его ребятам. Пусть разберутся, что вы тут наворотили.

Он вынул изо рта сигару и внимательно посмотрел на нее, потом сунул обратно.

— Как я уже вам говорил, Хайрам, разница между нами в том, что вы умеете делать что-то руками, но не используете своих возможностей. Я же в отличие от вас ничего не в состоянии сделать, но зато могу все устроить после того, как вещь готова. Вот увидите, стоит нам взяться за дело, и вы будете утопать в долларах.

— Но я не знаю, должен ли...

— Не беспокойтесь. Предоставьте это мне. У меня есть завод и необходимые средства. Мы договоримся.

— Это очень любезно с вашей стороны,— машинально ответил Тэн.

— Ну что вы! Не стоит говорить об этом,— снисходительно сказал Генри.— Это мне должно быть неудобно лезть в ваши дела, но когда пахнет большими деньгами, во мне просыпается хищник.

Он сидел на бочонке, курил и следил за цветным изображением.

— Знаете, Хайрам,— проговорил он,— я часто думаю об одном деле, но все никак руки не доходят. У меня на заводе есть старая счетная машина. Мы все равно должны будем ее списать, чтобы освободить помещение. Это одна из наших ранних и неудачных экспериментальных моделей. Ясно, что сейчас она уже ничего не стоит. Это довольно сложная штука. И никто ничего из нее так и не смог сделать. Несколько раз мы пытались к ней подступиться, но, видно, так и не нашли верного решения. А может быть, и правильно делали, да нет хорошего специалиста. Она и стоит в углу все эти годы. Давно бы надо выкинуть ее на свалку, но что-то мешало мне это сделать. И вот я подумал: не могли бы вы с ней повозиться?

— Не знаю,— ответил Тэн.

— Я не требую никаких обязательств,— великодушно заявил Генри.— Выйдет — хорошо. Возможно, что и вы ничего не сделаете, и, откровенно говоря, я был бы удивлен, если бы что-нибудь получилось. Но попытка не пытка. Вы можете, если

понадобится, разобрать машину и использовать детали для ремонта. Там одного оборудования на несколько тысяч долларов. Вам могут пригодиться части.

— Да, это интересно,— без особой радости откликнулся Тэн.

— Вот и прекрасно,— весело подхватил Генри, вложив в это «прекрасно» весь запас недостающего Тэну энтузиазма.— Я завтра пришлю своих парней с грузовиком. Эта штука тяжелая, нужно много рабочих. Они помогут выгрузить машину и перенести ее в подвал.

Генри осторожно поднялся и стряхнул с колен пепел.

— А заодно попрошу ребят забрать и телевизор,— произнес он.— Скажу Эби, что вы его еще не починили. Если я притащу телевизор домой, она тут же в него вцепится.

Тэн видел, как Генри тяжело поднялся по ступенькам, затем хлопнула дверь.

Он стоял в темноте и смотрел, как Генри пересек двор вдовы Тейлор и исчез за соседним домом. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он помотал головой, надеясь, что хоть немного прояснится в мозгу. Но это не помогло — голова по-прежнему гудела. Слишком много событий за один день, слишком много: сперва потолок, а теперь телевизор. Может быть, когда он выспится хорошенько, то будет в состоянии разобраться во всем.

Из-за угла вышел пес и, ковыляя, медленно взобрался по ступенькам и встал рядом с хозяином. С головы до кончика хвоста он весь был забрызган грязью.

— Видно, и у тебя тоже был хороший денек,— заметил Тэн.— Все как по писаному — никакого сурка ты не поймал.

— Гав,— печально ответил Таузер.

— Ничем ты от нас не отличаешься. Точь-в-точь как мы с Генри, да и все остальные тоже. Вот ищешь и думаешь, будто знаешь, что ты ищешь. А на самом деле и понятия не имеешь, за чем ты охотишься,— мрачно заключил Тэн.

Таузер вяло ударил хвостом по крыльцу. Тэн открыл дверь, посторонился и, пропустив пса вперед, вошел за ним следом.

Он пошарил в холодильнике и отыскал там пару ломтиков мяса, засохший кусок сыру и полкастрюли вареных макарон. Сварив кофе, Тэн разделил ужин с Таузером.

После еды Тэн спустился вниз и выключил телевизор. Затем достал лампу с рефлектором, вставил вилку в штепсельную розетку и осветил внутренность телевизора. Присев на корточки с лампой в руках, Тэн пытался понять, что же произошло с этой развалиной. Теперь она выглядела совсем по-другому, но определить, в чем заключалась разница, было нелегко. Что-то произошло с лампами — они странным образом изогнулись. Кроме того, кто-то вставил в схему маленькие белые металлические кубики. Они, казалось, были расположены без всякой системы. Монтаж схемы тоже изменился, появились какие-то новые цепи. Чувствовалось, что все это было сделано наспех. Кому-то понадобилось как можно быстрее включить телевизор, и этот «кто-то» починил его на скорую руку.

«Кто-то,— подумал Тэн.— Но кто же этот "кто-то"?» Тэн обошел помещение, заглядывая во все углы, и вдруг почувствовал, как мурашки забегали у него по спине.

Шкафчик был снят со стены и придвинут к скамейке. Шурупы, которыми была привинчена крышка, лежали аккуратно в ряд на полу. Собрав телевизор на скорую руку, неизвестные мастера сделали все намного лучше, чем было прежде.

«Если это называется на скорую руку, можно себе представить, что бы они сделали, будь у них время»,— подумал Тэн.

Но конечно, у них не было времени. Они испугались, заслышав его шаги, и не успели поставить крышку на место.

Тэн встал, ноги были как деревянные.

Утром потолок, а теперь телевизор Эби.

И потолок, коли вдуматься хорошенько, не был простым перекрытием. Еще одна прокладка, если эту штуковину можно назвать прокладкой, сделанная из того же материала, оказалось, была положена под пол, там, где между балками было пустое пространство. Именно на эту вторую прокладку и наткнулся Тэн, когда пытался сверлить пол.

Интересно, всюду ли такая прокладка?

Было ясно только одно — в доме кроме него и Таузера находился кто-то посторонний.

Таузер услышал, учуял — ощутил его присутствие и потому так яростно царапал пол у двери, как будто перед ним была нора сурка.

Но теперь Тэн знал наверняка: это был не сурок.

Он убрал лампу и поднялся наверх.

Таузер лежал, свернувшись калачиком, на ковре у качалки и при виде хозяина приветливо застучал хвостом. Тэн остановился и посмотрел на пса. Таузер ответил ему сытым сонным взглядом, вздохнул и закрыл глаза.

Если утром Таузер что-то слышал или чуял, то сейчас ничто не тревожило его сон.

Тут Тэн вдруг вспомнил: днем он налил чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, включил плиту, и впервые она зажглась без фокусов — ее даже не пришлось толкать ногой.

Он проснулся утром — кто-то сжал его ноги. Он испуганно сел. Но это был только Таузер, который ночью забрался к нему в постель и устроился в ногах. Пес тихонько заскулил, его задние лапы дернулись, как будто он во сне гнался за кроликом.

Тэн высвободил ноги и протянул руку за одеждой. Было еще рано, но он вспомнил, что вся мебель, привезенная накануне, так и осталась на грузовике. Нужно было стащить ее вниз и уже потом приступать к реставрации.

Таузер продолжал спать.

Тэн прошел на кухню и выглянул в окно. На крыльце у черного хода, скорчившись, сидел Бизли, «универсальный» слуга Хортонов.

Тэн открыл дверь, чтобы узнать, в чем дело.

— Я ушел от них, Хайрам,— сказал Бизли.— Она все время ругала меня. Я никак не мог ей угодить. Плюнул и ушел.

— Ну, заходи,— предложил Тэн.— Надеюсь, ты не откажешься от завтрака и кофе?

— Я все думаю, Хайрам, не остаться ли мне на несколько дней здесь у тебя, пока я не найду место.

— Там будет видно,— заметил Тэн.— Сначала давай позавтракаем.

Все это ему не нравилось, очень не нравилось. Через час прилетит Эби, устроит скандал и будет обвинять его в том, что он сманил Бизли. Ведь Бизли, несмотря на свою тупость, делал всю черную работу и безропотно сносил ругань и придирки. В поселке не найдется другого человека, который стал бы работать у Эби Хортон.

— Твоя матушка всегда угощала меня печеньем,— сказал Бизли.— Она была очень хорошая женщина, Хайрам.

— Это правда,— согласился Тэн.

— Моя мать говорила, что вся ваша семья — это настоящие люди, не чета тем, кто больше всех в поселке задирает нос. Она говорила, что вы были среди первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не самые первые, но этот дом стоит здесь почти сто лет. Мой отец любил говорить, что не было ночи, когда хотя бы один Тэн не ночевал под его крышей. Мне кажется, все это имело большое значение для отца.

— Должно быть, приятное чувство. Ты можешь гордиться своим домом, Хайрам.

— Не то слово. Я как-то очень сроднился с этим домом. Даже не могу представить себя в другом месте.

Тэн включил плиту, подошел к крану и налил в чайник воды. Потом он пнул ногой плиту, но спираль и без того начала краснеть.

«Второй раз подряд включаю, и она действует,— подумал Хайрам.— Сама исправилась».

— Какой у тебя шикарный приемник, Хайрам,— сказал Бизли.

— Он никуда не годится. Не работает. Все нет времени починить.

— А по-моему, работает, Хайрам. Я только включил, и он сразу же начал нагреваться.

— Нагреваться? А ну-ка пусти! — закричал Тэн.

Бизли не ошибся — из приемника послышалось легкое потрескивание, затем прорвался голос, который все усиливался по мере того, как нагревались лампы.

Слов он не мог разобрать.

— А по какому они говорят? — спросил Бизли.

— Не знаю,— с отчаянием ответил Тэн.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь приемник.

Он начал яростно крутить ручку, но стрелка не побежала, а поползла по шкале. В эфире быстро сменялись голоса, музыка.

Тэн подстроился к какой-то станции — говорили на незнакомом языке. И вдруг он словно прозрел: да это же всеволновый супер, один из тех, что рекламируют на обложках модных журналов, стоит перед ним на кухонном столе, на месте его дешевенького приемника.

Поднявшись, Тэн предложил Бизли:

— Поищи, может, поймаешь что-нибудь на английском, пока я поджарю яичницу.

Он включил вторую горелку, достал с полки сковородку, поставил ее на плиту и вынул из холодильника мясо и яйца.

Бизли поймал наконец какой-то джаз.

— Ну как? — спросил он.

— Превосходно,— ответил Тэн.

Таузер вышел из спальни, зевая и потягиваясь. Он направился к двери, всем своим видом показывая, что хочет выйти. Выпуская его, Тэн посоветовал:

— На твоем месте я плюнул бы на сурка. Тебе придется обшарить весь лес, чтобы найти его.

— А он ищет не сурка, Хайрам,— заметил Бизли.

— Ну кролика.

— И не кролика. Я вчера улизнул, когда Эби думала, что я выбиваю ковры. Из-за этого-то она и разошлась.

Тэн проворчал что-то, выливая яйца на сковородку.

— Так вот, я смылся и пошел на то место, где рыл Таузер. Я с ним поговорил, и он сказал мне, что это и не сурок, и не кролик, а что-то другое. Я залез в яму и помог ему копать. Он выкопал там какую-то штуку, похожую на старый бак. Кто-то зарыл ее здесь, в лесу.

— Таузер не мог откопать бак. Его интересуют только кролики и сурки.

— Он трудился вовсю,— настаивал Бизли.— И был очень взволнован.

— Может быть, сурок выкопал себе нору под этим баком?

— Может, и так,— сказал Бизли.

Он покрутил приемник — послышалась дикая музыка, ее сопровождал голос комментатора.

Тэн разложил мясо и яичницу по тарелкам, поставил их на стол, налил по большой чашке кофе и стал намазывать гренки маслом.

— Ну, нажимай, Бизли,— предложил он.

— Я очень тебе благодарен, Хайрам, за твою доброту, я сразу же уйду, как только найду работу.

— Но я ведь еще ничего не обещал...

— Знаешь, временами, когда мне кажется, что у меня на свете нет ни единого друга, я вспоминаю твою матушку. Она всегда была очень добра ко мне.

— Ну ладно, хватит об этом,— бросил Тэн, чувствуя, что сдается.

Он поставил на стол новую порцию хорошо поджаренных гренок и банку с вареньем и наконец сел к столу и начал есть.

— Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил Бизли, стирая тыльной стороной ладони остатки яичницы с подбородка.

— Там у меня на дороге стоит куча мебели. Помоги снести ее под лестницу.

— С радостью,— откликнулся Бизли.— Ведь я здоровый и сильный и никакой работы не боюсь. Я только не люблю, когда меня пилят.

После завтрака они стащили мебель под лестницу.

С креслом семнадцатого века им пришлось повозиться, оно было очень громоздким.

Когда они наконец кончили, Тэн внимательно осмотрел кресло. «Человек, заляпавший краской чудесное вишневое дерево, должен был бы ответить за это»,— подумал он.

Он сказал Бизли:

— Придется снять краску, причем очень осторожно. Нужно взять растворитель, обмотать шпатель тряпкой и просто протирать поверхность. Хочешь попробовать?

— Конечно, Хайрам. А что у нас будет на ланч?

— Не знаю,— ответил Тэн.— Что-нибудь соорудим. Неужели ты голоден?

— Думаешь, легко таскать эти вещи?

— Там в кухне на полке банка с печеньем,— заметил Тэн.— Пойди и возьми.

Когда Бизли поднялся наверх, Тэн медленно обошел подвал. Потолок был на месте. Все остальное тоже.

А может быть, телевизор, плита и радио — просто «их» способ расплатиться со мной за квартиру? «Если это так,— подумал он,— пусть бы они пожили здесь подольше».

Он посмотрел вокруг и не обнаружил ничего подозрительного, затем поднялся наверх и позвал Бизли:

— Пойдем в гараж. Поищем какой-нибудь растворитель, и я покажу тебе, как им пользоваться.

Бизли с запасом печенья в руках покорно поплелся за ним. Свернув за угол, они услышали приглушенный лай Таузера. Тэн прислушался, и ему показалось, что пес охрип.

«Третий день, а может быть, даже четвертый. Если не принять мер, этот дурак совсем изведется»,— подумал он.

Тэн зашел в гараж и вернулся оттуда с двумя лопатами и киркой.

— Пошли,— бросил он Бизли.— Нужно кончать, а то покоя не будет.

Таузер произвел в лесу настоящие раскопки. Пса почти не было видно — из вырытой ямы торчал лишь самый кончик хвоста, который, как всегда, подрагивал

Бизли сказал правду: эта странная штука действительно напоминала бак. Часть его выглядывала из ямы.

Таузер выбрался наверх и сел, тяжело дыша,— на усах налипла грязь, язык свисал набок.

— Он говорит, что пора нам принять участие в этом деле,— произнес Бизли.

Тэн обошел яму и опустился на колени. Затем попытался рукой стряхнуть землю с выступающей из ямы части бака, но прилипшая глина затвердела и плохо поддавалась. На ощупь казалось, что бак был сделан из какого-то тяжелого металла.

Тэн взял лопату и стукнул ею по баку. Раздался звон металла.

Они дружно взялись за работу, снимая лопатами слой почвы над баком. Бак оказался больше, чем они думали, и понадобилось немало времени, чтобы откопать его. Но это было далеко не все: нужно было очистить всю поверхность от приставшей к ней земли.

— Я голоден,— пожаловался Бизли.

Тэн взглянул на часы. Почти час.

— Беги домой,— предложил он Бизли.— И найди себе что-нибудь в холодильнике. Там есть молоко.

— А ты, Хайрам,— ты разве не голоден?

— Ну, принеси мне сэндвич и посмотри, нет ли там мастерка.

— А для чего тебе мастерок?

— Я хочу соскрести грязь с этой штуки и посмотреть, что это такое.

Он опустился на колени рядом с выкопанным предметом и смотрел, как Бизли исчез в лесу.

— Таузер,— заметил он,— это самая странная штука из всех, которые ты когда-либо выкапывал.

«Когда от страха места себе не находишь, остается только одно — обратить все в шутку»,— подумал Тэн.

Бизли, конечно, не испугался. У него недоставало воображения, чтобы бояться непонятных вещей.

Тэн осмотрел бак: он был овальной формы, не менее семи метров в высоту и четырех в поперечнике. «Целая комната,— подумал он.— В Уиллоу-Бенде никто сроду не видывал такой штуки».

Он вынул из кармана складной нож и очистил от глины кусочек поверхности. Бак был сделан из какого-то диковинного материала, неизвестного Тэну, похожего на стекло.

Тэн продолжал соскребать грязь с бака, пока не очистил кусок величиной с ладонь.

Теперь Тэн почти не сомневался: все же это был не металл, а полупрозрачное вещество, скорее напоминавшее стекло, из которого делают кубки и вазы. Тэн вечно за ним охотился — любители сходят с ума по такому стеклу и платят бешеные деньги.

Тэн закрыл нож, спрятал его в карман и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку Таузера.

В нем росла уверенность: существа, поселившиеся в его доме, прибыли именно в этой штуке, откуда бы они ни явились — из космоса или из какого-то другого времени. Он сам удивился своим мыслям — раньше он ни о чем таком не думал.

Тэн взялся за лопату. На этот раз он стал копать глубже, подрывая закругленный край незнакомого предмета, все еще крепко сидящего в земле.

Он спрашивал себя — что ему говорить обо всем этом и говорить ли вообще. Может быть, самое правильное — засыпать всю эту штуку землей, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Бизли, конечно, будет болтать. Но кто обращает внимание на то, что несет Бизли? Все в Уиллоу-Бенде знали, что Бизли тронутый.

Наконец вернулся Бизли. В старой газете он принес три неумело сделанных сэндвича и почти полную бутылку молока.

— Да ты, как я вижу, не очень торопился,— без раздражения заметил Тэн.

— А мне было интересно.

— Что именно?

— Приехали три больших грузовика и привезли какие-то тяжелые вещи. Два или три больших шкафа и еще кучу всякого барахла. Они все поставили в подвал. Ты знаешь телевизор

Эби? Они его забрали. Я им говорил, чтобы они не брали, а они все равно взяли.

— Совсем забыл,— спохватился Тэн.— Генри предупреждал, что пришлет счетную машину, а я забыл.

Он съел сэндвичи, разделив их с Таузером, который в порыве благодарности измазал его маслом.

Покончив с едой, Тэн поднялся и взял в руки лопату.

— А теперь за работу,— предложил он.— Мы должны закончить.

— Но в подвале-то все так и стоит.

— Подождет,— ответил Тэн.— Нужно развязаться с этим делом.

Когда они кончили копать, было совсем темно. Тэн устало оперся на лопату.

Четыре метра на семь в поперечнике и три в высоту — и все из матового стекла, звенящего от прикосновения лопаты. «Должно быть, они совсем маленькие,— подумал Тэн.— Иначе как бы они уместились в этом ящике, особенно если их много. Неизвестно, какой путь им пришлось проделать. Но все же они как-то разместились. Значит, все у них было предусмотрено. Не будь они такими крошечными, они не смогли бы забраться в щели между балками пола (при условии, что они вообще реально существуют и все это не сплошная чушь)».

Если они и побывали в доме, то ясно, что сейчас их там нет. Таузер чуял или слышал что-то утром, а сейчас он был совсем спокоен.

Тэн вскинул лопату на плечо и прихватил с собой кирку.

— Двинулись, Бизли,— кивнул он.— День был длинный и тяжелый.

Пройдя напрямик через кустарник, они вышли на дорогу. В ночной тьме то там, то здесь мелькали светлячки, уличные фонари покачивались от легкого летнего ветерка. Звезды были яркие и четкие.

«Возможно, они еще в доме,— подумал Тэн.— Наверное, поняли, что Таузер их учуял, и что-нибудь сделали, чтобы он больше не ощущал их присутствия.

Вероятно, они хорошо приспосабливаются. Похоже, что так. С какой легкостью они устроились в человеческом жилье»,— мрачно добавил он про себя.

Они с Бизли шли в темноте по усыпанной гравием дорожке, ведущей в гараж. Нужно было положить инструменты. Но странное дело — гаража не оказалось.

Не было гаража, не было и фасада дома, дорожка резко обрывалась, и за ней не было ничего; в том месте, где кончался гараж, стена изгибалась.

Они подошли ближе к стене и остановились в темноте, еще не веря своим глазам.

Не было ни гаража, ни порога, ни фасада дома. Будто кто-то взял противоположные углы фасада, свел их вместе, и вся передняя стена дома оказалась внутри кривизны.

Теперь Тэн стал владельцем дома с завернутым внутрь фасадом. И хотя это выглядело просто, на самом деле все оказалось сложнее: кривизна была не такой, какую следовало бы ожидать в подобном случае,— длинная линия, изящно изогнутая и очень нечеткая, будто фасад совсем убрали, а оставшаяся часть дома расположилась так, чтобы как-то замаскировать это исчезновение.

Тэн выронил кирку и лопату — они со стуком ударились о твердую дорожку. Он провел рукой по глазам, будто снимая с них невидимую пелену.

Когда он убрал руку, ничего не изменилось.

Фасада по-прежнему не было.

Он несколько раз обежал вокруг дома, едва сознавая, что делает, и внутри у него рос страх.

Задняя стена была на месте. С ней ничего не произошло.

Он поднялся на крыльцо, Бизли и Таузер последовали за ним. Распахнув дверь, Тэн ворвался в переднюю, пронесся по лестнице, в три прыжка пересек кухню и бросился в гостиную, чтобы снова посмотреть, что же произошло с фасадом.

Остановившись в дверях и ухватившись за косяк, Тэн ошалело уставился в окно. Он отлично знал, что на дворе ночь, прекрасно видел светлячков в кустах и в камышах, фонари на улице, звезды в небе. Но в окна его комнаты лился поток солнечного света, а за домом лежала какая-то незнакомая страна, ничем не напоминающая Уиллоу- Бенд.

— Бизли,— крикнул он.— Погляди в окно!

Бизли поднял голову.

— Интересно, что это за местность? — спросил он.

— Я и сам бы хотел это знать,— откликнулся Тэн.

Таузер нашел свою миску и, подталкивая носом, начал возить ее по всей кухне, давая этим понять Тэну, что его пора кормить.

Тэн прошел через комнату и открыл наружную дверь. Гараж был на месте. Пикап стоял, упираясь носом в открытую дверь гаража, а легковая машина, как всегда, находилась внутри.

Фасад тоже был в полном порядке, но остальное...

В двух футах от грузовика дорожка обрывалась, и за ней не было ни двора, ни леса, ни дороги, а просто пустыня, покрытая галькой и песком, плоская уходящая вдаль пустыня, ровная, как пол, с редкими пятнами камней и кустами чахлой зелени. Огромное слепящее солнце висело прямо над горизонтом, который виднелся где-то очень далеко. Но самое удивительное заключалось в том, что солнце находилось на севере, где ему было совсем не место. Кроме того, оно сияло ослепительно белым светом.

Бизли вышел на порог, и Тэн увидел, что он дрожит, как испуганный пес.

— Может быть, тебе лучше вернуться и состряпать нам ужин? — мягко сказал Тэн.

— Но как же, Хайрам...— начал Бизли.

— Все в порядке,— успокоил его Тэн.— Все будет в порядке.

— Ну, если ты так говоришь, Хайрам.

Он вошел в дом, хлопнув дверью, и через минуту Тэн услышал, как он гремит посудой на кухне.

Неудивительно, что Бизли так перепугался. Хоть кого свалит такая штука: выйти из своей парадной двери и очутиться в незнакомой стране.

Конечно, человек может и не к такому привыкнуть, но все же на это нужно время.

Тэн спустился с крыльца, прошел мимо грузовика за гараж. Огибая его, он почти надеялся увидеть знакомые дома Уиллоу-Бенда — ведь когда он входил через заднюю дверь, поселок еще стоял на месте.

Но Уиллоу-Бенда не было. Перед ним лежала пустыня, бесконечная пустыня.

Он обошел дом вокруг и теперь не нашел задней стены. Задняя часть дома представляла собой то же, что фасад, когда Тэн впервые увидел его,— те же сведенные вместе углы. Он пошел дальше, но повсюду расстилалась пустыня. Фасад был на мес-

те, и все оставалось по-прежнему. На обрезанной дорожке стоял грузовик, дверь гаража была открыта, и внутри виднелась машина.

Тэн прошел в глубь пустыни, наклонился и зачерпнул горсть гальки — галька была самая обыкновенная. Он присел на корточки и начал пропускать камешки сквозь пальцы.

В Уиллоу-Бенде была задняя дверь его дома, а фасад исчез. А здесь, правда, непонятно как, все было наоборот: передняя дверь осталась, но отсутствовала задняя стена.

Он встал, выбросил оставшиеся камни и вытер ладони о брюки.

Уголком глаза он уловил какое-то движение на пороге — они были здесь.

Отряд крошечных зверьков — если их вообще можно так назвать — строем спустился с лестницы. Все они были не выше десяти сантиметров и передвигались, опираясь на четыре конечности, хотя было ясно видно, что их передние конечности — не ноги, а руки. Их крысиные мордочки с длинными острыми носами отдаленно напоминали человеческие лица. Казалось, что зверьки покрыты чешуей, так как их тела при движении блестели и переливались. Хвосты зверьков, очень похожие на те проволочные закругленные хвостики, какие бывают на заводных игрушках, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они сошли со ступенек четким шагом, сохраняя дистанцию в пятнадцать сантиметров, держась прямо, как по линейке, и двинулись в пустыню. В них чувствовалась железная целеустремленность, и тем не менее было видно, что они не очень торопятся.

Тэн насчитал шестнадцать зверьков. Он долго стоял, провожая их взглядом, пока они не растворились в пустыне.

«Вот они, мои новые жильцы,— подумал Тэн.— Это они обили потолок, починили телевизор, исправили плиту и приемник. И похоже, что они путешествовали в этом странном сосуде из матового стекла, который лежит там, в лесу. Но даже если они прибыли на Землю в этой штуке, то все равно непонятно, откуда они появились».

Тэн поднялся на крыльцо, открыл дверь и увидел, что его гости прорезали в дверной сетке круг диаметром в пятнадцать сантиметров. «Иначе бы им не выйти,— подумал он и тут же

мысленно отметил: — Как-нибудь надо выбрать время и заделать дыру». Он вошел в дом, громко хлопнув дверью.

— Бизли! — закричал он.

Ответа не было.

Таузер выполз из-под кушетки и виновато заскулил.

— Все в порядке, дружок,— сказал Тэн.— Эта компания меня тоже напугала.

Он пошел на кухню. Неяркий свет, лившийся с потолка, отражался в перевернутом кофейнике, в осколках чашки посреди пола и в опрокинутой миске с яйцами. Разбитое яйцо расплылось на линолеуме бледно-желтым пятном.

Поднявшись по лестнице, Тэн увидел, что дверь, ведущая на черный ход, почти уничтожена — ржавая металлическая сетка разорвана на куски, и рама, на которой она была натянута, расколота.

Тэн посмотрел на дверь не без восхищения.

— Вот дурни,— изумился он,— прошли сквозь дверь и даже открыть не попытались.

Он зажег свет и стал спускаться по лестнице. Но на полпути остановился в изумлении: слева от него была стена, сделанная из того же материала, что и потолок.

Перегнувшись через перила, Тэн увидел, что стена делила его мастерскую пополам — она шла от пола до потолка, перерезая подвал.

Что же осталось в мастерской?

Он вспомнил, что там стояла счетная машина, которую утром прислал Генри. Три грузовика, сказал Бизли. Три грузовика деталей попали прямо к ним в лапы.

Тэн устало опустился на ступеньки.

Должно быть, они считают его своим союзником. Не иначе как они решили, что Тэн знает об их существовании и действует заодно с ними. Или, может быть, они решили, что он таким образом расплатится за ремонт телевизора, плиты и приемника.

Но если рассуждать последовательно, зачем они починили телевизор, плиту и приемник? Что это — своего рода плата за постой? Или просто знак дружеского расположения? А может быть, пришельцы решили попрактиковаться — проверить, смыслят ли они что-либо в технике чужого мира, посмотреть, как

можно применить свои знания в условиях вновь открытой планеты?

Тэн постучал костяшками пальцев по стене у перил — белая гладкая поверхность зазвенела.

Приложив ухо к стене, он внимательно прислушался — ему показалось, что там слышен приглушенный гул, но он не был в этом совершенно уверен.

За стеной осталась садовая косилка Бейнкера Стивенса и еще много разного хлама, который нужно было чинить. «Ведь хозяева с меня шкуру сдерут,— подумал Тэн,— особенно Бейнкер Стивенс. Это ведь известный жмот».

Бизли, наверное, совсем одурел от страха. Когда он увидел, как эти типы поднимаются по лестнице, у него последний разум отшибло, и он полез в дверь, даже не открыв ее. А теперь он, очевидно, носится по поселку и трезвонит обо всем каждому, кто захочет его слушать.

Правда, обычно никто не обращает внимания на болтовню Бизли. Но если он заладит без конца одно и то же, да еще в таком возбужденном состоянии, не исключено, что кто-нибудь да и прислушается. И тогда они ворвутся сюда, все обыщут, всюду сунут нос, и в конце концов кто-нибудь из них зацапает все в свои руки.

А это уже их совсем не касается, повторял Тэн, чувствуя, что в нем заговорил старый бизнесмен. Сразу же за его двором начинались огромные неосвоенные пространства, и путь к ним лежал только через его дом. И вся эта земля по праву принадлежала ему. Может быть, она ни на что не годна — ведь это пустыня. Но прежде чем ее отдать, он должен сам все посмотреть и во всем убедиться.

Он вышел из подвала и направился к гаражу.

Солнце по-прежнему находилось на севере, над самым горизонтом, и вокруг все было спокойно. Тэн нашел в гараже молоток, гвозди, несколько коротких дощечек и принес их в дом. Он заметил, что Таузер, воспользовавшись паникой, уснул на кресле с парчовой обивкой, но не стал его трогать.

Закрыв черный ход, Тэн прибил на дверь несколько планок, затем запер кухню, закрыл окна в спальне и тоже забил их досками.

Это хоть ненадолго удержит жителей поселка, сказал он себе, когда они примчатся поглазеть на то, что здесь происходит.

Он достал из шкафа свое охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, которую наполнил водой из крана, и положил в мешочек продукты на дорогу для себя и Таузера, так как времени на еду уже не оставалось.

Потом Тэн прошел в комнату и согнал Таузера с кресла.

— Пошли, Тауз,— сказал он.— Пойдем сами все поглядим.

Проверив бензин — бак был почти полный,— он влез в машину и положил ружье на сиденье рядом с собой. Таузер прыгнул вслед за ним. Затем, дав задний ход, Тэн развернулся и поехал на север через пустыню.

Машина шла легко. Почва была ровная, как пол. Иногда она становилась ухабистой, но не более чем проселочные дороги, по которым он мотался в поисках мебели.

Ландшафт казался на редкость однообразным. Повсюду расстилалась плоская пустыня, и лишь кое-где выступали низкие холмы. Тэн все время ехал на север, держа курс по солнцу. Несколько раз он пересекал песчаные полосы — песок был твердый, хорошо спрессованный, и колеса шли легко.

Через полчаса он поравнялся с отрядом своих гостей. Шестнадцать зверьков все так же неторопливо шли строем по пустыне.

Тэн сбавил скорость и некоторое время ехал параллельно с ними. Но толку от этого не было никакого — зверьки придерживались строго определенного направления, не обращая на Тэна никакого внимания.

Увеличив скорость, Тэн обогнал их.

Солнце по-прежнему неподвижно стояло на севере. Это было очень непривычно. Может быть, подумал Тэн, этот мир вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля, поэтому и день здесь длиннее. Судя по тому, что солнце так долго стоит на одном месте, намного длиннее.

Согнувшись за рулем и всматриваясь в бесконечную пустыню, он впервые обратил внимание на необычность пейзажа.

Несомненно, это был другой мир. Другая планета вращалась вокруг другой звезды, и никто на Земле не знал, какое место она занимает в космосе. Но из-за странных действий шестна-

дцати существ, шагавших строем по пустыне, новая планета начиналась сразу же за парадной дверью его дома.

Вдалеке маячил довольно высокий холм. По мере того как Тэн приближался к холму, он начал различать на его вершине какие-то блестящие предметы. Вскоре он остановил грузовик и взялся за бинокль.

Тэн с удивлением увидел, что блестящие предметы — баки из молочно-белого стекла, точно такие же, как тот, что он нашел в лесу. Он насчитал их восемь штук. Они лежали в углублениях из серого камня и ослепительно ярко блестели на солнце. Некоторые гнезда пустовали. Тэн опустил бинокль и стоял, размышляя, стоит ли взбираться на холм, чтобы получше разглядеть их. Потом покачал головой — успеется. Сейчас лучше проехать как можно дальше. Ведь это еще не серьезная исследовательская экспедиция, а лишь предварительная разведка.

Он влез в машину и двинулся дальше, все время посматривая на указатель уровня бензина. Когда стрелка дойдет до середины шкалы, ему придется повернуть обратно.

Впереди, над темной линией горизонта, Тэн заметил неясное белое облачко. Он присмотрелся внимательнее. Временами облако рассеивалось, потом снова появлялось. Из-за большого расстояния трудно было разобрать, что это такое.

Он взглянул на указатель уровня — тот показывал чуть больше половины. Тэн остановил машину и снова взялся за бинокль.

Когда он вышел, то с удивлением почувствовал, что ноги точно налиты свинцом. Он сообразил, в чем дело,— ему давно следовало быть в постели. Часы показывали два. Это означало, что там, на Земле, было два часа ночи и он уже больше двадцати часов на ногах, причем большую часть времени провел в страшном напряжении, выкапывая эту странную штуку в лесу. Тэн снова поднес к глазам бинокль — белая неясная линия оказалась цепью гор. Огромная синяя скалистая гряда со сверкающими от снега вершинами высилась над пустыней. Горы были очень далеко и даже в мощный бинокль выглядели голубой туманной полосой. Тэн медленно обвел биноклем линию горизонта: по ней тянулись и тянулись горы.

Повернувшись, Тэн стал рассматривать в бинокль пустыню. Все та же плоская земля, те же одиночные холмы, та же чахлая растительность.

И дом.

Когда он опустил бинокль, руки его дрожали. Затем он снова поднес его к глазам и посмотрел еще раз. Сомнений не было — перед ним находился самый настоящий дом, очень странного вида. Он стоял у подножия холма, скрытый в тени, и поэтому его нельзя было разглядеть невооруженным глазом.

Дом был небольшой, с заостренной конусообразной крышей, и казался крепко прижатым к земле, так что чудилось, будто он, пригнувшись, ползет по пустыне. Тэн разглядел овальную дыру, должно быть дверь, но не увидел никаких окон.

Опустив бинокль, Тэн оглянулся. «Пять или шесть километров,— подумал он.— Пикап дотянет, а если и не хватит бензина, последние несколько километров до Уиллоу-Бенда можно пройти пешком».

«Интересно, что дом только один»,— подумал Тэн. На протяжении всего пути не было видно никаких признаков жизни, не считая шестнадцати маленьких крысоподобных существ, шеренгой шагавших по пустыне: никаких искусственных сооружений, кроме этих восьми странных белых штук, лежащих в своих каменных ложах.

Тэн сел в машину и нажал на педаль акселератора. Через десять минут он подъехал к фасаду дома, стоящего в тени холма.

Он вышел из пикапа и достал ружье. Таузер прыгнул на землю, внезапно зарычал, и шерсть у него встала дыбом.

— Что случилось, дружище? — спросил Тэн.

Таузер в ответ снова зарычал.

Дом стоял безмолвный, казалось, хозяева давно покинули его.

Стены были сложены из грубых неотесанных камней, наспех скрепленных каким-то похожим на глину веществом. Крыша первоначально была покрыта дерном. Странно, откуда он взялся — во всей пустыне не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дерн. Хотя еще можно было разглядеть места, где соединялись полосы дерна, но казалось, что это просто обожженная солнцем земля.

Дом был какой-то безликий, без всяких украшений. Видно, никто даже не пытался смягчить его суровую неуютность и сделать пригодным для жилья. Такой дом могли сложить скотоводы-кочевники. Время оставило на нем свои следы: камень расслоился и начал крошиться.

Взяв ружье под мышку, Тэн двинулся к домику. Он подошел к двери и заглянул внутрь — там было темно и тихо.

Тэн обернулся, ища Таузера. Пес забился под машину и выглядывал оттуда, тихо рыча.

— Не ходи далеко,— сказал Тэн.— Не убегай, слышишь? — Выставив вперед ружье, он шагнул во мрак, постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте.

Теперь он мог разглядеть комнату, в которой находился: совсем простая, с грубой каменной скамьей вдоль одной стены. На другой темнели какие-то странные ниши, а в углу стоял деревянный предмет, но Тэн так и не понял его назначения.

«Старое покинутое жилище, давным-давно заброшенное»,— подумал он.

Может быть, в какие-то далекие времена, когда пустыня была богатой и цветущей, здесь жило пастушье племя.

В углу была еще одна дверь. Распахнув ее, Тэн услышал слабый приглушенный стук и еще какой-то звук — будто шум падающего дождя. Из открытой двери, ведущей куда-то вглубь, потянуло морским воздухом, и Тэн так и застыл в изумлении посреди комнаты.

Еще один дом, ведущий в другой мир!

Он медленно вышел в открытую дверь и попал в туманный, пасмурный день. Потоки дождя низвергались на землю из бешено мчащихся облаков. А в полукилометре, за полем, где в беспорядке громоздились серо-стальные валуны, лежало беспокойное море. Оно свирепо билось о берег, и фонтаны яростных брызг вздымались в воздух.

Тэн вышел из дома и взглянул на небо — дождь больно захлестал по его лицу. Воздух был промозглый и холодный, и все это место казалось каким-то таинственным, сверхъестественным. Мир, выхваченный из старой сказки о привидениях и эльфах.

Он оглянулся — ничего не было видно. Дождь заштриховал мир, который простирался за прибрежной полосой. Тэну вдруг почудилось что-то за дождем. Задохнувшись от страха, он повернулся и, спотыкаясь, бросился обратно в дом.

Новый мир отделял его от Уиллоу-Бенда, а теперь появился и второй. Расстояние в два мира — это больше, чем может выдержать обыкновенный человек. Ему стало не по себе при мысли о том, как страшно одинок он сейчас, и, почувствовав, что не

может дольше оставаться в этом заброшенном доме, Тэн выбежал наружу.

Солнце светило по-прежнему ярко, было тепло и приятно. Одежда Тэна промокла, и капли влаги лежали на стволе ружья.

Тэн огляделся, ища Таузера, но собаки не было видно. Он не нашел ее и под машиной. Пес исчез.

Хозяин позвал его, но Таузер не отозвался. Голос Тэна одиноко прозвучал в окружающей пустоте и безмолвии.

В поисках собаки он обошел дом. Теперь второй двери снаружи не было. Сложенные из грубого камня стены закруглялись и сходились, изгибаясь так же странно, как и фасад его дома, а задней стены и вовсе не было.

Но Тэна это сейчас мало трогало и ничуть не удивляло — он искал пса и ни о чем больше не желал думать. Он понимал, что отъехал слишком далеко от дома, и чувствовал, как внутри у него все леденеет от страха.

Потратив на поиски три часа, он вернулся в дом, но Таузера не было и там. Тэн снова вышел в другой мир и безуспешно искал пса среди хаотического нагромождения камней. Затем пошел обратно в пустыню и направился к холму. Взобравшись наверх, он поднес к глазам бинокль — вокруг простиралась безжизненная равнина.

Падая от усталости, спотыкаясь и засыпая на ходу, Тэн вернулся к машине.

Прислонившись к кузову, он попробовал собраться с мыслями. Продолжать поиски в таком состоянии было бесполезно. Он должен хоть немного поспать. Нужно вернуться в Уиллоу-Бенд, наполнить бак, взять запас бензина, чтобы расширить радиус поисков.

Он не мог оставить пса здесь — это было немыслимо. Необходимо все обдумать и действовать разумно. Чем он поможет Таузеру, шатаясь по пустыне в таком состоянии?

Тэн завел машину и двинулся обратно к Уиллоу-Бенду, ориентируясь по едва заметным следам шин на песчаных участках и все время борясь с острым желанием немедленно заснуть.

Проезжая мимо горы, на которой виднелись белые стеклянные баки, Тэн на минуту остановил машину и вышел поразмяться — иначе бы он заснул за рулем. На этот раз только семь баков лежали в гнездах. Но все это не имело значения. Глав-

ное — побороть усталость, которая все сильнее овладевала им, удержать в руках руль и дотянуть до Уиллоу-Бенда. А там можно поспать немного и вновь приняться за поиски Таузера.

Примерно на полпути он увидел, что к нему приближается машина, и стал следить за ней в немом изумлении, ибо его грузовик и машина в гараже были единственным транспортом по эту сторону дома.

Он резко затормозил и вышел. Легковая машина подъехала, и из нее выпрыгнули Генри Хортон, Бизли и незнакомый человек со служебным знаком на груди.

— Ну, слава богу, нашелся! — закричал Генри, бросаясь к нему.

— А я и не терялся,— возразил Тэн.— Я возвращаюсь домой.

— Он валится с ног,— заметил незнакомец.

— Это шериф Хансон,— сказал Генри.— Мы ехали по вашим следам.

— Я потерял Таузера,— пробормотал Тэн.— Мне пришлось его оставить. Пустите. Мне нужно искать Таузера. Я сам доберусь до дома...

Тэн пошатнулся и ухватился за дверцу машины, чтобы не упасть.

— Вы взломали дверь,— обратился он к Генри.— Вы ворвались в мой дом и взяли машину.

— Мы вынуждены были это сделать, Хайрам. Мы боялись — а вдруг с вами что-нибудь случилось. Бизли все расписал так, что у нас волосы на голове встали дыбом.

— Вы лучше пересадите его в машину,— предложил шериф,— а я отведу назад грузовик.

— Но мне нужно искать Таузера.

— Прежде всего вам надо отдохнуть.

Генри схватил его под руку и повел к машине. Бизли придерживал дверцу.

— Вы знаете, что это за места? — прошептал Генри тоном заговорщика.

— Понятия не имею,— пробормотал в ответ Тэн.— Может быть, какой-то другой...

Генри ухмыльнулся.

— Да это, по-моему, не имеет значения. Что бы тут ни было, но нас с вами уже засекли. Мы попали в последние известия и заголовки газет. В городе полно репортеров и кино-

операторов, ждут приезда начальства. Я уверен, Хайрам, это выдвинет вас...

Но Тэн уже ничего не слыхал. Он заснул раньше, чем опустился на сиденье.

Проснувшись, Тэн некоторое время лежал неподвижно. В комнате было прохладно и спокойно, шторы опущены.

«Хорошо проснуться в знакомой комнате, где провел всю свою жизнь, в доме, который принадлежит твоей семье почти столетие»,— подумал он.

Затем Тэн вдруг все вспомнил и сел на постели. И тотчас же услышал шум за окном. Он спрыгнул с кровати, отогнул угол шторы и выглянул в окно. Солдаты сдерживали толпу, заполнившую задний двор его дома и дворы соседних домов.

Тэн бросил штору и принялся искать туфли. Он так и спал — одетым. Очевидно, Генри и Бизли положили его в постель, сняв с него только башмаки. Должно быть, он еще в машине, как только Генри втолкнул его на заднее сиденье, заснул мертвым сном.

Тэн нашел башмаки на полу и, сев на кровать, принялся надевать их, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше.

Он должен добыть где-нибудь бензин, наполнить бак и на всякий случай взять одну или две запасные канистры. Кроме того, нужно будет прихватить с собой воду, еду и, может быть, спальный мешок. Он твердо решил, что не вернется, пока не разыщет собаку.

Надев башмаки и завязав шнурки, Тэн вышел в гостиную. Там никого не было, но на кухне слышались голоса. Он выглянул в окно — такая же пустыня, как и прежде. Правда, солнце поднялось выше, но во дворе перед его домом все еще было утро.

Тэн посмотрел на часы. Они показывали шесть, да и по тени, на которую он обратил внимание, выглянув в окно спальни, легко было определить, что сейчас шесть часов. Должно быть, Тэн проспал около суток. Ему стало не по себе. Он не собирался столько спать и оставлять Таузера так долго одного.

Он направился в кухню. Там сидели трое — Эби, Генри Хортон и какой-то военный.

— Вот и вы,— весело воскликнула Эби.— А мы гадаем, когда вы проснетесь.

— Вы сварили кофе, Эби?

— А как же, целый кофейник. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

— Только гренки,— попросил Тэн.— Некогда. Я должен ехать искать Таузера.

— Хайрам,— сказал Генри,— это полковник Райан из Национальной гвардии. Его ребята там, на улице.

— Да, я видел их из окна.

— Это необходимо было сделать,— объяснил Генри.— Совершенно необходимо. Шериф не мог справиться. Здесь бы все разнесли на куски. Я позвонил губернатору.

— Тэн, присядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить,— объявил полковник.

— Я понимаю,— сказал Тэн, придвигая стул.— Простите, полковник, но я очень спешу, у меня пропала собака.

— То, что здесь происходит,— заметил полковник,— куда важнее любой собаки.

— Полковник, ваши слова доказывают только, что вы не знаете Таузера. Он самый лучший пес из всех, каких мне довелось держать, а уж, поверьте, у меня их перебывало немало. Я его взял щенком, и все эти годы он был мне хорошим другом.

— Ну и прекрасно,— произнес полковник.— Я понимаю, он ваш друг. Но тем не менее я должен с вами поговорить.

— Сядьте и выслушайте полковника, Хайрам,— велела Эби.— Я сейчас сделаю оладьи. Генри принес с фермы какую-то колбасу.

Дверь черного хода отворилась, и, сопровождаемый ужасным металлическим звяканьем, пошатываясь, вошел Бизли. Он нес три пустые пятигаллонные канистры в одной руке и две в другой — все они гремели и дребезжали.

— Послушайте,— закричал Тэн,— что здесь происходит?

— Успокойтесь, Тэн,— отвечал Генри.— Вы даже не знаете о проблемах, которые здесь возникли. Мы хотели принести сюда большой бак для бензина, но он не прошел. Потом пытались разобрать стену кухни и не смогли.

— Пытались что сделать?

— Разобрать стену кухни,— спокойно повторил Генри.— Через обычную дверь невозможно внести эти большие бензобаки, но как только мы начали пилить, убедились, что весь

дом изнутри проложен тем же материалом, который вы использовали для потолка под лестницей. Когда мы хотели разрубить стену, топор сразу же затупился.

— Но, Генри, это мой дом, и никто не имеет права его ломать.

— Экстренный случай,— сказал полковник.— Мне хочется знать, Тэн, что это за материал, который мы так и не смогли пробить?

— Не волнуйтесь, Хайрам,— предупредил Генри.— За дверью нас ждет огромный новый мир.

— Он ждет совсем не вас. И вообще это никого не касается! — заорал Тэн.

— Но мы должны исследовать его, а для этого нам требуются огромные запасы бензина. И поскольку мы не можем внести большой бак, бензин приходится носить в канистрах. Позже мы пропустим через дом бензопровод.

— Но послушайте, Генри!..

— Мне бы хотелось,— твердо заявил Генри,— чтобы вы перестали прерывать меня и выслушали все, что я хочу сказать. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись в связи с организацией снабжения. Мы связаны по рукам и ногам размерами двери, мы должны запастись горючим и организовать транспорт. Легковые машины и грузовики были бы совсем не лишними. Мы должны их разобрать и протащить по частям. Но вот самолет — проблема уже почти неразрешимая.

— Послушайте, Генри. Я не позволю тащить сюда самолет. Этот дом почти сто лет принадлежит моей семье. Я здесь хозяин, и вы не имеете права самовольно являться сюда и всем распоряжаться, да еще протаскивать через дом всякую дрянь.

— Ну поймите, Тэн,— плаксивым голосом произнес Генри,— нам до зарезу нужен самолет. Ведь, имея самолет, можно обследовать сразу огромную территорию.

Бизли, гремя канистрами, прошел через кухню в гостиную.

Полковник вздохнул.

— Я надеялся, мистер Тэн, что вы войдете в наше положение. Мне казалось естественным, что сотрудничество с нами в этом деле вы сочтете своим патриотическим долгом. Правительство, конечно, может воспользоваться своим правом верховной власти и конфисковать ваше владение. Но оно пред-

почло бы этого не делать. Я говорю сейчас неофициально, но я думаю, было бы правильным предупредить вас заранее, что власти предпочли бы прийти к дружескому соглашению.

— Сомневаюсь,— сказал Тэн наудачу, хотя сам толком ничего не знал,— что в этом случае можно применить право высшей власти. Вот если бы мой дом стоял на дороге...

— А это и есть дорога,— спокойно возразил полковник.— Прямая дорога через ваш дом в другой мир.

— Во-первых,— продолжал Тэн,— правительство еще должно доказать, что все это делается в интересах общества и что отказ владельца передать право владения государству равносилен вмешательству в действия правительства. А во-вторых...

— Мне кажется,— перебил его полковник,— правительство сможет доказать, что это делается в общественных интересах.

— Боюсь, что мне придется обратиться к адвокату,— сердито заметил Тэн.

— Если вам действительно понадобится очень хороший юрист, а я в этом уверен, то я смогу рекомендовать вам фирму, которая будет прекрасно защищать ваши интересы, притом за умеренную плату,— предложил Генри, всегда готовый прийти на помощь.

Полковник в негодовании поднялся.

— Вам придется держать ответ перед властями, Тэн. Правительство пожелает задать вам много вопросов. Во-первых, оно заинтересуется тем, как вам удалось здесь все так ловко устроить. Вы готовы ответить на этот вопрос?

— Нет,— признался Тэн.— Пожалуй, что нет.

Он с тревогой подумал: «Они считают, что я сделал все это сам, и накинутся на меня, как стая волков, чтобы узнать секрет». Он представил себе ФБР, государственный департамент, Пентагон и, даже не вставая со стула, почувствовал, что коленки у него дрожат.

Полковник повернулся и строевым шагом вышел из кухни.

Слышно было, как громко хлопнула задняя дверь.

Генри задумчиво посмотрел на Тэна.

— Вы и в самом деле так думаете? — спросил он.— Вы собираетесь тягаться с ними?

— Я обозлился,— ответил Тэн.— Они не имеют права являться сюда и распоряжаться в моем доме без спросу. Мне плевать,

как они к этому отнесутся. Это мой дом, я здесь родился, прожил всю жизнь, мне нравится это место и...

— Ну конечно,— перебил его Генри.— Прекрасно понимаю ваши чувства.

— Я знаю, что это мальчишество. Коли уж они пришли, я бы ничего не имел против, если бы видел, что они хотят сесть, поговорить по-человечески и посвятить меня в свои планы. Но их даже не интересует мое мнение. Поверьте, Генри, все обстоит не так просто, как вам кажется. Независимо от того, что думают в Вашингтоне, вряд ли можно прийти и сразу захватить эту новую страну. Здесь могут произойти самые неожиданные события, и нужно все время быть начеку...

— Сидя здесь,— опять перебил его Генри,— я подумал о том, что ваша позиция очень похвальна и вы заслуживаете всяческой поддержки. Не по-соседски сидеть сложа руки и не прийти вам на помощь. Мы можем нанять целый штат блестящих юристов и выиграть дело. Потом оформить право на землю и организовать компанию по ее освоению. Нужно все сделать так, чтобы этот ваш новый мир был использован должным образом. И для меня естественно, Хайрам, поддержать вас в этом деле, стоять плечом к плечу с вами. Мы ведь уже и так компаньоны по выпуску телевизоров.

— А как насчет моего телевизора? — визгливым голосом спросила Эби, шлепнув на стол перед Тэном тарелку с оладьями.

— Эби,— терпеливо сказал Генри.— Я уже тебе объяснял, что он остался внизу за перегородкой, и сейчас трудно сказать, когда его можно будет вытащить оттуда.

— Да, я знаю,— ответила Эби. Она принесла блюдо с сосисками и разлила кофе по чашкам.

Вскоре опять появился Бизли и, громыхая канистрами, прошел к выходу.

— И вообще, как мне кажется,— заметил Генри, воспользовавшись паузой,— я в этом деле не посторонний наблюдатель. Сомневаюсь, могло ли у вас хоть что-то получиться без счетной машины, которую я вам прислал.

«Опять начинается,— подумал с тоской Тэн.— Даже Генри считает, что это сделал я».

— Неужели Бизли вам не говорил?

— Бизли много болтал, но вы же знаете Бизли.

Предположения Тэна оправдывались. Для жителей поселка — это лишь еще одна побасенка Бизли, еще одна придуманная им небылица. Ведь не найдется никого, кто бы всерьез поверил хоть одному слову Бизли.

Тэн взял чашку и маленькими глотками принялся отхлебывать кофе, стараясь выиграть время для ответа. Но ничего не приходило на ум. Если он расскажет им все как есть, это будет звучать неправдоподобней, чем любая ложь.

— Мне-то вы можете признаться, Хайрам. Ведь в конце концов мы с вами компаньоны.

«Он считает меня дурачком,— подумал Тэн.— Генри воображает, что может обвести вокруг пальца любого, кого он изволит причислить к дуракам или простачкам».

— Вы все равно не поверили бы мне, Генри, если бы я рассказал вам правду.

— Ну хорошо,— процедил Генри и приподнялся с обиженным видом.— Я понимаю, с этим можно повременить.

Снова, гремя жестянками, через кухню прошел Бизли.

— Мне нужно немного бензина, чтобы ехать искать Таузера,— попросил Тэн.

— Сейчас все устрою,— мгновенно согласился Генри.— Пришлю Эрни с бензином. Можно будет пропустить шланг через дом. Я узнаю, не поедет ли кто-нибудь с вами.

— Это лишнее. Я поеду один.

— Если бы у нас был передатчик, мы могли бы с вами поддерживать связь.

— Но ведь у нас его нет, Генри, а я не могу больше ждать. Таузер где-то там совсем один.

— Понимаю. Я знаю, как вы к нему относитесь, Хайрам. Поезжайте и ищите его, если считаете, что это необходимо, а я пока займусь другими делами. Подыщу адвокатов, и мы составим бумаги на право освоения земель.

— Послушайте, Хайрам,— вмешалась Эби.— У меня к вам просьба.

— Да, пожалуйста.

— Не поговорите ли вы с Бизли? Глупо вести себя так. Не было никакого повода все бросать и уходить от нас. Может быть, иногда я и бываю с ним резка, но его тупость выводит из себя. Он убежал и полдня помогал Таузеру выкапывать какого-то сурка, а после...

— Хорошо, я поговорю с ним,— ответил Тэн.

— Спасибо, Хайрам. Он вас послушает. Вы — единственный человек, которого он слушается. Мне так хотелось, чтобы вы починили мой телевизор, да тут началась эта заваруха. Мне он очень нужен. И в комнате будто чего-то не хватает. Он очень подходит к моей мебели. Вы помните?

— Да, помню,— сказал Тэн.

— Ну так ты идешь, Эби? — спросил Генри уже в дверях. Он поднял руку и с видом заговорщика махнул Тэну.— Увидимся позже, Хайрам. Я все устрою.

«Нисколько не сомневаюсь»,— подумал Тэн.

После их ухода он подошел к столу и тяжело опустился в кресло.

Наружная дверь хлопнула, и, задыхаясь от волнения, вбежал Бизли.

— Таузер вернулся,— заорал он.— Он пришел и привел с собой большущего сурка. Ты такого еще никогда не видел.

Тэн вскочил.

— Сурка? Но ведь это не Земля. Здесь не водятся сурки.

— Иди посмотри сам,— крикнул Бизли и выбежал из комнаты. Тэн выскочил за ним.

Зверь на самом деле был похож на гигантского сурка из детской книжки. Он был ростом с человека и шел на задних лапах, пытаясь сохранить достоинство, но то и дело с опаской поглядывая на Таузера.

Таузер следовал за ним в ста шагах, видимо предпочитая на всякий случай держаться в приличном отдалении. У него был вид хорошо обученного пастушьего пса. Настороженно пригнув голову, он готов был в любую минуту броситься на чужака.

Сурок подошел к самому дому и остановился. Потом оглянулся, посмотрел на пустыню и сел на задние лапы. Вскинув свою большую тяжелую голову, он стал наблюдать за Бизли и Тэном — выразительный взгляд его темных глаз был очень похож на человеческий.

Тэн подбежал к Таузеру, схватил его на руки и крепко прижал к груди. Пес завертел головой и лизнул хозяина мокрым языком прямо в лицо.

Тэн стоял с собакой в руках и глядел на гигантского сурка с чувством облегчения и благодарности.

«Все теперь стало на место,— подумал он,— раз Таузер вернулся». Он поднялся на крыльцо и прошел на кухню.

Там он опустил Таузера на пол, достал миску, налил в нее воды из крана. Таузер стал жадно лакать, разбрызгивая воду по линолеуму.

— Спокойнее,— предупредил Тэн,— не надо сразу так налегать.

Он пошарил в холодильнике, вынул остатки какой-то еды и положил в миску Таузеру. Тот замахал хвостом, выражая свое одобрение.

— По-настоящему следовало бы взять веревку и отстегать тебя за то, что ты удрал,— заметил Тэн.

Топоча ногами, вошел Бизли и объявил:

— Этот сурок — славный парень. Он кого-то ждет.

— Ну и прекрасно,— ответил Тэн, не вслушавшись в то, что сказал Бизли.

Он взглянул на часы.

— Половина восьмого. Мы можем послушать известия. Ты не хочешь включить радио, Бизли?

— С удовольствием, Хайрам. Я знаю, как ловить парня, который всегда говорит из Нью-Йорка.

— Именно его и надо поймать,— заявил Тэн.

Он вошел в комнату и посмотрел в окно — огромный сурок сидел на том же месте, прислонившись к стене, и глядел на дорогу, по которой пришли Тэн и Таузер.

— Он кого-то ждет,— сказал Бизли.

Тэн посмотрел на сурка, у которого был такой вид, будто он и впрямь кого-то ждал. Но что только не взбредет в голову Бизли?

«Ну а если сурок на самом деле ждет,— подумал Тэн,— кого он может ждать? Впрочем, весть о том, что пробита дверь еще в один мир, очевидно, уже разнеслась по планете. Интересно, сколько таких дверей было распахнуто за прошедшие века».

Генри говорил, что огромный неизведанный мир только и ждет, чтобы жители Земли пришли и завоевали его. Но здесь дело не только в этом. Ведь дорога вела в обе стороны.

Голос диктора ворвался в комнату обрывком фразы:

«...и наконец стали действовать. Сегодня вечером московское радио сообщило, что советская делегация завтра собира-

ется внести в ООН предложение об интернационализации вновь открытого мира, а также ведущей к нему дороги.

Из дома, через который осуществляется связь с новым миром, больше не поступало никаких сведений. Дом принадлежит человеку по имени Хайрам Тэн. Все держится в строжайшей тайне, кордон войск плотным кольцом окружил дом, сдерживая толпы людей. Все попытки связаться с домом по телефону потерпели неудачу. Резкий голос отвечает, что вызовы по этому номеру не принимаются. Сам Тэн из дома не выходит».

Тэн пошел на кухню и сел за стол.

— Это он про вас говорит,— с гордостью заявил Бизли.

«Сегодня утром прошел слух, что Тэн, скромный деревенский механик и маклер по продаже старинных вещей, до вчерашнего дня мало кому известный, наконец вернулся из путешествия в неведомую страну. Нашел ли он там что-нибудь — пока остается тайной. Мы больше не имеем никаких сведений о новом мире и знаем только, что это — пустыня, в настоящий момент безжизненная.

Паника вчера вечером была вызвана тем, что в лесу, через дорогу от дома, нашли странный предмет. Вся местность оцеплена, и до сих пор полковник Райан, командующий войсками, не сообщил нам, что именно было найдено.

Непонятную роль во всем этом деле играет некий Генри Хортон, единственное неофициальное лицо, имеющее доступ в дом Тэна. Хортон не ответил почти ни на один из вопросов, заданных ему сегодня утром, но при этом с видом заговорщика упомянул о том, что они с Тэном компаньоны в каком-то таинственном деле. Кроме того, он недвусмысленно намекнул, что они сотрудничают в открытии нового мира.

Интересно отметить, что Хортон — директор небольшого завода, выпускающего счетные машины. Как стало известно из осведомленных источников, Хортон недавно передал Тэну машину или какой-то прибор, назначение которого он пытается сохранить в тайне. Ходят слухи, что эта машина создавалась в течение шести или семи лет.

Очевидно, ответить на вопрос о том, что же все-таки происходит в Уиллоу-Бенде, мы сможем лишь после того, как приступит к работе группа ученых, которая вылетела сегодня из Вашингтона после длительного совещания в Белом доме. В совещании участвовали руководители Пентагона, Государствен-

ного департамента, ФБР и Комитета по новым видам вооружения.

Эффект, произведенный вчерашними сообщениями об Уиллоу-Бенде, можно сравнить только со взрывом атомной бомбы двадцать лет назад. Многие наблюдатели склонны считать, что последствия событий в Уиллоу- Бенде должны потрясти мир сильнее, чем Хиросима.

По вполне понятным причинам Вашингтон настаивает на невмешательстве, полагая, что это — сугубо внутреннее дело, и правительство намерено действовать в интересах нации.

Однако во всем мире поднялось движение за то, чтобы сделать планету достоянием всего мира, а не одной только страны.

По непроверенным сведениям, наблюдатель ООН срочно вылетает в Уиллоу-Бенд. Франция, Англия, Боливия, Мексика, Индия уже просили у Вашингтона разрешения прислать своих наблюдателей к месту событий, и не приходится сомневаться, что и другие страны последуют их примеру.

Сегодня вечером весь мир как на иголках в ожидании вестей из Уиллоу-Бенда».

Тэн протянул руку и выключил радио.

— Если верить тому, что они говорят,— сказал Бизли,— мы должны ждать нашествия иностранцев.

«Да,— подумал Тэн,— нашествия иностранцев. Но не в том смысле, в каком понимает Бизли. Значение этого слова явно устарело. Скоро ни одного жителя Земли нельзя будет назвать иностранцем — потому что рядом, буквально за дверью, нас встретит чужая жизнь. Кто эти обитатели каменного дома?»

Речь идет не об одной планете. Он нашел только одну дверь, а таких дверей может быть великое множество, и неизвестно, каково их назначение и в какие миры они ведут.

Неведомый «некто» или «нечто» нашел способ проникать на новые планеты через бездны пространства, нашел более простой и короткий путь, чем полет через космические океаны. После того как дверь была открыта, попасть из одного мира в другой стало так же легко, как перейти из одной комнаты в другую.

Лишь одно не укладывалось у него в сознании — как движутся по орбитам и вращаются вокруг своей оси соединившиеся планеты? Ведь невозможно, размышлял он, создать прочные связи между объектами, если каждый из них движется сам по себе.

Еще два дня назад мысль, что он будет ломать голову над такими проблемами, показалась бы ему фантастичной. Тем не менее это был совершившийся факт, а если произошло одно невероятное событие, то может случиться и второе.

Зазвонил звонок. Тэн пошел открывать дверь. Это был Эрни, торговец бензином.

— Генри говорил, что вам нужен бензин. Я пришел предупредить вас, что до утра ничего нельзя сделать.

— Это неважно,— ответил Тэн.— Бензин мне больше не нужен.

Он быстро захлопнул входную дверь и еще долго стоял, прижавшись к ней спиной, пытаясь привести в порядок мысли. Все равно когда-нибудь придется встретиться с людьми. Нельзя же навеки запереться от целого мира. Рано или поздно жители Земли и он, Тэн, должны будут взглянуть правде в глаза.

Он злился на себя за эти мысли, но ничего не мог поделать.

У него за дверью находилось нечто очень важное для всего человечества, то, в чем люди нуждались или по крайней мере думали, что нуждались.

Но в конечном счете он один был за все в ответе. Это произошло в его владениях, в его доме. И быть может, он как-то невольно способствовал этому.

«Земля и дом принадлежат мне,— подумал он со злостью.— И весь этот мир, как бы велик он ни был, лишь продолжение моего двора».

Тэн вернулся обратно в комнату. В кресле с парчовой обивкой, свернувшись клубком, тихонько посапывал Таузер. Тэн решил не прогонять его. Пес заработал себе право спать там, где ему хочется.

Осторожно обойдя кресло, Тэн подошел к окну — пустыня простиралась до горизонта, а прямо перед окном спиной к дому сидели рядом и глядели на пустыню огромный сурок и Бизли. Казалось естественным, что они мирно сидят бок о бок, и Тэну пришло в голову, что они во многом схожи.

Это было хорошее начало — человек и существо из другого мира, дружески сидящие рядом.

Тэн попытался представить себе симбиоз двух соединенных вместе планет, одной из которых была Земля. Сердце лихорадочно застучало, когда он подумал, какие возможности таятся в таком сближении.

Что может принести Земле ее контакт с другими мирами?

И вдруг оказалось, что контакт уже установлен в такой спокойной, такой будничной обстановке, что никто даже не воспринял это событие как величайшую в истории человечества встречу. Сурок и Бизли там под окном и воплощали собой этот контакт. Если все будет продолжаться так и дальше, нет оснований волноваться.

И ведь это не случайность, подумал он. Все было спланировано и проделано с ловкостью и сноровкой, которые даются лишь долгой практикой. Конечно, это не первый мир, открытый ими для контактов, и нет оснований думать, что последний.

Маленькие крысоподобные существа пересекли космическое пространство — и даже трудно представить, сколько световых лет они преодолели в корабле, который он откопал в лесу. Они запрятали свой корабль, как дети прячут игрушки в песок. Пришельцы выбрали именно дом Тэна для установки своей аппаратуры, с помощью которой превратили его в связующее звено между двумя мирами и навсегда покончили с необходимостью еще раз пересекать космос. Нужно только однажды проделать долгий путь, чтобы навсегда связать планеты.

После того как все было закончено, крысоподобные существа удалились, убедившись, что ворота, соединяющие планеты, крепки и могут противостоять всем попыткам разрушить их. Они обшили дом изнутри каким-то диковинным материалом, который не поддается топору и способен выдержать удары любой силы.

Четким тренированным маршем они прошли к холмам, где в гнездах лежало восемь воздушных кораблей. И теперь там, на холмах, осталось только семь кораблей, а существа, похожие на крыс, ушли, и кто знает, может быть, в будущем они высадятся на другой планете, и тогда откроется дверь в еще один новый мир.

«И ведь это гораздо больше, чем простое сближение планет,— подумал Тэн.— Это сближение жителей новых миров».

Маленькие зверьки были пионерами и исследователями, открывателями новых планет, похожих или непохожих на планету Земля. И существо, которое ждет кого-то под окном, сидя рядом с Бизли, тоже служит какой-то цели, и, может

быть, в недалеком будущем той же цели станет служить человек.

Тэн отошел от окна и оглядел комнату. Она была такая, какой он помнил ее с незапамятных времен, и, несмотря на бурные события за стенами дома, оставалась неизменной.

«Это — реальность,— подумал Тэн.— Это — единственная реальность. Неизвестно, что впереди, но пока я еще стою здесь, в комнате с почерневшим от времени камином, с книгами, захватанными пальцами, качалкой на старом потертом ковре, по которому много лет ступали ноги любимых и близких».

Но он знал, что это спокойствие — лишь затишье перед бурей.

Еще немного — и начнут прибывать ученые, правительственные чиновники, военные, наблюдатели из разных стран, сотрудники ООН.

Тэн понимал, что безоружен перед всеми этими людьми и не сможет сопротивляться, что бы он ни говорил. Он не может вступить в единоборство со всем миром.

Сегодня дом Тэнов доживал свой последний день. Он простоял почти столетие, и теперь его ждет другая судьба. Впервые за все эти годы ни один Тэн не будет спать под его крышей.

Тэн посмотрел на камин, на книжные полки; ему почудилось, что по комнате бродят старые бледные привидения. Он нерешительно поднял руку, как бы прощаясь с призраками и комнатой, но тотчас же опустил ее.

«Какой смысл»,— подумал он.

Тэн вышел на крыльцо и уселся на ступеньках. Бизли, услыхав его шаги, обернулся.

— Хороший он парень,— заметил Бизли, похлопав сурка по спине.— Совсем как большой плюшевый медведь.

— Это верно,— сказал Тэн.

— И больше всего мне нравится, что я могу с ним разговаривать.

— Да, понимаю.

Тэн вспомнил, что Бизли разговаривал и с Таузером. Он подумал, что хорошо бы пожить какое-то время в уютном, незатейливом мире Бизли.

Но все же почему крысоподобные существа, прибывшие в космическом корабле, остановили свой выбор именно на Уиллоу-Бенде и его доме? Каким образом они узнали, что найдут

здесь все необходимое, чтобы быстро и легко наладить свою аппаратуру? Сейчас уже не приходится сомневаться, что они разрушили счетную машину и использовали детали. Тут, пожалуй, Генри оказался прав. Сейчас, думая об этом, Тэн понимал, что Генри все же сыграл в этой истории известную роль. Но как они сумели предвидеть, что именно на этой неделе и в этом самом доме появится возможность быстро и без особого труда осуществить то, ради чего они проделали далекое путешествие?

Неужели они, помимо высоких технических знаний, обладают еще даром предвидения?

— Кто-то идет,— проговорил Бизли.

— Я никого не вижу.

— И я не вижу. Но сурок сказал мне, что он видит.

— Сказал тебе?

— Я же тебе объяснял, что мы с ним разговариваем. А теперь и я вижу.

Они были еще далеко и шли очень торопливо — три маленькие точки быстро двигались по пустыне в сторону дома.

Тэн сидел и смотрел, как они приближались. «Нужно пойти за ружьем»,— подумал он, но не тронулся с места. Все равно без толку. Бесполезно хвататься за оружие, а в данном случае просто глупо. Лучшее, что может сейчас сделать человек,— это встретить пришельцев из другого мира с чистым сердцем и чистыми руками.

Они подъехали ближе, и Тэну показалось, что они сидят в каких-то невидимых седлах, которые быстро движутся по воздуху.

Теперь Тэн уже видел, что их трое и что они похожи на людей.

Они подкатили как-то неожиданно и резко остановились в ста шагах от крыльца.

Тэн сидел на ступеньках и молча глядел на них, едва удерживаясь от смеха. Эти трое были, пожалуй, ниже его ростом и черные, как пиковый туз. Их одежда состояла из узких, обтягивающих ноги небесно-голубых брюк и таких же жилетов, которые были им несколько велики. Но это еще полбеды. Самое удивительное, что пришельцы прибыли в обыкновенных седлах со стременами, к которым сзади было привязано нечто вроде скатанного одеяла.

Седла плавали, в них легко и грациозно сидели незнакомые всадники и во все глаза смотрели на Тэна.

Наконец он поднялся и сделал шаг им навстречу. И сразу же все трое спешились и тоже двинулись к нему, а седла так и остались неподвижно висеть в воздухе.

Путешественники остановились шагах в шести от Тэна.

— Они тебя приветствуют, Хайрам,— произнес Бизли.— Говорят, что рады тебя видеть.

— Ну хорошо, тогда передай им... Но, послушай, Бизли, а как ты это узнал?

— Сурок сказал мне, о чем они говорят, а я — тебе. Ты скажи мне, я ему, а он передаст им. Так можно разговаривать. Для этого он и пришел сюда.

— Ну хорошо, я попробую,— сдался Тэн.— Так ты на самом деле можешь с ними разговаривать?

— Я же тебе все время про это толкую,— возмущенно ответил Бизли.— Я же тебе говорил, что могу разговаривать с Таузером, но ты считал меня сумасшедшим.

— Это телепатия,— сказал Тэн.— Оказывается, на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Выходит, похожие на крыс существа знают не только мой дом, но и про Бизли тоже.

— Ты что-то сказал, Хайрам?

— Да нет, ничего,— ответил Тэн.— Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть, и узнай, чем я могу быть полезен.

Тэн стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на гостей. Он увидел у них на куртках множество карманов, набитых, вероятно, тем, что заменяло им табак, носовые платки, перочинные ножи и прочую ерунду.

— Они говорят, что хотят маклачить.

— Маклачить?

— Да. Ну, как бы торговать.— Бизли тихонько хмыкнул.— Угодили прямо в лапы к маклеру-янки. Так про вас говорит Генри. Он еще говорит, что вы любого облапошите.

— Генри здесь ни при чем,— резко ответил Тэн.— Может быть, хотя бы здесь мы обойдемся без Генри.

Он сел на землю, и те трое тоже уселись напротив него.

— Спроси их, чем они хотят торговать.

— Идеями,— перевел Бизли.

— Идеями? Что за бред!

Но он уже понимал, что это не так. Идеи были самым лучшим товаром, который могли предложить пришельцы, наиболее ценным и ходким, не требующим специальных складов и не подрывающим экономики, во всяком случае на первое время. Кроме того, торговля реальными товарами меньше способствует быстрому развитию цивилизации.

— Спроси их, что они хотят в обмен на идею седел, на которых они приехали? — поинтересовался Тэн.

— Они спрашивают, что вы можете предложить.

Вот в этом-то и заключалась загвоздка. Ответить на такой вопрос было нелегко.

Машины и грузовики, двигатель внутреннего сгорания, очевидно, не годятся. У них уже есть седла. С точки зрения этих существ, Земля далеко отстала от них в развитии транспорта.

Строительство? Вряд ли это подойдет. Он вспомнил про дом в пустыне. Значит, они знают, как строить дома. Может быть, одежда? Но на них была одежда.

«Краска,— подумал Тэн.— Краска — вот то, что им нужно».

— Спроси, не интересует ли их краска,— обратился он к Бизли.

— Они спрашивают, что это такое. Объясни им, пожалуйста.

— Сейчас. Дай подумать. Краска — это защитный слой, которым можно покрывать любую поверхность. Она компактна, что важно для хранения и перевозки; применять ее несложно. Кроме того, она предохраняет предметы от непогоды и коррозии. Имеет декоративное значение. Существуют краски любых цветов. Изготовление их стоит недорого.

— Они обмозговывают эту идею,— передал Бизли.— Кажется, заинтересовались. Но им хочется узнать подробнее. Расскажи им что-нибудь еще.

«Ну, это уже на что-то похоже»,— подумал Тэн. Он почувствовал себя в родной стихии.

Усевшись поудобнее и слегка наклонившись, он всматривался в три черных и плоских, как сковорода, лица, пытаясь понять, что делается в мозгу у пришельцев.

Наконец-то все стало на свои места.

Но лица пришельцев были непроницаемы.

Внутренний голос подсказывал Тэну, что среди этой троицы он найдет себе достойных партнеров. И это тоже радовало его.

— Скажи им, что я не совсем уверен, хорошо ли они меня поняли. Я говорил слишком быстро. Ведь краска — очень ценная идея.

— Они говорят, что были бы очень благодарны, если бы ты им еще что-нибудь рассказал: они заинтересовались.

«Зацепило,— подумал Тэн.— Только бы провести все на уровне».

И он с азартом принялся маклачить.

Через несколько часов появился Генри в сопровождении типичного горожанина с внушающим уважение чемоданчиком в руке.

Оба они в изумлении застыли на пороге: Тэн сидел на корточках, а перед ним лежала доска, по которой он водил кистью. Незнакомцы внимательно следили за его движениями. Судя по пятнам на их лицах и одежде, было видно, что они уже пробовали красить. Вокруг были разбросаны вымазанные краской доски и штук двадцать банок.

Тэн поднял голову и посмотрел на Генри и гостя.

— Я все время надеялся, что кто-нибудь появится,— сказал он.

— Хайрам,— начал Генри, и в голосе у него было еще больше важности, чем обычно.— Я хочу познакомить вас с мистером Ланкастером. Он специальный представитель Организации Объединенных Наций.

— Рад познакомиться с вами, сэр,— ответил Тэн.— Вот я думаю, не могли бы вы мне...

— Мистер Ланкастер,— прервал его Генри,— не мог пробиться сквозь кордон, и я предложил ему свои услуги. Я уже объяснил, каков наш общий интерес в этом деле.

— Да, это было очень любезно со стороны мистера Хортона,— вставил Ланкастер.— Там был такой дурак сержант.

— К людям надо уметь подходить,— произнес Генри.

Это изречение, как заметил Тэн, не было должным образом оценено представителем Объединенных Наций.

— Могу я узнать, мистер Тэн, чем вы занимаетесь в данный момент? — спросил Ланкастер.

— Маклачу.

— Маклачите? Что за странный способ выражать свои мысли?

— Старинное слово с некоторой модификацией. Когда вы торгуете с кем-нибудь, то происходит обмен товарами, а когда вы маклачите, это значит, что вы хотите содрать три шкуры.

— Очень интересно,— сказал Ланкастер.— Как я вас понял, вы собираетесь освежевать этих господ в голубых жилетах?

— Хайрам,— с гордостью заявил Генри,— лучший маклер в здешних местах. Он торгует старинными вещами, и поэтому ему приходится все время здорово ловчить.

— А не скажете ли вы мне, для чего здесь эти банки с краской? — спросил Ланкастер, совершенно не обращая внимания на Генри.— Эти джентльмены покупают краску?

Тэн отбросил доску и с раздражением вскочил.

— Заткнетесь вы оба когда-нибудь? — закричал он.— С той самой минуты, как вы появились, я не могу вставить ни одного слова. А это очень важно, поверьте мне.

— Хайрам! — в ужасе воскликнул Генри.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь,— сказал представитель ООН.— Мы действительно мешаем своей болтовней. В чем же дело, мистер Тэн?

— Понимаете, я зашел в тупик,— признался Тэн.— И мне нужна помощь. Я продал этим голубчикам идею краски, но я об этой самой краске ровным счетом ничего не знаю. Словом, я понятия не имею, из чего и как она делается и на что идет.

— Мистер Тэн, но вы ведь продаете им краску. И какая вам разница...

— Да я не продаю краску! — закричал Тэн.— Вы что, не понимаете? Им не нужна краска. Им требуется идея краски. Принцип краски, они об этом никогда не думали и потому заинтересовались. Я предложил им идею краски в обмен на седла и почти договорился.

— Седла? Вы говорите об этих штуках, которые висят в воздухе?

— Да. Бизли, не попросишь ли ты наших друзей продемонстрировать седла?

— Отчего же нет,— ответил Бизли.

— Ничего не понимаю,— сказал Генри.— Какое отношение ко всему этому имеет Бизли?

— Бизли — переводчик. Если угодно, можете называть его телепатом. Помните, как он всегда говорил, что может разговаривать с Таузером?

— Но Бизли всегда хвастается.

— На этот раз все оказалось правдой. Он передает мои слова этому смешному чудищу, похожему на сурка, а сурок переводит пришельцам. А они говорят ему, он — Бизли, а Бизли — мне.

— Весело! — фыркнул Генри.— Да у Бизли никогда в жизни не хватит сообразительности стать этим... как вы говорите?

— Телепатом,— подсказал Тэн.

Один из гостей взобрался на седло, проехался на нем взад и вперед по воздуху, потом спрыгнул и снова уселся на землю.

— Чудеса! — изумился представитель ООН.— Какое-то автоматическое антигравитационное устройство! Мы действительно могли бы его использовать.

Он почесал подбородок.

— И вы хотите обменять идею краски на идею седла?

— Вот именно,— откликнулся Тэн.— Но мне нужна помощь. Мне нужен химик, или специалист по производству красок, или еще какой-нибудь знаток, чтобы объяснить, как ее делают. И еще мне нужен какой-нибудь профессор или вообще человек, который разберется в том, что они будут говорить о принципе устройства седла.

— Все ясно,— изрек Ланкастер.— Да, задача трудная. Мистер Тэн, вы мне кажетесь человеком проницательным.

— Вы не ошиблись, мистер Ланкастер,— вмешался Генри.— Хайрам — человек исключительной проницательности.

— Тогда, я думаю, вы понимаете,— заметил представитель ООН,— что вся процедура в некотором роде необычна.

— Ничего подобного! — воскликнул Тэн.— Это их метод работы. Они открывают новую планету и выменивают идеи. Они уже очень давно торгуют с вновь открытыми мирами. И им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру. И у них, сэр, есть множество идей, которыми человечество могло бы воспользоваться.

— Вот тут-то и зарыта собака,— сказал Ланкастер.— Это, пожалуй, самое важное событие за всю историю человечества. За какой-нибудь год мы получим столько идей и сведений, что сможем в своем развитии, по крайней мере теоретически,

продвинуться на тысячу лет вперед. Это дело огромной государственной важности, и нужно, чтобы оно попало в руки людей опытных и знающих.

— Но где вы найдете человека, который мог бы торговаться лучше, чем Хайрам? — возмутился Генри.— Когда он берется за дело — тут только держись. Почему не предоставить это ему? Он будет работать для вас. Вы можете создать комиссию специалистов и группу по планированию, а Хайраму поручить практическую сторону. Эти существа уже с ним освоились, и видно, что у них с Хайрамом налажен контакт. Что вы еще хотите? Ему нужна только небольшая помощь.

Подошел Бизли и уставился на представителя ООН.

— Я ни с кем больше работать не буду,— объявил он.— Если вы выгоните Хайрама, я уйду с ним. Хайрам — единственный, кто обращался со мной по-человечески.

— Вот видите,— с торжеством в голосе произнес Генри.

— Постойте, Бизли,— сказал представитель ООН.— Мы можем договориться. Я представляю себе, что переводчик в такой ситуации, как эта, может заработать кучу денег.

— Деньги для меня ничего не значат,— ответил Бизли.— Друзей я не куплю, а люди все равно будут смеяться надо мной.

— Он не шутит, мистер Ланкастер,— предупредил Генри.— Нет человека, который бы переупрямил Бизли. Я это хорошо знаю. Ведь он у нас работал.

Вид у представителя ООН был растерянный и несчастный.

— И вы не скоро найдете нового телепата, по крайней мере такого, который сможет разговаривать с ними,— заявил Генри.

Казалось, представителю ООН не хватает воздуха.

— Сомневаюсь,— признался он,— можно ли на всем земном шаре найти другого.

— Ну хорошо,— безжалостно произнес Бизли.— Давайте решать. Я не могу стоять здесь весь день.

— Уговорили! — воскликнул представитель ООН.— Вы двое идите и продолжайте работу. Вы согласны, Хайрам? Это случай, который нельзя упускать. И скажите, пожалуйста, чем я могу быть полезен? Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Можете,— ответил Тэн.— Скоро сюда понаедут всякие шишки из Вашингтона и из других стран. Держите их всех от меня подальше.

— Я им все объясню. Они вам не будут мешать.

— А мне нужен химик и еще какой-нибудь специалист, который сможет понять все про седла. И очень срочно. Я могу еще немного задержать этих голубчиков, но ненадолго.

— Через несколько часов я вам доставлю любого эксперта, какого угодно,— заверил представитель ООН.— А через день или два сотни специалистов будут дежурить здесь, чтобы явиться по вашему первому зову.

— Сэр,— заговорил Генри елейным голосом.— Это прекрасное решение. Оба мы, Хайрам и я, очень вам благодарны. А сейчас, поскольку все решено, нам надо идти, нас ждут репортеры. Они заинтересованы в нашем интервью, мистер Ланкастер.

Представитель ООН, казалось, ничего не имел против, и они с Генри затопали по лестнице.

Тэн обернулся и посмотрел на пустыню.

— Ведь все это — мой собственный необъятный двор,— сказал он вслух.

1

С некоторого времени Стэнли Пакстон слышал раздававшиеся на западе глухие взрывы. Но он продолжал свой путь, так как не исключено было, что преследователь его догоняет, идет за ним по пятам, а значит, он не мог отклоняться от курса. Потому что, если память ему не изменяла, усадьба Нельсона Мура находилась где-то среди тех холмов, впереди. Там он укроется на ночь, а может быть, даже получит средство дальнейшего передвижения. Всякая связь для него в данный момент исключалась — это он знал; люди Хантера прослушивали все линии, жадно ловя каждую весточку о нем.

Много лет назад он гостил у Мура на Пасху, и сегодня ему то и дело казалось, что он узнаёт знакомые места. Но воспоминания его за столь долгое время, прошедшее после визита на эти холмы, потускнели, и положиться на них он не мог.

По мере того как день клонился к закату, страх быть выслеженным ослабевал. В конце концов, сзади могло никого и не быть. На одном из холмов Пакстон полчаса наблюдал из кустов за дорогой, но и намека на преследование не заметил.

Конечно, обломки его летательного аппарата давно обнаружены, но, может быть, когда это случилось, сам он был уже далеко и выяснить, в каком направлении он скрылся, не удалось.

Весь день он старательно наблюдал за пасмурным небом и радовался отсутствию там воздушных разведчиков.

Когда солнце спряталось за тонувший в грозовых тучах горный кряж, он вдруг почувствовал себя в полной безопасности.

Он вышел из долины и стал взбираться на лесистый холм. Странное, сотрясающее воздух громыхание слышалось теперь совсем рядом, а небо озарялось всполохами разрывов.

Он поднялся на холм и присел. Внизу площадь в квадратную милю, если не больше, дыбилась от взрывов, между которыми он слышал противное стрекотание, и мурашки бегали у него по спине.

Притаившись, он наблюдал, как волнами прокатываются то с одной, то с другой стороны вспышки огней, перемежаясь с резкими, оглушительными залпами артиллерийских орудий.

Немного посидев, он встал, плотнее завернулся в плащ и поднял капюшон.

С примыкавшей к подножию холма стороны поля смутно вырисовывалось в сумерках квадратное сооружение. А само поле казалось накрытым гигантской перевернутой чашей, хотя из-за темноты это впечатление могло быть обманчивым.

Сердито буркнув себе под нос, Пакстон сбежал вниз и увидел, что заинтересовавшее его сооружение было своеобразным наблюдательным пунктом, надежно укрепленным, высоко поднятым над землей и сверху закрытым до половины толстым стеклом. С одной стороны вышки свисала веревочная лестница.

— Что здесь происходит? — гаркнул Пакстон, но голос его был заглушен доносившимся с поля грохотом.

Чтобы выяснить, в чем дело, Пакстону пришлось карабкаться по лестнице. Когда глаза его оказались на уровне закрывавшего вышку стекла, он остановился.

Мальчик не старше четырнадцати лет был, по-видимому, целиком поглощен разыгрывавшейся впереди баталией. На шее у него болтался бинокль, а сбоку находилась массивная приборная доска.

Пакстон добрался до конца лестницы и проник внутрь вышки.

— Эй, молодой человек!

Мальчик обернул к посетителю милейшую физиономию со свисавшим на лоб чубом.

— Простите, сэр. Боюсь, я не слышал, как вы вошли.

— Что здесь происходит?

— Война. Петви как раз начал решающее наступление. Я изо всех сил стараюсь сдержать его.

— Невероятно! — Пакстон задыхался от возмущения.

Мальчик наморщил лоб.

— Я не понимаю.

— Ты сын Нельсона Мура?

— Да, сэр. Я Грэм Мур.

— Я давным-давно знаю твоего отца. Мы вместе ходили в школу.

— Он рад будет видеть вас, сэр,— оживился мальчик, которому не терпелось спровадить этого невесть откуда взявшегося зануду.— Ступайте прямо на север, и тропинка выведет вас к нашему дому.

— Может, пойдем вместе? — предложил Пакстон.

— Сейчас никак не могу. Я должен отразить атаку. Петви добился перевеса, сберег боеприпасы и произвел некоторые маневры, а я их не сразу заметил. Поверьте, сэр, положение мое незавидное.

— Кто этот Петви?

— Противник. Мы вот уже два года воюем.

— Понимаю,— серьезно сказал Пакстон и удалился.

Он нашел тропинку, которая привела его в лощину между двумя холмами. Здесь, под сенью густых деревьев, стоял старинный дом.

Из дворика в виде патио женский голос окликнул:

— Это ты, Нельс?

Женщина сидела в кресле-качалке на гладком плитняке и казалась белым пятнышком: бледное лицо в ореоле седых волос.

— Не Нельс,— сказал Пакстон.— Старый друг вашего сына.

Здесь, он заметил, почти не слышен был шум битвы: благодаря каким-то особенностям акустики звук терялся в холмах. Только небо на востоке вспыхивало от взрывов ракет и тяжелых артиллерийских снарядов.

— Мы рады вам, сэр,— сказала старая дама, не переставая раскачиваться в своем кресле.— Но мне хотелось бы, чтобы Нельсон был дома. Не люблю, когда он бродит в темноте.

— Меня зовут Стэнли Пакстон. Я из политиков.

— Ах да. Теперь припоминаю. Вы были у нас однажды на Пасху, двадцать лет назад. Я Корнелия Мур, но зовите меня просто бабушкой, как все здесь.

— Я очень хорошо вас помню,— сказал Пакстон.— Надеюсь, я не стесню вас.

— Боже упаси! У нас редко кто бывает. Мы рады каждому гостю. Особенно обрадуется Теодор. Зовите его лучше дедей.

— Дедей?

— Дедушкой. Так Грэм, когда был малышом, называл его.

— Я видел Грэма. Он, похоже, очень занят. По его словам, Петви добился перевеса.

— Этот Петви слишком грубо играет,— слегка нахмурилась бабушка.

В патио неслышно вошел робот.

— Обед готов, госпожа.

— Мы подождем Нельсона,— сказала бабушка.

— Да, госпожа. Хорошо бы он вернулся. Нам не следует слишком долго ждать. Дедя уже второй раз принимается за бренди.

— У нас гость, Илайджа. Покажи ему, пожалуйста, его комнату. Это друг Нельсона.

— Добрый вечер, сэр,— сказал Илайджа.— Попрошу вас пройти со мной. И где ваш багаж? Я могу, пожалуй, сходить за ним.

— Конечно можешь,— сухо ответила бабушка.— И я просила бы тебя, Илайджа, не ломаться, когда у нас гости.

— У меня нет багажа,— смутился Пакстон.

Он прошел за роботом в дом и через центральный холл поднялся по очень красивой винтовой лестнице.

Комната была большая, со старомодной мебелью и камином.

— Я разожгу огонь,— сказал Илайджа.— Осенью после захода солнца бывает прохладно. И сыро. Похоже, собирается дождь.

Пакстон стоял посреди комнаты, напрягая память.

Бабушка — художница, Нельсон — натуралист, а вот чем занимается старый дедя?

— Старый джентльмен,— сказал робот, нагибаясь к камину,— угостит вас вином. Он будет настаивать на бренди. Но, если желаете, я могу принести вам что-нибудь другое.

— Нет, спасибо. Пусть будет бренди.

— Старый джентльмен чувствует себя именинником. У него найдется о чем с вами поговорить. Он как раз закончил

сонату, сэр, над которой трудился почти семь лет, и сейчас вне себя от гордости. Не скрою, случалось, дело шло крайне туго, и он делался тогда просто невыносим. У меня до сих пор осталась вмятина, поглядите, сэр...

— Я вижу,— с чувством неловкости признал Пакстон.

Робот стоял у камина. Дрова уже начали потрескивать.

— Я схожу за вином, сэр. Если я немного задержусь, не беспокойтесь. Старый джентльмен, без сомнения, воспользуется случаем прочесть мне лекцию о правилах обхождения с гостем.

Пакстон снял плащ, повесил его на стойку возле кровати, а затем вернулся к камину и сел в кресло, протянув ноги к огню.

Не следовало приезжать сюда, подумал он. Непозволительно впутывать этих людей в грозящие ему опасности. Они живут в ином, неторопливом, спокойном мире — мире созерцания и раздумий, тогда как его мир — мир политики — состоит из сплошной суеты, а иногда чреват тревогами и смертельным страхом.

Он решил ничего им не рассказывать. И он останется здесь только на одну ночь, он уйдет еще до рассвета. Как-нибудь он сможет связаться со своей партией. Где-нибудь в другом месте он отыщет людей, которые ему помогут.

В дверь постучали. Очевидно, Илайджа управился быстрее, чем рассчитывал.

— Войдите! — крикнул Пакстон.

Это был не Илайджа; это был Нельсон Мур.

Он вошел как был, в верхней одежде, в замызганных сапогах, и на лице его осталась темная полоска грязи, когда он ладонью откинул со лба волосы.

— Бабушка сказала, что ты здесь,— проговорил он, пожимая Пакстону руку.

— У меня две недели отпуска,— по-джентльменски солгал Пакстон.— У нас только что закончились учения. Если тебя это интересует, могу сообщить, что я избран президентом.

— Ну, это замечательно! — с энтузиазмом сказал Нельсон.

— Да, пожалуй.

— Давай сядем.

— Боюсь, из-за меня задержится обед. Робот говорил...

Нельсон рассмеялся:

— Илайджа всегда торопит с едой. Хочет побыстрее отделаться. Мы привыкли и не обращаем на него внимания.

— Я жажду познакомиться с Анастазией,— сказал Пакстон.— Помнится, ты писал мне о ней и...

— Ее здесь нет,— сказал Нельсон.— Она... в общем, она меня бросила. Почти пять лет назад. Ей было тесно в этом мирке. Нам вообще следовало бы вступать в браки только с теми, кто участвует в Продолжении.

— Прости, я не должен был...

— Ничего, Стэн. Все это в прошлом. Некоторым наш проект просто не подходит. Я после ухода Анастазии не раз думал, что мы с тобой представляем. И вообще, имеет ли все это смысл.

— Такие мысли возникают порой у каждого,— сказал Пакстон.— Иногда мне приходилось вспоминать историю, чтобы как-то оправдать наши действия. Возьми, к примеру, монахов так называемого средневековья. Им удалось все же сберечь часть эллинской культуры. Конечно, цели у них были эгоистические, как и у нас, участников Продолжения, но выиграл-то весь человеческий род.

— Я тоже обращаюсь к истории и тогда кажусь себе дикарем, забившимся в темный угол в каменном веке и деловито пыхтящим над своим примитивным орудием, когда другие уже летают к звездам. Все это представляется такой бессмыслицей, Стэн...

— С виду, пожалуй. То, что меня сейчас выбрали президентом, не имеет ни малейшего значения. Но может настать день, когда знание политических методов окажется очень нужным. И тогда человечеству достаточно будет вернуться на Землю, чтобы найти все в готовом виде. Эта кампания, которую я провел, была грязным делом, Нельсон. Мне она не делает чести.

— Грязи в земной цивилизации предостаточно,— сказал Нельсон,— но раз уж мы взялись сберечь эту цивилизацию, мы должны сохранить все как есть: порок рядом с благородством, грязь рядом с безукоризненной чистотой.

Дверь тихо отворилась, и в комнату мягко скользнул Илайджа с подносом, на котором стояли две рюмки.

— Я слышал, как вы вошли,— сказал он Нельсону,— а потому захватил кое-что и для вас.

— Спасибо, ты очень любезен.

Илайджа нерешительно помялся.

— Не могли бы вы чуточку поторопиться? Старый джентльмен почти прикончил бутылку. Боюсь, как бы с ним чего не случилось, если я сейчас же не усажу его за стол.

2

После обеда Грэма отправили на боковую, а дедя со всей торжественностью откупорил новую бутылку хорошего бренди.

— Чудной мальчик,— объявил он.— Не знаю, что из него выйдет. Как подумаю, что он целый божий день ведет эти дурацкие баталии. Я всегда полагал, что он хочет заняться каким-нибудь полезным делом. Но нет ничего бесполезнее генерала, когда все войны кончились.

Бабушка сердито скрипнула зубами:

— Не то чтобы мы не старались. Мы перепробовали решительно все. Но его ничем нельзя было увлечь, пока он не ухватился за военное дело.

— Котелок у него варит,— с гордостью заметил дедя.— Но вообразите, на днях этот наглец обратился ко мне с просьбой написать для него военную музыку. Я! Я и военная музыка! — почти завопил дедя, колотя себя по груди.

— В нем сидит дух разрушения,— продолжала возмущаться бабушка.— Он не хочет созидать. Он хочет только уничтожать.

— Не гляди на меня,— сказал Пакстону Нельсон.— Я давно отступился. Дедя и бабушка забрали его у меня сразу после ухода Анастазии. Послушать их, так подумаешь, они его терпеть не могут. Но стоит мне тронуть его пальцем, как оба они...

— Мы сделали все, что могли,— сказала бабушка.— Мы предоставили ему все возможности. Мы покупали ему любые наборы. Ты помнишь?

— Как не помнить! — ответил все еще занятый бутылкой дедя.— Мы купили ему набор для моделирования окружающей среды. И посмотрели бы вы, какую жалкую, несчастную, отвратительную планету он соорудил! Тогда мы попытались занять его роботехникой...

— Он ловко с этим разделался,— съязвила бабушка.

— Да, роботы у него получились. Он с увлечением конструировал их. Помнишь, как он бился, заставляя их воевать? Через неделю от них остались только две кучки лома. Но я в жизни не видел такого увлеченного человека, каким был всю эту неделю Грэм.

— Его едва можно было заставить поесть,— сказала бабушка.

— Но хуже всего было,— сказал дедя, разливая по рюмкам бренди,— когда мы решили познакомить его с религией. Он придумал такой немыслимый культ, что мы не знали, как с этим покончить...

— А больница,— подхватила бабушка.— Это была твоя идея, Нельсон...

— Оставим этот разговор,— помрачнел Нельсон.— Стэнли, я уверен, он неинтересен.

Пакстон, поняв намек, переменил тему:

— Я хотел спросить вас, бабушка, какие картины вы пишете. Нельсон, насколько я помню, никогда об этом не говорил.

— Пейзажи,— сказала славная старушка.— Я экспериментирую.

— А я ей толкую, что это неправильно,— заявил дедя.— Экспериментировать не положено. Наше дело — соблюдать традиции, а не выдумывать что кому заблагорассудится.

— Наше дело,— обиделась бабушка,— не допускать технического прогресса, но это не значит, что нам не дозволен прогресс в чисто человеческих делах. А вы, молодой человек,— обратилась она за поддержкой к Пакстону,— разве не такого мнения?

Пакстон, очутившись между двух огней, ответил уклончиво:

— Отчасти. В политике мы, естественно, допускаем развитие, но периодически проверяем, насколько оно логично и соответствует принципам человеческого общества. И мы не позволяем себе отбросить ничего из старых приемов, какими бы отжившими они ни выглядели. То же касается и дипломатии. Я кое-что в этом смыслю, потому что дипломатия и политика взаимосвязаны и...

— Вот! — сказала бабушка.

— Знаете, что я думаю? — мягко сказал Нельсон.— Мы запуганы. Впервые в нашей истории человечество оказалось в меньшинстве, и мы дрожим от страха. Мы боимся, что среди великого множества существующих в Галактике разумных

существ человеческий род затеряется, утратит свое лицо. Мы боимся ассимиляции.

— Ошибаешься, сын,— возразил дедя.— Мы не запуганы, мой мальчик. Мы просто чертовски дальновидны, вот и все. Когда-то мы имели великую культуру, и зачем нам от нее отказываться? Правда, большинство современных людей приспособились к галактическому образу жизни, но это еще не значит, что такой путь наилучший. Когда-нибудь мы можем захотеть вернуться к человеческой культуре или использовать какие-то ее разделы. И чтобы этот путь навсегда остался открыт для нас, нам необходим Проект Продолжения. Заметьте, это важно не только для человеческого рода — какие-то аспекты нашей культуры могут когда-нибудь очень и очень пригодиться всей Галактике.

— Зачем тогда держать сам проект в тайне?

— Я не считаю это тайной. Просто никто не обращает особого внимания на человечество, а на Землю — и вовсе никакого. Человеческий род против всех остальных — так, мелочь, а Земля — одряхлевшая планета, о которой и говорить не стоит. Вы когда-нибудь слышали, что наше дело — тайна? — спросил он Пакстона.

— По-моему, нет. Я всегда понимал это так, что мы не кричим о себе на всех перекрестках. На Продолжение я смотрю как на вверенную нашему попечению святыню. Пока все остальное человечество осваивает цивилизации других миров, мы храним здесь, на Земле, традиции нашего рода.

Старик хихикнул:

— Если говорить о масштабах, то мы всего лишь группка бушменов, но, попомните мои слова, мы высокоразвитые и даже опасные бушмены.

— Опасные? — спросил Пакстон.

— Он имеет в виду Грэма,— тихо пояснил Нельсон.

— Нет,— сказал дедя.— Не только его. Я имею в виду всех нас. Потому что, согласитесь, все, кто присоединяется к галактической культуре, что-то в нее вносят, но неизбежно и что-то теряют, отказываются от чего-то, не соответствующего общему духу. Это касается и человеческого рода, с той, однако, разницей, что он на самом деле ничего не теряет. Все, от чего он отказывается, он оставляет в надежных руках. Человечество знает, что делает! Не зря оно содержит нас, кучку вар-

варов, на старой, доброй планете, на которую члены этого замечательного галактического союза глядеть не хотят!

— Не слушайте его,— сказала бабушка.— Он ужасен. Вы не представляете, сколько в этом высохшем старике коварства и напористости.

— А что такое Человек? — вскричал дедя.— Он, когда надо, бывает коварен и напорист. Как достигли бы мы того, что имеем, не будь мы коварны и напористы?

Доля истины в этом есть, подумал Пакстон. Ведь и все, что человечество сейчас здесь проделывает, тоже сознательное надувательство. Впрочем, кто знает, на скольких еще планетах ведется такая же или аналогичная работа.

И если уж делать ее, то делать как следует. Нельзя просто поместить человеческую культуру в музей, потому что там она станет мертвым экспонатом. Выставка наконечников стрел может выглядеть любопытно, но человек никогда не научится изготавливать эти наконечники, просто глазея на них. Если хочешь сохранить искусство изготовления наконечников, надо продолжать выделывать их, передавая опыт из поколения в поколение еще долго после того, как нужда в самих наконечниках отпадет. Достаточно пропустить одно поколение — искусство будет утеряно.

Так же может затеряться и любое другое искусство или мастерство. И не только связанное с чисто человеческой культурой, но и с тем, что вносит человечество своего, уникального в общую для всех разумных существ деятельность.

Илайджа внес охапку дров, свалил ее у камина, подбросил поленьев в огонь и пошуровал кочергой.

— Ты весь мокрый,— сказала бабушка.

— На дворе дождь, госпожа,— ответил Илайджа, идя к двери.

Пакстон размышлял о Проекте Продолжения, призванном сохранить все накопленные человечеством знания и искусства.

Потому и секция политиков практикует прежние методы политической борьбы, и секция дипломатов старательно создает неразрешимые как будто трудности, чтобы затем преодолевать их. И команды промышленников ведут традиционную нескончаемую войну с профсоюзами. И разбросанные по всей Земле скромные мужчины и женщины создают произведения

живописи, и скульптуры, и музыки, и изящной словесности, стремясь сберечь все, из чего складывается исконно человеческая культура, не дать ей раствориться в новой и замечательной культуре, возникшей из слияния духовных богатств многих звездных миров.

«И на какой же случай мы все это бережем? — подумал вдруг Пакстон.— Может быть, мы делаем это из обыкновенного и даже глупого тщеславия? Может быть, мы просто не в силах отбросить скептицизм и высокомерие? Или старый дедя правильно говорит, что наши действия полны глубокого смысла?»

— Вы сказали, что занимаетесь политикой,— обратился к Пакстону дедя.— Вот эту деятельность нам особенно важно сохранить. Насколько я знаю, ей сейчас не уделяется должного внимания. Есть, конечно, администрация, и понятие о гражданских обязанностях, и прочая такая чепуха, но настоящая политика у этой новой культуры в загоне. Между тем политика может оказаться мощнейшим оружием, когда мы захотим чего-то добиться.

— Политика,— ответил Пакстон,— часто очень грязное дело. Это борьба за власть, стремление пересилить противника, морально его растоптать. А в конечном итоге у побежденного возникает комплекс неполноценности, от которого он страдает.

— И все же это, наверное, забавно. Даже, я бы сказал, волнующе.

— Волнующе — да. Эти наши последние учения предусматривали игру без правил. Мы так запланировали. Выглядело это, должен сказать, отвратительно.

— И тебя избрали президентом,— сказал Нельсон.

— Да, но ты не слышал от меня, что я горжусь этим.

— А следовало бы,— решительно заявила бабушка.— В старину стать президентом было очень почетно.

— Может быть,— согласился Пакстон,— но не таким путем, каким добилась этого моя партия.

«Я мог бы пойти дальше,— подумал Пакстон,— и рассказать им все, чтобы они поняли. Я мог бы сказать: я зашел слишком далеко. Я очернил и опорочил своего противника сверх всякой необходимости. Я использовал любые грязные

трюки. Я подкупал, и лгал, и шел на компромиссы, и торговался. И я проделал все это так ловко, что околпачил даже электронную машину, заменяющую прежних избирателей. А теперь мой противник выкинул новый трюк и испытывает его на мне.

Потому что убийство так же неотделимо от политики, как дипломатия или война. В конце концов, политика — это балансирование на острие насилия; мы предпочли моделировать не революцию, а выборы. Но политика во все времена переплеталась с насилием».

Он допил свой бренди и поставил рюмку на стол. Дедя схватил бутылку, но Пакстон покачал головой:

— Спасибо, не стоит. Если не возражаете, я скоро лягу. Мне необходимо на рассвете отправиться в путь.

Он не должен был вообще приезжать сюда. Было бы непростительно, если бы эти люди пострадали от последствий недавних учений.

Впрочем, он не прав, называя это последствиями: все происходящее является неотъемлемой частью все тех же учений.

Тренькнул дверной звонок, и было слышно, как Илайджа торопится открывать.

— Вот это да! — удивилась бабушка.— Кто мог прийти к нам так поздно? Да еще в дождь?

Это был представитель Церкви.

Остановившись в холле, он потрогал рукой свой мокрый плащ и, сняв шляпу, стряхнул с ее широких полей воду.

Затем он неторопливо и степенно прошел в комнату.

Все встали.

— Добрый вечер, епископ,— сказал дедя.— Хорошо, что в такую погоду вы наткнулись на наш дом. А мы рады вам, ваше преосвященство.

Епископ широко, почти по-приятельски улыбнулся.

— Я не церковник. Я только от Проекта. Но вы можете обращаться ко мне как к священнику. Это поможет мне не выйти из роли.

Илайджа, вошедший следом за ним, унес его плащ и шляпу. Епископ остался в богатом и нарядном облачении.

Дедя представил присутствующих и налил епископу бренди. Тот поднес рюмку к губам, почмокал и сел в кресло у камина.

— Думаю, вы не обедали,— сказала бабушка.— Ясно, нет. Здесь поблизости не найдется, где пообедать. Илайджа, принеси епископу поесть, да побыстрей.

— Спасибо, сударыня,— сказал епископ.— У меня позади долгий, трудный день. Я признателен вам за ваше гостеприимство. Я ценю его больше, чем вы можете себе представить.

— У нас сегодня праздник,— радостно объявил дедя, в сотый раз наполняя собственную рюмку.— К нам редко кто заглядывает, а тут за один вечер сразу двое гостей.

— Двое гостей,— повторил епископ, не сводя глаз с Пакстона.— И впрямь славно.

3

У себя в комнате Пакстон закрыл дверь и плотнее задвинул засов.

Дрова в камине почти догорели: последние угольки, слабо тлея, бросали тусклый отсвет на пол. Дождь негромко барабанил по закрытому окну.

А Пакстон был объят тревогой и страхом.

Сомневаться не приходилось: епископ — убийца, посланный по его следу.

Никто без причины, и достаточно веской причины, не потащится осенней дождливой ночью через эти холмы. Кстати говоря, епископ почти не промок. С его шляпы упало всего несколько капель, а плащ был чуть влажным.

Более чем вероятно, епископ прилетел и был сброшен здесь, как сброшены, должно быть, еще в полудюжине мест другие убийцы: их разослали повсюду, где предположительно скрылся беглец.

Поместили епископа в комнате прямо напротив, и Пакстон подумал, что при других обстоятельствах все можно было бы закончить на месте. Он поднял лежавшую возле камина кочергу и взвесил ее в руке. Один удар этой штукой — и конец.

Но он не мог пойти на такое. Здесь, в этом доме, не мог.

Он положил кочергу и направился к кровати, рядом с которой висел его плащ. Он взял плащ и стал медленно натягивать его, вспоминая события этого утра.

Он был дома один, когда зазвонил телефон, и на экране возникло лицо Салливана — лицо насмерть перепуганного человека.

— Хантер охотится за вами. Он отправил к вам своих людей.

— Но он не смеет этого делать! — запротестовал Пакстон.

— Очень даже смеет. Он действует в рамках учений. Убийство всегда было одним из методов...

— Но учения кончились!

— Для Хантера не кончились. Вы позволили себе лишнее. Вам надо было придерживаться гипотез, связанных с проблемой; вы зря коснулись личных дел Хантера. Вы раскопали такое, о чем, по его убеждению, никто не мог знать. Как вы сумели, дружище?

— У меня есть свои каналы,— сказал Пакстон.— И в таком деле, как это, все средства годились. Он тоже боролся без перчаток.

— В общем, поторопитесь. Они явятся с минуты на минуту. У меня нет никого под рукой. Я не успею вовремя помочь вам.

И все могло бы обойтись, подумал Пакстон, если бы не авария.

Ему вдруг подумалось, не было ли здесь саботажа.

Но так или иначе, ему удалось приземлиться, и он был в состоянии идти, и смог добраться сюда, в этот дом.

Он в нерешительности стоял посреди комнаты.

Было унизительно бежать во второй раз, но ничего другого не оставалось. Он не мог допустить, чтобы превратности его собственной судьбы обрушились на этот дом.

И если не считать кочерги, он был безоружен, потому что оружие на этой, ныне мирной планете сделалось большой редкостью — не предметом обихода, как в былые времена.

Он подошел к окну и, открыв его, увидел, что дождь прекратился и из рваных, быстро несущихся облаков выглядывает половинка луны.

Прямо под его окном была крыша портика, и, окинув ее взглядом, он решил, что босиком здесь можно будет пройти, а расстояние от края крыши до земли, верно, немногим больше семи футов.

Он снял туфли, сунул их в карман плаща и вылез через окно. Но с полдороги он вернулся назад, прошел к двери и тихонько отодвинул засов. Было бы не очень красиво сбежать, оставив комнату запертой.

Крыша была скользкой после дождя, но он благополучно добрался до края. Спрыгнув, он попал в кусты и немного поцарапался, но это, сказал он себе, пустяки.

Он снова обулся и зашагал прочь от дома. Дойдя до опушки леса, он оглянулся. Позади было темно и тихо.

Он дал себе слово, как только вся эта эпопея кончится, подробно написать обо всем Нельсону и извиниться перед ним.

Он нащупал ногами тропинку и пошел по ней в призрачном полумраке — луна по-прежнему едва пробивалась сквозь тучи.

— Сэр,— послышался голос рядом с ним,— я вижу, вы решили прогуляться...

Пакстон от страха подскочил.

— Славная ночь для прогулки,— спокойно продолжал тот же голос.— После дождя кругом все так чисто и свежо.

— Кто здесь? — вне себя от испуга спросил Пакстон.

— Это Петви, сэр. Петви — робот, сэр.

Пакстон издал нервный смешок:

— Ах да. Теперь припоминаю: противник Грэма.

Робот вышел из-под деревьев и двинулся вместе с ним по тропинке.

— Только подумать, что вы захотели взглянуть на поле боя!

— А что! — ухватился Пакстон за протянутую роботом соломинку.— Именно это я хочу сделать. Я никогда ни о чем подобном не слышал и, естественно, заинтригован.

— Сэр,— с готовностью произнес робот,— я весь в вашем распоряжении. Уверяю вас, никто лучше меня не сможет вам всего объяснить. Я с самого начала здесь, при мастере Грэме, и если у вас есть вопросы, я охотно отвечу на них.

— Да, у меня есть один вопрос. Какова цель всей этой затеи?

— Ну, вначале, конечно, просто хотели развлечь подрастающего мальчугана. Но сейчас, с вашего позволения, сэр, я сказал бы, что дело куда важнее.

— Ты хочешь сказать, что это часть Продолжения?

— Ну да, сэр. Я понимаю естественное нежелание людей признаться в этом даже самим себе, но факт остается фактом: в истории человечества почти на всем ее протяжении война играла важную и разностороннюю роль. Пожалуй, ни одному из развитых им искусств Человек не уделил столько времени, внимания и денег, сколько он не пожалел уделить войне.

Тропинка пошла под откос, и в бледном, неверном свете луны проступил полигон.

— Не пойму,— сказал Пакстон,— временами мне кажется, что поле накрыто чем-то вроде чаши, а потом она пропадает...

— По-моему, это называется экранирующим прикрытием, сэр,— ответил Петви.— Его создали другие роботы. Насколько я понимаю, сэр, это не новшество — просто вариант прежних способов защиты. Несколько, конечно, усиленной.

— Но такого рода защита...

— Мы пользуемся ППБ — полностью переработанными бомбами. Их у нас очень много, и каждая из сторон применяет их по мере своих сил...

— Но вы не можете применять здесь ядерное оружие!

— Эти бомбы вроде игрушечных, сэр,— весело возразил Петви.— Они очень маленькие, почти как горошины, сэр. Критическая масса, как вы сами понимаете, ничтожна. И опасное действие радиации очень недолговременно, что-нибудь около часа...

— Ну, джентльмены,— мрачно заметил Пакстон,— вы явно стараетесь добиться полной реальности.

— Естественно. Однако операторы не подвергаются ни малейшей опасности. Мы примерно в таком же положении, как генеральный штаб. И это нормально, потому что цель всей затеи — сохранить искусство ведения войны.

— Но это искусство...— начал было Пакстон — и умолк.

Что он мог сказать? Если решено сберечь старую культуру, сберечь ее действенной и пригодной для Продолжения, значит, она должна быть сохранена целиком.

Война, надо признать,— такая же часть этой культуры, как и все другие характерные, в той или иной степени уникальные приметы именно человеческого культурного наследия, подлежащего консервации здесь для того, чтобы оказаться под рукой, когда придет время пустить его в ход.

— Конечно, в том, что мы делаем, есть определенная жестокость,— сознался Петви,— но для меня, сэр, как для робота она, пожалуй, чувствительнее, чем для человека. Ведь потери среди воюющих роботов колоссальные. Но при огромной концентрации огневой мощи на столь ограниченном пространстве это неизбежно.

— Ты хочешь сказать, что у вас есть войска, то есть что вы посылаете сюда роботов?

— Ну да. А как иначе пользоваться всем оружием? И потом, глупо ведь было бы разработать стратегию, а дальше...

— Но роботы...

— Они малюсенькие, сэр. Это необходимо хотя бы в интересах реальности. Мы стремимся создать иллюзию настоящего сражения, и потому все, чем мы оперируем, должно соответствовать масштабам поля боя. Наши войска комплектуются из самых примитивных роботов, наделенных только двумя особенностями: полным послушанием и стремлением к победе. При том массовом производстве, которое мы в своих мастерских наладили, мы не имеем возможности придавать роботам индивидуальность, да и все равно ведь...

— Да, да, понимаю.— Пакстон был несколько ошеломлен.— Однако сейчас мне, пожалуй...

— Но я ведь только еще начал объяснять, сэр, и ничего вам не показал. А здесь столько соображений, столько проблем.

Они подошли уже к самому краю насыпи, и Петви указал на ведущую вниз, на полигон, лестницу.

— Я хочу, чтобы вы увидели все своими глазами, сэр.— С этими словами он начал торопливо спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему.— Здесь у нас единственный вход на полигон. Через него мы в периоды перемирия посылаем вниз свежие войска и боеприпасы или проникаем, чтобы немного убрать поле.

Он нажал на кнопку с одной стороны щита, и тот бесшумно пополз вверх.

— Сейчас здесь беспорядок, потому что мы уже несколько недель сражаемся,— пояснил робот.

Через проем Пакстон увидел развороченную землю со всеми красноречивыми следами недавней битвы. Вид этого зрелища подействовал на него, точно удар под ложечку. У него перехва-

тило дыхание и закружилась голова; его едва не стошнило. Он оперся рукой о стенку траншеи, чтобы не упасть.

Петви нажал другую кнопку, и щит соскользнул вниз.

— Это только поначалу тяжело.— Робот словно бы извинялся.— Но со временем привыкаешь.

Пакстон медленно перевел дух и огляделся. Проем был шире самой траншеи, и подножие лестницы имело форму буквы «Т». Пакстон увидел, что здесь прорублены узкие бойницы.

— Вы пришли в себя, сэр?

— Вполне,— с усилием отозвался Пакстон.

— А сейчас,— весело пообещал Петви,— я объясню вам, как ведется огонь и как работает контрольная установка.

Он засеменил вверх по лестнице. Пакстон шел следом.

— Боюсь, это дело затянется,— сказал он.

Но робот отмел возражение:

— Раз вы уже здесь, сэр, вы непременно должны все увидеть.— Тон его был умоляющим.— Вы не можете так уйти.

Я должен спешить, говорил себе Пакстон. Я не могу задерживаться. Как только епископ убедится, что все уснули, он пустится в погоню. Мне к этому времени надо уже быть далеко.

Петви в обход поля добрался до наблюдательного пункта, на котором Пакстон вечером побывал.

— Прошу вас, сэр.— Робот указал на веревочную лестницу.

Пакстон, чуть поколебавшись, быстро залез наверх.

Авось мы тут не застрянем надолго, подумал он, не желая быть слишком резким с роботом.

Петви прошмыгнул в темноте мимо Пакстона и склонился к приборной доске. Щелкнул тумблер; панель осветилась.

— Вот здесь схематически отражается все, что происходит на поле. Сейчас экран пуст, конечно,— поле ведь тоже неподвижно. Но во время боевых действий вы получаете абсолютно точное представление о ходе дел. А вот эта панель служит для корректировки артиллерийского огня, следующая — для отдачи команд войскам, эта панель...— увлеченно объяснял робот.

Отвернувшись наконец от приборной доски, он гордо посмотрел на Пакстона и, явно напрашиваясь на похвалу, спросил:

— Ну, как ваше мнение?

— Замечательно.— Пакстон готов был сейчас подтвердить что угодно, лишь бы побыстрей вырваться.

— Загляните сюда завтра, и вы увидите нас за делом.

И вот тут Пакстона осенило.

4

— Вообще-то,— сказал он,— я и сам охотно потренировался бы. В юности я почитывал военные труды и, хоть это, может, и нескромно с моей стороны, считал себя в некотором роде знатоком военного дела.

— Сэр! — Петви пришел в восторг.— Вы хотите попробовать?

— Если не возражаешь.

— Вы уверены, что сможете пользоваться пультом?

— Я очень внимательно слушал твои объяснения.

— Дайте мне пятнадцать минут. Как только я доберусь на свой пункт, я подам сигнал. После этого каждый из нас может в любой момент начинать атаку.

— Пятнадцать минут?

— Может, я уложусь и быстрее. Я буду стараться.

— А тебя все это не слишком затруднит?

— Сэр,— с чувством сказал Петви,— я буду только рад. Мы с мастером Грэмом уже насквозь изучили друг друга, и это становится неинтересным. Сами понимаете, сэр, скучно воевать все время с одним и тем же противником.

— Пожалуй, ты прав,— согласился Пакстон.

Он выждал, пока Петви спустится и отойдет подальше, а затем спустился и сам.

Тучи почти рассеялись, луна светила ярче, и на открытом пространстве можно было теперь довольно легко ориентироваться. Однако густой лес по-прежнему тонул в темноте.

Выходя на тропинку, Пакстон заметил какое-то шевеление в кустах. Он быстро спрятался под дерево и стал ждать.

Вот снова промелькнула чья-то тень, а затем Пакстон увидел епископа. И тут у него неожиданно возникла идея; кажется, появилась возможность окончательно разделаться с врагом.

Епископ прилетел, когда было уже совсем темно и шел дождь. Полигона он наверняка не заметил. Правда, он может увидеть его сейчас, но едва ли догадается о его назначении.

Пакстон восстановил в памяти разговор, который велся после появления епископа. О Грэме и его военных забавах тогда уже как будто не говорили.

Попытка, решил Пакстон, не пытка. Даже если дело не выгорит, я потеряю лишь несколько минут.

Он бросился назад к полигону. Достигнув насыпи, он прижался к земле и оглянулся: епископ крадучись шел следом за ним.

До сих пор все развивалось по плану.

Пакстон нарочно пошевелился, чтобы обнаружить себя, а затем стал спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему.

Он нажал кнопку, поднял щит и отступил к бойницам.

Епископ медленно, соблюдая осторожность, подошел к проему и постоял, вглядываясь в развороченное поле. В руке он держал отвратительный, холодящий душу пистолет.

Пакстон, стараясь не дышать, плотнее прижался к земляному валу, но епископ даже не обернулся.

Немного постояв, он ринулся через проем на полигон. Слышно было, как шуршит его шелковый наряд.

Пакстон не двигался, пока епископ не отошел на достаточно большое расстояние, и только затем нажал пальцем другую кнопку. Щит тихо, медленно опустился.

Пакстон наконец облегченно перевел дух.

Все кончилось.

Хантер просчитался.

Пакстон неторопливо стал подниматься по ступенькам.

Ему незачем было больше спешить.

Он мог просто остаться у Нельсона, пока тот либо сам отправит его дальше, либо поможет организовать переезд в надежное место. Хантеру не могло быть известно, какой из посланных им убийц напал на след противника. У епископа не было до сих пор возможности связаться со своими, да он, верно, и не решился бы.

Уже на самом верху Пакстон споткнулся и кубарем покатился с лестницы, и тут раздался оглушительный взрыв, по-

трясший, казалось, Вселенную и ударом отдавшийся в его, Пакстона, мозгу.

Ошеломленный, он встал на четвереньки и, превозмогая боль, из последних сил потащился вниз, а сквозь треск и грохот настойчиво пробивалась одна-единственная мысль: Я ДОЛЖЕН ВЫТАЩИТЬ ЕГО ОТСЮДА, ПОКА НЕ ПОЗДНО! Я НЕ МОГУ БРОСИТЬ ЕГО НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ! Я НЕ МОГУ УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Он слез с лестницы и продолжал ползти, пока не застрял в узком проходе.

И не слышно было орудийного огня, не рвались снаряды, не было тошнотворного стрекотания пулемета. На небе ярко светила луна, а вокруг царила умиротворенная тишина — как на кладбище.

Только смерть, с оттенком мистического ужаса подумал он, здесь не тихая. Она обрушивается на Человека, убийственно страшная, сводящая с ума; тишина приходит потом, когда все уже кончено.

При падении он ушиб голову и теперь понимал, что треск и грохот, которые так потрясли его, раздались только в его мозгу. Но с минуты на минуту Петви начнет атаку, и тишина нарушится, и поздно будет что-либо предпринимать.

А из глубин сознания возник вдруг внутренний голос, сердитый, язвительный, насмехающийся над глупым добросердечием.

Вопрос, говорил этот внутренний голос, стоит так: либо ты, либо он. Ты боролся за свою жизнь единственным доступным тебе способом. И любые твои действия оправданны.

— Я не могу этого сделать! — вскричал Пакстон, и все же он знал, что не прав, что поступает неразумно, что внутренний голос не напрасно издевается над его нелогичностью.

Он встал на ноги и, пошатываясь, побрел вниз. Голова у него раскалывалась, горло сжимал страх, но неопределенное, безотчетное побуждение, пересилившее страх, рассудок и боль, гнало его вперед.

Он дошел до щита, нажал на кнопку и через открывшийся проем выбрался на полигон, застыв от ужаса, потрясенный одиночеством и заброшенностью, которыми веяло от этой квадратной мили пространства, отгороженного от всей остальной Земли, точно место последнего, окончательного суда.

А может быть, так оно и есть, подумал он: место, где вершится суд над Человеком.

Юный Грэм, возможно, единственный из всех нас по-настоящему честен. Он истинный варвар, как называет его дедя; он не лицемерит; он видит наше прошлое таким, каким оно было в действительности, и живет по его законам.

Пакстон мельком оглянулся и увидел, что проем закрыт. А впереди, по искромсанному, исковерканному, перепаханному полю, брела одинокая фигура — это мог быть только епископ.

Пакстон с криком побежал к нему, а епископ обернулся и стал поднимать руку с пистолетом.

Пакстон остановился, отчаянно жестикулируя. Пистолет поднялся выше, из его дула вырвалось голубоватое облачко, и в тот же миг Пакстона словно полоснуло по шее, и он почувствовал на коже теплую влагу.

Отскочив в сторону, он бросился на землю, ударился и пополз к ближайшей воронке. Терзаемый страхом и унижением, он забрался в нее, весь кипя от гнева и ярости.

Он пришел спасти Человека, а тот едва не убил его!

«Я должен был бросить его здесь»,— подумал он.

«Я должен был оставить его умирать».

«Я убил бы его собственными руками, если бы мог».

Впрочем, теперь он действительно должен был убить епископа. Убить его либо самому быть убитым — иного выбора не было.

И не просто убить, но убить как можно быстрее. Пятнадцать минут, о которых говорил Петви, истекали, и надо было успеть покончить с епископом и выбраться отсюда прежде, чем Петви откроет огонь.

А можно ли отсюда выбраться? — подумал Пакстон. Если бежать, пригнувшись и петляя, есть ли надежда увернуться от пуль епископа?

Вот так и надо сделать. Не тратить времени на убийство, если только епископ не вынудит его к этому, а просто бежать. Епископа пусть убивает Петви.

Он поднес руку к шее, и пальцы его сделались липкими. «Странно,— подумал он,— странно, что я не чувствую боли. Наверняка боль придет потом».

Он осторожно выбрался из воронки и, перекатившись через ее край, очутился в куче металла — всего, что осталось от воюющих роботов.

А прямо перед ним тускло поблескивало в лунном свете новехонькое, без единой царапинки ружье, выпавшее, должно быть, из рук погибшего робота.

Пакстон потянулся к ружью и в этот миг увидел епископа, который был уже совсем близко: шел убедиться, что прикончил его, Пакстона!

Бежать было поздно и — странное дело — не хотелось. Пакстон никогда еще не питал ни к кому настоящей ненависти, он даже не знал до сих пор, что это такое, но теперь он узнал это, теперь его обуяла дикая ненависть, теперь он был способен на убийство — на убийство без пощады, без жалости.

Он поднял ружье, его палец судорожно обхватил курок; из дула вырвалось пламя, раздался громкий треск.

Но епископ все шел, все приближался; он не бежал, он шел большим, размеренным шагом, чуть подавшись вперед, как будто его тело вобрало в себя смертоносный огонь, но смерть отступила перед волей, перед желанием убить противника.

Пистолет епископа взметнулся, и что-то ударило Пакстона в грудь, раз, другой, третий, и по телу его заструилась какая-то жидкость, а в сознании вдруг пронеслось: что-то здесь не так.

Потому что не могут двое людей с расстояния в дюжину футов палить и палить друг в друга, оставаясь при этом на ногах. Как бы плохо оба они ни стреляли, это невозможно.

Пакстон выпрямился во весь рост и опустил бесполезное ружье. А в нескольких шагах от него остановился епископ, отбросив пистолет.

Они стояли, глядя друг на друга в бледном свете луны, а гнев их таял и улетучивался, и на душе у Пакстона было противно.

— Пакстон,— тупо спросил епископ,— кто сотворил это с нами?

И было странно слышать его слова, как если бы он спросил: кто помешал нам убить друг друга?

На какую-то долю секунды Пакстон подумал, что, может быть, правильнее было бы не мешать им совершить убийство. Потому что некогда убийство почиталось доблестью, доказа-

тельством силы и мужества, может быть, даже доказательством права именоваться Человеком.

Но им двоим не позволили убить друг друга.

Потому что нельзя убить, стреляя из пугача пластмассовыми пульками, наполненными похожей на кровь жидкостью. И нельзя убить, стреляя из ружья, которое с грохотом выплескивает какое-то подобие дыма и пламени, но заряжено холостыми патронами.

А может быть, и все это поле игрушечное? И роботы, в самые трагические моменты распадающиеся на части, будут собраны потом вновь и опять примут участие в игрушечной войне? И не является ли игрушкой вся эта артиллерия, все эти полностью переработанные бомбы, извергающие пламя и даже способные перепахать землю, но ни для кого по-настоящему не опасные?

Епископ сказал:

— Я чувствую себя последним дураком, Пакстон.— И добавил еще несколько слов, которых никогда не произнес бы настоящий епископ, даже если бы захотел сказать, каким дураком он себя чувствует.

— Пойдемте отсюда,— сказал Пакстон, чувствуя себя примерно так же, как епископ.

— Я не понимаю...

— Забудем об этом,— гаркнул Пакстон.— Главное сейчас убраться отсюда. Петви откроет...

Но он не закончил фразы, вдруг поняв, что даже если Петви откроет огонь, ничего страшного не произойдет. И не откроет Петви никакого огня, потому что он знает, конечно, что они здесь.

Как кибер, надзирающий за расшалившимися детьми, он не препятствует их забавам, не вмешивается, пока они не подвергают себя угрозе утонуть, или свалиться с крыши, или еще какой-нибудь опасности. А затем вмешивается ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы не позволить им сломать себе шею. Может быть, он даже поощряет их шалости, чтобы они могли разрядиться, найти выход своей энергии — в чисто человеческом стиле подменить реальность игрой.

Как кибер, надзирающий за расшалившимися детьми, не препятствующий им воображать себя кем угодно, задаваться и важничать.

Пакстон направился к выходу с полигона, епископ в своем замызганном одеянии поплелся следом за Пакстоном.

Когда они были в сотне футов от проема, щит пополз вверх, а возле него стоял Петви, ожидая, когда они подойдут, и выглядел он как и прежде, но все-таки чуть как будто значительнее.

Они подошли к проему и смущенно выбрались наружу, не глядя по сторонам и притворяясь, что не замечают Петви.

— Джентльмены,— спросил он,— не желаете ли поиграть?

— Нет,— сказал Пакстон.— Нет, спасибо. Я не берусь говорить за нас обоих...

— Можете говорить за обоих, дружище,— вмешался епископ.— Продолжайте!

— Мой друг и я вдоволь наигрались,— сказал Пакстон.— А ты молодец, что подстраховал нас, не дал нам поранить друг друга.

Петви прикинулся удивленным:

— Но почему здесь должны быть несчастные случаи? Это ведь только игра.

— Так мы и поняли. Куда нам идти теперь?

— Ну,— сказал робот,— куда угодно, только не назад.

1

Катастрофа произошла вечером, когда последняя платформа зависла над разгрузочной площадкой в голубоватом мерцании восьми мини-моторов на фоне темнеющего неба.

Только что она горизонтально планировала на высоте тысячи футов, медленно опускаясь — ящики и тюки аккуратно сложены, сопровождающие роботы сидят на них,— и вдруг круто накренилась; один мотор вышел из строя, за ним другой. Ящики посыпались вниз вместе с роботами, а платформа с пронзительным воем завертелась колесом и по крутой спирали устремилась вниз, прямо на лагерь.

Стив Шеридан спрыгнул со штабеля ящиков у его палатки. В пятидесяти шагах от него груз ударился о землю с грохотом, заглушившим вой платформы. Ящики раскололись, тюки лопнули, разбитые, смятые товары нагромоздились безобразной кучей.

Шеридан рванулся к палатке, и тут платформа врезалась в радиокабину, смонтированную всего час назад, и наполовину зарылась в землю, в фонтанах песка и камешков, которые градом застучали по брезенту палатки.

Камешек оцарапал Шеридану лоб, песок хлестнул его по щеке, а в следующий миг он уже наклонялся внутри палатки над инструментарием со сменниками сбоку от рабочего стола.

— Езекия! — завопил он.— Езекия! Куда ты подевался?

Он вытащил связку ключей, нашел нужный, сунул в замок, повернул, и крышка инструментария откинулась.

Снаружи донесся топот бегущего робота.

Шеридан сдвинул панель и начал вытаскивать ящички со сменниками.

— Езекия! — вновь позвал он, поскольку только Езекия знал точно, где именно лежат какие сменники, и ему не нужно было рыться в ящичках.

За спиной Шеридана зашуршал брезент, и появился Езекия.

— Разрешите мне, сэр,— сказал он, отодвигая Шеридана в сторону.

— Нам потребуются роботехники,— объяснил Шеридан.— Эти ребята, конечно, сильно расшиблись.

— Вот, сэр. Лучше вы сами. У вас это получается быстрее, чем у нас всех.

Шеридан сунул три сменника в карман куртки.

— К сожалению, это все, сэр,— сказал Езекия.— Весь наш запас.

— Обойдемся. А радиокабина? В ней кто-нибудь был?

— Насколько мне известно, никого. Сила как раз из нее вышел. Ему очень повезло, сэр.

— Да уж,— отозвался Шеридан.

Он выбрался из палатки и побежал к куче разбитых ящиков. Там уже собрались роботы и быстро разбирали обломки. Он увидел, как они наклонились и вытащили что-то металлическое и искореженное, потом бережно отнесли в сторону, положили и столпились вокруг. Шеридан остановился рядом.

— Ав,— еле выговорил он,— вы обоих вытащили?

Авраам обернулся к нему.

— Пока нет, Стив. Макс еще там.

Шеридан протолкался вперед и опустился на колени рядом с искореженным роботом. Вмятина, увидел он, была такой глубокой, что почти достигла спины. Ноги нелепо изгибались, а руки переплелись под немыслимым углом. Голова была свернута набок, а кристаллы глаз помутнели.

— Лем,— прошептал Шеридан.— Лемуил, ты меня слышишь?

— Нет,— сказал Авраам.— Его всего перекрутило.

— Роботехники у меня в кармане.— Шеридан встал и выпрямился.— Три. Кто хочет взяться за это? Работать надо будет очень быстро.

— Я,— сказал Авраам,— Эбенезер, ну и...

— И я,— предложил Исус Навин.

— Нам понадобятся инструменты,— объявил Авраам.— Без них мы ничего не сделаем.

— Несу! — крикнул Езекия, рысцой подбегая к ним.— Я знал, что вам понадобятся инструменты.

— И свет,— добавил Исус.— Уже совсем стемнело, а судя по всему, надо будет покопаться у него в мозгу.

— Его надо куда-нибудь перенести и на что-нибудь положить,— заметил Авраам.— Пока он валяется на земле, сделать ничего нельзя.

— Воспользуйтесь конференц-столом,— предложил Шеридан.

— Эй, ребята! — завопил Авраам.— Перетащите Лемуила на конференц-стол!

— Мы Макса выкапываем! — завопил в ответ Гедеон.— Сами отнесите!

— Не можем,— загремел Авраам.— Стив нам сменники вставит...

— Садитесь,— распорядился Шеридан.— А то я не дотянусь. У кого-нибудь есть чем посветить?

— Да, сэр.

Езекия протянул ему фонарик.

— Наведи луч на эту тройку так, чтобы можно было вставить сменники.

К поврежденному Лемуилу подбежали три робота, подняли его и унесли.

При свете фонарика Шеридан вытащил ключи и быстро нашел нужный.

— Свети ровнее! — сказал он.— В темноте у меня ничего не получится.

— Один раз получилось,— сказал Эбенезер.— Вы же не забыли, Стив? На Галанове. Только надписи не разглядели и вставили Улиссу миссионера вместо лесоруба, а он давай проповедовать. Эх, и ночка была!

— Заткнись,— скомандовал Шеридан,— и замри! Как я тебе его вставлю, если ты будешь вертеться?

Он отпер почти невидимую панель на затылке Эбенезера, быстро сдвинул ее, сунул руку внутрь и нащупал сменник космовика. Резким движением он вывернул его, сунул в карман, затем вставил роботехника и завернул до щелчка. После чего задвинул черепную панель и услышал, как щелкнул замок.

Он стремительно повернулся к двум остальным и закончил со вторым, когда Эбенезер еще только поднялся на ноги и взял сумку с инструментами.

— Пошли, мужики,— сказал Эбенезер.— Надо привести Лема в порядок.

Они зарысили прочь.

Шеридан осмотрелся. Езекия уже умчался с фонариком заняться еще чем-то. Остальные роботы все еще рылись в куче товаров, и он побежал помочь им. Гедеон рядом с ним сказал:

— На что это вы наткнулись, Стив?

— А?

— У вас лицо в крови.

Шеридан провел ладонью по щеке — влажной и липкой.

— Камешком задело.

— Пусть бы Езекия обработал рану.

— Когда откопаем Макса,— ответил Шеридан, принимаясь за работу.

До Максимилиана они добрались через четверть часа в самом низу кучи. Туловище его было раздавлено в лепешку, но он был способен говорить.

— Долго же вы возились, ребята,— сказал он.

— Заткнись,— отозвался Рубен.— По-моему, ты это нарочно подстроил, чтобы обзавестись новым телом.

Они вытащили его и поволокли по земле. Из него посыпались обломки рук и ног. Тогда они оставили его лежать и побежали к радиокабине. Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Чего это вы меня бросили валяться тут?

Шеридан присел на корточки рядом с ним.

— Успокойся, Макс. Платформа врезалась в радиокабину, и там что-то очень не так.

— А Лемуил? Что с ним?

— Так себе. Ребята сейчас им занимаются.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Все шло нормально, и вдруг платформа нас сбросила.

— Два мотора забарахлили,— ответил Шеридан.— А почему — мы, наверное, никогда уже не узнаем, раз платформа разбилась всмятку. Но ты себя действительно хорошо чувствуешь?

— Абсолютно. Но не позволяйте ребятам валять дурака. Наверняка захотят попридержать тело. Просто для смеха. Так вы им не позволяйте.

— Получишь тело, как только мы управимся. Думается, Езекия отправился за запасными телами.

— Это надо же! — сказал Максимилиан.— Мы весь груз спустили — на миллиард долларов груза, и ни разу...

— Что поделать, Макс, законы вероятности.

Макс хихикнул:

— Вот вы, люди, всегда так: законы вероятности, предчувствия...

Из темноты появился бегущий Гедеон.

— Стив, нужно заглушить моторы платформы. Они совсем взбесились, того и гляди повзрываются.

— Но я думал, вы...

— Стив, это же работа не для космовиков-чернорабочих.

— Пошли!

— Э-эй! — завопил Максимилиан.

— Я сейчас вернусь,— успокоил его Шеридан.

В палатке Езекии не оказалось. Шеридан лихорадочно рылся среди сменников и наконец нашел-таки механика-ядершика.

— Придется тебе,— сказал он Гедеону.

— Ладно,— ответил тот.— Только побыстрее, а то какой-нибудь мотор разнесет, и тогда радиоактивности не оберешься! Нам-то ничего, а вот вам...

Шеридан вывернул сменники космовика и вставил ядершика.

— Ну, пока,— сказал Гедеон и выскочил из палатки.

Шеридан уставился на разбросанные сменники. «Ну, Езекия устроит мне хорошую головомойку!» — подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Свой белый фартук он засунул за пояс. Поварской колпак был водружен на голову.

— Стив,— сказал он,— вы сегодня не обойдетесь холодным ужином?

— Нет, конечно.

— Платформа не только кабину разнесла, но и плиту расплющила.

— Холодный так холодный. А ты для меня кое-чего не сделаешь?

— Что именно?

— Макс лежит там напуганный, весь изломанный, и ему плохо одному. В палатке он почувствует себя спокойнее.

Наполеон вышел, бормоча:

— Чтоб я, шеф-повар, волок на себе какого-то...

Шеридан начал подбирать сменники, стараясь рассортировать их.

Вернулся Езекия, подобрал остальные сменники и переложил их по-новому.

— С Лемуилом, сэр, все обойдется,— заверил он Шеридана.— Нервная система перепуталась и в нескольких местах замкнулась. Им пришлось вырезать большие куски проводков. Пока у них остался только голый мозг, и потребуется время, чтобы снабдить его телом и все подсоединить как требуется.

— Мы еще благополучно отделались, Езекия.

— Полагаю, вы правы, сэр. Думаю, Наполеон сказал вам про плиту.

Вошел Наполеон с металлической кашей, которая прежде была Максимилианом, и прислонил останки к столу.

— Еще поручения?..— осведомился он со жгучим сарказмом.

— Нет, спасибо, Наппи, это все.

— Ну а мое тело? — требовательно спросил Максимилиан.

— Придется подождать,— ответил Шеридан.— У ребят полно работы с Лемуилом, но все будет в порядке.

— Отлично,— отозвался Макс.— Лем чертовски хороший робот, и потерять его было бы очень жалко.

— Ну, нельзя сказать, чтобы мы вас уж так часто теряли!

— Это точно. Мы ребята крепкие, нас так просто в утиль не превратить.

— Сэр,— вмешался Езекия,— вы ведь ранены. Не позвать ли кого-нибудь, чтобы вставить в него сменник врача...

— Ерунда,— сказал Шеридан.— Просто царапина. Ты не поищешь воды, чтобы я мог умыться?

— Разумеется, сэр. Но раз рана незначительная, я сам сумею ее обработать.

И он отправился на поиски воды.

— Езекия тоже парень что надо,— великодушно заметил Максимилиан.— Ребята его неженкой считают, но в трудные минуты на него можно положиться.

— Без Езекии я бы не справился,— сказал Шеридан ровным голосом.— Мы, люди, не такие закаленные, как вы. Нам нужно, чтобы о нас кто-то заботился. И обязанности вполне почетны.

— Чего это вы взъерепенились? — спросил Максимилиан.— Я же сказал, что он хороший парень.

Вернулся Езекия с ведром воды и полотенцем.

— Вода, сэр. Гедеон просил передать вам, что с моторами все в порядке. Они их отключили.

— Ну так вроде все, если, конечно, они уверены, что восстановят Лемуила,— вздохнул Шеридан.

— Сэр, они как будто абсолютно уверены.

— Ну и отлично,— вставил Максимилиан с обычной для роботов самонадеянностью.— Так что завтра с утра можно будет заняться торговлей.

— Пожалуй,— отозвался Шеридан, подходя к ведру и снимая куртку.

— Простая работенка. Расторгуемся вчистую и уберемся отсюда через девяносто дней, а то и быстрее.

— Нет, Макс! — Шеридан покачал головой.— Это очень и очень непросто.

Он нагнулся над ведром и плеснул воды на лицо и голову.

Так оно и есть, сказал он себе твердо. Чужая планета — это чужая планета, какие меры ни принимай. Какой бы исчерпывающей ни была разведка, каким бы продуманным ни был план операции, всегда найдется непредвиденный, притаившийся фактор.

Может быть, размышлял он, если бы команда выполняла одну какую-то функцию, ей бы со временем удалось выработать беспроигрышную систему. Но когда работаешь на Торговый центр, о таком и мечтать нечего.

Интересы Торгового центра были самыми разнообразными. Гарсон-IV — продажа и закупки. А в следующий раз — дипломатическая миссия или инженерия здоровья. Ни человек, ни его команда роботов понятия не имели, что им предстоит, пока не получали задания.

Он потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер-Семь? — спросил он Максимилиана.

— Само собой, Стив. Чистое невезение! Эбенезер не виноват, что допустил эту ошибочку.

— Сдвинуть не ту гору, это не такая уж маленькая ошибочка,— сказал Шеридан с подчеркнутым терпением.

— Это все Центр,— вознегодовал Максимилиан.— Наврали с картами.

— Полегче, полегче,— порекомендовал ему Шеридан.— Дело прошлое, и ни к чему в бутылку лезть.

— Может, и так,— сказал Максимилиан,— но меня это из себя выводит. Мы ставим рекорд, до которого ни одной другой команде не дотянуться, а тут Центр садится в лужу и валит все на нас. Знаешь что? Центр слишком уж большим стал и недотепистым.

И слишком самодовольным, подумал Шеридан, но вслух этого не сказал.

Слишком уж большой и слишком самодовольный во многих смыслах. Взять, к примеру, эту планету. Центру следовало послать сюда торговую команду давным-давно, а он что? Пыхтел, мямлил, раздумывал, разрабатывал планы. Назначались комиссии для оценки ситуации, порой ставились вопросы на заседаниях правления, и ровным счетом ничего не делалось, пока дело ползло и ползло по грозному лабиринту инстанций.

Центр нуждается в малой толике конкуренции, решил Шеридан. Может, если найдется ловкий соперник, Торговый центр забудет о своем толстобрюхом достоинстве и почешется!

Вошел, топоча, Наполеон и со стуком поставил на стол тарелку и бутылку со стаканом. На тарелке громоздились ломти холодного мяса в окружении нарезанных овощей. В бутылке было пиво.

— А я и не знал, что у нас есть пиво,— удивленно сказал Шеридан.

— И я не знал,— отрезал Наполеон.— Но посмотрел — и вот оно! До того дошло, Стив, что жди чего угодно!

Шеридан бросил полотенце, сел к столу и налил пиво в стакан.

— Я б тебя угостил,— сказал он Максимилиану,— да только у тебя от него все нутро заржавеет.

Наполеон захохотал.

— В данный момент,— заметил Максимилиан,— у меня нутра почти не осталось. Все повысыпалось.

Деловитым шагом вошел Авраам.

— Я слышал, вы куда-то Макса припрятали.

— Тут я! — нетерпеливо крикнул Максимилиан.

— Да уж ты хорош,— сказал Авраам.— И как все гладко шло, пока вы, два идиота, не испортили нам музыку.

— Как Лемуил? — спросил Шеридан.

— Нормально. Они там и вдвоем управятся, вот я и пошел искать Макса.— Авраам обернулся к Наполеону: — Ну-ка, помоги отнести его на стол. Там свет в самый раз.

— Я его полночи с места на место таскаю,— проворчал Наполеон, наклоняясь над Максимилианом.— И чего с ним возиться? Выбросить его на свалку, да и дело с концом!

— Будет знать! — согласился Авраам с притворным гневом.

Они унесли Максимилиана, из которого продолжали сыпаться детали.

Езекия кончил раскладывать сменники по местам и с удовлетворением закрыл крышку инструментария.

— Ну а теперь,— заявил он,— займемся вашим лицом.

Шеридан пробурчал что-то невнятное, продолжая жевать.

Езекия произвел осмотр и в заключение сказал:

— На лбу просто царапина, но левую щеку, сэр, вам словно наждачной бумагой ободрали. Может, все-таки подсменить кого-нибудь? Вам следует показаться врачу.

— Не надо,— ответил Шеридан.— Само заживет.

В палатку просунулась голова Гедеона.

— Езекия! Ав скандалит из-за тела, которое ты подобрал для Максимилиана. Говорит, оно старое, восстановленное. У тебя другого нет?

— Пойду погляжу,— ответил Езекия.— Там темновато. Но есть и еще. Пойдем поглядим.

Он ушел с Гедеоном, и Шеридан остался один. Доедая ужин, он перебирал в уме события вечера.

Конечно, ничего хорошего, но могло быть куда хуже. Без несчастных случаев и непредвиденных помех не обойтись. Нет, им просто повезло. Если не считать потери времени и груза с одной платформы, все обошлось.

Да, в целом начинают они неплохо. Грузовой прицеп и корабль на малой орбите, груз спущен, а на этом узком полуострове, далеко вдающемся в озеро, они настолько в безопасности, насколько это возможно на чужой планете.

Гарсониане, конечно, не воинственны, но меры предосторожности никогда не помешают.

Он отодвинул пустую тарелку и вытащил папку из груды карт и всяких документов, медленно развязал тесемки, извлек ее содержимое и, наверное, в сотый раз погрузился в резюме отчетов, представленных в Торговый центр первыми двумя экспедициями.

Впервые люди побывали на этой планете более двадцати лет назад: произвели предварительную разведку и вернулись с описаниями, фотографиями и образчиками. Чистая рутина, никаких специальных исчерпывающих исследований. Ни особых надежд, ни ожиданий, обычная рабочая разведка, которая

проводилась на многих планетах и в девятнадцати случаях из двадцати не приносила ничего.

А вот Гарсон-IV преподнес сюрприз.

Сюрпризом этим оказался клубень, на вид совершенно обычный и более всего смахивавший на небольшую сморщенную картофелину. Доставленный первой экспедицией в числе других мелочей, захваченных с планеты, он дождался своей очереди и был подвергнут тщательному анализу в лаборатории Центра — с поразительными результатами.

Подар (как его называли туземцы) содержал вещество, которое получило длиннейшее труднопроизносимое название и оказалось почти идеальным транквилизатором. Оно как будто не вызывало никаких неприятных побочных явлений, не было смертельным даже в самых непомерных дозах, и к нему вырабатывалась определенная привычка — очень ценное свойство в глазах всех, кто занялся бы его сбытом.

Для расы, озабоченной возрастающим числом заболеваний, вызываемых нервным перенапряжением, это был просто дар небесный. Долгие годы множество лабораторий занимались поисками чего-то подобного — и вот новая планета преподнесла его в готовом виде.

С поразительной быстротой, учитывая неторопливость, с какой обычно действовал Торговый центр, на Гарсон-IV была снаряжена новая экспедиция с командой роботов, заряженных сменниками торговых экспертов, психологов и дипломатов. Эта команда проработала два года с весьма обнадеживающими результатами. На Землю экспедиция вернулась с грузом подаров, множеством тщательно собранных сведений, а также с торговым соглашением, согласно которому гарсониане обязывались культивировать и запасать подары до прибытия новой команды с товарами для обмена.

«И команда эта — мы»,— подумал Шеридан.

И все было бы прекрасно, не задержись они на пятнадцать лет.

Ибо Торговый центр после многочисленных конференций решил выращивать подары на Земле. Что, как указывали экономисты, обойдется намного дешевле длительных дорогостоящих полетов за подарами на дальнюю планету. А то, что гарсониане в результате оставались с носом торговому соглашению

вопреки, словно бы никому даже в голову не пришло. Впрочем, учитывая характер гарсониан, им это, возможно, нипочем.

Ибо гарсониане отличались, мягко выражаясь, большой беспечностью, и второй команде лишь с огромным трудом удалось втолковать им, что такое межпланетная торговля и какие выгоды она сулит. Однако надо отдать им должное: разобравшись наконец, что к чему, они проявили похвальный деловой энтузиазм.

Клубни принялись в земной почве с обнадеживающей легкостью, и клубни становились все больше и лучше по сравнению с собранными на их родной планете. Но ничего удивительного в этом не было, если вспомнить примитивность гарсонианского земледелия.

Потребовалось несколько лет, чтобы привезенные второй экспедицией подары принесли достаточно семян для коммерческого их культивирования.

Но в конце концов первый урожай был собран, первая ограниченная партия чудодейственного средства была произведена и поступила в продажу под гром рекламных фанфар и по соответственной цене, разумеется.

Все, казалось, складывалось лучше некуда.

Вновь земные фермеры получили доходную культуру с далекой планеты, а Человек обрел транквилизатор, которого ждал так долго!

Но годы шли, и энтузиазм поугас. Ибо получаемый из этих клубней препарат словно бы утрачивал действенность. Либо он не был так хорош, как предполагалось вначале, либо в земных условиях недоставало какого-то существенного фактора.

Лаборатории принялись за лихорадочные поиски. Подары высаживались на экспериментальных делянках на других планетах в надежде, что почва или воздух там содержат недостающий элемент, если дело было в этом.

А Торговый центр с тяжеловесной бюрократичностью принялся разрабатывать планы импорта, запоздало припомнив, быть может, о торговом соглашении, подписанном много лет назад. Но особой спешки не было: а вдруг все-таки будет найден способ получать клубни на Земле.

В конце концов удалось точно установить, что ни на Земле, ни где-либо еще, кроме родной планеты подара, получить полноценные клубни невозможно. Как выяснили лаборатории,

действенность транквилизирующего вещества в значительной степени зависела от деятельности микроорганизма, обитавшего в корнях подара. А поддерживать полноценную жизнедеятельность этот микроорганизм мог только в условиях Гарсона-IV.

Вот так через пятнадцать с лишним лет на Гарсон-IV снарядили третью экспедицию, которая приземлилась, спустила груз и утром могла приступить к выменниванию подаров.

Шеридан неторопливо перебирал листы, вынутые из папки. Собственно, зачем, когда он знает каждую строчку наизусть?

Зашелестел брезент, и в палатку вошел Езекия. Шеридан поднял голову.

— А, вернулся! — сказал он.— Отлично. С Максом все в порядке?

— Мы нашли тело, отвечающее всем требованиям.

— Езекия,— сказал Шеридан, откладывая листы,— твои впечатления?

— От планеты, сэр?

— Вот именно.

— Амбары, сэр. Вы их видели, сэр, когда мы снижались. Я еще указал вам на них.

Шеридан кивнул:

— Вторая экспедиция научила туземцев, как их строить. Под подары.

— Они все выкрашены красной краской,— сказал робот.— Ну прямо как на рождественской открытке.

— А что в этом плохого?

— Вид у них жутковатый, сэр.

Шеридан засмеялся.

— Жутковатый или нет, они нас выручат. Наверное, битком набиты подарами. Пятнадцать лет туземцы складывали в них урожаи, наверняка удивляясь, почему мы не прилетаем с товарами...

— Деревушки крохотные, а в центре торчит красный амбарище,— сказал Езекия.— Простите меня, сэр, но это похоже на помесь Новой Англии с какой-нибудь Нижней Словвовией.

— Ну, не совсем! Наши гарсонианские друзья до такого все-таки не дошли. Пусть они беспечны и легкомысленны, но деревни они свои содержат в порядке, а домики просто вылизывают. Вот посмотри.

С этими словами он вытащил из кипы бумаг фотографию. Чистенькая деревенская улица, по сторонам ряды чистеньких домиков, пестрые цветочные бордюры вдоль пешеходных дорожек, по которым идут люди — миниатюрные, веселые, похожие на гномиков.

Езекия взял фотографию.

— Не спорю, сэр, они выглядят счастливыми, хотя, пожалуй, не слишком интеллектуальными.

— Пойду посмотрю, как там идут дела,— сказал Шеридан, вставая.

— Все нормально, сэр,— заметил Езекия.— Ребята разобрали кучу, но, к сожалению, от груза мало что уцелело.

— Ну, если хоть что-то уцелело, это уже чудо.

— Долго не задерживайтесь,— предостерег его Езекия.— Вам надо выспаться. День завтра предстоит нелегкий, а вам вставать с зарей.

— Я сейчас,— обещал Шеридан и вышел из палатки.

Лагерные прожекторы уже были установлены и разгоняли ночную тьму. С той стороны, где грузовая платформа врезалась в землю, доносился стук молотков. Даже от ямы не осталось никакого следа, и роботы-космовики строили новую радиокабину. Другие воздвигали купол над конференц-столом, вокруг которого Авраам и другие роботехники завершали восстановление Лемуила и Максимилиана. А перед кухней Наполеон с Гедеоном, сидя на корточках, увлеченно играли в кости.

Шеридан увидел, что под навесом стоит новая плита. Он подошел к игрокам, они кивнули ему и продолжали бросать кости.

Шеридан понаблюдал за ними, а потом неторопливо пошел дальше, недоуменно покачивая головой,— он не переставал удивляться интересу, который вызывали у роботов все азартные игры. Видимо, человеку этого понять не дано, как и многое другое.

Ведь такие игры подразумевают материальный выигрыш или проигрыш, то есть, с точки зрения роботов, они не могли иметь смысла, поскольку у роботов нет ни денег, ни недвижимости, ни даже личных вещей. И ни в чем подобном они не нуждаются — и все-таки они отчаянно резались и в кости, и в карты.

Или они просто подражают людям? По самой своей природе робот лишен возможности приобщиться к большинству человеческих пороков. Но играть он вполне способен, и, вероятно, с бóльшим искусством, чем люди в среднем.

Но чем, чем это их прельщает? Он недоумевал — приобретения, выгоды? Но для роботов они не существуют. Приятное возбуждение? Возможность дать выход агрессивности?

Или они учитывают в уме все свои выигрыши и проигрыши, и тот, кто в азартных играх чаще выходит победителем, приобретает определенный престиж, человеку не известный или даже тщательно от него скрываемый?

Человек, подумал он, не способен постичь своих роботов до конца, что, может быть, и к лучшему. Все-таки у робота сохраняется подобие индивидуальности.

Ведь если робот и обязан человеку очень многим — самой своей идеей, материальным ее воплощением и жизнью, то тем самым и человек обязан роботам стольким же, если не бóльшим.

Без роботов человек не сумел бы проникнуть в глубины Галактики так быстро и так плодотворно. Невозможность перебрасывать квалифицированную рабочую силу в необходимых количествах уже стала бы непреодолимым препятствием. Где было бы взять столько космолетов?

С роботами проблемы транспортировки не возникало.

А сменники обеспечивали наличие всех необходимых специалистов в самых разных областях, способных справиться с любыми трудностями на только что открытых планетах, как ни мало было число роботов.

Шеридан дошел до границы лагеря и уставился в темноту, из которой доносился плеск волн под тихие вздохи ветра.

Он откинул голову, посмотрел на небо и — как уже много раз на многих других планетах — поразился сокрушающему ощущению неизбывного одиночества и чужеродности, какое вызывал вид незнакомых созвездий.

Человек, подумал он, привык ориентироваться по таким неверным признакам, как группировка звезд, запах цветка или краски заката.

А впрочем, почему незнакомых? Тут ведь уже побывали две экспедиции землян, а теперь прибыла третья — с прицепом, набитым товарами.

Он отвернулся от озера и, сощурившись, посмотрел туда, где у границы лагеря был сложен груз и укрыт прочным пластиком, поблескивавшим в свете звезд. Будто на чужой земле улеглось спать стадо горбатых чудовищ.

Ни один звездолет не смог бы доставить такое количество груза — звездолеты могли перевозить лишь ничтожную долю того, что требовалось для межзвездной торговли.

Для этой цели были созданы прицепы.

Такой прицеп загружался на орбите над планетой с челночных грузовых платформ. После загрузки прицеп с командой роботов получал толчок к дальнему полету от экспедиционного корабля. С помощью двигателей на самом прицепе, а также притяжения звездолета наращивалась и наращивалась скорость. Когда она сравнивалась со скоростью света, наступал трудный момент, а затем все упрощалось, хотя для межзвездных полетов требовалась скорость, во много раз превышающая скорость света. Вот так прицеп следовал за экспедиционным кораблем, который вел его через странную серую зону, где пространство и время скручивались в нечто отличное от нормальных пространства и времени.

Без роботов ни о каком грузовом прицепе не было бы и речи: никакая человеческая команда не могла работать в нем и проверять груз.

Шеридан вновь обернулся к озеру, и ему почудилось, что он видит белые полосы пены. Или у него разыгралось воображение? Ветер тихо постанывал, над головой сверкали чужие звезды, а за озером спали туземцы в своих деревнях с огромными красными амбарами.

2

Утром роботы собрались вокруг конференц-стола под пестрым куполом, и Шеридан с Езекией принесли туда металлические ящички со сменниками, помеченными: «Специальные — Гарсон-IV».

— Ну а теперь,— сказал Шеридан,— пора браться за дело, если вы, господа, удостоите меня своим вниманием.— Он открыл один ящичек.— Вот сменники, изготовленные на заказ для предстоящей работы. Их удалось создать, потому что мы

располагали ранее полученными сведениями об этой планете. Таким образом, мы начнем с пустого места, как нам не раз приходилось в прошлом...

— Хватит трепаться, Стив,— завопил Рубен,— будем действовать!

— Пусть поговорит,— сказал Авраам.— У него на это не меньше прав, чем у любого из нас.

— Спасибо, Ав,— поблагодарил его Шеридан.

— Валяйте,— пригласил Гедеон.— Руб просто сбросил лишний вольтаж.

— Сменники эти, естественно, в своей основе торговые и снабдят вас личностью и приемами удачливого продавца. Но кроме того, в них включены все сведения, имеющие отношение к ситуации здесь, а также туземный язык и всякие подробности о планете.

Он отпер еще один ящичек и откинул крышку.

— Начнем?

— А чего ждать? — заявил Рубен.— Этим космовиком я по горло сыт.

Шеридан обошел их в сопровождении Езекии с ящичками.

Вернувшись к исходной точке, он отодвинул ящички, в которых теперь находились космовики и прочие разнообразные сменники.

— Ну, как они вам? — спросил он, обводя взглядом свою команду.

— Очень даже,— ответил Лемуил.— Знаете, Стив, я раньше не замечал, до чего тупы космовики.

— Не слушайте его,— сердито проворчал Авраам.— Он каламбурит так при каждой пересменке.

— Вроде бы все должно пройти гладко,— сказал Максимилиан серьезно.— Эти люди свыклись с мыслью, что мы будем с ними торговать. Значит, первоначального антагонизма не возникнет. Возможно даже, что им самим не терпится заключить сделку.

— Еще одно,— указал Дуглас.— У нас товары, к которым они проявляли интерес, и нам не придется тратить время на подробные выяснения их потребностей.

— Торговая ситуация представляется простой,— веско произнес Авраам.— Осложнений вроде бы возникнуть не должно.

По-видимому, главное — установить пропорции обмена: сколько подаров за лопату, или за мотыгу, или еще за что-то.

— Это выяснится путем проб и ошибок,— заметил Шеридан.

— Надо будет жестко поторговаться для установления розничной цены,— заявил Лемуил,— а затем продавать оптом. Такой прием нередко приносил отличные результаты.

Авраам поднялся со стула.

— Приступим. Думаю, Стив, вам следует остаться в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду в радиокабине ждать ваших сообщений. Не тяните с ними.

Роботы приступили: они чистили и полировали друг друга, пока буквально не засияли. Достали парадные щитки и прикрепили их к корпусу магнитными защелками — разноцветные пояса, сверкающие металлические наборные ожерелья и драгоценные камни с кулак величиной. Не слишком изысканного вкуса, но рассчитанные на то, чтобы поразить туземцев.

Они подогнали свои платформы, нагрузили их образчиками со склада, и Шеридан, расстелив карту, распределил между ними деревни. Они проверили передатчики и убедились, что взяли книги заказов.

К полудню они все покинули лагерь.

Шеридан пошел к себе в палатку и опустился в походное кресло, глядя на озеро, сверкающее на солнце за пологим берегом.

Наполеон принес ему перекусить и сел поболтать, аккуратно вздернув белый фартук на колени, чтобы он не касался земли, а высокий колпак лихо сдвинул набок.

— И как, по-вашему, пойдет дело, Стив?

— Заранее ничего сказать нельзя,— объяснил ему Шеридан.— Ребята все настроились на легкую работенку, и, надеюсь, они не разочаруются. Но туземцы на малоизвестной планете могут выкинуть что угодно.

— Ждете неприятностей?

— Я ничего не жду, а просто сижу и робко надеюсь на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если вы так тревожитесь, то почему не отправились туда сами?

Шеридан покачал головой:

— Сам подумай, Наппи. Я ничего в торговле не понимаю, а ребята знают о ней все, что требуется. Мне браться за это самому никакого смысла нет. Я не подготовлен.

А к чему он подготовлен, вдруг пришло ему в голову. Он не торговец и не космовик. И понятия не имеет о профессиях, в которых роботы поднаторели — или могли поднатореть в любую минуту.

Нет, он просто человек, необходимый винтик в команде роботов.

По закону, ни одному роботу и ни одной команде роботов нельзя было давать задание без человеческого надзора. Но дело этим не исчерпывалось. В самой природе робота крылась потребность, не заложенная сознательно, но изначально ей присущая,— потребность в своем человеке.

Команда роботов, посланная на задание без сопровождающего человека, стала бы сажать ошибку на ошибку и в конце концов полностью бы рассыпалась и могла бы не только не принести пользы, но причинить невообразимый вред. А когда их сопровождает человек, их предприимчивости и возможностям практически нет предела.

То ли, думал он, они нуждаются в лидере, хотя, с другой стороны, человек в команде роботов далеко не всегда обладает качествами лидера. То ли им требуется символ непререкаемого авторитета, пусть даже роботы, если отбросить их уважение к своему человеку и стремление заботиться о нем, никаких авторитетов не признают.

Нет, сказал себе Шеридан, тут кроется нечто более глубокое, чем просто лидерство или просто авторитет. Нечто, сравнимое с привязанностью и внутренним единением, связывающими неразрывными узами человека и собаку, однако при полном отсутствии немого обожания, свойственного собакам.

— Ну, а сам ты? — спросил он Наполеона.— Тебе никогда не хотелось самому выйти на задание? Скажи только слово...

— Мне нравится готовить,— заявил Наполеон и поковырял в земле металлическим пальцем.— Я, Стив, так сказать, старый верный служитель.

— Сменник в два счета это изменит.

— А кто тогда будет для вас готовить? Сами-то вы и яйцо толком сварить не умеете.

Шеридан кончил есть и снова уставился на озеро в ожидании первых сообщений по радио.

Наконец-то они приступили к выполнению задания. Все, что происходило до этого — погрузка, долгая буксировка по космическому пространству, выведение космолета с прицепом на орбиту и разгрузка,— было лишь подготовкой к этому моменту.

Они приступили к выполнению задания, но до конца было еще ох как далеко. Предстоят месяцы напряженной работы. Будут возникать бесконечные проблемы, непредвиденные трудности. Но они справятся, сказал он себе с непоколебимой гордостью. Его команду ничто не поставит в тупик. Ничто!

Под вечер его позвал Езекия:

— Радирует Авраам, сэр. Что-то не так.

Шеридан вскочил, бросился в кабину, придвинул стул и ухватил наушники.

— Ав, это ты? Как дела, малый?

— Плохо, Стив,— ответил Авраам.— Они не хотят меняться. Товары им нравятся. Так и засматриваются на них. Но ничего за них не предлагают. Знаете, что я думаю? По-моему, им нечего предложить.

— Чушь, Ав! Они собирали плоды все эти годы. Амбары полным-полны.

— Все амбары заколочены,— сказал Авраам.— Двери закрыты на засовы, окна забраны досками. А когда я хотел подойти к одному, они повели себя не по-хорошему.

— Сейчас прилечу,— сказал Шеридан.— Хочу сам посмотреть.— Он вышел из кабины.— Езекия, заведи стрекозу. Полетим поговорить с Авом. Наппи, подежурь у радио. Если что, свяжешься со мной в деревне Ава.

— Я отсюда ни ногой,— заверил его Наполеон.

Езекия посадил стрекозу на деревенской площади рядом с платформой, по-прежнему полностью нагруженной. К ним тут же подошел Авраам.

— Хорошо, что ты тут, Стив. Они хотят, чтобы я убрался отсюда. Они не хотят, чтобы мы оставались на планете.

Шеридан вылез из стрекозы и застыл на месте. Его охватило странное ощущение — и с деревней, и с ее обитателями что-то было не так. Что-то изменилось, стало другим.

На площади собралось много туземцев, кто-то прислонялся к дверям, кто-то к древесному стволу. Несколько загораживали заложенную засовами дверь массивного амбара в центре площади, словно их поставили туда часовыми.

— Когда я приземлился,— сказал Авраам,— они столпились вокруг платформы, разглядывали товары и только-только не хватали их. Я попробовал заговорить с ними, но они отмалчивались, твердили, что они очень бедные. А теперь молчат и только глазами сверкают.

Амбар на фоне маленьких деревенских домиков выглядел монументальным сооружением. Кубический, внушительный, ничем не украшенный, он выглядел здесь чужеродным, инопланетным, перенесенным сюда с Земли. Шеридан сообразил, что именно такие амбары видел на захолустных земных фермах: большая шипцовая крыша, широкая дверь, ведущий к ней пандус и даже слуховое оконце в круглой башенке, венчающей конек.

Человек и два робота стояли в омуте враждебного молчания, туземцы пялились на них, и что-то было очень и очень не так.

Шеридан медленно повернулся, обводя взглядом площадь, и вдруг понял причину.

Деревня выглядела запущенной, прямо-таки грязной. Домики облупились, утратили свой аккуратный, нарядный вид, везде валялся мусор. И люди тоже несли на себе печать неряшливости и неухоженности.

— Сэр,— сказал Езекия,— какой у них жалкий вид!

Да, вид у них был самый жалкий: в лицах словно таилась затравленность, измученность, плечи понуро сутулились.

— Ничего не понимаю! — с недоумением сказал Авраам.— В описании они значатся как веселый беззаботный народец. А поглядите на них теперь! Неужели нас снабдили неверными сведениями?

— Нет, Ав. Просто они изменились.

Неверными сведения быть не могли. Их собрала компетентная команда, одна из лучших, руководимая опытным человеком, много лет проведшим на разнообразных новооткрытых планетах. Команда провела на Гарсоне-IV два года и постаралась изучить туземцев досконально.

Что-то случилось с этими людьми. Почему-то они потеряли веселость и гордость. Позволили своим домам обветшать, позволили себе превратиться в жалких оборванцев.

— Ребята, останьтесь тут,— сказал Шеридан.

— Сэр, остановитесь! — с тревогой воскликнул Езекия.

— Поосторожнее! — предостерег Авраам.

Шеридан направился к амбару. Группа у дверей не шелохнулась. Он остановился в трех шагах от них.

На близком расстоянии они даже больше походили на гномов, чем на снимках, сделанных первой экспедицией. Да, сморщенные маленькие гномы, но совсем невеселые гномики. Они выглядели неряшливыми, опустившимися и смотрели на него угрюмо, возможно, даже с ненавистью. И с каким-то смущением. Некоторые расстроенно переступали с ноги на ногу.

— Вижу, вы нас не забыли,— сказал Шеридан дружеским тоном.— Мы слишком долго не возвращались. Гораздо дольше, чем намеревались.

Он опасался, что говорит плохо. Этот язык, собственно, был не самым простым языком в Галактике. На мгновение он пожалел, что в человеческий мозг нельзя вставить сменник. Как бы это облегчило дело!

— Мы вас помним,— сердито сказал один.

— Замечательно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан.— Ты голос деревни?

Голос — потому что у них не было главы, вождя, не существовало правительства, а возникающие проблемы обсуждались в разговорах возле эквивалента деревенской лавки да на редких общих собраниях, когда случалось что-нибудь неожиданное Но за выполнением решений никто не следил.

— Я могу говорить за остальных,— уклончиво ответил туземец и медленно вышел вперед.— Много лет назад здесь побывали такие, как вы.

— Вы их встретили как друзья.

— Мы всех встречаем как друзья.

— Но их особенно. И обещали им собирать и сохранять подары.

— Столько времени подары не сохраняются. Они гниют.

— У вас для хранения были амбары.

— Один подар начинает гнить, за ним другой, и вот уже сто гнилых подаров. Амбар не годится. Они нигде не сохраняются.

— Но мы... но те показали вам, что надо делать. Вы перебираете подары и выбрасываете подгнившие. И тогда остальные не начинают гнить.

— Очень трудная работа. Слишком много времени берет.

Туземец пожал плечами:

— Но ведь не все подары сгнили. Какие-то сохранились.

Его собеседник развел руками:

— Погода стояла плохая, друг. То мало дождя, то слишком много. Всегда что-нибудь не так. И урожаи всегда плохие.

— Но мы привезли вам полезные вещи в обмен на подары. Много всего, что вам нужно. Нам было трудно доставить их сюда. Мы прилетели издалека. Оттого и прошло столько времени.

— Что поделать,— сказал туземец.— Подаров нет. Сам видишь, какие мы бедные.

— Но куда подевались все подары?

— Мы,— упрямо сказал туземец,— больше не выращиваем подары. С подарами всегда что-нибудь не так.

— Но что растет на полях?

— Мы не говорим «подары», мы называем их по-другому.

— Неважно, как вы их называете. Это подары или нет?

— Мы подары не выращиваем.

Шеридан повернулся на каблуках и пошел назад к роботам.

— Одно ясно,— сказал он.— Что-то тут произошло. Он жаловался на бедность, а потом сказал, что подаров они больше не выращивают.

— Но это же поля подаров! — заявил Авраам.— Если сведения верны, то они расширили площадь посевов. Я проверил по дороге сюда. Сейчас у них под подарами занято гораздо больше земли, чем прежде.

— Знаю,— ответил Шеридан.— Бессмыслица какая-то. Езекия, ты не свяжешься с лагерем, не выяснишь, что известно там?

— Еще одно,— напомнил Авраам.— Наше торговое соглашение с ними. Оно сохраняет силу?

— Не знаю.— Шеридан покачал головой.— Может, стоит сунуть его им под нос и посмотреть, что из этого получится. Это может послужить психологической зацепкой. Попозже, когда мы их немножко смягчим.

— Если мы их смягчим!

— Но это только один день и одна деревня.

— По-вашему, мы не можем использовать соглашение как дубинку?

— Послушай, Ав, я ведь не юрист, и в нашем наборе сменников юриста нет и, по чертовски веской причине, на этой планете законов не имеется. Но, предположим, мы потащим их в галактический арбитраж. Кто подписывался за их планету? Туземцы, которых выбрали в ее представители мы, а не ее обитатели, так что их подпись никого ни к чему не обязывала. Подписание контракта было просто торжественной церемонией, юридически ничего не значившей, затеянной только для того, чтобы внушить туземцам почтение к нам.

— Но вторая экспедиция считала, что это сработает.

— Ну да. Гарсонианам присуща мораль — и индивидуально, и в семье. Но вопрос в том, насколько она обязательна для жителей деревни в целом.

— То есть нам нужно найти подход,— сказал Авраам.— Хотя бы к этой деревне.

— Ну, если дело только в ней,— заметил Шеридан,— можно и выждать. Обойдемся и без нее.

Но дело не ограничилось одной деревней. То же положение было и во всех остальных.

Об этом сообщил Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится у всех,— объявил он.— Никто ничего не продал. Из его слов следует, что повсюду такая же картина.

— Лучше отзовем всех ребят в лагерь,— сказал Шеридан.— Эту ситуацию надо обсудить. Выработать план действий. Подход должен быть единым.

— И надо бы накопать подаров,— предложил Авраам.— И проверить, подары они или другое растение.

3

Шеридан вставил в мозг Эбенезера сменник химика, и Эбенезер занялся анализом. О результатах он доложил на совещании за конференц-столом.

— Есть только одно отличие,— сказал он.— В этих подарах содержится более высокий процент калентроподенсии (вещества, действующего как транквилизатор), чем в привезенных первой и второй экспедициями. Примерно десять процентов

с возможными колебаниями от поля к полю в зависимости от погоды и состава почвы — от последнего, по-моему, особенно.

— Значит, они солгали, заявив, будто больше не выращивают подары,— сказал Авраам.

— По их меркам,— возразил Сила,— они, возможно, не лгали нам. Человеческие нормы не всегда приложимы к инопланетной этике, то есть результативно. Эбенезер сказал, что в химическом составе клубней произошли изменения. То ли из-за улучшения обработки почвы, то ли из-за отбора семян, то ли из-за обильного выпадения дождей, то ли из-за большей концентрации микроорганизмов в почве. Или же туземцы сумели сами каким-то образом добиться этого...

— Все может быть,— сказал Гедеон.— Но к чему ты клонишь?

— Все очень просто. Если им известно про это изменение, они могли воспользоваться им как предлогом, чтобы изменить название. Или этого потребовали правила их грамматики. Или же они прибегли к игре слов, чтобы выпутаться из положения. Не исключено, что здесь не обошлось без суеверий. Туземец в деревне сказал Стиву, что с подарами их преследовали неудачи. И они могли переменить название, чтобы переломить полосу невезения.

— А это этично?

— На их взгляд, почему бы и нет. Вы, ребята, достаточно помотались по Галактике, чтобы усечь, что наши понятия о логике и этике там не очень в ходу.

— И все-таки я не вижу, зачем им понадобилось менять название. Разве что специально для того, чтобы не торговать с нами, чтобы заявить, что никаких подаров они не выращивают.

— По-моему, так и есть,— заметил Максимилиан.— Прекрасно стыкуется с заколоченными амбарами. Они знали о нашем прибытии. Еще бы! Сколько платформ челночило! Не увидеть их они не могли.

— В деревне,— сказал Шеридан,— у меня возникло четкое ощущение, что им не очень хочется убеждать меня, будто они не выращивают подары. Они оставили этот довод на конец, словно надеясь, что им не придется к нему прибегнуть. Как последнюю отчаянную меру, когда ничто другое к желаемому результату не приведет, и...

— Просто вздувают цену,— категорично заявил Лемуил.

— Не думаю.— Максимилиан покачал головой.— Ведь начальная цена не назначалась. Так как же можно ее вздувать?

— Так или иначе,— сухо ответил Лемуил,— а они создали ситуацию, чтобы взять нас за горло.

— Но есть и благоприятный для нас фактор,— продолжал Максимилиан.— Если они изменили название, чтобы не торговать с нами, значит, вся деревня сознает свое моральное обязательство и старается оправдать его нарушение.

— То есть ты считаешь, что мы могли бы их урезонить,— сказал Шеридан.— Не исключено. Во всяком случае, стоит попробовать.

— Что-то очень не так,— вставил Дуглас.— Перемены слишком велики. Новое название подаров, заколоченные амбары, жалкий вид деревень и их жителей. Вся планета словно пришла в запустение. Мне кажется, мы прежде всего должны установить, что произошло. А тогда у нас, возможно, появится шанс наладить торговлю.

— Хотел бы я заглянуть внутрь этих амбаров,— сказал Исус Навин.— Что у них там? Как по-вашему, не могли бы мы это проделать?

— Только с применением силы,— ответил Авраам.— Думается, пока мы тут, они будут охранять амбары днем и ночью.

— Ни о какой силе не может быть и речи,— сказал Шеридан.— Вы ведь знаете, что будет с нами, если мы прибегнем к ней против инопланетян, кроме случаев явной самообороны. У команды будет отобрана лицензия. И вы, ребята, проведете остаток своих дней, натирая полы в управлении.

— Но, может быть, тайком? Каким-нибудь детективным способом?

— Это идея, Нав,— сказал Шеридан.— Езекия, у нас есть сменники-детективы?

— Насколько мне известно, нет, сэр. И я ни разу не слышал, чтобы хоть какая-нибудь команда ими пользовалась.

— Тем лучше,— вставил Авраам.— Каким бы способом мы изменили свою внешность?

— Если бы нашелся доброволец,— увлеченно заговорил Лемуил,— мы могли бы его реконструировать...

— Мне кажется,— сказал Сила,— нам следует разработать все возможные подходы, а потом опробовать их на разных деревнях, пока какой-нибудь не сработает.

— То есть ты исходишь из предпосылки,— заметил Максимилиан,— что все деревни будут одинаково реагировать на каждый.

— Именно это я и предполагаю,— ответил Сила.— Какникак культура у них единая, а средства сообщения, конечно, самые примитивные. Ни одна деревня не получит сразу известия о том, что происходило в другой, так что каждая деревня послужит нам прекрасной морской свинкой в этом маленьком эксперименте.

— Си, по-моему, ты хорошо придумал,— одобрил Шеридан.— Так или иначе, но мы должны сломить их нежелание торговать. Мне все равно, какую цену мы заплатим за подары для начала. Я позволю им ободрать нас заживо. А едва они начнут покупать, мы снизим эту цену и в конце сведем баланс. Ведь наша цель — загрузить в прицеп столько подаров, сколько он способен вместить.

— Ладно,— сказал Авраам.— За работу!

И они взялись за работу, потратив на нее весь день. Разработали возможные подходы, наметили деревни, где испробовать каждый. Шеридан разделил роботов на бригады и поручил каждой проверить такой-то подход. Они обсудили каждую мелочь и ничего не оставили на волю случая.

Шеридан сел ужинать, убежденный, что они вышли из положения — не тот, так другой подход даст желаемый результат. Беда была в том, как ему казалось теперь, что они заранее не провели нужной подготовки и настолько уверовали в легкость своей задачи, что бездумно ринулись продавать с места в карьер.

Утром роботы отправились в свои деревни, полные оптимизма.

Бригаде Авраама было поручено обходить дома, и они взялись за дело со всей добросовестностью. Не пропустили в своей деревне ни единого дома. И в каждом доме получали отказ. Иногда они слышали простое, но твердое «нет», иногда перед ними со стуком захлопывали дверь, иногда ссылались на бедность.

Одно было ясно: соблазнить гарсониан индивидуально оказалось так же невозможно, как соблазнить их в совокупности.

Гедеон и его бригада испробовали метод бесплатных образцов, обходя дома и предлагая в подарок то или иное изделие,

с тем чтобы позднее явиться с товарами. Гарсонианские домовладельцы на крючок не попались, отказавшись принять дары.

Лемуил возглавил организацию лотереи. Сторонники этого метода указывали, что лотерея взывает к корыстным инстинктам. А условия их лотереи были очень соблазнительными. Цена за билет была установлена самая низкая — один подар. Список призов выглядел сказочным. Но гарсониане, видимо, чуждались корысти. Ни один билет продан не был.

А самым странным — нелогичным, сводящим с ума, немыслимым — было то, что гарсонианам словно бы очень хотелось обзавестись предлагаемыми вещами.

— Просто видно, как они борются с искушением,— сообщил Авраам вечером на совещании.— Видно, что им требуются наши товары, но они принуждают себя отказаться. И упрямо стоят на своем.

— Возможно, мы истощили их сопротивление,— заметил Лемуил.— Еще чуть-чуть, и все будет в ажуре... А не распустить ли нам слухи, что в такой-то и такой-то деревне у нас раскупили весь товар? Это может побороть их упрямство.

Однако Эбенезер усомнился:

— Надо докопаться до причины. Необходимо выяснить, что кроется за этой забастовкой покупателей. Может, что-то очень простое. Если бы знать...

Эбенезер отправился со своей бригадой в дальнюю деревню. Они захватили с собой раскладной супермаркет и установили его посреди площади, красиво разложили товары, создали атмосферу элегантности и радостного возбуждения. И повсюду развесили громкоговорители, чтобы восхвалять свои товары, предлагаемые по самой дешевой цене.

Авраам и Гедеон возглавили две бригады, расставлявшие озвученные рекламные щиты где только могли — заманчивые краски, зазывные приглашения.

Шеридан зарядил Оливера и Силу сменниками психолингвистов, и они с большим искусством составили текст приглашений. Никакого подчеркивания коммерческой стороны, хотя она, бесспорно, присутствовала. Местами тексты мило улещивали, местами полнились откровенностью. И все отличались глубокой искренностью. В них восхвалялись гарсониане, высокопорядочные, принципиальные люди, проповедовались на увлекательных примерах честность и справедливость, а также

скрупулезное соблюдение договоров и соглашений. Пришельцы расписывались в них как своего рода помесь бескорыстных благодетелей и наивных дурачков, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Тексты эти прокручивались круглые сутки. Они обрушивали на беззащитных гарсониан завораживающе вкрадчивую рекламу, и результаты ожидались оптимальные, поскольку для гарсониан любая реклама была в диковинку.

Лемуил оставался в лагере и, заложив руки за спину, мерил шагами берег в глубоком раздумье. Иногда он останавливался и с лихорадочной быстротой записывал осенившие его идеи.

Он пытался приспособить к местным условиям старинный заход, по его мнению беспроигрышный,— «я должен заработать на оплату за обучение в колледже».

Исус Навин и Фаддей попросили у Шеридана пару сменников драматургов. Шеридан сказал, что таких не имеется, но Езекия, неунывающий оптимист, пошарил на самом дне инструментария и обнаружил сменник с надписью «аукционщик», а потом — с надписью «оратор». Если и не драматурги, так что-то родственное.

Исус и Фаддей брезгливо от них отказались и уединились, яростно работая над созданием комического ревю, насколько это было в их возможностях.

Например, как сочинять скетчи и анекдоты для инопланетян? Что они считают смешным? Рискованные шуточки — отлично, но для них требуются мелкие подробности сексуальной жизни тех, для кого они предназначаются. Анекдоты о тещах? Опять-таки это требовало информации: в одних местах тещи свято почитались, в других — само их упоминание было верхом неприличия. Естественно, никакого обыгрывания диалектов и жаргона, что следовало приветствовать. Не годились для гарсониан и анекдоты о дельцах — гарсониане, понятия не имевшие о бирже и биржевых нравах, просто ничего бы не поняли.

Тем не менее Исус и Фаддей обескураженными себя не чувствовали. Они забрали у Шеридана все своды сведений о Гарсоне-IV и часами их штудировали, выискивая и анализируя аспекты жизни его обитателей, которые казались подходящим материалом, не сулящим подвохов. Они писали груды заметок, рисовали сложные диаграммы соотношения гарсони-

анских слов и графики социальной жизни туземцев. Они творили, редактировали, шлифовали. И наконец сценарий был готов.

— Лучше комического ревю не придумаешь,— с убеждением сказал Исус Навин Шеридану,— когда надо расшевелить людей. Приводишь их в хорошее настроение, и они преодолевают свои фобии. И при этом они оказываются в некотором долгу у тебя. Ты подарил им развлечение, и у них не может не возникнуть желания чем-то тебе отплатить.

— Будем надеяться,— сказал Шеридан уныло.

Ибо ничто не сработало.

Жители дальней деревни настолько смягчились, что посетили супермаркет — чтобы поглазеть, а не покупать. Ну просто словно это был музей или выставка. Они прогуливались по проходам, таращили глаза на товары, иногда трогали их, но ничего не покупали и даже оскорблялись, если их спрашивали, не желают ли они что-нибудь приобрести.

В других деревнях щиты сначала привлекли всеобщее внимание. Перед ними собирались толпы и слушали часами. Но они перестали быть новинкой, и больше никто не останавливался послушать. И все по-прежнему игнорировали роботов. Еще более подчеркнуто они игнорировали или отвергали любое предложение продать им что-нибудь.

Лемуил сдался, перестал расхаживать и выбросил свои заметки. Он признал свое поражение — на Гарсоне-IV использовать заход со студентом было невозможно.

Болдуин возглавил бригаду по распусканию слухов. Но туземцы категорически отказывались верить, что в другой деревне кто-то что-то купил.

Оставалось комическое ревю, и Исус с Фаддеем подобрали исполнителей и начали репетировать. К сожалению, даже Езекии не удалось откопать сменники актеров, но тем не менее получалось у них недурно.

Несмотря на полный провал всех их ухищрений, роботы продолжали посещать деревни, продолжали пытаться продать хоть что-нибудь в надежде, что в один прекрасный день они уловят какой-то намек, какую-нибудь подсказку и сумеют преодолеть барьер молчания и упрямства туземцев.

Затем Гедеон, отправившийся в деревню один, сообщил по радио:

— Тут под деревом такое, на что вам следует взглянуть.

— Такое? — переспросил Шеридан.

— Новое существо. По виду разумное.

— Гарсонианин?

— Вообще-то гуманоид, но не здешний.

— Сейчас буду,— сказал Шеридан.— А ты оставайся на месте, покажешь мне его.

— Оно, наверное, меня видело,— добавил Гедеон,— но я к нему не подходил. Подумал, лучше будет вам за него взяться.

Как и сказал Гедеон, существо сидело под деревом. Перед ним была расстелена сверкающая скатерть, на которую оно уже поставило изукрашенный кувшин, а теперь вынимало всякую всячину из емкости, которая, возможно, была корзинкой для пикника.

Оно было гуманоидом и более привлекательным, чем гарсониане. Тонкие черты лица, худощавая гибкая фигура. Одежда на нем была из пышных тканей, инкрустированных драгоценными камнями. Вид у него был приветливый.

— Привет, друг,— сказал Шеридан.

Гуманоид, казалось, его понял, но улыбнулся с некоторой надменностью, словно появление Шеридана его не очень обрадовало.

— Возможно,— сказал он наконец,— у вас найдется время посидеть со мной?

Его тон недвусмысленно приглашал Шеридана отказаться: спасибо, но, к сожалению, времени у него нет, он торопится.

— Конечно, найдется,— сказал Шеридан.— Благодарю вас.

Он сел, а гуманоид продолжал вынимать из корзинки свои припасы.

— Нам несколько трудно общаться на этом варварском языке,— сказал гуманоид.— Но что поделать! Или вы говорите по-балликски?

— Извините,— ответил Шеридан,— но я впервые слышу про этот язык.

— А я подумал... Он широко распространен.

— Обойдемся и языком этой планеты,— невозмутимо сказал Шеридан.

— О, разумеется! — согласился гуманоид.— Надеюсь, я не вторгся на вашу территорию? В таком случае я сейчас же...

— Вовсе нет. И я рад нашей встрече.

— Я бы предложил вам перекусить со мной, но побаиваюсь. Обмен веществ у вас, несомненно, иной, чем у меня. И мне было бы горько отравить вас.

Шеридан наклонил голову в знак благодарности. Еда, бесспорно, выглядела очень аппетитно. Красивая упаковка, восхитительное на вид содержимое. Ему сразу захотелось есть.

— Я часто прилетаю сюда для...— Он не сумел найти нужного слова на языке гарсониан.

Шеридан пришел ему на помощь.

— На моем языке,— сказал он,— это называется пикник.

— Еда под открытым небом,— сказал гуманоид.— Точнее на языке наших гостеприимных хозяев я выразиться не могу.

— Мы тоже это любим.

Гуманоид явно обрадовался такому доказательству взаимопонимания.

— Мне кажется, друг мой, у нас есть много общего. Не оставить ли мне вам образчик этой еды? Вы бы сделали анализ и в следующий раз могли бы разделить мою трапезу.

Шеридан покачал головой.

— Думаю, я тут долго не задержусь.

— О! — произнес гуманоид словно бы довольным тоном.— Значит, и вы непоседа! Мимолетные встречи! Слышишь шорох один миг — и вновь тишина.

— Очень поэтично,— сказал Шеридан.— И очень точно.

— Впрочем,— продолжал гуманоид,— я прилетаю сюда довольно часто. Я полюбил эту планету. Чудесное место для еды под открытым небом. Такой покой, такая простота и неспешность! Никакой суеты, и люди такие непосредственные, хотя несколько грязноватые и очень, очень глупые. Но мое сердце открылось им за их безыскусственность, близость к почве, светлый взгляд на жизнь и непритязательный образ этой жизни.

Он умолк и взглянул на Шеридана.

— Вы так не считаете, мой друг?

— Считаю, конечно считаю,— согласился Шеридан с излишней торопливостью.

— В Галактике,— сказал гуманоид печально,— так мало мест, где можно побыть одному в приятном уединении. О, одному не в буквальном, не в физическом смысле. Я имею в виду ощущение простора, когда тебя не теснит со всех сторон

слепая жажда преуспеть, не душит напор других личностей. Бесспорно, есть пустынные планеты — пустынные лишь в силу их непригодности для жизни. Такие мы должны сбросить со счетов.

Он изящно, даже жеманно съел кусочек чего-то. Но из изукрашенного кувшина отпил внушительный глоток.

— Дивный напиток! — Гуманоид протянул кувшин Шеридану.— Вы уверены, что не хотели бы рискнуть?

— Пожалуй, не стоит.

— Вполне разумно,— признал гуманоид.— Жизнь — это вещь, с которой не расстаются с бездумной легкостью.

Он отхлебнул еще, потом поставил кувшин между ног, нежно его поглаживая.

— Хотя,— сказал он,— я не стал бы ставить благо обладания жизнью превыше всего. Несомненно, в структуре бытия должны быть другие грани, дарящие не меньше...

Они приятно провели время до вечера.

Когда Шеридан вернулся к стрекозе, его собеседник, допив кувшин, блаженно растянулся в сильном подпитии среди остатков пикника.

4

Цепляясь за соломинку, Шеридан попытался определить место инопланетного любителя пикников в происходящем, но оно не определялось. Быть может, он действительно был тем, чем казался: порхающий дилетант, одержимый страстью к еде под открытым небом вдали от шумных толп, и большой любитель выпить.

С другой стороны, он знал туземный язык, сказал, что часто прилетает сюда, что само по себе было более чем странно. Имея в своем распоряжении всю Галактику, чтобы порхать, почему он пристрастился к Гарсону-IV, планете — во всяком случае, на человеческий взгляд — мало чем привлекательной?

И еще — как он сюда попал?

— Гедеон,— спросил Шеридан,— ты случайно не видел поблизости какого-либо транспортного средства, на котором наш приятель мог бы прибыть сюда?

Гедеон покачал головой.

— Я об этом как-то не подумал. Но уверен, что ничего подобного там не было. Не то я бы обязательно заметил.

— Вам не пришло в голову, сэр,— осведомился Езекия,— что он мог овладеть искусством телепортации? Это ведь возможно. Ну, та раса на Пилико...

— Верно,— ответил Шеридан.— Но пиликояне телепортировались от силы на милю за один раз. Помнишь, как они выскакивали неизвестно откуда, будто кролики, перемахивающие одним прыжком милю, но так быстро, что не успеваешь их разглядеть? А этот тип должен перемахивать расстояния во много световых лет. Он спросил меня про язык, о котором я никогда не слышал. И заявил, что им широко пользуются по крайней мере в одном секторе Галактики.

— Вы напрасно тревожитесь, сэр,— заметил Езекия.— У нас есть заботы поважнее этого пикникующего инопланетянина.

— Ты прав,— ответил Шеридан.— Если мы не сбудем наш груз, мне каюк.

Но выкинуть из головы эту беседу под деревом он не сумел.

Перебирая в уме долгую праздную болтовню, он, к своему изумлению, убедился, что она была абсолютно пустопорожней. Гуманоид, насколько ему помнилось, совершенно ничего не сказал о себе. Разглагольствуя битых три часа, если не больше, он умудрился не сказать ровно ничего.

Когда вечером Наполеон принес ужин, он присел на корточки рядом со стулом Шеридана, аккуратно подобрав на колени белоснежный фартук.

— Положение скверное, так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— А что мы будем делать, Стив, если совсем ничего не продадим, если не выручим ни единого подара?

— Наппи,— вздохнул Шеридан.— Я так стараюсь не думать об этом!

Но теперь он представил себе реакцию Торгового центра, если он вернется назад со всем миллиардным грузом. И даже еще более ярко он вообразил, что ему придется услышать, брось он груз тут.

Как ни крутись, а груз продать необходимо! А не то его карьере придет конец.

Да что его карьера! Речь идет обо всем человечестве!

Транквилизатор, получаемый из подаров, был действительно необходим, и срочно! Поиски такого средства начались века и века тому назад, и потребность в нем доказывалась тем фактом, что на протяжении этих веков поиски не прерывались никогда. Человеку что-то подобное было абсолютно необходимо, и необходимость эта возникла, едва он стал не просто животным.

И тут, на этой самой планете, имелось вещество, которое удовлетворило бы эту страшную потребность. Но доступ к нему перекрывало упрямство тупого, грязного, отсталого народца.

— Если бы только эта планета была нашей! — сказал он больше себе, чем Наполеону.— Если бы мы могли захватить ее, то получили бы столько подаров, сколько нужно. Мы превратили бы ее в одно огромное поле и выращивали бы подаров столько, сколько туземцам и не снилось!

— Но ведь мы не можем,— заметил Наполеон.— Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Очень и очень противозаконно.

Ведь гарсониане обладали разумом, пусть и не слишком большим, но отвечающим определению, данному в законе.

А против разумных существ нельзя пустить в ход ничего, даже отдаленно попахивающего насилием. Даже купить или арендовать их земли было нельзя — согласно закону, такая покупка рассматривалась бы как лишение их одного из прав, неотъемлемо принадлежащих любым инопланетным разумным существам.

Можно сотрудничать с ними, учить их — не только можно, но и похвально. Но гарсониане не желали ничему обучаться. Разрешалось наладить с ними обмен, но скрупулезно честный! А они отказывались от обмена!

— Не знаю, что нам делать,— сказал Шеридан.— Как нам найти выход?

— У меня есть идея. Если бы мы приобщили туземцев к тонкостям игры в кости, то могли бы все-таки чего-нибудь добиться. Мы, роботы, как вам известно, в ней преуспели.

Шеридан поперхнулся кофе и осторожно поставил чашку на стол.

— При обычных обстоятельствах,— ответил он Наполеону,— я не одобрил бы такой тактики. Но в подобном положении...

Почему бы тебе не сговориться с кем-нибудь из ребят и не попробовать?

— С радостью, Стив.

— И... э... Наппи.

— Что, Стив?

— Ты, конечно, подберешь самых умелых игроков?

— А как же,— ответил Наполеон, выпрямляясь и разглаживая фартук.

Исус и Фаддей отправились со своей труппой в дальнюю деревню, не включенную в их первоначальную программу, где они появились в первый раз, и дали представление.

Оно имело исключительный успех. Туземцы катались по земле, прижимали руки к животу от хохота. Они стонали, охали, утирали слезы. Хлопали друг друга по спине, упиваясь шутками. Ничего подобного они в жизни не видели. На Гарсоне-IV не было ничего, хотя бы отдаленно сравнимого.

И пока они пребывали в эйфории, в точный психологический момент, когда они должны были забыть упрямство и враждебность, Исус предложил им купить товары по дешевке.

Смех оборвался. Веселость исчезла. Зрители просто стояли и молча смотрели на него.

Труппа собрала реквизит и уныло отправилась восвояси.

Шеридан сидел в палатке, мрачно размышляя о будущем. В лагере царила могильная тишина. Ни болтовни, ни пения, ни взрывов смеха. Ни даже шагов.

— Шесть недель,— с тоской сказал Шеридан Езекии.— Шесть недель, и ничего не продано. Мы сделали все, что могли,— и ничегошеньки! — Он стукнул кулаком по столу.— Если бы мы добрались до причины! Они заглядываются на наши товары — и отказываются покупать. Что за этим кроется, Езекия? Попытайся отгадать.

— Бесполезно, сэр.— Езекия покачал головой.— Я в полном тупике. Как и все мы.

— В Центре из меня фарш сделают,— объявил Шеридан.— Распнут на стене в жуткое назидание на десять тысяч лет вперед! Бесспорно, и прежде случались неудачи. Но чтоб такая!

— Конечно, не мне это предлагать, сэр,— сказал Езекия,— но мы могли бы смыться. Вот и выход. Ребята согласятся. Теоретически они преданы Центру, но если копнуть, преданы

они вам. Мы могли бы забрать груз для начала, и у нас будет такая фора...

— Нет! — твердо сказал Шеридан.— Попытаемся еще и, может быть, найдем выход из положения. Ну а не найдем, буду держать ответ как положено.— Он почесал подбородок.— И ведь команде Наппи, возможно, улыбнется удача. Бред, конечно, но случались вещи и постраннее.

Наполеон и его приятели вернулись в угнетенном настроении.

— Они нас раздели,— сообщил повар Шеридану потрясенным голосом.— У них это просто в природе. Но когда мы хотели расплатиться, они от всего отказались.

— Попробуем собрать их и поговорить по душам,— сказал Шеридан.— Хотя вряд ли будет толк. Как по-твоему, Наполеон, если бы мы им прямо рассказали, в каком мы жутком положении, они бы не пошли нам навстречу?

— Не думаю,— сказал Наполеон.

— Будь у них правительство,— заметил Эбенезер, один из игроков Наполеона,— может, что-нибудь и получилось бы. Вы бы говорили с представителем всего населения. А так придется беседовать в каждой деревне. Тут никакого времени не хватит!

— Ничего не поделаешь, Эб,— ответил Шеридан.— Ничего другого нам не остается.

Но тут как раз начался сбор подаров. Туземцы трудились на полях с невероятным усердием: выкапывали клубни, раскладывали их сушить, погружали в тележки и на себе везли к амбарам — тягловых животных на Гарсоне-IV не было.

Они выкапывали клубни и свозили их к амбарам, тем самым амбарам, в которых, согласно их клятвенным заверениям, никаких подаров не было.

Они не открывали больших дверей, как им, казалось, следовало бы сделать, а пользовались дверкой, прорезанной в одной створке. И стоило кому-нибудь из земной команды появиться поблизости, как они расставляли охрану вокруг всей площади.

— Лучше к ним не соваться,— посоветовал Авраам.— Если попробуем на них надавить, неприятностей не оберешься.

А потому роботы собрались в лагере, дожидаясь окончания уборки. Наконец она завершилась, но Шеридан решил выждать

еще несколько дней, чтобы гарсониане успели войти в обычную колею.

Затем они вновь отправились в свои деревни, и на этот раз Шеридан пристроился на платформе с Авраамом и Гедеоном.

Первая деревня на их пути мирно дремала в лучах солнца. Нигде не было видно ни единого ее обитателя.

Авраам посадил платформу на площади, и троица сошла с нее.

Площадь была пуста, и все окутывала тишина — глубокая, могильная тишина.

У Шеридана по спине забегали мурашки — в этой безмолвной пустоте словно затаилась жуткая угроза.

— Может, они устроили на нас засаду? — предположил Гедеон.

— Не думаю,— возразил Авраам.— Народец этот очень мирный.

Они осторожно пересекли площадь и медленно пошли по улице.

Улица тоже была абсолютно безлюдна. И — совсем уже странно! — двери некоторых домиков были раскрыты настежь, а окна слепо щурились на пришельцев — занавески из пестрой грубой ткани исчезли.

— Может быть,— предположил Гедеон,— они отправились на праздник урожая или еще какое-нибудь ритуальное торжество?

— Они бы не оставили двери открытыми,— объявил Авраам.— Я прожил рядом с ними несколько недель и изучил их привычки. Они бы закрыли дверь очень тщательно и для надежности еще подергали бы.

— Но ветер...

— Ну нет,— возразил Авраам.— Тогда бы, может, открылась одна, а я отсюда вижу их четыре.

— Надо бы посмотреть,— сказал Шеридан.— Пожалуй, пойду я.

Он свернул в калитку и медленно пошел по дорожке к домику с открытой дверью. У порога он остановился и заглянул внутрь. Комната перед ним была пуста. Он вошел и заглянул в остальные комнаты. Они тоже оказались пустыми — в них не было не только хозяев, но и вообще ничего: ни мебели, ни утвари, ни хозяйственных мелочей — голые стены, пустые стой-

ки, сиротливые крючки. Никакой одежды. Ничего. Дом стоял мертвый, выпотрошенный, жалкий, убогий, брошенный за ненадобностью.

Шеридану стало не по себе: «Что, если их прогнали мы? До того их допекли, что они скрылись, лишь бы не встречаться с нами».

Нет, это чушь, сказал он себе. За этим невероятным по сложности массовым исходом, несомненно, кроется иная причина.

Он вернулся на улицу. Авраам и Гедеон побывали в других домах, тоже пустых.

— Возможно, только в этой деревне так,— предположил Гедеон.— А в остальных ничего не произошло.

Но Гедеон ошибся.

Вернувшись на платформу, они связались с лагерем.

— Не понимаю,— заявил Езекия.— Четыре другие бригады сообщили о том же самом. Я как раз собирался радировать вам, сэр.

— Разошли все платформы, какие есть,— распорядился Шеридан.— Пусть проверят все окрестные деревни. И пусть выглядывают людей. Они могут оказаться где-нибудь в полях. Празднуют окончание уборки урожая.

— Если они ушли на праздник, сэр, то зачем забрали с собой все свое имущество? Когда вы отправляетесь на праздник, то мебель оставляете дома.

— Я знаю,— ответил Шеридан.— Ты уловил самую суть. Так разошли ребят.

— А может быть,— предположил Гедеон,— у них в обычае обмениваться деревнями? Скажем, племенной закон требует, чтобы они через какой-то срок строили новую деревню. Отголосок древнего гигиенического правила, гласившего, что стойбище после определенного времени надо переносить в другое место.

— Пожалуй,— устало сказал Шеридан.— Подождем — увидим.

Авраам махнул кулаком в сторону амбара.

Шеридан поколебался и решил забыть про осторожность.

— Пошли! — сказал он.

Гедеон поднялся по пандусу к дверям и ухватил доску, прибитую поперек ее. Он рванул, раздался отчаянный скрип вы-

ворачиваемых гвоздей, и доска осталась у него в руках. Он оторвал вторую, третью, а потом навалился плечом, и одна створка открылась.

Внутри в смутной мгле тускло поблескивала металлическая масса — на земляном полу стояла огромная машина.

Шеридана оледенил ужас.

Не может быть, подумал он. Откуда тут взялась машина?

Какие машины у гарсониан! Их культура была абсолютно доиндустриальной. Их достижения исчерпывались мотыгой и колесом, причем они еще не додумались объединить колесо и мотыгу, чтобы сотворить плуг.

Когда вторая экспедиция улетела отсюда пятнадцать лет назад, машин у них не было, а за такой срок создать их они никак не могли. Да сам он за время, проведенное на планете, не заметил, чтобы они продвинулись в этом направлении хотя бы на дюйм.

И все же в амбаре стояла машина.

Вертикальный, порядочных размеров цилиндр с дверцей сбоку. Вверху он завершался куполообразным закруглением. Если бы не дверца, он выглядел бы как сильно увеличенная разрывная пуля.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. Кто-то побывал тут в промежутке между отлетом второй экспедиции и прибытием третьей.

— Гедеон! — сказал он.

— Что, Стив?

— Смотайся в лагерь за инструментарием. Скажи Езекии, чтобы он доставил сюда мою палатку и все прочее как можно скорее. Отзови ребят с разведки. Нам предстоит работа.

Кто-то побывал тут, подумал он. Бесспорно! Изысканно любезный гуманоид, который сидел под деревом перед уставленной закусками скатертью, попивал из кувшина и болтал без умолку битых три часа, так ничего и не сказав.

5

Посланец Торгового центра посадил свой кораблик у края деревенской площади неподалеку от палатки Шеридана. Он откинул колпак обозрения и вылез наружу. Минуту постоял, свер-

кая на солнце и поправляя на металлической груди табличку с надписью «спецкурьер», которая утратила строгую горизонтальность. Затем неторопливо направился к амбару и спросил у Шеридана, сидящего на пандусе:

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, оглядывая его. Великолепное изделие!

— Я с трудом разыскал вас. Ваш лагерь, видимо, брошен.

— У нас возникли определенные трудности,— спокойно сказал Шеридан.

— Надеюсь, не слишком серьезные. Я вижу, ваш груз не тронут.

— Скажем так: скучать нам не приходилось.

— Так-так,— сказал робот, обескураженный тем, что более внятного объяснения не последовало.— Мое имя — Товий, и у меня есть для вас сообщение.

— Слушаю.

Этих управленческих роботов полезно иногда осаживать, решил Шеридан.

— Устное сообщение. Могу вас заверить, что я получил исчерпывающие инструкции и готов ответить на любой ваш вопрос.

— Очень хорошо,— сказал Шеридан.— Начнем с сообщения.

— Торговый центр ставит вас в известность, что фирма, именующая себя «Галактическая компания», предложила поставлять ему препарат калентроподенсия в неограниченном количестве. Нам хотелось бы узнать, не можете ли вы пролить свет на это дело.

— «Галактическая компания»? — повторил Шеридан.— Никогда о ней не слышал.

— Как и Торговый центр. Не скрою от вас, мы выведены из равновесия.

— Могу себе представить.

Товий расправил плечи.

— Мне поручено указать вам, что вас командировали на Гарсон-IV для приобретения большой партии подаров, из которых изготавливается указанный препарат, и что это задание, ввиду предварительной подготовки, ранее проведенной на указанной планете, не должно было встретить при выполнении каких-либо значительных затруднений, и...

— Потише, потише,— перебил Шеридан,— не надо так волноваться. Чтобы тебя не грызла совесть, будем считать, что я дослушал до конца разнос, который тебе поручено мне устроить.

— Но вы...

— Видимо,— сказал Шеридан,— «Галактическая компания» запросила хорошую цену за свой препарат?

— Чистейший грабеж! Торговый центр прислал меня узнать...

— Доставлю ли я большую партию подаров. В данный момент мне ответить нечего.

— Но я обязан вернуться и доложить!

— Не сейчас. Я смогу дать тебе отчет не раньше чем через несколько дней. Так что придется подождать.

— Но мои инструкции...

— Дело твое! — резко сказал Шеридан.— Хочешь — жди или возвращайся без моего отчета. Мне плевать.

Он встал с пандуса и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, наконец удалось снять колпак с большой машины. Они положили его на пол так, чтобы можно было увидеть его внутренность.

— Стив,— сказал Авраам с горечью,— посмотрите-ка!

Шеридан посмотрел. Внутри все было сплавлено воедино.

— Тут находились какие-то механизмы,— сказал Гедеон,— но их уничтожили.

Шеридан почесал в затылке.

— Нарочно? Релейная защита?

Авраам кивнул.

— По-видимому, они тут все закончили. Наверное, не будь здесь нас, они бы забрали эту машину и все остальное с собой, каково бы ни было их назначение. Но рискнуть, что хоть одна попадет к нам в руки, они не могли, а потому нажали на кнопку или еще что-нибудь сделали — и от рабочих механизмов не осталось ничего.

— Но ведь таких машин тут много. Думается, в каждом амбаре стоит одна.

— И с ними, наверное, то же,— сказал Лемуил, поднимаясь с колен и отворачиваясь от колпака.

— И что это, по-вашему? — спросил Шеридан.

— Переброcчик материи, телепередатчик, называйте как хотите,— ответил Авраам.— Вывод, естественно, подсказан не

машиной, а сопутствующими обстоятельствами. Поглядите! В амбаре нет ни единого подара. Значит, весь урожай куда-то переправлен. Этот ваш приятель, поклонник пикников...

— Они себя именуют «Галактической компанией»,— сказал Шеридан.— Только что прибыл курьер. По его словам, они предложили Торговому центру партию препарата, изготовляемого из подаров.

— И теперь Торговый центр,— заключил Авраам,— попав в тяжелое положение, финансово взятый за горло, свалит все на нас, потому что мы остались без подаров.

— Не сомневаюсь,— ответил Шеридан.— Теперь все зависит от того, сумеем ли мы отыскать наших друзей туземцев.

— Это вряд ли удастся,— сказал Гедеон.— Наша разведка установила, что все деревни пусты на всей планете. А не могли они покинуть ее с помощью этих машин, как по-вашему? Если они перебрасывают подары, то могут перебрасывать и людей.

— Словом, все,— неловко пошутил Лемуил,— что начинается на «п» или на «л».

— Нельзя ли установить принцип их действия? — спросил Шеридан.— Центру бы это очень пригодилось.

— Не берусь сказать, Стив.— Авраам покачал головой.— По закону вероятности, среди машин на этой планете — а их столько, сколько амбаров,— может, одна и уцелела. Шанс есть.

— Но и найди мы такую,— возразил Гедеон,— куда больше шансов, что она самоуничтожится, едва мы к ней прикоснемся.

— А если мы не отыщем неповрежденной?

— Одна возможность есть,— объявил Лемуил.— Несомненно, степень их разрушения должна различаться. И разрушаться идентично они тоже не могли. Значит, исследовав, скажем, тысячу, можно будет получить достаточное представление о том, как был оборудован цилиндр.

— Ну а предположим, мы сумеем это установить?

— Трудно сказать, Стив,— ответил Авраам.— Даже найди мы функционирующий аппарат, я, честно, не знаю, сумели бы мы установить принцип его действия настолько, чтобы создать свой аппарат. Не забывайте, что человечество ни о чем подобном понятия не имеет.

Шеридан прекрасно понимал, какая горькая истина кроется за словами робота. Если теоретическая основа не разрабо-

тана, никакие наблюдения за работой неизвестного аппарата или даже его подробные чертежи ничем не помогут. А в их распоряжении было даже меньше того, что дали бы чертежи или хотя бы работающая модель.

— Они использовали эти машины,— сказал Шеридан,— чтобы перебросить подары, а возможно, и людей. Если так, то люди пошли на это добровольно. Будь применено насилие, мы бы об этом узнали. Ав, ты мне не объяснишь, почему люди согласились на переброску?

— Не по моей части,— ответил Авраам.— У меня в мозгу сменник физика. Вставь мне социолога, и я займусь этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и все обернулись к двери. По пандусу поднимался Эбенезер, держа на руках бессильно обвисшее тельце.

— Туземец! — ахнул Гедеон.

Эбенезер опустился на колени и бережно положил маленького туземца на пол.

— Нашел его в поле. Лежал в канаве. Боюсь, ему конец.

Шеридан нагнулся над туземцем. Это был старик — таких стариков он видел в деревнях тысячи. Та же старая задубелая кожа и морщины, оставленные ветром и непогодой, те же мохнатые брови над провалившимися глазами, те же клочковатые усы, то же ощущение забытой беззаботности и угрюмого упрямства.

— Его бросили,— сказал Эбенезер.— Все покинули планету, а его оставили. Наверное, ему стало дурно и он упал в канаву...

— Принеси мою фляжку,— распорядился Шеридан.— Она висит у двери.

Старик открыл глаза и обвел взглядом кольцо наклонившихся над ним лиц. Он провел рукой по лбу, оставляя полоски грязи.

— Я упал,— пробормотал он.— Помню, как я падал. Я упал в канаву.

— Вот вода, Стив,— сказал Авраам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прислонил его к своей груди и прижал горлышко к его губам. Туземец пил с трудом, захлебывался. Вода стекала по его усам на живот.

Шеридан отвел фляжку.

— Благодарю тебя,— сказал старик, и Шеридану пришло в голову, что это первая вежливая фраза, которую он услышал от обитателей планеты.

Старик снова потер лицо грязной лапкой.

— Люди все ушли?

— Все.

— А я опоздал,— сказал старик.— Я бы успел, если бы не упал. Может, они меня искали...— Его голос замер.

— С вашего разрешения, сэр,— сказал Езекия,— я схожу за сменником врача.

— Да, пожалуй,— ответил Шеридан.— Хотя, думается, толку будет чуть. Он столько дней пролежал в этой канаве. Чудо, что он еще жив.

— Стив,— вполголоса сказал Гедеон,— врач-человек не способен лечить инопланетян. Со временем — если это время у нас будет — мы кое-что узнаем об этом старце, об особенностях его организма и обмена веществ. Вот тогда мы попробуем его подлечить.

Шеридан пожал плечами.

— Ну так обойдемся без сменника, Езекия.

Он опустил старика на пол, поднялся с колен, но тут же сел на корточки, слегка раскачиваясь.

— Не ответишь ли ты на один вопрос? — обратился он к туземцу.— Куда ушли твои люди?

— Туда! — ответил туземец и с трудом приподнял слабую руку, указывая на машину.— Туда. А потом исчезли, как раньше собранный урожай.

Шеридан так и остался сидеть на корточках рядом с умирающим туземцем.

Рубен принес охапку травы и подложил ее под голову старика вместо подушки.

Так, значит, гарсониане и правда покинули планету, сказал себе Шеридан. Собрались и ушли в машину, которая предназначалась для переброски подаров. А если «Галактическая компания» располагает такими машинами, то они — кем бы они ни были — имеют перед Торговым центром огромное преимущество. Как могут конкурировать с такой техникой громоздкие грузовые прицепы, ползущие по космосу немногим быстрее скорости света?

Ему припомнилось, как в день их высадки на планету он подумал, что небольшая толика конкуренции очень пошла бы Торговому центру на пользу. И вот пожалуйста — конкуренция, причем конкуренция без намека на этику. Конкуренты украдкой, за спиной Торгового центра, перехватили рынок, жизненно важный для Центра и которым Центр давно бы заручился, если бы не валял дурака, не тянул бы время, цинично решив обойтись без туземцев и выращивать подары на Земле.

Интересно, где и как «Галактическая компания» пронюхала про подары и о значении получаемого из них препарата? Каким образом они там узнали, сколько времени в их распоряжении, чтобы манипулировать рынком подаров без вмешательства Центра? Но затем из-за самонадеянности попали в положение, когда им пришлось уничтожить все свои чудесные машины на планете.

Шеридан усмехнулся при мысли, как они себя при этом чувствовали.

Впрочем, нетрудно было вообразить сотни, а то и тысячи способов, с помощью которых «Компания» могла проведать про подары.

С такими обаятельными, такими обезоруживающе безобидными представителями! Его не удивило бы, если бы выяснилось, что они внедрили своих людей в Торговый центр.

Туземец пошевелился, протянул исхудалую руку и дернул Шеридана за рукав.

— Чего ты хочешь, друг?

— Ты посидишь со мной? — умоляюще спросил старик.— Эти там не такие, как ты и я.

— Я посижу с тобой,— сказал Шеридан.

— А нам, по-моему, лучше уйти,— заметил Гедеон — Возможно, мы его пугаем.

Шеридан положил ладонь на лоб старика. Он был холодным и липким.

— Старый друг,— сказал Шеридан.— Мне кажется, ты мне кое-чем обязан.

Старик отрицательно задвигал головой. В глазах у него появилось упрямство с примесью хитрости.

— Мы вам ничем не обязаны. Тем, другим,— да.

Шеридан, разумеется, подразумевал совсем не это. Но слова были произнесены — слова, которые таили ключ к загадке, которой стала для Шеридана планета Гарсон-IV.

— Так вот почему вы отказывались торговать с нами! — пробормотал Шеридан, обращаясь не столько к старику, сколько к самому себе.— Вы так запутались в долгах, что вам потребовались все подары, чтобы расплатиться с этими людьми?

Ну конечно же так! Теперь он видел, что это было единственно логичным объяснением всего, с чем им пришлось столкнуться. Поведение туземцев, почти отчаянный отказ что-либо покупать — именно этого следовало ожидать от людей, по уши сидящих в долгах.

И вот почему они не заботились о своих домах и ходили чуть не в лохмотьях. Вот объяснение, из-за чего веселая беззаботность исчезла, вот откуда унылый, подавленный вид Издерганные, затравленные, терзаемые страхом, что им не удастся уплатить долг вовремя, они истощили все свои ресурсы и надрывались в полях, выжимая из почвы все подары, какие они могли произвести.

— Дело в этом? — спросил он.— Так оно было?

Туземец неохотно кивнул.

— Они явились и предложили вам такую выгодную сделку, что вы не смогли отказаться? Возможно, машины? Машины, чтобы вы могли переноситься в другие места?

Старик покачал головой:

— Нет, не машины. В машины мы складывали подары, и подары исчезали. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да,— ответил туземец и добавил с проблеском гордости: — Но мы расплатились сполна.

— Замечательно,— сказал Шеридан.— Разделаться с долгом всегда приятно.

— Они простили последние три года, сказали, что выплачено столько, сколько требуется,— сказал старик, чуть оживившись.— Очень щедро с их стороны, правда?

— Очень,— ответил Шеридан не без горечи.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к легкому шелесту ветра под крышей и хриплому дыханию умирающего туземца.

— А потом твои люди воспользовались машинами и ушли. Ты не можешь объяснить, почему они так поступили?

Старика сотряс пароксизм судорожного кашля, он задыхался.

Шеридана охватил стыд. «Я должен бы дать ему умереть спокойно,— подумал он.— Не приставать к нему. Не теребить, не допрашивать его, когда он вот-вот испустит последний вздох, не отнимать у него возможности уйти в небытие с достоинством!»

Но оставался последний ответ, и получить его Шеридану было необходимо. Он сказал ласково:

— Мой друг, объясни мне, какую сделку вы заключили? Что вы приобрели?

Но слышит ли его старик? Он словно впал в забытье.

— Что вы купили? — не отступал Шеридан.

— Планету,— сказал туземец.

— Но у вас же была планета!

— Та совсем другая,— слабеющим шепотом произнес старик.— Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда-никогда не умрет.

Шеридан замер, онемев от неожиданности и гнева.

И из тишины донесся шепот — шепот, все еще полный непоколебимой веры, полный тоски, шепот, который будет преследовать человека всю жизнь.

— Вот что я потерял,— прошелестел шепот.— Вот что я потерял...

Шеридан развел руки, а потом стиснул в них изящную шею, стирая обаятельную улыбку, обрывая культурное словоизлияние.

«Был бы он здесь сейчас! — думал он.— Был бы он здесь!»

Он вспомнил расстеленную скатерть, изукрашенный кувшин, аппетитные закуски, гладкую вкрадчивую речь гуманоида, его самоуверенность. И как он рассчитанно напился, чтобы встреча обошлась без неприятных вопросов и не возбудила лишних подозрений.

И надменность, с какой он осведомился, не говорит ли человек по-балликски, хотя сам-то, почти наверное, успел выучить английский.

Итак, у Торгового центра появился-таки конкурент. С этой минуты Центр прижат к стене, и ему предстоит тяжелый бой. Ведь типчики из «Галактической компании» предпочитают бить ниже пояса и наповал.

Гарсониане, конечно, были наивными дурачками, но, вероятно, «Галактическая компания» способна обработать и не

таких. Естественно, у нее есть разная наживка для разной рыбы, но извечная несбыточная мечта о бессмертии, если сервировать ее должным образом, может оказаться смертельным соблазном для самых искушенных личностей.

Полное отсутствие этики и машины для переброски материи — два крупнейших козыря в распоряжении «Галактической компании».

А что, подумал он, произошло с обитателями этой планеты? Куда они в действительности попали, когда последовали за подарами в машины?

Может быть, типчики из «Галактики» нашли, куда сбыть несколько миллионов рабов?

Или они просто решили разделаться с гарсонианами, чтобы лишить Торговый центр источника подаров, обеспечив себе все условия для выгодного сбыта транквилизатора?

Или они выманили гарсониан с планеты, чтобы забрать ее себе?

Но в этом случае — а возможно, и в любом случае — «Галактическая компания» споткнулась на первом же шагу. Пожалуй, сказал себе Шеридан, не такие уж они ловкие пройдохи.

«Они подарили нам как раз то, что нас устроит больше всего! — сказал он себе с довольной улыбкой.— Они оказали нам большую услугу!»

Неповоротливый, надутый важностью Торговый центр победил в первом раунде, несмотря ни на что.

Он встал и пошел к двери, но вдруг остановился и обернулся к туземцу.

— Возможно, друг,— сказал он,— тебе выпал счастливый жребий.

Старик его не услышал.

— Как он? — спросил Гедеон, ожидавший у двери.

— Умер,— ответил Шеридан.— Ты не займешься похоронами?

— Само собой,— сказал Гедеон.— Дадите мне материалы об их обычаях? Надо установить, какие у них погребальные обряды.

— Но прежде сделай кое-что для меня.

— Только скажите, Стив.

— Знаешь Товия, курьера Торгового центра? Отыщи его и присмотри, чтобы он не улетел.

— Можете быть спокойны! — Гедеон ухмыльнулся.

— Спасибо,— отозвался Шеридан.

По пути к своей палатке он прошел мимо кораблика курьера. Скоростная машина! Только приборная доска и кресло, присобаченные к мощнейшему двигателю.

На таком космолете можно ставить рекорды, подумал он.

У самой палатки он встретил Езекию.

— Пойдем со мной,— сказал он.— У меня есть для тебя задание.

В палатке он опустился в кресло и взял лист бумаги.

— Езекия! — приказал он.— Поройся в инструментарии и отыщи самый лучший сменник-дипломат, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он лежит, сэр,— ответил Езекия, перебирая ящички.

Он достал искомый сменник и положил на стол.

— Езекия,— сказал Шеридан,— слушай меня внимательно. Запомни все до единого слова.

— Сэр,— обиженно проворчал Езекия,— я всегда слушаю внимательно.

— Знаю, знаю. Я тебе верю и полагаюсь на тебя абсолютно. Вот почему я отправляю тебя в Центр.

— В Центр, сэр? Да вы шутите! Как же я полечу, сэр? А кто будет обслуживать вас? Кто будет следить, чтобы вы...

— Как-нибудь продержусь. Ты же вернешься. И у меня остается Наполеон.

— Но я не хочу лететь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я доверяю. Вставим тебе сменник и...

— Но на полет же недели уйдут, сэр!

— Нет, если ты воспользуешься корабликом курьера. Отправишься вместо него. Я напишу тебе доверенность, чтобы ты мог выступать от моего имени. Я как бы сам буду присутствовать.

— Но есть же Авраам. И Гедеон. Да пошлите любого другого.

— Кроме тебя, некого, Езекия. Ты мой самый старый друг.

— Сэр,— сказал Езекия, вытягиваясь в струнку,— что я должен буду делать?

— Ты доложишь Центру, что Гарсон-IV теперь необитаем. Ты скажешь, что ввиду этого обстоятельства я вступаю во владение планетой от имени Торгового центра. Ты скажешь им, что мне потребуется подкрепление, и немедленно, так как не исключено, что «Галактическая компания» попытается отобрать ее у нас. Пусть пришлют прицеп, нагруженный роботами для обороны и колонизации. И еще прицеп с сельскохозяйственными машинами и орудиями, чтобы мы могли немедленно приступить к обработке полей. И все подары, какие им удастся наскрести. И, Езекия, еще одно...

— Слушаю, сэр.

— Эти роботы. Пусть перед погрузкой их деактивизируют и разберут. Так их в прицеп больше поместится. А мы соберем их тут.

— Скажу, сэр,— ответил Езекия с содроганием.

— Мне очень жаль, Езекия, но сказать ты должен.

— Ничего, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Скажи Центру, что со временем мы превратим всю планету в одну огромную плантацию подаров. Но им не следует терять ни минуты. Никаких комиссий, никаких заседаний правления, никакого хождения вокруг да около. Наступай им на хвост с утра и до вечера.

— Я не дам им ни минуты покоя, сэр,— заверил его Езекия.

6

Курьерский кораблик скрылся вдали. Как Шеридан ни напрягал зрение, он его уже не видел.

«Старина Езекия свою задачу выполнит,— думал он.— Центр и через месяц не оправится от его натиска».

Он наклонил голову и потер занывшую шею, а потом обернулся к Гедеону и Эбенезеру.

— Можете слезть с него!

Они, ухмыляясь, поднялись с распростертого на земле Товия. Тот вскочил вне себя от ярости.

— Вам это так не пройдет! — заявил он Шеридану.

— Я знаю, ты мне готов печенку выгрызть,— ответил Шеридан.

— Что дальше? — спросил Авраам, подходя к ним.

— Ну,— ответил Шеридан,— думаю, мы станем сборщиками урожая.

— Сборщиками?

— Туземцы наверняка выкопали не все подары. А нам необходимо найти хоть сколько-нибудь, чтобы высадить на семена.

— Но мы же все физики, инженеры, химики и тому подобное. Не потребуете же вы, чтобы такие высококвалифицированные специалисты...

— Это дело поправимое,— ответил Шеридан.— Думается, сменники космовиков никуда не делись. Они сойдут, пока Центр не пришлет сельскохозяйственного набора.

Товий выступил вперед и встал рядом с Авраамом.

— Раз уж я должен оставаться тут, то требую, чтобы меня использовали! Не в натуре робота бездельничать...

Шеридан похлопал себя по карманам и нащупал твердую выпуклость — сменник, который он извлек из Езекии.

— Думается,— сказал он Товию,— у меня для тебя есть именно то, что требуется.

Мама с папой ссорились. Не то чтобы очень серьезно, но шумели они изрядно. Их перебранка длится уже несколько недель.

— Не можем мы вот так сразу бросить все и уехать! — громко сказала мама.— Так дела не делаются. Надо подумать хорошенько, прежде чем срываться с места, где провел всю свою жизнь.

— Я уже думал! — еще громче ответил папа.— Много думал! С того дня, как инопланетяне начали путаться под ногами. Вчера еще одно семейство приехало и поселилось в доме, где раньше жили Пирсы.

— Откуда ты знаешь, что на какой-то фермерской планете нам будет лучше? — спросила мама.— А если окажется еще хуже?

— Хуже, чем здесь, просто не бывает! Если бы нам хоть в чем-то везло! Честно скажу, мое терпение вот-вот лопнет!

Ей-богу, папа ни вот на столько не преувеличивал, говоря о нашем невезении. Помидоры в этом году не уродились, сдохли две коровы, медведь не только сожрал весь мед, но и разломал ульи... Вдобавок испортился трактор, и его ремонт влетит нам в семьдесят восемь долларов и девяносто центов.

— Каждому в чем-то не везет,— упрямилась мама.

— Каждому, только не Энди Картеру! — взвился папа.— Как это получается, только все ему нипочем, за что бы он ни взялся. По-моему, если Энди даже в лужу шлепнется, подымется из нее, усыпанный алмазами.

— Ну я не знаю...— Мама пожала плечами.— Еды нам хватает, голыми не ходим, и крыша над головой имеется. Может, в наше-то время не стоит ждать от жизни большего.

— Почему не стоит? — ответил папа.— Человек не может довольствоваться только тем, чтоб сводить концы с концами. Я ночами не сплю, голову ломаю, что бы такое сотворить да

как бы нам жизнь улучшить. Чего только ни придумывал — ничего не вышло. Даже с адаптированным марсианским горохом. Посадил его на песчаном участке, не почва — золото. Прямо-таки специально насыпана для марсианского гороха... Ну и как, выросло хоть что-нибудь?

— Нет,— ответила мама,— насколько я помню, нет.

— А на следующий год Энди Картер посадил тот же самый горох на том же самом месте, только за забором. Так он унести не мог свой урожай!

Это уж точно. Да и что касается фермерской сноровки — разве может Энди сравниться с папой! Только за что бы папа ни брался, ничего не получается. Но стоит Энди повторить вслед за папой — все выходит как нельзя лучше.

Впрочем, это касается не только нас, но и всех наших соседей. Все в прогаре, один Энди в выигрыше.

— Запомни,— повторил папа,— еще одна неудача, и я бросаю это дело. Попытаемся начать все сначала на какой-нибудь из фермерских планет...

Дальше можно было не слушать.

Я незаметно выскользнул за дверь и, шагая по дороге, с сожалением подумал, что когда-нибудь он действительно решит эмигрировать, как многие наши старые соседи.

Может, переселиться на новое место не так и плохо, но когда я прикидывал, что для этого придется покинуть Землю, мне становилось не по себе. Все эти планеты страшно далеко, и неизвестно, хватит ли у нас сил вернуться, если там не понравится? Кроме того, здесь все мои друзья. Конечно, они инопланетяне, только мне с ними очень интересно.

От этой мысли я даже слегка вздрогнул, впервые ясно представив, что все мои друзья — инопланетяне. Мне с ними так здорово, что я никогда не задумывался, кто они.

Мне казалось немного странным, когда папа с мамой говорили, что скоро на Земле народу станет меньше,— ведь все покинутые хозяйства по соседству покупали инопланетяне. У них просто выбора нет — все внешние колонии Земли для них закрыты.

Я как раз проходил мимо фермы Картеров и углядел, что в саду деревья ломятся под тяжестью плодов. Я подумал, что надо будет сюда заглянуть, когда они дозреют. Конечно, в та-

ких делах следует осторожничать, потому что Энди Картер — человек очень противный, а садовник его, Оззи Бернс, и того хуже. Помню, Энди однажды нас накрыл, когда мы забрались к нему за дынями, и я, удирая, запутался в колючей проволоке. Энди меня тогда поколотил, на что, собственно, имел право, но чтобы идти к папе и требовать с него за эту пару дынь семь долларов... Папа заплатил, а потом выпорол меня почище, чем Энди.

Выпорол и сказал, что Энди не сосед, а сплошное расстройство. Правильно сказал.

Я дошел до дома, где раньше жили Адамсы, и увидел во дворе Чистюлю. Он висел в воздухе и подбрасывал старый баскетбольный мяч. Мы зовем его Чистюлей, потому что не можем выговорить настоящего имени. Некоторых инопланетян очень странно зовут.

Чистюля был нарядным, как обычно. Он всегда нарядный, потому что, когда играет вместе с нами, не пачкает одежду. Мама меня ругает, почему и я не могу быть таким же чистым и опрятным. А я ей отвечаю, что чистым легко оставаться тому, кто висит в воздухе, а не ходит по земле. Ведь если Чистюля хочет швырнуть в вас комком грязи, ему не нужно даже руки пачкать.

В это воскресенье на нем была голубая рубашка, вроде как шелковая, и красные штаны — похоже, бархатные, а светлые волосы он перевязал зеленой лентой, которая развевалась на ветру. На первый взгляд Чистюля немножко напоминал девчонку, но не советую ему об этом говорить, он вам не простит. Я в этом убедился на собственной шкуре в первый же день, как мы познакомились. Он вывалял меня в грязи и даже пальцем ко мне не притронулся. Сидел себе по-турецки в воздухе, футах в трех от земли, со сладенькой улыбочкой на противной роже, а светло-желтые волосы развевались по ветру... Хуже всего было то, что я ничего не мог с ним сделать в ответ.

Но это было давно очень, а теперь мы хорошие друзья.

Мы поиграли в мяч, но нам скоро надоело. А потом из дома вышел папа Чистюли и сказал, что рад меня видеть, и спросил, как дела у родителей и хорошо ли работает после ремонта трактор. Отвечал я ему очень вежливо, потому что, честно говоря, немножко его побаивался.

Дело в том, что он малость чудной — не внешне, а по тому, как ведет хозяйство. И хотя он не похож на фермера, с хозяйством отлично управляется. Папа Чистюли никогда не пользуется плугом, просто сидит в воздухе, скрестив ноги, и плывет над полем туда, потом обратно, а на том месте, над которым он проплыл, земля мелкая, как пудра. Вот так и работает. На его поле нет даже сорняков, потому что ему достаточно проплывать над грядкой, и сорняки уже лежат в борозде, вырванные с корнями.

Можете представить, что он сделает с любым из нас, если поймает во время хулиганства, поэтому мы стараемся быть вежливыми и осторожными, когда он поблизости.

Так что я ему рассказал и о нашем тракторе, и об ульях. А потом спросил, как у него дела с машиной времени, но папа Чистюли в ответ лишь грустно покачал головой.

— Даже и не знаю, что происходит, Стив,— сказал он.— Я опускаю в нее разные предметы, и они исчезают, а потом не могу их найти, хотя и должен бы. Может, я слишком далеко перемещаю предметы во времени?

Думаю, он бы рассказал мне еще про свою машину, но тут нам помешали.

Пока мы разговаривали с папой Чистюли, их пес загнал кота на клен. Обычное дело, если поблизости нет Чистюли. При нем все идет шиворот-навыворот. Значит, Чистюля дотянулся до дерева — не руками, конечно, а мысленно,— поймал кота, свернул его в клубок, так что тот пошевелиться не мог, и опустил на землю. Придерживая пса, который бился и вырывался, он сунул ему под нос кота и одновременно освободил обоих животных.

Раздался такой вопль, какого я не слыхивал. Кот молниеносно взлетел на дерево, едва не содрав с него кору. А пес, не успев вовремя затормозить, на полном ходу врезался носом в ствол.

Кот в это время уже орал на самой вершине, будто его резали, а пес обалдело носился вокруг дерева.

Папа Чистюли молча посмотрел на сына. Он ничего не сделал, даже слова не сказал, но Чистюля побледнел и как будто съежился.

— Сколько раз повторять, чтобы ты оставил этих животных в покое,— наконец сказал он.— Ты видел, чтобы Стив или Мохнатик над ними издевались?

— Не видел,— пробормотал Чистюля.

— Идите,— сказал папа Чистюли,— и займитесь своими делами.

Ну, значит, пошли мы — то есть я плелся по дороге, подымая пыль, а Чистюля плыл по воздуху рядом. Мы двинулись к Мохнатику, которого застали перед домом. Он сидел и ждал, уверенный, что рано или поздно кто-нибудь из нас пройдет мимо. На плече у него чирикали пара воробьев, рядом с ним скакал кролик, а из кармана выглядывала белочка, поблескивая глазами-бусинками.

Мы с Мохнатиком уселись под деревом, а Чистюля устроился около нас — он тоже почти сидел, то есть висел дюймах в трех над землей. Мы соображали, куда отправиться, но ничего путного в голову не шло, так что мы просто сидели и болтали, кидали камешки, жевали травинку, а зверьки Мохнатика бегали вокруг нас, ничуть не боясь. Они немного сторонятся Чистюли, а ко мне, если рядом Мохнатик, подходят без опаски.

Меня вовсе не удивляет, что зверьки любят Мохнатика: он и сам покрыт гладкой блестящей шерсткой, и на нем только такие маленькие трусики. Если его отпустить без этих трусиков, его смогут по ошибке подстрелить.

Значит, мы соображали, чем бы заняться, и тут я вспомнил, что папа говорил о какой-то новой семье, которая поселилась у Пирсов. Мы решили пойти туда и узнать, а нет ли у них детей?

Оказалось, что они привезли мальчика нашего возраста. Этот мальчик был немного угловатый, невысокого роста, с большими круглыми глазами, но мне он сразу понравился.

Он сказал нам, как его зовут, но его имя оказалось еще труднее, чем имена Мохнатика и Чистюли, так что мы немного посовещались и решили называть его Малыш. Это имя очень ему подходило.

Потом Малыш позвал своих родителей и по очереди всех их представил. Мы познакомились с его папой, мамой, с маленьким братишкой и младшей сестрой, похожей на него самого. Потом его родственники вернулись в дом, только папа присел с нами поболтать и сказал, что не слишком уверен в своих земледельческих способностях; по профессии он вовсе не фермер, а оптик. Папа Малыша объяснил нам, что оптик — это тот, кто вырезает и шлифует линзы. Но у его профессии

нет перспективы на их родной планете. И еще добавил, что очень доволен, перебравшись на Землю, и постарается быть нам хорошим соседом, и много всякой ерунды в таком же роде.

В общем, мы дождались, когда он замолчит, и смылись. Нет ничего хуже, если взрослый пристанет и его приходится сидеть и слушать.

Мы решили показать Малышу окрестности и посвятить его в наши дела. Перво-наперво мы отправились в Черную Долину, но шли медленно, потому что нам все время докучал кто-нибудь из любимцев Мохнатика. Вскоре мы напоминали бродячий зоопарк: кролики, белки, черепахи и еще какие-то зверьки.

Я, конечно, люблю Мохнатика, и мне с ним интересно, однако должен признаться, что он усложняет мою жизнь. До того как он здесь появился, я частенько ловил рыбу и охотился, а теперь не могу выстрелить в белку или поймать карася без того, чтобы не подумать — а вдруг это один из друзей Мохнатика.

Вскоре мы дошли до ручья, где находилась наша ящерица. Мы откапывали ее все лето, с небольшими, правда, результатами, но не теряли надежды, что в один прекрасный день извлечем ее на поверхность. Вы, конечно, понимаете, что я говорю не о живой ящерице, а об окаменевшей миллионы лет назад. В месте, где ручей протекает через слоистую известняковую плиту. И ящерица застряла как раз между двумя такими слоями. Мы уже откопали четыре или пять футов ее хвоста и вгрызались все глубже, но нам было все труднее и все больше камня приходилось отбивать.

Чистюля поднялся в воздух над известняковым выступом, застыл неподвижно, сосредоточился, а потом ударил изо всех своих мысленных сил — конечно, так, чтобы не повредить ящерицу. Он постарался на славу и отбил крупный кусок плиты. Пока Чистюля отдыхал, мы втроем собирали и оттаскивали камни.

Но один камень мы не смогли сдвинуть с места.

— Ударь по нему еще раз,— сказал я Чистюле,— он разлетится на кусочки, и мы их вытащим.

— Я его отбил, а вы уж сами думайте, что с ним теперь делать,— ответил он.

Спорить с ним было бесполезно. Мы втроем ухватились за эту глыбину, но она даже не дрогнула. А этот нахал сидел себе, ни о чем не беспокоясь, и только забавлялся, наблюдая, как мы надрываемся.

— Поищите какой-нибудь лом,— посоветовал он.— С ломом, наверное, справитесь.

Мне Чистюля уже порядком надоел. И чтобы хоть на минуту от него отдохнуть, я согласился, сказав, что пойду за ломом. А этот новенький, Малыш, решил идти со мной. Мы выбрались обратно на дорогу и направились ко мне. Мы не торопились. Ничего с Чистюлей не сделается, если он подождет.

Мы шли с Малышом по дороге и болтали. Он рассказывал мне о своей родной планете, а я рассказывал ему о Земле. Я чувствовал, что мы быстро подружимся.

Когда мы проходили мимо сада Картеров, Малыш внезапно остановился посреди дороги и напрягся, как охотничья собака, почуявшая дичь. Поскольку я шел позади, то врезался в него, но он даже не пошевелился, хотя я крепко в него впилился. Его глаза блестели, и весь он был так возбужден, что аж дрожал.

— Что случилось? — спросил я.

Малыш пристально разглядывал что-то в саду. Я посмотрел в ту сторону, но ничего не увидел.

Вдруг он резко повернулся, перепрыгнул через забор на другой стороне дороги и помчался по полю напротив сада Картера. Я побежал следом, догнал Малыша у самой границы леса, схватил за плечо и повернул лицом к себе.

— Что случилось? — крикнул я.— Куда ты так летишь?

— Домой, за ружьем!

— За ружьем? А зачем тебе ружье?

— Там же их полно! Надо всех уничтожить!

Тут он, кажется, сообразил, что я ничего не понимаю.

— Хочешь сказать, что не видел?

Я кивнул и растерянно пробормотал:

— Там же никого не было...

— Да нет, их там много! — сказал он.— Только ты их, наверное, не видишь. Как и взрослые, которые теряют умение видеть...

Такого мне еще никто и никогда не говорил. Я сунул ему кулак под нос, и тогда он принялся тараторить, объясняя:

— Они видны только детям. И приносят несчастье. Нельзя, чтобы они спокойно жили рядом, иначе не миновать неприятностей...

Так сразу поверить я не мог, понять — тем более. Впрочем, видя, что вытворяют Чистюля с Мохнатиком, я давно перестал удивляться и утверждать, будто на свете есть что-то невозможное.

Немного подумав, я согласился, что Малыш, может быть, и прав. Нас давно уже преследовали всякие неприятности, а ведь никогда так не бывает, чтобы людям все время не везло — если только кто-нибудь специально не мешает им нормально жить.

Да и не только нам. Всем, буквально всем соседям не везло — за исключением Энди Картера. Видно, Энди слишком плохой человек, даже чтоб его неудачи преследовали.

— Ладно,— сказал я,— пошли за твоим ружьем.

Я прикидывал, как же выглядит это потрясное ружье, из которого можно стрелять по цели, которой даже не видно?

Мы добежали до его дома так быстро, что сами не поверили. Папа Малыша сидел под деревом. Малыш подошел к нему и начал что-то говорить, но я ничего не понимал.

Папа немного послушал его, а потом сказал:

— Ты должен говорить на здешнем языке, иначе это очень невежливо с твоей стороны. Если хочешь стать хорошим гражданином этой большой и прекрасной планеты, ты должен пользоваться ее языком, перенимать ее обычаи и стараться жить так, как живут ее обитатели.

Одно могу сказать: папа Малыша умел выбирать слова!

— Скажите, пожалуйста,— спросил я,— правда, что эти невидимки приносят несчастье?

— Правда,— ответил папа Малыша.— На нашей планете они здорово нам досаждали.

— Папа,— спросил Малыш,— можно взять ружье?

— Не торопись,— ответил его папа.— Все надо тщательно проверить. Там, у нас, ситуация была ясной. Но здесь могут существовать иные обычаи. Не исключено, что человек, которому они принадлежат, станет возражать против их уничтожения.

— Но разве они — чья-то собственность? — возразил я.— Как можно владеть тем, чего даже не видно?

— Я имел в виду владельца фермы, где они появились.

— Энди Картера? Но ведь он о них не знает.

— Не имеет значения,— ответил папа Малыша.— Мне кажется, что тут возникнет серьезная этическая проблема. На нашей планете этих созданий все ненавидели. Но здесь может оказаться иначе. Видишь ли, тому, кого они себе выберут хозяином, они очень полезны.

— То есть Энди они приносят удачу? — спросил я.— А мне казалось, вы говорили, что с ними одни неприятности.

— Да, они приносят несчастье всем, кроме хозяина. У них такое правило: счастье для одного — несчастье для остальных. Потому на нашей планете никто и не позволял им у себя поселяться.

— Значит, вы думаете, что они выбрали себе Энди и поэтому ему везет?

— Ты абсолютно прав,— сказал папа Малыша.— Ты прекрасно уловил суть дела.

— Так почему бы прямо сейчас не пойти и не истребить их всех?

— А этот мистер Картер не будет иметь ничего против?

— Ну, ничего хорошего от него ждать не приходится. Он нас наверняка прогонит раньше, чем мы завершим дело наполовину. Но ведь потом можно тайком вернуться и...

— Исключено,— возмутился папа Малыша.

Папа Малыша прямо-таки терпеть не мог нечестных поступков. Он, наверное, умер бы от стыда, если б его засекли за хулиганством.

— Так нельзя,— сказал он.— Это будет в высшей степени неэтично. Как ты думаешь, Стив, знай Картер, что они у него на ферме, он захотел бы с ними расстаться?

— Я уверен, что нет. Он только о себе и думает.

Папа Малыша тяжело вздохнул и встал.

— Стив, твой отец сейчас дома?

— Наверняка.

— Пойдем, поговорим с ним. Он здесь родился, он честный человек и посоветует нам, как поступить.

— Скажите, пожалуйста,— спросил я,— а как вы их называете?

— У них есть название, но его не перевести на ваш язык. Понимаешь, оно связано с тем, что они не находятся ни здесь, ни там, а как бы на границе, между... Да, можно назвать их граничниками.

— По-моему, хорошее объяснение, и слово...

— Да,— подтвердил папа Малыша,— давай их так и называть.

Мой папа обалдел почище моего, когда узнал о них, но чем больше он слушал папу Малыша и чем сильнее задумывался, тем больше убеждался, что его не обманывают.

— Наверное, вы правы,— наконец сказал он.— Ведь за что ни возьмешься, ничего не выходит. Признаться, злость меня разбирает, когда я вижу, что мне ничего не удается, а этому Картеру везет во всем.

— Меня очень беспокоит,— сказал папа Малыша,— что мы обнаружили граничников на вашей планете. У нас их много, да и на соседних планетах; но я никогда не думал, что они забрались так далеко.

— Одно непонятно,— сказал мой папа, раскуривая трубку и присаживаясь,— почему мы их не видим, если они здесь, рядом.

— Существует вполне научное объяснение, но его, к сожалению, нельзя выразить на вашем языке. Они живут как бы в иной фазе, хотя и это не совсем правильно. Взгляд ребенка проницателен, ум распахнут, поэтому может увидеть нечто, буквально капельку, сверх действительности. Вот почему граничников видят только дети. Я в детстве тоже их видел и даже уничтожил немало. Должен вам сказать, что на нашей планете поиски и постоянное истребление граничников входят в обязанности детей.

— А ты их видел? — Папа повернулся ко мне.

— Нет, папа, не видел.

— И вы тоже не видели? — спросил он у папы Малыша.

— Я утратил возможность видеть граничников много лет назад. Что касается вашего мальчика, то, возможно, только дети некоторых рас...

— Но это значит, что граничники нас видят? Иначе как они могут приносить счастье или несчастье?

— Несомненно, нас они видят. Это бесспорный факт, ведь ученые нашей планеты с давних пор исследуют этих существ.

— Еще один вопрос: как они выбирают себе хозяев? И что они с этого имеют?

— Это окончательно не выяснено,— ответил папа Малыша.— Но на этот счет имеется много гипотез, и одна из них гласит, что собственной жизни у граничников нет, и, чтобы существовать, они должны иметь постоянный образец. С него они копируют и внешность, и чувства, напоминая паразитов.

Тут папа остановил его. Он уже изрядно запутался, и ему необходимо было поразмышлять вслух.

— Не думаю,— сказал папа,— что они делают это за так. Должна существовать конкретная причина — как, впрочем, в любой работе. Все делается по определенному плану, все имеет свою цель. И если внимательно приглядеться, плохих дел вообще не существует. Может, несчастья, которые приносят граничники,— частицы большого и важного плана? Может, они помогают нам воспитывать характер?

Честное слово, я впервые слышал, чтобы папа так рассуждал, да еще сидя с папой Малыша.

— Я тоже пытался объяснить их существование, но не думал о том, что вы сейчас сказали.

— А может, граничники — кочевые племена, которые просто перебираются с места на место? Поживут себе немного, а потом отправляются дальше?

Папа Малыша грустно покачал головой.

— К сожалению, этого почти никогда не происходит.

— Очень давно, когда я был маленьким,— сказал папа,— мы с мамой, то есть с твоей бабушкой, Стив, поехали в город. Хорошо помню, как я стоял перед огромной витриной, полной игрушек, зная, что никогда мне их не купят, а так хотелось получить хоть одну. Может, они тоже стоят за огромным стеклом и смотрят на нас, на что-то надеясь?

— Очень образное сравнение,— с явным восхищением сказал папа Малыша.

— Что касается меня,— продолжал мой папа,— то ваше слово для меня свято, и я ни в коем случае не хочу усомниться в том, что вы нам рассказали...

— Но вы сомневаетесь, и я вас за это не осуждаю. Наверное, вы поверите, когда Стив подтвердит, что видел их?

— Пожалуй, так,— подумав, ответил папа.

— До того как мы переселились на Землю, я работал в оптической промышленности. Вероятно, мне удастся подобрать и отшлифовать линзы, чтобы он мог увидеть граничников. Я ничего не гарантирую, но игра стоит свеч. Он еще в том возрасте, когда дети видят сверх действительности. Возможно, его зрение требует лишь небольшой коррекции.

— Если вам удастся помочь ему и Стив увидит граничников, я поверю без малейших сомнений.

— Сейчас же принимаюсь за дело,— пообещал папа Малыша.

Папа долго смотрел, как Малыш и его папа идут по дороге, а потом покачал головой.

— Некоторые инопланетяне проповедуют странные теории. Приходится все время быть настороже, чтобы не дать себя провести.

— Но они говорят правду! — воскликнул я.

Папа молча сидел и думал, и мне казалось, что я вижу, как в его голове крутятся маленькие колесики и шестеренки.

— Чем дальше все это взвешиваю, тем правдоподобнее оно выглядит. Когда-то счастье и несчастье были поделены поровну, по справедливости. Потом, допустим, появилось нечто, безразлично что, и отдало все счастье одному человеку. Значит, всем прочим, и нам тоже, осталось одно несчастье.

К сожалению, мои колесики крутились медленнее папиных, и чем дольше я слушал, тем меньше понимал.

— Предположим,— продолжал он,— проблема сводится к обычному состязанию. Что для одного человека везение — то для другого неудача. Скажем, все хотят иметь интересную книгу. Для того, кто ее достанет,— это победа, для других — поражение. Как с тем медведем: для того, чей улей остался цел,— это счастье, удача, а для того, чей разрушен,— сплошные расстройства. Опять же, сломался трактор...

Папа долго мог так говорить, но не думаю, что он сам во все это верил. Мы оба понимали, что за словами стоит что-то более существенное.

Чистюля и Мохнатик здорово рассердились на меня за то, что я не принес лом. Они заявили, что я их попросту надул, но я ответил, что совсем нет, и, чтобы они поверили, рассказал, что случилось. Может, следовало держать язык за зубами, но, в конце концов, это не имело значения. Во всяком слу-

чае, мы сразу помирились, и вообще стало весело. Те двое взялись подшучивать над Малышом насчет граничников, но он никак не реагировал, и его оставили в покое.

Каникулы мы провели просто здорово. Сначала была ящерица, а потом появилась семья скунсов; они влюбились в Мохнатика и следовали за ним по пятам. В один из дней Чистюля увел из сарая Энди все машины. Энди носился по ферме и с ума сходил от злости. Все бы хорошо, только ни нас, ни наших соседей не оставляли неудачи. Ну а когда рухнул наш сеновал, отец прямо заявил, что папа Малыша был прав. Мама едва удержала его, а то он собрался идти к Энди Картеру и всыпать ему как следует.

На день рождения родители подарили мне телебиовизор, чего я, признаться, не ожидал. Я давно о нем мечтал, но ведь это дорогая штука, а после трактора и сеновала лишних денег совсем не было.

Вы, конечно, знаете, что такое телебиовизор. Он вроде телевизора, но гораздо лучше. По телевизору можно только смотреть передачу, а телебиовизор позволяет переживать ее вместе с героями. Надеваешь на голову шлем, выбираешь нужную программу, включаешь визор и приемник и переживаешь то, что видишь.

Он не требует особого воображения — все уже готово для вас: действие, звук, запах и даже ощущения, например, когда до тебя дотрагиваются.

Мне подарили детский телебиовизор, и он принимал только детские программы. Но мне их вполне хватало, чтоб еще переживать всю эту ерунду для взрослых!

Я все утро просидел с телебиовизором. Сначала посмотрел программу, которая называлась «Покоряем иные миры»;— о земной исследовательской экспедиции, высадившейся на далекой планете, потом про охоту в джунглях, а в конце «Робин Гуд», и он мне больше всего понравился.

Я был страшно доволен своим телебиовизором и решил похвастаться перед ребятами, поэтому пошел к Чистюле. Но я не успел ему ничего показать. Не дойдя до калитки, я увидел, как по воздуху плывет Чистюля, а рядом с ним несчастный замученный кот, над которым Чистюля все время издевался. Кот не мог даже пошевелиться, я только видел его расширенные от ужаса глаза.

— Эй, Чистюля! — крикнул я.

Он приложил палец к губам, делая мне знак молчать, а другим пальцем поманил к себе. Я перепрыгнул через забор, а Чистюля опустился на землю.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Он ушел и забыл запереть на замок сарай,— шепнул он.

— Кто ушел?

— Мой папа. Понимаешь? Он забыл запереть старый сарай.

— Но ведь там...

— Вот именно. В нем он держит свою машину времени.

— Чистюля! Ты что, собираешься сунуть туда кота?

— Почему бы и нет? Папа никогда не опускал в нее ничего живого. Посмотрим, что получится.

Мне его идея не понравилась, но уж очень хотелось посмотреть машину времени. Интересно узнать, как она выглядит. Ведь папа Чистюли ее никому не показывал.

— Что,— спросил Чистюля,— трусишь?

— Нет, но как же кот?

— Тоже мне! Подумаешь, кот...

Действительно, это был всего лишь кот. Я двинулся за Чистюлей, и мы проскользнули в сарай, прикрыв за собой дверь. В центре сарая стояла машина времени. Она не выглядела как-то особенно: обычная воронка, хоть и большая, а в одном широком месте обмотанная множеством проволочек. К специальному колесу крепился примитивный пульт управления, который с помощью разноцветных проводов соединялся с воронкой. Высотой машина доставала мне до груди, поэтому я снял телебиовизор и положил на ее край, чтобы заглянуть внутрь. В это время Чистюля включил питание, и я отскочил как ошпаренный, потому что в самом деле от неожиданности испугался.

Постояв чуток, я вернулся, чтобы заглянуть еще раз. Внутри воронки крутился водоворот из сметаны: густой, жирный, блестящий и... живой! В нем виднелась жизнь! И так потянуло меня броситься туда вниз головой, что пришлось изо всех сил держаться за край воронки, чтобы этого не сделать. Кто знает, может, я в конце концов и прыгнул бы, но кот у Чистюли неожиданно высвободился. Не знаю, как ему удалось, ведь он был свернут в клубок и буквально застегнут на пуговицу. Мо-

жет, Чистюля зазевался, но я думаю, кот понял, что его ожидало. Так или иначе, он висел над воронкой машины, а Чистюля приготовился его туда сбросить. Вот тогда-то коту удалось вывернуться, и он заорал, распушив хвост и загребая лапами воздух, чтобы не упасть в водоворот. В последний момент, уже падая, он ухитрился как-то извернуться и когтями одной лапы зацепиться за край воронки, а другой — за мой телебиовизор. Я вскрикнул и потянулся, чтобы спасти аппарат, но было поздно: он упал в белую кашу и тут же исчез. А кот, взобравшись по столбу, сидел на одной из перекладин, громко мяукая.

Тут открылась дверь, и появился папа Чистюли. Я подумал, что теперь уж мне здорово влетит, но он молча смотрел то на Чистюлю, то на меня, а потом сказал:

— Стив, выйди, пожалуйста.

Я выскочил за дверь так быстро, как только мог, но через плечо еще раз оглянулся — Чистюля побледнел и задрожал. Я знал, что его ожидает наказание, и, хоть он его вполне заслужил, мне стало Чистюлю жалко. Но даже останься я — чем бы ему это помогло? Так что я был доволен тем, что вышел сухим из воды. Но потом понял, что о везении говорить рано.

Не знаю, наверное, с перепугу, но я пошел прямо домой и рассказал папе всю правду. Папа снял ремень и задал мне перцу. Мне показалось, делал он это без особой охоты, потому что и ему надоели проделки инопланетян.

Несколько дней я сидел дома. Ведь если куда пойти, придется проходить мимо дома Чистюли, а мне не хотелось с ним встречаться, по крайней мере сейчас.

Скучно было очень, и я готов был расплакаться, но тут пришел Малыш со своим папой и принес очки.

— Не знаю, подойдет или нет,— сказал папа Малыша.— Я шлифовал их на глазок.

Очки ничем не отличались от обычных, только стекла были исчерчены прерывистыми линиями, разбегающимися во все стороны. Я надел очки — они оказались чуть великоваты, но с носа не падали. Я огляделся; двор был таким же, как всегда... только чуть-чуть странным. Понимаете, стоял отличный августовский день, светило солнце, но когда я надел очки, то вокруг как будто потемнело и стало холодно. И еще меня охва-

тило непонятное чувство, от которого я весь передернулся. Да, свет был какой-то странный, но это чувство, что я нигде не нахожусь... Плохое оно было или нет — я не мог бы объяснить, спроси меня кто-нибудь.

— Ну, что видно, сынок? — спросил папа.

— Все стало каким-то непривычным.

— Покажи-ка мне.— Он снял с меня очки и надел их сам.

— Ничего особенного не вижу,— сказал он.— Только все вокруг перекрашено.

— Я же вам говорил,— сказал папа Малыша,— видеть иначе могут только дети. Мы с вами слишком прочно вросли в действительность.

Папа снял очки, покрутил в руках.

— Видел граничников? — спросил он.

Я покачал головой.

— Здесь их нет,— объяснил Малыш.

— Чтобы увидеть граничников,— добавил папа Малыша,— надо идти к Картеру.

— Ну так кого же мы ждем? — спросил папа.

И мы вчетвером отправились к Картерам.

В доме никого не было. Странно, ведь всегда кто-то оставался — или сам Картер, или его жена, или садовник Оззи Бернс, даже когда они уезжали в город или куда еще.

Мы стояли на дороге, а Малыш внимательно высматривал, но не заметил граничников ни в саду, ни в поле. Папа нетерпеливо покашлял. Я знал, о чем он думает,— о том, что инопланетяне сыграли над ним шутку. Но в этот момент Малыш очень взволнованно сказал, что видит граничников на краю пастбища — там, где начинались леса Черной Долины и где стоит сарай Энди.

— Дайте своему мальчику очки,— сказал папа Малыша,— чтобы и он мог посмотреть.

Папа протянул их мне. Сначала я не различал даже знакомых деталей, но скоро привык к очкам и в самом деле увидел на дальнем краю пастбища движущиеся фигуры, похожие на людей, но очень странные, напоминающие клочки дыма. Я подумал даже, что если дунуть как следует, то они растворятся.

— Видишь что-нибудь? — спросил папа.

Я ответил, что вижу, а он, задумавшись, потер подбородок так сильно, что у него аж щетина заскрипела под пальцами.

— Никого поблизости не видно, так что мы можем туда спокойно подойти,— сказал он.— Пусть Стив к ним как следует присмотрится.

— Вы считаете, что мы не нарушим порядок? — озабоченно спросил папа Малыша.— Наши действия не посчитают неэтичными?

— Вообще-то посчитают,— ответил папа,— но если быстро управиться, Энди о них даже не узнает.

Так что мы перелезли через забор и лесом подобрались к месту, где видели граничников. Шли мы медленно, продираясь сквозь заросли ежевики, тяжелые от черных блестящих ягод, и как можно тише, но вдруг Малыш толкнул меня в бок и торопливо шепнул:

— Смотри, вот они.

Я нацепил очки и увидел...

На окраине луга, за лесом, стояло гумно Энди — просто крыша на сеновале. Гумно было старое, полуразвалившееся. Энди стоял на крыше и перебирал какие-то доски, а по лестнице, ее придерживала миссис Картер, карабкался Оззи Бернс с охапкой досок на плече. Энди присел и протянул руки, принимая доски. Вот почему их дом оказался заперт — они втроем занимались починкой крыши!

Вокруг них крутились штук двадцать граничников. Часть болтались около Энди на крыше, пара-тройка стояли рядом с Оззи на ступеньках, а остальные помогали миссис Картер поддерживать лестницу. Они суетились вокруг, и каждый до отвращения напоминал Энди. Какого-то четкого сходства не было. Но каждая из бестелесных фигур, буквально каждая, была приземиста и похожа на бульдога, как Энди. И даже походка их напоминала его раскачивающуюся походку, и проглядывала в ней подлая натура Энди.

Лестница косо стояла на неровном месте, поэтому ее надо было держать.

Пока я на них смотрел, Оззи Бернс уже передал Энди доски, а сам поднялся на крышу. Конечно же, миссис Картер отвернулась от лестницы, потому что Оззи уже ничего не грозило.

Энди присел на корточки, раскладывая доски, потом выпрямился, посмотрел в сторону леса и увидел нас.

— Что вы там глазеете? — рявкнул он и тут же полез вниз по лестнице. Он сделал два шага, когда началось самое удивительное. Постараюсь рассказывать помедленнее и поподробнее.

Для меня все выглядело так, будто одна лестница превратилась в две. Первая продолжала стоять, крепко опираясь на крышу. Я хотел крикнуть, предостеречь его — правда, не знаю зачем. Ведь если б он упал и свернул себе шею, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Но только я собрался крикнуть, двое граничников бросились к гумну и... вторая лестница... исчезла. Вот она поползла по крыше, вместе с вцепившимся в нее вторым Энди, который уже трясся от страха, и вдруг из двух опять получилась одна лестница и один Энди.

Я стоял, дрожа, не сомневаясь, что видел все не понарошку, но сам, если бы мне рассказали, ни за что бы в подобное не поверил. Постояв еще немного, я понял, что углядел одновременно два варианта событий: вариант, в котором лестница должна была упасть, и вариант, в котором она не упала, потому что граничники ее удержали. Теперь я своими глазами убедился, как работает счастье Энди. Вернее, как устраняется несчастье. Впрочем, как ни говори, Энди всегда в выигрыше. Вот и сейчас он был уже на последней ступеньке лестницы, а вокруг него — граничники: одни подпрыгивали, другие прямо-таки падали сверху, и будь они людьми, они бы и костей не собрали после таких падений.

Папа вышел из леса на луг, я следом за ним. Мы знали, в какую историю ввязываемся, но мы не из трусливых. Сзади шли испуганные Малыш и его папа. Энди двинул нам навстречу, и, как видно, отнюдь не с мирными намерениями. А вокруг него толпились граничники, нелепо размахивая руками, как и их хозяин.

— Энди,— примирительно начал папа,— будем благоразумными...

Должен заметить, что слова эти дались ему с большим трудом. Ведь папа ненавидел Энди Картера, как не знаю что, и имел на то уйму оснований. В течение всех последних лет Энди оставался самым мерзким соседом, какого только можно себе представить.

— Это кто тут говорит о благоразумии! — заорал Энди на папу.— Ты? А я слышал, что ты рассказываешь байки, что, мол, все твои неудачи из-за меня. Я тебе прямо скажу — невезение тут ни при чем. Самая обычная бездарность: ты просто ни на что не годен. А если ты воображаешь, что своей болтовней что-нибудь изменишь, то глубоко ошибаешься. Не иначе как наслушался разных глупостей от инопланетян. Будь это в моей власти, я бы выгнал их всех с Земли.

Папа быстро шагнул вперед, и я решил, что Энди сейчас получит свое, но папа Малыша успел подскочить и схватить за руку моего папу.

— Нет! — крикнул он.— Не бейте его! Лучше уйдем отсюда.

Папа стоял, раздумывая, кому из них врезать первому.

— Ты никогда мне не нравился,— продолжал Энди.— С первой минуты, как я тебя увидел, я понял, что ты бездельник. Так оно и есть. Да разве порядочный человек станет водиться с инопланетянами? Впрочем, ты ничем не лучше их. А теперь убирайся и чтоб ноги твоей здесь больше не было.

Папа вырвал руку, так что папа Малыша аж завертелся, и замахнулся. Я увидел, как голова Энди медленно наклоняется и опускается на плечо. На мгновение показалось даже, что у него появилась вторая голова. Я понял, что снова вижу «предотвращение» несчастного случая, но теперь это был не тот случай.

На сей раз граничники не успели уберечь Энди от опасности, ведь они имели дело не с медленно сползающей лестницей. Раздался звук, будто морозным утром ударили по полену обухом топора. Голова Энди дернулась, он потерял равновесие и повалился на спину. Над ним тут же склонились граничники, причем с такими глупыми физиономиями, каких я еще никогда ни у кого не видел. Теперь их можно было брать голыми руками. Папа повернулся, взял меня за рукав, потянул и сказал:

— Пойдем, Стив. Нам здесь нечего больше делать.— Тихо так сказал, но спокойно и с ноткой гордости.— Бог свидетель,— пояснил он, пока мы не спеша шли, даже не оглядываясь,— что я крепился все пятнадцать лет, с того дня, как увидел его.

Я вспомнил о Малыше и папе Малыша, но их и след простыл. Но папе я не напомнил, чувствуя, что дружеских чувств он к ним сейчас не питает.

Впрочем, я напрасно за них беспокоился — они ждали нас у дороги, запыхавшиеся и исцарапанные, видимо, усиленно продирались сквозь заросли.

— Рад,— сказал папа Малыша,— что у вас все в порядке.

— Не о чем тут говорить,— холодно отрезал папа и даже не остановился, крепко сжав мою руку.

Мне пришлось идти следом.

Дома мы сразу прошли на кухню напиться воды.

— Стив, очки у тебя? — спросил папа.

Я вытащил их из кармана и отдал ему, а он положил их на полочку над раковиной.

— Пусть лежат здесь,— строго сказал он,— и чтобы ты их больше не надевал! Понял?

— Да, папа,— ответил я.

Честно говоря, я надеялся, что он как следует разозлится. Я боялся, что после всего случившегося он вернется к разговору об одной из фермерских планет, а раз не сердится, только молчит, то уже принял окончательное решение переселяться. Но он даже словом не обмолвился о ссоре с Энди, как и о фермерских планетах. Он молчал и продолжал злиться, но, я думаю, на Малыша и его папу.

Я долго размышлял над тем, что видел на лугу у Энди. И чем упорнее размышлял, тем сильнее убеждался, что раскрыл секрет граничников. Я вспоминал лестницу и два разных события, происходивших одновременно. Выходило, что я заглянул в будущее, то есть увидел, как лестница будет падать. Но она не упала, так как граничники, зная, что произойдет, удержали ее и вернули на место. Из этого следовало, что граничники видят дальше во времени и предотвращают события, которые могут произойти.

Вот, значит, на чем основано везение Энди и наше невезение: граничники предвидели плохие события и предотвращали их. Но не всегда. Ведь папа врезал Энди, а им не удалось его уберечь, хотя они и пытались. Из этого я сделал вывод, что им тоже везет не всегда, и сразу как-то легче стало. И еще я подумал, что им достаточно увидеть, что нас ожидает удача, и они тут же перевернут все с ног на голову. Предположим, они живут немного в будущем, секунды на две вперед, и их отделяет от нас только разница во времени.

Меня озадачивал другой вопрос: почему я видел два момента одновременно? Ясное дело, ни Малыш, ни его родственники не наделены такой способностью, иначе рассказали бы о граничниках подробнее, ведь их изучали на планете Малыша многие годы, но, как я понял, так и не выяснили, как они действуют.

Возможно, папа Малыша, делая очки, отшлифовал линзы лучше, чем хотел. Он мог добавить им какие-то свойства или что-то еще с ними сделать, сам того не зная. А может быть, человеческое зрение отличается от их зрения, но, соединившись с их оптикой, получилось нечто неожиданное. Я постоянно думал об этом, но крутился на одном и том же месте.

Несколько дней я сидел дома, чтобы не встречаться с Малышом, поддерживая честь семьи, и поэтому не видел жуткого скандала между Чистюлей и Мохнатиком.

Дело в том, что Мохнатик не мог дальше смотреть, как Чистюля мучает несчастного кота, и решил проучить Чистюлю. Мохнатик поймал скунса, постриг и покрасил его так, что скунс ничем не отличался от кота. Потом забрался к Чистюле и незаметно поменял животных. Но скунс не хотел оставаться у Чистюли, потому что жил у Мохнатика, причем хотел как можно скорее вернуться домой. Поэтому дал деру. Как раз в этот момент Чистюля выглянул во двор и увидел, что скунс протискивается под калитку. Решив, что кот собирался от него сбежать, он поймал зверя, свернул в клубок и подбросил вверх, чтобы проучить. Скунс взлетел высоко в воздух, а приземлился прямо на голову Чистюли, который парил на высоте двух футов! Скунс, ничего не соображая от страха, вцепился в Чистюлю когтями и использовал весь свой арсенал защитных средств. Впервые в жизни Чистюля грохнулся о землю и испачкался, как другие ребята.

Я дал бы миллион долларов, чтобы это увидеть.

И только через неделю после того, как Чистюлю кое-как привели в порядок, рядом с ним снова можно было сидеть, не зажимая носа.

Папа Чистюли помчался выяснять отношения с папой Мохнатика, и они так классно поскандалили, что все хохотали неделю.

Таким вот образом остался я без приятелей. С Малышом мы еще не помирились, а чтобы играть с Чистюлей или Мохна-

тиком — я не был настолько глуп. Я знал, что их ссора еще не кончилась, и не стал вмешиваться, чтобы не занимать чьей-то стороны.

Признаться, было очень обидно; каникулы заканчивались, а тут и поиграть не с кем, и телебиовизора нет. Дни улетали один за другим, а я жалел каждую минуту.

В один прекрасный день приехал шериф.

Мы с папой работали во дворе и пытались наладить сноповязалку. Папа давно грозился купить новую, но после всех наших невезух покупать было не на что.

— Добрый день, Генри,— поздоровался шериф.

Папа кивнул в ответ.

— Слышал, у тебя недоразумения с соседями.

— Можно и так назвать,— ответил папа.— Просто я недавно дал одному из них в морду, вот и все.

— На его собственной ферме, так?

Папа оставил в покое сноповязалку и, сидя на корточках, посмотрел на шерифа.

— Это Энди пожаловался?

— Он заезжал ко мне и рассказал, что новая семья инопланетян наболтала тебе какую-то чушь о каких-то тварях, которые всем приносят беды и которых он якобы держит при себе.

— Надеюсь, ты выбил из его головы эту чушь?

— Я человек мирный,— сказал шериф,— и мне не доставляет удовольствия наблюдать, как соседи ссорятся. Я ответил ему, что для начала поговорю с тобой.

— Давай,— кивнул папа,— говори.

— Послушай, Генри, ты и сам знаешь, что вся эта болтовня о существах, приносящих беды,— ерунда. Меня удивляет другое: как ты мог на это клюнуть?

Папа медленно поднялся, лицо его перекосилось от злости, и я даже подумал, что он сейчас стукнет и шерифа. Честно говоря, я здорово испугался, потому что шерифов бить нельзя.

Я так и не узнал, что он собирался сделать, может, только пару слов сказать.

На своем старом грузовичке подкатил папа Мохнатика. Он хотел остановиться за машиной шерифа, но не рассчитал и врезался в нее так сильно, что та проехала юзом футов шесть.

Шериф бросился за калитку.

— Черт побери! — закричал он.— Тут у вас даже машину оставить опасно.

Мы оба побежали за ним. Я — потому что назревала драка, а папа — так мне показалось — чтобы в случае чего помочь папе Мохнатика. Но самое удивительное — папа Мохнатика, вместо того чтобы сидеть в кабине тихо и ждать шерифа, выскочил на дорогу и помчался навстречу нам.

— Мне сказали, что вас можно найти здесь,— выпалил он, тяжело дыша.

— Вот вы и нашли,— рявкнул шериф, чуть не лопаясь от злости.— А теперь...

— Мой мальчик пропал! — сообщил папа Мохнатика.— Он не пришел домой ночевать!

Шериф мигом успокоился, взял его за плечо и сказал:

— Не волнуйтесь, лучше подробно расскажите, что произошло.

— Он ушел из дома вчера рано утром и не вернулся к обеду. Мы не беспокоились — он часто исчезает на целый день, у него в лесу много друзей...

— И ночевать он тоже не пришел?

Папа Мохнатика кивнул:

— Когда стемнело, мы забеспокоились. Я отправился его искать, но безрезультатно. Он как в воду канул. Я решил, что он проведет ночь в лесу, надеялся, что он явится утром,— ничего подобного.

— Положитесь на меня,— сказал шериф.— Мы поднимем на ноги всю округу и организуем поиск. Мы найдем его, обязательно найдем! — Он повернулся ко мне: — Ты знаешь этого мальчика? Ты дружишь с ним?

— Конечно,— ответил я.

— Тогда проведи нас по всем местам, где вы играли. Для начала осмотрим их.

— Я обзвоню соседей, чтобы собрались здесь,— сказал папа и пошел к дому.

Не прошло и часа, как набежали человек сто. Шериф разделил их на группы, в каждой назначил старшего и дал задания, где искать.

Меня шериф взял в свою группу, и мы отправились в Черную Долину. Я показал им ящерицу, потом место, где мы на-

чали копать пещеру, и место на реке, где Мохнатик подружился с огромной форелью, и все остальные места. Мы обнаружили старые следы Мохнатика, и ни одного свежего, хотя прошли вверх по ручью до запруды, где он впадает в реку. Когда мы возвращались, уже стемнело, а я страшно устал.

Неожиданно мне в голову пришла ужасная мысль. Я старался ее отогнать, но так и не смог. Весь остаток пути я размышлял — может ли поместиться в воронку машины времени такой парень, как Мохнатик?

Мама накормила меня ужином и отправила спать, но потом зашла поцеловать, чего давно не делала. Она считает, что я уже достаточно взрослый, но сегодня вечером почему-то зашла.

Потом она спустилась вниз, а я лежал и прислушивался к голосам мужчин во дворе. Большинство еще продолжали поиски. Я понимал, что должен быть с ними, но вместе с тем знал, что мама не пустит, и в глубине души был рад. Я буквально падал с ног от усталости, а вечером в лесу к тому же страшно.

Наверное, в любую другую ночь я бы сразу заснул, но сейчас у меня перед глазами стояла воронка этой машины. Я пытался представить, что будет, когда кто-нибудь расскажет шерифу о ссоре между Чистюлей и Мохнатиком. А если ему уже рассказали, то шериф наверняка сейчас заглядывает в воронку, ведь не дурак же он.

Потом я подумал: а не рассказать ли мне все самому?

Наверное, я заснул, но когда проснулся, мне показалось, что я вообще не спал. Было еще темно, а сквозь окно лился пугающий красноватый свет. Я сел в кровати, и у меня волосы встали дыбом. В первое мгновение я решил, что горит наш сеновал или сарай, но потом сообразил, что пожар где-то дальше. Я вскочил и подбежал к окну. Горело что-то большое и совсем недалеко.

Похоже, что горело у Картеров, хотя я сразу смекнул, что это невозможно, потому как несчастье могло случиться с кем угодно, только не с Энди. Разве что он застрахован.

Я спустился по лестнице босиком и увидел, что мама стоит у открытой двери и смотрит на пожар.

— Что случилось, мама? — спросил я.

— Это сеновал Картеров. Они звонили соседям, просили помощи, но никого нет, все ищут Мохнатика.

Мы стояли и смотрели на пожар, пока он почти угас, и тогда мама снова отправила меня в постель.

Я залез под одеяло и стал переваривать новую порцию впечатлений. Я думал, что странно: месяцами ничего не происходит, а тут так сразу, да и с сеновалом Энди тоже не все чисто. Энди был самым удачливым человеком в округе, и вдруг без всякого предупреждения на него свалилось такое несчастье. Я спросил себя: а не покинули ли его граничники, и если да, то почему? Может, он просто надоел им?

Когда я снова проснулся, было ясное утро. Я быстро оделся и спустился узнать новости о Мохнатике.

Но мама ответила, что мужчины до сих пор его ищут. Она приготовила мне завтрак, заставила все съесть и запретила уходить далеко или присоединяться к группам, направляющимся в лес. Она сказала, что это опасно, потому что в лесу полно медведей. Мне стало смешно, ведь мама никогда не пугала меня медведями.

Но она взяла с меня честное слово. Пообещав ей, что далеко не уйду, я со всех ног помчался к Картерам посмотреть на остатки сеновала и с кем-нибудь поговорить. Собственно, оставался только Малыш.

У Картеров смотреть было не на что. Черные, обугленные головешки местами еще тлели. Я стоял на дороге, когда Энди вышел из дома. Он остановился и зыркнул на меня так, что я быстро смылся, как только мог.

Я проскочил мимо дома Чистюли, смотря себе под ноги, надеясь, что не встречу его. Мне не хотелось иметь с ним ничего общего, не то что разговаривать.

Я добежал до дома Малыша, и его мама сказала, что Малыш болен, но не заразно, и я могу зайти его навестить. Малыш лежал в постели и очень обрадовался моему приходу. Я спросил, как он себя чувствует, и он ответил, что уже лучше. Он заставил меня поклясться, что я не расскажу его маме, а потом прошептал мне на ухо, что объелся зеленых яблок из сада Картера.

О том, что случилось с Мохнатиком, он слышал, и я рассказал ему о своих подозрениях.

Малыш долго лежал и молчал, пока торжественно не заявил:

— Стив, я давно хотел тебе сказать: это не машина времени.

— Не машина времени? Откуда ты знаешь?

— Я видел предметы, которые папа Чистюли туда опускал. Они там так и лежат.

— Ты видел...— Тут до меня дошло.— Значит, они там же, где и граничники?

— Именно это я и хотел сказать,— заговорщически ответил Малыш.

Сидя на краю кровати, я пытался переварить его открытие, но вопросов в голове становилось все больше, столько, что разобраться в них я не мог.

— Малыш,— спросил я,— а где оно, то место? Ну, место, где находятся граничники?

— Не знаю. Где-то недалеко, совсем рядом. Почти в нашем мире, но не совсем.

И тут я вспомнил, что говорил папа две недели назад.

— Значит, их мир и наш разделены чем-то вроде стекла?

— Да вроде бы.

— А если Мохнатик там, что они с ним сделают?

— Не знаю,— вздрогнул Малыш.

— Как он себя там чувствует? Может ли он дышать?

— Наверное, может,— сказал Малыш.— Они ведь тоже дышат.

Я встал и пошел к двери, но на полпути остановился и спросил:

— Скажи, чем занимаются граничники, что им здесь нужно?

— Никто не знает точно. Говорят, что они вынуждены находиться рядом с другими живыми существами, чтобы жить самим. У них нет своей собственной жизни. И они ищут себе чужую жизнь, чтобы унаследовать ее, но и это не совсем так.

— Им нужен какой-то образец,— сказал я, вспомнив, что говорил папа Малыша.

— Можно и так сказать,— ответил Малыш.

Я подумал о том, какая скучная жизнь граничников, имеющих в качестве образца Энди Картера. Но возможно, я ошибался; ведь когда я их видел на крыше, они были счастливы, крутились себе на крыше, и каждый из них выглядел как Энди. Ну а как еще можно выглядеть, когда живешь рядом с ним?

Я направился к двери.

— Куда ты, Стив? — спросил Малыш.

— Искать Мохнатика.

— Я с тобой.

— Нет. Тебе надо лежать.

Я побежал домой, размышляя о том, что граничники не имеют собственной жизни, что им нужен образец, все равно какой.

Если встречается человек с хорошей и интересной жизнью, им везет. И человеку, которого они выбрали, везет во всем — ведь они хорошие помощники. Я подумал: скольким людям хорошо живется благодаря граничникам. И какой бы это был для них удар, если бы они вдруг узнали, что стали великими, богатыми или знаменитыми благодаря чужим усилиям и способностям, благодаря существам — граничникам.

Я пошел на кухню, к раковине.

— Это ты, Стив? — крикнула мама из комнаты.

— Да. Я хочу пить.

— Где ты был?

— Тут, недалеко.

— Только никуда не убегай,— еще раз предупредила мама.

— Нет, мам, не убегу.

Я влез на стул, достал очки, которые папа положил на полку, предупредив, чтобы я их больше не трогал, и сунул в карман.

Услышав мамины шаги, я тихо выскользнул за дверь. Очки я надел только возле изгороди Картеров. Я шел по дороге вдоль забора, внимательно всматриваясь, когда наконец заметил в закутке сада группу граничников. Они ссорились из-за чего-то, явно меня не замечая, пока я не подобрался совсем близко. Тогда они повернулись, и я сообразил, что они разговаривают меж собой, показывая на меня. У одного из них на голове, сдвинутый на лоб, был надет мой телебиовизор.

Значит, Малыш действительно видел предметы, которые папа Чистюли опускал в свою машину.

Поначалу граничники, кажется, не догадывались, что я их вижу, и стали спокойно приближаться. Я почувствовал, как волосы у меня встают дыбом. С большой охотой я бы повернулся и удрал. Но тут же вспомнил, что они не могут мне ничего сделать, и перестал их бояться.

Они видели, что я без оружия, а может, даже и не знали о ружье папы Малыша. Они вертелись вокруг меня, совсем как

стая ворон. Те тоже смело приближаются к безоружному, но держатся подальше от человека с ружьем в руках.

Я заметил, что граничники шевелят губами, показывая на мой телебиовизор. Но, конечно, не слышал ни слова. Я не обращал внимания на их жесты, рассматривал их и думал, что с ними случилось. Может, я встретил другую стайку, не ту, что на лугу у Энди, или они здорово изменились? Они еще напоминали Энди, но больше — кого-то другого, и очень знакомого.

Наконец я заметил, как многозначительно они показывают на мой телебиовизор, а потом на свои головы, и догадался, что каждый просит телебиовизор для себя. Я не знал, что им отвечать, но тут они расступились: кто-то сзади толкнул их, и... я оказался лицом к лицу с Мохнатиком. Мы стояли и смотрели друг на друга, не говоря ни слова и не шевелясь. А потом он шагнул вперед, и я шагнул вперед, так что едва не стукнулись носами. Я испугался, что сейчас пройду сквозь него. Интересно, что бы тогда случилось? Наверное, ничего особенного.

— Ну как ты? Все в порядке? — спросил я, надеясь, что даже если он не услышит, хоть прочитает по моим губам то, что я ему говорю, но он покачал головой. Спросил еще раз медленнее, выговаривая слова как можно четче. Но он вновь покачал головой. Мне пришла в голову другая идея. Я принялся выводить пальцем на невидимом стекле, которое нас разделяло.

ЧТО С ТОБОЙ? Я писал медленно, потому что ему приходилось читать задом наперед. Он не понял, я написал еще раз, и тут-то он сообразил, в чем дело.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ,— ответил он и медленно дописал: ЗАБЕРИ МЕНЯ ОТСЮДА!

Я стоял и смотрел на него, и это было ужасно, потому что он находился там, а я не знал, как его оттуда вытащить. Видимо, он прочитал мои мысли, потому что подбородок у него затрясся, и я впервые увидел Мохнатика плачущим. А ведь он не плакал даже при раскопках ящерицы, когда тяжелый камень упал ему на ногу.

Я догадался, как это, должно быть, страшно: сидеть там и все видеть, но самому оставаться невидимым. Может, он даже вертелся среди тех, кто его искал, в надежде, что его случай-

но заметят. Или, еще хуже, шел рядом со своим папой, а папа даже не догадывался. Наверное, он ходил домой и смотрел на свою семью, что было просто ужасно, ведь они не знали о его присутствии. И уж, надо думать, он искал Малыша, который мог его увидеть, но Малыш лежал дома больной.

У меня вдруг появилась одна идея. Сначала я подумал, что ничего из нее не выйдет, но чем дальше я вдумывался, тем хитроумнее мне казался мой план.

Я написал Мохнатику: ВСТРЕТИМСЯ У ЧИСТЮЛИ.

Сунул очки в карман и помчался домой. Я пробрался в дом через сад, боясь, что мама меня заметит и больше уже не отпустит. Потом пролез в сарай, достал длинную веревку и, отыскав ножовку по металлу, вынул полотно. Все это я захватил с собой, направившись к Чистюле. Их сарай стоял за сеновалом, так что из дома меня не видели, а впрочем, дома никого и не было. Я знал, что папа Чистюли, а может, и сам Чистюля ищут Мохнатика вместе со всеми, ведь они могут подняться в воздух над местами, куда никому не забраться.

Положив на землю веревку и пилку, я надел очки и у самых дверей сарая увидел Мохнатика. С ним было несколько граничников, в том числе и тот, с моим телебиовизором на голове. А вокруг сарая, как предполагал Малыш, валялись тарелки, кружки, деревяшки и много всякого другого хлама, который папа Чистюли опускал в машину времени.

Я еще раз посмотрел на граничников и понял, что в них изменилось: они напоминали Мохнатика. Поэтому-то и сгорел сеновал Картеров: граничники теперь следовали за Мохнатиком и перестали защищать Энди. Ясное дело, им интереснее с настоящим живым существом, который среди них, чем с неуклюжим Энди, на которого приходится смотреть через стекло.

Я снял очки, сунул в карман и принялся за работу. Перепилить дужку замка оказалось не очень легко. Сталь была дьявольски твердая, а пилка тупая. Я боялся, что она сломается, прежде чем я закончу, и злился на себя за то, что не взял хотя бы пару запасных.

Я страшно шумел, потому что забыл захватить масло, но меня никто не засек.

Перепилив, я открыл дверь и вошел в сарай, где стояла машина времени. Я спрятал веревку и подошел к пульту, чтобы

разобраться, и легко включил машину. В воронке забулькала белая пена. Я достал веревку, надел очки и страшно испугался. Сарай стоял на небольшом склоне, пол приподнимался на три-четыре фута над землей, поэтому мне показалось, что я вишу в воздухе.

У меня возникло такое ощущение, что я вот-вот упаду. Конечно, я знал, что мне ничего не грозит,— ведь я стоял на невидимом, но настоящем полу. Знать-то я знал, но меня не покидало неприятное, похожее на сон ощущение, что сейчас я шлепнусь.

И что самое ужасное, подо мной стоял Мохнатик — его голова находилась на уровне моих ботинок. Он очень хотел выбраться и знаками показывал мне, чтобы я поскорее вытащил его.

Я очень осторожно опустил веревку в воронку и сразу почувствовал, как ее тянет и всасывает в себя белый водоворот. Я посмотрел вниз и увидел, что веревка свисает над местом, где стоит Мохнатик. Он подпрыгнул, схватился за нее, и я сразу почувствовал его немалый вес.

Мохнатик был примерно моего роста, может, чуть пониже, и я прикинул, что тянуть мне придется его изо всех сил. Я намотал веревку на руку, чтобы она не выскользнула, и потянул, но веревка даже с места не двинулась, будто ее привязали к дому. Я присел и пригляделся к подставке машины Удивительно, но веревка доходила до самого конца горловины воронки, потом прерывалась на фут или два и снова продолжалась. За этот нижний ее кусок и держался Мохнатик. Выглядело это очень странно, ведь веревка должна опускаться в мир границников одной непрерывной линией, но она по пути куда-то сворачивала.

Вот почему я не мог его вытащить. Вот почему можно бросить в машину времени любой предмет, но обратно достать уже нельзя.

Я смотрел на Мохнатика, а он на меня. Вид у него был настолько жалкий, что до меня дошло: он все видит и все понимает.

И тут заскрипела дверь сарая. Я вскочил, не выпуская веревки из рук. В дверях стоял папа Чистюли. Он был очень сердит, что меня не удивило.

— Стив,— сказал он, с трудом сдерживаясь.— Я, кажется, говорил тебе, чтобы ты сюда не входил

— Да,— воскликнул я,— но там Мохнатик.

— Мохнатик?! — переспросил он, а потом понизил голос: — Ты, кажется, не соображаешь, что говоришь! Каким образом он мог туда попасть?

— Не знаю,— ответил я, хотя знал и мог бы ему рассказать, только очень растерялся

— На тебе очки, которые сделал папа Малыша? Ты видишь Мохнатика?

— Вижу,— кивнул я,— как на ладони.

И отпустил веревку, чтобы снять очки. Веревка молниеносно ускользнула в воронку.

— Стив,— сказал папа Чистюли,— скажи, пожалуйста, правду: ты не выдумываешь? Не шутишь?

Он страшно побледнел, и я знал, о чем он думает· если Мохнатик угодил в машину, то виноват прежде всего он.

— Чтоб мне провалиться,— ответил я.

Видимо, этой клятвы оказалось достаточно, так как он выключил машину и вышел. Я за ним.

— Подожди меня здесь,— сказал он.— Я сейчас вернусь.

Он стремительно взмыл над лесом, и я тут же потерял его из виду

Я сел, опершись спиной о стену сарая, и настроение у меня было ужасное. Я знал, что должен надеть очки, но специально не вынимал их из кармана, потому что не представлял себе, как посмотрю Мохнатику в глаза.

Я боялся, что все потеряно; ни я, ни кто другой на свете не спасет Мохнатика Он пропал для нас навсегда. И даже хуже, чем пропал.

Сидя так, я выдумывал разные страшные наказания, которые обязательно применю к Чистюле. Я не сомневался, что это он, открыв сарай, скрутил Мохнатика, словно кота, и бросил в воронку машины.

Его разозлила история со скунсом, перекрашенным в кота, я, как только узнал о ней, не сомневался, что он не отстанет от Мохнатика, пока не сведет с ним счеты.

Пока размышлял, появился папа Чистюли, а с ним запыхавшийся Чистюля, шериф, папа Малыша и другие сосе-

ди. Шериф подошел ко мне, схватил за плечо и сильно встряхнул.

— Что означает весь этот бред? — рявкнул он.— Предупреждаю, парень: эта история для тебя плохо кончится, если окажется, что ты над нами смеешься.

Я попытался вырваться, но он меня не отпускал. Тогда к нему подошел мой папа и толкнул в грудь, так что шериф отлетел в сторону.

— Не трогай мальчика,— спокойно сказал папа.

— Но ты, кажется, сам не веришь в эту галиматью? — выпалил шериф.

— Представь себе, сейчас верю каждому слову. Мой сын не станет врать!

Бывает, папа ругается, а то и ремень возьмет да всыплет как следует, но в критической ситуации на его помощь можно рассчитывать.

— Должен тебе напомнить, Генри,— сказал шериф,— про твою стычку с Энди Картером. Едва удалось убедить его не передавать дело в суд.

— Энди Картер...— сказал папа значительно спокойнее, чем можно было ожидать.— Этот тип, что живет недалеко от нас. Кто-нибудь видел его в последнее время?

Он оглянулся по сторонам, но все молчали.

— В последний раз я говорил с Энди по телефону,— сказал папа,— когда просил его помочь нам. Он ответил, что у него работы невпроворот, чтобы еще заниматься поисками пропавшего щенка какого-то там инопланетянина. И добавил, что им же лучше будет, если они отправятся ко всем чертям.

Папа посмотрел на собравшихся, но ему никто не возразил. Думаю, с папиной стороны было не очень вежливо говорить такие вещи в присутствии папы Мохнатика и папы Малыша, и других инопланетян. Но, святая правда, Энди говорил все это вслух, и только папа имел смелость пересказать им прямо в глаза.

Тут кто-то начал говорить, а вернее, все сразу, так что я не разобрал, чей это был голос.

— А я вам говорю, ребята, что по справедливости все вышло с сеновалом Картера.

Шериф нахмурился:

— Если узнаю, что кто-то из вас в этом замешан, то я...

— Ничего ты не сделаешь,— сказал папа и повернулся ко мне.— Стив, что ты хотел рассказать? Обещаю, что все тебя выслушают и никто не станет перебивать.

Сказав это, он внимательно посмотрел на шерифа.

— Минуточку,— попросил папа Малыша,— я хочу подчеркнуть одну важную деталь. Я знаю, что этот мальчик видит граничников, ведь я сам сделал ему специальные очки. И может быть, это нескромно с моей стороны, но я хочу заверить вас, что я квалифицированный оптик.

— Спасибо,— сказал папа.— Ну а теперь, Стив, говори.

Но едва я успел рот открыть, из-за сеновала появился Малыш со своим ружьем. Во всяком случае, я не сомневался, что это за ружье, хотя оно не было похоже на обычное охотничье. Обычная палка, блестевшая на солнце множеством призм и зеркалец, установленных под разными углами.

— Папа! — крикнул он.— Я узнал, что произошло, поэтому пришел с ружьем. Надеюсь, не опоздал.

Он подбежал к своему папе, который взял у него ружье и поднял так, чтобы все видели.

— Спасибо, сынок,— сказал он.— Но ружье нам не понадобится. Сегодня мы не будем стрелять.

И тут Малыш закричал:

— Он там, папа! Там Мохнатик!

Не знаю, все ли поверили, что он увидел Мохнатика. Многие наверняка сомневались, но стояли тихо, потому что не хотели спорить с моим папой. Конечно, Малыш увидел его без этих дурацких очков, но он инопланетянин, а от инопланетян всего можно ожидать.

— Ну хорошо,— согласился шериф,— может, он и там. Но что нам в данной ситуации удастся сделать?

— Кажется, немногое,— сказал мой папа,— но там его оставлять нельзя.— Он посмотрел на папу Мохнатика.— Вы не беспокойтесь. Что-нибудь придумаем.

Но я отлично понял, почему он говорит так уверенно: чтобы папа Мохнатика не думал, что мы признали свое поражение. Что касается меня, то я полностью потерял надежду. Если нельзя вытащить его тем же путем, каким он туда попал, то иного способа я не видел. Ведь в мир граничников не было двери.

— Джентльмены,— воскликнул папа Малыша,— у меня есть идея.

Мы все повернулись к нему.

— Это ружье,— сказал он,— служит для уничтожения граничников. Оно приподнимает завесу между двумя мирами, чтобы пропустить заряд. Его можно переделать, и мне кажется...

— Мы не станем стрелять в мальчика,— сказал шериф,— даже если решили освободить его оттуда.

— Я не собираюсь в него стрелять,— объяснил папа Малыша.— В ружье не будет патрона, мы попробуем использовать его только для того, чтобы пробить завесу, разделяющую два мира. А я постараюсь настроить ружье так, чтобы дыра получилась как можно шире.

Он сел на землю и стал возиться с ружьем, переставляя призмы и поворачивая зеркальца.

— Есть одна существенная деталь,— сказал он.— Дыра существует только одно мгновение. Парень должен приготовиться, чтобы не прозевать и прыгнуть сразу же, как появится отверстие.

Он повернулся ко мне.

— Стив, ты не можешь ему объяснить?

— Объяснить?

— Сказать ему. Знаками, или губами, или еще как?

— Конечно могу.

— Тогда начинай.

Я надел очки, оглянулся и увидел Мохнатика. Прошло много времени, прежде чем он понял, что от него требуется. Нам мешали граничники, которые все время кружили рядом и показывали то на мой телебиовизор, то на свои головы.

Минут через двадцать я сказал папе Мохнатика, что мы готовы. Папа протянул Малышу ружье. Все расступились, остался только Малыш с ружьем и я позади него. А там, в другом мире, стоял Мохнатик, окруженный дурацкими граничниками, которые, судя по всему, не были знакомы с ружьем инопланетян, иначе бы они разбежались. Мохнатик побледнел, будто его поставили к стенке и собрались расстрелять.

Краем глаза я заметил Чистюлю, который как раз отплывал в сторону...

Но тут все призмы и зеркальца на ружье Малыша задвигались. Вероятно, он нажал на спуск. А затем нас ослепила яркая вспышка.

На мгновение прямо напротив нас, в воздухе, открылась удивительная дыра с рваными краями. И я увидел, как Мохнатик, одновременно с ее появлением, прыгает сквозь нее.

И снова Мохнатик был среди нас — он как раз пытался удержаться на ногах после этого прыжка,— но не один. Он выдернул за собой одного из граничников, крепко держа его за руку, очевидно, вытащив силой, потому что физиономия у граничника была не слишком довольной. Я сразу понял, что это тот самый, с моим телебиовизором на голове.

Мохнатик подтолкнул граничника в мою сторону и сказал:

— Только так я мог вернуть тебе телебиовизор.

Он отпустил руку граничника, а я быстро схватил его за другую и с удивлением обнаружил, что она вполне осязаема. Я бы не удивился, если б моя рука прошла сквозь нее насквозь, потому что граничник все еще выглядел туманным и бестелесным, хотя вроде загустел немного. Папа подошел ко мне и сказал:

— Осторожно, Стив!

— Ничего страшного. Он даже не пытается убежать.

В этот момент раздался крик, я обернулся: несколько граничников уцепились за края дыры в свой мир, удерживая их так, чтобы они не сомкнулись, а остальные лезли сквозь дыру, толкаясь и ссорясь; мне показалось, что их стало больше, чем я предполагал.

Мы стояли и смотрели, пока они не влезли все. Никто не пошевелился, да и что мы могли сделать? И они тоже стояли и смотрели на нас, сбившись в кучу.

Шериф, сдвинув шляпу на самый затылок, подошел к папе, и я увидел, что он обалдел окончательно, но его ошарашенный вид доставлял мне удовольствие, ведь он все еще отказывался верить в граничников. Не знаю, может, он еще надеялся, что это очередные фокусы инопланетян? Только, по-моему, не надо излишне-то и голову напрягать, чтобы понять, что у них про запас осталось много удивительного кроме этого.

— Как получилось,— подозрительно спросил он,— что у одного из них на голове телебиовизор?

Я объяснил ему, а он в ответ лишь глазами заморгал, но сказать ничего не смог.

И тут все заговорили одновременно, но папа Чистюли, поднявшись над нашими головами, сделал знак рукой, призывая к тишине:

— Минуточку! Прежде чем мы займемся решением серьезных вопросов, я хотел бы сказать вот что. Зная историю со скунсом, вы правильно считаете, что наша семья в значительной степени несет ответственность за происшедшее.

В устах человека это звучало бы глупо и высокопарно, но папе Чистюли как-то сошло.

— Поэтому,— сообщил он,— должен вас проинформировать, что виновник — мой сын — в течение ближайших тридцати дней будет ходить по земле. Ему нельзя будет подняться даже на дюйм в воздух. Если это наказание окажется недостаточным...

— Хватит,— прервал его папа,— парень должен получить по заслугам, но нельзя над ним издеваться.

— Простите,— начал папа Мохнатика,— если это не столь необходимо...

— Я не изменю своего решения,— ответил папа Чистюли.— Я просто не вижу другого способа.

— Может быть,— крикнул шериф,— кто-нибудь мне наконец объяснит, что все это значит?

— Слушай, шериф,— обратился к нему папа,— понимаешь ты или нет — сейчас это не важно, а объяснять тебе — слишком долго. У нас есть более существенные дела.— Он слегка повернулся, чтобы стать лицом к собравшимся.— Ну, так что будем делать? У нас гости. А раз эти создания приносят счастье, мы должны к ним относиться самым лучшим образом.

— Папа,— я потянул его за рукав,— я знаю, как можно привлечь их на нашу сторону. Каждый из них хочет иметь свой собственный телебиовизор.

— Это правда,— сказал Мохнатик,— все время, пока я там был, они приставали ко мне с вопросами, как и где достать телебиовизор. И все время ссорились из-за того, кто следующий будет пользоваться телебиовизором Стива.

— Вы хотите сказать, что эти существа умеют говорить? — спросил шериф слабым голосом.

— Конечно умеют,— ответил Мохнатик.— Там, в своем мире, они способны на такое, о чем мы даже не могли догадываться!

— Если так,— с удовлетворением сказал папа,— то это не слишком высокая цена за удачу, которую они нам принесут. Сбросимся и купим нужное количество телебиовизоров. Может, удастся со скидкой...

— Но если мы дадим их граничникам,— перебил его папа Малыша,— то нам от них не будет никакой пользы. Мы перестанем быть им нужны. Свои образцы они начнут черпать из телебиовизоров.

— Что ж,— сказал папа,— если так, то мы по крайней мере от них избавимся. Они перестанут преследовать нас несчастьями.

— Как ни крути, ничего хорошего из этой затеи не выйдет,— заявил папа Малыша, который явно недолюбливал граничников.— Они живут стаями. Всегда так было. И они никогда не помогали всем, только одному человеку или, в лучшем случае, одной семье. Нам не удастся поделить их так, чтобы они всем приносили пользу.

— Если послушаете меня чуток, мужики,— объявился граничник с моим телебиовизором на голове,— то я вам все растолкую.

Должен сказать, что его голос вызвал у нас шок. Трудно было представить, что они вообще умеют говорить. А тут еще таким языком и таким голосом. Вылитый Энди Картер! Он тоже — либо просто ругался, либо выражался с грубоватой язвительностью. И этот граничник, который столько лет жил по его образцу, просто не умел говорить иначе.

Мы стояли, уставившись на граничников, а они так усиленно кивали головами, что едва не сломали себе шеи.

Первым опомнился папа.

— Валяй,— сказал он граничнику.— Мы тебя слушаем.

— Мы будем с вами якшаться, только чтобы все по-честному. Мы будем вас оберегать от несчастий и другой фигни, но за это вы дадите нам телебиовизоры — только без трепа, ясно? И на вашем месте я не стал бы хитрить.

— Звучит вполне разумно,— сказал папа.— Ты имеешь в виду нас всех?

— Как есть всех,— ответил граничник.

— Значит, вы разделяетесь? На каждого из нас будет приходиться по крайней мере один из вас? И вы больше не будете жить группами?

— Я думаю,— вмешался папа Чистюли,— мы можем на них положиться. Я понял, что хотело сказать это существо. Почти та же история, что и с родом человеческим на Земле.

— А что такое случилось с родом человеческим на Земле? — с легким удивлением спросил папа.

— Исчезла потребность групповой жизни. Когда-то люди были вынуждены жить семьями или племенами. А потом появились патефон, радио, телевидение — исчезла потребность в общении. У каждого человека есть уйма развлечений дома. Ему не надо даже выходить из своей комнаты, чтобы увидеть мир. Поэтому зрелища и развлечения массового характера постепенно вымерли.

— Вы думаете, что то же самое произойдет с граничниками, когда мы снабдим их телебиовизорами?

— Наверняка,— ответил папа Чистюли,— мы устроим им, как я сказал, индивидуальное развлечение. И, таким образом, у них исчезнет потребность в групповой жизни.

— Клево сказано, приятель! — с энтузиазмом воскликнул граничник.

Остальные согласно закивали головами.

— Но это ничего не даст! — крикнул папа Малыша, разозлившись не на шутку.— Ведь они теперь в нашем мире, и неизвестно, смогут ли они здесь что-нибудь для нас сделать.

— Заткнись, пожалуйста,— сказал граничник.— Конечно, здесь мы ничего не сможем для вас сделать. В вашем мире мы не можем заглядывать вперед. А чтобы мы были вам полезны, это необходимо.

— Значит, как только мы дадим вам телебиовизоры, вы вернетесь к себе? — спросил папа.

— Еще бы! Там наш дом, и попробуйте только нас туда не пустить!

— Мы не станем вам мешать,— ответил папа.— Наоборот, даже поможем вернуться туда. Дадим вам телебиовизоры, а вы возвращайтесь и беритесь за дело.

— Мы будем работать честно,— заверил граничник,— но нам нужно время зырить телебиовизоры. Идет?

— Ладно,— согласился папа.

Я выбрался из толпы. Все как-то устроилось, а я уже был сыт по горло. Хватит с меня всяких историй.

Возле сеновала я увидел Чистюлю, медленно бредущего по земле. Он шел с большим трудом, но мне почему-то ничуть не было его жалко. Сам виноват.

На мгновение мне подумалось: а не подойти ли к нему и не наподдать ли за тот раз, когда он вывалял меня в грязи? Но потом я сообразил, что с моей стороны это означало — бить лежачего, ведь он и так наказан собственным папой на тридцать дней.

Когда Старый Мозе Абрамс бродил по лесу, разыскивая коров, он нашел пришельца. Мозе не знал, что это пришелец, но перед ним было живое страдающее существо, а Старый Мозе, несмотря на все россказни соседей, был не из тех, кто может покинуть в лесу раненого.

На вид это было ужасное созданье — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов: оно воняло.

Оно заползло, вернее, пыталось заползти, в заросли орешника, но у него ничего не получилось; верхняя часть его тела находилась в кустах, а обнаженное туловище лежало на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело; оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь как одинокий ветер, тоскливо воющий под широким карнизом. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, в нем звучали такое отчаяние и страх, что у Старого Мозе на голове волосы встали дыбом.

Старый Мозе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то время набирался храбрости, между тем как большинство людей, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Впрочем, в подобной ситуации одной только заурядной храбрости было недостаточно. Тут нужна была храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало дикое раненое существо, и он не мог его там оставить, поэтому Мозе приблизился к нему, опустился рядом с ним на колени, и хотя на существо было тяжко

смотреть, в его отталкивающем безобразии таилось какое-то неизъяснимое обаяние — словно оно притягивало к себе именно потому, что было настолько отвратительно. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Мозе не был неженкой. В округе он отнюдь не славился своей привередливостью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Раз в год, если у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, но остальное время уже ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, окажись на его месте кто-либо другой. Но зато Мозе смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, собравшись с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Мозе словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под раненого руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались, точно черви в консервной банке. И тут-то Мозе чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Но он выдержал.

Он сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось, что жалобный вой издают черви, ему стало еще страшнее.

Мозе был упрям. Только упрямый человек мог тащить на себе такую жалкую ферму. Упрямый и ко многому равнодушный. Но, конечно, не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял его на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что существо весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Мозе.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке наверх, к дому, и ему показалось, что запах стал слабее. Страх его почти прошел, холод больше не сковывал его тело.

Потому что существо теперь несколько успокоилось и выло значительно тише. И хотя Мозе не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок, когда тот берет его на руки.

Старый Мозе вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке, или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался он недолго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь, пока не вспыхнуло пламя.

Тогда он придвинул к кровати стул и принялся внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и казалось гораздо спокойнее, чем в лесу. Он с такой нежностью подоткнул его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, какие из его припасов годились бы существу в пищу, впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы он смог покормить существо, ведь у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться,— сказал он.— Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хоть я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он давеча искал, вернулись домой сами.

— Мне нужно подоить коров и еще кое-что поделать по хозяйству,— сказал он существу, лежавшему на кровати.— Но это недолго. Я скоро вернусь.

Старый Мозе подбросил в плиту дров, чтобы в кухне было тепло, еще раз заботливо подоткнул одеяло, взял ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадей и подоил коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак воды.

Потом он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Мозе зажег стоявшую на столе керосиновую лампу, потому что он был против электричества. Он отказался дать свою подпись, когда Периферийная Электрическая Компания проводила здесь линию, и многие соседи обиделись на него за то, что он откололся. Это его, понятно, нисколько не тронуло.

Он взглянул на лежавшее в постели существо. Судя по виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоянии. Будь это больной ягненок или теленок, Мозе сразу смекнул бы, хуже ему или лучше, но это существо было совсем иным. Тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и опять задумался над тем, как бы покормить существо и как ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но это ли было нужно подобному существу или следовало сделать для него что-то другое? Он не знал.

Мозе было подумал, не обратиться ли к кому-нибудь за помощью, но от одной мысли, что придется просить о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться, ему стало тошно. Потом он представил себе, каково было бы ему самому, если бы, измученный и больной, он очутился в неведомом далеком краю и никто не мог бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направился к телефону. Но кого ему следует вызвать, доктора или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что существо находилось в доме Если бы оно лежало в сарае, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимость никуда не годилась, а поскольку к тому же сам Мозе был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и десятки раз грозился выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Мозе все-таки

удалось объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Мозе повесил трубку и постоял немного просто так, ничего не делая, как вдруг его поразила мысль, что в лесу могут быть другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что они могут здесь делать, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чужестранцем, прибывшим из очень далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Мозе это не имело никакого значения, потому что он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. Сейчас здесь было жутко, но одного ночного леса было мало, чтобы испугать Старого Мозе. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел то место, где нашел существо, но там никого не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто вроде огромной птичьей клетки, сплетенной из металлических прутьев, которая запуталась в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она так прочно застряла в ветвях, что не сдвинулась с места.

Он огляделся вокруг, чтобы понять, откуда она попала сюда.

Ему удалось увидеть наверху сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а за ними в вышине холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Мозе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился этому, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он сознавал, как мало у него было шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Он пошел назад к дому, и едва он успел задуть фонарь и повесить его на место, как послышался шум подъезжающей машины.

Когда доктор подошел к двери, он несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Мозе.

— Вы что-то не похожи на больного,— сварливо произнес он.— Пожалуй, не так уж вы больны, чтобы нужно было тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен,— сказал Мозе.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел,— ответил Мозе.— Надеюсь, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел, и Мозе закрыл за ним дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем худо, но теперь я уже немного привык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Мозе услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, замер на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся к Мозе, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

— Мозе,— взвизгнул он,— что это такое?

— Сам не знаю,— сказал Мозе.— Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не смог его там оставить.

— Вы считаете, что оно болеет?

— Я знаю это,— сказал Мозе.— Ему немедля нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой, чтобы получше рассмотреть его. Он оглядел существо со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и издал языком тот таинственный щелкающий звук, который умеют делать одни лишь доктора.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Мозе,— произнес он,— я ничего не могу для него сделать.

— Но ведь вы же доктор!

— Я лечу людей, Мозе. Мне не известно, что это за существо, но это не человек. Я даже приблизительно не могу опре-

делить, что с ним, если вообще у него что-нибудь не в порядке. А если бы мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. Я даже не уверен, что это животное. Многое в нем говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Мозе, где он нашел существо, и Мозе рассказал, как все это произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку, потому что сама мысль о ней казалась настолько фантастической, что у него просто язык не повернулся рассказать о ней. Достаточно того, что он вообще нашел это существо и принес его в дом, так что незачем было совать сюда еще и клетку.

— Вот что я вам скажу,— произнес доктор.— Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с ним. Они непременно захотят его исследовать.

Мозе подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно подшучивая над его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Но Мозе с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное,— заявлял он.— Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

Вопреки опасениям Мозе, судя по всему, доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Мозе пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу,— никого, кто знал бы хоть какое-нибудь средство.

Он сидел и слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают в плите дрова.

Он смотрел на лежавшее в постели существо, и в нем внезапно вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздо-

ровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка так покорежена, ему волей-неволей придется остаться. И Мозе надеялся, что так оно и будет, ведь уже теперь в доме не чувствовалось прежнего одиночества.

Сидя на стуле между плитой и кроватью, Мозе вдруг понял, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоусер, было еще не так плохо. Он попробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоусера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Он, конечно, мог бы взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли; она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Мозе больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху набитого монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провел, Мозе хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось пронюхать об этом. Сам-то он им никогда не скажет. Если уж им суждено узнать, как-нибудь обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле, с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя скрещенными руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предрассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

Его смерть не вызывала сомнений. Существо похолодело и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начала засыхать — как с концом роста засыхает под ветром в поле стебель кукурузы.

Мозе прикрыл его одеялом, и хотя было еще рано начинать обычную работу по ферме, он вышел и сделал все, что нужно, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил во-

лосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, городского клерка, который был одновременно секретарем кладбищенской ассоциации.

— Эб,— сказал Мозе,— я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас же есть участок,— запротестовал Эб.

— Так то семейный участок,— возразил Мозе.— Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу,— сказал Мозе.— Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо бы сообщить об этом следователю или шерифу,— предостерег Эб.

— Все в свое время,— сказал Мозе, и не думая этого делать.— Так как же насчет участка?

И, сняв с себя всю ответственность за эту историю, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Мозе отправился в похоронное бюро Алюберта Джонса.

— Эл,— сказал он,— мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Эл, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет, у меня нет его.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным как рак.

Наконец он раздраженно хлопнул трубкой и повернулся к Мозе.

— Мне не известно, что вы там пытаетесь провернуть,— злобно набросился он на Мозе,— но док говорит, что этот ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, или собак, или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Для того чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен человек. Кстати, не вздумайте закопать его на кладбище, это незаконно.

Сильно упав духом, Мозе вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Мозе присел на стул, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Пастор,— произнес он,— я хочу рассказать вам все как было, с начала до конца.— И он рассказал.— Я не знаю, что это за существо,— добавил он.— Сдается мне, что этого не знает никто. Но оно скончалось, и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище, и придется, видно, подыскать для него местечко на ферме. Вот я и думаю, не согласились бы вы приехать, чтобы сказать пару слов над могилой.

Пастор погрузился в глубокое размышление.

— Мне очень жаль, Мозе,— произнес наконец он.— Думаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что Церковь одобрит подобный поступок.

— Пусть это не человеческое существо,— сказал Старый Мозе,— но ведь оно тоже тварь Божья.

Пастор еще немного подумал и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что не может этого сделать.

Мозе спустился по улице к тому месту, где он оставил свою машину, и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски он уже употребил на починку свинарника.

Мозе вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба он хотел использовать вместо савана, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но зато выкопал белую льняную скатерть. Он решил, что сойдет и это, и отнес ее на кухню.

Он откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым, ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что оно могло бы оставить после себя на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на нее. И в этот момент он заметил на его теле карман — если это было карманом,— нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть его грудью. Он провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть побольше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или из какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы получше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как само тело существа.

Он покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, где нашел его, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его в сад и опустил в яму. Торжественно став в головах у могилы, он произнес несколько приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь поналезут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и искать могилу, в которой он похоронил найденное в лесу существо. И чтобы скрыть место, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. А может, это и к лучшему, сказал он себе. Что смог бы он написать или вырезать на кресте?

К этому времени уже перевалило за полдень, и он проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому что еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и она вытащила ее оттуда наилучшим образом. Потом он погрузил клетку на телегу, привез на холм, затащил в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля, и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз тогда, когда он уже кончал пахать, подкатила машина, и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волынку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал,— сказал он,— что вы нашли кое-что в лесу.

— Так оно и есть,— согласился Мозе.

— Говорят, будто бы это существо умерло в вашем доме.

— Шериф, вы не ослышались.

— Мозе, мне хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Мозе,— сказал шериф,— мне не хочется причинять вам неприятности, но вы нарушили закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, когда им вдруг вздумается умереть в вашем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул.

— Он сказал, что ничего подобного никогда раньше не видел. Что это был не человек.

— Ну тогда,— произнес Мозе,— мне кажется, что вам тут делать нечего. Если это был не человек, то не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь никто пока что не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

— Никто. Пожалуй, это и так. А где это вы изучали законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. Я вообще никогда ничего не изучал. Я просто здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университетов — будто они могут захотеть взглянуть на него.

— Вот что, шериф,— сказал Мозе.— Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что

это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. У живого, у него было свое достоинство, а умерев, оно потребовало к себе какого-то уважения. Когда все вы отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Мозе,— произнес шериф,— пусть будет по-вашему.

Он повернулся и прошествовал обратно к машине. Стоя около запряженной в плуг старой Бесс, Мозе смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф повел машину на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку рассердился.

Когда Мозе убрал на место плуг и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйственными делами, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Мозе до конца борозды, завел разговор. Этот репортер не очень-то понравился Старому Мозе. Слишком уж нахально он вел себя и задавал какие-то дурацкие вопросы. Поэтому Мозе прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней появился какой-то человек из университета и показал Мозе статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. Статья высмеивала Мозе.

— Я очень сожалею,— сказал профессор.— Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу то, что они пишут.

— А мне все равно,— сказал Мозе.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Мозе только покачал головой.

— Оно покоится в мире,— сказал он.— Я не потревожу его.

И человек, негодуя, впрочем, вполне сохраняя достоинство, удалился.

В течение нескольких дней мимо проезжали какие-то люди, любопытные бездельники заглядывали на ферму, появился и кое-кто из соседей, которых Мозе не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, так что

вскоре они оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он было снова подумал, не взять ли ему собаку, но, вспомнив Тоусера, так и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень странно, и первым побуждением Мозе было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтересовало его. Он никогда ничего похожего не видел и решил дать ему хотя бы немного подрасти и посмотреть, что это такое. Это было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Приезжал еще один посетитель, самый из них чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Мозе с найденным им в лесу существом, и, по всей видимости, был ужасно разочарован, когда Мозе ответил отрицательно. Затем он спросил, не нашел ли, часом, Мозе аппарат, в котором существо могло путешествовать, и в ответ на это Мозе солгал. Видя, в каком тот находится исступлении, Мозе испугался, что ему может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет клетку, спрятанную в дальнем углу гаража возле горна. Но вместо этого незнакомец пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Мозе пошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Мозе не поверил своим глазам, разглядев однажды, какие оно принимает очертания, и простаивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с расте-

нием, вечерами смотрел на него, и хотя он даже самому себе не осмеливался признаться, в глубине души он сознавал, что это было такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но уже не больное и жалобно стонущее, уже не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но все же оно было не совсем таким, как прежде. Мозе стоял, всматриваясь в существо, и видел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей, либо между отцом и сыном, либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро,— сказал Мозе, не чувствуя ничего необычного в том, что заговорил с ним.— Я рад, что ты вернулся.

Стоявшее во дворе существо не ответило ему. Но это не имело никакого значения: Мозе и не ждал, что оно отзовется. Значение имело только то, что ему теперь было с кем разговаривать.

— Я ухожу, мне нужно сделать кое-какую работу по хозяйству,— сказал Мозе.— Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Мозе беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не могло воспользоваться стулом, так как его тело не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Мозе, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он решил, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Мозе, видимо, не стоит особенно беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот внешний покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда Мозе отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее тщательно осматривать. Потом оно повернулось к Мозе и словно бы сделало умоляющий жест.

Мозе подошел к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, тоже схватило ко-

нечностями этот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» вряд ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Мозе никак не мог уразуметь, что ему нужно. Потом существо легло на пол и показало ему, как прутья клетки прикреплялись к ее основанию.

Хотя Мозе через некоторое время и сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было объяснить, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенное количество силы под нужным углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединялся от клетки, хотя, видит бог, ничем нельзя было объяснить, почему это так получается.

Мозе развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать огонь мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо встало между ним и горном и не подпустило его к огню. Тогда Мозе понял, что ему нельзя было — или не полагалось — нагревать прут перед тем, как распрямлять его, и он, не задумываясь, принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это следует делать, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и начал выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Мозе казалось, что им придется немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но прут мгновенно скользнул на место.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Мозе уже появилась сноровка.

Но это был тяжелый и изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось целых четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась некошеной.

Однако Мозе нисколько не тревожился. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они вставили прутья на место, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая своим видом напоминала корзинку сложного плетения. Наблюдая за ним, Мозе решил, что корзинка была чем-то вроде панели управления.

Существо явно расстроилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, как видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Мозе, и в его жестах опять были отчаяние и мольба. Мозе показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Мозе обрадовался — ему было немного стыдно за это чувство, но тем не менее он обрадовался.

Потому что он понимал, что, когда клетка будет исправлена, существо покинет его. По своей натуре он просто не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда оказалось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а в его доме больше не будет так одиноко. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала на бок, крышка раскрылась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголком глаза Мозе заметил, как существо кинулось за одним из них в погоню. Схватив монету и не выпуская ее, оно повернулось к Мозе, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгребло еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Мозе упало, когда до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало именно серебро.

И Мозе опустился на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно в коробку из-под сигар, и Мозе, взяв коробку, отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило ее на руке и, судя по его виду, огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Мозе видел, что оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро, подумал Мозе. Быть может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-нибудь другой металл.

Мозе достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил кастрюлю на плиту. Когда каша была готова и сварился кофе, он отнес еду на стол и сел завтракать.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, оно показало, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Мозе словно громом сразило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной. И он не мог решиться; это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он был не в силах с ними расстаться, ведь тогда существо получит возможность починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ему еще нужно монет.

— Уж это я никак не могу для тебя сделать,— сказал Старый Мозе.— Я ведь сделал все, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел тебя и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я по крайней мере защитил тебя от всех этих людей, и я не вырвал тебя, когда ты вновь начал расти. Неужели ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но это ни к чему не привело. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Он поднял доски, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Мозе, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить эти с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Мозе пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен в том, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды за его эгоизм — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытаясь отблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь чтобы как-то скрасить это одиночество, у него теперь даже не было денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знавал на этой заброшенной ферме; ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет

какое-то место или живое существо, и хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, остановившись на полпути, вылезло обратно и подошло к Старому Мозе.

— Прощай, друг,— сказал Мозе.— Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощанье конечность, и, схватив ее, Мозе почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее из руки существа в руку Мозе.

Существо отняло свою руку и, быстро подойдя к клетке, проскользнуло между прутьями. Оно потянулось к корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и клетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели.

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которые не дано постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы, захватив из дому ведра, пойти в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо в конце концов покинуло его, все его деньги пропали, и у него не было друзей, но, несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Сложив трубочкой заросшие щетиной губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что уже давным-давно у него даже в мыслях не было посвистеть.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы пожать ему на прощание руку.

А что касается подарка, то, каким бы он ни был чепуховым, как ни дешева была безделушка, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Мозе подарок.

В бездонных глубинах Вселенной было одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда еще удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было дать.

По истечении тридцати лет и нескольких миллионов слов наступил наконец день, когда он не смог написать больше ни строчки.

Ему больше нечего было сказать — сказано все, до последнего слова.

Последняя из множества книг была дописана несколько недель назад и вскоре будет опубликована, и теперь он чувствовал себя опустошенным и выжатым до последней капли.

Он сидел у окна кабинета в ожидании прихода человека из информационного журнала, глядел на просторный газон, пестревший зеленью хвойных деревьев, белизной берез и яркими красками тюльпанов, и удивлялся тому, что его так тревожит невозможность дальнейшего творчества,— ведь он наверняка сказал миру гораздо больше, чем большинство собратьев по перу, и основная часть написанного, по крайней мере, выходила за рамки банальности и была облечена в одеяния изящной словесности, все сказано было искренне и, как он надеялся, убедительно.

Он занял в литературе прочное и надежное место. «Наверно,— думал он,— так оно и должно быть — надо остановиться теперь, на самом пике творчества, а не растягивать угасание на многие годы, позволяя ненасытной утробе старческого маразма поглощать сверкающую доблесть моих трудов».

И оставалось еще неутолимое стремление писать, впитанное с молоком матери убеждение, что отказ от творчества будет предательством, хотя и неясно, по отношению к кому. Но здесь было замешано не только это — тут была и уязвленная гордыня, и то паническое чувство, которое возникает у только что ослепшего человека.

«Хотя,— решил он,— все это глупости». За тридцать лет литературного творчества он выполнил труд целой жизни, и это была *хорошая* жизнь, не фривольная и не захватывающая, зато вполне удовлетворительная.

Он осмотрел кабинет и подумал, что человек неизбежно накладывает отпечаток на ту комнату, в которой живет,— ее лицом были ряды оправленных в телячью кожу книг, чинная опрятность массивного дубового письменного стола, мягкий ковер на полу, располагающие к отдыху старинные стулья; все прочно и солидно располагалось на своих местах.

Раздался стук в дверь.

— Войдите,— откликнулся Харрингтон.

В распахнувшейся двери показался старик Адамс: сгорбленные плечи, снежно-белые волосы — идеальное воплощение верного дворецкого.

— Джентльмен из «Ситуации», сэр.

— Чудесно. Будьте добры, проведите его.

Хотя ничего чудесного в этом не было — встречаться с этим журналистом Харрингтон вовсе не желал. Но встреча была назначена много недель назад, и теперь не оставалось ничего другого, как стерпеть ее.

Журналист больше напоминал бизнесмена, чем человека пера, и Харрингтон поймал себя на том, что гадает, как подобный тип мог создавать столь острую, проницательную журналистскую прозу, сделавшую «Ситуацию» знаменитым журналом.

— Джон Леонард, сэр,— представился тот, пожимая Харрингтону руку.

— Я рад видеть вас у себя,— ответил Харрингтон, настраиваясь на свой обычный гостеприимный лад.— Устроит ли вас этот стул? У меня такое чувство, будто я знаю всех вас — ваш журнал я читаю уже многие годы. Как только он приходит, тут же читаю колонку Харви.

Леонард рассмеялся.

— Похоже, Харви — наш самый известный очеркист и наилучшая приманка. Все посетители хотят взглянуть на него хоть одним глазком.— Он уселся на указанный стул.— Мистер Уайт шлет вам наилучшие пожелания.

— Это очень мило с его стороны, вы должны поблагодарить его от моего имени. Мы не виделись с ним уже многие годы.

И подумав об этом, Харрингтон вдруг понял, что встречался с Престоном Уайтом только однажды, не меньше двадцати лет назад. Тогда этот сильный, увлеченный, своевольный человек, олицетворявший публикуемый им журнал, произвел на него неизгладимое впечатление.

— Несколько недель назад,— сообщил Леонард,— я говорил еще с одним вашим другом, с сенатором Джонсоном Энрайтом.

— Я знаю сенатора давным-давно,— кивнул Харрингтон,— и крайне им восхищаюсь. Я полагаю, это можно назвать единством противоположностей. Мы с сенатором — люди весьма несхожие.

— Он питает к вам глубокое уважение и восхищается вами.

— Я питаю к нему взаимные чувства, но эта история насчет поста государственного секретаря... Меня тревожит...

— Да?

— О нет, он вполне подходит для этой должности — то есть мне так кажется. Он честен в своих мыслях, наделен долей упрямства и является человеком крепкого склада, что нам и требуется. Но у меня есть сомнения...

Леонард выразил на лице удивление.

— Но не хотите же вы сказать...

— Нет, мистер Леонард,— слабо отмахнулся Харрингтон.— Я смотрю на это только с точки зрения человека, отдавшего большую часть своей жизни служению на благо общества. Я знаю, что Джонсон должен взирать на такую возможность не без опаски. В недавнем прошлом бывали моменты, когда он готов был подать в отставку, и лишь чувство долга не позволяло ему покинуть свой пост.

— Этот человек,— уверенно заявил Леонард,— не упустит возможности возглавить госдепартамент. Кроме того, на прошлой неделе Харви сказал, что он примет пост.

— Ну да, знаю, я читал эту колонку.

— Я не отниму у вас много времени,— перешел к делу Леонард,— основные изыскания на вашу тему я уже провел.

— О, не беспокойтесь, мое время в полном вашем распоряжении. До вечера, когда я буду обедать с матерью, я совершенно свободен.

Леонард слегка приподнял брови:

— А ваша мать еще жива?

— Она весьма бойкая, несмотря на свои восемьдесят три года. Она напоминает мать Уистлера* — такая же невозмутимая и красивая.

— Вы счастливчик. Моя мать умерла, когда я еще был подростком.

— Мне жаль это слышать. Моя мать — женщина благовоспитанная до кончиков ногтей. Таких теперь редко сыщешь. Я уверен, что обязан ей очень многим. Вероятно, в том числе и той чертой, которая является предметом моей особой гордости, подмеченной вашим литературным обозревателем Сэдриком Мэдисоном, когда он писал обо мне несколько лет назад. Я послал ему записку, в которой благодарил его и сообщал о своем твердом намерении как-нибудь посетить его, хотя до сих пор так и не выбрался. Мне бы хотелось встретиться с этим человеком.

— И что же он написал?

— Он написал, если я не ошибаюсь, что я последний из джентльменов.

— Это хорошая строка, надо будет взглянуть. По-моему, Сэдрик вам понравится. Порой он бывает чуточку странноват, но он такой же одаренный человек, как и вы. Он, можно сказать, днюет и ночует в своем кабинете.

Леонард открыл свой портфель, извлек на свет стопку заметок и начал их перелистывать, пока не наткнулся на нужную страницу.

— Мы хотим дать о вас полнометражный материал, с портретом на обложке и фотографиями по тексту. Я знаю о вас очень многое, но кое-какие вопросы остались по-прежнему неясными, есть некоторые несоответствия.

— Я не вполне улавливаю, о чем вы.

— Вы же знаете, как мы работаем,— мы осуществляем изнурительные проверки, чтобы убедиться, что располагаем исчерпывающим фактографическим материалом, а уж затем отправляемся на сбор материала, так сказать, очеловеченного. Мы беседуем с друзьями детства объекта наших исследований, с его учителями, со всеми людьми, которые располагают каки-

* Персонаж картины американского художника Джеймса Уистлера (1834–1903), *здесь*: воплощение спокойствия.— *Прим. перев.*

ми-либо сведениями, позволяющими пролить свет на внутренний мир этого человека. Мы посещаем те места, где он проживал, выслушиваем рассказы знакомых, собираем маленькие анекдоты из его жизни. Это непростая работа, но мы гордимся тем, как ее выполняем.

— И совершенно справедливо, молодой человек.

— Я побывал в Вайялузинге в Висконсине. По вашим данным, вы родились именно там.

— Насколько я помню, это очаровательное место — крохотный городок, втиснувшийся между рекой и холмами.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Вы родились не там.

— Простите?

— В местных книгах нет записи о вашем рождении. Никто вас не помнит.

— Это какая-то ошибка. А может, вы шутите?

— Вы отправились в Гарвард, мистер Харрингтон. Группа двадцать семь.

— Совершенно верно, именно так.

— Вы так и не женились.

— У меня была девушка. Она умерла.

— И звали ее Корнелия Сторм.

— Именно так ее и звали, хотя об этом знают немногие.

— Мистер Харрингтон, свою подготовительную работу мы проводим чрезвычайно тщательно.

— Это я не в упрек, скрывать мне нечего. Просто я не афишировал этот факт.

— Мистер Харрингтон!

— Да?

— Дело не только в Вайялузинге — с остальным то же самое. Нигде не записано, что вы прибыли в Гарвард. Девушки по имени Корнелия Сторм никогда не было на свете.

Харрингтон вскочил на ноги и воскликнул:

— Это возмутительно! Что вы хотите этим сказать?!

— Простите, вероятно, я должен был найти более мягкий способ поведать вам это, а не резать правду-матку в глаза. Если я могу чем-нибудь...

— Да, можете. Покиньте меня немедленно.

— Не могу ли я чем-нибудь загладить свою вину? Хоть чем-нибудь?

— Вы и так сделали достаточно. Достаточно, что и говорить.

Харрингтон снова сел в кресло, ухватившись трясущимися руками за подлокотники, и ждал, пока журналист уйдет.

Когда раздался звук захлопнувшейся двери, он позвал к себе Адамса.

— Чем могу служить? — спросил Адамс.

— Скажите мне, кто я такой.

— Ну, сэр,— немного озадаченно ответил тот,— вы мистер Холлис Харрингтон.

— Спасибо, Адамс! Именно так я и думал.

Он вывел машину на знакомую улицу, когда на землю уже опускались сумерки. Харрингтон выехал на обочину у старого дома с белыми колоннами, стоявшего в глубине широкого, обрамленного деревьями двора.

Заглушив двигатель, он выбрался из машины и немного постоял, впитывая ощущение этой улицы — корректной и правильной, аристократической улицы, ставшей в этом веке убежищем от материализма. Он подумал, что даже проезжавшие по ней машины словно осознавали качества этой улицы, ибо двигались они медленнее и тише, чем на прочих улицах, а их окружало то ощущение приличия, которое редко наблюдается в механических конструкциях.

Отвернувшись от улицы, Харрингтон пошел по дорожке, глубоко вдыхая запах пробужденной по весне жизни сада, и мысленно желал добра Генри — садовнику матери, славившемуся своими тюльпанами.

И пока он шел по дорожке, в окружении запахов сада, странное ощущение спешки и паники понемногу покидало его, ибо и сама улица, и дом словно утверждали, что все пребывает на своих местах.

Харрингтон взошел по кирпичным ступеням, пересек крыльцо и взялся за дверной молоток.

Окна гостиной были освещены — значит, мать ждет его прихода, но на его стук из кухни заспешит Тильда, вытягивая шею в накрахмаленном воротничке и шурша своими юбками — потому что мать уже не так шустра, как та.

Он постучал и стал ждать, вспоминая счастливые дни, проведенные в этом доме, когда отец был еще жив, до отъезда Харрингтона в Гарвард. Кое-какие из старых семейств проживали здесь по-прежнему, но он не виделся с ними уже многие годы, потому что за время своих последних визитов сюда почти не выходил за дверь, проводя многие часы в беседах с матерью.

Дверь распахнулась, но в проеме показалась совсем не Тильда, а совершенно чужая женщина.

— Добрый вечер,— начал он.— Вы, должно быть, соседка?

— Я здесь живу.

— Но я не мог спутать! Это резиденция миссис Дженнингс Харрингтон?

— Простите, но это имя мне незнакомо. Какой вам нужен адрес?

— 2034, проезд Вершины.

— Да, это здесь, но никаких Харрингтонов я не знаю. Мы прожили здесь пятнадцать лет, но среди наших соседей никогда не было Харрингтонов.

— Мадам,— резко откликнулся Харрингтон,— это весьма серьезно...

Но женщина уже захлопнула дверь.

Он стоял у машины, глядя на дом, и пытался найти в нем следы чужеродности, но дом был знаком ему до мельчайших подробностей. Это был тот самый дом, в который он приезжал год за годом, чтобы увидеться с матерью, в этом доме прошла вся его юность.

Открыв дверцу, Харрингтон уселся за руль, не без труда отыскав в кармане ключи, а руки у него тряслись так, что он долго не мог попасть в скважину замка зажигания.

Он повернул ключ, и мотор завелся, но Харрингтон не стал уезжать сразу, а просто сидел, крепко ухватившись за руль. Он все еще смотрел на дом, и его разум снова и снова отказывался принять тот факт, что в стенах этого дома уже пятнадцать лет живут чужие люди.

Где же тогда его мать и преданная Тильда? Куда подевался Генри, обладающий талантом растить тюльпаны? Что стало с множеством проведенных здесь вечеров? Как быть с беседами в гостиной у камина, где горели березовые и кленовые поленья, а рядом на коврике спала кошка?

И тут Харрингтон припомнил, что во всем, что с ним было, была какая-то неумолимая целесообразность — в его образе жизни, в написанных им книгах, в его привязанностях и, что, наверно, важнее,— в антипатиях. Нечто навязчиво присутствовало за кулисами всех этих событий, многие годы пребывая вне пределов досягаемости, хотя он неоднократно ощущал это присутствие, пытался его осознать и нащупать, но ни разу он не замечал его настолько явственно, как теперь.

Он понимал, что только это навязчивое присутствие поддерживало его теперь, не позволяя вихрем промчаться по дорожке и загрохотать кулаками по двери с требованием немедленно предъявить ему мать.

Заметив, что лихорадка отпустила его, Харрингтон закрыл окно и выжал сцепление.

На углу он свернул налево и поехал вверх, одолевая улицу за улицей.

Через десять минут он добрался до кладбища, поставил машину на стоянке и отыскал на заднем сиденье пальто. Надев его, он мгновение постоял у машины, глядя на город и вьющуюся меж холмов реку.

«По крайней мере, хоть город и река — не выдумка»,— подумал Харрингтон. Ни этого, ни стоявших на полке книг не мог отнять у него никто.

Сквозь древние ворота он ступил на кладбище и уверенно пошел по дорожке, безошибочно выбирая путь, несмотря на неверный свет месяца.

Плита была на месте, и вид ее не изменился. «Вид этой плиты отпечатан в моем сердце»,— подумал он. Опустившись на колени, Харрингтон протянул руки и положил их на камень, ладонями ощутив покрывший плиту мох и лишайники — они тоже были старыми знакомыми.

— Корнелия,— промолвил Харрингтон,— ты по-прежнему здесь, Корнелия.

Порывшись в карманах, он извлек коробок спичек, впустую исчиркал три штуки, пока наконец четвертая не загорелась ровно и ярко. Он спрятал ее в чаше ладоней и поднес к камню.

На камне было высечено имя.

Но не имя Корнелии Сторм.

Сенатор Джонсон Энрайт приподнял графин.

— Нет, спасибо,— откликнулся Харрингтон.— Одного достаточно. Я просто зашел на огонек и через минуту уйду.

Он оглядел комнату и теперь был в ней уверен — именно это он и надеялся отыскать. Гостиная выглядела несколько не так, как он ее помнил,— стало меньше лоска и торжественности. Она словно немного истрепалась по краям, словно была чуть не в фокусе, а голова лося над камином оказалась слегка облезлой, а вовсе не великолепной и значительной.

— Вы нечасто сюда заходите,— заметил сенатор,— хотя и знаете, что вас всегда встретят здесь с распростертыми объятиями, а сегодня вечером — в особенности. Вся семья в отъезде, а я пребываю в тревоге.

— Из-за поста государственного секретаря?

— Вот именно,— кивнул Энрайт.— Я говорил президенту: дескать, да, я готов принять этот пост, если больше никого найти не удастся. Я почти молил его найти другого человека.

— А отказаться вы не могли?

— Пытался. Я очень старался сказать ему об этом. И это я, человек, ни разу в жизни не полезший за словом в карман! Но так и не сумел этого сделать. Из-за того, что я слишком горд. Из-за того, что за многие годы во мне выработалась определенная профессиональная гордость, не позволившая мне просто повернуться и уйти.

Сенатор выгянулся в кресле, и Харрингтон заметил, что он совсем не изменился, в отличие от комнаты, в которой они сидели. Сенатор был тот же, что и всегда,— та же седеющая копна волос, то же лицо дровосека, те же неровные зубы, те же по-медвежьи сутулые плечи.

— Вы, разумеется, понимаете,— сказал Энрайт,— что я один из самых искренних почитателей вашего таланта.

— Я знаю и горжусь этим.

— Вы наделены изуверской способностью соединять слова при помощи скрытых в них рыболовных крючков. Они впиваются в душу и много-много дней подряд остаются в памяти.— Сенатор взял стакан и отпил глоток.— Я никогда не говорил вам прежде, да и стоит ли говорить теперь, но все-таки скажу. В одной из своих книг вы писали, что провидение может поставить свое клеймо на одном-единственном человеке. Если

же этот человек потерпит неудачу, писали вы, то мир может рухнуть.

— Да, наверно, я так писал. У меня такое чувство...

— Так вы уверены,— сказал сенатор, протягивая руку к бренди,— что не хотите хлебнуть еще глоточек?

— Нет, спасибо.

И внезапно Харрингтон подумал о другом времени и ином месте, где он выпивал, а в углу была какая-то тень, с которой он говорил, и никогда прежде не вспоминал об этом. Казалось, на самом деле этого и не было, ничего подобного с Холлисом Харрингтоном случиться не могло. Такое он не стал бы — не смог бы — принять, но тем не менее это событие отпечаталось в его мозгу во всей своей холодной наготе.

— Я начал вам говорить,— подал голос сенатор,— о той строчке насчет провидения. Вы согласитесь, что тут произошло весьма редкое совпадение. Вы, разумеется, знаете, что одно время я склонялся к мысли об отставке?

— Я помню, вы говорили об этом.

— Вот именно в тот момент я и прочел этот абзац. Я уже написал заявление о своей отставке в связи с завершением срока и намеревался утром предать его огласке перед представителями прессы. Затем я прочел эту строку и спросил себя: а что, если я тот самый человек, о котором вы и писали? То есть нет, на самом-то деле я так не думал.

Харрингтон беспокойно поежился.

— Уж и не знаю, что ответить. Вы возлагаете на меня чересчур большую ответственность.

— Я не ушел в отставку. Я порвал заявление.

Они немного посидели в молчании, глядя на огонь в очаге.

— А теперь,— сказал наконец Энрайт,— еще и это.

— Хотел бы я вам помочь,— почти с отчаянием ответил Харрингтон,— хотел бы я отыскать нужные слова, но не могу, ибо я прикончен. Я исписался, и внутри у меня пусто, как в бочке.

Хотя и понимал, что хотел сказать совсем не то. *Я пришел сюда, чтобы известить вас, что в доме моей матери уже на протяжении пятнадцати лет живут чужие люди, что на надгробном камне Корнелии начертано вовсе не ее имя. Я пришел сюда, чтобы взглянуть на эту комнату: изменилась ли она, и*

если изменилась, то как. Она утратила часть своего аристократического волшебства...

Но произнести этого не мог, не знал, как и начать. Это невозможно сказать даже такому близкому другу, как сенатор.

— Мне жаль, Холлис,— промолвил сенатор.

«Это безумие»,— подумал Харррингтон. Он, Холлис Харрингтон, рожденный в Висконсине. Он получил образование в Гарварде и — как сказал Сэдрик Мэдисон — является последним джентльменом.

Его жизнь была верна до последней детали, его дом стоял на своем месте, его литературные труды были правильны до тонкостей — результат хорошей наследственности.

Пожалуй, это все даже чересчур правильно — слишком правильно для этого мира 1962 года, уничтожившего щепетильность — последний пережиток прошлого.

Он — Холлис Харрингтон, последний из джентльменов, знаменитый писатель, романтическая фигура мира литературы,— исписавшийся до последней буквы, выжавший из себя все эмоции до единой, бессловесный с того самого момента, как сказал все, что должен был сказать.

Он медленно встал.

— Джонсон, мне пора. Я задержался дольше, чем намеревался.

— Еще один вопрос, я всегда собирался его задать, да все как-то не собрался. Это не имеет отношения к моему делу. Я много раз хотел спросить, но чувствовал, что делать этого не следует, что это может...

— Да ничего! Если смогу — отвечу.

— В одной из ваших первых книг — кажется, в «Обглоданной кости»...

— Это было давным-давно.

— Там был центральный герой, неандерталец, о котором вы писали,— вы сделали его чересчур человечным.

— Верно,— кивнул Харрингтон.— Таким он и был. Это человек, и только из-за того, что жил он сто тысяч лет назад...

— Конечно, вы совершенно правы. Но вы так хорошо описали его! Все ваши герои весьма образованны, это истинные люди мира. Я часто гадал, как вы смогли столь убедительно описать подобного человека, почти неразумного дикаря?

— Он разумен и не совсем дик — он просто сын своего времени. Джонсон, я очень долго жил вместе с ним, пока не начал писать о нем. Я пытался поставить себя на его место, пытался думать, как он, оценить его точку зрения. Я знал его страхи и победы. Порой я сам готов был стать этим человеком.

— Я могу в это поверить,— торжественно кивнул Энрайт.— Вам в самом деле пора идти? Вы вправду не хотите выпить?

— Простите, Джонсон, мне еще вести машину.

Сенатор выбрался из кресла и проводил его до двери.

— Скоро мы еще поболтаем о литературе. Не могу поверить, что вы вышли в тираж.

— Может, и нет. Может, способность писать еще вернется.

Но Харрингтон сказал это только для того, чтобы успокоить сенатора. Сам он понимал, что это необратимо.

Они простились, и Харрингтон побрел по дорожке. И это было неправильно — за всю свою жизнь Харрингтон ни разу не позволял себе брести.

Его машина стояла прямо у калитки, и он замер, уставившись на нее в испуге, ибо это была не его машина.

У него была дорогая, изысканная модель, а эта была не только более дешевой, но и заметно потрепанной.

И тем не менее — знакомой до боли, до пытки.

И тем не менее это была его машина, хотя она и стала несколько иной, потому что Харрингтон почти смирился с невозможным.

Открыв дверцу, он сел за руль. Сунул руку в карман, отыскал ключ и в темноте сунул его на ощупь в замок зажигания. Ключ щелкнул и встал на место. Харрингтон повернул его, и мотор завелся.

Что-то неясное прорывалось из глубин сознания. Он почти физически ощутил этот прорыв и понял, в чем дело. Это рвался наружу Холлис Харрингтон, последний джентльмен.

Он сидел и не был в тот момент ни последним джентльменом, ни человеком за рулем старенькой машины — он был моложе, он был просто аутсайдером, который напился от ощущения своего ничтожества.

Он сидел в самом дальнем, темном углу кабинета какой-то неизвестной забегаловки, наполненной шумом и запахами, а в другом, еще более темном углу кабинета сидел некто, державший речь.

Он пытался разглядеть лицо незнакомца, но было чересчур темно, и лица было не видно. И все время этот безличный некто говорил.

На столе лежали бумаги — разрозненные фрагменты рукописи, он знал, что она весьма посредственна, и пытался сказать об этом незнакомцу, а еще о том, что хотел бы улучшить ее, но язык не поворачивался, и горло было стиснуто удушьем.

Он не мог подобрать нужных слов, хотя и ощущал их в своем сознании — ужасную, вопиющую потребность выложить на бумаге веру и убеждения, рвавшиеся на волю.

И ясно расслышал только одну фразу незнакомца:

— Я хочу заключить с вами сделку.

Вот и все. Больше ничего вспомнить не удалось.

Таким оно и оставалось — древнее, пугающее, совершенно изолированное воспоминание из какой-то предыдущей жизни, происшествие без прошлого и будущего, не имеющее к Харрингтону никакого отношения.

Внезапно похолодало, и он поежился от пробравшего тело озноба. Выжал сцепление, съехал с обочины и медленно повел машину по улице.

Харрингтон ехал уже не менее получаса, все еще поеживаясь от ночного холода. Он подумал, что чашка кофе могла бы согреть его, и выехал на обочину перед круглосуточной забегаловкой. И не без испуга понял, что находится всего в миледругой от дома.

В заведении не было никого, кроме слушавшей за стойкой радио блондинки не первой молодости.

Он взобрался на табурет.

— Кофе, пожалуйста.

Пока она наполняла чашку, Харрингтон оглядел заведение. Здесь было довольно чисто и уютно, вдоль стены выстроились автоматы для торговли сигаретами и протянулась длинная полка с журналами.

Блондинка поставила на стойку чашку с кофе.

— Что-нибудь еще?

Но Харрингтон не ответил, потому что ему на глаза попались строки, напечатанные на обложке одного из наиболее броских журналов.

— Это все? — снова спросила блондинка.

— Пожалуй, да. Пожалуй, больше я ничего не хочу.

Харрингтон даже не поднял на нее глаз, потому что взгляд его был по-прежнему прикован к обложке журнала.

Она пламенела строками:

ВОЛШЕБНЫЙ МИР ХОЛЛИСА ХАРРИНГТОНА!

Он осторожно соскользнул с табурета и схватил журнал, быстро подскочив к полке и вцепившись в него, чтобы тот вдруг не испарился. Пока журнал не оказался в его руках, Харрингтона не покидало ощущение, что тот, как и все остальное, окажется безумным и нереальным... Положив его на стойку, он снова посмотрел на обложку, но строки по-прежнему были на своем месте, они не изменились и не исчезли. Он потрогал пальцем буквы — они оказались вполне реальными.

Харрингтон быстро пролистал журнал и нашел статью, с фотографии в которой на него глазело его собственное лицо, хотя оно и оказалось вовсе не таким, как он себе представлял,— оно было несколько моложе и темнее и выдавало склонность своего обладателя к неопрятности, а под ним было еще одно лицо, явно отличавшееся от этого. И между ними была подпись, гласившая: *«Кто из этих людей является настоящим Холлисом Харрингтоном?»*

Был там и снимок дома, который Харрингтон тут же узнал, несмотря на то что тот оказался весьма потрепанным, а пониже — этот же дом, но в идеализированном виде, сверкающий свежей краской и окруженный тщательно возделанной усадьбой,— дом, наделенный личным характером.

Он даже не дал себе труда читать подпись к этим фотографиям, потому что знал ее заранее.

Текст самой статьи гласил:

В самом ли деле Холлис Харрингтон является необычным человеком? Правда ли, что он является тем человеком, которым считает себя, человеком, создавшим свой собственный способ мышления, человеком, творящим невероятный, волшебный мир благосостояния и хороших манер? Или это — только тщательно выработанная поза, исключительный пример показной идеальной жизни? Быть может, многие годы его литературного труда, его столь тщательно отеланной и часто выдающейся

прозы, которую он создавал более тридцати лет, неизбежно привели к тому, что он создал для себя иную жизнь, отличающуюся от реальной, спровоцировали неизбежное отношение к своей странной внутренней жизни как к данности — он поверил в нее, и это стало необходимостью для продолжения его литературного творчества...

Вдруг на страницу легла чья-то рука и помешала ему продолжить чтение. Харрингтон быстро взглянул вверх — это была рука официантки; ее глаза блестели, будто она вот-вот расплачется.

— Мистер Харрингтон,— попросила она,— пожалуйста, мистер Харрингтон, не читайте этого, пожалуйста, сэр.

— Но, мисс...

— Я говорила Гарри, что не надо класть этот журнал. Я говорила, что его надо спрятать. Но он ответил, что вы приходите только по субботам.

— Вы хотите сказать, что я бывал тут и прежде?

— Почти каждую субботу,— удивленно ответила она.— Каждую субботу, на протяжении многих лет. Вы любите вишневый пирог. Вы всегда берете кусок вишневого пирога.

— Ну да, конечно.

Но на самом деле он даже приблизительно не помнил этого заведения. «Хотя,— думал он,— бог знает, может, я все это время воображал здесь что-то иное, какой-нибудь вызолоченный ресторан для знаменитостей. Но ведь невозможно пуститься на такую невероятную выдумку. Пусть ненадолго это и было бы возможно, но не тридцать же лет! Ни один человек не способен на такое — если кто-то ему не поможет».

— Ну да, я и забыл,— сказал он официантке.— Что-то я нынче не в себе. В самом деле, я бы не отказался от кусочка вишневого пирога.

— Сейчас будет.

Она сняла пирог с полки, отрезала ломоть, положила его на тарелку, поставила ее перед Харрингтоном и рядом опустила вилку.

— Простите, мистер Харрингтон. Мне жаль, что я не спрятала журнал. Не обращайте на него внимания, на этом свете вообще нет ничего достойного вашего внимания — нет таких поступков или слов, которые могли бы вас касаться. Все мы

очень вами гордимся.— Она наклонилась через стойку к Харрингтону.— Не обращайте внимания. Вы — слишком великий человек, чтобы обращать на это внимание.

— Да я и не придаю этому значения.

И это была истинная правда: его чувства слишком притупились, чтобы придавать значение хоть чему-нибудь. В нем не осталось ничего, кроме бескрайнего удивления, так что ни для каких других чувств места уже не было.

— Я хочу,— говорил незнакомец в углу кабинета много лет назад,— заключить с вами сделку.

Но Харрингтон никак не мог вспомнить ни самой сделки, ни даже малейшего намека на ее условия, хотя и мог их предположить.

Он писал на протяжении тридцати лет, и за это ему хорошо платили — и не только наличными или признанием, но и коечем другим: большим белым домом на холме, окруженным одичавшим парком, верным дворецким из старой книжки с картинками, уистлеровской матерью, романтической горьковатой и в то же время сладостной привязанностью к могильному камню.

Но теперь дело сделано, выплаты приостановлены, и мир, существовавший понарошку, окончил свое бытие.

Выплаты приостановлены, и иллюзии, окружавшие его, развеялись. Мишура славы осыпалась с его разума — и больше он не увидит старую побитую машину новой и глянцевой. Теперь он вновь может прочесть надпись на могильном камне. И мечта об уистлеровской матери улетучилась из его сознания, хотя и была некогда так прочно вбита туда, что сегодня вечером он на самом деле поехал в том дом, по тому самому адресу, который был впечатан в его мысли.

Харрингтон понял, что воспринимал окружающее озаренным великолепием и величием, похищенными из книг.

«Но разве такое возможно? — удивлялся он.— Разве может такая штука работать? Неужели человек в здравом уме может играть в подобную игру на протяжении целых тридцати лет? А может, я безумен?»

Но размышлял он спокойно, и подобный вывод был маловероятен, ибо ни один безумец не мог бы писать так, как писал он, ибо он *написал* то, что думал, и сегодняшние слова сенатора подтвердили это.

А вот остальное было лишь претензией на настоящую жизнь, и ничем иным. Претензией на настоящую жизнь, выстроенной при помощи безличного, неведомого человека, заключившего с ним сделку в ту ночь, много лет назад.

«Хотя,— думал Харрингтон,— может, особой помощи с его стороны и не потребовалось». Человечество предрасположено к детскому восприятию мира. Лучше всего это удается детям — они полностью сживаются с придуманным миром, в котором живут понарошку. Но и многие взрослые заставляют себя поверить в то, что считают достойным веры, или во что хотят верить во имя душевного покоя.

«Наверняка,— сказал он себе,— от такой выдумки до полной веры в выдумку — один шаг».

— Мистер Харрингтон,— вернул его к действительности голос официантки,— вам что, пирог не нравится?

— Разумеется, нравится.— Он взял вилку и отломил кусочек пирога.

Итак, ложная реальность, способность изображать из себя человека, живущего в своем собственном мире, без сознательных усилий — это плата. Наверно, это даже больше, чем плата,— вероятно, это непременное условие того, что он мог писать так, как писал; это тот самый мир и та самая жизнь, в которых по всем расчетам он должен был проявить себя наилучшим образом.

И какова же цель всего этого?

Вот о цели-то он и не имел ни малейшего понятия.

Конечно, если не считать, что целью являлась сама суть его работы.

Музыка по радио прервалась, и торжественный голос сказал: «Мы прерываем нашу программу для важного сообщения. "Ассошиэйтед Пресс" сообщает из Белого дома, что государственным секретарем объявлен сенатор Джонсон Энрайт. А теперь мы продолжаем трансляцию музыки...»

Харрингтон замер, не донеся вилку до рта.

— Клеймо судьбы,— процитировал он,— может отметить одного-единственного человека!

— Что вы сказали, мистер Харрингтон?

— Ничего. Ничего, мисс. Просто так, вспомнилось. Так, пустяки.

Хотя, конечно, это был отнюдь не пустяк.

Он подумал о том, сколько еще людей на свете могли прочесть вполне определенные строки из его книг? Сколько еще жизней изменилось в нужную сторону после того, как люди прочли какую-нибудь фразу в его книге?

А не без помощи ли он написал именно эти фразы? В самом ли деле он так талантлив, что излагал собственные, тяготившие его мысли? Может, ему помогали писать — точно так же, как помогали жить понарошку? Не в том ли причина, что теперь он ощутил себя исписавшимся?

Но, как бы то ни было, теперь все позади. Он сделал свое дело, и теперь ему дали под зад коленкой, и сделали это с предельной эффективностью и тщательностью, как того и следовало ожидать,— вся эта тряхомундия заваривалась в четкой обратной последовательности, начавшись сегодня утром с журналиста. И в результате на табурет взгромоздился самый заурядный человечишко, и теперь он ест вишневый пирог.

А сколько же еще заурядных людишек и на протяжении скольких веков сидели так же, как и он — освобожденные от жизни во сне,— и столь же безуспешно пытались угадать, что ждет их в будущем? Сколько еще других даже теперь продолжали жить понарошку, как он прожил тридцать лет, до этого самого дня?

Потому что нелепо полагать, понял он, что он такой один; нелепо и бессмысленно заводить жизнь понарошку ради одного-единственного человека.

Сколько же эксцентричных гениев на поверку оказывались вовсе не гениями и даже не эксцентричными людьми — до той самой поры, пока не встречали безличного человека в сумрачном кабинете и не выслушивали его предложений?

Предположим — только предположим,— что целью этих тридцати лет было то, чтобы сенатор Джонсон Энрайт не оставил служение на благо общества и теперь смог возглавить государственный департамент? Зачем и кому было нужно, чтобы определенный пост занял конкретный человек? И настолько ли это важно, чтобы оправдать использование человеческой жизни ради получения иной развязки?

«Ключ к разгадке таится где-то здесь,— подумал Харрингтон.— Где-то в путаном клубке этих тридцати лет таится ниточка, которая сумеет вывести к замешанным сюда человеку, вещи или организации — кто бы это ни был».

Он почувствовал, как в нем смутно шевельнулась ярость — бесформенная, бессмысленная, почти безнадежная ярость, не направленная ни на кого и ни на что в частности.

В забегаловку вошел человек и взгромоздился на табурет, стоявший через один от Харрингтона.

— Привет, Глэдис,— гаркнул он, затем заметил Харрингтона, хлопнул его по спине и рявкнул: — Привет, приятель! Твое имя в газете.

— Угомонись, Джо,— сказала Глэдис.— Чего тебе?

— Тащи-ка кус яблочного пирога да чашку кофею.

Мужчина был крупного сложения, руки его поросли густыми волосами, а на рубашку был нацеплен значок водителя грузовика.

— Вы что-то сказали насчет моего имени в газете.

Джо прихлопнул к стойке сложенную газету.

— Прям на первой странице. Статья и твой портрет.— Он указал замасленным пальцем, рыкнул: — Свеженькая, прям с типографии,— и расхохотался.

— Спасибо.

— Валяй, читай,— шумно подзуживал Джо.— Или тебе не интересно?

— Разумеется, интересно.

Заголовок гласил:

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ УХОДИТ ОТ ДЕЛ

— Значит, отваливаешь,— ревел водитель.— Тут я тебя поддерживаю, приятель. Сколько книг ты накатал?

— Четырнадцать.

— Глэдис, ты подумай! Четырнадцать книг! Да я за всю жисть столько и не читал...

— Джо, да заткнись ты наконец! — Глэдис швырнула ему под нос пирог и кофе.

В статье говорилось:

«Холлис Харрингтон, автор романа "Взгляни на мой опустевший дом", за который он был удостоен Нобелевской премии, после публикации своей последней книги "Вернись, душа моя" прекращает литературное творчество.

Сообщение было дано в вышедшем на этой неделе номере журнала "Ситуация", в статье литературного обозревателя Сэдрика Мэдисона.

Мэдисон пишет, что в печатающейся книге писатель наконец окончательно сформулировал идею, сложившуюся у него тридцать лет и тринадцать книг тому назад...»

Рука Харрингтона инстинктивно стиснула и скомкала газету.

— Чё такое, приятель?

— Нет, ничего.

— Этот Мэдисон — пройдоха,— заявил Джо.— Ему верить нельзя. Он полон...

— Он прав. Боюсь, что он прав,— ответил Харрингтон.

«Но он-то откуда знает? — спросил он себя.— Откуда это стало известно Сэдрику Мэдисону, этому чудаковатому, одаренному человеку, практически поселившемуся в своем захламленном кабинете и пишущему нескончаемый поток компетентных литературных обзоров?» Особенно если учесть, что самому Харрингтону это стало окончательно ясно только сегодня утром.

— Те чё, пирог не по вкусу? — поинтересовался Джо.— Да и кофе остыло.

— Оставь его в покое,— с яростью вмешалась Глэдис.— Кофе я ему подогрею.

— Вы не будете возражать, если я возьму газету? — спросил Харрингтон у Джо.

— Валяй, приятель. Я с ней покончил. Читаю только про спорт.

— Спасибо. Мне надо кое с кем повидаться.

Пустой вестибюль здания «Ситуации» был полон блеска и ярких сполохов искр, ставших торговой маркой журнала и работающих в нем людей.

В сферическом стеклянном колпаке медленно и неуклонно вращался глобус диаметром в один фут. У основания глобуса были размечены часовые пояса, а на его поверхности вспыхивали символы, показывающие мировую ситуацию.

Харрингтон остановился в дверях и огляделся, встревоженный и напуганный вспышками и яркостью вестибюля. Понемногу он начинал ориентироваться: вон там лифты, а рядом с

ними табло с указанием расположения комнат. Вот стол справок — пустой в это время суток,— а сразу за ним дверь с табличкой:

ХАРВИ

Часы посещений
с 9 до 5 по будням

Харрингтон подошел к табло, остановился и задрал голову, отыскивая нужное имя:

СЭДРИК МЭДИСОН...317

Отвернувшись от табло, он нажал кнопку вызова лифта.

На третьем этаже лифт остановился, и Харрингтон вышел. Справа от него была редакция новостей, а слева — ряд дверей кабинетов, выходящих в длинный коридор.

Он повернул налево, и третья дверь оказалась 317-м кабинетом. Она была распахнута, и Харрингтон вошел. За столом, на котором громоздились высокие стопки книг, сидел человек. Остальные книги грудами валялись на полу и до отказа наполняли развешанные по стенам полки.

— Мистер Мэдисон? — спросил Харрингтон. Человек оторвался от книги и поднял голову.

И внезапно Харрингтон вновь оказался в том прокуренном, полутемном кабинете, где давным-давно заключил сделку с безличным незнакомцем — только тот больше не был безличным. Харрингтон узнал окружавший этого человека ореол — потрясающее ощущение сильной личности, беспокоящее, непристойное чувство своеобразной психологической дурноты.

— Неужто Харрингтон?! — воскликнул безличный человек, ныне обретший свое лицо.— Как чудесно, что вы забежали на огонек! Просто невероятно, что мы...

— Да вот уж,— ответил Харрингтон, почти не осознавая, что говорит. Он ответил автоматически, чисто рефлекторно, как вскидывают руки, чтобы защититься от удара; сработал примитивный и незамысловатый оборонный механизм.

Мэдисон вскочил и пошел вокруг стола, чтобы поприветствовать его, и если бы Харрингтон повернулся и убежал, то успел бы скрыться. Но бежать он не мог: он был потрясен и

скован, и не мог сделать ни одного движения, за исключением жестов сдержанной вежливости, которые впечатывали в него на протяжении всех этих тридцати лет поддельной жизни аристократа.

Он чувствовал, как его лицо превратилось в застывшую непроницаемую маску вежливой доброжелательности, и ощутил благодарность за это, потому что понял: теперь его лицо ни в коем случае не выдаст, что он узнал этого человека.

— Просто невероятно, что мы ни разу не встретились,— продолжал Мэдисон.— Я прочел множество написанных вами книг и был в невероятном восторге от прочитанного.

— Это очень мило с вашей стороны,— ответила обходительная, невозмутимая часть сознания Харрингтона, протягивая руку.— В том, что мы ни разу не встречались, вина целиком и полностью лежит на мне. Я не так часто выбирался в свет, как следовало бы.

Он почувствовал, как ладонь Мэдисона легла в его руку, и сжал пальцы, ощутив легкое отвращение из-за того, что эта ладонь была сухой и холодной, как птичья лапа. И вообще, этот человек напоминал стервятника — его плотно обтянутая кожей, абсолютно безволосая голова напоминала череп, лицо была иссечено морщинами, пронзительный взгляд не задерживался ни на минуту, а безгубый рот был похож на узкую щель.

— Вы садитесь,— пригласил Мэдисон,— проведите со мной полчасика. Нам предстоит о многом переговорить.

В кабинете было только одно незанятое кресло; на всех прочих громоздились книги. Харрингтон неуклюже уселся в свободное кресло, все еще ощущая от страха сухость во рту.

Мэдисон вернулся за стол и подвинул свое кресло вперед.

— Вы точь-в-точь такой, как на портретах,— заявил он.

— У меня был хороший фотограф,— пожал плечами Харрингтон.— Издатель на этом настаивал.

Он чувствовал, что понемногу возвращается к жизни, отупение начало отпускать, и обе его части постепенно сливаются в единую личность.

— Вот тут у вас есть преимущество,— добавил он.— Лично я не видел ни одного вашего портрета.

Мэдисон погрозил ему пальцем:

— Я анонимен. Вы, разумеется, понимаете, что редакторы безличны. Они не имеют права внедрять себя в общественное сознание.

— Несомненно, это просто заблуждение,— декларировал Харрингтон,— но раз уж вы придаете ему такое значение, настаивать не буду.

И при этом ощутил легкую панику — замечание насчет безличности редакторов явно было домашней заготовкой и не могло оказаться случайным совпадением.

— И вот наконец-то вы решились меня навестить,— говорил Мэдисон.— Боюсь, что в связи со статьей в утренних газетах.

— По сути дела,— мягко ответил Харрингтон,— я здесь именно поэтому.

— Надеюсь, вы не слишком раздражены.

— Да в общем, нет,— покачал головой Харрингтон.— Фактически говоря, я пришел, чтобы поблагодарить за помощь, которую вы мне оказали,— я наконец-то принял решение. Видите ли, я над этим раздумывал и твердил себе, что обязан сделать это, но...

— Но беспокоились о предполагаемой ответственности — наверно, перед общественностью, но, может быть, и перед собой.

— Писатели редко бросают свое ремесло — во всяком случае, добровольно так не поступает практически никто. Обычно это происходит не столь внезапно.

— Но это же было очевидно,— запротестовал Мэдисон.— Это казалось единственным приличествующим вам поступком, настолько соответствующим обстоятельствам и к тому же напрашивавшимся уже давно, что я не мог удержаться. Признаюсь откровенно — я сделал это не без умысла, надеясь оказать на вас влияние. Вы так прекрасно увязали то, что говорили много лет назад, и свою последнюю книгу, что было просто жаль испортить это попытками сказать что-нибудь еще. Конечно, если бы вам приходилось писать, чтобы заработать на жизнь, все выглядело бы иначе, но ваши гонорары...

— Мистер Мэдисон, а что бы вы делали, если б я опротестовал это?

— Ну, тогда я принес бы нижайшие извинения в массовой печати. Я все уладил бы наилучшим возможным манером.

Он встал из-за стола и начал рыться в груде книг, сваленных на кресле.

— Мне тут как раз попадался экземпляр вашей последней книги,— сообщил он.— Там есть несколько предметов, о которых я хотел бы с вами поболтать.

«Он является ключом к разгадке,— подумал Харрингтон, глядя, как тот роется в книгах,— но не больше». Харрингтон был уверен, что в этом деле замешан не только Сэдрик Мэдисон, а кто-то или что-то еще, бог ведает что именно.

Он понял, что должен выбраться отсюда как можно скорее, и сделать это таким образом, чтобы не вызвать подозрений. А пока остается здесь, должен играть свою роль идеального литератора — последнего джентльмена.

— А, вот! — триумфально воскликнул Мэдисон и поспешил обратно к столу, сжимая в руке книгу. Он быстро пролистал ее.— Ну так вот, здесь, в шестой главе, вы говорите...

Когда он повел машину через массивные ворота по направлению к белому внушительному дому, высившемуся на холме, луна уже садилась.

Он выбрался из машины и взобрался по широким каменным ступеням, ведущим к дому. Достигнув вершины лестницы, он остановился, чтобы взглянуть на изборожденный тенью лунного света, покрытый травой и тюльпанами склон холма, на белеющие стволы берез и темные силуэты елок, и подумал, что подобные зрелища следует видеть как можно чаще — эту завораживающую красоту, вырванную из ровного течения реки жизни, несущей нас от рождения к смерти.

И стоял там, гордо выпрямившись, позволяя красоте лунного сияния и гравюрам ночи проникнуть до самой глубины души.

«Это,— думал он,— один из нежданных моментов, когда обретается бесценный опыт, который невозможно ни предугадать, ни оценить или проанализировать позднее».

Услышав, что парадная дверь открылась, он медленно обернулся.

В дверях виднелся старина Адамс, и его фигура была четко очерчена светом лампы, стоявшей на столике в прихожей. Снежно-белые волосы Адамса были растрепаны и завивались венчи-

ком, словно окружая голову нимбом. Одну руку старик прижимал к груди, придерживая полы ветхого халата.

— Вы припозднились, сэр,— сказал Адамс.— Мы уж начали беспокоиться.

— Простите. Я задержался довольно сильно.

Харрингтон одолел остаток подъема, и Адамс отступил в сторону, чтобы впустить его.

— Сэр, у вас все в порядке?

— О, в полнейшем! Я навещал Сэдрика Мэдисона из «Ситуации». Он оказался очаровательным парнем.

— Ну, раз с вами все в порядке, сэр, то я вернусь в постель. Теперь я знаю, что вы дома и в безопасности. Может, сумею немного поспать.

— Все в полном порядке,— повторил Харрингтон.— Спасибо, что дождались меня.

Он остановился в дверях кабинета и посмотрел, как Адамс медленно взбирается по ступеням, потом вошел в кабинет и включил свет.

Его окружали знакомые старые стены, пронизывая ощущением комфорта и домашнего уюта, и Харрингтон постоял, глядя на ряды оправленных в телячью кожу книг, на опрятный письменный стол, на старые уютные кресла, на истоптанный ворсистый ковер.

Выбравшись из пальто, он швырнул его на кресло и вдруг почувствовал, что в кармане пиджака топорщится сложенная газета.

Заинтересовавшись, он извлек ее на свет, развернул, и тут же по глазам ударил заголовок...

Комната изменилась, преобразилась быстро и почти неуловимо. Опрятного святилища больше не было — был просто рабочий кабинет писателя; не было и оправленных в телячью кожу книг, элегантно выстроившихся на полке,— просто неряшливые шеренги потрепанных, взлохмаченных книг. Да и ковер больше не был ни истоптанным, ни ворсистым — он стал весьма практичным и почти новым.

— Бог мой! — почти благоговейно выдохнул Харрингтон.

Он почувствовал, что лоб вдруг покрылся испариной, руки задрожали, а колени внезапно ослабли.

Потому что и сам он преобразился, как и комната,— точнее, комната преобразилась, потому что изменился он сам.

Он больше не был последним джентльменом, став иной, более реальной личностью, которой был весь этот вечер. Он снова стал самим собой, одним махом вернувшись к самому себе, и виной тому, понял Харрингтон, был газетный заголовок.

Он обвел комнату взглядом и понял, что теперь наконец-то все правильно, что ее обнаженная жестокость вполне реальна, что такой она всегда и была, хотя он и воспринимал ее более романтичной.

Он отыскал себя именно в этот вечер, спустя тридцать лет, а затем — при мысли об этом Харрингтон даже вспотел,— а затем снова себя утратил, утратил легко, даже не догадываясь о том, не ощутив даже намека на странность.

Он отправился навестить Сэдрика Мэдисона, сжимая в руках именно эту газету, пошел без каких-либо ясных намерений, словно, признался себе Харрингтон, гонимый туда какой-то спешной надобностью.

Его понукали слишком долго: понукали, чтобы он увидел комнату не такой, как на самом деле; заставляли читать на чужом могильном камне мифологическое имя; его запутали и убедили, что он часто ужинает с матерью, хотя та давным-давно мертва; его заставляли вообразить, что заурядная забегаловка является знаменитым рестораном, и, разумеется, еще многое другое.

Мысль об этом была унизительна, но простым унижением дело не ограничивалось — во всех этих вещах прослеживались методичность и целесообразность, и теперь стало важно, крайне важно узнать их метод и их цель.

Он уронил газету на пол, прошел к бару и извлек бутылку. Плеснув спиртного в стакан, Харрингтон осушил его единым духом.

«Надо было отыскать точку отсчета,— подумал он,— и я решил эту задачу, и точкой отсчета оказался Сэдрик Мэдисон, хотя дело заключается не только в нем. Возможно, он оказался всего лишь одним из ключей к разгадке, но зато дал точку отсчета».

Он отправился навестить Сэдрика Мэнсона, и они проговорили намного дольше, чем Харрингтон планировал, и в какой-то момент этой беседы он плавно скользнул обратно в последние джентльмены.

Харрингтон попытался мысленно проследовать сквозь эти несколько часов, чтобы отыскать какой-либо сбой, выудить момент, когда произошло изменение, но не обнаружил ничего. Будто по памяти прошелся утюг, выровняв и выгладив ее.

И все-таки где-то он изменился, вернее, его изменили, заставив снова вырядиться в маскарадный костюм, который он не снимал многие годы.

Но зачем мог потребоваться подобный маскарад? Для чего нужно менять жизнь человека — наверное, даже жизни многих людей?

Вероятно, это попытка организации какого-либо рода службы социального обеспечения — этакое неудержимое доброхотство, стремление вмешиваться в жизнь других людей.

Или это попытка тщательно спланированного управления потоком мировых событий, чтобы изменить судьбу всего человечества и привести к определенному конечному результату? А это означает, что за все отвечает тот — или те,— кто обладает надежным методом предсказания будущего и способностью вычленять ключевые факторы настоящего, корректировкой которых можно наиболее эффективно повлиять на будущее и направить его в нужное русло.

Телефон на столе вдруг яростно зарычал.

Харрингтон в испуге развернулся, ошарашенный этим нежданным звуком.

Телефон снова зарычал.

Харрингтон рванулся к столу и схватил трубку.

— Я рад,— послышался в трубке голос сенатора,— что не разбудил вас.

— Нет, я только лишь собирался отойти ко сну.

— Вы, конечно, слышали новости?

— По радио.

— Белый дом обратился ко мне...

— И вам пришлось согласиться.

— Да, разумеется. Но потом...

Сенатор шумно сглотнул, потом перевел дыхание, будто находился на грани удушья.

— В чем дело, Джонсон? Что случи...

— А потом,— сообщил сенатор,— у меня был посетитель.

Харрингтон молча ждал продолжения.

— Престон Уайт. Вы с ним, конечно, знакомы?

— Да. Это издатель «Ситуации».

— Он вел себя как заговорщик — чуточку драматично. Говорил шепотом и весьма доверительно. Словно мы с ним заключили какого-либо рода сделку.

— Но что...

— Он предложил мне,— выдавил сенатор, задыхаясь от ярости,— исключительные права на использование Харви...

Тут Харрингтон его перебил, сам отчетливо не понимая почему, словно боялся дать сенатору продолжить предложение:

— Вы знаете, я помню, как много лет назад — я был еще подростком — Харви установили в помещении «Ситуации».

И даже сам был удивлен тому, что так хорошо помнит этот триумфальный вопль фанфар. Хотя тогда этому факту мало кто придавал большое значение, поскольку «Ситуация» была знаменита лишь нерегулярностью своих тиражей. Но теперь все обстоит по-другому — колонку Харви читают почти все, и даже в высокоученых кругах Харви цитируют как авторитетный источник.

— Харви! — фыркнул сенатор.— Моторный калькулятор! Механический пророк!

«Вот оно»,— очумело подумал Харрингтон. Именно это он и пытался нащупать.

Харви был предсказателем. Он выдавал прогнозы каждую неделю, а журнал печатал колонку извергнутых им предсказаний.

— Уайт старался вести себя убедительно,— продолжал сенатор.— Пустился на шуры-муры. Он, дескать, отдает Харви в полное мое распоряжение. Сказал, что будет показывать мне прогнозы, как только те появятся, и воздержится от публикации тех, на которые я укажу.

— Это могло бы оказаться полезным,— заметил Харрингтон.

Ибо Харви знаток своего дела — в том нет никаких сомнений. Неделю за неделей он попадал прямо в яблочко, точка в точку описывая, что и как будет происходить.

— Да не надо мне ничего! — завопил сенатор.— Я и близко не хочу видеть этого Харви. Это худшее из того, что могло случиться. Человечество достаточно здраво может судить, при-

нять или отвергнуть предсказания любого мудреца, если он человек. Но наше технократическое общество выработало у себя условный рефлекс, согласно которому машины считаются непогрешимыми. Мне кажется, что «Ситуация», пользуясь аналитическим компьютером, очеловеченным при помощи имени Харви, чтобы предсказывать тенденции развития мировых событий, намеренно оказывает давление на легковерную публику. И я не желаю иметь с этим ничего общего. Я не хочу путаться с...

— Я понимаю, что значил для вас Уайт. Я знаю, что он радовался вашему назначению, но...

— Престон Уайт,— заявил сенатор,— опасный человек. Любой могущественный человек опасен, а в наше время наиболее могущественным является тот, кто может формировать общественное мнение. Я не могу себе позволить, чтобы мое имя хоть как-нибудь ассоциировалось с ним. Вот он я весь, как на ладони — человек, отдавший служению обществу сорок лет и, благодарение Господу, сохранивший незапятнанную репутацию. А что же будет со мной, если кто-нибудь однажды поймает этого Уайта на горячем? Как я смогу снести такое?

— Его едва не поймали на горячем, когда много лет назад комиссия конгресса проводила расследование. Насколько я помню, большинство показаний касалось Харви.

— Холлис, не пойму, чего я вас беспокою? Я и сам не знаю, зачем позвонил вам. Наверно, чтобы выпустить пар.

— Я рад, что вы так поступили. Что же вы намерены предпринять?

— Не знаю. Разумеется, я вышвырнул Уайта, так что, в принципе, мои руки чисты, но мне по-прежнему горько. Гнусный привкус во рту.

— Ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

— Спасибо, Холлис, пожалуй, так и сделаю. Спокойной ночи.

Харрингтон положил трубку и застыл у стола.

Потому что теперь пришла кристальная ясность, теперь он уже не сомневался, ибо в точности знал, кому было нужно, чтобы Энрайт оказался в государственном департаменте.

«Именно этого,— подумал он,— и следовало ожидать от Уайта».

Как это было осуществлено, он даже не представлял — если такой способ существовал, то выведать его мог только Уайт.

Он устроил все так, чтобы Энрайт после прочтения нужной строки остался на государственной службе до подходящего момента, когда можно будет продвинуть его в госдепартамент.

Сколько же еще задействовано других людей и сколько других ситуаций происходят так же, как нынче ночью,— и только благодаря обширнейшим махинациям одного лишь Престона Уайта?

Харрингтон заметил лежащую на полу газету, поднял ее, взглянул на заголовок и снова отшвырнул прочь.

«Они попытались избавиться от меня»,— подумал он. И все было бы в порядке, если бы он просто побрел прочь, покинутый и забытый, как старая кляча, которую согнали с пастбища. Вероятно, все остальные именно так и поступали. Но пытаясь избавиться от него, пытаясь избавиться от кого бы то ни было, они должны были осознавать, что есть определенный риск. Единственным безопасным и абсолютно надежным для них решением было бы оставить его, как есть, позволить ему вести жизнь последнего джентльмена до самого смертного часа.

Почему они не сделали так? К примеру, не заложены ли в проект какие-то ограничения? Может, эти работы, чему бы они там ни служили, имеют свой предел нагрузки, ныне приблизившийся к крайней черте? Не потому ли, прежде чем задействовать кого-то другого, им пришлось избавиться от Харрингтона?

И если так — это их ахиллесова пята.

Еще одно — смутное воспоминание о сенатских слушаниях много лет назад: в тогдашних газетах были опубликованы приговор и портрет весьма озадаченного человека, одного из главных конструкторов Харви, сделанный, когда тот со свидетельского места говорил: «Но, сенатор, я же говорю: никакой аналитический компьютер не способен на такое. Дарования Харви противоречат рассудку».

«Это уже кое-что, а может, и нет,— решил Харрингтон,— но этот факт стоит запомнить, он может оказаться той самой соломинкой утопающего».

«И самое ужасное,— невозмутимо продолжал он размышлять,— что место человека разумного может занять всего лишь машина». Он уже высказывался на эту тему прежде, и доволь-

но резко, в одной из своих книг — вот только не мог припомнить, в какой именно. «Как сказал Сэдрик Мэдисон нынче вечером...»

Он вовремя успел себя оборвать.

В дальнем уголке сознания зазвенел сигнал тревоги, и Харрингтон резко наклонился за сложенной газетой, небрежно брошенной на пол прежде.

Отыскал ее, заголовок ударил по глазам, и книги утратили свои элегантные переплеты из телячьей кожи, а ковер обрел свою грубую новизну, и Харрингтон снова стал собой.

Всхлипнув, он опустился на колени, сжимая газету в трясущейся руке.

«Все-таки не изменился,— думал он.— Накатывает без предупреждения!»

А измятая газета — его единственная защита.

«Но зато могучая защита»,— подумал он.

«Ну-ка, попытайся снова! — мысленно крикнул он Харви.— *Давай, попробуй-ка!»*

Но Харви не попытался

Если это *вообще* Харви. Но этого уж Харрингтон знать не мог.

«Я беззащитен,— думал он,— беззащитен, если не считать сложенной газеты с заголовком, набранным восемнадцатым кеглем.

Беззащитен, а моему рассказу никто не поверит, даже если решиться его обнародовать

Беззащитен, а тридцать лет моего эксцентричного поведения ставят под сомнение любой из моих поступков».

Он пытался отыскать в своем сознании какое-нибудь средство помочь, но не находил. Полиция не поверит, а друзей, которые могли бы помочь, у него слишком мало, ведь за тридцать лет он не свел дружбы почти ни с кем.

Есть еще сенатор, но у сенатора и без него забот по горло.

Но есть и еще кое-что — у них есть какое-то оружие против Харрингтона; Харви надо только дождаться, когда он уснет Ибо если Харрингтон уснет, то, без сомнения, проснется последним джентльменом, и более чем вероятно — не просто последним джентльменом, а застывшим в этом образе прочно, как никогда прежде. Ибо если они захватят его теперь, то уж не выпустят никогда.

Харрингтон вдруг отчасти подивился: а почему, собственно, так уж необходимо против этого сражаться — последние тридцать лет были не так уж плохи; следует признать, что они прошли довольно славно, и если честно, то лучше бы и оставшиеся годы прожить точно так же.

Но эта мысль казалась ему омерзительной, будто наносила оскорбление самой его человеческой сути. Он имеет право быть самим собой и потому ощутил глубинную ярость на тех, кто надменно взял на себя право превратить его в другого.

Напрашивался очень простой вывод; две вещи были кристально ясны: во всех своих поступках он имеет право быть самим собой, а помощи ждать неоткуда. Добиться развязки надо сейчас же, прежде чем понадобится сон.

Он встал, сжимая газету в руках, развернул плечи и повернулся к двери. Но у порога остановился, потому что ему вдруг открылась ужасная истина: как только он покинет дом и выйдет во тьму — защите конец. В темноте газета станет бесполезной, ведь он не сможет прочесть заголовок.

Взглянув на часы, Харрингтон увидел, что еще только четвертый час. Впереди целых три часа темноты, а ждать так долго нельзя.

«Мне нужно время. Нужно на чем-то выиграть время. В ближайшие несколько часов я должен каким-то образом разбить или отключить Харви. Хотя это может оказаться только частичным решением проблемы, но это позволит отыграть время».

Он стоял уже у двери, и тут ему пришло в голову, что все может обстоять вовсе не так — а если ни Харви, ни Мэдисон, ни Уайт тут вовсе ни при чем? Он мысленно собрал их вместе и сумел убедить себя в их виновности. Харрингтон признался себе, что может подвергнуться самогипнозу, не менее эффективному, чем гипноз Харви — или кто там гипнотизировал его на протяжении тридцати лет.

Хотя, пожалуй, гипноз тут ни при чем.

Но чем бы оно ни было, пытаться раскопать это сейчас просто бессмысленно. Есть и более насущные проблемы, требующие немедленного решения.

Для начала следует изобрести какую-либо иную защиту. Без защиты он не сумеет добраться даже до вестибюля «Ситуации».

Он подумал об ассоциациях — нужны какие-нибудь ассоциации, какой-нибудь способ напомнить себе о том, кто он такой на самом деле. Вроде ниточки на пальце или звоночка в мозгах.

Дверь студии отворилась, и там показался Адамс, стискивающий на груди свой поношенный халат.

— Сэр, мне послышался разговор.

— Это я,— ответил Харрингтон,— по телефону.

— Я думал — а может, кто-нибудь зашел на огонек. Хотя для визитов это самое неподходящее время суток.

Харрингтон стоял, молча глядя на Адамса, и чувствовал, что угрюмость отчасти покинула его — ибо Адамс остался тем же самым, не изменившись ни на йоту, оказавшись единственным реальным объектом из всей этой катавасии.

— Простите меня, но полы вашей рубашки не заправлены,— сообщил Адамс.

— Спасибо, я не заметил. Спасибо, что сказали.

— Вероятно, сэр, вам лучше лечь. Уже довольно поздно.

— Да-да, конечно, я скоро,— ответил Харрингтон.

Он послушал, как шаркающий звук шлепанцев Адамса удаляется по коридору, и начал заправлять рубашку.

И тут его внезапно осенило: полы рубашки — гораздо лучше, чем ниточка на пальце!

Потому что удивится любой, даже последний джентльмен, если полы его рубашки окажутся связанными узлом.

Он запихнул газету в карман пиджака и совсем выправил рубашку из брюк. Пришлось расстегнуть несколько пуговиц, чтобы сделать достаточно хороший узел.

Харрингтон постарался скрутить узел покрепче, чтобы он вдруг не развязался, и туго затянул его, чтобы нельзя было снять рубашку, не развязав узла.

И сочинил глупую строчку, которая должна сопровождать узел на рубашке:

Этот узел мне напомнит, что я — не последний джентльмен.

Потом вышел из дома, спустился по ступеням, обогнул дом и зашел в сарай, где хранился садовый инвентарь.

Там он долго жег спички, пока не отыскал кувалду. Так, с ней в руке, Харрингтон и пошел к машине.

И все это время неустанно повторял в уме ту самую строку: *Этот узел мне напомнит, что я — не последний джентльмен.*

Когда Харрингтон двинулся к двери с табличкой «ХАРВИ», вестибюль «Ситуации» блистал точно так же, как и прежде, и был таким же тихим и пустынным.

Он ожидал, что дверь будет заперта, но она оказалась открытой, и он вошел внутрь, аккуратно прикрыв ее за собой.

И оказался на узком балкончике, по кругу огибавшем зал. Позади была стена, а впереди — перила. А в обрамленном балконом колодце находилось не что иное, как сам Харви.

«Здравствуй, сынок,— произнес Харви, точнее, раздался его голос в мозгу Харрингтона.— *Здравствуй, сынок. Я рад, что ты вернулся домой».*

Харрингтон стремительно шагнул к перилам, прислонил к ним кувалду и ухватился за ограждение обеими руками, чтобы заглянуть в колодец, ощутив всеохватную отцовскую любовь, изливающуюся от этого предмета, громоздящегося на дне колодца,— давным-давно позабытую любовь, исходившую от существа с трубкой, в твидовом пальто и с седыми бакенбардами.

Под горло подкатил комок, глаза увлажнились, и Харрингтон забыл пустынную улицу снаружи и все свои одинокие годы.

А любовь все изливалась; любовь, понимание и легкое недоумение, что он ожидал встретить здесь что-либо кроме любви — любви предмета, с которым был связан столь интимными узами на протяжении всех тридцати лет.

«Ты на славу потрудился, сынок, я горжусь тобой. Я рад, что ты снова вернулся ко мне домой».

Харрингтон склонился через перила, стремясь приблизиться к скрытому на дне колодца отцу, и тут одна из перекладин ограждения попала на узел, завязанный на рубашке, и тот больно впился в живот.

Тут же сработал рефлекс, и Харрингтон почти автоматически сказал: *Этот узел мне напомнит, что я — не...*

А потом повторил это вполне сознательно и с пылом, словно песнопение: *Этот узел мне напомнит, что я — не последний джентльмен. Этот узел мне напомнит, что я — не...*

Он уже кричал, пот струился по его лицу, а он отчаянно, будто пьяный, старался оторваться от перил и по-прежнему осознавал, что отец здесь и ни на чем не настаивает, ничего не требует — лишь выражает легкое огорчение и недоумение по поводу подобной сыновней неблагодарности.

Рука Харрингтона соскользнула с перил, пальцы нащупали рукоятку кувалды, охватили и сжали ее, а потом рука поднялась уже с кувалдой — для броска.

Но еще во время его замаха позади клацнула дверная защелка, и Харрингтон резко развернулся.

В дверном проеме стоял Сэдрик Мэдисон, а на его похожем на маску смерти лице было выражение олимпийского спокойствия.

— Избавьте меня от него! — заорал Харрингтон.— Пусть он меня отпустит, а не то я вас прикончу!

И сам был удивлен тому, что готов подписаться под каждым словом, тому, что при всей своей мягкости обнаружил в своем сердце готовность убить человека, не задумываясь.

— Ладно,— ответил Мэдисон, и отцовская любовь исчезла, а мир стал холоден и пуст, и только они двое стояли лицом к лицу.

— Мне жаль, что так получилось, Харрингтон. Вы первый...

— Вы решили рискнуть, вы пытались отпустить меня. И чего же вы ждали — что я буду слоняться вокруг да гадать, что это вдруг со мной случилось?

— Я приму вас обратно. Это была неплохая жизнь, и вы сможете снова зажить точно так же.

— Уж на это вас станет! Вы с Уайтом и все остальные...

Мэдисон очень спокойно вздохнул.

— Выбросьте Уайта из головы. Бедный дурачок думает, что Харви...— оборвал фразу, не договорив, и хихикнул.— Поверьте, Харрингтон, это хитрое и надежное оборудование. Оно даже получше Дельфийского оракула.

Он был уверен в себе, уверен настолько, что Харрингтона прошила дрожь ужаса, ощущение, что его поймали в ловушку, загнали в угол, из которого уже никогда не вырваться.

«Взяли врасплох, в клещи,— подумал он.— Впереди — Мэдисон, позади — Харви». Теперь Харви мог в любую секунду обрушить новый удар, и, несмотря на все сказанное, несмотря

на стиснутую в руке кувалду, несмотря на связанную в узел рубашку и глупую рифмовку, Харрингтон с отчаянием понял, что вряд ли сумеет преодолеть этот удар.

— Мне невдомек ваше удивление,— мягко продолжал Мэдисон.— Ведь Харви, фактически говоря, все эти годы был вам отцом, почти отцом, а может — даже больше, чем отцом. Во дне и в ночи вы были с ним так близки, как ни с одним другим существом. Он присматривал и заботился о вас, а порой руководил вами, и ваша взаимосвязь была куда ощутимее, чем вы только можете представить.

— Но зачем? — спросил Харрингтон, отчаянно пытаясь отыскать какой-нибудь выход, какое-нибудь средство обороны, более существенное, чем узел на рубашке.

— Не знаю, как объяснить вам, чтобы вы поверили,— серьезно ответил Мэдисон,— но отцовские чувства вовсе не были уловкой. В это самое мгновение вы гораздо ближе Харви... пожалуй, даже мне, чем могли быть близки любому другому созданию. Никто не мог бы столько работать с вами, как Харви, и не выработать глубокой привязанности. И он, и я не желаем вам ничего, кроме добра,— так позвольте же нам доказать это

Харрингтон хранил молчание, но внутренне заколебался, хотя и понимал, что колебаться не следует. Просто слова Мэдисона не лишены смысла.

— Мир,— продолжал тот,— холоден и беспощаден, и не пожалеет вас Вы не сумели создать теплый и приятный мир — и то, что перед вами, не может не оттолкнуть вас У вас нет никакого повода оставаться в таком мире. Мы в силах вернуть знакомый вам уют, мы дадим вам безопасность и комфорт, и тогда вы наверняка будете счастливы. Оставаясь таким, как есть, вы не обретете взамен ничего. В возврате к любимому вами миру нет ни следа нелояльности по отношению к человечеству. Теперь вы не можете ни ранить человечество, ни нанести ему вред. Вы сделали свое дело...

— Нет! — крикнул Харрингтон.

Мэдисон покачал головой.

— Странные все-таки вы существа, Харрингтон.

— Существа! — завопил Харрингтон.— Вы говорите так, будто...

— Вы не лишены своего величия, но вас надо постоянно подталкивать, чтобы вытащить его наружу. Вас надо тешить

и лелеять, вас надо подвергать опасности, вам надо создавать проблемы. Вы похожи на детей, и мой долг, Харрингтон, моя святая обязанность возвести вас до величия. И я не позволю ни вам, ни кому-либо другому помешать исполнению этого долга.

«Так вот она, истина,— вопит в темных, жутких коридорах запоздалого осознания Она была там все время,— думал Харрингтон,— но я не видел ее».

Чисто рефлекторно он взмахнул кувалдой, словно сделав жест ужаса и отвращения, и словно со стороны услышал свой собственный голос, вопивший:

— Ах, черт вас дери, так вы даже не человек!

И когда он стал опускать кувалду по дуге вперед, Мэдисон уклонился в сторону, чтобы пропустить ее мимо. При этом его лицо, его руки и тело изменились, хотя слово «изменились» не совсем подходит — он словно расслабился; тело, лицо и руки, являвшие собой Мэдисона, перетекали обратно в свою привычную форму после долгого и томительного пребывания в виде человеческого тела. Человеческая одежда лопнула и разлетелась, словно давление изменяющейся плоти разодрало ее в клочья.

Он оказался крупнее — или так только казалось? — словно вынужден был стиснуть свои размеры, вписываясь в человеческие стандарты. И все-таки Мэдисон был гуманоидом, его похожее на маску смерти лицо почти не изменилось, лишь приобрело зеленоватый оттенок.

Кувалда громыхнула о пол и заскакала по стальной поверхности балкона, а существо, бывшее Мэдисоном, склонилось вперед с уверенностью чужака. Из Харви излился ураган ярости и отцовского гнева, а Харрингтон был нашкодившим и заслужившим наказание ребенком. Наказанием же служила смерть, ибо ни один непослушный ребенок не имеет права мешать выполнению великого и святого долга. И, стоя в потоке ураганного бешенства, от которого заколебался разум, Харрингтон ощутил неразрывное единство между машиной и чужаком, словно те двигались и думали в унисон.

Раздался рычащий, кашляющий звук ярости, и Харрингтон вдруг обнаружил, что близится к чужой твари, растопырив пальцы и напрягая мускулы, чтобы схватить и разодрать на куски

врага, вынырнувшего из окружающей пещеру тьмы. Он двигался вперед, прочно упираясь в землю полусогнутыми ногами, а в сознании гнездился глубинный страх — ужасный, приводящий в трепет страх, который и толкал его вперед. Но превыше страха была уверенность в силе, таящейся в его зверином теле.

На мгновение Харрингтона повергло в ужас сознание, что рычание и кашель исходят от него самого, а с его клыков каплет пена ярости битвы. Но потом ужас отступил, ибо теперь он наверняка знал, кто он такой, и все его прочие, пережитые и возможные личности отступили и растворились в его звериной сущности и неудержимом стремлении убивать.

Его руки дотянулись до чуждой плоти, схватили и начали раздирать ее в клочья, срывать ее с костей, и в диком, бешеном хаосе убийства он почти не чувствовал и не замечал, как его полосуют чужие когти и бьет чужой клюв.

Где-то раздался крик, пронзительный вопль чьего-то чужого страдания и боли, и все было кончено.

Харрингтон склонился над лежащим на полу телом и сам удивился урчанию, по-прежнему клокотавшему в горле.

Он выпрямился, поднял руки и при этом тусклом свете разглядел, что они испачканы липким алым, а доносившиеся из колодца вопли Харви постепенно угасали затихающим стоном.

Харрингтон склонился над перилами и заглянул в колодец — из каждой щели, из каждого стыка Харви изливалась в колодец какая-то темная волокнистая субстанция, словно жизнь и разум истекали из Харви на землю.

А еще откуда-то доносился голос (голос ли?): *«Дурак! Взгляни на дело рук своих! Что станется с тобой теперь?»*

— Справимся как-нибудь,— сказал Харрингтон — не последний джентльмен, но уже и не пещерный человек.

На одной руке у него был глубокий порез, из которого сочилась кровь, пропитывая ткань разодранного рукава пальто, одна половина лица была мокрой и липкой, но в остальном все было в порядке.

«Мы так долго вели вас по пути истинному,— сказал умирающий голос, ставший теперь слабым и далеким.— *Мы вели вас по нему столько веков...»*

«Да,— подумал Харрингтон.— Да, друг мой, вы правы. Некогда это был Дельфийский оракул, но сколько еще было эпох до того? Вы делали это с умом. Прежде — оракул, теперь — аналитический компьютер. А что в промежутке — монастырь? дворец? счетная палата?»

Хотя, наверно, вовсе не обязательно заниматься этим непрерывно. Достаточно вмешательства в каких-то критических точках.

И какова же была истинная цель этой деятельности? Направить запинающиеся шаги человечества, заставить людей мыслить так, как нужно чужим? Или приспособить человечество к нуждам этой инопланетной расы? А как выглядела бы культура человечества, если бы обошлось без вмешательства?

А сам он, гадал Харрингтон, не послужил ли он простой ширмой? Не он ли тот человек, в чей удел входило написать последний вердикт человечества после столетий формовки? Конечно, не своими словами, а словами этих двоих — того, в колодце, и этого, на балконе. Но двое ли их было? Быть может, только один? Или они были единым целым — каждый был лишь продолжением другого? Ибо когда умер Мэдисон, скончался и Харви.

— Твоя беда, дружок,— сказал Харрингтон лежавшему на полу существу,— что ты и сам во многом напоминал человека. Ты был слишком самоуверен и потому совершал ошибки.

А самой большой ошибкой была та, что они позволили ему в одной из ранних книг описать неандертальца.

Он медленно пошел к двери и на мгновение задержался у порога, чтобы оглянуться на громоздящееся на полу скорченное тело. Его найдут через час-другой и вначале, вероятно, подумают, что это Мэдисон; потом заметят изменения и поймут, что это не Мэдисон. И все будут весьма озадачены, особенно тем, что сам Мэдисон исчез. А еще будут гадать, что случилось с Харви, ведь тот больше не заработает. И найдут кувалду!

«Кувалда! Боже милосердный, я едва не забыл кувалду!»

Харрингтон вернулся и взял кувалду, внутренне содрогаясь от страха перед тем, что могло бы случиться, забудь он ее там. Его отыскали бы по отпечаткам пальцев, и полиция тут же явилась бы, чтобы узнать, что ему известно.

Но на перилах тоже должны быть отпечатки пальцев, надо стереть их.

Он вытащил носовой платок и начал вытирать перила, недоумевая, зачем так утруждается, ведь в его поступке нет никакой вины.

«Невинен!» — твердил он себе.

Но так ли это?

Был ли Мэдисон злодеем или благодетелем?

На этот вопрос не даст ответа никто.

По крайней мере пока. Вероятно, теперь это останется загадкой навеки — ведь человечество так прочно встало на предначертанный ему путь, что может так и остаться в колее. А Харрингтону до конца дней своих придется гадать, добру или злу послужило его деяние.

Он будет выискивать знаки и намеки, раздумывать над каждой тревожной новостью: быть может, эта лежащая на полу тварь предотвратила бы ее. Он будет просыпаться в ночи, терзаемый кошмарами об идиотской гибели пришельца от его, Харрингтона, собственной руки.

Харрингтон кончил полировать перила и пошел к двери. Тщательно протерев ее ручку, он закрыл ее за собой. И, словно подводя итог, развязал узел на рубашке.

Ни в вестибюле, ни на улице никого не было, и он немного постоял, озирая ее в холодном мертвенном свете утра.

Харрингтон съежился перед этим утренним светом и перед улицей, являвшимися символами этого мира. Ибо ему казалось, что улица криком кричит о его виновности.

Он знал, что есть способ забыть обо всем — стереть это из памяти раз и навсегда. Даже теперь еще цела тропинка, которая приведет его к комфорту и безопасности и даже — да, к самодовольству; и ступить на нее — почти неодолимое искушение. А почему бы и нет? Нет никакого повода отказываться. Для всех, кроме него, не будет никакой разницы.

Но он упрямо покачал головой, словно стараясь отогнать этим подобную мысль.

Перехватив кувалду другой рукой, он перешел улицу, открыл заднюю дверцу своей машины и швырнул кувалду на пол.

Остановившись у машины с пустыми руками, Харрингтон ощутил, как молчание накатывается на него, словно пульсирующий в мозгу неумолчный прибой.

Он сжал голову руками, чтобы она не разлетелась от напора изнутри, и ощутил ужасную слабость, понимая, что наступила реакция — нервы вдруг расслабились после чересчур длительного напряжения.

А потом парализующее молчание стало всего лишь всеобъемлющей тишиной, и Харрингтон устало опустил руки.

С дальнего конца улицы выехала машина, остановившись невдалеке от него.

Из нее доносился визгливый голос радио:

— ...в своем заявлении президенту Энрайт, отказываясь от принятого ранее поста, сказал, что в результате духовных исканий пришел к убеждению, что и для страны, и для мира будет лучше, если он отвергнет эту должность. По сообщениям из Вашингтона внешнеполитические обозреватели и дипломатический корпус пребывают в смятении, вопрошая: какое отношение к госдепартаменту имеют духовные искания?

Кроме того, сегодня утром поступила еще одна трудно поддающаяся оценке новость. Пекин сообщил о перестановках в правительстве, в результате чего к власти пришли умеренные его круги. Хотя судить пока слишком рано, подобная перестановка сил должна привести к полной перемене политического курса красного Китая...

Голос радио внезапно оборвался, из машины вышел человек, захлопнул дверцу и побрел по улице.

Харрингтон открыл переднюю дверцу своей машины и сел за руль. У него вдруг возникло странное чувство, что он о чем-то позабыл. Попытался вспомнить, но воспоминание ускользнуло.

Он сидел, ухватившись за руль, а его тело сотрясала мелкая дрожь — словно трепет облегчения, хотя сообразить, по какому поводу, Харрингтон не мог.

«Наверно, из-за Энрайта»,— сказал он себе. Ибо это хорошая новость; не то чтобы Энрайт не подходит на этот пост, наоборот, более достойного кандидата не найти — но теперь у человека появились право и долг быть только самим самой.

«То же право теперь есть и у человечества»,— подумал Харрингтон.

Но самым любопытным событием стала перестановка в китайском правительстве — словно с рассветом из мира ушел злой гений.

«А еще,— сказал он себе,— я должен вспомнить что-то насчет гениев — что-то насчет того, откуда берутся гении».

Но вспомнить этого никак не мог.

Опустив боковое стекло, он вдохнул резкий, свежий утренний ветерок. Наполнив легкие, Харрингтон выпрямил плечи и поднял подбородок. «Следует делать так почаще,— спокойно подумал он.— В зарождающемся дне есть нечто очистительное и возвышающее душу».

Выжав сцепление, он вывел машину на дорогу.

«Вот только Мэдисона жаль,— подумал он.— Как ни крути, славный он был парень».

Холлис Харрингтон, последний джентльмен, ехал навстречу занимающемуся дню.

Была суббота, и дело шло к вечеру, так что я устроился на крылечке и решил как следует поддать. Бутылку я держал под рукой, настроение у меня было приподнятое и поднималось все выше, и тут на дорожке, ведущей к дому, показались двое — пришелец и его робот.

Я сразу смекнул, что это пришелец. Выглядел он, в общем-то, похожим на человека, но за людьми роботы по пятам не таскаются.

Будь я трезв как стеклышко, у меня, может, глаза слегка и полезли бы на лоб: с чего бы пришельцу взяться у меня на дорожке,— и я бы хоть чуточку усомнился в том, что вижу. Но трезв я не был, вернее, был уже не вполне трезв.

Так что я ответил пришельцу: «Добрый вечер»,— и предложил присесть. А он ответил: «Спасибо»,— и сел.

— Ты тоже садись,— обратился я к роботу и подвинулся, чтоб ему хватило места.

— Пусть стоит,— ответил пришелец.— Он не умеет сидеть. Это просто машина.

Робот лязгнул на него шестеренкой, а больше ничего не сказал.

— Глотни,— предложил я, приподнимая бутылку, но пришелец только головой помотал.

— Не смею,— ответил он.— Метаболизм не позволяет.

Это как раз из тех хитроумных слов, с какими я немного знаком. Когда работаешь в лечебнице у доктора Абеля, поневоле поднахватаешься медицинской тарабарщины.

— Какая жалость! — воскликнул я.— Не возражаешь, если я хлебну?

— Нисколько,— сказал пришелец.

Ну я и хлебнул от души. Видно, чувствовал, что выпить надо позарез. Потом я поставил бутылку, вытер губы и спросил, нет ли чего другого, чем можно бы его угостить. А то с моей стороны ужасно негостеприимно было сидеть и лакать виски, а ему даже и не предлагать.

— Вы можете рассказать мне про этот город,— ответил пришелец.— Кажется, его имя Милвилл?

— Милвилл, это точно. А что тебе надо про него знать?

— Всевозможные грустные истории,— сказал робот. Он наконец решил заговорить.

— Робот не ошибается,— подтвердил пришелец, устраиваясь поудобнее в позе, явно выражающей предвкушение.— Поведайте мне обо всех здешних бедах и несчастьях.

— А с чего начать? — поинтересовался я.

— Хотя бы с себя.

— С меня? У меня никогда не было никаких несчастий. Всю неделю я подметаю в лечебнице, а по субботам надираюсь в дым. За воскресенье мне надо протрезветь, чтобы с понедельника начать подметать снова. Поверь мне, мистер,— втолковывал я ему,— нет у меня несчастий. Сижу я на своем месте крепко. Свожу концы с концами...

— Но, вероятно, есть и другие...

— Что есть, то есть. Ты за всю жизнь не слышал столько жалоб, сколько нынче развелось в Милвилле. Тут у всех, кроме меня, целая прорва всяких бед. Еще куда бы ни шло, если б они не трепались про эти беды направо и налево...

— Вот и расскажите мне,— перебил он.

Пришлось хлебнуть еще разок и рассказать ему про вдову Фрай, что живет чуть дальше по улице. Я сказал, что вся ее жизнь была сплошной мукой: муж сбежал от нее, когда сынишке исполнилось три годика и она брала стирку, а потом, когда сыну исполнилось тринадцать или четырнадцать, не больше, он угнал машину, и его отправили на два года в исправительную колонию в Глен-Лейк.

— И это все? — спросил пришелец.

— В общих чертах все,— ответил я.— Но я, конечно, упустил многие цветистые и мрачные подробности из тех, до которых так охоча вдова. Послушал бы ты, как она сама об этом рассказывает...

— А вы можете это устроить?

— Что устроить?

— Чтоб она сама мне обо всем рассказала.

— Обещать не могу,— заявил я честно.— Вдова обо мне невысокого мнения. Она со мной и говорить не захочет.

— Но я не понимаю...

— Она достойная, богобоязненная женщина,— объяснил я,— а я подлый бездельник. Да еще и пьяница.

— Она что, не любит пьяниц?

— Она полагает, что пить — грех.

Пришелец вроде как вздрогнул.

— Ясно. Видно, всюду, как присмотришься, одно и то же.

— Значит, и у вас есть такие, как вдова Фрай?

— Не совсем такие, но с такими же взглядами.

— Ну что ж,— сказал я, приложившись еще разочек,— значит, другого выхода у нас нет. Как-нибудь продержимся...

— Вас не слишком затруднит,— осведомился пришелец,— рассказать мне еще про кого-нибудь?

— Что ты, вовсе нет,— заверил я.

И рассказал ему про Элмера Троттера, который зубами прогрыз себе дорогу в юридическую школу в Мэдисоне, не гнушаясь никаким занятием, лишь бы заработать на ученье,— ведь родителей у него не было. Он окончил курс, сдал экзамены на адвокатское звание, вернулся в Милвилл и открыл собственную контору.

Я не мог передать пришельцу, как это случилось и почему, хотя про себя всегда считал, что Элмер был по горло сыт бедностью и ухватился за первый шанс зашибить деньгу. Никто, наверное, не понимал лучше него, что сделка бесчестная,— он же был юрист, не что-нибудь. Однако он все равно не отступился, и его поймали.

— И что потом? — спросил пришелец, затаив дыхание.— Он был наказан?

И я рассказал ему, что Элмера лишили права на адвокатуру, а Элиза Дженкинс расторгла помолвку и вернула ему кольцо, и пришлось Элмеру стать страховым агентом и влачить самое жалкое существование. Как он только ни пыжился, чтобы вернуть себе адвокатскую практику, да ни шиша у него больше не вышло.

— Ты все записал? — спросил пришелец у робота.

— Все записано,— ответил тот.

— Какие потрясающие нюансы! — воскликнул пришелец.— Какая жестокая, всеподавляющая реальность!..

Я не мог взять в толк, о чем это он, ну и попросту еще выпил.

А потом продолжал, не дожидаясь новых просьб, и рассказал про Аманду Робинсон и ее несчастную любовь и про то, как она стала самой благонравной и унылой из милвиллских старых дев. И про Эбнера Джонса и его бесконечные неудачи: он никак не желал расстаться с убеждением, что родился великим изобретателем, и семья у него жила впроголодь и в рванье, а он только и знал, что изобретать...

— Какая скорбь! — воскликнул пришелец.— Какая замечательная планета!..

— Лучше бы вы закруглялись,— предупредил его робот.— Вам же известно, что будет дальше...

— Ну еще одну,— взмолился пришелец.— Я ни в одном глазу. Одну самую-самую последнюю...

— Послушай,— сказал я ему.— Я не против рассказывать тебе байки, раз тебе этого хочется. Но, может, ты сначала расскажешь хоть немножко о себе. Я понимаю так, что ты пришелец...

— Разумеется,— ответил пришелец.

— И ты прилетел к нам в космическом корабле?

— Ну не то чтобы в корабле...

— Но если ты пришелец, отчего ты говоришь по-нашему так гладко?

— А, вот вы про что,— сказал пришелец.— Это для меня не очень приятный вопрос.

Робот сокрушенно пояснил:

— Они обобрали его до нитки.

— Значит, ты заплатил за это?

— Непомерно много,— ответил робот.— Они увидели, что ему невтерпеж, и взвинтили цену.

— Но я с ними расквитаюсь,— вставил пришелец.— Если я не сумею извлечь из этой поездки прибыль, пусть меня никогда больше не назовут...

И он произнес что-то длинное, заковыристое и совершенно бессмысленное.

— Это тебя так зовут? — спросил я.

— Конечно. Но вы зовите меня Вильбур. А робота — робота можете звать Лестер.

— Привет, ребята. Очень рад с вами познакомиться. Меня зовут Сэм,— сказал я и глотнул еще чуточку.

Мы сидели на крылечке, и всходила луна, и светлячки мерцали в зарослях сирени, и мир готов был пуститься в пляс. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

— Ну еще одну,— умоляюще произнес Вильбур.

Тогда я пересказал ему несколько историй болезни, заимствованных из психолечебницы. Я старался выбирать случаи потяжелее, и Вильбур принялся реветь, а робот заявил:

— Сами видите, что вы наделали. У него пьяная истерика.

Но тут Вильбур вытер глаза и сообщил, что все в порядке и чтобы я только не останавливался, а уж он постарается как-нибудь сдержать себя.

— Что такое? — спросил я, слегка удивившись.— Ты что, хмелеешь от этих грустных историй?

— А вы что думали? — ответил робот Лестер.— Зачем бы ему иначе сидеть и слушать вашу болтовню?

— А ты тоже хмелеешь? — осведомился я у Лестера.

— Конечно нет,— ответил Вильбур.— Он лишен эмоций. Это просто машина.

Я хлебнул еще разок и хорошенько все обдумал, и все сделалось ясно как день. И я поведал Вильбуру свою жизненную философию:

— Сегодня субботний вечер, самое время налакаться и поплакаться в жилетку. Так что давай...

— Я — за,— всхлипнул Вильбур,— пока у вас язык ворочается, я — за...

Лестер лязгнул шестеренкой, вероятно выражая свое неудовольствие, но смолчал.

— Запиши все до слова,— приказал Вильбур роботу.— Мы заработаем на этом миллион. Надо же вернуть себе то, что переплачено за обучение! — Он тяжко вздохнул.— Нет, я не жалею о деньгах. Что за прелестная, преисполненная скорбей планета!

И я завелся и уже не снижал оборотов, и ночь становилась все краше с каждой благословенной минутой.

Где-то к полуночи я надрался до того, что едва держался на ногах, а Вильбур — до того, что икал от слез, и мы, вроде как по обоюдному согласию, сдались. Мы поднялись с крылечка и в обнимку прошли через дверь в дом, правда, я потерял Вильбура по дороге, но до кровати кое-как добрел, а больше ничего не помню.

Когда я проснулся, то сразу понял, что уже воскресное утро. Солнце било сквозь окно, было ясно и пахло ханжеством, как всегда по воскресеньям в наших краях.

Обычно по воскресеньям тихо, и этого одного довольно, чтобы не любить воскресений. Однако сегодняшнее выдалось вовсе не тихим — снаружи доносился ужасный шум, словно кто-то швырял камнями в пустую консервную банку.

Я выкатился из постели, и вкус у меня во рту был такой пакостный, какой и следовало ожидать. Тогда я протер глаза, а то в них будто песку насыпали, и потопал в другую комнату, и только перешагнул порог, как едва не наступил на Вильбура.

Сперва я здорово испугался, а потом припомнил, кто это, и застыл, глядя на него и не слишком веря своим глазам. Подумал, что он, не дай бог, мертв, но тут же убедился — живой. Он лежал на спине плашмя, раскрыв свою плоскую, как у сома, пасть, и похожие на перья усики у него над губой при каждом вздохе вставали торчком, а затем опадали.

Я перешагнул через него и направился к двери разобраться, что за тарарам на дворе. Там стоял Лестер, робот, в точности на том месте, где мы оставили его вечером, а на дорожке собралась ватага ребятни и кидала в него камнями. Ребятня попалась меткая, как по заказу: что ни бросок, то в Лестера, почти без промаха.

Я цыкнул на них, и они бросились врассыпную. Им ли было не знать, какую я могу задать трепку...

Только-только я собрался вернуться в дом, как на дорожку влетела машина. Из нее выпрыгнул Джо Флетчер, наш констебль, и я сразу понял, что настроеньице у него — не приведи господи. Джо остановился перед крыльцом, упер руки в боки и принялся сверлить нас взглядом — сначала Лестера, потом меня.

— Сэм,— спросил он с отвратительной усмешкой,— что тут происходит? Один из твоих сиреневых слонов ожил и явился к тебе на постой?

— Джо,— сказал я торжественно, пропуская оскорбление мимо ушей,— разреши представить тебе Лестера.

Джо совсем уже изготовился заорать на меня, как вдруг в дверях показался Вильбур.

— А это Вильбур,— добавил я.— Вильбур — пришелец, а Лестер, как ты сам понимаешь...

— Вильбур — кто? — гаркнул Джо.

Вильбур выступил на крыльцо и объявил:

— Что за скорбное лицо! И сколь благородное притом!..

— Он тебя имеет в виду,— пояснил я констеблю.

— Если вы вздумаете продолжать в том же духе,— прорычал Джо,— я засажу вас обоих в каталажку.

— Я не хотел вас обидеть,— сказал Вильбур.— Если я ненароком задел ваши чувства, то готов принести извинения.

Чувства Джо — с ума сойти можно!

— Вижу с первого взгляда,— продолжал Вильбур,— что жизнь вас не баловала...

— Чего не было, того не было,— согласился Джо.

— Мне тоже пришлось несладко,— сказал Вильбур, усаживаясь на ступеньку.— А теперь настали деньки, когда, как ни старайся, не отложишь и цента.

— Мистер, вы правы,— откликнулся Джо.— Ну точно это же я сказал своей хозяйке нынче утром, когда она взялась пилить меня, что у детишек башмаки прохудились...

— Просто чудо, как еще удается заработать себе на хлеб.

— Слушайте, вы же еще ничего не знаете!..

И разрази меня гром, не успел я и до трех сосчитать, как Джо уселся рядом с пришельцем и начал выкладывать ему свои горести.

— Лестер,— предупредил Вильбур,— не забудь записать все это...

Я поплелся обратно в дом и быстренько опрокинул стопку, чтоб успокоить желудок, прежде чем приступать к завтраку. Есть, в общем-то, не хотелось, но я понимал, что надо. Я отыскал яйца и бекон и задумался, чем же кормить Вильбура. Мне вдруг припомнилось, какой у него странный метаболизм, что не выносит спиртного, а если пришельцу не по нутру добрый виски, то не похоже, чтоб он набросился на яичницу с беконом.

Не успел я покончить с завтраком, как через заднюю дверь ко мне на кухню ворвался Хигмен Моррис. Хигги — наш мэр, столп церкви, член школьного совета, директор банка и вообще шишка на ровном месте.

— Сэм,— завопил он,— довольно наш город от тебя натерпелся! Мы мирились с твоим пьянством, с твоей никчемностью и с отсутствием патриотизма. Но это уже слишком!

Я вытер яйцо с подбородка.

— Что — слишком?

Хигги едва не задохнулся от негодования.

— Это публичное представление! Этот бесплатный цирк! Нарушение общественного порядка! И еще в воскресенье!..

— Вон оно что,— сказал я,— вы намекаете на Вильбура и его робота.

— Перед домом собирается толпа, мне звонили уже человек десять, а Джо сидит себе там с твоим... твоим...

— Пришельцем,— подсказал я.

— И они ревут, обнявшись, как трехлетние дети, и... Что? Пришельцем?..

— Точно,— подтвердил я.— Кем же еще он, по-вашему, может быть?

Хигги дрожащей рукой подтянул к себе стул и бессильно опустился на сиденье.

— Сэмюэль,— тихо сказал он,— повтори-ка свои слова еще раз. Кажется, я чего-то недослышал.

— Вильбур — пришелец,— повторил я ему,— из другого мира. Он и робот явились к нам, чтобы слушать грустные истории.

— Грустные истории?

— Точно. Ему нравятся грустные истории. Одним нравятся истории веселые, другим похабные, а ему вот грустные.

— Он пришелец,— произнес Хигги, ни к кому не обращаясь.

— Пришелец, пришелец, не сомневайтесь,— отозвался я.

— Ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно.

Хигги разволновался.

— Неужели ты не понимаешь, что это значит для Милвилла! Наш малюсенький городок — первое место на Земле, которое посетил пришелец!

Я хотел только одного: чтоб он заткнулся и убрался восвояси — и дал мне опрокинуть стопку после завтрака. Хигги не употреблял спиртного, особенно по воскресеньям. Он, чего доброго, умер бы от ужаса.

— К нам теперь будут ломиться со всего света! — закричал Хигги. Вскочив со стула, он кинулся из кухни в комнату.— Я обязан официально приветствовать высокого гостя!..

Я поплелся следом за ним — я не простил бы себе, если б упустил такое зрелище.

Джо успел уйти, Вильбур сидел на крылечке в одиночестве, и я-то видел, что он уже основательно нагрузился. Хигги

приблизился к нему, выпятил грудь, простер вперед руку и завел торжественно, по полной форме:

— Мне как мэру города Милвилла доставляет величайшее удовольствие передать вам наш сердечный привет...

Вильбур пожал ему руку и сказал:

— Быть главой города — высокая честь и большая ответственность. Уму непостижимо, как вы не сгибаетесь под тяжестью подобной ноши.

— Признаться, временами...— вымолвил Хигги.

— Но вы, как видно, принадлежите к числу людей, озабоченных всецело благополучием ближнего своего, а потому, естественно, вынуждены повседневно сталкиваться с непониманием и неблагодарностью...

Хигги грузно опустился на ступеньки.

— Сэр,— обратился он к Вильбуру,— вы не поверите, сколько мук мне приходится выносить.

— Лестер,— произнес Вильбур,— не забудь записать...

Я ушел в дом. Этого я переварить не мог.

На улице уже собралась целая толпа: мусорщик Джейк Эллис, хозяин «Веселого мельника» Дон Майерс и множество других. И там же — ее оттирали кому не лень, а она все равно высовывалась — крутилась вдова Фрай. Люди как раз шли в церковь, ну и останавливались по пути поглазеть, потом топали дальше, но на их месте тут же появлялись другие, и толпа нисколько не редела, а, напротив, росла и росла.

Я пошел на кухню и опрокинул свою стопку, вымыл посуду и опять задумался, чем бы покормить Вильбура. Хотя в данный момент он, судя по всему, не слишком-то нуждался в еде.

Потом я перешел в комнату, сел в кресло-качалку и скинул с ног сапоги. Я сидел в качалке, шевеля пальцами ног и размышляя о том, что за дикая у Вильбура привычка надуваться печалью вместо доброго алкоголя.

День выдался теплый, а я притомился, и покачивание, должно быть, навеяло на меня дремоту, потому что вдруг я очнулся и понял, что не один. Я не сразу увидел, кто это, но все равно знал, что в комнате кто-то есть.

Это оказалась вдова Фрай. Она надела свое воскресное платье — после стольких-то лет, когда она проходила мимо по противоположной стороне улицы, словно вид моей халупы или

мой собственный вид могли осквернить ее зрение,— после стольких-то лет она явилась ко мне, разодевшись и сияя улыбкой! А я сижу себе похмельный и в одних носках.

— Сэмюэль,— сказала вдова Фрай,— не могу не поделиться с тобой. По-моему, твой мистер Вильбур — просто чудо...

— Он пришелец.

Я едва-едва проснулся и был еще порядком не в себе.

— Какая мне разница, кто он! — воскликнула вдова.— Он джентльмен, преисполненный такого сочувствия... Ни капельки не похож на жителей этого ужасного города.

Я вскочил на ноги, не зная, в сущности, что предпринять. Она застала меня врасплох, в самом что ни на есть непрезентабельном виде. Уж кого-кого со всего белого света я мог ждать к себе в гости, только не ее. Я чуть не предложил ей выпить, да хорошо — в последнюю секунду опомнился.

— Вы что, говорили с ним? — спросил я, заикаясь.

— И я, и все остальные,— ответила вдова Фрай.— Он такой обаятельный! Поделишься с ним своими заботами — и они вроде как улетучатся. Там целая уйма народу ждет своей очереди.

— Ну что ж,— сказал я ей,— рад слышать это от вас. Но как он выдерживает такую нагрузку?

Вдова придвинулась поближе ко мне и снизила голос до шепота:

— По-моему, он изнемогает. Я бы сказала... я бы сказала, что он в состоянии опьянения, если бы не боялась его обидеть.

Я быстренько взглянул на часы.

— Мама родная! — вырвалось у меня.

Было уже почти четыре часа дня. Вильбур просидел там шесть или семь часов подряд, поглощая без разбора все печали, какие только мог предложить ему этот городишко. Сейчас он, дело ясное, насосался до самых бровей.

Я кинулся к двери — и точно, Вильбур сидел на крылечке, слезы текли у него по лицу, и слушал он не кого-нибудь, а Джека Риттера,— а враля нахальнее, чем старина Джек, не встретишь ни в нашей округе, ни в соседних. Он наверняка выкладывал Вильбуру чистый бред, который выдумывал с ходу.

— Извини, Джек,— бросил я, поднимая Вильбура на ноги.

— Но я как раз говорил ему о том...

— Ступай домой! — цыкнул я на него.— И остальные тоже! Вы его вымотали до упора...

— Мистер Сэм,— признался Лестер,— как я рад, что вы пришли. Меня он совсем не слушался.

Вдова Фрай придержала дверь, а я втащил Вильбура в дом и положил его на свою кровать, чтоб он проспался. Вдова подождала меня на крылечке.

— Знаете что, Сэмюэль,— сказала она,— я приготовила на ужин цыплят. Их у меня больше, чем я могу съесть одна. Не хотите ли зайти и составить мне компанию?

Я просто онемел на мгновение, потом покачал головой.

— Спасибо за приглашение, только я должен последить за Вильбуром. На робота он — ноль внимания.

Вдова была разочарована.

— Может, как-нибудь в другой раз?

— Да, как-нибудь в другой раз.

Когда она удалилась, я вышел снова и пригласил в дом Лестера.

— Ты можешь сесть,— спросил я,— или должен стоять?

— Я должен стоять,— ответил Лестер.

Тогда я успокоился — пусть стоит,— а сам сел в качалку.

— Что ест Вильбур? — спросил я.— Он, наверное, проголодался.

Робот раскрыл дверцу посередине груди и достал странного вида бутылочку. Он встряхнул ее, и я услышал, как внутри что-то задребезжало.

— Вот его пища,— сказал Лестер.— Он принимает по бутылочке в день.

Лестер уже собирался отправить бутылочку обратно, как вдруг из дверцы выпала тугая объемистая пачка. Робот нагнулся и подобрал ее.

— Деньги,— пояснил он.

— Значит, у вас там тоже есть деньги?

— Эти нам дали, когда мы прошли обучение. Стодолларовые купюры.

— Стодолларовые?..

— Иначе получилось бы слишком громоздко,— учтиво ответил Лестер, запихнул деньги и бутылочку обратно в глубь груди и защелкнул дверцу.

Я сидел как в тумане. Стодолларовые купюры!..

— Лестер,— посоветовал я,— не следовало бы, пожалуй, показывать эти деньги кому попало. Не ровён час, попробуют отнять.

— Знаю,— ответил Лестер,— и держу при себе.

Он похлопал себя по груди. Такой хлопок без труда снес бы человеку голову с плеч.

Я сидел, покачиваясь в кресле, и от обилия разных мыслей казалось, что мозг мой тоже раскачивается взад-вперед в такт с креслом. Во-первых, Вильбур со своим диковинным способом напиваться, во-вторых, поведение вдовы Фрай, да еще эти стодолларовые купюры!

Особенно стодолларовые купюры.

— Слушай, что там у вас получилось с обучением? — поинтересовался я.— Ты упомянул, что оно нелегальное...

— Самое что ни на есть нелегальное,— ответил Лестер.— Этим занимается один растленный тип, который прокрался сюда и записал все на пленку, а теперь торгует потихоньку...

— Но почему прокрался? Почему потихоньку?

— Запретная зона,— ответил Лестер.— Вне пределов разрешенного. За чертой дозволенного. Ясно ли я выражаюсь?

— И этот растленный тип догадался, что можно продать вам информацию, записанную на пленку, и эту... Как ты сказал?..

— Модель чужой культуры,— ответил Лестер.— Ваша логика ведет вас по верному пути, однако это в действительности не столь просто.

— Наверное, нет,— согласился я.— И тот же растленный тип заграбастал ваши денежки, не так ли?

— Вот именно. Заграбастал целую кучу денег.

Я посидел еще немного, потом пошел взглянуть на Вильбура — тот спал без просыпа, при вдохе втягивая усики в свою сомовью пасть, а при выдохе выплевывая их обратно. Тогда я отправился на кухню и приготовил себе обед.

Только-только я поел, как в дверь постучали. На сей раз это оказался доктор Абель из лечебницы.

— Добрый вечер, док,— сказал я.— Сейчас я организую чего-нибудь выпить.

— Проживу без выпивки,— отозвался док.— Лучше покажи мне своего пришельца.

Он двинулся в комнату, увидел Лестера, да так и остолбенел. Лестер, надо думать, понял, что доктор удивлен не на шутку, и постарался тотчас же его успокоить:

— Я так называемый робот пришельца. Невзирая на тот очевидный факт, что я просто машина, я в то же время пре-

данный слуга. Если вы хотите поведать нам свои печали, можете конфиденциально сообщить их мне. А я не премину передать их своему хозяину.

Доктор как будто слегка попятился, но на ногах все же удержался.

— Вы принимаете любые печали,— спросил он,— или вам желателен какой-то особый сорт?

— Хозяин,— отвечал Лестер,— предпочитает глубокую скорбь, но не отказывается и от печалей всякого иного рода.

— Вильбур от них косеет,— вставил я.— Сейчас он в спальне, дрыхнет с перепою.

— Более того,— продолжал Лестер,— говоря между нами, такой товар нетрудно и продать. У нас дома найдется немало страстных охотников до первосортных горестей, присущих данной планете.

Брови у доктора взлетели так высоко, что почти коснулись шевелюры.

— Тут все по чести,— заверил я его.— Без всяких фокусов. Хотите взглянуть на Вильбура?

Док кивнул. Я подвел его к кровати, и мы застыли у изголовья, глядя на Вильбура сверху вниз. Когда пришелец спал вытянувшись, то представлял собой премерзкое зрелище.

Док поднял руку ко лбу и с силой провел ею по лицу, оттягивая челюсть и приобретая сходство с ищейкой. Его большие, толстые, отвислые губы издали под ладонью хлюпающий звук.

— Будь я проклят! — произнес док.

Тут он повернулся и вышел из спальни, а я потащился следом. Док, не задерживаясь, направился к двери и вышел на улицу. Спустился немного по дорожке, потом остановился и подождал меня, а потом внезапно, вытянув руки, схватил меня за грудки — рубаха до того натянулась, чуть не лопнула.

— Сэм,— сказал он,— ты у меня работаешь много лет и вроде становишься стар. Большинство других на моем месте уволили бы тебя, старика, и наняли кого помоложе. Я вправе уволить тебя в любую минуту, когда захочу.

— Наверное, так,— ответил я и испытал гнусное чувство, потому что раньше ни разу не задумывался, что меня когда-нибудь уволят. Подметаю я в лечебнице на совесть и не чураюсь грязной работы. Представляете, как это будет скверно, когда

придет очередная суббота, а у меня не окажется денег на выпивку!

— Ты был преданный и честный работник,— продолжал между тем док, вцепившись мне в рубаху,— а я добрый хозяин. Я всегда ставил тебе бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

— Все точно,— подтвердил я.— Все до последнего слова.

— Ты же не станешь водить за нос своего друга доктора,— сказал док.— Всех остальных в этом глупом городишке, может, и станешь, а своего друга доктора — нет.

— Но, док,— запротестовал я,— я и не вожу никого за нос...

Док наконец отпустил мою рубаху.

— Бог с тобой, я и не думаю, что водишь. Все действительно так, как мне говорили? Он сидит, выслушивает чужие беды, и те, кто побеседовал с ним, сразу чувствуют себя лучше?

— Вдова Фрай уверяет, что да. Говорит, посидела с ним, и заботы вроде как улетучились.

— Святая правда, Сэм?

— Святая правда.

Доктор Абель разволновался. Он опять схватил меня за рубаху.

— Ты что, не видишь, что на нас свалилось? — чуть не закричал он на меня.

— На нас? — переспросил я.

Он не обратил на это внимания.

— Величайший психиатр,— изрек док,— какого когда-либо знал мир! Крупнейший вклад в психиатрию с самого начала времен! Понимаешь, к чему я клоню?

— Пожалуй, понимаю,— сказал я, хотя не понял ровным счетом ничего.

— Больше всего,— изрек док,— человечество нуждается в ком-то или в чем-то, на кого или на что можно перевалить свои заботы. В ком-то, кто одним магическим касанием изгонит все тревоги. Суть дела тут, разумеется, в исповеди — в том, чтобы символически переложить свою ношу на чужие плечи. Один и тот же принцип срабатывает в церковной исповедальне, в профессиональной психиатрии и в дружбе — дружба глубока и прочна лишь тогда, когда на плече у друга можно поплакаться...

— Док, вы правы,— сказал я, начиная помаленьку соображать, что к чему.

— Беда в том, что принимающий исповедь тоже человек. И по-человечески ограничен. Тому, кто исповедуется, это известно. Исповедник не в силах гарантировать, что сумеет разделить любое несчастье, любую страсть. А здесь перед нами нечто принципиально иное. Пришелец — существо со звезд, не связанное человеческими предрассудками. Из самого определения следует, что он в состоянии принять любые печали и вобрать их своим нечеловеческим естеством...

— Док,— завопил я,— если бы вы заполучили Вильбура в лечебницу!..

Док мысленно потирал руки.

— Именно об этом я и подумал.

С каким удовольствием я дал бы себе пинка под зад за свой неумеренный восторг! Теперь я сделал все, что мог, лишь бы вернуть утраченные позиции.

— Не знаю, док. С Вильбуром, наверное, не сговориться.

— Ну что ж, давай вернемся и попробуем.

— Не знаю,— упирался я.

— Нельзя терять ни минуты. К утру слухи расползутся на много миль, и здесь будет не продохнуть от газетчиков, телевизионных фургонов и бог весть кого еще. Набегут ученые сопляки, правительственные агенты, и дело выскользнет из наших рук.

— Лучше я потолкую с ним с глазу на глаз,— сказал я.— У него, не ровен час, язык с перепугу отнимется, если вы начнете путаться под ногами. А меня он знает и, может, послушает...

Как ни крутился док, как ни мялся, но в конце концов согласился.

— Я подожду в машине,— предложил он.— Если понадоблюсь, позовешь.

Хрустя гравием, он ушел по дорожке к своей машине, а я возвратился в дом.

— Лестер,— обратился я к роботу,— мне необходимо поговорить с Вильбуром. Это очень важно.

— Никаких грустных историй,— предупредил Лестер.— На сегодня с него хватит.

— Нет-нет. У меня к нему предложение.

— Предложение?

— Сделка. Деловое соглашение.

— Ладно,— согласился Лестер,— я его подниму.

Поднять его оказалось не так-то просто, но в конце концов мы вынудили его проснуться и сесть в постели.

— Вильбур, слушай меня внимательно,— начал я.— Я тут припас кое-что специально для тебя. Есть такое место, где всех терзают страшные заботы и ужасающие печали. Понимаешь, не некоторых, а всех без исключения. Эти люди настолько озабочены и скорбны, что не могут жить с другими вместе.

Вильбур выбрался из постели и, покачиваясь, встал на ноги.

— В-веди м-меня туда немедля,— произнес он.

Я толкнул его обратно на кровать.

— Это не так просто. Туда нелегко проникнуть.

— Но вы как будто сказали...

— Понимаешь, у меня есть друг, который может это для тебя устроить. Но, пожалуй, потребуются деньги...

— Приятель,— заявил Вильбур,— денег у нас вагон. Сколько тебе нужно?

— Трудно сказать заранее.

— Лестер, передай ему деньги, чтоб он обо всем договорился.

— Хозяин,— воспротивился Лестер,— не знаю, стоит ли...

— Сэм заслуживает доверия,— заявил Вильбур.— Он не хапуга и не потратит ни на цент больше, чем необходимо.

— Ни на цент,— пообещал я.

Лестер отворил дверцу у себя на груди и вручил мне пачку стодолларовых купюр, а я кое-как запихнул ее в карман.

— Ждите меня здесь,— объявил я им,— пока я не повидаюсь со своим другом. Я скоро вернусь.

И я быстренько занялся сложением и вычитанием, теряясь в догадках, какую же сумму можно вытрясти из доктора Абеля. Не мешает сперва заломить побольше, чтобы было что уступить, когда док примется рычать, стонать и плакать и напоминать мне, что мы с ним старые друзья и что он всегда ставил мне бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

Я собрался уже выйти из комнаты — и остолбенел.

В дверях стоял второй Вильбур. Хотя едва я пригляделся к нему попристальнее, сразу уловил некоторую разницу. И не успел новый Вильбур и слова вымолвить, не успел и шагу ступить, как я испытал тошнотворное чувство, что все покатилось вкривь и вкось.

— Добрый вечер, сэр,— сказал я.— Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне.

Он и ухом не повел.

— Я вижу, у вас гости. Прискорбно, но придется разлучить их с вами.

Лестер заскрежетал у меня за спиной, словно у него шестеренки поотваливались, а Вильбур — я увидел уголком глаза — вытянулся, будто палку проглотил, и побелел как полотно.

— Ну зачем же так,— вступился я.— Они едва-едва прибыли...

— Вы не улавливаете сути дела,— сообщил пришелец, стоящий в дверях.— Они нарушители закона. Я уполномочен забрать их.

— Приятель,— обратился ко мне Вильбур,— я искренне сожалею. Так я и знал, что ничего у нас не выйдет.

— Теперь,— заявил Вильбуру второй пришелец,— вы окончательно убедились в этом и оставите свои попытки...

Все было яснее ясного, довольно было чуть пошевелить мозгами — даже удивительно, как я не додумался до этого раньше. Ведь если Земля запретна для авантюристов, собиравших информацию для обучения Вильбура, то тем более...

— Мистер,— обратился я к пришельцу, что застрял в дверях,— тут имеется кое-что, в чем вы, по-видимому, не отдаете себе отчета. Не могли бы мы с вами обсудить это дело один на один?

— Буду рад,— отвечал пришелец вежливо до боли,— но, пожалуйста, поймите, что я обязан выполнить свой долг.

— Ну о чем речь,— сказал я.

Пришелец отделился от двери, подал знак — и в комнату ввалились два робота, до того стоявшие за дверью, где я их не видел.

— Меры безопасности приняты,— заявил пришелец,— и мы вправе удалиться для разговора. Готов слушать вас со всем вниманием...

Тогда я вышел на кухню, а он следом за мной. Я сел у стола, он напротив.

— Должен принести вам извинения,— степенно сказал он.— Этот негодяй проник на вашу планету и лично к вам обманным путем.

— Мистер,— сказал я в ответ,— ничего-то вы не поняли. Мне этот ваш перебежчик нравится.

— Нравится? — переспросил он, потрясенный.— Но это немыслимо! Он — ничтожный пропойца, более того...

— Более того,— закончил я за пришельца, перехватывая инициативу,— он приносит нам уйму пользы!

Пришельца будто током ударило.

— Вы не ведаете, что говорите! Он тащит из вас ваши печали, и смакует их самым омерзительным образом, и записывает на пленку, чтобы пережевывать их снова и снова к вашему вечному стыду, и более того...

— Да вовсе это не так! — крикнул я.— Нам идет на пользу, когда мы вытаскиваем свои печали и выставляем их напоказ...

— Отвратительно! Более того — нескромно! — Он запнулся.— Что вы сказали?..

— Расписывать свои печали идет нам на пользу,— произнес я так торжественно, как только мог.— Это вопрос мироощущения.

Пришелец стукнул себя ладонью по лбу, и перья вокруг сомовьей пасти встали торчком и затрепетали.

— А вдруг это правда? — сказал он, объятый ужасом.— Если цивилизация столь примитивна, так погрязла в грехах и бесстыдстве...

— Как мы, например,— поддержал я.

— На нашей планете,— заявил пришелец,— нет ни тревог, ни печалей. Ну, во всяком случае, их не очень много. Мы в совершенстве приспособлены к жизни.

— Кроме таких, как Вильбур?

— Вильбур?..

— Ваш приятель, который в той комнате,— пояснил я.— Я не сумел выговорить его имя, так я назвал его Вильбуром. Между прочим...

Он провел рукой по лицу, и, что бы он там ни болтал, было ясно как день, что в тот момент его обуревали тревоги.

— Зовите меня Джейк. Зовите меня как вам заблагорассудится, лишь бы найти выход из этого дурацкого положения.

— Нет ничего проще,— ответил я.— Оставьте Вильбура здесь, только и всего. На самом-то деле вы им вовсе не дорожите, не так ли?

— Им? Дорожим? — взвыл Джейк.— От него и ему подобных одни неприятности. Но мы их породили — нам за них и отвечать. Мы не вправе взваливать эту ношу на ваши плечи.

— Стало быть, есть и другие такие же, как Вильбур?

Джейк печально кивнул.

— А мы заберем их всех,— решил я.— И будем их очень любить. Всех до единого.

— Вы с ума сошли!

— Конечно,— подтвердил я.— Потому-то они нам и нужны.

— Вы в этом уверены? У вас нет и тени сомнения?

— Совершенно уверен.

— Приятель,— заявил Джейк,— тогда по рукам!..

Я протянул руку, чтоб он пожал ее, но он моей руки, кажется, не заметил. Он поднялся со стула, и видели бы вы, какое безмерное облегчение отразилось на его лице. Потом он повернулся и горделиво зашагал из кухни прочь.

— Эй, погодите минутку! — завопил я.— Ведь надо бы еще утрясти кое-какие детали...

Но, мне кажется, он меня уже не слышал.

Я бросился в комнату, однако Джейком там и не пахло. Я — в спальню, но обоих роботов тоже след простыл. Вильбур и Лестер пребывали в блаженном одиночестве.

— Говорил я вам,— обратился Лестер к Вильбуру,— что мистер Сэм все уладит...

— Глазам своим не верю,— отозвался Вильбур.— Неужели они в самом деле ушли? Ушли навсегда? И ни при каких обстоятельствах не явятся обратно?

Я вытер лоб рукавом.

— Больше они вас не потревожат. Наконец-то вы от них избавились.

— Прекрасно! — воскликнул Вильбур.— Ну а как насчет той сделки?

— Сейчас,— ответил я.— Минуточку. Только выйду и повидаюсь с тем человеком.

Я выбрался на крылечко и постоял там чуток, чтоб унять дрожь в коленках. Джейк со своими двумя роботами чуть было не погубил все на свете. Хотелось выпить как никогда в жизни, но я не смел замешкаться. Я должен был взять доктора за жабры, пока не стряслось еще чего-нибудь.

Я приблизился к машине.

— Сколько можно ждать? — раздраженно произнес док.

— Пришлось уламывать Вильбура, чтоб он согласился,— ответил я.

— Но он согласился?

— Да, согласился.

— А тогда,— спросил док,— чего же мы ждем?

— Десять тысяч долларов,— сказал я.

— Десять тысяч?..

— Такая у Вильбура цена. Я продаю вам своего пришельца.

— Твоего пришельца? Вовсе он не твой!

— Может, и не мой,— ответил я,— да велика ли разница! Скажу ему словечко, и никуда он с вами не пойдет.

— Две тысячи,— провозгласил док.— Ни центом больше.

Поторговавшись, мы сошлись на семи тысячах долларов. Если бы я захотел убить на это всю ночь, то выколотил бы восемь с половиной. Но я был выжат до изнеможения, и стопка мне нужна была куда больше, чем лишних полторы тысячи. Так что мы сговорились на семи.

Мы вернулись в дом, и док выписал чек.

— Ты, конечно, сам понимаешь, что уволен,— сказал док, вручая его мне.

— Об этом я как-то еще не думал,— ответил я. И ответил честно. В руке я держал чек на семь тысяч долларов, а в кармане топорщилась пачка стодолларовых купюр, и сколько же выпивки можно накупить на такие деньги!

Я вызвал из спальни Вильбура с Лестером и сказал:

— Старина док соглашается взять вас.

И Вильбур ответил:

— Я так счастлив, так благодарен. Надеюсь, уговорить его оказалось не слишком сложно?

— Да, пожалуй, нет. Он не запросил лишнего.

— Эй,— окликнул нас док с кровожадным блеском в глазах,— что тут происходит?

— Ничего особенного,— заверил я.

— Мне померещилось...

— Вот ваш пришелец,— перебил я.— Забирайте его, если хотите. А если вдруг передумали, я буду рад оставить его себе. Найдутся и другие охотники...

И я протянул ему чек обратно. Рискованная была штука, но, по-моему, настала самая пора сблефовать.

Доктор отстранил чек — он по-прежнему подозревал, что его провели, только не мог сообразить, на чем. Но и упустить Вильбура он не хотел ни при каких обстоятельствах. Я видел, что он уже все взвесил и намерен, держа инопланетянина в неволе, сделаться с его помощью мировой знаменитостью.

Правда, была тут одна тонкость, о которой он понятия не имел. Он и не догадывался, что пройдет немного времени, и на Земле появятся другие Вильбуры. И я хохотал от души — про себя, конечно,— пока док бережно выводил Вильбура и Лестера за дверь.

Прежде чем перешагнуть порог, он обернулся ко мне.

— Что-то тут нечисто,— сказал он,— дай мне только докопаться, в чем дело, я вернусь и спущу с тебя шкуру.

Я не ответил ни слова, просто стоял и слушал, как они втроем хрупают по гравию на дорожке. Когда я услышал, что машина отъехала, я отправился на кухню и достал бутылку.

Я хлопнул полдюжины стопок одну за другой. Потом опустился на стул у кухонного стола и попытался взять себя в руки. С этой целью я высосал еще полдюжины стопок, но с расстановкой.

Потом я принялся размышлять обо всех прочих Вильбурах, которых Джейк согласился прислать на Землю, и пожалел, что не сумел его хоть слегка подоить. Но я просто-напросто не успел: он вскочил и исчез в тот самый миг, когда я вознамерился приступить к делу.

Оставалось только надеяться, что он передаст их мне — или перед крыльцом, или на дорожке,— но ведь он ничего подобного не обещал. Какой мне интерес, если он возьмет да и бросит их где попало!

Я недоумевал, когда же он их пришлет и сколько их в конечном счете окажется. Какое-то время ему, понятно, потребуется: ведь прежде чем отправить их на Землю, надо пройти с ними курс обучения,— а вот что касается их числа, тут я терялся в догадках. Из речи Джейка вроде бы следовало, что их наберется десятка два, если не больше. С таким-то отрядом нетрудно будет зашибить огромные деньги, если, конечно, взяться за это с головой.

Впрочем, коль на то пошло, у меня и так поднакопилась кругленькая сумма.

Я выудил из кармана пачку стодолларовых купюр и попробовал пересчитать их поточнее, но, режьте меня на части, не мог удержать цифры в памяти. Я был пьян — и даже не в субботу, а в воскресенье. Я остался без работы, зато теперь смогу надираться в любой день, когда захочу.

Так я и сидел, прикладываясь к бутылке, пока не отключился.

Проснулся я от чудовищного грохота и не сразу понял, где я. Спустя какое-то время до меня дошло, что я заснул за кухонным столом: шею совсем свело, а уж похмелье было — страшнее не придумаешь.

Я с грехом пополам поднялся на ноги и посмотрел на часы. Десять минут десятого.

А грохот все продолжался.

Я перебрался из кухни в комнату, потом открыл входную дверь. Вдова Фрай чуть не растянулась на полу — так яростно она колотила по филенке.

— Сэмюэль,— задыхаясь, произнесла она,— ты слышал?

— Ничего я не слышал,— ответил я ей,— пока вы не начали барабанить в дверь.

— Да нет, по радио!

— Вы же знаете, черт вас возьми, что у меня нет ни радио, ни телефона, ни телевизора. У меня нет времени на всякую новомодную ерунду...

— Про пришельцев,— сказала она.— Про таких же точно, как твой. Про славных, добрых, участливых пришельцев. Они повсюду. Повсюду на всей Земле. Их множество, куда ни глянь. Тысячи, а может, миллионы...

Я кинулся мимо нее к двери.

Пришельцы сидели на каждом крылечке вниз и вверх по улице, ходили взад-вперед по мостовой, а на пустыре неподалеку собрались гурьбой и затеяли игру, гоняясь взапуски друг за другом.

— И так теперь везде! — надрывалась вдова Фрай.— По радио так прямо и сказали. Их теперь хватит, чтобы каждый на Земле завел себе своего собственного пришельца. Ну не чудо ли это?

«Грязный мошенник Джейк»,— выругался я про себя. А говорил-то, словно их совсем-совсем немного. Распинался: мол,

цивилизация у них такая культурная и совершенная, что и психов почти не осталось...

Хотя, говоря по чести, он ведь цифр не называл. И может, все, кого он вышвырнул на Землю,— лишь горстка по сравнению с численностью их цивилизации, если взять ее целиком.

И тут я внезапно вспомнил еще кое о чем. Я выхватил из кармана часы и поглядел на них снова. Было только четверть десятого.

— Миссис Фрай,— бросил я,— извините меня. У меня срочное поручение, я должен бежать...

И почесал вниз по улице быстро, как только мог. Один из Вильбуров отделился от группы и припустил рядом со мной.

— Мистер,— спросил он,— нет ли у вас печалей, которые вы хотели бы мне поведать?

— Нет,— отмахнулся я.— Нет у меня никаких печалей.

— Ну хотя бы забот?

— Забот тоже нет.

Тогда-то мне и пришло в голову, что забота есть, да еще какая — и не для меня одного, для всей планеты.

Потому что с помощью всех Вильбуров, которых Джейк сослал на Землю, у нас вскоре не останется ни единого собственного психа. Не останется никого, кто будет чем-то опечален или озабочен. Ну и скукотища же наступит, не приведи бог!

И все равно мне было не до того.

Я мчался по улице с предельной скоростью, с какой только меня несли ноги.

Я должен был попасть в банк раньше, чем док успеет приостановить платеж по чеку на семь тысяч долларов.

БЕСКОНЕЧНЫЕ МИРЫ 5
Перевод с английского И. Васильевой

УПАСТЬ ЗАМЕРТВО 73
Перевод с английского В. Романова

ДОСТОЙНЫЙ ПРОТИВНИК 106
Перевод с английского О. Битова

СИЛА ВООБРАЖЕНИЯ 122
Перевод с английского О. Битова

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ФОНД ПРИЗРЕНИЯ 174
Перевод с английского О. Битова

КУШ 204
Перевод с английского Д. Жукова

ОПЕРАЦИЯ «ВОНЮЧКА» 244
Перевод с английского Н. Евдокимовой

ОТЕЦ-ОСНОВАТЕЛЬ 277
Перевод с английского Л. Жданова

ПРЕЛЕСТЬ 288
Перевод с английского Д. Жукова

МИР «ТЕНЕЙ» 329
Перевод с английского К. Кузнецова

МЕСТО СМЕРТИ 368
Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой

ТОЧНАЯ КОПИЯ 374
Перевод с английского В. Гольдича, И. Оганесовой

МИР, КОТОРОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ 419
Перевод с английского И. Можейко

КОЛЛЕКЦИОНЕР 457
Перевод с английского А. Корженевского

ВОСПИТЕЛЛЫ 501
Перевод с английского Е. Вансловой

ДЕНЕЖНОЕ ДЕРЕВО 527
Перевод с английского И. Можейко

НЕОБЪЯТНЫЙ ДВОР 561
Перевод с английского А. Ставиской

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ 613
Перевод с английского Т. Гинзбург

ТОРГОВЛЯ В РАССРОЧКУ 638
Перевод с английского И. Гуровой

БЕЗ СВОЕЙ ЖИЗНИ 689
Перевод с английского П. Кириллова

КОГДА В ДОМЕ ОДИНОКО 728
Перевод с английского С. Васильевой

ПОСЛЕДНИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН 749
Перевод с английского О. Битова

ПОВЕДАЙ МНЕ СВОИ ПЕЧАЛИ... 791
Перевод с английского О. Битова